

В. С. Соловьев

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., соб. домъ.

1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ВОСЬМИДЕСЯТИЛѢТИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО	I
II. ДѢТИ. Наброски къ роману.—Н. А. Крашенинникова. <i>Окончаніе</i>	1
III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—К. Бальмонта	43
IV. АННА ИВЛЕВА.—Лид. Ивановской	44
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Мунн	70
VI. НОВЕЛЛЫ.—Н. Гумилева	71
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Высоцкаго	79
VIII. КАКЪ ССОРИЛИСЬ И МИРИЛИСЬ СУПРУГИ ИВИНЫ.—Ф. Наполеона	80
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ф. Благова	105
X. ЗЛЫЕ. Новеллы Генрика Маза.—Пер. съ фран. Ал. Чеботаревской	106
XI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. Соловьевой	152
XII. LA MOUSNE. Романъ на смертножъ одрѣ. (Изъ жизни Гейне). Алексея Лухдгорда.—Перев. со шведск. М. П. Благовѣщенской. <i>Продолженіе</i>	153
XIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Малахѣевой-Мировичъ	189
XIV. ОСНОВЫ РЕОРГАНИЗАЦІИ АРМІИ.—Н. Оберучева. <i>Окончаніе</i>	1
XV. КЪ ИСТОРИИ САМООБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ. (Опытъ разработки архива московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія 1894—1907 г.). А. Титова. <i>Окончаніе</i>	22
XVI. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИСЪ, КАКЪ ФАКТОРЪ СОЦІАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦІИ.—М. Н. Лемиева	40
XVII. ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННАГО ХОЗЯЙСТВА И БЮДЖЕТА ВЪ ТРЕТЬЕЙ ДУМѢ.—А. Шингарева	64
XVIII. КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЗЕМСТВѢ. (Нѣкоторые итоги и перспективы).—С. Лисенка	97
XIX. ЩУКИНСКАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. (Очеркъ изъ исторіи новѣйшей живописи).—П. Муратова	116
XX. ИЗЪ ИСТОРИИ РОССІЙСКАГО НЕВѢЖЕСТВА.—А. С. Изгоева	139
XXI. 1907—8 ГОДЪ ВЪ РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—Г. П.—а	162
XXII. МЛАДО-ТУРЕЦКОЕ ДВИЖЕНІЕ И ВОЗНИКНОВЕНІЕ КОНСТИТУЦІИ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.—Атрпета	178
XXIII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА	190
XXIV. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Анда	203
XXV. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ	216
XXVI. ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.—Петра Струве	218
XXVII. БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Соціологія.—Публицистика.—II. Списки книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1908 г.	167
XXVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о“.

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Изданія, находящіяся на складѣ Т-ва.

Декамеронъ. Джованни Боккаччо. Полный перев. акад. проф. А. Н. Веселовскаго, съ предисловіемъ ко второму исправленному изданію. Съ роскошными иллюстраціями. Изд. 2-е. Два тома. Ц. 10 р., „Русское изданіе Декамерона представляетъ драгоценный вкладъ въ нашу литературу. При маломъ знакомствѣ съ итальянскимъ языкомъ въ большой публикѣ русскій переводъ новеллъ Боккаччо, сдѣланный такимъ знатокомъ итальянской литературы, какъ проф. А. Н. Веселовскій, при содѣйствіи такого выдающагося поэтического переводчика, какъ Вейнбергъ, долженъ восполнить весьма существенный пробѣлъ въ нашей переводной литературѣ. Въмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изданіями изданіе Боккаччо будетъ имѣть благотворное вліяніе на историко-литературное развитіе русскаго интеллигентнаго общества“. („Сѣв. Вѣстн.“ за 1892 г., № 3.)

Чудесное въ наукѣ (популярная физика) Эмиль, Дебо. Содержаніе: Кн. I. Фонографъ.—Телефонъ.—Телефонография.—Телефотъ. Кн. II. Электрическая энергія. Кн. III. Свѣтовая энергія.—Физическіе опыты безъ аппаратовъ. 516 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ этой книгѣ подробно и обстоятельно изложены всѣ обычные отдѣлы физики, а именно: звукъ, свѣтъ, теплота, электричество и магнетизмъ. Въ ней сообщаются не только теоретическія свѣдѣнія объ этихъ силахъ природы, но и разнообразное приложеніе ихъ въ обыденной жизни. Простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне научное, изложеніе предмета пояснено множествомъ (болѣе 500) рисунковъ.

Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо, юрисконскаго шорника, разсказанныя имъ самимъ. Де-Фо, Даниэль. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго, одобренный Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ портретомъ автора и 100 прекрасными иллюстраціями въ текстѣ. Клише исполнены въ Лондонѣ. Цѣна за 2 тома 4 р., перес. по разстоянію за 3 фута. Въ роскош. перепл. цѣна 5 р. Классическое сочиненіе Даниэля Де-Фо переведено на всѣ языки. Оно имѣетъ громадное воспитательное значеніе. Ж.-Ж. Руссо сказалъ объ этой книгѣ: „это будетъ первая книга которую прочтеть мой Эмиль; она долго будетъ составлять всю его библиотечку и навсегда займетъ видное въ ней мѣсто“. Книга незамѣнима для подарка дѣтямъ.

Народы Европейской Россіи. Наброски перомъ и карандашомъ. Рисунки Л. Л. Бѣлякина. Текстъ подъ редакціей проф. П. Ю. Зюграфа. Все изданіе заключается въ трехъ выпускахъ большого формата, съ 6-ю таблицами рисунковъ въ каждомъ, задача которыхъ дать наглядное и вѣрное представленіе о наружномъ видѣ народностей, населяющихъ Россію, ихъ одежду, жилищъ и пр. Выпускъ I обнимаетъ: Сѣверный край, Финляндію, Прибалтійскія губерніи, Сѣверозападный край и долину средняго теченія рѣки Вислы. Ц. 60 к. Одобренъ Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщ. для ученическихъ библиотекъ высшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ II. Черноморное пространство. Низменное пространство. Степь и Бессарабія, Таврической полуостровъ и губерніи: С.-Петербургская, Новгородская и Псковская. Ц. 60 к. Выпускъ III. Верховье Волги, по Окѣ и ея притокамъ, Великороссы, средина Волги, Астраханская, Пермская и Вятская губерніи. Мещерыки, Башкиры и Уральскіе казаки. Ц. 60 к. Всѣ три выпуска включены въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

Вѣчный городъ. (Итоги пережитаго.) П. Д. Боборыкина. Ц. 1 р.

Богачи. Я. Брайцева. Повѣсть изъ бѣлорусской простонародной жизни. Ц. 50 к.

Дѣтъ матери. Бреть-Гарта. Повѣсть. Ц. 75 к.

Китаецъ Си-Юбъ. Его же. Разсказъ. Ц. 30 к.

Уголовные разсказы и повѣсти. А. М. Буткова. Ц. 1 р.

Память 200-лѣтія печати. С. Васюкова. „Скорпионъ“. (Дѣятели мелкой прессы.) Ц. 30 к.

„Литераторъ“. В. В. Верещагина, художника. Повѣсть. Ц. 1 р.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Его же. Воспоминанія. Изд. 2-е, съ рисунками автора. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Дѣтство и отрочество. Его же. Т. I. Деревня. Корпусъ. Рисов. школа. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ не замѣчательныхъ русскихъ людей. Его же. Ц. 1 р.

На Сѣверной Двинѣ по деревяннымъ церквамъ. Его же. Ц. 1 р.

Наполеонъ I въ Россіи 1812 г. Его же. Пожаръ Москвы.—Казачи.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ. Ц. 1 р. 25 к.

Листки изъ записной книжки. Его же. Ц. 1 р.

Въ Севастополѣ. Его же. Разсказъ. Ц. 40 к.

Духоборцы и холопане въ Закавказьѣ. Его же.—Шиты въ Карабахѣ.—Батчи и опіумфоды въ Средней Азій.—Оберъ-Амергау въ горахъ Баваріи. Разсказы, съ рисунками автора. Ц. 60 к.

Фаустъ. Гёте. Трагедія. Перев. Н. Голованова. Удешевленное изданіе. Часть I, съ 20 рисунк. Люденъ-Майера и др. Изд. 4-е. Ц. 25 к. Часть II, съ 24 рисунками нѣмецк. худож. Изд. 2-е. Ц. 40 к. 1-я часть М. Н. Пр. допущена въ бібліотеки старш. клас. средн. учебн. заведеній.

Юліанъ-отступникъ. Н. Н. Голованова. Героическо-романтическая фантазія на историческую тему. Ц. 60 к.

Искариотъ. Его же. Драма. Ц. 1 р.

Божественная комедія. Алигьери Данте. Переводъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника (терцинами) Н. Голованова. Съ рисунками Густава Доре, портретомъ Данте, многочисленными объяснительными примѣчаніями и приложеніемъ статей о Данте проф. Ѳ. И. Буслаява, Карлейля и др. Текстъ перевода „Ада“ и первыхъ девяти пѣсней „Чистилища“ просмотрѣнъ проф. Ѳ. И. Буслаявымъ. Часть 1-я—„Ада“. Изд. 2-е. Ц. 2 р. (Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. бібліотеки среднихъ учебныхъ завед. и бесплатн. народн. читальни). Часть 2-я—„Чистилище“. Ц. 1 р. 50 к. Часть 3-я—„Рай“. Ц. 1 р. 50 к. Всѣ три части въ одномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисненіемъ—ц. 6 р.

Всеобщее равенство. (Новая утопія.) К. Джер. Джерома. Ц. 50 к.

Великолѣпный князь Тавриды. Д. С. Дмитриева. Ц. 1 р.

Стихотворенія С. Д. Дрожжина (1866—1888 г.). Новое 3-е исправленное и дополненное изд. Большой томъ 533 стр. съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к. Учен. Ком. М. Н. Пр. 3-е изданіе допущено въ ученичскія бібліотеки низшихъ учебн. заведеній и включено въ списокъ сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи бесплатн. народныхъ читальнъ и бібліотекъ.

Въ дѣбряхъ Крыма. С. А. Качіони. Повѣсти и разсказы. Содержаніе. Отъ издателя.—Судъ моря.—Курдехъ.—Паспортъ съ особой примѣтой.—На заоблачныхъ пастбищахъ.—Свадебный подарокъ.—Подруга звѣздъ. Большой изящно изданный томъ въ 609 стр. Ц. 2 р.

Новая женщина. М. Корсали. Повѣсть (съ англійск.). Ц. 1 р.

Угасающая Башкирія. Н. Крашенинникова. Разсказы изъ жизни Башкиріи. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.

Восемь лѣтъ. Его же. Воспоминанія о гимназій. Ц. 50 к.

Проблески утра. (Царство зарі.) Его же. Драматическая поэма въ 3-хъ картинахъ. Ц. 50 к.

Книга о симболетахъ. В. С. Лилин. Прогрессъ.—Свобода.—Народъ.—Общественное мнѣніе.—Народное образованіе.—Права женщинъ. Изд. 2-е. Цѣна въ папкѣ 2 р.

Новое слово. Товарищескіе сборники. Книга I. Содержаніе: И. Бунинъ—Стихи и разсказъ „Цифры“. Скиталецъ—„Манифестъ“. А. Ѳedorовъ—Стихи и очеркъ „Аворскіе острова“. Н. Крашенинниковъ—„Восемь лѣтъ“. Е. Чириковъ—„Соломонъ и Розалия“. Н. Тимковскій—„Мечты“. С. Юшкевичъ—„Панорама“. С. Найденовъ—„Дѣти Ванюшина. (Неизданный IV актъ.) М. Чеховъ—„Объ А. П. Чеховѣ“. С. Глаголь—„И. И. Левитанъ“ (съ неизданными иллюстраціями). Изд. 2-е. Ц. 1 р. Книга II. Содержаніе: А. Чеховъ—„Письма изъ Сибири“. И. Бунинъ—Стихи. Н. Телешовъ—„Цвѣтокъ папоротника“. С. Кречетовъ—Стихи. Н. Гаринъ—„Встрѣча“. В. Стражевъ—Стихи. П. Ницусъ—„Госпожа Милованова“. А. Ѳedorовъ—Стихи. Н. Крашенинниковъ—„Проблески утра“. Ю. Айхенвальдъ—„Левъ Тодстой“. Ц. 1 р.

Царскій Сокольникъ. Н. М. Павлова. Историческая повѣсть изъ временъ Алексѣя Михайловича. Ц. 1 р.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Изъ жизни и фантазій. М. Снавроноской. (Романъ. Повѣсть. Разказы.)
Ц. 1 р. 50 к.

Разказы изъ далекаго прошлаго. П. П. Суворова. Ц. 1 р.

Записки о прошломъ. Его же. Ц. 1 р.

Полное собраніе сочиненій. А. С. Хомякова. въ 8 томахъ. Томъ I. Изд. 3-е, дополненное. Съ портретомъ А. С. Хомякова. Ц. 2 р. Томъ II. Сочиненія богословскія, съ предисловіемъ Ю. Самарина. Изд. 5-е, съ портретомъ. Цѣна 2 руб. Томъ III. Разныя замѣтки, небольш. статьи и рѣчи. Съ приложеніемъ 2 чертежей на отдѣльн. листахъ. Ц. 1 р. Томъ IV. Трагедіи и стихотворенія. Съ портретомъ и съ изображеніемъ Ермака. Ц. 1 р. Томъ V. Записки о всемірной исторіи, часть 1-я. Изд. 4-е. Съ портретомъ. Ц. 2 р. Томъ VI. Записки о всемірной исторіи, часть 2-я. Изд. 3-е. Ц. 2 руб. Томъ VII. Записки о всемірной исторіи, часть 3-я. Издан. 3-е. Ц. 2 р. Томъ VIII. Письма. Ц. 2 р.

Иллюстрированное собраніе сочиненій съ рисунками нѣмецк. художниковъ и комментаріями по Шерру, Карьеру и др. Ф. Шиллера. Перев. Н. Голованова и др. Два большихъ тома. Цѣна за оба тома 7 р., въ коленкоровомъ перепл. 8 р.

Четыре войны. П. Алабина. Походн. записки въ 1849, 53, 54—56, 1877—78 годахъ, ч. I. Венгерская война 1849 г. Ц. 2 руб. Тоже, ч. II. Восточная война. 1753—54 гг. Ц. 3 р. Тоже, ч. III. Защита Севастополя 1854—56 гг. Ц. 4 р.

Очерки изъ жизни Шамшля. П. Алферьева. Ц. 30 к.

„Итоги“. (1862—1907 гг.) Сборникъ Г. К. Градовскаго. Историко-политическіе очерки и статьи.—Къ исторіи печати.—Воспоминанія.—Избранные фельетоны. Цѣна 2 р. 50 коп.

Русскіе писатели послѣ Гоголевскаго періода въ біографіяхъ, образцахъ и характеристикахъ. А. Н. Сальникова. Съ портретами въ текстѣ и спискомъ темъ для ученическихъ сочиненій и классныхъ бесѣдъ. Курсъ VIII класса гимназій и реальныхъ училищъ. Ц. 2 р. 50 к.

Учебникъ психологіи. Г. Челпанова, проф. Для гимназій и самообразованія. Съ 26 рисунк. въ текстѣ. Изд. 7-е. Допущенъ Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ качествѣ руководства для среднихъ учебн. заведеній. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. удостоенъ Большой преміи императора Петра Великаго. Ц. 1 р.

Учебникъ логики. Его же. (Для гимназій и самообразованія.) Съ 31 рис. въ текстѣ. Изд. 4-е. (Допущенъ Учен. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для средн. учебн. заведеній.) Ц. 1 р.

Путеводитель по Крыму. А. Безчиневаго. Изд. 6-е, исправленное и дополненное. 108 рисунковъ, портретовъ, плановъ и картъ. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Н О В О С Т И.

Исторія православной христіанской церкви. Василія епископа македонскаго. Ц. 80 к.

Краткій курсъ физиологіи человека. М. А. Чувскаго, проф. Изд. 5-е, съ 70 рисун. въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

Пьесы. Т. I. М. И. Тимковскаго. „Тьма“. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. „Дѣло жизни“. Сцена въ 5-ти дѣйствіяхъ. „Сильные и слабые“. Пьеса въ 4-хъ актахъ. 2-е. Цѣна 1 р. 40 к.

Новый, только что отпечатанный, полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается бесплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ СБОРНИКИ,
СОСТАВЛЕННЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФИИ:

А. Круберовъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

„**Азія**“.—2-е исправл. и дополн. изданіе, 548 стр. съ 7 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣльн. листахъ. М. 1904 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к. Въ 1-мъ изданіи Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн. муж. и жен., реальн. уч., учител. инст. и семин.—Во 2-мъ изданіи Учебн. Ком. М. Ф. **одобренъ** для ученич. и фундаментальн. библ. коммерч. учебн. зав.

„**Америка**“.—2-е исправл. и дополн. изданіе, 640 стр., съ 59 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣльн. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р. 25 к., въ изящномъ перепл. 2 р. 85 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **одобренъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. муж. и жен. гимн., реальн. уч., въ библ. учит. инст. и семин. и въ безпл. народн. читал.—Уч. Ком. М. Ф. **одобренъ** въ учен. библ. коммерч. уч. зав.—Уч. Ком. М-ва Земл. **одобренъ** для учен. библ. подв. М-ву учебн. зав.

„**Европа**“.—2-е исправл. и дополн. изданіе, 775 стр., съ 82 иллюстр. въ текстѣ и 23 на отд. лист. М. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к., въ изящ. пер. 3 р. 35 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. чит.—Уч. Ком. М. Ф. **допущенъ** какъ **пособіе** для клас. и дом. чит. въ ком. уч. зав.—Уч. К. М. Земл. **одобренъ** для учен. библ. подв. М-ву учебн. зав.

„**Африка**“.—2-е исправл. и дополн. изданіе, 536 стр., съ 54 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. чит.—Уч. Ком. М. Ф. **рекомендованъ** какъ сборникъ, полезный для чтенія.

„**Австралія и Полярныя страны**“.—469 стр., съ 46 иллюстр. въ текстѣ и 14 на отд. лист. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. 1907 г. Ц. 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 80 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. читал.—Уч. Ком. М. Ф. **допущенъ** въ ученич. библ. коммерч. учебн. завед.

„**Азіатская Россія**“.—2-е исправл. изданіе, 584 стр., съ 84 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣльн. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р., въ изящ. перепл. 2 р. 60 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библиот. средн. учебн. зав., муж. и жен. (для старш. и средн. возр.), въ гор. учили., въ библ. учит. сем. и инст. и въ безпл. нар. чит. и библ.—Учен. Ком. М. Ф. **одобренъ** для приобр. въ учен. библ. уч. зав. вѣд. М. Ф.

„**Европейская Россія**“.—2-е исправлен. и дополнен. изданіе, 621 стр. съ 76 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лис. М. 1906 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.—Учен. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученич. библиот. **всѣхъ учебн. завед.**, а равно и городскихъ по Положенію 31 мая 1872 г. училищ.—Учебн. Ком. Мин. Ф. **одобренъ** для ученич. и фундаментал. библиот. коммерч. учебн. заведеній.

Учебники географіи тѣхъ же авторовъ:

Начальный курсъ географіи. 4-е изданіе. 10 цвѣтныхъ картъ и 150 диаграммъ и иллюстрацій въ текстѣ. Ц. 75 к., въ колесик. пер. 90 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ *качество руководства* для средн. учебн. завед.—Учен. Ком. при Святѣйш. Синодѣ **допущенъ** въ ученич. библ. мужск. и женск. духовн. училищ.—Учен. Комит. М. З. и Г. И. **допущенъ** въ *качество учебн. пособія* въ подвѣдомств. М-ву учебн. завед.

Курсъ географіи внѣвропейскихъ странъ (Азія, Африка, Америка, Австралія). 2-ое изд. 35 цвѣтныхъ картъ и 200 иллюстрацій и диаграммъ въ текстѣ. Ц. 85 к., въ колесик. пер. 1 руб.—Учен. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ *качество руководства* для средн. учебн. завед. (Журн. М. Н. П. 1906 г., февраль).

О. Шмейль.—Очерки изъ жизни растений. Перев. съ нѣмец. С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 520 стр. со многими рисунками въ текстѣ и 38 *цвѣтными таблицами*. М. 1903 г. Ц. 3 р. 75 к., въ изящн. перепл. 4 р. 50 к. Учен. Ком. М. Н. Пр. **допущена** въ учен. библ. *всѣхъ* средн. учебн. зав., а также для выд. въ видѣ награды учащим. въ сихъ завед., равно какъ и въ безпл. народн. читал. и библ.—Уч. Ком. М. Ф. **одобрена**, а Уч. Ком. М. Земл. и Гос. Им. **рекомендована** въ *качество учебного пособія* и для выдачи въ нагр. учаш. въ учеб. зав. этихъ М-въ.

Н. Тарасовъ и С. Моравскій.—Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 картинками на отдѣльн. листахъ. М. 1903 г. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. пер. 1 р. 75 к.—Учен. Ком. М. Н. Пр. **допущена** въ учен. библ. средн. учебн. зав. и для раздачі учащимся въ сихъ завед. въ награду, а также въ безпл. народн. читал. и библ.—Глава Упр. Воен.-Учебн. Зав. **рекомендована** въ роти. библ. стар. клас. кадет. корп.—Уч. Ком. М. Ф. **допущена** въ учен., средн. и старш. возр., библ. учебн. завед. вѣдомства Мин. Ф. и для выдачи въ *качество награды* учащ. въ сихъ учебн. заведен.

Р. Киплингъ.—Смѣльные мореплаватели. Повесть, *полный* пер. съ англ. А. Каррикъ. Съ 38 иллюстр. М. 1903 г.—Цѣна 1 р. 25 к., въ изящ. пер. 1 р. 50 к.—Учен. Ком. М. Н. Пр. **допущена** въ учен., средн. и стар. возр., библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. народ. читал. и библ.—Уч. Ком. М. Ф. **допущена** въ учен., сред. и стар. возр., библ. учебн. завед. вѣдомства М. Ф.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИГА VIII

МОСКВА.

1908.

△
P Slav 605.10
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD GARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ВОСЬМИДЕСЯТИЛѢТІЕ Л. Н. ТОЛСТОГО	I
II. ДѢТИ. Наброски къ роману.—Н. А. Крашенинникова. <i>Окончаніе</i>	1
III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—К. Бальмонта	43
IV. АННА ИВЛЕВА.—Лид. Ивановской	44
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Муни	70
VI. НОВЕЛЛЫ.—Н. Гумилева	71
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Высоцнаго	79
VIII. БАБЪ ССОРИЛИСЬ И МИРИЛИСЬ СУПРУГИ ИВИНЫ.—Ф. Капелюша	80
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ф. Благова	105
X. ЭЛЫЕ. Новеллы Генриха Мана.—Перев. съ французскаго Ал. Чеботаревской	106
XI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. Соловьевой	152
XII. LA MOUSNE. Романъ на смертномъ одрѣ. (Изъ жизни Гейне). Акселя Лундегорда.—Перев. со шведск. М. П. Благовѣщенской. <i>Продолженіе</i>	153
XIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Малахѣевой-Мировичъ	189
XIV. ОСНОВЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ АРМІИ.—К. Оберучева. <i>Окончаніе</i>	1

XV. БЪ ИСТОРИИ САМООБРАЗОВАНИЯ ВЪ РОССИИ. (Опытъ разработки архива московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія 1894—1907 гг.). А. Титова. <i>Окончаніе</i>	22
XVI. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИСЪ, КАКЪ ФАКТОРЪ СОЦІАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦІИ.—М. Н. Ложнева	40
XVII. ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА И БЮДЖЕТА ВЪ ТРЕТЬЕЙ ДУМЪ.—А. Шлягарева	64
XVIII. КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЗЕМСТВЪ. (Нѣкоторые итоги и перспективы).—С. Лисенко	97
XIX. ЩУБИНСКАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. (Очеркъ изъ исторіи новѣйшей живописи).—П. Муратова	116
✓ XX. ИЗЪ ИСТОРИИ РОССИЙСКАГО НЕВЪЖЕСТВА.—А. С. Изгоева	139
XXI. 1907—8 ГОДЪ ВЪ РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—Г. П—а	162
XXII. МЛАДО-ТУРЕЦКОЕ ДВИЖЕНІЕ И ВОЗНИКНОВЕНІЕ КОНСТИТУЦИИ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.—Атрлета	178
XXIII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА	190
XXIV. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда	203
XXV. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ	216
✓ XXVI. ЛЕВЪ ТОЛСТОИ.—Петра Струве	218
XXVII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Соціологія.—Публицистика.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1908 г.	167
XXVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, приѣма и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) открыта только по средамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

28 августа весь образованный миръ совершитъ духовное паломничество въ Ясную Поляну. Чувство и мысль Россіи будутъ въ этотъ день всецѣло отданы ея первому человѣку, ея славы и гордости, ея оправданію передъ человѣчествомъ. Но такъ онъ могучъ, великій старикъ, такъ выдѣляется онъ надъ остальными людьми сказочной огромностью своего генія, силой своего титаническаго духа, что малы для него всѣ обычные формы чествованія, неприложимы къ нему и ненужны ему наши восхваленія и восторги. Не его, а себя должны мы поздравить, съ тѣмъ, что мы—его современники, что онъ живетъ вмѣстѣ съ нами и около насъ, въ этой усадьбѣ, черезъ которую проходитъ теперь главный нравственный меридіанъ земного шара. Это—нашъ праздникъ, а не его. Пройдутъ годы, и Толстой станетъ легендой, и пока будетъ существовать миръ, не умолкнетъ рассказъ о томъ, что былъ на землѣ такой богатырь; отъ поколѣнія къ поколѣнію, вмѣстѣ съ его книгами, станетъ переходить изъ устъ въ уста толстовская легенда,—а мы, счастливые, мы его видѣли, мы его слышали, для насъ онъ живое человѣческое существо, и трагедію нашей теперешней жизни, великую муку Россіи солнечнымъ лучомъ прорѣзаетъ эта высокая радость—быть свидѣтелями его восьмидесятилѣтія. И мы должны лишь пожелать—не столько ему, сколько себѣ, чтобы счастье его существованія еще долго сопутствовало намъ: такъ нужна, такъ дорога эта сѣдая голова, эти благословенныя уста, которыя, въ поученіе и отраду людей, не могли и не могутъ молчать, которыя столько вѣчнаго сказали и вдохнули бессмертную жизнь во все это человѣчество его художественныхъ твореній. И въ день его юбилея къ нему придутъ и станутъ вокругъ него, вокругъ его духовнаго престола, всѣ живыя созданія его пи-

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

сательскаго генія, и они тоже, какъ и мы, склонятся передъ нимъ и приникнуть къ его старой отцовской рукѣ, благодарныя за жизнь,—и, можетъ быть, *изъ* поздравленія онъ приметъ, растроганный, и будетъ радъ ихъ радости, и будетъ ему отраднo опять увидѣть и Пьера, и Каренину, и Наташу,—а они, его дѣти, слыша привѣты и восхищенія міра, скажутъ въ умиленіи и счастіи: «Не намъ, не намъ, а имени твоему»...

Д Ъ Т И *).

Наброски въ роману.

XVI.

Бъ отъѣзду въ Москву начали готовиться тотчасъ же по прибытїи Ленева съ Тасей изъ деревни. Ленева разсѣяннo укладывалъ вещи, какъ въ туманѣ отвѣчалъ на вопросы, и самъ все думалъ и думалъ.

— Ради Бога!—сказалъ онъ Тасѣ, улучивъ моментъ, когда никого подлѣ не было.

Сидѣвшая въ углу комнаты Тася быстро поднялась, сдѣлала шагъ къ двери, отвернулась.

— Я на васъ не сержусь, —прошептала она чуть слышно.— Мнѣ васъ жалко... и гадки вы мнѣ... Ахъ, гадки!

Лицо ея двинулось отъ презрѣнїя. Она вышла изъ комнаты.

Ленева и задохнулся, и зарыдалъ въ одно и то же время. Послышался шумъ. Онъ склонился надъ чемоданомъ. Прошли мимо.

«Все кончено!—проползло въ сознаниі.—Все кончено»...

Онъ вспомнилъ:

Была ночь, когда они ѣхали. И стояла она долго-долго. Наконецъ, тьма начала блѣднѣть, на востокѣ появилась неширокая полоска. Она казалась сѣрой и некрасивой, и только по прошествїи получаса стала развѣртываться и дѣлаться прозрачной. Разсвѣтъ медленно надвигался. Чудилось, утренней полосѣ было трудно бороться , охватившей весь горизонтъ тьмою. Утро крѣпло, а ночь подавалась, да такъ неохотно. Ленева посмотрѣлъ вверхъ. Все небо было отянуто молочной пеленой, какъ саваномъ, вѣтеръ, холодный и рѣзкій, бѣгалъ по землѣ, и все отъ него сторонилось. Все мерзло, и мѣзя было сказать слова: было страшно, и замерзали слова.

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1908 г.

кн. VIII, 1908 г.

Такъ ѣхали они молча весь день. Ѣхали вечеръ и ночь, и не сказали другъ другу ни слова. Все кончено.

Леневъ встаетъ, смотритъ вокругъ. Ничего не видно. Если-бъ было можно, онъ закричалъ бы на весь домъ, на весь городъ, на весь міръ.

Когда, наконецъ, все собрали къ отъѣзду въ Москву и поднялись, чтобы выйти изъ дому, Елизавета Николаевна вдругъ судорожно зарыдала. Всѣ бросились ее успокаивать.

— Боюсь я... — твердила она. — Тамъ что-то происходитъ, я чувствую! Что-то ужасное... Берегите Володю!

— Тася! — успѣлъ шепнуть Леневъ ей на прощанье. — Простите ли вы меня когда-нибудь?

Глаза Таси какъ-то особенно сверкнули. Что промелькнуло въ нихъ? Гнѣвъ, робость, смущеніе? Или что-то другое? — Леневъ не понималъ.

Пріѣхали на маленькій провинціальный вокзалъ. Въ залахъ было безлюдно и пусто. Нестерпимое уныніе наводило на душу безконечно длинные столы, крытые грязными скатертями, залпеснѣвшія, засиженные мухами бутылки съ прокисшимъ виномъ, штопанья салфетки, залитыя пятнами, высохшіе фрукты въ вазахъ, очевидно, положенные съ незапамятныхъ временъ, сонные, тщедушные официанты, которыхъ дѣло, видимо, не кормило.

Усѣлись за столъ молча. Леневъ посмотрѣлъ: гдѣ Тася? Она сидѣла отъ него далеко; кормилица съ ребенкомъ совсѣмъ ее заслоняли. Викторъ Ивановичъ началъ говорить что-то веселое, но тотчасъ же скисъ и потребовалъ вина. Никто не пилъ. Онъ покачалъ головой, принялся было самъ, руки его дрожали, глаза постоянно перебѣгали на малыша, щетинистые усы дергались.

Ждать пришлось долго. Елизавета Николаевна не сводила глазъ съ Ленева. Въ виду тревожныхъ слуховъ прощанье въ особенности ее волновало.

Пробилъ звонокъ. Носильщикъ пришелъ за вещами и неторопливо понесъ ихъ въ вагонъ. За нимъ потянулись всѣ. Усѣлись на диванѣ. Опять молчали. Ребенокъ заплакалъ. Всѣ точно обрадовались этому, окружили его, начали утѣшать. Пробилъ второй звонокъ. Стали прощаться. Викторъ Ивановичъ кашлялъ и невнятно напѣвалъ: «Я морякъ, красивъ собою»... Провожавшіе вышли на платформу, стали противъ окна и смотрѣли на отъѣзжающихъ. Хотя и оставалось всего двѣ минуты, но время тянулось часами. Наконецъ, поѣздъ тронулся, и вдругъ, — Леневъ схватилъ это на лету, — Тася улыбнулась. Леневъ чуть не вскрикнулъ, подался впередъ, выставился изъ

окна, смотрѣлъ... Тася глядѣла на него и улыбалась, и улыбка была непонятно-жалкая, жутко-загадочная, щемившая душу.

Свечерѣло. Зина попросила устроить ей постель. Ленева спохватился, сказалъ: «ахъ, да, да»... началъ развязывать тюки, и самъ думалъ.

Въ вагонѣ кромѣ нихъ никого не было. Когда Ленева устроилъ постель, Зина спокойно начала раздѣваться. Ленева нахмурился, подумалъ:

«Зачѣмъ это?... неудобно».

— Всегда могутъ войти пассажиры! — сказалъ онъ злымъ голосомъ.

Зина согласилась, начала одѣваться снова.

«Зачѣмъ теперь это»... — подумалъ Ленева.

Онъ вышелъ въ переднюю часть вагона и приникъ къ окну. Поѣздъ мѣрно и уныло стучалъ. Хотѣлось плакать и пѣть что-то тягучее, длинное, похоронное. Онъ смотрѣлъ на безоблачное, ясное, спокойное небо, на него смотрѣла луна.

«Что-то теперь Тася? — думалъ онъ. — Что мама?...»

Вѣроятно она плачетъ, около сидитъ Викторъ Ивановичъ и кукуется, а вотъ что дѣлаетъ Тася?!

Можетъ быть, она успокаиваетъ Елизавету Николаевну, а, можетъ быть, сидитъ у окна и смотритъ на этотъ блѣдный мѣсяцъ. Оба они смотрятъ на эту блѣдную луну и видятъ ее, а другъ друга не видятъ. Что-то не такъ... и не то... Голова путается.

Медленно онъ пошелъ въ вагонъ. Кормилица, что-то бормоча, укачивала ребенка. Зина спала. Лицо ея было ровно и безучастно.

— Я одинъ! — сказалъ Ленева и содрогнулся. — Я одинъ! — повторилъ онъ съ отчаяніемъ. — И не смѣю никому сказать объ этомъ. И она одна! — почти выкрикнулъ онъ съ неяснымъ, злобно-радостнымъ чувствомъ. — Одна! Одна! — Онъ началъ ходить по вагону и повторять: — Одна! Одна!

Заломило ноги. Онъ сѣлъ въ маленькое кресло. На него опять смотрѣла луна. Поѣздъ опять плакалъ, и быстро бѣжали по сторонамъ какіе-то грозные, неясные силуэты. Кто-то временами точно крикивалъ; вагонъ содрогался и бѣжалъ дальше. Тусклые огни емя отъ времени разрѣзали сумракъ. Поѣздъ замиралъ; гдѣ-то шуми, звенѣла мѣдь. Потомъ снова начиналось стучанье, опять бѣлъ поѣздъ, а за нимъ бѣжала луна и то опаздывала и скрывалась, вдругъ, точно обѣжавши болѣе короткимъ путемъ, показывалась реди и смѣялась.

— Все дальше... дальше!... — утомленно проговорилъ Ленева.

Онъ уронилъ на руки голову и въ это время чья-то громадная рука легла на него и сдвинула виски; онъ застоналъ. Луна вдругъ вспрыгнула въ окно, ударилась о полъ и разсыпалась вдребезги, въ мельчайшія огненные искры. Стало необъятно, свѣтло и тепло. Заиграло солнце. Запахло липами.

— Которая же изъ васъ красивѣе?—сказалъ Ленева.—Боторая красивѣе?

Тася подошла и близко склонилась къ его лицу. Она улыбнулась, и вдругъ ея лицо повела судорога.

— Ахъ!—вскрикнулъ Ленева, двинулся и проснулся.

Поѣздъ стучалъ и бѣжалъ, точно обгоняя кого-то. Опять вынырнула блѣдная луна... бѣлесоватая жуткія тучки понесли за нею. Тася опять подѣла къ Ленева.

— Знаешь ли, что Володя любитъ меня?—крикнула она и снова улыбнулась тою же страшной улыбкой.—Не знаешь? Нѣтъ? Такъ знай, что онъ умеръ!

Кто-то свистнулъ изо всей силы:

— У-меръ!!...

Ленева вскрикнулъ и проснулся опять.

Поѣздъ рванулся, стукнулъ и замеръ.

— Нѣтъ, не надо спать,—сказалъ Ленева,—буду ждать разсвѣта. Мнѣ страшно...

XVII.

По мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, дорожная обстановка рѣзко мѣнялась. Вагоны набились народомъ и люди были совсѣмъ другіе, чѣмъ тѣ, люди глуши, которые ходили на бульваръ съ тайнымъ вождедѣніемъ выиграть корову. Были все озабоченные и обезпокоенные; они говорили другъ съ другомъ сумрачно и таинственно. До слуха доносились необычныя, странныя слова. Ленева купилъ газету. Севозъ разныя недомолвки и эзоповъ языкъ читалось что-то большое. Подъ Рязанью это оттѣнилось ярче. Пассажиры начали говорить, что поѣздъ не дойдетъ до Москвы, потому что желѣзно-дорожное сообщеніе туда прекратилось.

До Москвы все-таки доѣхали. Остановились въ мебелированныхъ комнатахъ. Ленева въ тотъ же день отправился отыскивать Владимира и скоро нашелъ его: Владимира изъ тюрьмы уже выпустили. Онъ очень похудѣлъ; глаза его нервно бѣгали; и говорилъ необычно громко, и дергался, и часто блѣднѣлъ... Ленева предложилъ ему поселиться вмѣстѣ. Владимиръ отказался наотрѣзъ, объяснивши, что въ скоромъ

времени долженъ ѣхать въ Петербургъ. На вопросъ Ленева: зачѣмъ? онъ отвѣчалъ, что ему необходимо повидаться съ товарищами и только.

Къ Леневу съѣзжались его знакомые: писатели, художники, артисты, заходили и «просто слушатели». Ихъ настроеніе интересовало Ленева больше всего.

Было видно, что люди растерялись. И держались они и говорили далеко ужъ не такъ увѣренно и свободно, какъ прошлымъ лѣтомъ. Замѣчалось во всѣхъ что-то робкое, безпокойное и заискивающее.

— Хорошо вамъ, свободные художники!—говорилось часто.— А вотъ въ нашей шкурѣ побывать... это не легко.

И тутъ же, смущенно краснѣя, рассказывали какой-нибудь случай, вродѣ того, какъ кто-то заглянулъ въ ихъ карету и крикнулъ:

— Довольно вамъ въ каретахъ-то кататься!

Или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Масса «просто слушателей» устремлялась за границу. Дома имъ не жилось, потому что малѣйшій шумъ имъ казался зловѣщимъ; боялись зажигать много огней, надѣвать богатые шубы, кольца, кататься на своихъ лошадяхъ и въ то же время ходить пѣшкомъ. Всюду мерещились ужасы. Многие заболѣли настоящимъ нервнымъ разстройствомъ, многие пустились въ благотворительность, перемѣнились въ обращеніи съ прислугой и обнаружили интересъ къ литературѣ. Наконецъ, все-таки разъѣхались. По пущенному словцу, «всѣ порядочные люди оказались за границей».

Не мало ходило къ Леновымъ и знакомыхъ самой Зины. По большей части это были курсистки и студенты: очень многіе Леневу нравились; Ленева они считали своимъ и не чинились, и онъ изрѣдка заглядывалъ на ихъ собранія. Чаще всего молодежь собиралась въ квартирѣ студента Тарбашева. Съ нимъ Ленева былъ знакомъ хорошо, но на вечерахъ у него бывалъ мало. Зина же, напротивъ, не пропускала ни одного собранія.

Тарбашевъ происходилъ изъ купеческой среды. Отецъ его, извѣстный чаеоторговецъ, крутой ветхозавѣтный старикъ, староста при какомъ-то соборѣ и попечитель многихъ богадѣленъ, былъ съ нимъ въ ссорѣ съ самага поступленія сына въ университетъ, и давно ужъ лишился его наслѣдства, но у Тарбашева были свои деньги, оставленныя ему теткой, и онъ могъ жить вполне независимо.

Очень высокій, полный, съ круглой, гладко стриженной головой, чья которой уже начинало лысѣть, съ крошечными черными глазами, смотрѣвшими всегда исподлобья и точно угрюмо,—Тарбашевъ первый взглядъ производилъ впечатлѣніе раздражительнаго и оз-

любленного человѣка. Онъ и туто съ людьми сходилъ, и держался грубовато, и скупъ былъ на пустыя траты, такъ что вскорѣ отъ него отбились тѣ, которые думали было пристроиться подлѣ богатаго студента; остались лишь люди свои. И съ этими «своими» Тарбашевъ былъ необыкновенно близокъ.

Обладая громаднымъ капиталомъ, онъ занималъ небольшую квартиру въ старомъ деревянномъ домикѣ, и мебель въ квартирѣ была только самая необходимая: столы, стулья да кровать.

Человѣкъ онъ былъ серьезнаго и дѣльнаго ума; много читалъ, много поѣздилъ за границей; Зина съ нимъ дружила въ особенности. Вовлекъ ее въ домъ Тарбашева Владиміръ, одинъ изъ учредителей «общества». По нѣкоторымъ обрывкамъ изъ его разговоровъ съ женой Ленею зналъ, что «свои» у Тарбашева собираются по пятницамъ и что тамъ готовятъ смѣлыя общественныя дѣла. Иногда, пріѣхавъ домой на разсвѣтъ, Зина съ таинственной восторженностью разсказывала Ленею, что на «пятницѣ» былъ какой-либо извѣстный изъ заграничныхъ дѣятелей.

— Что онъ говорилъ! Что говорилъ! — восклицала она. — Какая свѣтлая, чарующая личность!

— Я ихъ знаю, — негромко говорилъ Ленею.

— Какъ, ты съ ними знакомъ? — переспрашивала Зина съ завистью. — И ни разу не пригласилъ къ себѣ?

Вмѣсто отвѣта Ленею улыбался.

На одно собраніе «своихъ» Ленею увезли чуть не насильно. Пріѣхалъ за нимъ Тарбашевъ, пріѣхалъ Владиміръ и съ нимъ нѣсколько барышень-курсистокъ. Говорили, что ему необходимо побывать на этой «пятницѣ», такъ какъ рѣшалось особенно важное.

Молчаливо сидѣлъ Ленею въ большой, переполненной народомъ комнатѣ. Было душно, сильно пакурено; сизыя облака плавали надъ головами, и говорившія фигуры казались въ дыму тѣнями. Медленно, одна за другой проплывали онѣ передъ глазами Ленею, ухо разсѣянно собирало клочки фразъ, и составлялось изъ этихъ клочковъ что-то грозное, неумолимо-страшное. И отъ этого казались громадными и страшными проплывавшія тѣни.

Уже не видѣлось и не чувствовалось, что были барышни и молодые студенты: лица всѣхъ собрались въ одно громадное, и у всѣхъ стало одно лицо, одна воля, одно напряженіе, и было оно такъ неумолимо и грозно, что, казалось, борьба съ поднявшейся силой была невозможна.

Когда еще выходилъ изъ квартиры Тарбашева, Ленею видѣлъ, какъ мимо него легко скользнулъ коренастый мужчина въ мягкой

шляпѣ и потертомъ пальто. Ленева взглянулъ на него разсѣянно, и тотъ сейчасъ же спряталъ лицо, но его сморщенные небритыя щеки, рыжіе колючіе усы, точно оцарапали душу Ленева; на душу пахнуло холодкомъ, точно вспомнилось что-то давнее.

Онъ пошелъ дальше и когда опять нечаянно оглянулся на домъ, изъ котораго вышелъ, у подъѣзда снова увидѣлъ осторожно пробирающуюся, изогнутую фигуру въ заношенномъ пальто.

«Неужели?..—мелькнуло въ головѣ Ленева.—Какая гадость!»

«Жизнь скажетъ новыя слова»... Ленева началъ было вспоминать о своемъ разговорѣ въ сумрачной комнатѣ,—о томъ, что нужна не только сила, но больше—любовь, что если и гора зла на землѣ, не надо дѣлать горы еще выше...—вспоминалось и дальше... но мысль о томъ, что за тѣми слѣдять, ужъ не выходила изъ головы. Онъ повернулся и пошелъ навстрѣчу.

Его тотчасъ же замѣтили. Прохаживавшійся передъ домомъ человекъ немедленно перешелъ на другую сторону и началъ читать на столбѣ афишу. Ленева подумалъ и черезъ минуту рѣшительно пошелъ по направленію къ читавшему.

Шелъ ли онъ тихо и безшумно, или не хотѣлъ тотъ вести себя иначе, только онъ не двинулся съ мѣста и не измѣнилъ своего положенія. Ленева подошелъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ.

Человекъ вздрогнулъ и обернулся. Мгновенно вздрогнулъ и Ленева.

— Ереминъ!—вскричалъ онъ.

Въ прищурившихся глазахъ промелькнуло что-то быстрое, какъ огонекъ. Желтые усы вспрыгнули кверху и оцетинились, въ сумракѣ сверкнули острые неровные зубы.

— А, старый знакомый!—проворчалъ Ереминъ и безцеремонно усмѣхнулся.—Господинъ Ленева, jeun premier! Какова встрѣча!

— Вотъ что,—медленно проговорилъ Ленева и скользнулъ взглядомъ по затасканному пальто Еремина, изъ рукавовъ котораго глядѣла рваная сѣрая рубашка.—Плохая у васъ была раньше служба, теперь такъ и еще хуже!

Въ отвѣтъ Ереминъ презрительно засмѣялся.

— И все-таки вы мнѣ жалки!—тихо и печально сказалъ Ленева.—Можетъ быть, въ васъ жилъ хоть крошечный человекъ... (вонъ раньше хоть въ театрѣ ѣздили... И вы этого человека въ обѣ убили...)

— Пойдите-ка! — насмѣшливо оборвалъ Ереминъ. — Ваши

выходять... до пріятнаго свиданія. Богъ дастъ, гдѣ-нибудь въ Сибири...

— Ступайте,—медленно проговорилъ Ленева.—Я предупреду товарищей.

Ереминъ торопливо спрятался за поворотомъ.

Когда онъ рассказалъ о своей встрѣчѣ Зинѣ, та была поражена, долго не знала, что сказать, и ея красивые глаза были прищурены отъ изумленія.

— Это что же?—наконецъ проговорила она.—«Непротивленіе злу», что ли? Что-жъ изъ этого будетъ?

— Что будетъ?—переспросилъ Ленева, и глаза его вспыхнули.— Онъ задумался и потомъ добавилъ какъ бы безъ внутренней связи:— Будетъ юный Христосъ и рядомъ съ нимъ будутъ львы, ягнята и волки...

Зина махнула рукой.

— Все это эстетика,—повторила она свою любимую фразу и, уходя, добавила недоумѣвающимъ голосомъ:—Право, на тебя нельзя даже сердиться...

XVIII.

.....
.....

XIX.

.....
.....

XX.

...Робко прислушиваясь къ ужасамъ ночи, весь блѣдный, Ленева сидѣлъ у окна. Зины не было. Она не могла выждать и ушла, и Ленева сидѣлъ часъ и два, и бѣжали часы, и его лицо казалось каменно-мертвымъ.

Въ дверь его номера постучали.

Вбѣжалъ Вася Тереховъ, весь блѣдный, съ застывшими глазами. Платье его было разорвано и забрызгано кровью.

— Алексѣй Александровичъ!—вскрикнулъ Вася и зарыдалъ.— Какой ужасъ!.. Владиміръ...

Губы Ленева дернулись. Онъ медленно поднялся.

— Что?...

— Ранены...—беззвучно уронилъ Вася и бросился къ графину съ водой.

Изъ груди Ленева вырвался тихій, чуть уловимый смѣхъ.

— Не надо, Вася! При чемъ тутъ вода?... Пойдемте.

Въ комнату, чуть двигаясь, неслышно вошла Зина. Увидѣвъ Васю, она вскрикнула:

— Еще что?...

— Володя боленъ,—отвѣтилъ Леневъ спокойно.—Ты не волнуйся, ничего опаснаго. Вася, идемте.

Извозчиковъ на улицѣ не было. Вася засуетился. Леневъ осмотрѣлся по сторонамъ.

— Знаете что, Вася,—сказалъ онъ глухимъ и спокойнымъ голосомъ.—Давайте побѣжимъ.

И какъ по командѣ, они бросились вдоль улицы, на которой, чудилось, еще пахло кровью и порохомъ. Они бѣжали долго, въ глубокомъ молчаніи, не останавливаясь ни на минуту.

— Здѣсь,—сказалъ Вася и побѣжалъ вверхъ по темной лѣстницѣ.

Вбѣжавъ на третій этажъ, они долго стучали въ запертую дверь и дергали за обрывокъ проволоки. Имъ отворила дверь растрепанная женщина, повидимому, кухарка. Слабо горѣла лампочка. Молодое женское лицо промелькнуло въ сумракѣ. Леневъ вбѣжалъ, какъ былъ, въ шапкѣ и пальто.

— Володя!—отчаянно крикнулъ онъ и упалъ на колѣни передъ кроватью брата.—Володя, милый...

Онъ схватилъ лежавшую на одѣялѣ руку и вдругъ глухо и отчаянно зарыдалъ. Маленькая голова Володи двинулась съ подушки. Пожелтѣвшее, точно восковое лицо повернулось къ нему.

— Алеша,—сказалъ онъ больше губами. Чуть замѣтная, смущенная улыбка промелькнула на его лицѣ.—Я ничего... Ты не волнуйся... У меня такъ... царапина.

Леневъ вскинулъ глаза. Маленькая, почти дѣтская голова съ перепутанными волосами была раздѣлена бѣлымъ платкомъ на двѣ части; наверху бѣлая повязка казалась коричневой.

— Только скользнула по головѣ,—онъ улыбнулся,—меня про о ошеломило, я и упалъ.

Володя поднялъ глаза.

— Это-жъ ужасно!—дрожащимъ голосомъ твердилъ Леневъ.

Его трогали за плечи. Около стояла барышня, что-то показывала у рукой. Леневъ ее точно не видѣлъ.

— Какъ же это? Какъ же это?—спрашивалъ онъ.

Улыбка моментально исчезла на губах Володи. Онъ весь забился, всхлипнулъ и отвернулся къ стѣнѣ.

— Я бѣжалъ!—крикнулъ онъ высоко и жалобно,—я бѣжалъ... Я трусь, трусь, трусь! Какъ они выстрѣлили я... я бросился прочь... другіе умирали, а я... О!

Онъ вдругъ завричалъ, задвигался и зарыдалъ страстными, горячими, истерическими слезами.

— Уйдите пожалуйста!—крикнула на Ленева незнакомая барышня, и ея красивое лицо свела гнѣвная складка.—Человѣку нельзя волноваться, а вы... точно ребенокъ...

Леневъ посмотрѣлъ на нее пристально-недоумѣвающе, послушно всталъ и сѣлъ въ углу. Лицо дѣвушки разгладилось.

— Вамъ сказано: не опасно!—все еще сердито крикнула она.— Былъ докторъ; все это пустяки. Но нельзя же его волновать...—она подошла къ нему поближе и добавила тихо:—главное не въ ранѣ, а въ его настроеніи... Еще горячка сдѣлается. Поймите, что ему нужно спокойствіе!

— Алеша,—вдругъ сказалъ Владиміръ.—Ты не волнуйся.— Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы подняться, но голова его упала на подушку, и онъ замеръ. Минутъ десять продолжалось молчаніе.

— Я бѣжалъ, это подло...—заговорилъ снова Владиміръ.— Леневъ двинулся было къ нему, но барышня погрозила ему пальцемъ.—Бѣжалъ тогда, когда другіе...—Губы его скривились, изъ усть вырвалось что-то похожее не то на рыданіе, не то на смѣхъ.— Послѣ этого, конечно, мнѣ незачѣмъ жить... но дѣло не въ томъ... Главное, вы не волнуйтесь... Я завтра встану непременно. А вы смотрите, не пишите Тасѣ ни слова!.. Какая Тася?... я говорю: мамъ! Она нервная, она испугается... А Тася... нѣтъ, я не знаю Таси... Тася тутъ не причемъ. Я встану, пойду завтра и скажу... Я бѣжалъ, господа!... Братья! я... бѣжалъ!...

— Такъ вотъ, вы говорите про маму...—сказала барышня заинтересованнымъ голосомъ, и Леневъ ей подивился.

— Да, да... мама...—тихо проговорилъ Владиміръ...—Я про нее... она у насъ нервная. Она всегда строить горы... Ей кажется, что теперь за все сажаютъ въ Петропавловскую. Она—смѣшная! Теперь не тѣ времена!

— Ну вотъ, она и пріѣдетъ...—дѣвушка подошла къ Владиміру и сѣла у изголовья.

— Да, мама пріѣдетъ...—согласился Владиміръ.—Только она пріѣдетъ тогда, какъ я... Впрочемъ, что я?—Я поѣду къ ней самъ! Завтра же!... Вотъ она удивится!... Я пріѣду и скажу... Ты

знаешь, Алеша, — не поворачивая головы, онъ нащупалъ руку дѣвухи и схватилъ ее. — Тася мнѣ говорить: Я, говорить, не для васъ! — А у самой глаза свергнули... И вы, говорить, славный... Понимаете, такъ и сказала: славный... славный... И засмѣялась... Голосъ его постепенно стихалъ; слова становились невнятнѣй... наконецъ, онъ умогъ.

— Заснулъ, — сказала дѣвушка и осторожно встала со стула. — Теперь вы ступайте къ женѣ.

Леневъ вскинулъ на нее глаза.

— Да-да... я васъ знаю! — предупредила она его вопросъ. — Владиміръ мнѣ много говорилъ о васъ. Онъ такъ васъ любить!... — Она отвернулась. — Вы на меня не сердитесь, что я давеча васъ такъ приняла... Нельзя, понимаете ли... Ну, ступайте, ступайте! Да не волнуйтесь. Въ самомъ дѣлѣ, ничего опаснаго... Главное, нервы. Ему почудилось, что тогда онъ бѣжалъ... это его и гложетъ. А на самомъ дѣлѣ онъ былъ въ первыхъ рядахъ... Славный мальчикъ! — Лицо ея сдѣлалось необыкновенно нѣжнымъ... какъ лицо матери. Леневъ съ восхищеніемъ взглянулъ въ ея глаза, красивые и юные, въ которыхъ промелькнуло такое нежданно-новое выраженіе.

— Кто вы? — спросилъ онъ.

— Я тоже ваша знакомая, — шепнула она. — Василия Ивановича помните? Я его сестра... курсистка. Ступайте же, на васъ все еще лица нѣтъ. Потомъ еще когда-нибудь повидаемся. Завтра зайдете?

— Непремѣнно, — сказалъ Леневъ и вышелъ изъ маленькой комнаты. — А какъ же? — онъ вернулся. — Кто же будетъ у Володи... теперь?

— Не ваше дѣло... — махнула на него рукой дѣвушка. — Уже все устроено. Ступайте, ступайте. Останусь я.

Леневъ вышелъ, и, шатаясь, побрелъ домой. Ему какъ-то не приходило въ голову, что можно было взять извозчика.

XXI.

На слѣдующее утро, часовъ въ восемь, къ Ленеvu явился Василий Ивановичъ. Зина очень ему обрадовалась и засыпала вопросами Владиміръ. Было ему гораздо лучше. Узнавши объ этомъ, Леневъ йчасъ же поѣхалъ къ брату, а Василий Ивановичъ остался съ Зиной, у которой послѣ пережитыхъ волненій болѣла голова.

Когда Леневъ пріѣхалъ къ брату, онъ засталъ тамъ цѣлое общество. Была сестра Василия Ивановича (звали ее Еленой), были еще ч-четыре барышни, съ которыми Леневъ совсѣмъ не былъ знакомъ. уголѣвъ сидѣлъ радостно улыбавшійся Вася.

Володя чувствовалъ себя лучше. Съ лица у него пропала вчерашняя желтизна и оно сдѣлалось матово-блѣднымъ. Онъ сидѣлъ на кровати, на головѣ былъ наложенъ чистый бинтъ. Барышни рассказывали ему что-то... Впрочемъ, при входѣ Ленева онѣ смолкли. Онѣ, видимо, его стѣснялись и, посидѣвъ еще недолго, встали и начали прощаться... Ушелъ и Вася. Леневъ ласково позвалъ его къ себѣ. Вася общалъ «непремѣнно».

— Знаете, — успѣла шепнуть Леневу Елена Ивановна, когда Владиміръ занялся разговоромъ съ Васей, — рана въ самомъ дѣлѣ оказалась легкой... Главное, какъ я говорила, не въ этомъ. У него угнетенное настроеніе. Это самое серьезное и... страшное... Я знаю его.

Лицо ея чуть поблѣднѣло. Она опустила глаза и отошла.

Въ тотъ день Владиміръ, впрочемъ, держался спокойно. Онъ уже ровно рассказывалъ о томъ, какъ они шли къ кладбищу и съ восхищеніемъ говорилъ, что, несмотря на вѣковую неподвижность, народъ сумѣлъ показать себя самостоятельнымъ. Заговорилъ онъ и о поѣздкѣ къ матери.

— Надо будетъ съѣздить, — рѣшилъ онъ. — А то до мамы дойдутъ слухи, тогда бѣда... Сюда я еще успѣю. — Лицо его на мгновенье болѣзненно сморщилось. — Поживу тамъ съ недѣльку и опять въ Москву...

Леневъ говорилъ ему, что вмѣстѣ съ нимъ съѣздить на родину и онъ.

Но поѣхать ему не удалось: у него появились сильныя сердечныя боли, затѣмъ обнаружился жаръ. Одно время докторъ боялся воспаления легкихъ. Но оказалось дѣло проще. Леневъ схватилъ плевроитъ, вѣроятно, въ ту ночь, когда бѣжалъ къ раненому Владиміру вмѣстѣ съ Васей.

Обстоятельства перемѣнились. Теперь Владиміръ и Елена Ивановна посѣщали уже его. Владиміръ говорилъ объ этомъ съ улыбкой, тихой и загадочной, точно онъ все думалъ о чемъ-то и не рѣшался сказать... И лицо у него дѣлалось печальное, жутко-настойчиво блестя въ взглядъ. Однако съѣздить къ матери было нужно. И Владиміръ, какъ только брату сдѣлалось лучше, уѣхалъ.

Не успѣло пройти со времени его отъѣзда и трехъ дней, какъ къ Леневу пріѣхали гости. Онъ увидѣлъ вошедшихъ и крикнулъ измѣнившимся голосомъ:

— Тася!...

Была она и съ ней Викторъ Ивановичъ. Леневъ все еще не сознавалъ себя отъ удивленія.

Когда первые разговоры были сказаны, Ленева, еще лежавший въ постели, спросилъ Тасю, цѣлуя ея руки:

— Тасичка, милая... вамъ написали, что ли?...

— Да, написали,—Тася смутилась.—То-есть не намъ, а Василий Ивановичъ своимъ написалъ. Мы и пріѣхали...

— Ну, а мама?—съ безпокойствомъ спросилъ Ленева.—Ничего на знаетъ?—Онъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза. Тася сдѣлала серьезное лицо и воскликнула:

— Конечно!

— А Володя-то нашъ...—Ленева бодренно улыбнулся.

— Да, да!...—Голосъ дѣвушки дрогнулъ.—Это ужасно, Алешечка... Что же, опасности нѣтъ?...

Ленева задумался.

— Боюсь не того,—пониживъ голосъ, сказалъ онъ:—самъ Володя очень измѣнился... Такіе у него странно-печальные глаза, Тася, что жутко смотрѣть... Тасичка, да вѣдь и вы похудѣли!... Милая, славная... и вы измѣнились.

Они говорили долго и довѣрчиво. Чувствовалось, что тѣ темное, бывшее въ деревнѣ осеннею ночью, было забыто и прощено.

Подожелъ Викторъ Ивановичъ. Онъ казался еще болѣе постарѣвшимъ и обрюзгшимъ, но щеки его блестя и лоснились по-прежнему.

— Вотъ, братъ, и я къ вамъ въ Москву собрался. Теперь ужъ всласть насмотрюсь... Прежде всего—во сорокъ-сороковъ!... Затѣмъ—палаты... Памятники... Я, братъ, передовой, даромъ, что въ деревнѣ жилъ... Я помню!

Онъ спохватился, точно сообразилъ, и проговорилъ, покашливая:

— А ты, братъ, все лежишь? Нехорошо, нѣтъ. Не одобряю. Ужъ и Владиміръ—тоже хорошъ... И чего только теперь имъ надобно?...

Онъ отступилъ и скрестилъ руки.

— Все дали!... Нѣтъ, не понимаю! Больно народъ ужъ зазнался: раньше, бывало, не дадутъ оплеухи,—онъ и кланяется... А теперь,—смотри-ка: извозчику: «вы!»...—Эй, вы, господинъ извозчикъ! ъщипанту—десять процентовъ... Тьфу!...

Ленева посмотрѣлъ на него и невольно расхохотался. Викторъ Ивановичъ обидѣлся и покраснѣлъ, какъ индюкъ.

— Знаю я васъ—сво-бо-до-мыслящіе! Сами не знаете...

Зина остановила потокъ его краснорѣчія.

— Папа, ради Бога!—сказала она.—Не успѣли поздороваться, ты ужъ о политикѣ!

Викторъ Ивановичъ обидѣлся.

— Ну... всё на меня,—сказалъ онъ.—Вотъ и у насъ тоже анархистъ объявился. Да еще кто... Попъ! Поповъ я впрочемъ всегда недолюбливалъ. Сюда тоже прѣхалъ.

— Кто это?—съ улыбкой спросилъ Ленева.

— Иванъ Кирилловичъ,—отвѣтила за Виктора Ивановича Тася.— Отецъ Василя Ивановича. Его недавно къ намъ перевели. Папа съ нимъ съ перваго дня перецарапался.

— И буду!—крикнулъ Викторъ Ивановичъ.—Попъ—и знай свое дѣло: главы своя преклоните... А онъ—крестьянство... манифесты... Ты-то тутъ при чемъ?... Кто тебя поставилъ?

— Довольно же, папа,—уныло сказала Зина.—Пойдемте лучше чаю выпьемъ. Право, это ужъ скучно.

Всѣ вышли въ другую комнату. Ленева остался одинъ въ спаль-ной. До него доносились крики Виктора Ивановича и тихій смѣхъ Таси.

— О, чудная!—сказалъ онъ, и все лицо его просвѣтлѣло.— Чудная! Она прѣехала сюда...

Зашуршало платье... Появилась Тася съ чашкой чая на маленькомъ подносігѣ.

— Ну, лежите смирно!—сказала она и граціозно присѣла на край постели.—Я васъ буду поить съ ложечки. Глупенькій Алешечка!

Внутри Ленева что-то звенѣло серебрянымъ смѣхомъ, что-то ликовало и пѣло... «Чудная, дивная!—шепталъ онъ въ душѣ—и душа вся звонко дрожала.—Милая, добрая»...

— Вы не заважничайте!—говорила Тася.—Это я только потому, что вы еще больны... Хотите, я расскажу вамъ сказочку?

— Рассказывайте,—улыбаясь, проговорилъ Ленева,—рассказывайте,—повторилъ онъ, не сводя съ нея восторженныхъ глазъ. Рука его невольно потянулась къ маленькой рукѣ Таси, и пальцы трепетно-робко и жадно ее стиснули.

— Больно!—крикнула Тася.—Спрячьте руки!

— Тасичка!—съ робкимъ восторгомъ спрашивалъ Ленева.—Вы ли со мною? Сейчасъ до меня донесся вашъ голосъ, я и думаю:—да полно, не сплю ли я? Можетъ быть, ничего этого нѣтъ, и я лишь во снѣ грежу о лѣтѣ... о душистыхъ липахъ... о маленькой дѣвочкѣ... Потому я вспоминаю обрывъ... Городской садъ... Маленькая скамейка подъ заснувшими липами...

Тася слегка пахмурилась.

— Будетъ вамъ, пейте лучше чай. Когда вамъ докторъ разрѣшилъ встать съ постели?

Леневъ не слышалъ... Городской садъ... маленькая скамейка... вечеръ и ночь... И сейчасъ же ликующее лицо его передернулось, глаза погасли, лобъ перечеркнулся морщинами... Вспомнилась черная ночь.

Мгновенно все похороненное вспыхнуло вновь, вновь все загорѣлось, поднялась нестерпимая боль въ сердцѣ.

— А-а-а!—Леневъ схватился за голову.—А-а-а!...—продолжалъ онъ стонать, какъ отъ невыносимой боли. Давно забытые страхи всколыхнулись въ душѣ... И съ ними—сознанье, что воскресло все прошлое... и будетъ снова.

XXII.

Бъ Леневымъ пришли новые гости: Василій Ивановичъ съ сестрой и ихъ отецъ, священникъ Иванъ Кирилловичъ, пріѣхавшій въ Москву ненадолго.

Иванъ Кирилловичъ былъ еще не старый, крѣпкій мужчина съ лицомъ бронзоваго цвѣта, на которомъ рѣзко выдѣлялись жесткіе сѣдоватые волосы. Дѣтство его и юность были полны событіями. Сынъ крѣпостного, онъ первые дни своей жизни пробылъ на псарнѣ среди всевозможныхъ борзыхъ и гончихъ. Его такъ и звали: «Ванька псаренокъ». На обязанности его было: кормить собакъ, слѣдить за ними и получать отъ барина подзатыльники, когда какой-нибудь Догоняй «смотрѣлъ невесело».

Не разъ его травили собаками, — тѣми, которыхъ онъ кормилъ; когда подростъ, его назначили поваренкомъ; тутъ у него вышла какая-то исторія съ дочерью помѣщика (говорили, что она въ него влюбилась), за это Ивану псаренку было бы очень плохо, если-бъ къ тому времени не подоспѣла воля. Отецъ, очень строгій и дѣльный мужикъ, отдалъ сына въ духовную семинарію. Ивана Кирилловича оттуда два раза изгоняли за вольнодумство; но не обошлось безъ помилованія: семинарію онъ всетаки кончилъ.

Правда, этимъ мытарства не кончились. Даже сдѣлалось больше безпокойствъ, когда его «посветили». Молодому священнику прежде всего пришлось бороться съ упрямымъ благочиннымъ, къ которому говорила консисторія; довелось ссориться и съ дьяконами, и съ членами стараго закала; на Ивана Кирилловича доносили и клеветы; назначали ревизіи. Преосвященный пріѣзжалъ и долго стучалъ едь нимъ жезломъ, называя анаемой. Раза три его переселяли мѣста на мѣсто и все дальше отъ города... и послѣдній разъ, вмѣшательство въ дѣла семинаристовъ, переселили въ глушь, въ сѣвню, по сосѣдству съ Викторомъ Ивановичемъ.

Леневу Иванъ Кирилловичъ сначала не понравился; и говорилъ онъ рѣзко и часто смѣялся, любилъ представлять разговоры въ лицахъ... Потомъ Леневъ къ нему присмотрѣлся и увидѣлъ, что это человѣкъ правдивый и прямой, если и не выдающійся, то вполне честный.

Были у Ивана Кирилловича странности: онъ много бранился, много рассказывалъ о жизни духовныхъ, говорилъ о томъ, что готовятся на деревняхъ, но говорилъ какъ-то легко и поверхностно, точно не отдавая себѣ отчетъ въ острой глубинѣ темы... Леневъ иногда поглядывалъ на Василия Ивановича. Ему чудилось, что тотъ немного конфузился за отца. Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ этого не было, но было что-то похожее и родственное этому: когда, напримѣръ, Иванъ Кирилловичъ долго распространялся о мелочахъ жизни духовенства, Василій Ивановичъ вопросами старался наводить его на концы. Иванъ Кирилловичъ говорилъ о революціи, — сынъ смотрѣлъ на него тревожно, точно ожидая отъ него чего-то ветхаго... Леневъ слушалъ ихъ, а самъ посматривалъ: что Тася?

Тася сидѣла въ уголѣ и слушала какъ будто съ неловкостью.

Къ вечеру Покровскіе ушли. За ужиномъ Леневъ спросилъ Тасю:

— Тасичка, вотъ вы все слушали... Скажите теперь намъ, *вы* — то какъ думаете? Такъ ли все это?

Тася вспыхнула и опустила голову.

— Разумѣется, такъ, — сказала Зина съ неудовольствіемъ, и лицо ея приняло оттѣнокъ раздраженія. — Борьба необходима... И экономическая подкладка прежде всего... Пусть это будетъ и не такъ высоко... — Лицо ея приняло дѣловое выраженіе. — Но это не эстетика, а дѣло жизни.

Она махнула рукой и вышла къ Виктору Ивановичу въ другую комнату.

— Тася, — проговорилъ Леневъ и подошелъ къ ней поближе. — Ни словечка вы не сказали мнѣ... а вѣдь чувствую я, чувствую: на моей вы сторонѣ, и не такъ думаетъ ваше маленькое сердце... Страшно, Тасичка!... Это даже мало сказать: страшно. Словъ еще нѣтъ у насъ, чтобы выразить, что такое есть кровь человѣка!... Мы такъ часто говоримъ: война... Говоримъ это на улицѣ, за обѣдомъ, въ гостяхъ... А если вдуматься: что есть война?... Тасичка, можно ли, понявши это, гулять по улицѣ, смѣяться, обѣдать?... Война! Я еще не понимаю вполне этого каменнаго слова... Этой глыбы великаго ужаса... Но если я пойму его, Тася, — Леневъ всталъ и лицо его поблѣднѣло, — если я его пойму, — меня... не будетъ.

Голосъ Ленева задрожалъ, онъ задохнулся...

— Алеша... милый...—тихо шепнула Тася.

Она помолчала и сказала громче:

— Алеша... вы—не теперешній!... Такихъ сейчасъ еще нѣтъ... Но такіе—явятся! Пройдутъ года, умирится горе, все вернется къ первой красотѣ и любви—тогда появитеь вы, носители новой и чистой человѣческой жизни, и будете вы—многіе, и все будетъ въ васъ...

Голосъ ея оборвался, какъ струна.

— Идетъ война, идетъ ломка жизни. Васъ захватила жизнь, потому что жизнь будущаго—это вы... Вы бросились на ея зовъ... Но вы не подошли. Вотъ почему вы смущены; вотъ почему боюсь я... Вы—не настоящій, я не знаю, какъ это сказать, но вы... я незнаю... вы—будущій!

Она умогла и отвернулась отъ Ленева, спрятавъ свое раскраснѣвшееся лицо.

— Милая, чистая, наивная Тася!—сказалъ Ленева.—О, моя невинная! Многое вы сказали не такъ про меня,—а про жизнь сказали вы вѣрно.

— Иногда я сама не понимаю себя,—снова заговорила Тася.—Что со мною? Мнѣ хочется какихъ-то особенныхъ названій, золотыхъ облаковъ, чудесныхъ дѣвушекъ... съ чистыми и строгими печальными глазами... Видите, что я говорю вамъ. Вы не слушайте!

— Говорите, говорите...—задумчиво просилъ Ленева.—Это вѣрно: особенныхъ названій, особенныхъ словъ... хочется «золотыхъ-облаковъ»... Это вѣрно, Тасичка... Это такъ... Это все будетъ... Какъ понимаете вы меня, какъ понимаете!...

Они замолчали.

— Вѣдь мы съ вами друзья, Алеша, не правда ли?—задумчиво спросила Тася.

— Да, друзья...—тихо сказалъ Ленева.—Друзья на жизнь и смерть. На всю жизнь!...—онъ стиснулъ ея маленькую, внезапно похолодѣвшую руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.—Тасичка милая... Жить безъ васъ не могу и не буду... А жизнь будетъ такой ценной! Зачѣмъ мы не увидимъ ея? Что за чудеса тогда будутъ!

Въ комнату вошла Зина. Она казалась утомленной.

— Довольно ужъ, наспорились!—сказала она.—Пора спать.

Что-то ледяное надвинулось на душу Ленева. Онъ всталъ, поцѣвалъ Тасю и съ какимъ-то особеннымъ хрупкимъ и большимъ восторгомъ простился съ нею.

XXIII.

Громадная зала была полна народомъ. Офиціанты въ коричневыхъ курткахъ суетились между столиками. Леневъ съ трудомъ нашель свободный и усѣлся, велѣвъ подать себѣ кофе. Нерѣшительно, дрогнувшей рукой развернулъ онъ маленькую записку. На клочкѣ бумаги безсвязно-торопливо было написано:

«Хочу съ вами поговорить серьезно, Алеша. Вы такъ говорите и такъ смотрите на меня, какъ будто между нами что-то случилось. Знаю, мнѣ кажется, вслушивается въ ваши слова подозрительно... Между тѣмъ, ничего же нѣтъ!... Я прошу васъ: никогда не говорите такъ со мной и не смотрите на меня, точно я ваша участница въ чемъ-то... Мнѣ и страшно глядѣть на васъ тогда и... неприятно. Старайтесь, чтобы не вспоминалось то, что разъ было... въ имѣньи. Я думала много надъ тѣмъ... и рѣшила считать: то сдѣлали не вы! Было бы жалко вѣрить, что вы оказались такимъ же, какъ всѣ: и я не вѣрю... Вѣдь вы же особенный! Вы не можете быть обыкновеннымъ и пошлымъ. Прошу васъ: все должно быть кончено».

Какъ бы не понимая всего прочитаннаго, Леневъ долго смотрѣлъ въ записку... Глаза его растерянно бѣгали по крохотнымъ, ребячески набросаннымъ буквамъ... Какая-то нарядная женщина, сидѣвшая вблизи, улыбалась ему и подзывала къ себѣ рукой. — «Какія у нея рыжія косы! — сказалъ вслухъ Леневъ, и сейчасъ же припомнилъ изъ записки: — «между нами что-то случилось». Лицо его двинулось отъ боли.

— Да, что-то случилось.

Дѣлавшая ему знаки неизвѣстная женщина вдругъ встала, подошла къ его столу и присѣла съ нимъ рядомъ.

— Здравствуйте, — проговорила она съ сильнымъ акцентомъ и поглядѣла на трость Ленева. — Сколь много это стоитъ?

Леневъ поднялъ на нее глаза. «Что-то случилось», пробѣжало въ умѣ.

— Что вы говорите, — сказалъ онъ дамѣ страннымъ голосомъ.

Женщина поднялась и сказала съ развязной улыбкой:

— Ахъ, это незнакомый!

Леневъ всталъ, хотѣлъ было идти и остановился:

— Василій Ивановичъ!

Василій Ивановичъ былъ, разумѣется, съ Васей. Оба они покосились на отошедшую отъ столика даму. Лицо Василя Ивановича сдѣлалось серьезнымъ, лицо Васи было испуганно.

— Васъ рѣдко здѣсь видно, — сказалъ Василій Ивановичъ.

— Да, рѣдко, — тихо проговорилъ Леневаъ.

Василій Ивановичъ улыбулся и объявилъ полушутливо, полу-серьезно:

— А мы здѣсь, обыкновенно, закусываемъ, здѣсь хорошо. Здѣсь столько говорятъ. Есть чему поучиться и что послушать... А отъ Владиміра Александровича писемъ не имѣете?

Леневаъ вспыхнулъ: «Какъ это я забылъ о Володѣ», обожгло умъ.

Онъ порывисто спросилъ:

— А вы что-нибудь знаете?

— Онъ намъ писалъ, — уклончиво сказалъ Василій Ивановичъ. — Очень скучаетъ Владиміръ Александровичъ... Его бы сюда... въ просторъ. Тамъ не по нему воздухъ.

— Да, да, — Леневаъ вздохнулъ виновато. — Это правда. Его надо сюда.

«Какъ я сбился, — опять промелькнуло въ головѣ, — что это со мной... Ни строчки Володѣ! Эхъ! кончить все это».

Всѣ усѣлись за столикиъ.

— А хорошо, что мы повидались, — сказалъ, между прочимъ, Василій Ивановичъ. — Мы съ Васей ѣдемъ на недѣлку туда, въ деревню... къ его отцу... Побываемъ и въ городѣ... Можетъ быть, Владиміру Александровичу что-нибудь передать отъ васъ?

— Какъ же, какъ же, — Леневау дѣлалось все непріятнѣе. — Скажите ему... впрочемъ, если позволите, я вамъ пришлю завтра для него письмо. Мнѣ и самому кажется, пора ему оттуда выбратся.

— Жалко его! — сказалъ Василій Ивановичъ. — Жертва безвременья!

Леневаъ вздрогнулъ.

— Кто? — спросилъ онъ. — Володя — жертва безвременья?

Василій Ивановичъ промолчалъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ себѣ Леневаъ. — Это онъ вѣрно».

Онъ нарисовалъ себѣ больное, измученное лицо Владиміра, и сердце его упало.

— Мыслящіе молодые — такіе всѣ! — угрюмо сказалъ Василій Ивановичъ и насупился. — Что имъ дала жизнь? Рабство и нищету! Него больше!... потому и рождаются они такіе больные, такіе изломанные, что и сама жизнь — то російская искалѣчена вотъ такъ! Потрите только, какой смертельной болѣзнию они больны: чувствуется они — выше мѣры и въ жизни они — выше силъ! А у самихъ шья сломаны, силы оборваны, духъ погасъ. Все это жертвы... близокъ часъ искупленья!

Лицо его поблѣднѣло, засверкали глаза. Вася уставился на него со страхомъ.

— Близокъ часъ!—торжественно повторилъ Василій Ивановичъ.—Дѣти наши возьмутъ счастье свое, а дѣти дѣтей ихъ ужъ будутъ счастливыми.

Съ минуту всѣ молчали.

— А Таисья Викторовна все еще здѣсь?—вдругъ спросилъ Василій Ивановичъ.

Леневъ чуть замѣтно вздрогнулъ.

«Почему онъ о ней? Ахъ, пустяки! — оборвалъ онъ себя. — Я нервничаю какъ мальчигъ!»

Онъ спокойно посмотрѣлъ въ лицо Василя Ивановича и отвѣтилъ просто:

— Да, имъ еще нравится Москва. Впрочемъ, вѣроятно, скоро отъѣдутъ.

— Бланияйтесь отъ насъ!—попросилъ Василій Ивановичъ и, поднявшись, началъ прощаться.

— Я тоже выйду!

Леневъ расплатился.

Было уже совсѣмъ темно, когда они вышли на улицу. Ярко горѣли фонари, и въ свѣтѣ ихъ улица съ неясно выступающими контурами отдаленныхъ домовъ казалась красивой. Около ярко освѣщенныхъ стеколъ кофейни было въ особенности тѣсно; люди вертѣлись, словно бабочки вокругъ огня. Дальше ужъ было темнѣе и пустыннѣе.

— Я пойду домой!—сказалъ Леневъ, но Василій Ивановичъ остановилъ его задумчиво и мягко:

— Пройдемтесь немного по улицамъ. Мы такъ рѣдко видимся съ вами. А сегодня я такъ настроенъ, что хочется пѣть.

Леневъ сбоку посмотрѣлъ на него.

«Что это онъ, искренне?» задалъ онъ себѣ вопросъ.

— А вы поете?—спросилъ онъ громко.

— Какъ сынъ священника!—отвѣтилъ Василій Ивановичъ.—У насъ на Руси поютъ всѣ дѣти духовныхъ!—и, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, запѣлъ мягкимъ и славнымъ баритономъ:

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной народу...

Прохожіе обернулись съ любопытствомъ; такъ хорошо и задумчиво прозвенѣла пѣсня.

— Только пойдёте къ дому, — мягко и уныло сказалъ Ленева. — Я сегодня долженъ работать.

— Хорошо, — быстро согласился Василий Ивановичъ и опять запыль сильнѣе и тверже:

Настанетъ пора, и проснется народъ,
Великій, могучій, свободный!...

Ленева шелъ съ Василиемъ Ивановичемъ рядомъ и слушалъ пѣсню, но странное чувство наростало на душѣ. Ему казалось, что Василий Ивановичъ что-то таитъ...

— Люблю я Тверскую вечеромъ! — заговорилъ вдругъ Василий Ивановичъ. — Эти фонари. Эта сутолока.

«Съ нимъ что-то происходитъ», пронеслось въ головѣ Ленева.

— Вы, можетъ быть, что-нибудь знаете о Володѣ? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— О Володѣ? О Владимірѣ Александровичѣ? — переспросилъ Василий Ивановичъ. — Нѣтъ, ничего. Я бы сказалъ вамъ...

Чѣмъ ближе они подходили къ дому, тѣмъ торопливѣе шелъ Ленева.

— Поклонитесь отъ меня Таисѣ Викторовнѣ, — сказалъ Ленева Василию Ивановичу.

Ленева вздрогнулъ.

— А вы не зайдете?

— Нѣтъ, что же... — отвѣчалъ Василий Ивановичъ. Голосъ его зазвенѣлъ какъ-то необычно. Ленева посмотрѣлъ на него. На лицѣ Василя Ивановича появилась улыбка. — Поздно ужъ!

Онъ крѣпко сжалъ руку снова вздрогнувшего Ленева и пошелъ прочь. За нимъ, простившись, побѣжалъ Вася.

— Что это? — спросилъ себя Ленева удивленно. И сейчасъ же забылъ и о Василии Ивановичѣ и о Васѣ. Одна мысль вспыхнула въ мозгу, властно схватила его и повлекла за собою.

Когда онъ входилъ къ себѣ, чье-то тревожное лицо приникло къ щели между дверями прихожей.

— Тася! — шепнулъ кто-то Ленева.

Онъ быстро вошелъ въ столовую. Тамъ никого не было.

— Знаешь что, — сказала ему Зина, когда они ложились спать. — Ссорились вы что ли съ Тасей... Она, кажется, нервничаетъ.

— «Нервничаетъ», — угрюмо повторилъ Ленева и погосился жену. — Ну, что за пустяки... Съ чего намъ ссориться?

— А ты сегодня долго, — сказала Зина.

— Да, долго, — Ленева посмотрѣла въ сторону, — дѣла задержали. Я, между прочимъ, видѣлся съ Василюмъ Ивановичемъ.

Лицо Зины просвѣтлѣло.

— Развѣ? — живо спросила она. — Гдѣ? Что вы говорили?... Кстати, мнѣ кажется, онъ немного... неравнодушенъ къ Тасѣ...

Ленева чуть замѣтно вздрогнула.

— Какъ это: «немного неравнодушенъ»?

— Она ему нравится.

Ленева вспыхнула.

— «Нравится»!... Навѣрно этотъ вздоръ болтаетъ Викторъ Ивановичъ!

Зина вскинула на него удивленные глаза.

— Ты что-то волнуешься.

XXIV.

Викторъ Ивановичъ ходилъ по комнатамъ и, разливая на полъ изъ стакана кофе, ожесточенно доказывалъ Зинѣ, что русскій народъ еще не созрѣлъ.

— Ему дали столько! — указывалъ онъ на палецъ, — а онъ говорить: вотъ сколько надо! — Онъ отмѣривалъ свободной рукой аршинъ отъ своей головы. — А позволительно спросить: а сумѣешь ли ты переварить хоть столько-то?

— Народъ правъ, — горячо возражала Зина. — Изъ разныхъ кусочковъ шубы не сошьешь. Надо сразу цѣлую полосу и все старое бросить. Тогда будетъ толкъ.

— Да, какъ же! — Викторъ Ивановичъ облился кофеемъ. — Вотъ дали, кажется, свободу. И нѣтъ, чтобъ вмѣстѣ! Каждый тянетъ къ себѣ: «га-га!» Галдятъ, всѣ перепутались.

— Это вы, папа, перепутались, — замѣтила Зина.

Ленева съ досадою слушалъ разговоръ, а самъ все не спускалъ глазъ съ двери.

— Что-жъ Тася?

Тася, наконецъ, вышла. Она казалась утомленной и разсѣянной. Молча она поздоровалась съ отцомъ и сестрой; Ленева вмѣсто щеки разсѣянно подставила, какъ и отцу, губы и дрогнула, когда Ленева ее поцѣловала.

— Василюмъ Ивановичъ ѣдетъ сегодня въ деревню! — сказалъ онъ, не сводя глазъ съ Таси. — Я напишу письмо Володѣ.

Лицо Таси осталось безстрастнымъ, а Зина закидала Ленева вопросами. Послѣ долгихъ споровъ съ Викторомъ Ивановичемъ они рѣшили идти въ магазинъ за покупками для Елизаветы Николаевны.

— Покровский отвезетъ!—увѣрялъ Викторъ Ивановичъ.—Надо прежде всего послать Елизаветъ Николаевнѣ теплую фуфайку.

— А вы, Тася, пойдете?—освѣдомился Ленева.

Тася вздрогнула и не сказала ни слова.

— Я пойду,—сказалъ Ленева, не глядя на Тасю.—Надо по дѣлу.

— Я останусь...—тихо и жалобно сказала она.

— Да изволь написать Елизаветъ Николаевнѣ!—наставительно проговорилъ Викторъ Ивановичъ.—Хороша родственница! Ни строчки!

Поговоривъ еще о незрѣлости народа, онъ облачился въ длинный сюртукъ и вышелъ вмѣстѣ съ Зиной.

Ленева быстро подошелъ къ Тасѣ.

— Тасичка!—сказалъ онъ, и сердце его дрогнуло отъ смущенія и боли.—Прочелъ вашу записку!

Онъ взялъ ее за руку.

— Пустите, я сейчасъ,—залепетала Тася.—Что-жъ вы не идете?

— Подождите минуточку,—умоляюще заговорилъ Ленева.—Наконецъ, мы одни... Надо же мнѣ поговорить съ вами! Тася, облачко мое милое!

Тася нахмурилась.

— Никогда не называйте меня такъ!—крикнула она.—Слышите! Я же просила васъ, я написала вамъ!

— Тася!—слова Ленева сдѣлались неслышными.—Вы запрещаете мнѣ смотрѣть на васъ, говорить съ вами... я хочу это исполнить... хочу и—не могу. Неужели вы не понимаете, что видѣть васъ для меня стало такой же потребностью, какъ дышать! И не говоря о васъ, я все равно мыслю вами... и что бы ни говорилъ, я вездѣ вижу васъ... Какъ подумаю! Что за драма случилась! Солнце мое спряталось отъ меня. Ахъ, какое счастье быть подлѣ васъ! Это я ощутилъ еще давно... тогда... на обрывѣ... когда схватилъ васъ въ свои объятія, когда шелъ съ вами вмѣстѣ, когда былъ съ вами... на бульварѣ... и тогда... ночью!... Тася, я все позабылъ, я забылъ о себѣ, о своемъ дѣлѣ, о братѣ, забылъ обо всемъ—и помню, и живу только днимъ... Тася, да понимаете ли вы меня?... Догадываетесь ли вы, го я безумно...

Блѣдная какъ снѣгъ, Тася встала... выпрямилась во весь ростъ.

— Люблю васъ!—печально и страстно крикнулъ Ленева.

Его глаза вспыхнули, вспыхнуло лицо, весь онъ подался впередъ. крикъ у него вышелъ торжественно-радостный, уныло-зловѣщій и жаждающе жадный.

— Вы... меня... любите?...—съ ужасомъ переспросила Тася, какъ бы еще не уясняя себѣ смысла услышанныхъ словъ.—Любите меня? Я васъ спрашиваю!—голосъ ея задрожалъ отъ злости.—Любите?... А Зина?...

Леневъ вздрогнулъ, отступилъ и уронилъ голову.

— Слушайте... вы!..—Закинувъ голову, закинувъ за спину руки, она медленно подошла къ Ленеvu.—Я не допускала мысли, что вы...—она осмотрѣлась по сторонамъ безпомощно.—А теперь я...—глаза Таси закрылись.—Ненавижу!... Теперь вы для меня ничто!

Крикъ ея прервался рыданьями. Леневъ бросился было къ ней, но та оттолкнула его и вышла изъ комнаты. Леневъ медленно подошелъ къ окну и смотрѣлъ на какія-то трубы, какія-то крыши. На душѣ было противно и скользя. Голова пламенѣла и мерзла въ одно и то же время. Хотѣлось встать ногами на подоконникъ, податься впередъ, за тонкія, хрупкія стекла, и потомъ ринуться куда-то внизъ, такъ, чтобы по близости свистѣлъ холодный и рѣзкій воздухъ, чтобы отъ стремительной быстроты перепутались и забылись острия мысли.

И сначала показалось ему, что онъ и въ самомъ дѣлѣ куда-то летитъ, что вокругъ его рѣжущіе звуки, похожіе на плачь маленькихъ дѣтей. Потомъ онъ распозналъ этотъ слабый, безпомощный голосъ, весь насторожился и замеръ... и мгновенно затѣмъ бросился впередъ и вбѣжалъ въ маленькую комнату.

Сначала, въ полумракѣ, онъ ничего не разобралъ (были опущены шторы). Потомъ въ глазахъ заблѣло что-то тонкое, подрагивающее и нѣжное. И охваченный чувствомъ безпредѣльной, восторженной жалости, онъ подошелъ къ Тасѣ, присѣлъ на кровать къ ея ногамъ и тихо дотронулся до ея маленькой руки.

Онъ думалъ, что Тася вырветъ руку, этого не случилось. Тася не двинулась и все тихо и жалобно плакала, какъ обиженный ребенокъ.

— Тася,—тихо заговорилъ онъ, и весь содрогнулся въ безконечной нѣжности и тоскѣ.—Просить мнѣ прощенія у васъ? Для невиннаго!... Вѣдь знаете вы: давно потерялъ я себя и найти не могу! Тасичка! Чувствовали ли вы когда-нибудь, что вотъ-вотъ,—и земля растаяла подъ вами, что она вдругъ расплылась и вы тонете... тонете!... Я утонулъ ужъ давно, моя Тася! Прежде всего утонуло мое слабое сердце, за нимъ потонулъ и умъ. И вотъ я передъ вами, безъ сердца и безъ ума, жестокий ко всѣмъ и даже къ вамъ, кого такъ безумно люблю!... Мучаю я васъ, знаю: мучаю! Да вѣдь и самъ весь измученъ я, Тася! То, что во мнѣ,—то не отъ меня. Кто-то

властно вошелъ въ меня и вырвалъ во мнѣ кроткій человѣческій умъ и вложилъ умъ жестокой. Кто-то подошелъ ко мнѣ и вырвалъ мое мягкое человѣческое сердце и замѣнилъ его сердцемъ жестокимъ ко всѣмъ и всему... кромѣ одного!... Впрочемъ, и здѣсь я жестокъ, это я чувствую... Но это одно для меня—все!—Лицо его запылало, вѣки глазъ, дрогнувъ, упали.—Все, чѣмъ я жилъ, живу и буду жить, если только я буду... Тасичка, слушайте жить безъ васъ я не стану... вами клянусь!

Уже давно поднявшаяся съ постели Тася съ ужасомъ смотрѣла на Ленева, вся блѣдная и всхлипывавшая.

— Что вы говорите!—прошптала она,—что говорите? Вы подумайте только...

— Я много думалъ,—Леневъ жалко усмѣхнулся,—и больше думать ужъ не могу. Кромѣ васъ я думаю еще объ одномъ: ахъ, мнѣ не жить! И не будетъ ни головной боли, ни сознанія преступности, ни лжи, ни обмановъ! О, за это можно отдать многое!

Тася вздрогнула.

— Что только вы говорите!—безпомощно повторила она.—Ну, чего вы хотите отъ меня? Ну? Говорите?

— Чего хочу?—вскрикнулъ Леневъ, и глаза его, свергнувъ, тотчасъ же погасли.—Чего я хочу?—голосъ его зазвенѣлъ и упалъ, точно разсыпалось что-то мѣдное.—Васъ я хочу!... Васъ, Тасичка! Это—давно! Тогда, какъ я обнялъ васъ на обрывѣ, какъ сидѣлъ съ вами я на скамьѣ... какъ цѣловалъ я васъ... тою ночью!... Я хочу,—глаза Ленева вспыхнули и заблестали,—чтобы вы сказали мнѣ: «Я—твоя!» Чтобы ты была, дѣйствительно, моей, вся моя, только моей. Чтобы кромѣ тебя никого у меня не было, чтобы только тобой билось сердце! Чтобы только мои были эти маленькія невинныя губы, эта тоненькая хрупкая дѣтская талія.—Леневъ обнялъ ее и, близко придвинувъ къ ея лицу свое потускнѣвшее лицо, зашептала часто и прерывисто:—Тася, милая, невинная, ненаглядная! Другое все для меня умерло. Тася, да приходилось ли тебѣ жить съ одною мыслью! Это ужасно! Когда на землю сходитъ ночь, ужасъ ватываетъ меня и сжимаетъ когтями мнѣ сердце—и я думаю о тебѣ. И мнѣ чудится, что подо мною въ сумракѣ ночи безшумно плещется море и что все море нужно пройти, чтобы дойти до тебя. Заряется день: я хожу, ничего не дѣлаю и уныло смотрю: солнце зное ласковое, деревья такія зеленныя, а море... такое глубокое! И опять ночь. И опять я одинъ, и опять всѣ заснули, а я все сижу и думаю. Если кто-нибудь невдалекѣ шепнетъ слово, я весь холо-

дѣю и дрожу: не ты ли идешь? Не ты ли позвала меня? И самъ говорю себѣ: нѣтъ не ты... ты далеко... а море... такое глубокое!

Голосъ его оборвался, поблѣло лицо, онъ весь двинулся, сжалъ Тасю въ объятіяхъ и прежде, чѣмъ успѣла она отшатнуться, прикинулъ къ ея губамъ и, говоря что-то безумное, цѣловалъ ее безъ конца.

И Тася не крикнула. Она лежала передъ нимъ неподвижно и слабо, какъ неживая. Ни силъ, ни голоса, ни желанья сопротивляться въ ней не было. И чувствовалось въ этомъ что-то роковое и безумно страшное. И казалось: умеръ не одинъ умъ и не одно сердце.

Въ слѣдующей комнатѣ раздался шумъ. Тася, слабо вскрикнувъ, отстранилась отъ Ленева и подошла къ окну.

Послышались голоса. Викторъ Ивановичъ о чемъ-то спорилъ съ Зиной.

— Что это вы спрятались?—спросила Зина, войдя въ спальную.

Леневъ мгновенно бросилъ взглядъ на Тасю. Она пошатнулась и схватилась за штору, чтобъ не упасть. Леневъ сдѣлавъ надъ собою усилие, выпрямился... кости его хрустнули.

— Ничего!—сказалъ онъ и самъ подивился, до чего голосъ его былъ спокоенъ и гадокъ.—Почему это вы такъ долго?

XXV.

Леневъ нервно ходилъ по бульвару, осматривался по сторонамъ, вынималъ часы и машинально пряталъ ихъ снова. Ползли сумерки. Было холодно, дулъ рѣзкій вѣтеръ, вздымая тучи оледенѣвшаго песку. На аллеяхъ бульвара было скользко: оттепель сразу смѣнилась морозомъ.

— Что же это,—шепталъ Леневъ, кусая губы.—Она не придетъ... не придетъ... не придетъ...

Онъ припоминалъ свой вчерашній разговоръ съ Зиной.

— Я удивляюсь,—говорила она вечеромъ Ленеvu и, казалось, пытливо въ него всматривалась.—Отчего это папа здѣсь все гоститъ Тасягѣ тоже почему-то здѣсь очень понравилось...

— Что же, они тебѣ помѣшали?...—сдерживая раздраженіе, и ворилъ Леневъ и пряталъ глаза.—Пусть ихъ живутъ. Еще успѣю насидѣться у себя въ омутѣ.

Зина ничего не отвѣтила и все пытливо смотрѣла... Затѣмъ начала говорить о томъ, что Тася дѣйствительно было бы полезно по

жить въ Москвѣ, если бы только она время проводила «по человѣчески»: ходила бы на лекціи, на митинги... на бесѣды.

«Какъ все это обычно, — съ озлобленіемъ думалъ Леневъ. — Все по мѣрѣ, по хорошему плану, хорошими словами...»

Весь тотъ день Тася ему не показывалась. Боясь остаться съ нимъ съ глазу на глазъ, она уходила въ свою комнату при малѣйшемъ его приближеніи... Когда онъ, на другой день, увидѣлъ ее, сердце его сжалось: въ одну ночь Тася измѣнилась, словно вынесла серьезную болѣзнь. Зина смѣрила ее длиннымъ взглядомъ. Подавая сестрѣ руку, Тася вся вспыхнула, что-то пробормотала и присѣла къ краю стола, опутивши глаза на скатерть. И скоро ушла.

Вечеромъ ему удалось все-таки написать ей письмо. Онъ просилъ ее подарить ему всего полчаса и не дома, потому что тамъ говорить было нельзя. «Прошу я послѣдній разъ, — писалъ онъ, — сдѣлайте это, если возможно».

Сумерки все надвигались; на бульварѣ погустьѣла толпа. Появилось много женщинъ и развязныхъ мужчинъ.

— Она не придетъ, конечно! — уныло сказалъ Леневъ. — Придти сюда... вечеромъ... Ей одной... Какъ это я могъ написать?...

И онъ нерѣшительно побрелъ по бульвару, не смотря ни на кого, съ опущенной головой. Потомъ что-то толкнуло его въ сердце. Онъ не видалъ еще никого, а сердце въ немъ рвалось и кричало: Она здѣсь, здѣсь! — Точно руководимый, онъ подался впередъ и пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и изумленный всплеснулъ руками.

— Тася!!

Она быстро прошла мимо него, не повернувъ къ нему своего лица. Леневъ пришелъ въ себя только тогда, когда Тася почти совсѣмъ исчезла отъ него въ темнотѣ.

— Что это я дѣлаю! — пробормоталъ онъ и быстро пошелъ за дѣвушкой. — Тасичка! — шепталъ онъ прерывисто. — Подождите... Пришла!... Сядьте. Такъ любишь? Любишь?

Онъ схватилъ ее за обѣ руки и крѣпко ихъ стиснулъ и тутъ же поцѣловалъ ихъ обѣ, застывшія отъ холода.

Усѣлись они на скамьѣ подлѣ фонаря.

Лицо Таси было серьезно, губы вздрагивали.

— Ахъ, ужасно! — почти крикнула она. — Вѣдь вы же меня мучаете! Мучаете...

— Скажи, вѣдь ты любишь? — спрашивалъ Леневъ. — Вѣдь любишь, да?

— Ахъ, я не знаю! — твердила Тася, — мнѣ все равно! Я...

Слезы вдругъ оборвали ея слова, руки ея дрогнули, дрогнула маленькая голова и упала на руки.

— Ахъ, какое несчастье! Какое это несчастье!

Рыданья сдѣлались громче. Ленева всталъ и нѣжно взялъ ее за руку и тихо повелъ по бульвару, свернувъ въ боковую аллею.

— Домой?—спросилъ онъ вдругъ себя съ ужасомъ.—Домой? Что дѣлать тамъ, дома? Сказать все, признаться во всемъ... или нѣтъ?... Лгать?...

Онъ остановился, невидящими глазами осмотрѣлся вокругъ себя, потомъ вздрогнулъ, двинулся впередъ, тряхнулъ головою. Лицо его исказилось отъ ужаса.

— Ахъ, все равно!—проговорилъ онъ и усмѣхнулся.—Все равно. Если ужъ мучаться... Все равно!

И онъ обнялъ Тасю и свелъ ее съ бульвара на тротуаръ, и пошелъ по улицѣ, и свернулъ въ темный переулочекъ, и тамъ еще крѣпче охватилъ рукой ея тонкую, гибкую талию.

— Все кончено!—сказалъ онъ и фразу выговорилъ съ трудомъ, потому что языкъ не повиновался и зубы стучали.

Мягкой, сгибающейся какъ резина, рукою онъ толкнулъ стекло двери какого-то дома и быстро повелъ Тасю вверхъ по лѣстницѣ, машинально унося въ ухъ непрерывное трещанье звонка, а въ тѣлѣ все то же разслаблявшее дрожанье.

— Буда это?—робко спросила Тася.

Ленева хотѣлъ что-то сказать, но ничего не сказалъ, только зубы у него ясенули, и ужасная улыбка искривила лицо.

Нѣсколько лагеевъ выбѣжало имъ навстрѣчу. Ничего не понимавшая, Тася съ любопытствомъ взглянула на нихъ и на Ленева. Ленева опять хотѣлъ что-то сказать, опять ничего не сказалъ, и только попрежнему стиснулись у него зубы, искривилось побѣлѣвшее лицо.

Ихъ провели въ кабинетъ, гдѣ все было красное: и стѣны, и полъ, и потолокъ, и мебель, и огни. Все точно пылало. Ленева бросился къ двери, заперъ ее на ключъ... Потомъ быстро подбѣжалъ къ Тасѣ и вскрикнулъ, и упалъ къ ея ногамъ. Тѣло его охватили конвульси. Руки тряслись и бились о кресло, въ которое сѣла испуганная Тася. Лицо помертвѣло, улыбка застыла на лицѣ; онъ пытался что-то сказать, но слова не выходили.

— Алеша!—испуганно крикнула Тася, — что съ вами? Вы больны...

— Ни...и...и... — Ленева, хотѣлъ подняться. Сдѣлавъ, наконецъ, усиліе, онъ привсталъ съ пола, протянулъ руки, опледелъ

ими талию дѣвушки; руки за нею сдѣпились; пальцы впились въ пальцы, голова упала на колѣна къ Тасѣ.

— Пустите!—крикнула Тася, и голосъ ея зазвучалъ такъ же отчаянно и беспомощно, какъ и тогда, осеннею ночью.—Алеша! Пустите, больно!

— Тася!—вдругъ съ усиленіемъ сказалъ Ленева.—Я знаю, что преступенъ, что завтра у меня будутъ обманы и ложь... что завтра я, можетъ быть, не буду и жить!... Но сегодня—мое... Сегодня—съ тобою. Я не хочу думать о томъ, что будетъ завтра... только одно: сегодня! Сегодня!

Онъ приподнялся, приблизилъ лицо къ лицу Таси и вдругъ приникъ къ ея губамъ, вдыхая тонкій ароматъ волосъ, чувствуя теплоту и упругость гибкаго, прилегшаго къ нему дѣвическаго тѣла.

— Пустите, Алеша! Ради Бога!—кричала Тася, отбиваясь. Онъ ловилъ ея руки, ловилъ ея лицо и покрывалъ поцѣлуями ея шею, губы, глаза и бѣленькое платье, раскрывшееся на груди.

— Алеша, Алексѣй!—беспомощно-жалко кричала Тася и, вырвавшись, встала съ кресла.—Я уйду, сейчасъ же уйду!

Она бросилась къ двери, но онъ схватилъ ее за руку и что-то крикнулъ сдавленнымъ голосомъ. Тася повернулась, шубка упала на полъ, Ленева вскинулъ на нее глаза,—бѣлое платье ея свергнуло какъ огненное... онъ вскрикнулъ опять, усмѣхнулся и, взявъ всю ее на руки, бѣлую, тоненькую и невинную, отнесъ изъ прихожей назадъ, посадилъ въ кресло и опять упалъ передъ ней на колѣни, еще тѣснѣе прижавшись къ ней и ее обнимая.

— Ра...дость моя!

— Ахъ!—крикнула Тася. Лицо ея поблѣднѣло, глаза закрылись, голова откинулась къ спинкѣ кресла, руки упали и повисли.

И сейчасъ же, вся блѣдная, она поднялась передъ нимъ во весь ростъ, оттолкнула его и крикнула:

— Опомнитесь!.. Что съ вами?!

Ленева выпустилъ ее изъ рукъ. Чуть звенящимъ плачемъ плакала Тася. Стояло робкое, пристыженное молчаніе. Равнодушно отсчитывали секунды безглазые часы...

— Ну, вотъ! Такъ и зналъ: они вмѣстѣ!—самодовольно закричалъ Викторъ Ивановичъ, увидѣвъ вошедшихъ.—Зиночка безъ васъ се беспокоилась. А я говорю: пошла она къ поповнѣ, вотъ и весь газъ! А придутъ вмѣстѣ. Такъ оно и вышло...

Зина безпокойно и словно подозрительно оглядѣла Тасю и Ленева.

— Что это вы въ самомъ дѣлѣ?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.—Точно влюбленные!...

Леневъ подошелъ къ ней, склонился, посмотрѣлъ ей въ глаза... и вдругъ началъ хохотать. Зина вздрогнула. Лицо Ленева посинѣло, лобъ собрался въ морщины.

— Господи, что это?!—въ ужасѣ крикнула Тася.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся Леневъ придуреннымъ голосомъ и махнулъ на Зину рукой.—Ха-ха-ха!...

Кто-то подошелъ къ нему, старый, сѣдой и отъ этого весь смѣшной до изступленья. Онъ склонился надъ Лeneвымъ, заглянулъ въ глаза, конецъ его бороды мягко качнулся въ воздухъ... И это было также смѣшно. Леневъ опять засмѣялся, силился что-то проговорить, но лицо его все синѣло... Хохотъ сдѣлался еще болѣе сдавленнымъ. Тася опять вскрикнула и заплакала, Зина наливала воды, Викторъ Ивановичъ растерялся и суетился.

— Алеша! Алешечка!...—кричала Тася.—Милый, что съ вами...—она цѣловала Ленева, стоя передъ нимъ на колѣняхъ.

XXVI.

— Ты не спишь?—сказала Лeneву Зина.—Представь себѣ, я сейчасъ увидала во снѣ Володю. Онъ подошелъ ко мнѣ, склонился, поцѣловалъ меня въ губы и вдругъ куда-то полетѣлъ... полетѣлъ... полетѣлъ...

Леневъ вздрогнулъ.

— Я видѣлъ это же самое.

— Ужъ не случилось ли чего?—трепетно спросила Зина.

— Ну, вотъ,—недовольно произнесъ Леневъ.—Что за пустяки...—Онъ мелькомъ взглянулъ на часы. Было половина второго. «Непріятно ночью»,—мелькнуло въ умѣ.

— Ты не думай и постарайся заснуть,—сказалъ онъ Зинѣ и хотѣлъ было погасить свѣчу.

— Ахъ, не гаси!—робко крикнула Зина.

— Да что ты?—Леневъ опять вздрогнулъ.—Ты такъ разнервничалась.

— Не гаси, не гаси!—пробормотала Зина.

— Ну, не буду...—Леневъ взялъ со столика книжку.

— Знаешь,—я хотѣла съ тобою поговорить,—сказала Зина.—Насчетъ тебя и... Таси... Вотъ, вотъ!—вдругъ выкрикнула она съ испугомъ.

— Что такое?—Леневъ приподнялся.

— Кто-то полетѣлъ! все вверх... вверх!...

— Перестань, пожалуйста!—рѣзко остановилъ Ленева и загасилъ свѣчу.

Зина долго ворочалась на постели и, наконецъ, стихла. Ленева не спалъ и противъ воли неотвязно думалъ о томъ, что говорила Зина.

— Володя!—прошепталъ онъ, и сердце его дрогнуло въ предчувствіи.—Мой славный мальчишка!—Мысль, что онъ за собою со всѣмъ забылъ про брата, остро всколыхнула его нервы.—Ахъ, нехорошо!..—Тася! Милая Тася! Что-то Володя?...

Онъ вспомнилъ, что отъ Владиміра были письма... въ своемъ туманѣ, Ленева ихъ почти не прочелъ. Владиміръ писалъ, что ему тяжело стало жить... просилъ устроить его въ Москвѣ. Ленева ничего не отвѣтилъ... Сердце тревожно забилося.

Осторожно зажегъ онъ свѣчу и досталъ изъ стола письмо брата. Маленькія неровныя буквы письма рѣзали взглядъ. Чѣмъ-то милымъ, безконечно дорогимъ, невознаградиво утраченнымъ повѣяло отъ небрежно скомканнаго клочка... Руки его дрогнули, глаза жадно бросились къ строчкамъ.

«Тебя безусловно удивитъ это письмо,—писалъ Владиміръ,—но что же дѣлать, приходится надоѣдать тебѣ... Да и къ кому же мнѣ обратиться, какъ не къ тебѣ: ты постоянно умѣлъ меня успокоить и выручить. Долго я крѣпился, все на что-то рассчитывалъ... наконецъ, не выдержалъ и пишу тебѣ свою старую надоѣдливую просьбу: найди мнѣ мѣсто въ Москвѣ!»

— Старую и надоѣдливую!—повторилъ Ленева.—Значитъ, онъ ужъ писалъ мнѣ объ этомъ не разъ...—Сердце его сжалось въ тоскѣ и ожиданьи. Онъ придвинулъ къ себѣ свѣчу и продолжалъ читать:

«Не тебѣ объяснять мнѣ, какъ трудно и скучно жить въ нашемъ городѣ, гдѣ нѣтъ живого лица, гдѣ нельзя пройти шагу, чтобъ не натолкнуться на чиновника-городового, гдѣ ложатся спать въ девять вечера, гдѣ всѣ сплетничаютъ, пьянствуютъ и играютъ въ карты.

«Я не прожилъ тамъ еще, кажется, мѣсяца, а мнѣ чудится: пролъ годъ. Мнѣ чудится, что я посѣдѣлъ, что на плечахъ у меня мундиръ, что я сплетничаю, пьянствую и играю въ карты. Это асно, Алеша. Порою мнѣ представляется все это такъ явственно, что я долго собираюсь съ мыслями, чтобы выяснитъ себѣ: сошелъ ли я съ ума? Начинаю выяснять, а мнѣ уже чудится, что давно, давно женатъ, имѣю взрослыхъ дѣтей, которые ходятъ въ гимназію и получаютъ за это единицы... что, меня самого позвалъ

вчера губернаторъ и сказалъ: «Такъ служить нельзя. Вольнодумцамъ со мною нѣтъ мѣста...» А что еще хуже—я слышу и такія слова: «Такъ, такъ, пугните ихъ циркулярчикомъ!...» Право изъ такого хорошаго города не мудрено отправиться прямо въ Елисейскія поля. Вчера шелъ дождь, сегодня тридцать градусовъ мороза; меня для чего-то кормятъ креозотомъ, антипириномъ, антифибриномъ и еще чѣмъ-то... Я подозреваю, что головныя боли у меня еще съ Москвы... послѣ объявленія свободы. А у насъ о ней ни слуху, ни духу... «Подпугните циркулярчикомъ!...» и всего ужаснѣе, что мнѣ чудится, будто эти словечки говорю я... Ради Бога, если только ты не желаешь чего-то непонятнаго, сдѣлай такъ, чтобы я не думалъ о циркулярахъ, найди мнѣ хоть крошечное занятіе въ Москвѣ, чтобы не сидѣть по примѣру прежнихъ лѣтъ у тебя на шеѣ. И письмо мое—просьба послѣдняя... Найдешь возможнымъ, исполни, нѣтъ—какъ угодно. Цѣлую тебя, твой Владиміръ».

Леневъ дочиталъ письмо съ трепетомъ.

— Просьба послѣдняя!—медленно, съ острой грустью повторилъ онъ. Дѣлалось все безпокойнѣе.—Что за странность,—задавалъ онъ себѣ вопросы.—Я волнуюсь, какъ ребенокъ. Ничего еще не случилось, а я...—Онъ прошепталъ еще что-то невнятно и вздрогнулъ.

— «Почему это пришла мнѣ въ голову фраза: ничего не случилось? Развѣ что-нибудь должно было случиться? Развѣ что-нибудь могло случиться... И почему это я именно въ этотъ часъ думаю о письмѣ?... Зина что-то говорила... ахъ, страшно!»

Въ дверь спальни осторожно стукнули. Отъ этого легкаго стука Леневъ вскочилъ на кровати, крикнулъ, весь похолодѣвшій и сейчасъ же посмотрѣлъ на Зину. По случайности, она не проснулась. Стукъ повторился. Леневъ накинулъ на себя платье, вышелъ.

Передъ дверью стоялъ Викторъ Ивановичъ. Лицо у него было блѣдно и скосилось, губы тряслись.

— Что такое?—спросилъ Леневъ безпокойно,

— Вотъ что, братъ...—Викторъ Ивановичъ отвернулся.—Я, братъ, того... долженъ сказать тебѣ кое-что... Фортель, братъ, вышелъ...—Незамѣтно онъ смахнулъ слезу.

— Да что, говорите же...—вскричалъ Леневъ.

— Да вотъ, Владиміръ...

Леневъ тихо скользнулъ въ кресло.

— Что?—быстро, беззвучно спросилъ онъ.

— Владиміръ, братъ... захворалъ.—Викторъ Ивановичъ хотѣлъ улыбнуться, но губы у него скривились.—Володя-то умеръ, братъ... застрѣлился. На вотъ, выпей воды...

Леневъ сидѣлъ и думалъ.

— Выпей-ка, братъ, воды... чего ты?—Викторъ Ивановичъ тянулся къ нему со стаканомъ.

— Нѣтъ,—медленно и спокойно сказалъ Леневъ.—Зачѣмъ воды? Воды не надо...

Викторъ Ивановичъ посмотрѣлъ ему въ глаза; хотѣлъ было опять улыбнуться; губы его разбѣхались и ужасное, хриплое рыданье вырвалось изъ груди. Онъ мотнулъ головой, закрылъ себѣ ротъ рукою и выбѣжалъ въ другую комнату. А Леневъ все сидѣлъ въ креслѣ и думалъ:

«Воды не надо».

Легкій шорохъ заставилъ его вздрогнуть. Онъ поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ старикъ съ грязнымъ, морщинистымъ лицомъ, на которомъ слезились маленькіе глаза съ отвороченными вѣками. Леневъ все смотрѣлъ ему въ лицо и не могъ представить себѣ: кто это.

— Ѳедоръ?—спросилъ онъ.—Потомъ вспомнилъ и сказалъ, обрадовавшись.—Ахъ, это ты, поваръ Александръ... Такъ Володя умеръ?...

Александръ заморгалъ глазами.

— Тебя послали сообщить?—Леневъ все вглядывался.—Постой. Да вѣдь ты служишь у Виктора Ивановича? Зачѣмъ же ты-то пріѣхалъ?

— Они-съ... Владиміръ Александровичъ меня къ себѣ...—залепеталъ Александръ и всхлипнулъ.

— Воды не надо!—сказалъ Леневъ кому-то. До его уха донеслись рыданья. «Это Зина. Она плачетъ. Да, это естественно». Онъ увидалъ передъ собою блѣдное, тонкое молодое лицо; глаза смотрѣли пытливо-выжидательно.—А это Тася,—сказалъ Леневъ громко. Тася подошла къ нему.—Она не плачетъ. И я. Мы оба не чувствуемъ.

— Алешечка,—сказала Тася и робко подошла.

Леневъ улыбнулся.

— Это я, Тася. Надо посмотрѣть, что съ Зиной. Она плачетъ.

— Нѣтъ, ничего,—торопливо шепнула Тася.—Плакать не надо.

Леневъ посмотрѣлъ на нее пристально.

— Это вѣрно, Тася. Плакать не надо. А вотъ Александръ плачетъ. Что мама? Я сегодня поѣду къ ней.

— Я тоже!—сказала Тася громко и вопросительно взглянула на Ленева, какъ бы спрашивая его: можно ли это?

— Конечно,—сказалъ Леневъ.—Мы оба и поѣдемъ,—онъ вы-

шелъ къ Зинѣ. — Мы поѣдемъ къ мамѣ сегодня же... — лицо его не измѣнялось.

— Да, да, всё... — Зина поглядѣла на Ленева съ испугомъ.

— Всё! — высоко поддакнулъ Викторъ Ивановичъ.

— Ну, что же... Надо велѣть дать чаю! — сказалъ Леневъ. — Александръ усталъ съ дороги. А я буду укладываться.

Къ вечеру они побросали всё вещи въ сундуки и выѣхали на вокзалъ.

Поѣздъ отходилъ ночью. Викторъ Ивановичъ, Зина и Тася неподвижно сидѣли на диванахъ, сбившись въ маленькую кучку, и молча терпѣливо ждали звонка. А Леневъ ходилъ по вагону и думалъ. Лицо его оставалось спокойно. Зазвенѣли звонки. Поѣздъ дрогнулъ и побѣжалъ.

— Сядьте къ намъ, Алешечка! — робко попросила Тася. — Вы всё время ходите.

— Да, я сейчасъ, — согласился Леневъ и присѣлъ. — Такъ поѣздъ, вы говорите, тронулся? Это хорошо. Намъ сколько дней ѣхать?

— Два, — сказалъ Викторъ Ивановичъ.

— Это хорошо.

— Алексѣй, надо бы тебѣ чего-нибудь съѣсть. Вѣдь мы еще не обѣдали, — сказала Зина.

— Неправда, — рѣзко оборвалъ Леневъ. — Мы уже обѣдали вмѣстѣ! Какъ это вы забыли?

Онъ вышелъ на площадку вагона. Поѣздъ опять жалобно плакалъ, какъ плакалъ тогда, когда Леневъ ѣхалъ въ Москву, и также быстро и робко бѣжали мимо огонь темные силуэты.

Время отъ времени поѣздъ на что-то словно насакивалъ: разъ, разъ! вагонъ содрогался. Потомъ опять торопливо-ровно бѣжалъ и жалобно плакалъ. Опять за поѣздомъ бѣжала круглая блѣдная луна и то обгоняла поѣздъ, то отставала и показывалась въ его хвостѣ. Какъ-то она пропала. Леневъ съ любопытствомъ двинулся и вздрогнулъ. Передъ нимъ черезъ щель двери виднѣлся Викторъ Ивановичъ. Онъ сейчасъ же, впрочемъ, повернулся къ Ленеvu спиной.

— Что это вы? — съ неудовольствіемъ крикнулъ Леневъ.

Викторъ Ивановичъ передернулся и хотѣлъ изобразить на лицѣ удивленіе.

— А, это ты? — началъ было онъ неестественнымъ тономъ, но Леневъ оборвалъ его.

— Ступайте отсюда, пожалуйста. Не бойтесь, не брошусь на рельсы...

— Ну, кто жъ это думаетъ?—Викторъ Ивановичъ попытался сдѣлать пораженное лицо и закашлялся.

— Идите, пожалуйста,—попросилъ Ленева.

Викторъ Ивановичъ мотнулъ головой и поплелся во-свояси.

Ленева опять началъ смотрѣть на луну. И внезапно случилось чудо: какъ и прежде, луна вдругъ вспрыгнула въ окно, ударилась о полъ и рассыпалась вдребезги, въ мельчайшія огненные искры. Это было такъ неожиданно и великолѣпно красиво, что Ленева отстранился и смотрѣлъ въ восхищеніи. Опять все потемнѣло. Загудѣло желѣзо. Вѣроятно, поѣздъ проходилъ черезъ мостъ. Ленева приникъ къ окну. Съ темнаго неба сорвалась звѣзда и мгновенно покатила ослѣпительнымъ зигзагомъ.

— Володя!—мелькнуло въ головѣ Ленева. И торжественно-грустное чувство охватило его, и стало накатываться на сердце массивной, словно металлической лентой.

Захотѣлось пѣть что-то очень простое, тягучее и трогательное, и онъ прислонился къ окну и началъ пѣть тихо, вздрагивающе-просительнымъ голосомъ:

— «Со свя-ты-ми упо-ко-ой! Христе Боже... душу ра-ба-а Твоего!»

Выглянула луна и взглянула близко-громадная, задумчивая, съ внимательно-печальными глазами. Поѣздъ какъ будто бы пересталъ стучать и тоже слушалъ... одна, четыре, шесть... зажглось восемь звѣздочекъ.

— «И-дѣ же нѣсть бо-лѣзнь,—продолжалъ Ленева, и на глаза его накатывалась пелена.—Ни воз-ды-ханіе... но—жизнь без-ко-неч-на-я!»

Два огромныхъ огненныхъ глаза вдругъ устремились прямо на Ленева и сейчасъ же кто-то крикнулъ чудовищно-рѣзко:

— А-ай!...

Пѣнье оборвалось. Поѣздъ дрогнулъ, Ленева зашатался и схватился за что-то, чтобы не упасть. Опять въ глаза бросилась фигура Виктора Ивановича.

Ленева вскрикнулъ и бросился къ нему.

— Викторъ Ивановичъ!—закричалъ онъ слезливымъ, беспорядочнымъ голосомъ.—Ради Бога! Оставьте меня! Что я вамъ сдѣлалъ! Оставьте, оставьте!...

— Да, я... я... ни-чего,—залепеталъ Викторъ Ивановичъ и ть юркнулъ на свое мѣсто.

Передъ Леневымъ нарисовалось строгое лицо Таси.

— Не надо кричать, — спокойно сказала она. — Посидите съ нами, Алешечка.

Леневъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза и покорно сълъ подлѣ.

XXVII.

Былъ очень северный, холодный и вѣтряный день, когда они прѣѣхали въ городъ. Викторъ Ивановичъ вышелъ нанимать извозчиковъ. Рѣшили поступить такъ: Ленева съ женой ѣхать къ Елизаветѣ Николаевнѣ, Виктору Ивановичу съ Тасей пока остановиться въ гостиницѣ.

Леневы ѣхали по скользкимъ улицамъ, полнымъ ямъ и жидкой грязи; оба осматривались по сторонамъ, точно городъ былъ имъ неизвѣстенъ. Миновали базарные, хлѣбные ряды... «Вотъ куда теперь?» думалъ Леневъ. Извозчикъ свернулъ вправо. «Сюда, сюда!» Пролетка загромыкала по неровной мостовой. Вотъ маленький домикъ. Въ глазахъ Ленева помутилось. Онъ вошелъ на крыльцо и искалъ звонка. Звонка не было. Клеенка двери была оборвана и висѣла клочьями. Онъ постучалъ. Выбѣжала грязная баба и начала что-то кричать. Леневъ прямо прошелъ въ столовую.

— Мама! — Звукъ разнесся.

Съ подушекъ поднялась голова. Черные волосы въ беспорядкѣ висѣли на ней; губы были черны, подъ глазами были черные круги, щекъ не было видно. Что-то безобразно-рѣзкое защемило душу Ленева... внутри оборвалось и упало. Чтобы не крикнуть, онъ впился зубами въ языкъ и подошелъ къ матери спокойно.

— Алешечка! — тихо сказала Елизавета Николаевна. Она не плакала. — Я вотъ лежу. Я не могу вставать, — она улыбнулась. — Ноги не дѣйствуютъ. Я причащалась вчера. Батюшка былъ хорошій: много говорилъ. Я смирилась.

— А гдѣ Павелъ? — спросилъ Леневъ.

— Сейчасъ придетъ... Да что же это я? — она вдругъ потянулась къ нему и начала порывисто цѣловать Ленева глаза, губы, руки. — Только ужъ ты не уѣзжай отъ меня! — робко сказала она и вдругъ начала плакать тихо и неслышно. И лишь по дрожанью трепетавшихъ рукъ, на которыхъ остались однѣ кости, было видно, что она плачетъ.

Леневъ покосился на ея руки: были онѣ сморщенные, тонкія, словно дѣтскія, и безпомощныя. Онъ поцѣловалъ мать въ лобъ.

— Не надо, мама, — серьезно сказалъ Леневъ.

Она посмотрѣла на него и перекинула взглядъ на Зину, все время молча стоявшую въ дверяхъ.

— Зиночка, милая!—заговорила она и протянула къ ней руки. Зина быстро подошла къ ней и приникла къ ея рукамъ.

«Зачѣмъ это?» подумалъ Ленева и всталъ.

— Вчера похоронили только... — говорила Елизавета Николаевна. — Лежалъ Володичка тамъ... — она указала глазами на столовую. — И былъ онъ весь такой розовый, улыбающійся... Такой спокойный. И нисколько это его не обезобразило. Маленькая только дырочка на лѣвомъ височкѣ и кругомъ синій ободокъ.

«А-а-а!» вдругъ захотѣлось крикнуть Ленева; онъ не сдержался и схватился за сердце, и крикнулъ дико, и отчаянно, не по-человѣчески страшно:

— А-а-а!!...

Елизавета Николаевна отшатнулась въ ужасѣ, къ Ленева бросилась Зина. Еще лицо наклонилось. Какъ въ туманѣ Ленева видѣлъ передъ собою взъерошенное, загорѣлое и преждевременно-сморщенное лицо брата Павла.

— Ни-и-чего, — заикаясь говорилъ Ленева, приходя въ себя и улыбаясь.

Елизавета Николаевна смотрѣла на него недоумѣвающе. Ей было непонятно: что сказала она особенно страшнаго?

— Хорошо отпѣвали, — говорила она дальше, когда все успокоилось. — Дамы падали въ обморокъ. Дамы, Алеша, незнакомыя... Товарищи провожали, гробъ несли на рукахъ... — Видимо, это ее тѣшило. — А вотъ, Алешечка, — продолжала она, и лицо ея сдѣлалось испуганнымъ. — Вотъ когда приходилъ ко мнѣ причащать батюшка, хорошій такой священникъ. Долго меня утѣшалъ, я говорила тебѣ. Вотъ только взялъ это онъ чашу, началъ ее вытирать и вдругъ полотенце все такъ и почернѣло. Это нехорошо, Алешечка... А въ гробъ мы ему положили образокъ. Одѣли мы его во все новое... Только вотъ сюртугъ надѣли на Володичку Пашиныхъ, постарше...

— А-а-а! — Ленева опять ударило въ голову, но онъ сдѣлалъ усиліе и сдержался.

Всѣ опять заволновались.

— Да что съ тобой, — опять недоумѣвающе спросила Елизавета Николаевна.

— Боли въ сердцѣ, — Ленева силился улыбнуться. — Это ничего, у меня это бываетъ.

— Надо скорѣе развести бромъ! — испуганно заговорила Елизавета Николаевна. — Паша, дай скорѣе Алешечкѣ бромъ.

— Не надо, не надо, — тихо говорилъ Ленева.

Елизавета Николаевна опять рассказывала:

— Священникъ не хотѣлъ его хоронить. Самоубійца!... Но мы...

«Какъ это говорить она такія слова!—мелькало въ головѣ Ленева.—Вѣдь сама ея жива».

— Пришлось доктора попросить. Написали, что въ состояніи разстройства... И могилку сдѣлали хорошую... вся въ цвѣтахъ.

— Я не пойду!—сказалъ вдругъ Ленева.

Елизавета Николаевна испугалась.

— Какъ не пойдешь, Алешечка? Я вотъ, какъ только поправлюсь, непременно. Вѣнковъ было много... Все хорошіе были вѣнки.

«Какъ это странно!—думалъ Ленева.—Она говоритъ свое, я—свое думаю,—и оба мы чувствуемъ по разному... А вѣдь всего—одно только рожденіе. И разницы-то всего тридцать лѣтъ... А какъ это она страшно сказала: «Маленькая только дырочка!... Сюртукъ надѣли Папинъ... Самоубійца!...» А сама... ея жива!»

Бъ вечеру явились Викторъ Ивановичъ съ Тасей. Елизавета Николаевна опять начала рассказывать о томъ, какой свѣтлый и ясный лежалъ Володя въ гробу, какое чудесное было у него лицо, какъ много вѣнковъ лежало на его могилѣ... и какъ плакали, и падали въ обморокъ дамы при его отпѣваніи.

Что-то непонятно-торжествующее и какъ будто бы жесткое появлялось на ея лицѣ, когда она рассказывала о томъ, какъ горевали по ея сынѣ... А Ленева смотрѣлъ на нее, трепетно разгадывая ея настроеніе, и хмурился... Посмотрѣлъ онъ на Тасю, когда она вошла. Тася подошла къ Елизаветѣ Николаевнѣ, и лицо у нея вовсе не было смущенное или скорбное.

Она подошла быстро, руки не цѣловала, бровей не хмурила, но и не улыбалась. Подошла ясная, спокойная и въ то же время чувствующая.

— И такой молодой, совсѣмъ мальчикъ!—торопливо говорила Елизавета Николаевна, какъ бы стараясь вылить все, что было на душѣ.—Ахъ, такой молодой...—она забила и заплакала.

Ленева слушалъ, слушалъ... и вдругъ сердце его сжалось тоскою. Что-то вспомнилось, блестящее небесными искрами, великолѣпное, сверхчеловѣчески-чуждое и человѣчески-непонятное.

«Не рыдай такъ безумно надъ нимъ!»

Онъ привсталъ, улыбнулся, глаза подернулись туманомъ на душѣ точно повѣяло пламя.

«Хорошо умереть молодымъ!»

Тоска по чему-то далекому, безпредѣльно-ясному, великолѣпному и безконечному охватила умъ; сердце дрогнуло, беспорядочно быстро

забѣгали въ головѣ мысли, слова низались, какъ жемчугъ на шелковый шнуръ.

«Безпошадная пошлость ни тѣни
Положить не успѣла на немъ».

Онъ всталъ, подошелъ къ матери и чуть слышно дотронулся до ея плеча. Лицо его поблѣднѣло, но губы улыбнулись, и затрепетали вѣки глазъ.

«Не рыдай... такъ безумно... надъ нимъ!»—

сказалъ онъ вдругъ невольно, неожиданно для себя и тихо. И сейчасъ же смутился, сейчасъ же задрожалъ и зарыдалъ самъ громко, больно и отчаянно... и шатаясь вышелъ изъ комнаты.

— «Ахъ, нельзя!—мелькнуло въ его головѣ.—Нельзя! Не то... Есть такія мгновенія... такія чувства. На нихъ можно только указать,—и мимо»!...

Онъ припоминалъ, какъ удивленно-испуганно посмотрѣли на него и Елизавета Николаевна, и Зина. Только Тася не измѣнилась въ лицѣ, въ глазахъ ея блеснуло что-то мгновенное, лучезарное.

— Милая, чудная!—сказалъ Ленева. Внезапно мысли задернулись туманомъ, заболѣла голова, заболѣло сердце... Опять надъ нимъ склонились покрытыя пеленой лица, внимательно испуганные глаза смотрѣли на него съ безпокойствомъ. «Ахъ, ничего!» хотѣлось сказать Ленева. «Хорошо умереть молодымъ!» И опять на мозгъ падало забытье.

Вечеромъ Викторъ Ивановичъ съ Тасей ушли.

Ленева какъ-то не замѣтилъ ихъ ухода: разсѣянно протиснулся онъ съ Тасей, разсѣянно сказалъ что-то Виктору Ивановичу.

Въ ихъ маленькой спальнѣ зажгли лампаду.

«Это хорошо,—подумалъ Ленева, входя.—Такъ свѣтлѣ».

Онъ внимательно осмотрѣлъ маленькую старую трехугольную тумбочку, на которой стояли одна на другой нѣсколько дорогихъ старинныхъ иконъ. Пламя лампы мигало и отъ этого казалось, что лики святыхъ то улыбаются, то свергаютъ глазами.

— Спокойной ночи!—донеслось до него. Вошла Зина.

— Что это?—сказалъ Ленева.

— Я съ мамой протиснулась,—сказала Зина и начала раздѣться.

Ленева помолчалъ.

— Такъ это ты ей сказала: спокойной ночи?—спросилъ онъ.

— Ну да, я,—удивленно отвѣтила Зина.—А что?

— Такъ, ничего,—Ленева потупился.—«Спокойной ночи...»
ранно говорить люди.

Зина легла въ постель.

— Что жъ ты?

— Ахъ, да, да!—Леневъ спохватился.—Я сейчасъ тоже лягу. Онъ вышелъ изъ спальни и остановился въ столовой.

Дверь въ комнату Елизаветы Николаевны не была прикрыта. Лампы тамъ тоже не было и также горѣла лампадка.

Леневъ тихо подошелъ къ окну, посмотрѣлъ. Темнота лѣзла сквозь стекла и давила душу. Не было видно ни земли, ни домовъ, ни небесъ; все было одинаково темно.

«Вотъ по этой темнотѣ тогда шелъ Володя», подумалъ онъ, приникъ къ стекламъ и сейчасъ же, задрожавъ, отдернулся, и съ ужасомъ зажмурилъ глаза.

Было тихо. Стучали только часы и что-то хрустѣло.

Леневъ прислушался: Елизавета Николаевна тихо шептала, вѣроятно, молитвы. Леневъ на цыпочкахъ подошелъ къ дверямъ, прислушался. Такъ и было. Елизавета Николаевна молилась. Ленеvu вдругъ страстно захотѣлось понять ея слова. Онъ весь согнулся и замеръ.

— Господи, Господи!—громко шептала Елизавета Николаевна.—Милосердія двери отверзи намъ!—голосъ ея сбивался.—Царю небесный.... правило вѣры, образъ кротости». Это было, средь темной, уснувшей ночи, величественно-прекрасно и трогательно.

«Милосердія двери отверзи намъ», тихо повторилъ Леневъ.

Внезапно крикнули.

— Ахъ!—вскрикнулъ и Леневъ.—Что это?

— Алексѣй!—крикъ повторился. Кричала Зина. Леневъ весь задрожалъ отъ бѣшенства.

— Сейчасъ, сейчасъ,—проговорилъ онъ, задыхаясь.

Въ окнѣ не было уже такъ безумно темно. Сквозь стекло видѣлось что-то движущееся, бѣлесоватое. Леневъ хотѣлъ было посмотреть, но глаза противъ воли закрылись и открыть ихъ онъ не смогъ.

— «Милосердія двери отверзи намъ!»

Въ комнатѣ стоялъ Кто-то. Громадный, не человѣчески-страшный. Стоило только открыть глаза, чтобъ увидѣть Его. Глаза не открылись.

Весь трясущійся, онъ побрелъ куда-то, цѣпляясь за стѣны и мебель и все не смѣя открыть глазъ.

— Кто?—спросила Елизавета Николаевна испуганно и, увидѣвъ Ленева, сказала:—Алешечка, это ты?

Леневъ съ усиліемъ подавилъ въ себѣ дрожь и проговорилъ:

— Кто же иначе?

— Не спишь?

— Сейчас лягу.

Елизавета Николаевна поймала въ сумракѣ его руку и начала цѣловать. На руку упали холодныя капли. Ленева присѣлъ къ ней.

— Не надо, — сказалъ онъ упрямо и жестко. И сейчасъ же прибавилъ мягко и задумчиво: — Мама, не надо!

— Вотъ въ такое время, — зашептала Елизавета Николаевна. — Мы ждали его, ждали... Передъ этимъ, Алешечка, онъ все ходилъ съ револьверомъ. Я все просила у него, отдай мнѣ. А онъ говоритъ: «это моего товарища. Я отнесу!» Вхожу это я въ его комнату, а онъ сидитъ за столомъ у круглаго зеркала и цѣлится прямо себѣ въ високъ. Я вскрикнула, упала на колѣни. Увидалъ онъ меня, всталъ, улыбнулся. «Это я пробую. Товарищъ мой одинъ такъ застрѣлился». Я схватила у него револьверъ. Онъ засмѣялся. «Ужъ вы, кажется, того, — сказалъ онъ. — На меня думаете... Чудно!» Я ему: отдай, Володичка. Еще нечаянно выстрѣлить. А онъ: «Господи, даже тутъ не вѣрять! Сказалъ: отнесу товарищу. Клянусь тебѣ, что я приду домой». Посидѣлъ, напился чаю и вышелъ.

Мы его ждали, ждали... Пробыло одиннадцать часовъ. За послѣднее время, Алеша, онъ поздно сталъ домой приходять. Мы съ Пашей легли. Потомъ слышимъ, что-то стукнуло. Потомъ еще, точно дверь. Паша вышелъ... Что-то въ кухнѣ крикнули... Ты помнишь, Алешечка, у насъ татаринъ жилъ, Гаймулла. Спалъ онъ въ сѣняхъ. И показалось ему, кнутомъ кто-то щелкнулъ... Онъ вышелъ, — да на Володичку въ дверяхъ и наткнулся.

Опять сталъ кто-то передъ глазами Ленева. И снова не посмѣли открыться глаза.

— Грязно тогда было... на улицѣ лужи. Володичка-то какъ пришелъ (вѣдь повлялся онъ, что придетъ!), перелѣзъ черезъ заборъ, — онъ всегда черезъ заборъ перелѣзалъ, походилъ по двору, взялъ у сарая лубки, подослалъ подъ себя, чтобъ пальто не запачкать... грязно было... и сѣлъ... Такъ его и нашли.

— Спать пора! — вдругъ закричалъ Ленева не своимъ голосомъ и поднялся.

— Алеша, милый! — Елизавета Николаевна трясущимися руками начала шарить въ темнотѣ спички.

— Спать пора! — крикнулъ еще разъ Ленева и выбѣжалъ къ себѣ.

XXVIII.

«Я самъ лишаю себя жизни,—читалъ Ленева въ предсмертномъ письмѣ брата.—Причинъ этому много,—стояло дальше.—Причины: и потерявшаяся жизнь, и необходимость жить въ захолустьѣ, и мое прошлое, загнавшее меня въ этотъ острогъ, и мои не счастья и несчастья страны, и много-много другихъ. Да простить меня Богъ, надъ которымъ всю жизнь я смѣялся и всю жизнь котораго любилъ... Письмо прошу передать. Въ смерти моей никого не винить. Владиміръ Ленева».

Другое письмо было адресовано Тасѣ и стояло въ немъ только:

«Одну васъ любилъ я».

— Какъ все это сложно!—печально сказала Тася Ленева. — Какъ жизнь ужасно сложна, жестока и неясна!

И склонившись къ Ленева, добавила тихо:

— Какъ подумаешь, жизнь! Что это? Добро или зло? Гдѣ зло, гдѣ добро? И правъ ли былъ, такъ рѣшая, нашъ маленькій, бѣдный Володя? И какая, Алеша, была это красивая, трагически-прекрасная и дѣтски-чистая жизнь! Онъ всю ее тосковалъ... все-то онъ жаждалъ, не вѣрилъ и мучился. И короткая жизнь его была полна бури... и онъ бури искалъ, потому что въ бурѣ видѣлъ покой... и въ бурѣ его нашелъ. Это и красиво, и трогательно, и жалко до слезъ. Гдѣ же лучше, Алеша, гдѣ лучше? Тамъ или здѣсь, на нашей бѣдной, дивно прекрасной и жестокой землѣ?... Ахъ, если бы знать, если бы хоть что-нибудь знать!... Что тамъ, за этими звѣздами? Люди ли, камни ли?... Или что-то въ самомъ дѣлѣ Вѣчно-Прекрасное?... И какъ все это странно, Алешечка! Что намъ сказать другъ другу *теперь*? Развѣ не все покончено? Развѣ передъ лицомъ этой страшно-загадочной и чудовищной смерти можно еще о чемъ-нибудь говорить?... Развѣ не кончилось все? *Все*, Алексѣй?...

А жизнь катилась впередъ, страшная, громадная и лигующая. И жаждою бѣдной, жестокой и невыразимо-красивой жизни наполнялось все.

И была она странная, неясная, страшно простая и страшно таинственная; дивно прекрасная и удивительно жестокая; грубая, низкая и великолѣпная.

И была она—жизнью.

Н. Крашенинниковъ.

Изъ Гейне.

Мы всё у рыбацкаго дома
Усѣлися шумной толпой.
Къ вечернему ясному небу
Туманъ поднимался морской.

Высокій маякъ засвѣтился,
Должно быть огни тамъ зажгли.
Какъ призракъ туманный, предъ нами
Корабль показался вдали.

А мы говорили о бурѣ,
О томъ, какъ матросы живутъ,
То въ страхѣ, то съ пѣсней, находятъ
Межъ небомъ и моремъ пріютъ.

Какіе есть люди и нравы,
Какъ міръ безконечно широкъ,
Какъ полны загадокъ волшебныхъ
И сѣверъ и дальній Востокъ.

У свѣтлаго, звонкаго Ганга
Деревья-гиганты цвѣтутъ,
Прекрасные, кроткіе люди
Предъ лотосомъ гимны поютъ.

Въ Лапландіи грязные люди
На корточкахъ важно сидятъ,
Варятъ себѣ рыбу, въ лачугахъ,
Варятъ, и кричатъ, и визжатъ.

Но вотъ наступило молчанье,
И каждый невольно вздохнулъ,
И дальній корабль одинокій
Въ туманѣ морскомъ потонулъ.

Н. Бальмонтъ.

АННА ИВЛЕВА.

I.

Я взяла мѣсто домашней учительницы у Ивлевыхъ по газетной публикаціи. Предыдущее мнѣ пришлось оставить, потому что родители моихъ учениковъ собрались по служебнымъ обстоятельствамъ въ Азію, куда ѣхать съ ними не согласовалось съ моими видами на болѣе или менѣе близкое будущее. Я разсталась съ моими учениками и ихъ родителями въ Москвѣ, гдѣ и напала на публикацію Ивлевыхъ. Нужно было ѣхать въ Р. готовить дѣвочку къ экзамену и заниматься съ нею музыкой. Изъ переписки выяснились остальные условія; они были не изъ блестящихъ, но выбирать было почти не изъ чего.

Время шло къ веснѣ. Было часовъ 8 вечера, когда я пріѣхала въ Р. Морозило, но не сильно. Огни рѣдкихъ фонарей, безтрепетные и блѣдно-красные, едва одолавали мракъ незнакомыхъ улицъ. Рѣдкіе прохожіе, какъ тѣни, двигались неторопливо въ неясности тихаго вечера.

Извозчикъ тоже не торопился. Кое-гдѣ въ домахъ были незавѣшаны окна, и мелькали подробности банальной обстановки жилищъ — узоры комнатныхъ растений, пестрая олеографія, позолота рамы, молочный свѣтлый шаръ стѣнной лампы...

Часто попадались церкви. На площади смутно рисовались очертанія древняго собора.

Въ глухомъ переулкѣ передъ деревяннымъ домомъ съ мезониномъ извозчикъ остановился; окна снаружи были закрыты ставнями.

Извозчикъ сказалъ:

— Это самый и есть ивлевскій домъ.

Пришлось не разъ повторить звонокъ, прежде чѣмъ дверь отворили.

— Повемерли что-ль они тамъ?—неодобрительно сказалъ из-

ромъ, бросалъ вокругъ себя дерзкое сіянье на прозаическіе квадратики обоевъ.

Наверхъ, въ таинственную темноту мезонина вела отсюда лѣстница съ перилами. Съ противоположной стороны зіяла дверь въ большую пустынную залу.

Пока я раздѣвалась, изъ другой расположенной подъ лѣстницей двери вошла въ прихожую женщина лѣтъ 35—36, худошавая, рыжеватая, роста средняго, въ темномъ платьѣ и пуховой пелеринкѣ. Вошла она спокойной и граціозной походкой, быстрымъ взглядомъ окинула меня и сейчасъ же опустила зоркіе живые глаза. Я съ перваго же знакомства съ ней замѣтила, что она была склонна держать глаза и голову всегда опущенными. Губы у нея были тонкія, носъ хрящеватый съ горбиной, лицо въ общемъ оригинальное, движеніе своеобразно-граціозныя.

— Пожаловали?—сказала она, любезно улыбнувшись. Но улыбка тутъ же спряталась.—Ну, здравствуйте. Вы извините, что не выѣхали встрѣтить васъ; вы не написали, съ какимъ поѣздомъ приѣдете.

Она говорила слегка въ носъ и букву «р» произносила не твердо; но и то и другое не портило ея пріятной манеры говорить. Эта женщина возбуждала желаніе узнать ее ближе, отгадать тайну чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго, таившагося въ ней.

Она привела меня въ мезонинъ, гдѣ была готова мнѣ комната. На окнахъ висѣли чистыя занавѣски; покрывала на постели сіяли яркой бѣлизной. Пока, оставшись одна, я раскладывала чемоданъ и перѣдѣвалась, въ домѣ стояла тишина, изрѣдка прерываемая какимъ-нибудь отдаленнымъ глухимъ звукомъ.

Наконецъ, гдѣ-то зазвучали шаги. Кто-то осторожно сталъ подниматься по лѣстницѣ.

— Можно въ вамъ?—сказалъ неувѣренный дѣтскій голосъ.

Въ комнату на мой откликъ вошла 11-лѣтняя толстая, румяная дочка и, застѣнчиво улыбаясь, смущенно остановилась около меня.

— Ты, вѣрно, моя ученица?—спросила я.

Она кивнула головой, и мы пожали другъ другу руки.

— Какъ тебя зовутъ?

— Меня-то?... Маней!... Пожалуйте кушать въ столовую.

Что-то робкое и благодушное было въ этой малоповоротливой дѣвочкѣ съ вульгарнаго цвѣта волосами и славнымъ яркимъ ртомъ. Сверхъ бумазейнаго свѣтлаго платья на ней былъ черный ученическій фартукъ. Безцвѣтные добродушные глазки довѣрчиво смотрѣли на меня, и алые губы раздвигались въ вопросительную улыбку.

Въ столовой, кромѣ уже знакомой мнѣ Ивлевой, было еще двое мужчинъ: одинъ—пожилой, крупный, тяжелый, съ густыми черными волосами, желчнымъ цвѣтомъ лица, съ мѣшками подъ глазами, угрюмый, почти отталкивающий; это былъ хозяинъ дома. Другой, еще совсѣмъ молодой, тоже черный, высокій, широкоплечій, съ юными усами на рѣзко-красивомъ смугломъ лицѣ. Онъ оказался племянникомъ Ивлева и его главнымъ помощникомъ въ лавкѣ; объ этомъ обстоятельствѣ и о томъ, что у Ивлевыхъ была въ городѣ лавка, я узнала тутъ же за ужиномъ. Печать безсознательной горделивости и вмѣстѣ напряженной грусти лежала на нѣсколько тупомъ лицѣ красиваго юноши. Онъ за весь ужинъ не проронилъ ни слова.

Да и вообще разговоръ плохо клеился. Присутствіе Ивлева тяготило. Взглядъ его мутныхъ глазъ былъ тяжелъ и недружелюбенъ. Разговорчивостью онъ не отличался, а рѣдкія его замѣчанія были полны желчи и нетерпимости. И изъ непродолжительнаго обмѣна фразъ съ нимъ выяснилось его топорное, узкое и непоколебимое міросозерцаніе.

Хозяйка по мѣрѣ возможности старалась занимать меня, задавая мнѣ разные вопросы о моей прежней жизни, полные такта и осторожности, сообщая нѣкоторыя свѣдѣнія о здѣшнемъ городѣ и т. п. Я отвѣчала лаконически, стѣсненная новой и невеселой обстановкой. Ивлева тоже видимо не чувствовала себя свободно подъ тяжелымъ взглядомъ саркастически улыбавагося мужа, вставляваго замѣчанія, которыя какъ бы холодили разговоръ. Стукъ большихъ круглыхъ часовъ на стѣнѣ, звяканье посуды да треніе снаружи о стекло вѣтвей растущаго подъ самымъ окномъ дерева одни нарушали водворявшееся за короткимъ обмѣномъ словъ продолжительное молчаніе.

Послѣ ужина слѣдовала общая вечерняя молитва. Ивлевъ долго, встопорившись, за нимъ Маня, видимо подражая отцу. Ивлева, стоявшая позади, не молилась; опустивъ голову, она, казалось, о чемъ-то безпокойно и тревожно думала. Племянникъ оперся плечомъ

о стѣну и, скрестивъ руки на груди, былъ неподвиженъ, какъ изваянье.

Таковы были мои первыя впечатлѣнія въ этомъ домѣ.

Когда послѣ ужина я снова вернулась въ свою комнату, первымъ моимъ движеніемъ было отдернуть стору и прильнуть къ окну; черная облачная ночь посмотрѣла на меня оттуда холодно и безучастно.

Расплывались смутныя очертанія строеній и деревьевъ, мигали кое-гдѣ невѣрные огни, вѣтеръ свистѣлъ порывами, дующа со стороны, гдѣ должно было быть озеро, на которомъ стоитъ городокъ. Въ памяти смутно вставало, не опредѣляясь въ точныя событія и имена, историческое сказаніе о какихъ-то святыхъ, плившихъ по этому озеру, объ убійствѣ кого-то изъ этихъ святыхъ, о суровости и нелюдимости тогдашнихъ жителей города. А рядомъ всплывали образы людей, съ которыми я только что познакомилась. Бродили мысли о преемственности типичныхъ племенныхъ чертъ.

Уже первыя впечатлѣнія въ домѣ Ивлевыхъ не обѣщали пріятнаго въ немъ существованія. Но это не пугало меня. Моя скитальческая жизнь не была легкимъ и свѣтлымъ путемъ; зато она была интересна разнообразіемъ явленій, встрѣчавшихся мнѣ, частой смѣной впечатлѣній.

При выпускѣ изъ института, я, въ силу необходимости зарабатывать кусокъ хлѣба, не имѣя близкихъ родныхъ, взяла предложенное мнѣ начальницей мѣсто, а затѣмъ продолжала свою профессію отчасти по инерціи, отчасти изъ любви къ странствованіямъ. Сдавая однихъ учениковъ въ учебныя заведенія, я находила посредствомъ конторъ и публикацій новыхъ, въ новыхъ мѣстахъ, по городамъ и деревнямъ, гдѣ еще существуетъ спросъ на институтскую энциклопедію по части «языковъ, предметовъ и музыки».

Такъ занесла меня судьба и въ этотъ далекій отъ моего прежняго мѣстожителства незнакомый городокъ...

Несмотря на привычку къ странствованію, я все-таки долго не могла уснуть на новомъ мѣстѣ. На дворѣ расходилась метель, она гремѣла по крышѣ, пѣла въ трубѣ... А на столѣ моемъ тихо сіяло неколеблущееся ровное пламя лампы... И я заснула, такъ и не погасивъ ея.

II.

На другой день, когда я пила утренній чай въ столовой, дверь изъ которой вела въ прихожую, я слышала, какъ Ивлевъ, собиравшійся въ лавку, говорилъ провожавшей его женѣ:

— Ты бы сказала гувернантѣ-то, чтобы она такъ поздно съ лампой не сидѣла; я въ два часа вставалъ, видѣлъ свѣтъ въ комнатахъ. Вчера ей полную лампу налили, а нынче я смотрѣлъ, почитай весь керосинъ выгорѣлъ.

Онъ не былъ увѣренъ, должно быть, что жена передастъ его слова и говорилъ достаточно громко, чтобы я услышала его черезъ полузакрытую дверь.

Такъ начиналось для меня утро перваго дня въ этомъ домѣ.

Мы не откладывали занятій въ долгій ящикъ, и я съ любопытствомъ приступила къ нимъ. Маня была вся готовность учиться и само усердіе; но способности были не изъ сильныхъ. Легче всего ей давался счетъ. Труднѣе всего постигала она отвлеченности, познание которыхъ обязательно на первыхъ урокахъ закона Божія. Такъ, спросила она меня съ тоскою въ голосъ:

— Бакія же такія бываютъ души?

— Душа внѣшнихъ признаковъ не имѣетъ, она невидима и неосвязаема.

— Невидима?—повторила она задумчиво, ухватившись за единственное знакомое ей слово изъ этого опредѣленія. Въ первую минуту она какъ-будто удовлетворилась такимъ отвѣтомъ; но потомъ въ теченіе урока опять вернулась къ тому же вопросу.

— Вотъ тутъ говорится о «душахъ мертвыхъ». Что это такое души мертвыхъ?

Я задумалась, а на лицѣ ребенка былъ вопросъ.

— Скажи мнѣ,—спросила я наконецъ,—когда человѣкъ умретъ, что дѣлается съ его тѣломъ?

— Его закопаютъ въ землю.

— А въ землѣ что съ нимъ сдѣлается?

— Оно сгниетъ.

— Но, можетъ быть, останется отъ человѣка что-нибудь неглѣнное, неумирающее?

— Кости?

— Нѣтъ, не то... и кости могутъ истлѣть.

Дѣвочка подумала, подумала... и вдругъ радостно воскликнула:

— Печонка?!

Неожиданный отвѣтъ невольно заставилъ смѣяться. И что такое представлялось ей подъ этимъ словомъ! Мистикъ спросилъ бы: какимъ вѣтромъ былъ занесенъ, какимъ образомъ прозвучалъ въ ней отголосокъ нѣкогда господствовавшего мнѣнія о мистической роли печени въ человѣческомъ организмѣ?

Также никакъ не могла отдѣлать она понятіе молитвы отъ внѣш-

нихъ знаковъ, сопровождающихъ ее. На мой вопросъ, что такое молитва, она отвѣчала тѣмъ, что творила крестное знаменіе. И я вспомнила, какъ вчера она усердно крестилась вслѣдъ за отцомъ. Далека ли была онъ отъ нея въ пониманіи вещей религіозныхъ?

Больше всего проявляла моя ученица способностей къ музыкѣ. Какъ оказалось потомъ, и вся семья имѣла къ ней большую склонность.

Въ то время, когда я давала Манѣ урокъ на роялѣ, пришелъ обѣдать изъ лавки племянникъ, и Ивлева сама прислуживала ему. Затѣмъ онъ ушелъ въ лавку и тогда пріѣхалъ оттуда къ обѣду Ивлевъ. Послѣ обѣда онъ спалъ часа полтора и снова отправился въ лавку.

И такъ было всегда. Ихъ обоихъ почти никогда не бывало дома, и это было удобно, и было пріятно продолжительное отсутствіе всегда тяготившаго своимъ присутствіемъ хозяина.

Въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что я прожила у Ивлевыхъ, я мало его видѣла и избѣгала его въ тѣ часы и дни, когда онъ бывалъ дома. Но и за это время узнать его было нетрудно, такъ онъ обладалъ рѣзкими, крупными и несложными чертами. Его главною страстью была торговля, работа его сосредоточивалась главнымъ образомъ на подсчетахъ, расчетахъ, меркантильныхъ операціяхъ, экономическихъ ухищреніяхъ и аферахъ. Смыслъ его существованія былъ въ увеличеніи капиталовъ, и богатство было самодовлѣющею цѣлью, такъ какъ въ обиходѣ Ивлевыхъ не только не замѣчалось подобія роскоши, которую допускали его, по слухамъ, очень большіе капиталы, но въ немъ не было даже чертъ благосостоянія. Жили они затворническою жизнью—ни къ себѣ никого не принимали, кромѣ немногихъ ближайшихъ родственниковъ, ни сами нигдѣ не бывали, кромѣ тѣхъ же родственниковъ и еще церкви. Одѣвались бѣдно. Въ домѣ учитывалась каждая мелочь, каждая капля керосина; каждая книжка или тетрадь, которыя нужно было покупать для Мани, представлялись большимъ расходомъ. Ивлевъ самъ входилъ во всѣ мелочи домашняго хозяйства, строго контролируя его. Столъ былъ скудный, однообразный; прислуги всего—кухарка да дворникъ, исполнявшіе всю черную работу по дому, двору и кухнѣ, а остальные домашнія тѣла лежали на самой Ивлевой.

Впослѣдствіи я узнала, что лѣтъ семь до моего поступленія къ нимъ она сбѣжала однажды изъ дома съ красавцемъ-провизоромъ, но была современемъ водворена обратно въ домъ мужа, гдѣ выпила до дна весь ядъ его мстительности и порогъ котораго ужъ не переступала больше ни одинъ гость.

Наиболѣе человѣчнымъ чувствомъ у Ивлева было чувство отцов-

ское, и нѣчто вродѣ любви питалъ онъ къ своей добродушной Манѣ, и верхомъ выраженія этой любви было то, что онъ взялъ для нея гувернантку съ музыкой. Однако, онъ зорко слѣдилъ, чтобы гувернантка не стоила ему чего-нибудь лишняго и торговался по поводу каждаго карандаша, каждаго учебника, когда ихъ нужно было покупать, а книжки для чтенія наотрѣзъ отказался выписывать.

У Ивлева была старуха-мать, къ которой по торжественнымъ днямъ отправлялись всей семьей. Сгорбленная и сухая, высокая, съ мрачнымъ выраженіемъ глазъ, съ незаблемымъ міровоззрѣніемъ, суровая въ обращеніи—она могла бы служить отличной моделью для Кабанихи. И я съ удовольствіемъ отправилась къ ней, услышавъ, что въ сундукахъ ея хранились уборы и наряды ея прабабокъ, относящіяся къ эпохѣ царя Алексѣя Михайловича.

Но она холодно уклонилась отъ того, чтобы показать ихъ мнѣ.

Я спросила, почему она не пожертвуетъ ихъ въ городской музей, и услышала отъ нея, что музеи, театры и т. п. вещи суть учрежденія антихриста. Значить, уборовъ она мнѣ не показала, но взгляды ея, сбереженные на днѣ души и пережившіе вѣка, были ясны.

III.

Тяжкій гнетъ патриархальнаго отношенія къ женщинѣ всей своею тяжестью легъ на Ивлеву, въ которой натура страстная, жизнелюбивая не могла не прорываться, какъ тщательно ни вооружилась она скрытностью и молчаливостью.

Не надо было обладать особенной наблюдательностью, чтобы замѣтить, несмотря на большое умѣніе владѣть собой у этой женщины, глубокую, прочную ненависть къ мужу. Напряженіе этой ненависти, конечно, временами ослабѣвало; однообразное теченіе прозаическаго существованія утомляло страсти, но каждая новая придирка мужа или загоравшаяся праздничная мечта о лучшей жизни давали новую пищу этой ненависти.

Иногда я видѣла ее въ тоскѣ бродящей по дому. Иногда эта тоска охватывала ее съ такою силой, что она уже не въ состояніи была скрывать ее. Эта злобная тоска заточенной львицы, раздирала ей душу. Часто въ такія минуты она отрывисто и хмуро просила меня сыграть ей что-нибудь на роялѣ. Я начинала играть звучныя, музыкальныя и доступныя ея пониманію вещи, и она ходила, ходила безъ конца по большой пустынной залѣ, гдѣ по стѣнамъ стояли рядами вѣнские стулья, а по угламъ колонны съ гипсовыми изображеніями рыночнаго производства.

И понемногу умиротвореніе сходило на нее, расправлялось искаженное злобой и мукой лицо.

А я не безъ внутренняго смѣха представляла себѣ себя въ роли Давида, усмирявшаго музыкой возмущенный духъ Саула.

Но вообще Ивлева избѣгала сближенія со мной. Ея обращеніе всегда было любезно, она проявляла большую внимательность къ моимъ удобствамъ и, насколько отъ нея зависѣло, старалась парализовать неудобства, причиняемые мнѣ расчетливостью ея мужа. Но разговоры рѣдко налаживались, отвѣты ея бывали уклончивы, вопросы осторожны. Впрочемъ, изрѣдка на нее находилъ стихъ поболтать. Образованіе она получила скудное—кажется, она была дочерью небогатаго уѣзднаго священника. Языкъ ея, однако, не носилъ колорита сословности. Онъ былъ лакониченъ, оригиналенъ и выразителенъ, а разговоръ ея въ минуты оживленія полонъ веселости и лукавства. Но такія минуты бывали не часты.

Я замѣтила въ ней немалую прирожденную эстетичность и чуткость ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Блеснетъ ли яркій лучъ зари на кафелъ печки, мѣсяцъ ли глянеть въ столовую черезъ окошко изъ за вѣтвей деревьевъ, начнешь ли на роялѣ пьесу, пришедшуюся ей по вкусу—въ ней что-то загорится, встрепенется, поднимутся глаза, блеснутъ огнемъ.

Но быстро опуститъ она ихъ, поникнетъ головой, и вотъ снова лицо ея непроницаемо.

Читать она любила, что называется, запоемъ. Когда на нее приходилъ этотъ самый запой, то она, только не при Ивлевѣ, не переносившемъ ея за книгой, цѣлыми днями не отрывалась отъ какого-нибудь, чаще всего добытаго съ помощью племянника, бульварнаго или фантастическаго романа. Я было пробовала направить ея вкусы въ область иного жанра, но она мнѣ вернула книгу и при этомъ молча покачала отрицательно головой: не нравится молъ. Я попробовала заговорить съ ней по поводу этой книги, но она иронически улыбнулась:

— Да вы ужъ извѣстно... ученья,—сказала она,—а мнѣ что-то не нравится.

Да, она не была ученой, но міръ для нея былъ еще полонъ облаковъ и поэзіи. Краски, образы, звуки владѣли ею со всею силой непосредственнаго очарованія.

Насколько я могла заключить о мировоззрѣніи Ивлевой на основаніи нѣкоторыхъ мимоходомъ высказанныхъ ею сужденій, оно мало что имѣло съ обычной религіей. Судя по нѣкоторымъ ея фразамъ, она было, что она совѣмъ не признавала для себя обязательными

ея различные императивы. Въ Богу у нея было нѣсколько действительное отношеніе; въ какихъ-то непостижимыхъ надзвѣздныхъ безднахъ обитаетъ онъ, мало помня и думая о созданной имъ въ вдохновеніи творчества планетной системѣ, и ужь, конечно, не станетъ онъ заниматься разборомъ ничтожныхъ человѣческихъ дѣяній. Иногда она говорила: «Э!... кану въ вѣчность: только меня и видѣли».

Понемногу стала я замѣчать, что сожителство подъ одною кровлею съ такимъ красивымъ юношей, какимъ былъ племянникъ ея мужа, привело эту женщину къ той особенной исключительной и опасной страсти, которая охватываетъ въ этомъ возрастѣ иную женщину къ человѣку моложе ея.

Она изъ всѣхъ силъ забрала себя въ руки, чтобы не дать проваться этому чувству при мужѣ. Но какіе обжигающіе взгляды бросала она иногда украдкою на Дмитрія! Сколько граціи бывало въ ея жестахъ, въ ея словахъ, обращенныхъ къ нему въ отсутствіи Ивлева!

Вѣроятно и Дмитрій чувствовалъ въ ея отношеніи къ нему эту «музыку страсти»... Но не думаю, чтобы онъ дерзнулъ на романъ съ нею подъ кровлею «дяденьки».

О Дмитрія я узнала, что онъ прошелъ науку въ городскомъ училищѣ, былъ пѣвчимъ въ соборѣ, а когда сталъ ломаться голосъ, былъ взятъ Ивлевымъ въ лавку съ тѣмъ, чтобы тотъ отсылалъ заработокъ матери и сестрамъ, жившимъ въ другомъ городѣ и не имѣвшимъ иныхъ средствъ, кромѣ ветхаго и обитаемаго ими домишка.

Умомъ Дмитрій, повидимому, не отличался. Но въ его наружности была какая-то бессознательная горделивость, — горделивость великолѣпно сложеннаго, сильнаго и красиваго существа. Онъ былъ молчаливъ: отчасти по недостатку мыслей, отчасти изъ гордости, страдавшей отъ зависимаго положенія въ домѣ дяди. Чѣмъ-то даже высокомернымъ и вмѣстѣ скорбнымъ вѣяло отъ его невысокаго, но красиваго, съ красивыми черными бровями смуглаго лба.

IV.

Особенно томительны бывали воскресные дни въ домѣ Ивлевыхъ. Съ утра вся семья облечется въ праздничныя одежды и отправится въ церковь. По возвращеніи оттуда примутся за пирогъ, по случаю поста начиненный кашей и рыбой. Сядутъ за столъ съ такимъ видомъ, какъ будто собираются священнодѣйствовать.

Но часто священнодѣйствіе прерывалось какою-нибудь придиричивой выходкой Ивлева: то по его мнѣнію пирогъ недостаточно выпекся, то онъ подгорѣлъ, то мало начинки, то ея слишкомъ много.

А отчего въ хозяйствѣ упущенія? А оттого, что тѣ, кому его вѣдать надлежитъ, моду взяли книжки какія-то читать вмѣсто того, чтобы дѣломъ заниматься: опять въ спальнѣ подъ подушкой жены нашель онъ романъ. И откуда она беретъ? Вотъ онъ дознается, прекратить баловство-то.

Я помню, въ одно воскресенье, когда, по мнѣнію Ивлева, пирогъ опять подгорѣлъ—въ это воскресенье у Анны Михайловны была цвѣтная лента въ волосахъ въ ознаменованіе праздника, а, можетъ быть, и еще по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ—онъ обратился къ ней, саркастически усмѣхнувшись:

— Ишь новости! Подумаешь ей семнадцать годовъ... Или опять кого плѣнять собралась?!

Ивлева измѣнилась въ лицѣ, и я боялась, что она выдастъ себя. Но она скривила губы и произнесла, бравируя:

— Пуще всего!... Не тебя ли плѣнять вздумала? Аль вонъ Митю еще? Кабы кто бывалъ у насъ! Праздникъ—и то людей не видишь, хоть для себя убраться...

— Ну, ну... убираться ей... Праздниками—святыя книжки читать: оно Богу угоднѣй... Да за дѣлами смотрѣть: пирогъ-то—чистый уголь.

Глубокая, глубокая морщина залегла на весь этотъ день на ея лбу. И только къ вечеру лицо ея прояснилось.

Послѣ пирога Ивлевъ и его племянникъ уходили въ лавку, отпиравшуюся на четыре часа. Въ домѣ водворялась тишина. Праздничный день начиналъ томить своею будничною безсодержательностью, неся съ собою разочарованія въ несбывшихся смутныхъ надеждахъ, какими бываетъ полно праздничное утро. Скуку и тоску читала я на лицѣ Анны Михайловны. Снова просила она меня играть ей на роялѣ и снова ходила и ходила по залѣ. А Маня возилась со своими бублами и шила новыя изъ тряпокъ.

Въ пятомъ часу возвращался Ивлевъ съ племянникомъ, и мы сѣдлись за поздній праздничный обѣдъ.

И въ тотъ послѣобѣденный часъ, когда Ивлевъ уходилъ спать, мы всѣ собирались наверху въ Маниной комнатѣ, гдѣ сѣдлись за карты. Меня тоже просили «не разстраивать компаніи». Тогда мы вчетверомъ принимались за «короли» и «свои козыри». На столѣ появлялись орѣхи, леденцы, мятныя жамки и т. п. Ивлева какъ-то ухитрялась урѣзывать на нихъ гроши изъ скудно выдававшихся ей хозяйственныхъ денегъ.

Мое вниманіе занимали не столько карты, сколько сама Ивлева. Невзначай коснуться рукою руки юноши, бросить на него обжигаю-

щій взглядъ, сыграть какую-нибудь граціозную шутку съ нимъ, бросить по его адресу слегка насмѣшливое, но не обидное слово — сколько граціи, изобрѣтательности вносила во все это эта оригинальная женщина!

А онъ? Неостроумны, односложны были его отвѣты. Но, видимо, онъ понималъ смыслъ этой игры, готовъ былъ отзываться на нее всей силой своего тяжелого темперамента. Глаза его тускнѣли, щеки разгорались, и онъ отвѣчалъ ей пожирающими взглядами и смущенной юношеской улыбкой. И она, еще болѣе возбужденная, подсмѣивалась и подтрунивала надъ его отвѣтами и еще больше волновала его.

А Маня, ея дочь, еще не понимавшая смысла того, что совершалось около нея, думала, что они играютъ въ карты ради самыхъ картъ, и играла со всѣмъ увлеченіемъ ея возраста, сердясь на нихъ за ихъ разсѣянность.

— Эхъ, мамаша, вы бы поменьше надъ Митріемъ смѣялись, — говорила она тономъ, напоминавшимъ Ивлева, когда тотъ обращалъ къ женѣ замѣчанія за перегорѣлый пирогъ, — и побольше бы смотрѣли, какъ сами-то играете.

Все на свѣтѣ относительно; въ то время и это скромное развлеченіе, озаренное игрою страсти, было для нея великолѣпнымъ пиршествомъ. Страхъ, чтобы Ивлевъ не явился разстроить его, придавалъ этимъ послѣобѣденнымъ часамъ особый небезыятересный отгѣнокъ.

Однако успѣвали обыкновенно разойтись прежде, чѣмъ Ивлевъ просыпался, и съ самымъ спокойнымъ видомъ, только съ слегка зарумяненнымъ лицомъ, ждала Анна Михайловна его появленія въ столовой къ вечернему чаю.

Иногда Ивлевъ удалялся въ праздники на цѣлый вечеръ въ купеческое собраніе или даже уѣзжалъ на нѣсколько дней изъ города по дѣламъ.

Въ одинъ изъ воскресныхъ вечеровъ, когда его не было дома, вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ ихъ домъ, Анна Михайловна обратилась ко мнѣ:

— Не проаккомпанируете ли вы что-нибудь Митрію? Онъ вѣдь у насъ пѣвецъ, голосъ его всѣ одобряютъ. Вы бы послушали да сказали намъ: вы въ разныхъ столицахъ живали, всякія оперы слыхали.

— Ну, оцѣнить голосъ — это вѣдь не легкая задача для неспеціалиста. Но во всякомъ случаѣ я съ удовольствіемъ буду аккомпанировать Дмитрію Павловичу.

И вотъ мы всѣ направились въ большую пустынную залу, гдѣ въ одномъ изъ угловъ стоялъ рояль, попавшій къ Ивлеву въ уплату

какого-то долга, — и едва ли не это обстоятельство побудило его учить Маню музыкѣ.

— Что же вамъ проаккомпанировать?—спросила я Дмитрія.

— Вы знаете «Березку?...» — «Я видѣлъ березку»...

Въ нотахъ у меня нашелся этотъ романсъ; аранжировка оказалась ему по голосу.

Вслѣдъ за тихой прелюдией въ залѣ громко и звонко раздались великолѣпные металлическіе звуки тенора ди-форца, вполне соответствовавшего могучему сложенію Дмитрія. Онъ пѣлъ... Онъ пѣлъ о сломанной березѣ, о лани, подстрѣленной охотникомъ, о бабочкѣ съ разбитымъ крыломъ, о разбитомъ сердцѣ — одинаково безучастный къ горестной судьбѣ всѣхъ четверыхъ.

Въ фразировкѣ его не было никакого выраженія; выговаривалъ онъ, какъ большинство неопытныхъ пѣвцовъ, на «о», дѣлалъ неправильные роздыхи, не отдѣлялъ согласныхъ. Но голосъ его, звонкій, свѣжій и сильный, говорилъ самъ за себя. И при этомъ онъ не детонировалъ, попадалъ всегда съ рѣдкою точностью въ должную ноту: отличный музыкальный голосъ и превосходный голосовой матеріалъ были налицо.

Онъ умолкъ. И мы сидѣли нѣкоторое время молча, Ивлева у стѣнки съ опущенной головой. Я заговорила первая, совѣтуя обратиться къ знатоку, такъ какъ, кажется, — голосъ выдающійся.

— Слышали, слышали объ этомъ, — озабоченно молвила Ивлева: — кто слыхалъ — всѣ одобряютъ.

Оживились, заговорили. Потомъ стали еще пѣть и музицировать, и въ концѣ-концовъ Дмитрій пустился съ Маней танцевать польку.

Но затѣмъ, когда, вдоволь натѣшившись и наигравшись, мы пошли пить чай, Дмитрій внезапно сдѣлался угрюмъ и мраченъ.

На мой совѣтъ не пить горячаго чаю послѣ пѣнія и беречь голосъ онъ отвѣчалъ:

— Да чего беречь-то? Пускай пропадаетъ! Все равно ѣхать учиться не приходится.

— Да почему же?

— Да потому, что не на что.

— А у дяденьки Никанора Петровича нельзя позаимствовать?

— Никаноръ Петровичъ? — повторилъ онъ съ горькой усмѣшкой: — кто у дяденьки Никанора Петровича позаимствуетъ, тотъ къ нему въ вѣчную кабалу попадетъ. Да на такой предметъ онъ и все равно не далъ бы.

— Ну, ступайте въ Москву, тамъ ищите занятій. Поступайте

въ консерваторію, тамъ васъ скоро на стипендію переведутъ: хороше тенора—рѣдкость.

— Какъ поѣдешь-то?—съ тоскою сказалъ онъ:—а сестры? Ихъ кто прокормить? Я теперь въ дяденькиной лавкѣ закабаленъ: у него на мать вексель есть. Уйди я отъ него, онъ сейчасъ вексель ко взысканію, и домъ ихній—прощай.

Мы всё замолчали, сознавая затруднительность положенія.

— Однако, все-таки нужно искать выхода,—сказала я.

— Вѣрное слово вы сказали,—замѣтила Анна Михайловна,—нужно искать и можно найти... Не тужи, Митяй! Кто знаетъ, какая еще судьба выйдетъ? Глядишь, и случится какая-нибудь оказія и устроится дѣло.

У.

Пасха въ томъ году была поздняя. Къ заутренѣ собрались всей семьей. На площади, гдѣ иллюминированный соборъ засіялъ, какъ невѣста въ подвѣнчномъ нарядѣ, было уже почти совсѣмъ сухо. Въ темномъ небѣ миллионы звѣздъ тихо и торжественно искрились, и малиновый чудесный звукъ рѣдкостнаго колокола, одного изъ лучшихъ колоколовъ въ Россіи, лился и лился длинными, плавными волнами.

Всѣ мы въ праздничныхъ одеждахъ, по праздничному причесанные, стали въ соборѣ среди многочисленныхъ прихожанъ въ ожиданіи службы; Ивлевъ пробрался куда-то къ алтарю.

Подъ звуки пасхальныхъ хоровъ, среди блеска многочисленныхъ свѣчей, смутные образы дѣтства прилетѣли издалека, чтобы коснуться сердца тихой грустью о невозвратимыхъ утратахъ.

Потомъ пришли на память годы ученья, годы заточенія. Пасхальные заутрени, разубранные искусственными цвѣтами пасхальные свѣчи, волненіе на клиросѣ по поводу цѣлый постъ разучиваемыхъ пѣснопѣній, образы далекихъ школьныхъ друзей... Нашъ старый добрый дьяконъ съ дребезжающимъ голосомъ въ золотой новой ризѣ, не меньше насъ, пѣвчихъ, волновавшійся за участь труднаго концерта... Вспомнилось, какое глубокое обаяніе имѣла на душу легенда о Христѣ. Долго еще и потомъ цѣплялась душа за его прекрасный образъ, какъ за нѣчто абсолютное, неоспоримое, какъ за надежный оплотъ... Но прошли года... И эта легенда потускнѣла подъ разѣдающимъ дѣйствіемъ анализа...

Пронеслись годы ученья, потянулись годы трудовой жизни. Какъ отрадная мелодія, звучало въ душѣ воспоминаніе объ одной пасхаль-

ной заутренѣ въ деревенской церкви, среди небольшой помѣщичьей семьи, гуманной и культурной. Низкіе своды, нестройное пѣніе, духота, толпа крестьянъ. Чуются вокругъ церкви пустынные поля. И чѣмъ-то тургеневскимъ дышать окружающія меня лица. И вспомнились тургеневское «какъ хороши, какъ свѣжи были розы»... и съ тоскою думалось о томъ, что «все это умерло... умерло!»

Потребность возстановить душевное равновѣсіе, нарушенное грезами, вернула меня къ наблюденію окружающаго. Другіе люди были около меня: немного въ сторонѣ, рядомъ съ Маней, стоитъ грубо-эффектный Дмитрій въ черномъ пиджакѣ и бѣломъ галстукѣ, съ смуглымъ лицомъ, озареннымъ блескомъ восковой свѣчи. И лицо его при этомъ нарядѣ, въ этомъ освѣщеніи еще красивѣе. Онъ стоитъ, слегка понуривъ голову, и все время почти смотритъ на свою тетку, помѣстившуюся немного наискось отъ него. И какъ опасны, какъ «коварны» ея взгляды, исподтишка бросаемые въ отвѣтъ на его пристальный взглядъ! Они тѣмъ опаснѣе, чѣмъ скромнѣе, чѣмъ сдержаннѣе ея поза, чѣмъ ниже опущена ея голова. Думала ли она о послѣдствіяхъ, къ которымъ могла привести ея игра съ распалляемымъ ею юношей? Послѣднее время я стала замѣчать въ ней какую-то рѣшимость, какую-то странную веселость.

И я вспомнила то беззаботное выраженіе, съ которымъ она проносила свое: «Э!... кану въ вѣчность—только меня и знали». Подъ поэтическіе напѣвы хоровъ старалась я представить себѣ, какъ постигаетъ она вѣчность? Представлялась ли она ей въ видѣ бездны времени, гдѣ безслѣдно затериваются дѣянія человѣка и передъ поглощающимъ величіемъ которой такъ ничтожны всѣ дѣла людскія?

Между тѣмъ толпа радостно взволновалась, извѣщенная о воскресеніи Спасителя. Кругомъ христосовались. Анна Ивлева, полузакрывъ глаза, откинула слегка голову, подставляя губы для поцѣлуя подошедшему къ ней племяннику. Онъ съ загорѣвшимъ взоромъ склонился къ ней, и губы ихъ слились не для святого, а для кощунственнаго поцѣлуя. Съ минуту они стояли какъ бы въ полузабытѣи подлѣ впечатлѣніемъ его. Затѣмъ, опомнившись, она наклонилась къ Манѣ и нѣсколько разъ крѣпко поцѣловала ее. Когда очередь дошла до меня, мнѣ не легко было заставить себя отвѣтить на ея христосованіе.

Затѣмъ къ намъ подошелъ Ивлевъ съ поздравленіемъ. Онъ былъ очень торжественъ въ черномъ сюртукѣ съ бѣлымъ галстукомъ и подарилъ Манѣ и мнѣ по фарфоровому яичку.

Уже заря розовѣла на небѣ и бѣлый обломокъ мѣсяца висѣлъ надъ горизонтомъ, когда мы вышли послѣ обѣдни изъ церкви и не

безъ труда разыскали среди экипажей ивлевскую линейку. По одну сторону сѣли Ивлевъ съ супругой, а по другую—Дмитрій и я; Маня между нами. Дмитрій широко раскрытыми глазами смотрѣлъ въ даль на озеро, дымившееся туманомъ въ этотъ сумеречный часъ разсвѣта, и въ его невѣрномъ освѣщеніи лицо юноши казалось мнѣ не только красивымъ, но и значительнымъ и интереснымъ. Какое чувство питалъ онъ къ своей уже не молодой теткѣ? Неужели это чувство было глубоко и серьезно, и не оно ли озаряло его лицо свѣтомъ этого значительнаго выраженія?

Бѣлое утро было на дворѣ, когда мы кончили разоувляться. Уже собираясь ложиться спать, изъ своей комнаты услышала я на площадкѣ лѣстницы діалогъ, происходившій вполголоса.

— Нѣтъ, вы еще разъ со мной похристосуйтесь,—говорилъ красивый юношескій голосъ.

— Да вѣдь христосовались въ церкви? Какого еще тебѣ христосованія?

— То не по закону—одинъ разъ поцѣловала. Должны еще.

— Вотъ глупой... Ну, поди же ты, право! Еще услышитъ кто.

VI.

Лѣтомъ переѣхали на дачу, купленную Ивлевымъ съ торговъ вмѣстѣ съ прилегающимъ къ ней участкомъ лѣса и уже снова продававшуюся имъ чуть не за двойную сумму противъ той, что онъ самъ заплатилъ за нее. Спекулируя такимъ образомъ и перепродавъ ужъ не одно купленное имъ съ торговъ имѣніе, Ивлевъ, какъ я слышала, нажилъ хорошія деньги. По слухамъ, капиталы его уже исчислялись полмилліономъ. Отъ него самого никто не могъ бы добиться тайны его состоянія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ во владѣніе своей лавкой съ краснымъ товаромъ и состояніе его исчислялось только нѣсколькими десятками тысячъ, и до послѣдняго времени, когда оно увеличилось почти въ десять разъ, онъ не измѣнилъ образа жизни и семью держалъ въ границахъ удовлетворенія лишь самыхъ скромныхъ потребностей. Онъ поступалъ такъ не изъ одной только скупости, но и изъ суевѣрнаго чувства. Онъ боялся, что огласка его средствъ принесетъ ему неудачу и неблагоприятный поворотъ фортуны. Суевѣріе, говорятъ, свойственно торговымъ людямъ не меньше, чѣмъ великимъ полководцамъ.

Такъ какъ дѣло съ продажей дачи не вполне еще наладилось, то Ивлевъ не прочь былъ доставить семьѣ недорого стдѣщее развлеченіе. Часть инвентаря и мебелировки дома досталась ему при покупкѣ дачи, такъ что даже не представлялось расходовъ по перевозкѣ мебели.

Самъ Ивлевъ и его племянникъ прїѣзжали на дачу по очереди каждую субботу и оставались на воскресенье, а въ понедѣльникъ на разсвѣтъ возвращались въ городъ.

Мѣсто было уединенное; при дачѣ жилъ лишь сторожъ съ семьєю. Окаймленное лѣсистыми берегами лежало пустынное озеро. Дача—двухэтажный деревянный домъ—стояла подъ сѣнью деревьевъ около самаго берега, гдѣ въ маленькомъ углубленіи прїютилась выкрашенная въ бѣлое съ краснымъ весельная лодка.

Въ сравненіи съ зимнимъ заточеніемъ эта дача казалась настоящимъ эльдорадо; и вотъ, здѣсь особенно стало мнѣ очевиднымъ, какою силой жизни, какою неуывающей свѣжестью чувствъ владѣла Анна Ивлева.

Какой неутомимой и страстной собирательницей ягодъ, грибовъ оказалась она. И съ какою граціозной энергіей производилось варенье, соленье и сушеные этихъ грибовъ и ягодъ! Катанье на лодкѣ, купанье—все являлось поводомъ для чисто дѣвичьихъ радостей. Она уже не такъ чинилась со мною, не такъ скрывалась отъ меня, и ея поразительно живучая и жизненная натура развернулась на просторѣ этого лѣсного уединенія, возбужденная оздоравливающимъ воздухомъ лѣсовъ и живительными лучами солнца.

Она заразила и меня своей неупадавшей за все лѣто энергіей и стремленіемъ вкусить всѣ радости окружавшей насъ природы. Мы исходили весь этотъ лѣсъ, узнали его вдоль и поперекъ, исшарили всѣ грибныя и ягодныя мѣста. Мы исходили его чуть не во всѣ часы дня и ночи; мы не боялись никакой погоды, запасшись непромокаемыми плащами и обувью на случай дождей. Изъ этихъ совмѣстныхъ прогулокъ я убѣдилась еще больше, какъ сильно было въ Ивлевой чувство красиваго; она останавливала мое вниманіе не только на живописныхъ расположеніяхъ деревьевъ, не ускользавшихъ, впрочемъ, и отъ моего вниманія, устремленнаго больше въ перспективу, но и на тысячу мелочей, до той поры мало меня занимавшихъ. Благодаря ей, я увидала бездну красоты въ травахъ, увидала, какое безконечное разнообразіе было въ блѣдныхъ окраскахъ грибовъ, сколько разнообразія въ ихъ формахъ. Отъ ярко-красныхъ до снѣжно-бѣлыхъ, сколько было блѣдно-лиловыхъ, розовыхъ, коричневыхъ и золотисто-желтыхъ, расположенныхъ то въ одиночку, то тѣсными семьями. Но большинство этихъ были несъѣдобны и не возбуждали охотничьихъ инстинктовъ. А вотъ когда нападали на грибное мѣсто, такъ ужъ тутъ было не до эстетики. Помню, разъ зашли мы въ молодой ельникъ, гдѣ подъ каждымъ свѣже-зеленымъ юнымъ деревомъ сидѣло

такое множество масленокъ, что и я, чуждая охотничьихъ инстинговъ, почувствовала небывалое увлеченіе.

Пріѣздъ на дачу Ивлева понижалъ настроеніе его жены; оживленіе ея пряталось, уходило вглубь, глаза попрежнему устремлялись долу.

— Ну, что, — снисходительно спрашивалъ насъ Ивлевъ, — правится вамъ тутъ?

Ивлева молчала, мы же съ Маней въ одинъ голосъ похвалили дачное житъе. Ивлевъ снисходительно улыбнулся, пожалъ плечами и равнодушнымъ взоромъ окинулъ студеное озеро, окаймленное деревьями, и ясное небо, гдѣ неуловимымъ движеніемъ шествовали бѣлыя крупныя облака, пронизанныя полуденнымъ свѣтомъ, а надъ каймою деревьевъ вился одинокій ястребъ.

— Да, конечно, здѣсь недурственно, — сказалъ Ивлевъ все съ тѣмъ же снисходительнымъ выраженіемъ, — что же, живите здѣсь себѣ на здоровье: оно, конечно, полезно — лѣсной воздухъ и все прочее.

Дѣла его торговыя въ это время шли, кажется, лучше, чѣмъ когда-нибудь, и это отражалось на его настроеніи и дѣлало его менѣе суровымъ, чѣмъ всегда; да и солнечный яркій день и лѣсной воздухъ бессознательно все-таки вліяли на его организмъ.

Когда подходила суббота Дмитрія, ожиданіемъ которой жила Анна Ивлева, — вотъ когда жизнь въ ней поднималась до высочайшаго предѣла. Онъ пріѣзжалъ!... И я видѣла ее охваченной такимъ необычнымъ настроеніемъ. Ея не слишкомъ красивое вообще, но несомнѣнно интересное лицо преисполнялось музыкой страсти и дѣлалось лучше всякаго красиваго. Потому сосредоточенное, повышенное настроеніе разрѣшалось приливомъ безграничной веселости. И какъ умѣла она насъ заражать ею, какъ умѣла быть остроумной, находчивой!

Вспоминаетъ ли она теперь когда-нибудь лѣтніе вечера, полные для нея исключительнаго очарованія, которое я читала на ея лицѣ во время продолжительнаго катанія на лодкѣ? Надѣлена ли она способностью сохранять въ нѣдрахъ памяти аккорды пережитыхъ настроеній и по желанію вызывать его? Сомнѣваюсь...

Мнѣ же врѣзались въ памяти тѣ вечера на лодкѣ, когда сумракъ заставлялъ озеро казаться безконечно обширнѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; когда оно было такъ тихо и неподвижно, и только отъ лодки шелъ волнистый слѣдъ; когда высокія звѣзды, грустныя и далекія, отражались въ его тихомъ лонѣ... Въ лѣсу кричала сова... Стоналъ водяной быкъ... А на дачѣ, куда мы возвращались, заигрался огонь и отражался въ водѣ вмѣстѣ съ окнами и очертаніями дома — будто чья-то сказочная подводная обитель.

Въ такія минуты разговоръ умолкалъ. Маня тоскливо жалась, кутаясь въ пальто, надѣтое въ накидку; ея дѣтская боязливая и прозаическая душа тяготилась подобными впечатлѣніями. Юноша сидѣлъ на веслахъ. Анна Михайловна—противъ него съ опущенной головой, согнувшись въ три погибели, но и въ этой позѣ своеобразно-граціозная. Смотрѣла ли она въ это время на него по обыкновенію исподлобья? Не знаю: я сидѣла на кормѣ и правила рулемъ.

Была одна великолѣпная, вся горѣвшая луннымъ свѣтомъ іюльская ночь. Я проснулась внезапно въ своей комнатѣ наверху часа въ два отъ этого яркаго свѣта. Лучъ мѣсяца ударялъ мнѣ прямо въ окно. Высокій, докучный звукъ комариного жужжанія цѣлымъ аккордомъ звенѣлъ надъ ушами. Я встала и открыла раму въ надеждѣ, что они вылетятъ изъ темной комнаты къ свѣту этой ночи. И вынувъ ее, я долго сидѣла у окна. Мѣсяць стоялъ почти на самомъ зенитѣ; звѣзды вели бесѣду между собою, увѣренные, что кощунственное ухо человѣка не услышитъ ихъ теперь. Цвѣты, пресыщенные красотою и счастьемъ, поникли на клумбахъ и сами, казалось, свѣтились фосфорическимъ свѣтомъ. Тишина глубокая—только слышалось въ ней комариное жужжаніе и далекій, далекій лай собакъ.

Внизу дверь на террасу подъ моимъ окномъ тихо заскрипѣла. Я немного подалась назадъ.

— Ночь-то, ночь!—тихо сказалъ голосъ Ивлевой,—ажъ жарко отъ мѣсяца... Ну, садись-ка!... Чего мрачность-то на себя напустилъ?!

Сначала Дмитрій помолчалъ, потомъ заговорилъ чуть не со слезами:

— Говорю вамъ, тетушка, я не могу больше... Ей-ей!

— Да ты не горячись, говори спокойно.

— Захотѣли—спокойно! Что же это за жизнь моя такая? День цѣлый въ лавкѣ! Иль по дядюшкинымъ дѣламъ развѣзжай, съ разными торгашами дѣла обдѣлывай... Я опять скажу вамъ: развѣ можно такую жизнь пережить? Я чувствую, мое дѣло—опера. Силы-то, силы сколько у меня здѣсь, въ груди—на какую хотите залу хватить звука... Я это чувствую. А ты вотъ тутъ пропадай ни за ломанный грошъ! Я, ей-Богу, пойду вотъ и швырнусь въ озеро.

Въ голосъ его слышалось почти отчаяніе.

— Эка ужъ... вздоръ-то городишь. Нешто въ оперу ужъ такъ трудно поступить?

— Да! А деньги? Гдѣ же взять денегъ, чтобы учиться?

— А ты тетку попроси.

— Да у васъ у самихъ гдѣ деньги?

— Захочу—достану.

— Эхъ, чего зря-то болтать. Вамъ вотъ шутки, а понять вы не хотите, каково мнѣ?! Такъ вотъ, кажется, сейчасъ бы далъ волю голосу, весь лѣсъ, весь міръ охватилъ бы... Силы-то что тутъ!

— Ну, ты въ самомъ дѣлѣ не вздумай орать. Потише и говори: не услыхалъ бы кто.

— Кому услыхать-то? Всѣ давно девятый сонъ видятъ.

— Не ровень часъ... Ты говоришь—я тебя понять не могу?! Ань и очень хорошо понимаю; можетъ, горю и пособить сумѣю.

— Не дразните вы меня,—проговорилъ онъ съ горечью, и оба смолкли.

Потомъ онъ снова началъ:

— Въ лавкѣ-то холодъ зимой, двери постоянно отворяютъ, стучать—только катары наживать, и голосъ пропадетъ ни за понюшку табаку. Это что-жъ вѣдь такое: имѣть оперный голосъ и пропадать въ этой проклятой дырѣ—въ дядюшкиной лавкѣ?!

— Да ты не бранись, подожди! Можетъ быть, все и устроится.

— Какъ?!—съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ.

— Да ужъ не твое дѣло, какъ. Вѣришь мнѣ, что все устрою?—заговорила она съ какимъ-то недобримъ увлеченіемъ.

— Радъ бы—повѣрилъ.

— И устрою,—съ полной увѣренностью сказала она;—только ты тетку-то любишь?

— Чего спрашиваете? Сами не знаете, что ли?

— А какъ любишь?—понижая голосъ, спросила она.

— Какъ люблю-то? Да вотъ какъ...

Она слабо вскрикнула.

— Пусти, дурень! Вотъ медвѣдь-то, право!

— Пойдите въ лѣсокъ погулять, а? Хорошо тамъ теперь!...

Ей-Богу... пойдите!...

— Ну, тебя... еще въ лѣсокъ!

— Нѣтъ, право, пойдите. Ночь-то, ночь какая—Боже мой!

И они опять замолчали. Кто-то сдержанно и глубоко вздохнулъ. Затѣмъ раздались шаги. Вѣроятно, они удалялись въ лѣсокъ.

И по странной ассоціаціи вспомнились мнѣ тѣни Мефистофеля и Марты, Фауста и Маргариты, гуляющихъ вокругъ картонныхъ деревьевъ.

Если суждено Дмитрію изображать когда-нибудь опернаго Фауста, мелькнетъ ли передъ нимъ въ минуты этой сцены и-страстныхъ дуэтовъ воспоминаніе о той великозѣпной, не театральной ночи?

Вспоминая о дачной жизни, я кстати упомяну объ одномъ пустячномъ обстоятельстве, давшемъ мнѣ, однако, современемъ поводъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ.

Моя комната служила также класной, гдѣ мы утрами занимались съ Маней. Она придумала себѣ забаву, заключающуюся въ томъ, что, уходя съ урока, пыталась запереть комнату извнѣ, изъ коридора на внутренній крючокъ. Она предварительно поднимала крючокъ вертикально къ полу и давала ему устояться въ такомъ положеніи; затѣмъ изъ коридора мгновенно съ силой прихлопывала дверь, и иногда при этомъ крючокъ упалъ прямо въ петлю. Дверь запиралась сама собой. Такъ какъ я оставалась въ это время въ комнатѣ, то не мѣшала ей забавляться. Но однажды въ воскресенье она заперла такимъ образомъ комнату, когда въ ней никого не было, съ цѣлью заставить Дмитрія лѣзть по колоннамъ террасы и черезъ окно въ эту комнату—отпирать дверь. Анна Михайловна запретила ей подобныя шалости на будущее время, но отнеслась къ этой продѣлкѣ съ большимъ интересомъ и даже сама попробовала повторить опытъ съ дверью; долго потомъ оставалась она въ задумчивости, что-то соображая.

По возвращеніи съ дачи я ее застала разъ случайно на повтореніи этого опыта на ихъ городской квартирѣ; я подумала, что она дѣлаетъ это не просто, но недолго останавливалась на этомъ, занятая близкимъ отъѣздомъ.

Еще въ концѣ лѣта я получила письмо, существенно мѣнявшее мое положеніе, и предупредила Ивлеву о возможности скорой разлуки съ ними.

— Что же,—отвѣчала она;—путь вамъ добрый! Да и то сказать: какая радость сидѣть въ нашемъ скиту?!

Извѣстіе о моемъ близкомъ отъѣздѣ какъ будто бы даже пришлось ей по сердцу, и я видѣла, что не изъ непріязненныхъ ко мнѣ чувствъ: между нами никогда не было неладовъ. Видно было только, что она была охвачена какою-то напряженной заботой, какою-то упорною мыслью, отодвинувшей на задній планъ все остальное.

Дни передъ моимъ отъѣздомъ стояли дождливые, ненастные. И послѣднія мои воспоминанія, относящіяся къ этому дому, рисуютъ мнѣ Ивлеву чаще всего стоящей съ сосредоточеннымъ и вмѣстѣ тревожнымъ видомъ у огня и думающей тайную думу... А по стекламъ извнѣ, звеня неровнымъ скучнымъ шумомъ, безъ конца текутъ дождевыя струи...

Я замѣтила еще, что, сравнительно съ прошлымъ годомъ, она стала чаще выходить изъ дому.

Когда насталъ день моего отъѣзда, мы простились дружески, обѣщая другъ другу писать.

Но на мое письмо, посланное Аннѣ Михайловнѣ, отвѣта не послѣдовало, и я надолго потеряла Ивлевыхъ изъ виду.

VI.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ газетахъ въ театральныхъ сообщеніяхъ я стала иногда встрѣчать фамилію Ивлева.

Будучи однажды въ Петербургѣ и собираясь послушать въ частной оперѣ извѣстную итальянскую пѣвицу Б., дѣвшую съ русской труппой, я тѣмъ болѣе поспѣшила добыть себѣ билетъ, что въ числѣ другихъ артистовъ, значившихся на афишѣ, былъ Ивлевъ.

Я сразу узнала Дмитрія по его красивой внѣшности, когда онъ въ театральномъ костюмѣ самоувѣренной походкой вышелъ на сцену и не менѣе самоувѣренно запѣлъ. Голосъ его лился свободно и не затеривался въ большой залѣ. Школу, видимо, онъ прошелъ хорошую, манеры его были увѣренны и, пожалуй, красивы, только очень однообразны и совсѣмъ неприспособлены къ исполняемой роли. Въ фигурѣ его было что-то деревянное, и не было въ его игрѣ ни искры того, что называется художественнымъ проникновеніемъ. Онъ пѣлъ, какъ бы самъ сознавая цѣну своему голосу, и слушатель не могъ не цѣнить этого голоса, и ему много аплодировали.

И живо-живо вспомнила я, какъ безучастно и безвкусно, но красивымъ голосомъ пѣлъ онъ подъ мой аккомпаниментъ рубинштейновское «Разбитое сердце».

Убожество его художественныхъ данныхъ особенно подчеркивалось игрою несравненной артистки Б.

Я напрасно искала среди публики Анну Ивлеву. Рядъ вопросовъ тѣснился въ моей головѣ. Гдѣ она теперь? Какимъ образомъ Дмитрій выбился на сцену? И чѣмъ ярче блистали театральные огни, чѣмъ плѣнительнѣе звучала музыка, тѣмъ мрачнѣе рисовался далекій старинный городокъ и ивлевскій домъ, гдѣ, можетъ быть, продолжала томиться Ивлева, измученная къ тому же разлукой съ Дмитріемъ и вѣчной ревностью къ его закулисной жизни.

Въ предпоследнемъ антрактѣ, въ фойѣ ко мнѣ подошла молоденькая дѣвушка, одѣтая въ синее платье съ бѣлымъ воротничкомъ, очень свѣжая, съ незатѣйливой прической рыжеватыхъ волосъ и очень милымъ выраженіемъ лица. Она назвала меня по имени:

— Вы не узнаете меня? Я ваша бывшая ученица Маня Ивлева: помните?

— Ну, какъ же не помнить! Но узнать, конечно, трудно.

— Я васъ всегда помнила, но тоже не узнала бы, если бы мнѣ не сказала мамаша.

— А она гдѣ?

— Она въ другой залѣ и послала меня васъ разыскать. Она васъ видѣла въ партерѣ и показала мнѣ. Сама она побоялась оставить диванчикъ, чтобы не заняли. Вы пойдете къ ней?

Вотъ вкратцѣ то, что я узнала о нихъ по дорогѣ, а также изъ дальнѣйшаго свиданія: Ивлевъ умеръ въ годъ моего отъѣзда изъ ихъ дома. Онъ и раньше бывалъ подверженъ овладѣвавшимъ имъ отъ времени до времени приступамъ бессонницы; иногда онъ въ теченіе недѣль двухъ не смыкалъ ни на минуту глазъ. Никакія снотворныя средства не дѣйствовали. Рѣдкій годъ обходился безъ подобнаго явленія. Вотъ и въ тотъ годъ повторилось оно. Нѣсколько ночей онъ не спалъ. Но однажды утромъ онъ не вышелъ къ чаю въ обычное время. Дверь своей комнаты онъ, противъ обыкновенія, заперъ на крючокъ. Рѣшили не беспокоить его, чтобы дать ему выспаться. Однако сонъ его затянулся до сумерекъ. Стали къ нему стучаться. Не достучались. Когда, наконецъ, еще позднѣе, вызвавъ полицейскаго, взломали дверь, то нашли Ивлева мертвымъ. Ошибкой ли, вмѣсто снотворнаго порошка, или умышленно принялъ онъ очень сильно дѣйствующій ядъ, вызывающій почти мгновенный параличъ.

Послѣ похоронъ Ивлева семья недолго оставалась въ Р. и переехала въ Москву, а на лавку нашлись покупщицы. Въ Москвѣ Дмитрій началъ брать уроки пѣнія въ филармоніи, а Маня учиться музыкѣ въ какихъ-то музыкальныхъ классахъ; кромѣ того, къ ней ходили учительницы на домъ для остальныхъ предметовъ. Затѣмъ уѣхали въ Италію. Имъ было бы трудно безъ языковъ за границей, но съ ними ѣздила одна пожилая барышня, хорошо знавшая языки.

— Тебѣ понравилось въ Италіи?—спросила я Маню.

— Сначала—да,—отвѣчала она,—но потомъ мной овладѣла тоска по родинѣ.

Москва, филармонія, Италія, опера... Какая, подумаешь, феерія въ сравненіи съ глухимъ, никѣмъ неосѣщаемымъ домомъ въ глухомъ переулкѣ захолустнаго городка. Сбываются же для иныхъ самыя яркія, самыя, казалось бы, неосуществимыя грезы!

Я сразу узнала Анну Михайловну, сидѣвшую на бархатномъ диванчикѣ у стѣны, куда привела меня Маня; та же у нея осталась манера держать голову полуопущенной и улыбаться исподлобья.

— Ну, здравствуйте,—привѣтствовала она меня:—вотъ судьба-то насъ и столкнула опять.

Пошли, какъ водится, разспросы, выраженія удовольствія по поводу неожиданной встрѣчи и т. д. О смерти мужа Ивлева упомянула вскользь; у меня почему-то языкъ не поворачивался говорить на эту тему.

— А Митяй-то нашъ каковъ?—сказала она:—хорошій голосъ?

— Голосъ отличный.

— Какъ же! тоже вѣдь извѣстностью сталъ... Ангажементы хороше получаетъ...

Наружность Ивлевой не только не носила на себѣ печати какихъ-нибудь гнетущихъ воспоминаній или страданій ревности, къ которой могъ бы ей давать поводъ Дмитрій, постоянно находившійся въ атмосферѣ кулисъ и сценическихъ успѣховъ: напротивъ, наружность ея дышала полнымъ успокоеніемъ и душевнымъ довольствомъ. Ей ужъ было теперь за сорокъ, но она казалась въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Она немного раздобрѣла, но не настолько, чтобы это вредило ея наружности. Одѣта она была безъ претензій, зато хорошей портнихой, сумѣвшей примѣниться къ оригинальному жанру этой женщины.

Объ Италіи Анна Ивлева отозвалась восторженно; только и объ этомъ не распространялась.

Когда прозвонилъ звонокъ къ поднятію занавѣса, она сказала мнѣ:

— Приходите къ намъ. Мы живемъ на Алексѣевской (она назвала номеръ дома и квартиры). Это недалеко отсюда. Вы Питеръ-то хорошо знаете? Это близъ Офицерской. Приходите... завтра въ 2 часа, тогда и Митяя увидите.

VIII.

На Алексѣевской, куда на другой день я не преминула отправиться, въ большомъ еще совсѣмъ новомъ домѣ Ивлева съ дочерью занимали въ бель-этажѣ чистую маленькую квартиру. На этой же площадкѣ противъ нихъ была квартира Дмитрія.

Въ свѣтлой, небольшой комнатѣ, куда ввела меня Анна Михайловна и гдѣ стѣны были украшены вѣрами и фотографіями разныхъ артистовъ, въ томъ числѣ и Дмитрія во всевозможныхъ театральныхъ костюмахъ, стоялъ посрединѣ столъ съ горячимъ самоваромъ, кофейникомъ, конфетами, закусками. Какъ мало было здѣсь общаго съ обстановкой мрачнаго дома въ Р...! Изъ этой обстановки и изъ разговоровъ съ Ивлевыми видно было, что они капиталъ своихъ не расточаютъ, но и ни въ чемъ себѣ не отказываютъ.

Кромѣ меня, у нихъ было еще два гостя: одинъ—студентъ изъ бѣлоподегладочниковъ и другой—юноша изъ привилегированнаго учебнаго заведенія. Какъ и когда успѣли они познакомиться съ этою семьей? Какое чутье занесло этихъ коршуновъ къ значному мѣсту ивлевскихъ капиталовъ?

Въ обращеніи этихъ юношей съ хозяевами дома отъ посторонняго наблюдателя не ускользала легкій оттѣнокъ пренебреженія, фамильярности и сознанія своего превосходства. Какая необходимость была Аннѣ Михайловнѣ принимать ихъ? Происходило ли это изъ безразличнаго ко всемъ радушія? Или изъ необъяснимаго почтенія къ геральдикѣ?

Разговоръ юношей съ Манею былъ чистѣйшимъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, а между тѣмъ, въ Манѣ чувствовались задатки чего-то серьезнаго, и жаль было видѣть ее въ этомъ обществѣ.

Явился наконецъ Дмитрій. Онъ вошелъ, какъ и на сцену, горделивой, увѣренной походкой. Увидѣвъ меня, онъ благосклонно улыбнулся и величаво заявилъ, что онъ радъ меня видѣть и что онъ помнитъ, какъ я бывало аккомпанировала ему. Затѣмъ онъ покровительственно обратился къ юношамъ съ вопросомъ:

— Ну, что новенькаго?

Этотъ вопросъ вовлекъ юношей въ область политики. Изъ устъ юношей полились раздраженные рѣчи, бѣдныя доводами и лексикономъ, но богатая сословною ненавистью. Дмитрій иногда пытался возражать имъ, ограничиваясь, впрочемъ, такими выраженіями, какъ:

— «Ну, положимъ...» «почему же!» «нѣтъ, это не такъ моему» и т. п.

Мысль его ворочалась туго; и хоть онъ со многимъ не соглашался, что говорили тѣ, все-таки въ немъ сквозило довольно благосклонное отношеніе къ «бѣлой кости». Чувствовалось, впрочемъ, что вообще-то онъ считаетъ себя на неизмѣримой высотѣ сравнительно съ остальными смертными, какую бы костью они ни обладали: ибо самъ онъ обладалъ ни съ чѣмъ несравнимымъ сокровищемъ—теноромъ ди-форца.

Было одно существо, которое онъ ставилъ даже, можетъ быть, выше себя; этимъ существомъ была его «тетушка», какъ онъ продолжалъ величать Анну Михайловну. Обожаніе, любовь неизмѣнная сквозили въ его обращеніи съ ней... Какими чудодѣйственными цѣпями приговала она его къ себѣ?

Я попыталась прервать разговоръ о политикѣ, обратившись къ

Дмитрію съ вопросомъ о театрѣ. Попытка удалась, и разговоръ легко завязался на тему, близкую артисту. Здѣсь не нужно ему было искать словъ и выраженій. Сужденія его были избиты и несамостоятельны, но область хорошо знакома, и языкъ достаточно упражненъ по части техническихъ выраженій. Немногихъ артистовъ онъ одобрялъ; къ большинству относился очень отрицательно. Игра, творчество въ дѣлѣ опернаго исполненія цѣнились имъ весьма мало: оперному пѣвцу, во-первыхъ, нуженъ большой голосъ, и, во-вторыхъ и въ третьихъ, голосъ... и, конечно, хорошая школа: остальное—ерунда, безъ которой прекрасно можно обойтись.

— А что скажете вы о Б.?—спросила я.

— Она, конечно, художница, — снисходительно проронилъ онъ, врядъ ли отдавая себѣ полный отчетъ въ значеніи этого слова и повторяя эту характеристику Б. со словъ другихъ, — но уже съ голоса-то она спадаетъ, — прибавилъ онъ...

Но и разговоръ объ искусствѣ Дмитрій недолго поддерживалъ, какъ будто и искусствомъ-то онъ не слишкомъ интересовался. Видно было, что ни Б., ни Фигнеръ, ни Шалапинъ, о которыхъ онъ только что говорилъ, ни политика, ни судьбы Россіи, ни аристократическіе гости, ни Маня—ничто его особенно не касается. Видно было, что все это между прочимъ и что только есть одно, что даетъ его жизни пылающее содержаніе: видно было, что и онъ и Анна Ивлева глубоко счастливы взаимною любовью и что ни до кого на свѣтѣ, кромѣ самихъ себя и другъ друга, имъ нѣтъ настоящаго дѣла. Взгляды, бросаемые ими одинъ на другого, были еще полны влюбленности, и среди общаго разговора они улучали минуты обмѣняться незначительными по содержанію, но выразительными по тону рѣчами... И я долго думала о томъ, связываетъ ли ихъ только любовь или еще... преступленіе?

Однажды на большой узловой станціи желѣзной дороги мнѣ долго пришлось ждать нужнаго мнѣ поѣзда. Дѣло было вечеромъ. Въ числѣ другихъ обреченныхъ на подобную же участь пассажировъ я томилась среди обширной, залы, загрязненное великолѣпіе которой тонуло въ сумрагѣ неполнаго освѣщенія. Я уже успѣла въ достаточной мѣрѣ заняться изученіемъ попадавшихъ въ поле моего зрѣнія физиономій и передумать о томъ, какъ и чѣмъ живутъ эти люди, кого изъ нихъ мало, кого много терзала жизнь и т. п. Успѣла прочитать пару газетъ, включая объявленія, выпить перепареннаго станціоннаго чая и собиралась уже совсѣмъ отдаться во власть станціонной скукъ, когда судьба послала мнѣ неожиданное развлеченіе.

Вотъ засуетились буфетчики и лакеи, появились носильщики, зажглись новые огни, ярко освѣтившіе залу... Вдали ужь слышался шумъ подходящаго поѣзда, и черезъ нѣсколько минутъ въ залу нахлынула толпа новыхъ пассажировъ.

Ориентировавшись въ ней немного, взоръ мой приговался къ остановившейся у одного изъ обѣденныхъ столовъ богато одѣтой въ бархатъ и дорогой мѣхъ женщиной, напомнившей мнѣ Анну Ивлеву. Этотъ новый жанръ одѣваться, новая прическа изъ фальшивыхъ волосъ, пудра на помятомъ, носившемъ слѣды пережитыхъ бурь и оргій и прінявшемъ новое выраженіе лицъ—все заставило меня въ первую минуту усомниться... Но слишкомъ индивидуальныя черты и своеобразная грація манеръ заставили меня увѣриться въ томъ, что я вижу передъ собою мою старую знакомую.

Передъ ней стоялъ въ ожиданіи распоряженій официантъ, она же, держа въ рукахъ карточку блюдъ, совѣщалась съ щегольски одѣтымъ пожилымъ господиномъ. Сѣдые кудри при черной бородѣ, изысканныя черты и вмѣстѣ... грязное и фальшивое выраженіе весьма красиваго лица... Гдѣ добыла она это знакомство? Не изъ той ли среды, откуда появились у нихъ тѣ юноши, что ухаживали за Маней тогда въ Петербургѣ? Но гдѣ же Маня, гдѣ Дмитрій?

Между тѣмъ пассажирамъ, занимавшимъ меня, подали обѣдъ, и они съ обычной на станціяхъ торопливостью принялись за него и пили много вина и оживленно перебрасывались короткими фразами. Иногда сѣдой господинъ весело и лукаво смѣялся, а она улыбалась ему исподлобья, но уже не было прежняго обаянія въ ея улыбкѣ. Обращеніе ихъ другъ съ другомъ говорило о короткой дружбѣ и снова приходилъ на умъ вопросъ: а гдѣ же Дмитрій?

Нѣсколько разъ Ивлева встрѣтилась съ моимъ пристальнымъ взглядомъ, но не почла за нужное узнать меня. Я съ своей стороны тоже не хотѣла возобновлять знакомства. Во-первыхъ, во мнѣ уже не были такъ сильны мои прежнія гамлетическія настроенія, заставлявшія меня смотрѣть на Анну Михайловну только подъ однимъ извѣстнымъ угломъ, а во-вторыхъ, весь пошибъ этой пары молодыхъ жуировъ очень ужь мало отвѣчалъ моимъ вкусамъ.

Черезъ полчаса они исчезли, какъ мимолетное сновидѣніе, уносимые помчавшимся дальше поѣздомъ.

Но воображеніе мое оживилось, явились мысли по поводу не совѣмъ обычной судьбы этой женщины съ не совѣмъ обычнымъ темпераментомъ... Поднялись въ головѣ вопросы, предположенія...

Лид. Ивановская.

Вакханты.

М. Х.

Юльскій день тагъ прянъ и пышенъ
Въ убранствѣ, ярко золоченомъ.
Пригоршню спѣлыхъ красныхъ вишенъ,
Смѣясь, ты бросила въ лицо намъ.

Мы за тобою безъ дороги
Сквозь чащу липъ и туй зеленыхъ.
И смѣхъ въ чертахъ притворно-строгихъ,
Вишневой кровью обогранныхъ.

Мунн.

Н О В Е Л Л Ы

I.

Принцесса Зара.

— Ты действительно из племени Зогарь, что на озеръ Чадъ? — спросила старуха, когда ея спутникъ вступилъ въ полосу луннаго свѣта.

Не отвѣчая, онъ откинулъ тганы, скрывавшую его лицо и грудь, и передъ старухой открылись могучіе мускулы подъ темной бронзовой кожей родившагося въ Африкѣ араба. Открылся и священный знакъ на лбу, даваемый только особенно важнымъ посланцамъ. Онъ успокоилъ подозрительность старческихъ думъ.

— Ну, хорошо, — бормотала старуха, — я знаю, что людямъ изъ племени Зогарь можно вѣрить. Это не то, что наши занзибарскіе молодцы. Ихъ бы ужъ я не повела въ покои принцессы Зары. Что для нихъ дочь великаго бей? Тovarь, какимъ они нагружаютъ свои суда для отправки въ Константинополь. Но ты показалъ мнѣ амулетъ, который заставилъ биться мое старческое сердце. Вѣдь я тоже съ озера Чадъ. Да и червонцы твои звончѣй и полновѣснѣе нашихъ, сплошь опиленныхъ іерусалимскими ростовщиками.

Ея спутникъ не отвѣчалъ ни слова, былъ блѣденъ и, казалось, напряженно думалъ о чемъ-то. Они осторожно крались вдоль стѣны по мощенному бѣлыми плитами двору занзибарскаго дворца.

Гдѣ-то совсѣмъ около нихъ невидимый глухо елокоталъ океанъ, и неподвижный воздухъ тропической ночи былъ напоенъ его свѣжимъ дыханіемъ. Лунный свѣтъ серебряными полосами ложился на влагъ черныхъ бассейновъ и отсвѣчивался въ капляхъ, застывшихъ на розовомъ мраморѣ ступеней. Звѣзды наклонялись близко-близко и были живы и увѣренны, какъ очи дѣвушки, которая согрѣшила и хочетъ скрыть свой позоръ. Зачѣмъ въ этотъ мѣръ роскоши и грѣха

пришелъ обитатель широкихъ равнинъ и зеленыхъ дебрей, воинъ стройный въ ожерельи изъ львиныхъ зубовъ?

Давно спутаны страницы въ книгѣ судебъ, и никто не знаетъ, какими удивительными путями придетъ онъ къ своей гибели.

Вотъ передъ путниками зачернѣла арка и маленькая дверь, ведущая въ дѣвичью половину гарема. Два условные удара бронзовымъ молоткомъ, сверкающіе зрачки молодой негритянки, и они вошли. Было тускло-красноватое пламя свѣтильника, но ж оно позволяло разглядѣть сказочное богатство персидскихъ ковровъ, украсившихъ стѣны и полъ, сидѣнія сандального дерева съ инкрустаціями слоновой кости, небрежно брошенные музыкальные инструменты и фразы святого корана, зеленой эмалью начертанныя на золотыхъ щитахъ.

Неподвижный и легкій стоялъ аромат мускуса, индійскихъ духовъ и юнаго дѣвичьяго тѣла. Принцесса Зара, вся закутанная въ шелка, сидѣла на низкой и широкой тахтѣ. Казалось, не для любви, а для чего-то высшаго были созданы ея неподвижныя, точно изъ коралла вырѣзанныя губы, слишкомъ тонкій станъ и прекрасные глаза съ ихъ загадочно-печальнымъ взглядомъ. На рукахъ, обнаженныхъ по локоть, позванивали золотые чеканенные браслеты и узкій обручъ поддерживалъ роскошную тяжесть темныхъ кудрей. Статный пришелецъ понялъ, что онъ не ошибся, придя сюда.

Склонившись, срывающимся отъ волненія голосомъ онъ просилъ принцессу удалить женщинъ, потому что только наединѣ онъ могъ открыть ей свою великую тайну, отъ дымныхъ озеръ и опасныхъ долинъ приведшую его въ Занзибаръ. Ничего не отвѣтила Зара, но старуха заторопилась, увлекая за собой невольницу,

— Не бойся ничего, дитя мое, — шептала она принцессѣ, — онъ не сдѣлаетъ тебѣ дурного. Людямъ изъ племени Зогаръ можно вѣрить.

И скрылась, подобострастная, съ успокоительными подмигиваніями и смѣшками, и, какъ покорная собака, послѣдовала за ней негритянка.

Пришелецъ и Зара остались одни.

— Кто ты, — спросила Зара тихо, такъ тихо, что можно было только догадываться о красотѣ и звучности ея голоса, — кто ты и зачѣмъ ты пришелъ?

И, содрогнувшись, отвѣтилъ ей высокій пришелецъ:

— Я изъ племени Зогаръ съ великаго и священнаго озера Чадъ. Младшій сынъ вождя, я считался сильнымъ среди сильныхъ, отважнымъ среди отважныхъ. Въ ночныхъ битвахъ я не разъ побѣждалъ рыкающихъ золотогривыхъ львовъ, и свирѣпыя пантеры, слыша

мои шаги, прятались, боязливый, въ глухихъ оврагахъ. Смуглыя дѣвы чужихъ племенъ не разъ звонко рыдали надъ трупами павшихъ отъ моей руки. Но однажды не военные барабаны загрохотали надъ равниной, люди племени Зогаръ сошлись на холмъ, и великій жрецъ, начертавъ на моемъ лбу священный знакъ посланника, указалъ мнѣ путь къ тебѣ. По теченію рѣки Шари я прошелъ въ область Нямъ-Нямъ, гдѣ низкорослые, безобразные люди пожираютъ другъ друга и молятся богу, живущему въ черномъ камнѣ. Ядовитые туманы Укереве напоили мое тѣло огнемъ лихорадки, около Нгези я выдержалъ бой съ громадной змѣею, люди Нъязи сорокъ дней гнались за мной по пятамъ, пока, наконецъ, слѣва отъ меня не засверкали серебряные снѣга Билима-Нотаро. И восемь разъ полумѣсяцъ становился луной, прежде чѣмъ я пришелъ въ Занзибаръ.

Высокій пришелецъ перевелъ дыханіе, и Зара молчала, только взглядомъ простымъ и усталымъ спросила его:

— Зачѣмъ?

И онъ продолжалъ:

— Вѣрно Пророку племя Зогаръ, и милостивъ къ нему Пророкъ. Дивнымъ счастіемъ одарилъ онъ его. Въ нашихъ лѣсахъ живетъ Свѣтлая Дѣва, любимѣйшее созданіе Аллаха, радость и слава людей. По природѣ единая и божественная, она не умираетъ, но иногда оставляетъ свою прежнюю оболочку, является въ другой среди бѣдныхъ человѣческихъ селеній и тогда великій жрецъ указываетъ, гдѣ можно ее искать. За ней отправляется славнѣйшій изъ племени, открываетъ ей ея высокое назначеніе и уводитъ въ царство изумрудныхъ степей и багряныхъ закатовъ. Тамъ живетъ она въ счастливомъ уединеніи. Только случайно можно увидѣть ее. Но мы молимся ей невидимой, какъ залогъ высшаго достоинства, которое праведные получаютъ въ садахъ Аллаха. Потому что, если мужчины сильны и благочестивы, жены прекрасны и вѣрны, то только у непорочныхъ дѣвушекъ есть крылья широкія и бѣлоснѣжныя, хотя и не замѣчаемыя земнымъ взоромъ. Ихъ голосъ — какъ лютня старинныхъ поэтовъ, ихъ взоры прозрачны, какъ влага источника, въ изгнаньи утолившаго жажду Пророка. Онъ выше гурій, выше ангеловъ, онъ какъ души въ седьмомъ кругу райскихъ блаженствъ.

Снова замолчалъ пришелецъ и не отвѣчала Зара, только взглядъ ея сталъ загадоченъ и непроницаемъ, какъ тѣ звѣзды, что свѣтили пришельцу въ его пути. Но захваченный своей великой мыслью, ничего не замѣтилъ красивый арабъ; онъ продолжалъ:

— Называющая себя принцессой Зарой, нынѣ великій жрецъ указалъ на тебя. Это ты — Свѣтлая Дѣва лѣсовъ, и я зову тебя къ

твоими владѣніямъ. Легконогій верблюдъ царственной породы съ шерстью шелковой и бѣлой, какъ молоко, ждетъ насъ, нетерпѣливый, привязанный къ пальмѣ. Какъ птицы будемъ мы мчаться по лѣсамъ и равнинамъ, въ быстрыхъ пирогахъ переплывать вспѣнные рѣки, пока передъ нами не засинѣютъ священныя воды озера Чадъ. На берегу его есть долина, запрещенная для людей. Тамъ роци стройныхъ пальмъ съ широкими листьями и спѣлыми оранжевыми плодами тѣснятся вокругъ серебряныхъ ручьевъ, гдѣ запахъ ирисовъ и пьянаго алоэ. Тамъ солнце ласковое и нѣжное не дышетъ зноемъ и его сіяніе сливается съ прохладой вѣтровъ. Тамъ пчелы темнаго золота садятся на розы краснѣе, чѣмъ мантии древнихъ царей. Тамъ все: и солнце, и розы, и вѣтеръ говорятъ и мечтаютъ о тебѣ. Ты поселишься въ красивомъ мраморномъ гротѣ, и рѣзвые, какъ кони, водопады будутъ улаживать твои тихіе взоры, золотой песокъ зацѣлуетъ твои стройныя ноги, и ты будешь улыбаться причудливымъ раковинамъ. И когда на закатѣ къ водою придетъ стадо жирафовъ, ты погладишь шелка ихъ царственно-богатыхъ шкуръ, и ласкаясь, они заглянутъ въ твои восхищенные глаза.

Такъ будешь ты жить, пока не наскучишь волшебствами счастья и не пожелаешь, подобно вечернему солнцу, уйти для новыхъ воплощеній. Тогда снова на стукъ барабановъ сойдется могучее племя и снова великій жрецъ укажетъ достойному, гдѣ найти тебя, скрывшуюся подъ новой личиной. Не разъ это было и не разъ повторится среди тысячелѣтій. Но теперь мы должны спѣшить. Ужъ опаловая луна въ своемъ неуклонномъ паденіи коснулась лѣса магнолій, скоро юное солнце встанетъ надъ розовымъ океаномъ. Торопись, пока не проснулись слуги великаго бѣа. Звонкіе червонцы крѣпко скуютъ уста старухи, а если нѣтъ, племя Зогаръ испытано въ искусствѣ владѣть кинжаломъ.

Кончилъ пришелець и съ надеждой протянулъ руки къ Зарѣ. Тихо и сонно было въ гаремѣ, только за стѣной рокоталъ океанъ и печально кричала какая-то неизвѣстная, но тревожная птица. Медленная, гибкая, какъ лилія, встала принцесса Зара и устремила на араба свой загадочный взоръ. Тихія и странныя зашелестѣли ея слова:

— Ты хорошо говорилъ, пришелець, но я не знаю того, о чемъ ты говорилъ. Если же я правлюсь тебѣ и ты хочешь меня ласкать, я охотно подчинюсь твоимъ желаніямъ. Ты красивѣе того европейца, что недавно тоже цѣной золота проникалъ сюда, въ гаремъ. Но онъ не говорилъ мнѣ ничего, онъ только улыбался и обнималъ меня, какъ хотѣлъ. Купленной рабыней стояла я передъ нимъ, но мнѣ была слад-

ка горечь его ласкъ, и я плакала, когда онъ уѣхалъ. Теперь передо мною ты; если хочешь, я буду твоей.

И полуоткрывъ на груди шелковую ткань и полужакрывъ глаза, она ждала.

Безумнымъ отъ муки взоромъ смотрѣлъ на нее высокій пришелецъ. Такъ вотъ она Свѣтлая Дѣва Лѣсовъ, которой онъ молился всю свою жизнь, которой молились его отцы и дѣды! Вотъ она униженная и не сознающая своего позора, съ грѣшной улыбкой на нѣжныхъ устахъ! Красныя молніи мысли слетались въ его мозгу, кто-то чудовищный и торжествующій уродливой ногой наступилъ ему прямо на сердце. Широкія равнины, дни веселыхъ охотъ, радости славы, что все это передъ нечеловѣческой болью, обуявшей его душу?! Случайно нащупанный острый кинжалъ. Вѣрный и твердый ударъ въ грудь. И, пошатнувшись, упалъ сильный воинъ лицомъ внизъ, вздрагивая и обагривъ горячей кровью дорогіе персидскіе ковры.

Неподвижно, еще не въ силахъ сообразить происшедшее, стояла гибкая Зара, прислонясь къ узорчатой стѣнѣ. Гордая своею красотой, она хотѣла только испытать, останется ли ея прелесть необоримой и въ униженіи, она не поняла, къ чему ее звали. И въ ея душѣ уже шевелилось сожалѣніе, зачѣмъ, подчинясь опасному дѣвичьему капризу, она солгала и обманула пришельца, звавшего ее къ возможному и ослѣпительному счастью.

А на самомъ разсвѣтѣ свирѣпая гѣна растерзала привязаннаго къ пальмѣ бѣлоснѣжнаго верблюда.

II.

З о л о т о й Р ы ц а р ь .

Золотымъ блистательнымъ полднемъ въѣхало семеро рыцарей крестоносцевъ въ узкую глухую долину восточнаго Ливана. Солнце метало свои лучи разноцвѣтные и страшные, какъ стрѣлы невѣрныхъ, кони были утомлены долгимъ путемъ и могучіе всадники едва держались въ сѣдлахъ, изнемогая отъ зноя и жажды. Знаменитый графъ Кентерберійскій Оливеръ, самый старей въ всемъ отрядѣ, подалъ знакъ отдохнуть. И какъ нѣжныя дѣвушки, ошеломленные неистово-прянымъ и томящимъ индійскимъ вѣтромъ, безсильные попадали рыцари на голые камни. Долго молчали они, ясно чувствуя, что уже не подняться имъ больше и не сѣсть на коней и что скоро жажда, подобно огненному дракону, свирѣпыми лапами ставъ имъ на грудь, перерветъ ихъ пересохшія горта.

Наконецъ сэръ Гуго Эльвистамъ, темпліеръ съ душою сирійскаго льва, приподнявшись на локтѣ, воскликнулъ: «Благородные сэры и дорогіе братья во Христвъ, вотъ уже восемь дней, какъ мы блуждаемъ одни, отбившись отъ отряда, и два дня тому назадъ мы отдали послѣднюю воду нищему прокаженному у высохшаго колодца Мертвой Гіены. Но если мы должны умереть, то умремъ, какъ рыцари, стоя, и споемъ въ послѣдній разъ привѣтственный гимнъ нашему небесному Сеньеру, Господу Иисусу Христу». И онъ медленно поднялся, съ невидящимъ взоромъ цѣпляясь за колючій кустарникъ, и одинъ за другимъ начали подниматься его товарищи, патаясь и съ трудомъ выговаривая слова, какъ бы упившіеся кипрскимъ виномъ въ строгихъ и сумрачныхъ залахъ на торжественномъ приѣмѣ византійскаго императора.

И странно, и страшно было бы на душѣ одинокаго пилигрима или купца изъ далекой Арменіи, если бы случайно, проходящіе, увидѣли они семерыхъ безвѣстно умирающихъ рыцарей и услышали бы ихъ тихое созвучное пѣніе.

Но внезапно слова ихъ молитвы прервалъ приближающійся топотъ коня, звучный и легкій, какъ звонъ серебряннаго меча въ ножнахъ Архистратига Михаила. Нахмурились гордыя брови молящихся, и ихъ души, уже сдружившіяся съ мягкимъ сумракомъ смерти, омрачились ненужной помѣхой, а на поворотѣ ущелья появился неизвѣстный рыцарь тонкій и стройный; красиво-могучій въ плечахъ, съ опущеннымъ забраломъ и въ латахъ чистаго золота, яркихъ, какъ блескъ звѣзды Альдебаранъ. И конь золотистой масти дыбился и прыгалъ и еле касался копытами гулкихъ утесовъ.

Голубой герольдъ на конѣ бѣлоснѣжномъ, съ лицомъ вроткимъ и мудрымъ, тайно похожимъ на образъ апостола Іоанна, спѣшилъ за своимъ господиномъ. Чудные всадники быстро приблизились къ умирающимъ рыцарямъ, пѣвшимъ гимнъ.

Одѣтый въ золото осадилъ коня и наклонилъ копье, какъ передъ началомъ сраженія, а герольдъ, поднимая щитъ со страннымъ гербомъ, гдѣ мѣшались лиліи и звѣзды, столпы Соломонова храма и колючіе терны, воскликнулъ слова, издавна принятыя для турнировъ:

«Кто изъ благородныхъ рыцарей, присутствующихъ здѣсь, хочетъ сразиться съ моимъ господиномъ, пѣшій или конный, на копьяхъ или на мечахъ?» И отѣхалъ въ сторону, ожидая.

Неожиданный подулъ откуда-то вѣтеръ, принося освѣжительную прохладу, внезапно окрѣпли мускулы дотолѣ безсильныхъ рыцарей, и огненный драконъ жажды пересталъ терзать ихъ горло и грудь, сдѣлался совѣтъ маленькимъ и съ безпокойнымъ свистомъ уползъ

въ темную расщелину скалъ, гдѣ таились его братья скорпіоны и мохнатые тарантулы.

Графъ Бентерберійскій Оливеръ первый отвѣтилъ голубому герольду отъ имени всѣхъ. Въ рѣчи изысканно-вѣжливой, но полной достоинства, онъ сказалъ, что они нисколько не сомнѣваются въ благородномъ происхожденіи неизвѣстнаго рыцаря, но тѣмъ не менѣе желали бы видѣть его поднявшимъ забрало, ибо этого требуетъ старинный рыцарскій обычай. Едва онъ успѣлъ окончить свои слова, какъ тяжелое сіяющее забрало поднялось, открывая лицо совершеннѣйшей красоты, которая когда-нибудь цвѣла на землѣ и на небѣ, глаза, полные свѣтлой любовью, щеки нѣжныя, немного блѣдныя, алыя губы, о которыхъ столько мечтала святая Магдалина, и золотую бородку, расчесанную и надушенную самой Дѣвой Маріей.

Не посмѣли догадаться благочестивые рыцари, кто пришелъ облегчить ихъ страданія и раздѣлить забавы, хотя волна мистическаго восторга и захватила ихъ души, какъ ураганъ въ открытомъ морѣ схватываетъ оробѣлыхъ пловцовъ, чтобы, повертѣвъ ихъ среди изумрудныхъ брызгъ и влопочущей пѣны, бросить на отлогій берегъ острововъ невѣдомаго счастья. И, полные чувствомъ благоговѣнія и таинственной любви къ своему противнику, они просили его принять дань ихъ уваженія передъ началомъ турнира.

Первымъ выступилъ герцогъ Нотумберландскій, но не помогли ему ни руки, бросавшія на землю сильнѣйшихъ, ни очи, побѣждавшія прекраснѣйшихъ дамъ при дворѣ веселаго короля Ричарда. Онъ былъ выбитъ изъ сѣдла и покорно отошелъ въ сторону, удивляясь, что его сердце, несмотря на пораженіе, поетъ и смѣется. Его товарищей одного за другимъ постигла та же участь. И когда золотой незнакомецъ съ заразительно-веселымъ, нѣжнымъ смѣхомъ повалилъ на землю послѣдняго, вышедшаго противъ него, барона Норвичскаго, огромнаго и могучаго, какъ медвѣдь Пиринеевъ, всѣ рыцари согласно рѣшили, что копье ихъ противника не знаетъ себѣ равнаго во всемъ англійскомъ войскѣ, а, слѣдовательно, и во всемъ мірѣ.

За турниромъ долженъ слѣдовать ниръ. Такъ было принято въ старой веселой Англій. И захваченные странными чарами рыцари не удивились, когда на мѣсто ихъ копій, воткнутыхъ въ трещины скалъ, поднялись цвѣтущія пальмы съ обольстительно-спѣлыми плодами и прозрачный ручеекъ выбѣжалъ изъ голой скалы, звеня, какъ бронзовыя запястья любимѣйшей дочери арабскаго шейха.

Весело пировали утомленные рыцари, говорили о битвахъ и любви и пѣли стройныя пѣсни, сложенные объ нихъ менестрелями.

Было сладко имъ, заглянувшимъ въ лицо смерти, смотрѣть на

солнце и зелень, каждый глотокъ плескался радостью въ широко открытое сердце и каждый проглоченный кусокъ приобщалъ ихъ къ новой жизни.

Золотой побѣдитель сидѣлъ съ другими и ѣлъ, и пилъ, и смѣялся.

А вечеромъ, когда зашептались далекіе кедры и тѣни все чаще и чаще стали задѣвать своими мягкими крыльями лица сидящихъ, онъ сѣлъ на коня и углубился въ ущелье. Остальные, точно завороженные, послѣдовали за нимъ. Тамъ возвышалась широкая и отлогая лѣстница изъ бѣлаго мрамора съ голубыми жилками, ведущая прямо на небо. Тяжко зазвучали на мраморѣ копыта земныхъ коней и легкой ласкался къ нимъ конь золотистый. Незвѣстный рыцарь показывалъ дорогу, и скоро уже ясно стали различаться кусты немислимо-дивныхъ деревьевъ, утопающія въ синимъ сіяніи. Среди нихъ свирѣлыми голосами пѣли ангелы. Навстрѣчу ѣдущимъ вышла нѣжная и благодная Дѣва Марія, больше похожая на старшую сестру, чѣмъ на мать золотого рыцаря, Властительнаго Сеньера душъ, Иисуса Христа.

Черезъ нѣсколько дней англійское войско, скитаясь въ горахъ, набрело на трупы своихъ заблудившихся товарищей. Отуманилось сердце веселаго короля Ричарда и, призвавъ арабскаго медика, онъ долго спрашивалъ его о причинѣ смерти столь знаменитыхъ воиновъ.

— Ихъ убило солнце, — отвѣтилъ ученый, — но не грусти, король, передъ смертью они должны были видѣть чудные сны, какихъ недано увидѣть намъ, живымъ.

Н. Гумилевъ.

Молитва къ Себѣ.

Не вѣрь богамъ на небеси!
Въ тебѣ самомъ твоя награда
И свѣтлый рай, и муки ада.
Познай себя: tat tvam asi.
Ты богъ великій и могучій!...
Ты звѣзды бросилъ въ небеса,
Ты вихремъ мчишься черезъ лѣса
И мечешь громъ изъ черной тучи!...
И мощный Гангъ въ своемъ просторѣ,
Гдѣ бѣздно темныя видны,
Лишь капля водъ иного моря.
Твоей бездонной глубины!...
Ты свой служитель и кумиръ!...
Не сотвори иному храма.
Ты—царь, ты—Богъ, ты—вѣчный Брама,
Земля и небо, и эфиръ!...
Гони жъ обманъ. Огонь желаній
Въ уставшемъ сердцѣ угаси...
Господь и рабъ своихъ дѣяній!...
Познай себя: tat tvam asi.

И. Высоцкій.

Какъ ссорились и мирились супруги Ивины.

Между Ивиными часто происходили бурныя ссоры. Отъ обыкновенныхъ семейныхъ сценъ онѣ отличались, однако, тѣмъ, что оба, и супругъ, и супруга, ставили въ такихъ случаяхъ «вопросъ о довѣрїи»; это не было только военнымъ маневромъ—о, нѣтъ: безъ слезъ, безъ упрековъ, безъ обмороковъ, съ стиснутыми зубами, съ горящими ненавистью глазами, они крѣпко рѣшали разойтись, и оба были увѣрены, что это рѣшеніе безповоротно. Въ пылу злобы они забывали, что уже несчетное число разъ ссорились и мирились; души ихъ клокотали, чувство обиды и оскорбленія вытѣсняло всякую другую мысль. Ивинъ считалъ жену «мѣщанкой», Ивина искренне презирала мужа, который послѣ сценъ нѣжности и любви способенъ былъ переходить къ такимъ грубымъ выходкамъ и все же полагалъ себя чѣмъ-то особеннымъ.

Роковымъ днемъ была пятница. Въ пятницу отецъ Ивиной—она была тогда еще гимназисткой—попалъ подъ лошадь и былъ убитъ, въ пятницу воры обокрали до-чиста магазинъ ея матери—мало ли что было въ пятницу! Ивина была твердо увѣрена, что пятница питаетъ къ ней чисто-личную вражду. А тутъ еще эта возмутительная исторія! Насилу Ивина собралась сдѣлать себѣ приличное платье, все шло отлично: платье сидѣло чудно, матерія была «мужская», плотная, и всѣ дамы въ пансионѣ увѣряли, что такое платье у «настоящаго портного» должно стоить вдвое больше. Ивина нарочно сошла для примѣрки внизъ, въ салонъ, но вдругъ, какъ на зло, случилось то, чего она боялась: открылись двери, и въ комнату вошелъ мужъ—нѣтъ, «мужъ» (она всегда, мысленно и вслухъ, произносила слово мужъ не иначе, какъ въ кавычкахъ, съ особымъ, ироническимъ удареніемъ). Конечно, ему платье не нравится, ему ничего не нравится у жены. Другіе любятъ ея, дѣлаютъ ей комплименты, а онъ ко всему придирается. Онъ убѣжденъ, что она не имѣетъ вкуса

и плохо одѣвается. Вотъ и теперь онъ вошелъ со своей улыбочкой и ехидничаетъ; онъ суетъ свой носъ, куда не слѣдуетъ, критикуетъ оборки, компрометируетъ жену передъ портнымъ, котораго она нарочно отыскала въ «ассоціаціи». Ивина вышла изъ себя и, потерявъ самообладаніе, обрушилась на мужа. Однимъ словомъ, пятница вошла въ свои права...

Къ вечеру битва между супругами была въ полномъ разгарѣ. Чемоданъ господина Ивина былъ уже уложенъ съ большимъ трудомъ, потому что въ немъ помѣщалось все имущество свѣженеспеченнаго главы семейства, съ спиртовой машинкой и гравюрой изъ венеціанской Akkademia reale включительно. Каждый разъ въ моменты ссоры Ивинъ укладывалъ свой чемоданъ и собирался уѣзжать, ибо супруги были всегда въ пути, слабое здоровье жены не позволяло ей жить въ столицѣ, и они слонялись по курортамъ, вѣчно въ поискахъ за дешевымъ пансіономъ. Когда Ивинъ, пыхтя и вытирая потъ рукавомъ, старался захлопнуть чемоданъ и то становился на него ногами, то обхватывалъ его руками, на лицѣ Ивиной появлялась мгновенная улыбка, но мужъ не могъ замѣтить ее—жена умѣла играть роль. Наконецъ, чемоданъ былъ закрытъ. Съ облегченнымъ, побѣдоноснымъ видомъ супругъ засунулъ еще за чехоль зонтикъ и палку. Жена все еще лежала съ невозмутимымъ спокойствіемъ на кушеткѣ. Въ послѣднее время она стала прибѣгать къ этой методѣ, и молчаніе ея страшно злило Ивина. Онъ чувствовалъ, что теперь, уложивъ чемоданъ, онъ долженъ идти далѣе, crescendo, иначе позиція останется за женой.

— Слушай, — раздался его глухой, словно изъ-подъ земли идущій голосъ: — такъ больше жить нельзя. Это не жизнь, а пытка. Эти мелочи меня убиваютъ. Вѣдь ты во всякомъ случаѣ настолько интеллигента, что понимаешь: лучше намъ разойтись, чѣмъ продолжать эту унижительную канитель. Рѣшимъ это разъ на всегда. Я уѣзжаю ночнымъ поѣздомъ и буду жить отдѣльно въ ***. Но вѣдь я тебя знаю, ты не согласишься...

— Дуракъ! Да вѣдь я счастлива буду, я только и хочу этого. Ты самъ придешь просить у меня прощенія, плакать будешь у моихъ ногъ. Дуракъ ты и больше ничего.

Голосъ жены внесъ что-то живое, уютное въ комнату, въ которой только что господствовало молчаніе и скрежетъ зубовный. Ивинъ не ожидалъ, чтобы жена ему отвѣтила, и былъ даже въ нѣкоторомъ родѣ приятно пораженъ неместнымъ эпитетомъ, которымъ она его надѣлила. Возня съ чемоданомъ его утомила, и вмѣстѣ съ энергіей испарялся понемногу пароксизмъ его злобы. Онъ взглянулъ на жену

въ ей вечернемъ капотѣ цвѣта «кофе съ молокомъ» и долго смотрѣлъ на нее на прощаніе.

Госпожа Ивина была молодая, сочная женщина; круглыя, полныя формы мягко вздымались подъ складками капота, оголенные до локтей руки отливали теплымъ тѣлеснымъ цвѣтомъ, а вѣнчалное кольцо на пальцѣ такъ странно сіяло на матовомъ фонѣ, оно гипнотизировало взглядъ; почему-то кольцо дѣлало жену такой жалкой, слабой, безпомощной. Ивинъ чувствовалъ, что уже не сердится болѣе на жену, онъ зналъ, что не уѣдетъ ни сегодня, ни завтра, — въ головѣ его былъ безусловный хаосъ. Онъ снова, въ сотый разъ, говорилъ себѣ, что не сходится характеромъ съ женой, и все же связанъ съ ней безчисленными нитями. Его злило, что онъ не могъ поборотъ себя сегодня, и снова вышла эта дикая сцена. Вѣдь рѣшилъ же онъ у себя, что долженъ закрывать глаза на все не нравящееся ему у жены! Онъ ничего не отвѣтилъ женѣ и угрюмо шагаль по комнатѣ. Если бы жена заплакала или сказала ему: «Костя, ну, Костя, милый, помиримся», онъ съ радостью обнялъ бы ее, въ результатѣ, чего добраго, разложилъ бы чемоданъ, на сцену явилась бы машинка, и онъ поставилъ бы чай, — какъ извѣстно, самый надежный умиротворитель всѣхъ невзгодъ и горестей россійской богемы. Но жена не сказала ему *Костя*; вмѣсто этого раздался стукъ въ двери, и въ комнату вошла Фелиція Іезекиилевна Зоншейнъ, сосѣдка Ивиныхъ по коридору.

— Наталья Дмитріевна, я вамъ принесла «Тьму». Но только до завтра утромъ. Въ десять часовъ за ней зайдетъ Левъ. Постарайтесь прочитать до завтра. Прекрасная вещь!

Ивина просіяла отъ счастья. Она стала усаживать гостью на кушетку и проявляла при этомъ такую рѣзвость, какъ будто сейчасъ ничего не происходило между ней и мужемъ. Ея женскій инстинктъ вѣрно подсказывалъ ей самое жестокое боевое средство: игнорированіе гнѣвающагося супруга. По выраженію лица Зоншейнъ Ивинъ понималъ, что она угадала ситуацію — чемоданъ стоялъ на виду, — и это его опять злило.

— А что вы нашли въ «Тьмѣ» прекраснаго, m-lle Зоншейнъ, позвольте спросить васъ? — обратился онъ къ вошедшей, стараясь придать своему голосу какъ можно больше сарказма.

— Неужели вамъ Андреевъ тоже не нравится? Вѣдь онъ не социаль-демократъ, напротивъ, онъ скорѣе мистикъ, — значитъ, въ вашемъ стилѣ. Наталья Дмитріевна, вѣдь Ивинъ — «мистикъ», не правда ли, вы такъ говорили?

Супруга уничтожающе молчала.

— Конечно, Андреевъ не социаль-демократъ, я это знаю, — отвѣтилъ Ивинъ тономъ, не предвѣщающимъ ничего добраго. Его герой—эсъ-эръ. Какъ же вы, эсъ-дечка, можете восхищаться «Тьмой?»

Онъ, очевидно, гнулъ свою линію. Онъ чувствовалъ себя обиженнымъ женой, которая забыла или дѣлаетъ видъ, что забыла про ссору; чтобы наказать ее, старался подчеркнуть свое злое настроеніе и говорилъ грубо.

Но Зоншейнъ приняла это возраженіе очень даже въ серьезъ. Это была весьма корректная дѣвица, которая не мало гордилась своими хорошими манерами. Къ столу она являлась всегда въ свѣжей блузкѣ, съ аккуратно подвязаннымъ галстукомъ и накрахмаленными манжетами. Въ колоніи ее считали «серьезной дѣвушкой» и питали къ ней уваженіе, какъ къ эсъ-дечкѣ, бывающей на собраніяхъ у Азнашова. Когда ее спрашивали, о чемъ тамъ была рѣчь, она уклончиво отвѣчала: работали, партійная работа. «Партійная работа» заключалась въ томъ, чтобы разносить билеты на балъ и продавать по двойной и тройной цѣнѣ въ пользу партіи открытки съ репродукціями изъ парижскихъ салоновъ. Къ Ивиной она благоволила, потому что сбывла ей нѣсколько Ледъ и Сусаннъ вмѣстѣ съ трехфранковымъ билетомъ на рефератъ о военныхъ судахъ. Съ Ивинымъ держалась осторожно, стараясь не уронить передъ нимъ своего достоинства; она все еще не рѣшила, сталъ ли онъ уже буржуа, или только станетъ?

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, Ивинъ. Конечно, герой «Тьмы» не эсъ-дечъ, а эсъ-эръ. Но развѣ изъ этого что-нибудь слѣдуетъ? Такъ просто нужно было Андрееву для его разсказа. А разсказъ въ высшей степени психологиченъ и правдивъ. Андреевъ—величайшій художникъ нашего времени.

— Такъ-съ? А почему его герой цѣлуетъ руку у проститутки? Неужели вы думаете, что теперь найдутся такіе болваны?

— Вы увидите, Наталья Дмитриевна, — продолжала Зоншейнъ, — что это за художникъ! Какъ эта проститутка Люба вдругъ начинаетъ чувствовать себя человѣкомъ, потомъ опять впадаетъ въ свой прежній тонъ—это великолѣпно!

— Великолѣпно! — передразнилъ Ивинъ. — Вы и не подозреваете, что говорите какъ разъ противъ Андреева. «Проститутка Люба вдругъ чувствуетъ себя человѣкомъ!» Ха-ха-ха! Какъ у васъ все это дешево дѣлается!

Ивинъ шагаль по узкой комнатѣ, лавируя между столомъ и наискось поставленнымъ диваномъ; у зеркала онъ останавливался и вглядывался въ свое злое лицо съ стеклянными глазами и торчащими рыжими усами, — результатъ этого самосозерцанія, къ сожалѣнію, не

производилъ на него успокаивающаго дѣйствія. Зоншейнъ провожала его глазами, Ивина сидѣла насупившись и, улучивъ моментъ, указала гостѣ на сложенный чемоданъ. Та многозначительно улыбнулась.

— Слушайте, Ивинъ, — обратилась она къ нему тономъ матери, журищей сына: — отчего вы на меня нападаете? Развѣ я виновата, что вы сегодня не въ духѣ? Хотите, я принесу вамъ шоколадъ, — у меня есть вашъ любимый Caillet.

— Не хочу. Не отвливайте. Вы видите мысль Андреева только тогда, когда ее преподнесутъ и разжуютъ вамъ въ фельетонѣ вашей газеты. Не то важно, что проститутка Люба временами чувствуетъ себя «человѣкомъ», какъ вы говорите, а, напротивъ, то, что герой эсъ-эръ самъ рѣшилъ спуститься до уровня проститутки. И знаете, какой я выводъ дѣлаю изъ «Тьмы?» Тотъ, что мнѣ все должно проститься, и чѣмъ я хуже, тѣмъ я лучше, тѣмъ я болѣе человѣкъ...

— Удобная философія! — встала Ивина, опять-таки ни къ кому не обращаясь и не подымая взора: — не думаю, чтобы эта была мысль Андреева.

— Вотъ я ссорюсь съ женой и северно ссорюсь, — продолжалъ Ивинъ. — Вы это знаете. Когда я заперся здѣсь и не хотѣлъ впустить Наталью, а вы стояли съ ней у дверей, это былъ скандалъ на весь пансіонъ, и вы, конечно, говорили себѣ: это безобразная сцена, это безусловно не интеллигентныя отношенія. Пусть! Я самъ знаю, что мой бракъ «мѣщанскій», что лучше разойтись; но мы не расходимся, и это хорошо, это сама жизнь.

— Не слушайте его; вовсе ему не хорошо! — обратилась Ивина къ Зоншейнъ, — ему стыдно, и оттого онъ сочиняетъ теперь всякія теоріи.

Ивина понимала, что это все говорится только для нея, чтобы задобрить ее; она отлично угадывала настроенія супруга.

Зоншейнъ чувствовала себя неловко. Она была посвящена въ тайну супружескихъ неурядицъ у Ивиныхъ, но, какъ воспитанная дѣвица, воздерживалась отъ выраженія своего мнѣнія. Цинизмъ Ивина ее коробилъ; въ той средѣ русской молодежи, въ которой она вращалась, ей не приходилось слушать такіа рѣчи — уже скорѣе случалось, что люди расходились, уважая и любя другъ друга, и кичились этимъ.

— Я не знаю, къ чему вы это говорите, мосье Ивинъ, — замаялась она.

— Нѣтъ, вы послушайте. Вотъ вы всѣ читаете теперь «Санина» и т. д., даже въ любви у васъ все по-новому, nous avons changé

tout cela, отрѣшившись отъ стараго міра. А между тѣмъ на дѣлѣ вы остались самыми распронастоящими буржуями. Именно въ любви. Для васъ—сказать, что бракъ Ивиныхъ «мѣщанскій», самое ужасное обвиненіе. А я вамъ говорю: обвинять другихъ въ мѣщанствѣ уже есть мѣщанство. Если вы хотите, во что бы то ни стало, быть *modern*, то не бойтесь быть мѣщанами. Нечего вамъ искать какихъ-то пороковъ египетскихъ; это не штука—взять на себя всю грязь публичнаго дома и окунуться въ нее, какъ герой «Тьмы»,—а вотъ захотите стать мѣщанами, чего вы больше всего боитесь на свѣтѣ, сдѣлайте эту пробу, это единственный путь отрѣшиться отъ мѣщанства. Интересно, согласился ли бы на это Андреевскій эсъ-эръ? Вы думаете, это парадоксъ? Въ такомъ случаѣ я выражусь яснѣе: не судите о людяхъ по ихъ поступкамъ! По-моему, судить о людяхъ по ихъ поступкамъ—это подло, это не гуманно, это мѣщанство!

— Я отказываюсь понимать это,—сказала Зоншейнъ.

— Я его понимаю,—замѣтила Ивина.—Человѣкъ иногда поступаетъ плохо въ пылу раздраженія, а характеръ, можетъ, у него хорошій.

— И не въ характерѣ дѣло,—перебилъ ее мужъ.—Характеръ тоже выдумка мѣщанства. У меня тысяча характеровъ! И допустить не хочу я, чтобъ меня любили за характеръ. У меня не только мой «фактическій» характеръ, а и тотъ, который я желалъ бы имѣть, и тотъ, который я себѣ приписываю, и тотъ, который мнѣ приписываютъ. Если я *хочу* быть добрымъ, *хочу* быть выдающимся, то развѣ это не дѣйствительнѣе, чѣмъ то, что у меня случайно жолчь разливается или нѣтъ таланта и счастья въ жизни? Характеръ это то же, что поступки человѣка: нѣчто виѣшнее. И самая любовь у васъ лишь ненависть на изнанку: вы любите человѣка только потому, что считаете его лучше другихъ, хорошимъ, и самимъ вамъ перепадаетъ толика отъ этого хорошаго чувства. Развѣ можно оцѣнивать человѣка, сравнивать его съ другимъ, говорить: одинъ лучше, другой хуже? Развѣ одинъ можетъ быть больше человѣкомъ, чѣмъ другой? Виновать, вы теперь вѣдь и про «единственнаго» читаете, цѣлыхъ четыре изданія вышло. Но у васъ это только ариметика, не больше; для васъ человѣкъ тайна только потому, что вы не можете охватить всѣ индивидуальныя, эмпирическія черты каждаго даннаго человѣка, а вѣдь тайна есть именно все неиндивидуальное, общечеловѣческое. Человѣкъ, какъ таковой, есть величина безконечная, а безконечность, дѣленная на безконечность, даетъ... что? И поэтому я вамъ говорю: вся ваша любовь только мѣщанство, потому что вы любите опредѣленнаго, хорошаго человѣка и непремѣнно *хорошо* любите,

возвышенно и интеллигентно. *Хорошій*—это самый опасный бичъ челоуѣчества. Въ деклараціи правъ челоуѣка французская революція забыла помѣстить одно, самое главное право челоуѣка: право быть нехорошимъ... Челоуѣчество было бы тогда гораздо счастливѣе!

Зоншейнъ разсмѣялась:

— Вы говорите софизмы, Ивинъ!

— Въ концѣ-концовъ всегда будутъ люди хорошие и дурные, это въ натурѣ челоуѣка: хорошие будутъ тѣ, кто отрѣшится отъ хорошаго, дурные—тѣ, кто не сможетъ сдѣлать это.

Это сказала Ивина. На мужа эти слова произвели ошеломляющее дѣйствіе; больше всего его поразило, что она такъ легко, играючи, пришла къ этому философскому результату. Онъ остановился посреди комнаты и изобразилъ на своемъ лицѣ всѣ восемь октавъ изумленія; въ этотъ моментъ онъ походилъ на челоуѣка, который собирается чихнуть; казалось, слышнобыло, какъ въ его мозгу, скрипя, ползли тяжелыя, громоздкія мысли.

Душа его стояла передъ загадкой: какъ это жена, которую онъ давеча считалъ неинтеллигентной, можетъ раздѣлить съ нимъ его сокровенныя мысли? Неужели эти «мысли безъ дна», которыя онъ самъ въ сущности считалъ нужнымъ брать *cum grano salis*, а теперь нарочито утрировалъ, неужели онѣ вдругъ окажутся конкретной истиной: нѣтъ различія между людьми, нѣтъ пустыхъ людей, нѣтъ глубокихъ, всѣ одинаковы? Неужели между нимъ и женой проходитъ магическая граница, и его мысли превращаются у нея въ факты? Онъ искренно любилъ теперь жену. Чувствовалъ снова близость къ ней, болѣе, чѣмъ духовную близость. Не могъ себѣ объяснить этого, но отдавался во власть настроенія. Всю его злобу какъ рукой сняло. Странное дѣло: присутствіе чужой женщины всегда интенсивно настраивало его въ пользу дражайшей половины. Ему хотѣлось сейчасъ же, тутъ, на глазахъ у Зоншейнъ, помириться съ женой, приласкать ее. Хотѣлось поставить точку надъ ссорой, оправдаться передъ собой, передъ женой, а также передъ комильфотной, неуязвимой Фелицией Іезекиилевной, показать ей, что въ сущности всѣ его распри съ Наташей происходятъ по испытанному рецепту: милые бранятся... Онъ былъ благодаренъ «Тъмѣ», выручившей его, и въ особенности умнымъ словамъ жены, которыя проглядывали мостъ къ примиренію.

Онъ сѣлъ на бушетку рядомъ съ женой и старался поймать ея руку; она съ досадой отдернула ее, но онъ, не смущаясь этимъ, овладѣлъ рукой и гладилъ пухлые пальчики.

— Наташа, днесъ я со всѣмъ примирился, что претерпѣлъ на

вѣку! У меня умная жена, ухъ, какая умница! Bravo! ты-таки немного мѣщаночка, но это я не сужу—ты слышала. Ты не будешь меня злить больше?

— Костя, чего ты паясничаешь?—отстраняла Ивина мужа, чтобы соблюсти декорумъ.—Вѣдь онъ только что собирался уѣзжать—обратилась она къ Зоншейнъ.—Уходи, я тебя знать не хочу! Только что чуть ли не съ кулаками бросался на меня, а теперь ласкается! Я—большая женщина и должна переносить твои сумасшедшіе капризы. Уходи! Съ женой не дѣлають экспериментовъ.

Но Ивинъ не слушалъ ее и давалъ волю приливу нѣжности.

Зоншейнъ была очень рада такому идиллическому исходу дѣла и поспѣшила ретироваться.

— Ну, господа, я пойду къ себѣ, скоро ужинъ будетъ. А вы меня все-таки не убѣдили, Ивинъ. Вы Наташу любите и только притворяетесь передъ самими собой, что вы герой Андреева. Простите, я человекъ откровенный и люблю говорить правду... Такъ помните, Наталья Дмитриевна, Левъ въ десять часовъ зайдетъ за книгой. До свиданья!

Очутившись одни, супруги ощутили нѣкоторую холодность и молчали. Атмосфера еще не совсѣмъ прояснилась послѣ недавней бури. Ивина встала съ кушетки, надѣла къ ужину свою «главную» шелковую блузку, не безъ оховъ передъ зеркаломъ, затѣмъ сѣла къ столу и съ жадностью принялась читать «Тьму». Супругъ разлегся на кушеткѣ, радуясь, что ему не придется провести ночь въ вагонѣ; онъ наслаждался убогимъ уютомъ своей, какъ-никакъ, семейной жизни. Пролежавъ такъ нѣсколько времени, онъ поднялся и вышелъ въ коридоръ выкурить папиросу. Это проявленіе внимательности окончательно примирило жену, которая не выносила табачнаго дыму.

Когда внизу раздался звонокъ, зовущій къ ужину, и Ивины отправились вдвоемъ въ столовую, ихъ ссора, какъ водится, нашла себѣ завершеніе въ томъ, что они совмѣстно обрушились на ни въ чемъ неповинное третье лицо.

— Какая эта Зоншейнъ прямолинейная! Настоящая эсъ-дечка!—замѣтилъ Ивинъ на лѣстницѣ.—Она, правда, не будетъ изъ портного дѣлать мужу сценъ, но ты глубже ихъ всѣхъ, Наташа, тебя люблю. Ты не сердись на меня.

— Какъ будто я не знала, что такъ будетъ?! Мнѣ только жаль то, что сомнется твой сюртукъ въ чемоданѣ. Я вѣдь знала, что ч его опять вымешь.

— Такъ отчего-жъ ты не сказала?

Вмѣсто отвѣта Ивина повернулась къ мужу, приподнялась на своихъ французскихъ каблукахъ и поцѣловала его въ лобъ.

— Ты тоже злючка поряточная, — сказалъ супругъ, и въ голосъ его прозвучала одобрительная нотка, даже нѣчто вродѣ самоудовольства.

За ужиномъ Ивины были очень веселы. Нѣмцы любовались картиной молодыхъ, любящихъ супруговъ. Ивинъ спорилъ съ пруссакомъ-спортсменомъ и доказывалъ ему, что Бисмаркъ не долженъ былъ бомбардировать Парижъ, а Ивина гордилась эрудиціей мужа и тѣмъ заносчивѣе отвѣчала на ухаживанія спортсмена.

Беззвѣдная зимняя ночь спустилась на уставшую землю. Швейцарскій курортъ спитъ. Въ номерѣ Ивиныхъ погашенъ огонь, и Эросъ—супругъ занялъ свое правомѣрное мѣсто на брачномъ ложѣ подлѣ Психеи—супруги.

Какъ трагическій герой Тристанъ, Ивинъ ненавидѣлъ «день» съ его грубыми шероховатостями и реальностями; онъ презиралъ *den eiteln Trug des Tages* и спасался отъ него подъ сѣнь великой утѣшительницы и загадки—ночи. Ночью душа его ширилась и таяла въ неизъяснимомъ блаженствѣ. Образы и интересы дня казались ему иллюзіей, суетнымъ калейдоскопомъ эмпириі. Въ объятіяхъ жены онъ находилъ желанный синтезъ жизни; онъ говорилъ себѣ, что такъ же, какъ и онъ, покоились на супружескомъ ложѣ и древніе египтяне, и римляне, и средневѣковые фохты, и Вильгельмъ Телль, и короли, и знаменитости—это было единственнымъ, непреходящимъ и желѣзнымъ факторомъ исторіи, къ нему все сводилось, и Ивинъ воображалъ себя внѣ времени и мѣста. Стоило ли еще послѣ этого печалиться изъ-за стычекъ съ женой? Вѣдь всѣ эти дѣленія на людей интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ только продуктъ нашихъ мѣщанскихъ теорій, мыльный пузырь, не больше.

Въ особенности любилъ Ивинъ моментъ засыпанія. Въ моментъ, когда интоксированный мозгъ собирался покинуть эту юдоль плача и скорби и отправиться въ розовое царство грезъ, ему приходили на умъ самыя грандіозныя и смѣлыя мысли. Съ необычайной ясностью обрисовывались передъ нимъ широкіе научные планы; онъ позывался встать и занести ихъ на бумагу, но отяжелѣвшая голова не повиновалась, и онъ волей-неволей откладывалъ это до утра. Но, о ужасъ!—какъ ни рельефны, какъ ни отчетливы были его планы ночью, утромъ они совершенно ускользали изъ его головы, и всѣ его усилія вспомнить ихъ шли прахомъ.

Ивинъ засыпалъ, и сладкія мысли тѣснились въ его головѣ. Въ полузабытїи, въ томной дремотѣ проносились у него въ головѣ

обрывки читаннаго когда-то: женское тѣло—виноградная лоза, въ его сухихъ, изнуряющихъ объятіяхъ кроется тайна будущей жизни, поэзія молодого вина; въ смугломъ, нераспустившемся тѣлѣ живетъ жаркое дыханіе арабійскаго бога; женское тѣло это мать сыра-земля, это русалка, купающаяся въ лѣсномъ ручьѣ.

Ивинъ засыпалъ, и освобожденный отъ узъ логики мозгъ рѣшалъ мудрый вопросъ: что, если наука найдетъ вещество, которое будетъ производить на насъ такое же дѣйствіе, какъ женское тѣло?... Вѣдь это возможно. Главное—рѣшить дѣло въ принципѣ. Это открытіе должно будетъ революционизировать все человѣчество, оно поставитъ на голову всѣ отношенія между мужчиной и женщиной, всю нашу психологію—это еще важнѣе, чѣмъ открытіе искусственнаго производства альбумина и пицци. На этомъ Ивинъ счастливо останавливался и не анализировалъ дальше...

Онъ съ нѣжностью и любовью ощущалъ кружева жены, это кружева его жены—*жены*, какое великое слово! Онъ всегда, всѣ ночи своей жизни будетъ съ ней вмѣстѣ! Она тоже засыпаетъ теперь. О чемъ она думаетъ?

— Наташа, милая, ты уже заснула? Нѣтъ? Не правда ли, какъ это странно: мы вмѣстѣ засыпаемъ. Можно ли вообще заснуть вмѣстѣ?

— Охъ, Боже мой, даже спать не дають! Зажги свѣчу,—сердито сказала Ивина.

— Нѣтъ, ты подумай: мы вмѣстѣ переступаемъ черезъ порогъ сознанія. Вѣдь это выше всего, это самая дѣйствительная общность.

— Спи, Бостя. Ты меня измучилъ днемъ?!

За окномъ вдругъ съ жужжаніемъ и свистомъ потухъ электрическій фонарь. Полночь. Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно, заходили какія-то тѣни, задрожали полосы на гардинѣ, мало-по-малу опять выплыли изъ мрака контуры мебели; зеркало отливало чернильнымъ блескомъ, и странной, подпольной жизнью глядѣли въ немъ отраженія ночныхъ предметовъ. Слышно было, какъ въ коридорѣ капля за каплей сочится вода изъ крана. А по отдѣльнымъ номерамъ пансіона спали одинокіе люди, и жутко и страшно становилось при мысли: вдругъ кто-нибудь изъ нихъ не встанетъ уже утромъ? Ивины не спали и прислушивались къ этой мистической музыкѣ ночи, музыкѣ тишины. И словно давимые безмолвной тайной, словно укрываясь отъ безпредѣльнаго мрака, они бросались въ объятія другъ другу и творили великую мистерію міра—и происходило чудо, свершалась святыня: новая жизнь вступала въ свѣтъ, рождался человѣкъ.

Звономъ звонили колокола вселенной.

.....

Сонъ прошелъ.

— Наташа, хочешь играть въ Наполеона?

Ивина любила эту придуманную ими игру: мужъ изображалъ Наполеона, а она польскую шляхтянку Валевскую, съ которой Наполеонъ имѣлъ связь въ Варшавѣ. Ивина томно откидывала назадъ голову и, курьезно складывая губки, говорила:

— Ахъ, ваше величество!

Ивинъ смѣялся и, чувствуя себя Наполеономъ, говорилъ: «Не забывайте, что я l'Impereur. А какая же вы красавица, поразительно!» И цѣловалъ крѣпкія, полныя руки жены.

— Но ты должна распустить волосы, Наташа. Увѣрю тебя, Валевская не показала бы Наполеону съ косою.

— Que dites vous, Sire?

— Какъ ты думаешь, что онъ говорилъ ей? Ваша грудь—двѣ бѣлыя башни, стоящія на стражѣ вашей красоты... Нѣтъ, это Шекспиръ говорить о Лукреціи.

Ивина была не на шутку сердита.

— Вотъ видишь, ты опять начинаешь, Костя! Тебѣ все мерещатся какія-то Валевскія и Лукреціи, ты витаешь въ эмпиреяхъ, ты хотѣлъ бы, чтобъ во мнѣ воплощены были всѣ красавицы всего свѣта, а то, какова я сама, тебѣ совершенно безразлично. Днемъ ты со мной только ссорисься!

— Какъ бы тебѣ сказать, Наташа? Это вовсе не такъ просто. День насъ обманываетъ. А ночью мы такіе, какими хотимъ быть.

— Костя, подумай, что ты говоришь! Вѣдь это ужасъ. Ты мнѣ такъ-таки напрямки заявляешь, что я хороша тебѣ только ночью. Днемъ ты считаешь меня пустой, ухаживаешь за Тамарой, а теперь ты вообразилъ, что я другая, и цѣлуешь меня. Какой позоръ! И тебѣ не стыдно?

Бѣдная жевщина зарылась головой въ подушку и горько плакала. Ивинъ былъ непріятно озадаченъ такимъ поворотомъ дѣла. Ему больно было, что его завѣтная, «Тристановская» любовь встрѣтила у жены такое нежелательное, прозаическое пониманіе. Неужели между ними возможно непониманіе? Теперь, когда они вмѣстѣ засыпали, вмѣстѣ падали въ пропасть, въ черную бездну сирены!

Онъ напрягъ всѣ усилія, чтобы собрать нити своихъ мыслей.

— Дурочка, ну развѣ можно такъ не понимать меня? Причемъ тутъ Тамара? Вѣдь мнѣ рыжая бундовка тоже нравится; она револю-

ціонерка, надо умѣть и это, но это все эмпирія, миражъ дня. Развѣ любить человѣка за качества, за заслуги? Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ! А тебя я люблю именно потому, что вижу твои недостатки: ты ни бундовка, ни эсъ-эровка, ни эсъ-дечка, вообще ты только Наташа, больше ничего, а поэтому ты все. Я могу улетѣть съ тобой, куда я хочу.

Это была очень неудачная аргументація, Ивина вовсе не чувствовала себя утѣшенной. Она перестала плавать, но мужу приходилось пустить въ ходъ всю свою *ars amandi*, чтобъ загладить свою ошибку.

— Чѣмъ больше красивыхъ и интересныхъ женщинъ я видѣлъ днемъ, я все это переношу на тебя ночью. Если я читалъ днемъ хорошую книгу, то, хоть бы ты ее не могла понять, она связывается у меня ночью въ одно цѣлое съ тобой. Все содержаніе дня воплощается ночью въ тебѣ. Потому что ты мой синтезъ; я только тогда я, когда я вотъ такъ съ тобой вмѣстѣ.

— Скажи просто, Костя: ночью всѣ кошки сѣры, оттого ты все про ночь, —ночь да ночь.

— А хоть бы такъ, Наташа! Ты говоришь: «всѣ кошки сѣры», а Шопенгауэръ говоритъ: «покрывало богини Майи». Такъ вѣдь тебѣ больше нравится?

— Теорія, все теорія! Ты несчастный человѣкъ, Костя, ты не способенъ къ живому чувству.

— Помнишь, Наташа, когда мы на цѣлый день ушли въ Radsterthal въ Тиролю, какъ потомъ хорошо было вернуться домой? Когда мы легли спать, я тебѣ былъ какъ будто благодаренъ за все, что мы видѣли, и когда я засыпалъ, мнѣ казалось, что ты сама— и эти горы, и ручьи, и мохъ, и деревья. Помнишь, какъ хорошо было? Мы принесли съ собой воздухъ горъ и чувствовали его, дышали имъ. Или когда возвращались въ *** вдвоемъ изъ театра? Засыпая, переживаешь снова все, что слышалъ, и вся красота пьесы, вся радость артистовъ переносится на жену. Когда чѣмъ-нибудь особенно наслаждаешься, когда лежишь, на примѣръ, на травѣ въ лѣсу въ жаркій день, то закрываешь глаза отъ счастья. И тогда видишь все лучше, глубже. При открытыхъ глазахъ мозгъ работаетъ фальшиво, онъ не можетъ сосредоточиться. Вотъ тоже самое для меня ночь и ты: когда я тебя обнимаю во тьмѣ, я какъ будто закрываю глаза отъ счастья. Я не вижу мелочей, но у меня «нѣтъ тогда никакого любопытства», какъ говорятъ отцы церкви. Только тогда, когда мое я находить въ тебѣ свое ты, я могу мыслить, міръ становится для меня «умопостигаемымъ», ты—законъ моей мысли, ты моя *Synthesis des Mannigfaltigen*, —обрадовался онъ пришедшей ему мысли.—

Ура, Наталья, вѣдь это изъ Банта! До этого не додумался еще ни одинъ профессоръ!

— Часъ отъ часу не легче! Теперь ты говоришь, что любишь меня, когда закрываешь глаза! Богъ съ тобой, Бостя, ты больно ужъ заковыристый. Спи! Я тебя люблю и вѣрю, что ты меня любишь, но ты не умѣешь обращаться съ женой. Можетъ, ты справишься со временемъ. А теперь будемъ спать, Бонстантинъ, уже поздно.

Ивина перевернулась на бокъ и загнула руки за голову. Черезъ раскрытую форточку окна врывалась струя свѣжаго воздуха и пріятно щекотала лицо. Завтра предстояли интересныя гонки на салазкахъ, надо было хорошо выспаться. Супруги долго молчали.

Вдругъ Ивина обвила руками шею мужа и покрыла его лицо поцѣлуями.

— Обѣщай же мнѣ, Бостя, что ты не будешь меня огорчать больше. Обѣщай, милый! Вѣдь тебѣ самому лучше, когда жена твоя спокойна и рада. Отчего ты сказалъ сегодня за обѣдомъ, что тебѣ нравится Тамарина блузка? Это вѣдь самая обыкновенная блузка. На Тamarѣ тебѣ все нравится, а меня ты критикуешь. Это всѣ замѣчаютъ. И не говори ей Тamarочка, прошу тебя. Я ее сама люблю, она такая добрая и наивная, но когда ты съ ней любезничаешь, она себѣ Богъ знаетъ что воображаетъ, и я въ смѣшномъ положеніи. Обѣщаешь, Бостя?

— Обѣщаю, — сказалъ Ивинъ и заснулъ.

Больные лежали на верандѣ отеля, подъ цѣлительными лучами яркаго, Давосскаго солнца. Каждый былъ укутанъ въ Fusssock, длинный мѣшокъ, подбитый собачьей шерстью, и старался не дѣлать никакихъ движеній. У нѣмцевъ торчали во рту термометры. Время отъ времени кто-нибудь откашливался въ голубую бутылочку съ герметической крышкой, подносилъ ее къ свѣту и долго вглядывался въ содержимое. Къ этимъ бутылочкамъ уже привыкли; въ курортѣ издавался даже юмористическій журналъ подъ названіемъ *Der blaue August* — такъ окрестили здѣсь эти роковые стаканчики. Было скучно. На улицѣ иногда скатывались въ салазкахъ швейцарскія дѣти или появлялась компанія длинноногихъ англичанъ на лыжахъ. Все это уже давно пріѣлось и надоѣло, не давало лишь спать. Нѣкоторое оживленіе внесло въ публику появленіе Перлиной, несуразной, языкатой русской акушерницы, которая была старожиломъ Давоса и занималась здѣсь массажемъ; впрочемъ, въ объявленіи, вывѣшенномъ въ антекѣ, она предлагала себя также для переводовъ и «прочихъ литературныхъ работъ». Она зашла навѣстить Зоншейнъ и, стоя на свѣгу у веранды, визгливымъ

голосомъ разсказывала, какъ русское справочное бюро рекомендовало ее въ качествѣ чтицы какому-то отставному полковнику изъ Рязани, и что изъ этого вышло. «Понимаете, онъ спрашиваетъ меня, что мы будемъ читать? Я ему говорю: Диккенса, историческіе романы Соловьева, ну и такъ далѣе. Конечно же, не Поль-де-Кока! Потомъ онъ меня о цѣнѣ спрашиваетъ. Я ему говорю: шесть франковъ. Вѣдь здѣсь сидѣлки больше получаютъ, да еще съ обѣдомъ. Красная цѣна! И что-жь? Представьте себѣ, вѣдь онъ меня оскорбилъ, о-скор-билъ! Да, говорить онъ мнѣ: знаете, можетъ, другіе и платятъ столько, но навѣрно не за чтеніе. Какъ вамъ это нравится? Я выругалась, плюнула и ушла. Прихожу сегодня въ бюро, они смѣются, говорятъ: полковникъ жаловался, отчего мы ему революціонерку прислали. Азнашовъ вашъ тоже—субъектъ! Говоритъ, что я полковника спропагандировать хотѣла, брошюры ему будто предлагала,—а я, ей-Богу, только Диккенса и Соловьева!» Эта тирада очень размѣшила публику. Даже нѣмцы, ни слова не понявшіе изъ негодующей скороговорки Перлиной, ухмыляясь, созерцали эту скуластую русскую въ ея изысканно-небрежномъ туалетѣ и ничего не имѣли противъ того, что ея громкій разговоръ нарушалъ ихъ послѣобѣденный отдыхъ. Когда Перлина ушла, три русскія дамы почесали еще язычокъ на ея счетъ, и Ивина, къ вѣщему восторгу всѣхъ, рѣшила, что полковникъ просто хотѣлъ отвязаться отъ некрасивой чтицы. Затѣмъ курортныя правила снова вошли въ силу. Ивина закрыла глаза, но спать ей не хотѣлось. Она была не серьезно больна, выглядѣла отлично, чувствовала себя бодро и очень тяготилась монотонностью лѣченія. Ей хотѣлось движенія, жизни, людей!

Къ четыремъ часамъ, время чаепитія, она уговорила Зоншейнъ и Тамару пойти въ Kufhaus, хургоузь, какъ комично говорила Тамара съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Тамъ всѣ жители Давоса коротали свою скуку. Тамъ играла музыка, тамъ prince Любанскій изъ Люблина собиралъ вокругъ себя свою компанію щеголей-спортсменовъ, ставилъ на билліардъ стулъ и показывалъ разные кунштюки; этотъ «prince» былъ за панибрата со всѣми прощальгами изъ Греціи и Румыніи и только съ русскими держалъ себя холодно и высоко-мѣрно. Въ кургаузь можно было видѣть мужчинъ и дамъ въ странныхъ костюмахъ, въ бѣлыхъ Sweater'ахъ и шерстяныхъ камашахъ до колѣнъ, въ которыхъ они напоминали ескимосовъ; они громко и весело обсуждали результаты послѣднихъ гонокъ и пили горячій грогъ у буфета, на которомъ стояли рядышкомъ дымящіеся мѣдные жбаны и кофейники. Иногда изъ театральнаго зала сходили дамы въ бальныхъ костюмахъ, стройныя, гибкія американки съ прозрачнымъ, чахоточ-

нымъ цвѣтомъ лица, французенки въ мужскихъ жилетахъ—на все это было такъ интересно смотрѣть. Вся эта разношерстная публика мирно уживалась между собой, и странное впечатлѣніе производили среди нея русскія дѣвицы и гимназисты въ формѣ, которые съ дѣловымъ видомъ, съ полдюжиной книгъ подъ мышкой, проходили черезъ залу въ смежную комнату, гдѣ находилась русская и польская библіотека. На всей этой пестрой картинѣ лежалъ отпечатокъ чего-то экзотическаго. Самъ городокъ Давосъ, построенный на высотѣ полуторы тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря и состоящій почти исключительно изъ громадныхъ санаторій и отелей, изъ дорогихъ магазиновъ и учреждений со всѣми приспособленіями новѣйшаго комфорта и гигиены, съ выставками древнихъ вещей и свѣжими цвѣтами изъ Ниццы—производилъ впечатлѣніе чего-то искусственнаго, оторваннаго отъ жизни; туземнаго населенія почти совсѣмъ не было, даже прислуга въ отеляхъ не всегда состояла изъ швейцарцевъ. Постоянная близость къ природѣ и свѣжему воздуху не смягчала этого впечатлѣнія; напротивъ, даже природа была здѣсь какой-то неестественной, модной—ѣти напудренные лѣса на склонахъ горъ, этотъ голубой снѣгъ по ночамъ казались скорѣе театральнымъ эффектомъ, режиссерской декорацией. На всемъ лежалъ флеръ чего-то не отъ міра сего, всѣ предметы преображались въ этой узорчатой дымкѣ, теряли свои будничныя, конкретныя очертанія, словно фокусъ нашего зрѣнія отодвигался въ даль. Призракъ смертельной болѣзни сближалъ самыхъ разнородныхъ людей, вынужденное бездѣлье возбуждало нервы, а ежедневныя табльдоты въ кругу чужихъ лицъ стирали сословныя различія; дочка румынскаго генерала дружелюбно бесѣдовала съ бывшимъ членомъ петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, который одѣвался въ смокингъ и лайковые ботинки съ бантиками и считался знатокомъ по части Bobsleigh, четырехмѣстныхъ англійскихъ салазковъ. Въ кургаузѣ царил уютная атмосфера *Тиры во время чумы*.

Кружокъ Ивиной занялъ мѣсто въ вестибюлѣ, гдѣ было меньше дыму, и заказалъ себѣ чаю. Ивина оживилась. Она была въ своемъ новомъ рединготѣ, въ бѣлой шапочкѣ изъ верблюжьей шерсти и въ длинной свѣтлой вуали черезъ плечо. Щеки ея пылали, и всѣ мужчины заглядывались на нее: она, дѣйствительно, была очень хороша. Скоро за ихъ столомъ прибавилось публики: подсѣлъ старичокъ-голландецъ, все рассказывающій про свои поѣздки на островъ Яву, подсѣлъ румяный кроатъ-докторъ, съ которымъ Ивина познакомилась еще въ бытность свою въ Тироли и теперь имѣла много общихъ темъ для разговора. Въ первую очередь, конечно, дѣлали другъ другу комплименты насчетъ здороваго вида; это были неизбежныя Давосскіе

разговоры о «кило», о томъ, кто сколько вѣситъ, кто убавился, кто принялъ въ вѣсъ. Послѣ этой, такъ сказать, части официальной, перешли къ другимъ сюжетамъ. Кroatъ восхищался русской женщиной и нападалъ на нѣмокъ; онъ считалъ Ивину ужасно образованной и немного ея побаивался, въ особенности же восторгался ея живостью и легкостью въ обращеніи съ мужчинами. Кельнеръ принесъ иллюстрированные журналы, тамъ были портреты убитаго португальскаго короля и наслѣдника, кroatъ ломанымъ русскимъ языкомъ переводилъ Тamarъ текстъ. Заговорили о политикѣ, и оба мужчины, кroatъ и голландецъ, стали охать и ахать по поводу ужасовъ, происходящихъ въ Россіи. Зоншейнъ рассказывала о казняхъ, и въ словахъ ея чувствовалось какое-то злорадство и враждебность по отношенію къ иностранцамъ; она какъ будто винила голландца, нажившаго себѣ состояніе въ Лѣвѣ, а теперь умильными, масляными глазами поглядывавшаго на дамъ, въ томъ, что его коллеги-капиталисты дѣлаютъ въ Россіи. Но такъ какъ Ивина бойче другихъ тараторила по-нѣмецки, послѣднее слово осталось за ней; у нея были свои свѣжіе, доморощенные взгляды, которые она высказывала теперь съ большимъ апломбомъ.

— Зоншейнъ, — убѣжденно говорила она, — вы напрасно стараетесь. Иностранцы не могутъ намъ сочувствовать, они слушаютъ васъ только изъ приличія. (Кroatъ и голландецъ протестуютъ.) Нѣтъ, нѣтъ, не говорите, я знаю. Я помню, у насъ въ Кіевѣ былъ одинъ знакомый студентъ-болгаринъ; онъ намъ всегда рассказывалъ про ихъ драки съ разными тамъ македонцами и турками и кто ихъ тамъ знаетъ — и думалъ, что мы должны непременно сочувствовать ему; онъ ужасно горячился, приходилъ въ азартъ, а намъ было рѣшительно все равно, и всѣ эти македонцы были для насъ вродѣ тѣхъ грековъ, которые продаютъ въ Россіи губки. Я отлично понимаю, что европейцы точно такъ же смотрятъ на наши русскія дѣла. Вѣдь вотъ мы какъ относимся теперь къ событіямъ въ Португаліи? Мы жалѣемъ португальскаго короля и его «бѣдную королеву». Очень просто, потому что она намъ виднѣе.

Слова Ивиной были очень доказательны, и хотя кroatъ пробовалъ защищаться и увѣрялъ, что его лично интересуеетъ все русское, что онъ даже читалъ «Капитанскую дочку» Пушкина, которую ему дала одна русская «господица», Ивина чувствовала, что попала, что называется, въ самую точку. Она была въ ударѣ. Мѣткія словечки и остроты по адресу проходящихъ дамъ и кавалеровъ такъ и сыпались изъ ея капризнаго ротика, и когда Тамара, перелистывавшая «Тинки», повѣрила ей, что Сегантини — псевдонимъ одесскаго ху-

дожника Сегала, раздался общій взрывъ хохота. Ивина уже давно такъ не веселилась. Она съ благодарностью чувствовала на себѣ поощрительные взгляды мужчинъ и кокетничала направо и налево; отъ нея не укрывалось, что за дальними столами ее пристально наблюдали чопорные франты и изъ-за нея неглижировали своими разодѣтыми и скучающими дамами.

— Мое почтеніе, господа!—привѣтствовалъ сидящихъ высокій худощавый блондинъ съ козлиной бородкой и взъерошенными волосами.—Забавляетесь?

— Ахъ, Овсовъ, какъ хорошо, что вы пришли! Милый, здравствуйте!—обрадовались дамы.—А мы тутъ сидимъ съ «нѣмцами» и скучаемъ,—добавила ему на ухо Тамара, отодвигая свой стулъ и освобождая мѣсто для пришедшаго. Восемнадцатилѣтняя Тамара считала для себя потерянными каждый часъ, когда рѣчь шла не о запретныхъ и щекотливыхъ любовныхъ темахъ.

— Ничего! Мы ихъ живо вытуримъ,—громко пробасилъ блондинъ, усаживаясь.

— Тсс!—мигала ему глазами Ивина.—Позвольте васъ представить, господа. Герръ Овсовъ, герръ... герръ... охъ, фамиліи я забыла! Ну, ужъ представляйтесь сами.

Голландецъ и кроатъ вѣжливо раскланялись, Овсовъ крѣпко, по-русски пожалъ ихъ руки и подсѣлъ къ Ивиной.

— Наталья Дмитриевна, какъ вы сегодня интересны! Восхитительно! Дайте поглядѣть на себя. Ишь что это за вуаль такая! Вотъ это я люблю; сейчасъ видно, что у васъ аристократическій вкусъ: просто и красиво, безъ всякихъ финтифлюшекъ. Ну, рассказывайте, какъ живете можете? Хотите погулять? Пойдемте, что тутъ сидѣть!

— Нѣтъ, Овсовъ, нельзя же такъ оставить «нѣмцевъ»,—вмѣшалась Зоншейнъ,—они обидятся.

— Господа, мы должны говорить по-нѣмецки,—объявила во всеуслышаніе Ивина и съ ласковой улыбкой обернулась къ кроату, который ерзалъ на стулѣ и начиналъ чувствовать себя неловко; старичокъ-голландецъ растерянно осматривался и жмурилъ глаза черезъ вспотѣвшее пенсне.

— А ну ихъ въ самомъ дѣлѣ! Пойдемте. Погода чудесная.

— Да нельзя же такъ сейчасъ, подождите. Что у васъ новаго, Иванъ Васильевичъ?—спросила Ивина.

— Эхъ, развѣ тутъ можетъ быть что новаго? Если-бъ могъ, сейчасъ бы укатилъ въ Питеръ. Тутъ вѣдь не живешь, а прозябаешь. Мы здѣсь баклушничаемъ, а тамъ жизнь бьетъ ключомъ, тамъ люди

борятся, умираютъ! Тяжело! А вамъ не хочется въ Россію, Наталья Дмитріевна? Вѣдь тоже тоскуете?

— Бакъ будто и здѣсь люди не умираютъ? И сколько еще умираютъ!

— Ивиной хорошо,—сказала Тамара,—она хоть знаетъ языкъ, она по-нѣмецки такъ и рѣжетъ.

— Какое тамъ хорошо? Я не промѣняю нашъ Кіевъ на всѣ эти заграничные курорты. Въ Россіи, правда, жить хуже, но зато тамъ люди лучше. Люблю я русскихъ людей, они все-таки самые хорошіе. Иванъ Васильичъ, вотъ вы «истинно-русскій человѣкъ», не правда ли?—разсмѣялась Ивина.—Не обижайтесь, я шучу вѣдь. Знаете, meine Herren,—обратилась она къ иностранцамъ,—вотъ передъ вами «истинно-русскій человѣкъ», да, да, изъ тѣхъ, о которыхъ пишутъ въ газетахъ! Вотъ, смотрите на него!

Старичокъ и кроать смотрѣли на Овсова съ недоумѣніемъ; имъ становилось нѣсколько не по себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было любопытно, они вполне повѣрили словамъ Ивиной. Овсовъ, сидѣвшій къ нимъ спиной, повернулся къ нимъ, церемонно привсталъ и, прищуривъ глаза, демонстративно выдержалъ ихъ взглядъ, предупредительно давая имъ разглядѣть свое лицо. Затѣмъ снова придвинулся къ Ивиной, которая, видимо, исключительно занимала его.

— Мадамъ Ивина шутить,—пояснила Зоншейнъ,—она хочетъ только сказать, что господинъ Овсовъ—настоящая, широкая русская натура.

Овсовъ рѣшилъ, что отдалъ должное требованіямъ приличія, и не удѣляя болѣе никакого вниманія остальнымъ присутствовавшимъ; онъ разговаривалъ съ Ивиной, словно ихъ совсѣмъ не было, она ему нравилась, и онъ ухаживалъ напропалую. Придвинулся къ ней совсѣмъ близко и не спускалъ съ нея глазъ. На его красивомъ лицѣ славянскаго типа блуждалъ лихорадочный румянецъ, но глаза смотрѣли грустно и мечтательно.

— Какіе у васъ чудные глаза, Наталья Дмитріевна!—въ полголоса говорилъ онъ.—Вы мнѣ страшно нравитесь. Знаете, у васъ есть нѣчто освѣжающее: непосредственность и умъ. Въ вашемъ присутствіи дѣлается легко на душѣ. Я-то самъ человѣкъ необщительный, меланхоликъ скорѣе, но въ васъ я чую родную душу. Прочестъ вамъ одно стихотвореньице?

— Ваше, Иванъ Васильичъ? Ахъ, пожалуйста! Конечно, прочтите.

Овсовъ положилъ локоть на столъ, чтобъ заслонить Ивину и себя отъ другихъ, и сталъ совсѣмъ тихо декламировать ей свои стихи.

Ивина вся превратилась въ слухъ. Зоншейнъ и Тамара тѣмъ временемъ продолжали разговаривать съ обоими мужчинами и хихикали по поводу того, что Овсовъ такъ «увлекается» Ивиной; онъ уже давно знали, что онъ къ ней не равнодушенъ, и отпускали въ пансіонѣ шуточки на этотъ счетъ, но мужчины никакъ не могли раскусить такой стремительности съ мѣста въ карьеръ и съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ освѣдомлялись, всегда ли это такъ дѣлается въ Россіи? Вѣдь Ивина замужемъ и, несмотря на это, такъ благосклонно принимаетъ ухаживанія другого! Бродячъ находилъ, что это признакъ высокой культурности и эмансипаціи русской женщины, побѣдившей рутину, но въ душѣ не особенно одобрялъ такую развязность, ему даже было немного обидно за себя: отчего онъ, тоже молодой и тоже недурный собой, остался за бортомъ, а этотъ увалень сразу пользуется такими преимуществами?

— Чудно! Очень прочувствованно! — искренне восхищалась Ивина стихотвореніемъ, гдѣ говорилось про цѣпи и крылья. Вы — поэтъ, Иванъ Васильевичъ!

— Я никому не читалъ этого стихотворенія. Хотите, я посвящу его вамъ, Наталья Дмитріевна.

И онъ бралъ Ивину за руку, а она, хотя ей было странно это, боялась отнять ее, чтобъ не огорчить поэта и не оказаться мѣщанкой. Она была такъ счастлива! Она вспоминала, какъ мужъ изводилъ ее своими теоріями, какъ онъ придирался къ ней, предпочиталъ ей другихъ и ломалъ, коверкалъ ее жизнерадостную натуру. Съ мужемъ она никогда не чувствовала себя такъ легко и свободно, какъ теперь. И въ душѣ ея подымалось горькое чувство обиды и возмущенія: умный, симпатичный Овсовъ любить ее, уважаетъ въ ней человекъ, всѣ считаютъ ее образованной, приятной собесѣдницей, только мужъ не цѣнитъ ея, губитъ въ корнѣ ея лучшіе порывы. Она уже сама оставляла свою руку въ рукѣ Овсова, и между ними пробѣгала электрическая искра. Ивина, правда, не думала ни о какихъ любовныхъ авантюрахъ, не желала ихъ — она слишкомъ устала и теперь грѣлась лишь на солнышкѣ доброй, юношеской привязанности.

Тамара первая увидѣла въ дверяхъ входившаго Ивина и даже вскочила со стула отъ нетерпѣнія: ей ужасно хотѣлось видѣть, какъ Ивинъ будетъ пикироваться съ Овсовымъ, она за табльдотомъ всегда дразнила Ивина Ячменниковымъ.

— Овсовъ! Ивинъ пришелъ! Достанется вамъ теперь. Ага, будете знать, какъ ухаживать за чужой женой!

— Ухаживать! Какое пошлое слово!—недовольно пробурчалъ Овсовъ.

Брать дѣлалъ знаки Тамарѣ, чтобъ она молчала; лицо его приняло комично-озабоченное выраженіе, онъ ожидалъ, что сейчасъ произойдетъ цѣлая трагедія. Голландецъ-старикъ смотрѣлъ на Тамару, какъ на рехнувшуюся; онъ догадывался по всей пантомимѣ и ситуации, въ чемъ дѣло.

Ивинъ поздоровался съ Овсовымъ особенно любезно.

— А мы тутъ съ вашей благовѣрной прохлаждались. Вызовете на дуэль?—сказалъ Овсовъ.

— Отчего на дуэль? Вотъ вамъ ножикъ, вотъ зеркальце,—спокойно отвѣтилъ Ивинъ, вынимая изъ кармана эти принадлежности.— Если хотите шрамъ имѣть, то, пожалуйста. Потрудитесь сами.

Мужчины таращили глаза, дамы смѣялись.

— Весьма остроумно!—замѣтилъ Овсовъ.—Впрочемъ, это ваше дѣло; не хотите вызывать—мнѣ же лучше.

— Какъ тебѣ везло сегодня, Костя?—спросила Ивина.—Выигралъ?

— Выигрывалъ, проигрывалъ. Какъ всегда. Одну партію 2¼ часа играли. Вы играете въ шахматы, докторъ? Нѣтъ? Жаль, я предложилъ бы вамъ сыграть со мной.

— Онъ ужасно любитъ играть въ шахматы,—замѣтила Ивина.—Онъ въ состояніи цѣлый день просидѣть за ними въ клубѣ.

— Удивляюсь вамъ, господинъ Ивинъ,—произнесъ Овсовъ,—какъ вы вообще можете выдержать такъ долго въ Давосѣ. Будь я на вашемъ мѣстѣ, здоровый человѣкъ, я бы не выдержалъ.

— А вы бы хотѣли, чтобъ я уѣхалъ? Ишь какой! Нѣтъ, мнѣ здѣсь очень нравится: спокойно, нѣтъ трамвайнаго шума, можно работать. И газетъ много.

— И что-жь? Неужели вамъ газеты замѣняютъ жизнь?

— Больше даже, чѣмъ замѣняютъ,—если позволите, господинъ Овсовъ! Я жизнь терпѣть не могу, только на бумагѣ ее еще можно переварить.

— То-есть, какъ это?—насторожился Овсовъ. Онъ чувствовалъ, что это пунктъ, въ которомъ онъ будетъ имѣть на своей сторонѣ женщинъ.

— А такъ. Голая жизнь, та хваленая «жизнь», которой вы такъ глечете, имѣетъ для меня интересъ только тогда, когда она переломилась черезъ призму человѣческаго духа, приняла литературную форму, вообще форму. Только тогда, когда настоящее стало прошлымъ. Мнѣ пріятнѣе читать о фактѣ, нежели участвовать въ немъ;

вообще я не люблю «дѣятельныхъ» людей, и «энергія» мнѣ не импонируетъ. Вы называете это буржуизмомъ?

— Гамсунъ тоже говоритъ, что дѣятельность и энергія унижительны для человѣка, — перебила Тамара. — Стриндбергъ или Гамсунъ? — задумалась она. — Да, кажется, онъ. Впрочемъ, можетъ, Стриндбергъ; или Ницше — не помню. А вашъ взглядъ мнѣ очень нравится, Ивинъ: вы — эстетъ! — съ благоговѣніемъ произнесла она.

— Отлично, — замѣтила съ отгнкомъ превосходства Зоншейнъ. — Тогда постарайтесь, чтобъ всѣ люди избавлены были отъ необходимости быть дѣятельными; работайте, что-бъ потомство могло обойтись безъ этого.

— Я думаю лишь, — продолжалъ Ивинъ, — что имѣть дѣло съ черносотенцами не очень ужъ идеально. За то потомъ, когда они станутъ достояніемъ исторіи, даже они сдѣлаются намъ ближе, человѣчнѣе. Вотъ я, напримѣръ, отлично представляю себѣ средневѣковый цехъ, а что такое классъ — этого, ужъ извините, до сихъ поръ не могу уяснить себѣ; отлично представляю себѣ какую-нибудь Кунигунду, жену нюрнбергскаго оружейнаго мастера въ XIII столѣтіи, и могу перенестись въ то время мыслью, а современный пролетаріатъ не создалъ еще своего типа женщины и поэтому онъ для меня ученая фикція, абстракція, или, если хотите, слѣпая эмпірія, Urschmerz, и я не могу вспылать къ нему любовью. Знаешь, Наташа, я вотъ игралъ сейчасъ въ шахматы, и мнѣ казалось, что въ моей шкурѣ сидитъ Гець фонъ-Берлихингенъ, онъ тоже любилъ эту игру; мнѣ такъ легко было вообразить себя на его мѣстѣ! Шахматы — такой неразрывной атрибутъ тогдашнихъ замковъ; можетъ быть, оттого я ихъ такъ люблю. Только то, что прошло черезъ горнило воспоминаній традиціи, есть настоящая жизнь. Вѣдь вы знаете, — обратился Ивинъ по-нѣмецки къ кроату: — Гѣте говоритъ:

Was ich besitze, seh'ich wie im Weiten,
Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten

— Пожалста, гаварить па-русску, я разумію, — сказалъ кроатъ. Голландецъ, на котораго совсѣмъ перестали обращать вниманіе, зашевелился было, услышавъ нѣмецкую рѣчь; но потомъ снова задремалъ на стулѣ съ потухшей сигарой во рту.

— Гмъ, — промычалъ Овсовъ. — Was ich besitze, seh'ich wie im Weiten. Какъ это понимать? — И онъ вопросительно посмотрѣлъ на Ивину. Въ переводѣ это значить: вы не цѣните того, что имѣете. Распространяется это на васъ? — добавилъ онъ шопотомъ Ивиной, наклонившись къ ея уху.

У Ивина мелькнула мысль, не дошло ли до свѣдѣнія Овсова, какъ онъ заперся у себя въ номерѣ и не хотѣлъ впустить жену? Что-то ужъ очень подозрительно Овсовъ взглянулъ на нее. Настроеніе Ивина, который пришелъ изъ клуба радостно возбужденнымъ, упало.

— Я нахожу, что это мертвая философія, — говорила Зоншейнъ. — Вся эта декадентская эстетика и резонерство погубили у насъ теперь лучшія силы; всѣ отстраняются отъ дѣла и ждутъ, чтобъ его другіе дѣлали.

— Мой мужъ вообще большой философъ, — замѣтила Ивина. — Что ему «дѣло»? Онъ выше этого.

— Созерцательная натура, такъ сказать, — протянулъ небрежно Овсовъ.

Ивинъ злился на жену. Онъ видѣлъ, что она играетъ на руку Овсову и дѣлаетъ смѣшнымъ мужа. Онъ ничего не имѣлъ противъ ухаживаній Овсова, такъ и говорилъ женѣ всегда; напротивъ, онъ даже былъ радъ имъ, это дѣлало жену, по его мнѣнію, «содержательнѣй»; онъ былъ доволенъ, что жена веселится, нравится, составляетъ центръ общаго интереса — вѣдь все это должно вернуться къ нему, вѣдь она его *жена*, и онъ обладаетъ тѣмъ, что является объектомъ исканій для другихъ. Но злая нотка, проскользнувшая въ словахъ жены, внесла рѣзкій диссонансъ въ эту своеобразную гармонию его переживаній. Ивинъ обвинялъ жену въ томъ, что она «не воспитана» и не умѣетъ держать себя съ людьми; даже рыжая бундовка, небось, не станетъ такъ компрометтировать мужа, она вообще не допуститъ, чтобъ чужіе мужчины позволяли себѣ съ ней такъ много. Наталья чуть ли не сама даетъ понять всѣмъ, что не уважаетъ мужа. Конечно, послѣ этого онъ долженъ пасовать передъ какимъ-нибудь Овсовымъ. И на какихъ это радостяхъ она стала вдругъ такой рьяной поклонницей «дѣла»? Вѣдь она даже «Эрфуртской программы» не могла преодолѣть, и онъ же напрасно упрашивалъ ее прочесть до конца. Какъ переменялись роли! Въ концѣ-концовъ содержаніе становится аксессуаромъ, важно только, кто его преподноситъ: съ Овсовымъ она — «революционерка» и видитъ въ этомъ красоту, а когда онъ, Ивинъ, пытался читать ей свои экономическія статьи, она отмахивалась отъ нихъ обѣими руками, говорила, что общественныя науки — одна «тоска и скука». Ему становилось все поганѣй на душѣ: значить, его бракъ дѣйствительно несчастенъ, между ними нѣтъ любви? Опять надвигалась туча...

Онъ пилъ свое черное кофе и пересталъ принимать участіе въ разговорѣ. Принесъ себѣ газету и углубился въ чтеніе. Дамы рѣшили, что онъ ревнуетъ, и заговорили о постороннемъ. Выходило до-

волью неприятное положеніе. Когда всё вскорѣ собрались домой, Овсовъ вызвался проводить Ивину; Ивинъ сказалъ, что останется еще дочитать газету, и заупрямился на своемъ. Компанія ушла безъ него.

За ужиномъ супруги не проронили между собой ни слова. Ивинъ глядѣлъ волкомъ и, передавая женѣ блюда, дѣлалъ это такъ сердито и нелюбезно, что обратилъ на себя даже вниманіе прислуживавшей швейцарки.

Послѣ ужина обыкновенно располагались въ салонѣ, нѣмецъ Шнейдеръ игралъ на фортепіано вальсы, дамы танцевали, иногда устраивали «почту» и писали другъ другу анонимныя записки. Но на этотъ разъ дѣло не клеилось, Ивинъ испортилъ все своимъ настроеніемъ. Въ девяти часамъ всё разошлись по своимъ номерамъ.

Ивины вошли въ свою комнату молча. Супругъ не глядѣлъ на жену и рылся въ своихъ бумагахъ, разбросанныхъ на столѣ; онъ пробовалъ взяться за работу, чтобы забыться, но она не шла на умъ; съ досадою швырялъ книги и мелко исписанные лоскутки бумаги. Потомъ погрузилъ лицо въ ладони и тяжело задумался.

Ивина вдругъ рѣзко и звонко расхохоталась.

— Ты ревнуешь, Константинъ! Какъ я рада! Наконецъ, я тебя довела до этого. Ха-ха-ха. Ревнуй, это тебѣ не повредитъ. Ахъ, онъ-таки въ самомъ дѣлѣ ревнуетъ: по всѣмъ правиламъ. Молодецъ, Бостя, теперь я вижу, что ты мнѣ мужъ. Завтра я всѣмъ расскажу, что ты устроилъ мнѣ сцену ревности.—Ну, что-жъ ты молчишь?

Пауза.

— Довольно играть комедію, Бостя. Какъ будто тебѣ не все равно! Чего ты ломаешься? Ты развѣ не зналъ раньше, что я нравлюсь Овсову? Ты не вѣрилъ, что я могу нравиться, а вотъ теперь видишь своими глазами.

Пауза.

— Я такъ и знала. Пока тебя не было, все было хорошо; мнѣ было пріятно, весело, я чувствовала себя, какъ всё. Какъ только мы очутились вдвоемъ, все дѣлается иначе. Отчего ты меня мучишь, Бостя? Ты меня сдѣлаешь старухой, ты отнимаешь у меня мои лучшіе годы. Потомъ вѣдь ты самъ меня жалѣешь... Что я тебѣ сдѣлала? Тебѣ неприятно, что я говорила съ Овсовымъ? Но я вѣдь только хотѣла отдохнуть отъ нашихъ сценъ, отъ твоихъ невыносимыхъ настроеній; а теперь ты начинаешь опять сызнова. Что это за наводненіе такое? Ну, скажи что-нибудь. Отчего ты меня терзаешь? Я больна...

Лицо Ивина передернуло, но онъ молчалъ.

— Неужели ты серьезно ревнуешь? Это было бы глупо. Что съ того, если Овсовъ приударилъ немножко? Или ты дѣйствительно стала уже совсѣмъ нѣмцемъ? Тутъ въ Давосѣ каждый русскій радъ поговорить съ своимъ человѣкомъ безъ церемоній. Онъ мнѣ рассказывалъ про свою жену, которую очень любитъ...

— Онъ женатъ?—съ трудомъ произнесъ Ивинъ, подымая голову и какъ бы не вѣря.

— Да, у него осталась жена въ Россіи; она даетъ уроки. Они, кажется, не повѣнчаны,—онъ не признаетъ брака. Но за то онъ ее любитъ.

— Не признаетъ брака!—горько и зло повторилъ Ивинъ.—Конечно. Буржуазное учрежденіе! А дѣти—это не идетъ въ счетъ, «прибавочная стоимость!» Какъ же! И это тебѣ нравится!

— Ну, Бостя, не сердись!—мягко сказала Ивина, теребя мужа за рукавъ.—Ты развѣ не знаешь, какъ я отношусь къ такого рода нигилизму: я скорѣе влюблюсь въ старика, чѣмъ въ такого юнца, и ты именно хорошъ тѣмъ, что тебѣ уже не двадцать два года. Развѣ тебя можно сравнить съ нимъ! Если-бъ я была его женой, я съ тобой первымъ измѣнила бы ему.

Тутъ произошло нѣчто неожиданное. Ивинъ грузно рухнулъ на полъ и обхватилъ колѣни жены; онъ судорожно прижималъ къ губамъ ея руки и плакалъ—плакалъ, какъ плачутъ мужчины, безъ слезъ, сухо, отдѣльными, глухими глотками, словно въ отрывкѣ. Это былъ не облегчающій плачь, а голосъ чисто-физической, дикой боли. Ивина опѣшила и испугалась; она нагнулась и старалась взглянуть въ лицо мужу, но онъ пряталъ его въ складкахъ ея платья.

— Бостя, что съ тобой? Успокойся. Ты боленъ.

— Ната, Наточка, онъ гладилъ твою руку! Я это видѣлъ. Скажи: гладилъ?

Какъ острый ножъ, эта мысль засѣла въ мозгу Ивина и рвала его на части.

— Богъ съ тобой, Костя. Что ты говоришь?! Ты боленъ. Лягъ въ постель.

— Наточка, онъ гладилъ твою руку? Ты не отвѣчаешь. Значить, да. Теперъ все кончено, все, все пропало!

Онъ задыхался, изъ горла его выходили какіе-то сильные, животные звуки. Ивина никогда не видѣла его въ такомъ видѣ и совсѣмъ растерялась.

— Да нѣтъ же, Костя, милый, онъ не гладилъ мою руку, онъ только разъ взялъ меня за перчатку.

— За перчатку? Ты была въ перчаткахъ?

Ивинъ все еще пряталъ свое лицо въ складкахъ женинаго платья, но уже не плакалъ.

— Я не знала, Костя, что ты такой нервный. Отчего ты такъ близко принялъ это къ сердцу? Развѣ можно такъ? Подумаешь: гладилъ руку! Вотъ видишь, тебѣ самому стыдно,—обрадовалась Ивина, замѣтивъ виноватую улыбку на лицѣ мужа. И потомъ, лукаво прибавила она, вѣдь это было *днемъ*, а днемъ я же для тебя не существую?! Ну-съ, супругъ, какъ вы объясните такое противорѣчье въ вашихъ взглядахъ? Фу! Скажемъ, онъ даже обнималъ меня—вѣдь это днемъ! А теперь ночь. Что-жь ты скажешь на это?

— Наташа, дорогая, ты никогда не дашь никому гладить свою руку? Славная моя, общай: не дашь?—просилъ словно милостыни мужъ. Онъ избѣгалъ смотрѣть ей въ глаза и жадно цѣловалъ руку жены съ массивнымъ сіяющимъ кольцомъ. —Ахъ, какъ страшно, Наташа! Ты мнѣ не измѣнишь, Наточка, не правда, не измѣнишь? Руки—«корни души»...

— Что тебѣ вздумалось, Костя?

— Пусть онъ тебѣ правится, пусть вы сходитесь во взглядахъ—это меня не трогаетъ, но достаточно одного его прикосновенія къ твоей обнаженной рукѣ, и я уже не могу считать тебя моей женой, ты мнѣ навѣки чужая! Что бы вы тамъ ни говорили между собой, я этого не боюсь, пока твое тѣло остается чистымъ, моимъ. Оно самое высшее, что у насъ есть,—самое духовное, гораздо духовнѣе, чѣмъ зеленый идеализмъ Овсова, въ которомъ именно только молодая кровь говоритъ. Наташа, дорогая, я такъ боюсь тебя потерять! Подумай: мы съ тобой вмѣстѣ засыпали, я окунулся въ тебя, тонулъ въ тебѣ, и вдругъ между нами стѣна, ты съ другимъ! Это ужасно! Я не могъ бы больше найти себя, ты бы унесла часть меня. Если-бъ онъ гладилъ твою руку, я погибъ бы: все было-бъ пусто...

— Значить, слава Богу, что онъ этого не сдѣлалъ. И хорошо, что ты мнѣ это сказалъ теперь, Костя: я хоть буду знать.—Слушай, Константинъ: уѣдемъ отсюда; мнѣ уже все тутъ такъ опостылѣло.

— Бѣдная моя, тебѣ вѣдь нельзя уѣхать: врачъ не позволяетъ еще.

.....

 И они остались тамъ на вышкѣ, въ тепличной атмосферѣ города чахоточныхъ, подъ вѣчнымъ страхомъ вернуться внизъ, туда, гдѣ миллионы людей живутъ своей трудовой, реальной жизнью.

У камина.

Напѣвы вьюги... Каминъ алѣеть...
Пылаютъ угли, какъ маки сонные.
И кто-то свѣтлый мнѣ въ душу вѣетъ,
Лепечетъ сказки, въ зиму влюбленныя.

Каминъ алѣеть... И отсвѣтъ красный
Дрожитъ на стеклахъ, сѣдыхъ отъ инея.
Тоскуетъ вьюга съ мольбой неясной,
Поетъ про дали, про дали синія.

Я съ ней сливаюсь тоской земною.
Я ей ввѣряю мечты усталыя.
И кто-то близкій груститъ со мною.
И рдѣютъ угли, какъ маки алыя.

Ф. Благовъ.

З Л Ы Е.

Новеллы Генриха Манна.

(Съ нѣмецкаго.)

Б р а н ц и л л а.

I.

Юная пѣвица покинула фортепiano и отправилась навстрѣчу стоявшей позади него и продолжавшей слушать толпѣ. Въ полномъ одиночествѣ двигалась она посреди колоннъ, посреди бюстовъ, съ пышно откинутыми головами въ парикахъ, — по широкому, блестящему каменному полу. Она шла вытянувшись, смотрѣла прямо; и, раскинувъ руки, двумя блѣдными кончиками пальцевъ придерживала свою широкую, круглую юбку, которая примялась вокругъ нея на каменномъ полу, когда она преклонила колѣна передъ принцессой. Принцесса милостиво предложила ей коробку съ конфетами. «Что за ангель сидитъ у этой крошки въ горлѣ!» Пожилыя дамы съ удовольствіемъ обмахивались вѣерами и улыбались своимъ старымъ ухаживателямъ, которые откашливались и погружались въ воспоминанія. Молодые люди втягивали головы въ высокіе воротники коричневыхъ фраковъ, роняли лорнеты и крѣпко сжимали поблѣднѣвшія губы. Молодая дѣвушка, красивѣйшая въ Римѣ, внезапно встала, — вышитый подолъ ея платья качался надъ маленькими башмачками, и охватила руками шею Бранциллы.

— Какъ вы должны быть счастливы! — пролепетала она надъ ухомъ пѣвицы. — Вся любовь принадлежитъ вамъ. Въ вашемъ голосѣ вся любовь міра!

Но она смутилась подъ жесткими и печальными взглядами другихъ людей. Отошла. Бранцилла осталась снова одна: ея четкій птичій профиль былъ устремленъ на толпу, растроганную ею.

Бто-то вздохнулъ за ея спиной. Человѣкъ ея возраста, одѣтый въ черный шелкъ, устремилъ на нее мечтательный взоръ.

— Синьорина Аделаида?

— Покорная слуга вашей свѣтлости!

— Вы не служите никому, — произнесъ глухой голосъ, — даже искусству. Искусство, наоборотъ, служить вамъ. Оно преломляетъ передъ вами колѣни: искусство — наша общая мать. И я, для котораго искусство было всѣмъ, хочу также стать на колѣни передъ вами.

— Это удобно.

Она пошла къ своему мѣсту. Онъ кротко послѣдовалъ за нею.

— Мой домъ, Аделаида, къ вашимъ услугамъ. Окна и старыя картины ожили и ждутъ васъ. Мои слуги принадлежатъ вамъ и знаютъ это. Лучшіе учителя Италіи готовы завершить ваше музыкальное образованіе. Когда вы пріѣдете? Садовыя изгороди выросли выше, онѣ закроютъ вашъ образъ отъ глазъ непосвященныхъ. Стѣны ревниво будутъ оберегать звуки вашего единственнаго голоса...

Она сухо и коротко постукивала вѣеромъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, ваша свѣтлость, — сказала она съ холодною покорностью. — Моя тетка и я принимаемъ ваше приглашеніе.

Онѣ пріѣхали. И когда Бранцилла среди обтянутыхъ атласомъ стѣнъ своего новаго жилища вынимала изъ разорванныхъ коробокъ свои поношенныя платья, то Даріо Руна самъ принималъ ихъ у нея изъ рукъ.

— Мы такъ бѣдны, ваша свѣтлость, что не могли долше оплачивать квартиру. Иначе развѣ мы рѣшились бы такъ обременять васъ?

— Я покажу вамъ этотъ домъ; онъ принадлежитъ вамъ.

— Будьте милостивы провести меня въ музыкальный залъ... Будьте добры разрѣшить мнѣ остаться здѣсь и учиться... Вы хотите, чтобы я уже уѣхала? Только меня слушать? Это было бы недостойно вашей свѣтлости. Вамъ надлежитъ дѣлать нѣчто лучшее... Нѣтъ, я не хочу ѣсть, ваша свѣтлость, извините меня. Сырое яйцо, немного ўкропу, этого достаточно. Ваша покорная слуга.

— Никто не видѣлъ васъ, Аделаида, на Корсо, среди праздныхъ людей, безъ призванія. Развѣ вы не ѣздили сегодня въ закрытой каретѣ за городъ къ развалинамъ? Вы чувствуете себя близкой всему великому; вы свободно общаетесь съ величіемъ и растете вблизи него. Въ памятникахъ древности раскрываются передъ вами духовныя врата вашего искусства. Вы сами будете велики.

— Я ничему не выучусь, если буду все время болтать съ вами.

— Простите! Я ухожу и предоставляю васъ работѣ, она васъ такъ обогащаетъ. Какъ стыжусь я моего жалкаго бездѣля!

— Создавая вашу свѣтлость, Богъ также зналъ, для чего это дѣлалось.

Она подумала: «Для моей пользы».

— Вотъ стоитъ она у окна, облитая бѣлымъ свѣтомъ. Я опираюсь въ темнотѣ колѣномъ о стулъ, вытягиваю шею, стремясь достигнуть ея міра, вдыхаю ея воздухъ. Знаетъ ли она, что я здѣсь? Она поетъ! Пять лѣтъ уже слушаю я, какъ она поетъ, такъ близко отъ меня, и молчу. Молчу ли я? Развѣ ея пѣнье не моя душа, которая наконецъ выучилась летать и звучать? Я раскрываю объятія; я свободенъ... Мечтатель! Она поетъ, ты же нѣмъ. Только въ ней горитъ очищенное ровное пламя; твое же тяжело поднимается къ небу и упадетъ обратно, тлѣя. Ты не умѣешь управлять свою страстью, заикаешься, пьянѣешь и умолкаешь. Взгляни на ея простое вдохновение—простое, какъ все небесное, вѣчное! И исчезни! Нѣтъ, живи въ ней! Если бы такъ могло быть вѣчно: она—въ причудахъ луннаго свѣта, я же въ темнотѣ у ея ногъ; и наши души возносятся, моя душа въ ея душѣ, ею несомая! Она не должна уѣзжать, я не могу остаться здѣсь одинъ... Аделаида!

— Что угодно вашей свѣтлости?

— Простите мое безуміе! Мнѣ показалось, что вы вмѣстѣ съ луннымъ свѣтомъ унесли изъ окошка въ голубой садъ, далеко, далеко...

— Окно заперто, ваше свѣтлость. Къ тому же я не умѣю летать...

— Я немного возбужденъ, немного напуганъ, признаюсь, мыслью о томъ, что вы всего лишь мѣсяцъ останетесь еще въ этомъ домѣ.

— Слишкомъ долго я злоупотребила добротой вашей свѣтлости. Настаетъ время уплатить вамъ мой долгъ, и, если это возможно, я искусствомъ моимъ умножу славу вашей свѣтлости.

— Аделаида! Пойми меня! Захоти меня понять! Я—ревнивый безумецъ; я буду страдать, если ты будешь пѣть для другихъ. Ахъ, не то хотѣлъ я сказать! Я погибну безъ тебя, Аделаида, умру!

— Прошу вашу свѣтлость встать. Вы забываете огромное разстояніе между вами и вашею покорною слугою? Немыслимо, чтобы вы обнимали долъше руками мои колѣна...

— Что мнѣ дѣлать? Какія найти слова, чтобы они дошли до твоего сердца? Я люблю тебя, ты должна пѣть только мнѣ. Я такъ хочу!

— Ваша свѣтлость жестоки и пугаете меня!...

— Прости! О, прости! Отними руки отъ лица. Я ни одного мига не перенесу, чтобы ты закрывала отъ меня глаза руками!... О чемъ ты думаешь? Произнеси мой приговоръ!

— Черезъ мѣсяць я выступаю въ театрѣ Аргентино, ваша свѣтлость общали мнѣ это! И если Богъ мнѣ поможетъ, я поддержу честь вашей свѣтлости. Кто знаетъ, быть можетъ вскорѣ я смогу уплатить вашей свѣтлости истраченныя на меня деньги и быть вашей не столь уже недостойною слугою. Прикажете допѣть мою арію?

Шатаясь, онъ ушелъ снова въ тѣнь.

— Вотъ она поетъ опять, поетъ какъ сама любовь—и у нея нѣтъ души? Неужели это не болѣе, какъ призракъ души, выдуманное подражаніе ей? Или же то, что она поетъ, молитва къ самой себѣ? Единственное существо, которому она молится? Которое она любитъ?... Такимъ значить надо быть, чтобы быть великимъ? О, теперь мнѣ остается только закрыть глаза, закрыть ихъ навсегда...

II.

— Что за шумъ? Я не могу болѣе пѣть. Мнѣ сдается, что въ саду стрѣляютъ... Ты полагаешь, что это на улицѣ, тетя Варвара? Но къ чему стрѣлять передъ этимъ домомъ? Развѣ люди не знаютъ, что сегодня мой первый дебютъ? Что я не спала всю прошлую ночь? Что нынѣшнимъ вечеромъ рѣшается моя судьба? Кто смѣетъ шумѣть? Не могу понять, какъ терпѣть это его свѣтлость? Гдѣ онъ? Онъ, который вѣчно сидитъ у моей юбки? Отыщи его!

...Ты, ты возвращаешься одна, бѣгомъ и съ крикомъ? Теперь стрѣляютъ уже въ домъ, такъ что по всему дому идетъ гулъ? Шаги, обгоняющіе другъ друга, и дикіе голоса? Скажи, что я собираюсь пѣть!... Иди же! Я хочу пѣть!... Но ты прячешься? Я вижу, ты поблѣднѣла, что ты лепечешь? Не понимаю, губы твои черезчуръ дрожать... Что? Они дѣлаютъ революцію? Они хотятъ прогнать Святѣйшаго Отца? Но вѣдь это невозможно! Скажи, что это—неправда! Ты трусишь, ты любишь сплетни, старуха. Стрѣляютъ, что-то будетъ? Кого-нибудь убьютъ. Этотъ дворець стоитъ въ улицѣ, кишачей злодѣями. Недаромъ послѣднія недѣли мнѣ попадаютъ на лѣстницахъ чужіе люди. Они лѣзутъ къ его свѣтлости, втираются къ нему въ довѣріе. Я не вѣрю имъ...

...Все равно: пускай стрѣляютъ здѣсь; тамъ, у театра, они не посмѣютъ. Тамъ солдаты Святѣйшаго Отца позаботятся о томъ, чтобы могла пѣть... Сегодня утромъ какъ разъ у меня выпали двѣ стрѣ-

лы изъ волосъ и легли на полъ крестомъ... А ты? Ты повстрѣчала горбунью и не сплюнула? У тебя ротъ былъ набитъ хлѣбомъ! А сегодня вечеромъ я должна пѣть! Пусть эта горбунья пошлетъ тебѣ цѣлый адъ! Тебѣ, но не мнѣ! Я должна пѣть!

...Какъ ужасно стрѣляютъ, какъ громко кричатъ! Это на балконѣ, быть можетъ, уже въ первой прихожей! Гдѣ же его свѣтлость, который долженъ меня защищать? Спрятался ли онъ, какъ и ты, старая? Убили они его? Его ли здѣсь убиваютъ? Но онъ мнѣ еще нуженъ! Я еще не дебютировала! Онъ долженъ отправиться къ Святѣйшему Отцу просить, чтобы онъ приказалъ охранять театръ. Я сама поѣду съ нимъ, Святѣйшій Отецъ меня благословить, и я буду хорошо пѣть... Куда же пропалъ его свѣтлость? Эта собака должна выйти, я буду искать его повсюду, до подваловъ. Сколько разъ повернула ты ключъ въ замкѣ, проклятая! Уже колотятъ въ дверь! Я отпираю! Вы видите, что я отпираю. Куда вы дѣли его свѣтлость? Ахъ!...

Бранцилла отступила въ ужасѣ; она увидѣла Даріо Рупа въ рукахъ двухъ полицейскихъ солдатъ, — блѣднаго, съ опущенными вѣками, по которымъ струилась кровь.

— Ради Бога, что вы съ нимъ сдѣлали? Это былъ невиннѣйшій человекъ, который только и зналъ, что сидѣлъ въ углу да слушалъ мое пѣнье! Никогда въ мысляхъ у него не было свергнуть съ престола нашего владыку-папу.

— Посмотримъ, милая, не подумывала ли ты сама объ этомъ! — и начальникъ полиціи нагло улыбнулся изъ-подъ грязныхъ желтыхъ складокъ своими вкрадчивыми глазами, хитрость и проницательство которыхъ наводили ужасъ.

— Недаромъ этотъ домъ полонъ людей и оружія...

Звонъ и удары ружейныхъ прикладовъ. Пригнали толпу молодыхъ людей. На нихъ рвали платья, запускали кулаки въ ихъ волосы, стягивали цѣпями ихъ нѣжныя тѣла. Они же ни на кого не глядѣли. Одинъ плюнулъ въ лицо полицейскому солдату, тащившему его, за что получилъ ударъ саблею по лицу.

— Полегче, дѣтки, — сказалъ начальникъ. — Скоро Святѣйшій Отецъ уложитъ васъ спать... Что же касается вашего любезнаго, красавица, то, какъ я себѣ представляю, онъ заставлялъ васъ такъ много пѣть, чтобы не было слышно щелканья ружей. Что, если вы пѣли изъ ревности къ свободѣ?

Бранцилла увернулась отъ одного солдата.

— Вы ждете! Развѣ вы не знаете, сегодня вечеромъ я выступаю

въ театрѣ Аргентино. Вашихъ дѣлъ я не знаю. Кое-кого изъ этихъ людей я, правда, видѣла крадущимися по лѣстницамъ; этого я не отрицаю. Но мнѣ неизвѣстно, зачѣмъ они приходили. Ваша свѣтлость, очнитесь же! Скажите ему, что я ничего не знаю!

Онъ съ усиліемъ открылъ глаза и повелъ ими.

— Ея голосъ... Какъ! Вы осмѣливаетесь, разбойники, поднять руку на нее? Послѣ этого вы—настоящіе разбойники!

— Ваша свѣтлость,—сказалъ начальникъ,—забываетъ, что ей нужно беречь себя. Вы тратите силы и навлекаете на себя ненужныя страданія, противясь правительству. Меня зовутъ не Рупа, и я не равенъ вашей свѣтлости по происхожденію. Но Божьимъ соизволеніемъ и властью нашего владыки я могу приказать разстрѣлять на любомъ перекресткѣ вашу свѣтлость, какъ схваченнаго при вооруженномъ мятежѣ.

Свой безстыдный смѣхъ начальникъ сопровождалъ смиреннымъ движеніемъ руки.

— Но ваша свѣтлость, конечно, не побудитъ насъ къ худшему, она позволитъ намъ допросить ее, равно какъ и прекрасную ее подругу. Сколько интереснаго узнаемъ мы благодаря вашей благосклонности и обязательности синьорины! Приступимъ, не будемъ терять времени!

Полицейскіе солдаты бросились къ нимъ. Бранцилла отбивалась руками. Изъ толпы арестованныхъ чей-то голосъ произнесъ злобно и громко:

— Мы пользовались его домомъ безъ его вѣдома. Онъ думалъ, что мы являемся слушать пѣнье Бранциллы. Онъ былъ слѣпъ и глухъ отъ любви, какъ глухарь. Онъ невиненъ!

— Я также невинна,—сказала Бранцилла.—Развѣ вы лишились рѣчи, ваша свѣтлость? У васъ всегда были наготовѣ красивыя слова. Вы обѣщали мнѣ, что я буду пѣть; до этого остается теперь меньше часу, а вы допускаете, чтобы вы и я очутились въ рукахъ этихъ свиней! Вы допускаете, чтобы меня лишали возможности пѣть! Вы—трусъ! Развѣ у васъ нѣтъ слугъ прогнать этихъ людей? Чего они хотятъ? Скажите имъ, что ни папа, ни свобода меня нисколько не касаются, и что я должна пѣть!

Полицейскіе смѣялись; начальникъ презрительно пожалъ плечами. Даріо Рупа взглянулъ на него. Держась за горло рукою, собирая послѣднія силы, онъ сказалъ торопливо:

— Заклинаю васъ всѣмъ, чѣмъ я владѣю, отпустите ее. Берите меня, убейте меня, молю васъ, но освободите ее!

— Чего ради вы меня задерживаете? Всѣ меня ждуть. Времена исполнились. Все меня ждетъ... Самъ Богъ меня ждетъ!

Она осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ. Грубый смѣхъ солдатъ раздался громче. Она не понимала и смущенно смотрѣла на злобныя лица. Ее страшилъ запахъ пороха и потной кожи, казавшійся ей запахомъ нависшаго несчастія. Она ненавидѣла этихъ людей, какъ смѣющихся, такъ и блѣдныхъ отъ ярости, какъ плѣнныхъ, такъ и ихъ гонителей—всѣхъ. А то безсильное, окровавленное лицо, приносившее себя за нея въ жертву, возбуждало въ ней дикую злобу. «Убирайся къ чорту!—говорила она ему глазами.—Ты мнѣ ни на что больше не нуженъ!» Она вскочила:

— Но послушайте всѣ вы! Я вамъ покажу, кто я! Вы раскаетесь въ томъ, что подняли на меня руку. Есть могущественныя лица, которыя хотять слушать меня сегодня. Его свѣтлость говорилъ обо мнѣ одному камерарию, и обо мнѣ знаетъ его святѣйшество. Кардиналъ Альдобрандини хотѣлъ пріѣхать въ театръ. Берегитесь лишать его удовольствія. Это можетъ всѣхъ васъ погубить.

Начальникъ сдѣлалъ солдатамъ знакъ не смѣяться.

— Это правда,—его взгляда не выдержалъ ее позоръ,—вы можете еще многимъ доставить удовольствіе. Было бы жаль подвергнуть пыткѣ ваше нѣжное тѣло...

Внезапно онъ отдалъ приказъ всѣхъ увести. Дарио Руна, котораго солдаты толкнули, обернулся къ ней; она видѣла на его устахъ послѣднее «прости», въ его глазахъ послѣдній страстный призывъ: «будь великой».

Одна стояла она передъ начальникомъ.

— Признавайся, что ты была его орудіемъ, и я отпущу тебя пѣть.

— Что должна я признать?

— Онъ твой любовникъ, а противъ любовника показывать трудно. Подумай, однако, что онъ и безъ того погибъ. Его домъ служилъ пріютомъ заговорщикамъ. Ты едва ли повредишь ему, а себя спасешь. Въмѣсто того, чтобы допрашивать васъ обоихъ, я прикажу его тотчасъ же разстрѣлять. Ты же—свободна... Согласна ли ты говорить?

Она хотѣла что-то сказать, но голосъ измѣнилъ ей; она ненавидѣла себя за то, что не высказала того, что должно было освободить ее.

Начальникъ сказалъ:

— Ты молода; говорятъ, что ты артистка. Кто знаетъ, какіе триумфы готовитъ тебѣ судьба. Пѣвицѣ Аматі народъ выстроилъ не-

давно арку изъ розъ. Многіе еще будутъ любить тебя. Не цѣпляйся за одного человѣка, который уже погибъ. Погибшій не можетъ уже быть твоимъ любовникомъ.

Въ залѣ стемнѣло. Со скрещенныхъ рукъ начальника его плащъ падалъ широкими темными крыльями. Его слова западали ей въ душу, но она не слышала его голоса. Словно была одна, сама съ собой, безъ движенія, безъ звука. Она обернулась:

— Онъ не любовникъ мой. Онъ хотѣлъ только слушать мое пѣніе. Любилъ ли онъ меня? Я не люблю его. Что мнѣ до него?

Она говорила, бросая слова назадъ, словно ей нужно было успокоить кого-то, скрытаго въ темнотѣ. Быть можетъ, тетку Варвару, быть можетъ, кого еще безымяннаго.

— Онъ вытащилъ меня изъ нужды, говоришь ты? Другіе также слушали мое пѣніе и предоставляли мнѣ погибнуть въ нищетѣ? Но развѣ я его объ этомъ просила? Обѣщала быть ему за это благодарной? Я должна пѣть, Богъ повелѣлъ ему заставить обучить меня пѣнію!... Что ты говоришь? Никто не живетъ такъ моимъ голосомъ, никто ему такъ не принадлежитъ?... Но я не страшусь остаться въ одиночествѣ. Онъ хочетъ, чтобы я была великой? Его гибель принесетъ мнѣ несчастье?... Я чувствую, что нѣтъ несчастья, которое не служило бы мнѣ. Для меня Богъ и дьяволъ—все равно.

Каждый разъ, какъ позади нея раздавался новый вопросъ, она оборачивалась къ начальнику, и въ его глазахъ, которые она ясно различала въ темнотѣ, была уже рѣшенъ отвѣтъ. Его прозорливость внушала ей ужасъ и утѣшеніе. Ей было страшно, что она могла на него положиться.

— И, наконецъ, онъ самъ не желаетъ ничего лучшаго. Чѣмъ могу я его осчастливить, какъ не давъ ему умереть за себя?... Господинъ начальникъ, я хочу свидѣтельствовать...

Здѣсь она загнулась, но передъ ея закрытыми глазами вдругъ всталъ ярко освѣщенный, волнующійся, праздничный залъ; въ тысячѣ устъ было ея имя; на сценѣ ее ожидали наслажденія неба; звуки скрипокъ и арфъ предваряли, какъ королеву, ея пѣніе, а такъ какъ она опаздывала, то гдѣ-то поднялся шумъ: ее требовалъ народъ... Она открыла глаза.

— Онъ участвовалъ въ заговорѣ. Я слышала, какъ онъ говорилъ съ другими объ убійствѣ. Они лили пули, пока я пѣла...

Въ ту же минуту открылись обѣ створки двери. Стража въ прикошей отступила. Факель разрѣзалъ глубокую темноту. Бранцилла бросилась впередъ; она прижимала руки къ сердцу. Она спѣшила въ отчаяніи. Ей казалось, что ноги ея не движутся, что начальникъ

схватить ее... Она переступила послѣдній порогъ. Лѣстница была полна народу и огней. Среди солдатъ и слугъ толпились любопытные. Она должна была остановиться. Начальникъ за ея спиной произнесъ:

— Аделаида Бранцилла, васъ принудили пѣть въ этомъ домѣ съ тѣмъ, чтобы не было замѣтно, какъ въ немъ подготовлялось государственное преступленіе. Сознаетесь ли вы, что состояли на службѣ у Даріо Руна?... Отвѣчайте громко.

— Да.

Въ толпѣ люди переглянулись и дрогнули. Изящные аббаты преклонились передъ Бранциллою, говоря, что въ театрѣ ждуть ее, и проводили ее внизъ. У воротъ, среди толпы, стоялъ экипажъ, занеся ногу въ него, она дрогнула. Еще разъ послышался голосъ начальника:

— Даріо Руна участвовалъ въ заговорѣ на жизнь и правительство его святѣйшества? Вы можете подтвердить это, Аделаида Бранцилла?

Она стояла посреди толпы и дрожала. Ей, какъ во снѣ, чудилось, что, когда она обернется, начальникъ исчезнетъ, все окажется неправдой, и она будетъ спасена. Она рванулась впередъ.

— Подтверждаю.

Она сидѣла уже въ экипажѣ; дикій шумъ несся за нею. Улица тонула въ темнотѣ; ужаснымъ эхо стонали стѣны; Бранциллу терзали страхъ и раскаяніе. Но вскорѣ показались огни, коляски, люди. Она выпрямилась.

— Должна ли я умереть изъ-за него; умереть, не выступивъ съ моимъ пѣніемъ. Не его заслуга въ томъ, что я избрана. Это дѣло Божіе. Его пути темны; онъ самъ долженъ отыскивать ихъ; и если они дурны, то не въ моей власти измѣнить ихъ. Не ради него умерщвляла я свою плоть многіе годы. Ибо я жила вдали отъ мірскихъ радостей, не принимала участія въ преходящихъ наслажденіяхъ людей, и въ строгомъ повиновеніи Господу работала для вѣчности. Я—Его послушница: теперь Онъ хочетъ явить мнѣ Свою милость, мнѣ предстоитъ увидѣть Его во всемъ блескѣ. Небеса ждуть меня, а одинъ человекъ хочетъ меня удержать? Я ненавижу его, да сгинетъ онъ! Теперь я знаю, не начальникъ былъ діаволомъ, меня искушавшимъ, а другой! Я отъ него ушла, я его побѣдила; теперь наступаетъ блаженство.

Она пріѣхала. Бранцилла пѣла. Въ ней играла сила, равная небсамъ. Она достигала ихъ, парила въ нихъ, господствуя надъ толпою людей, стоявшихъ въ оцѣпенѣніи внизу, въ глубинѣ... Но они осмѣливались дышать? Не на вѣкъ были они подчинены ей? Они роп-

гали; они бросали ей чье-то имя, уже забытое имя, взывавшее о мщении? Шумъ заглушалъ ея голосъ? На сцену полетѣлъ кинжалъ и вонзился передъ нею въ полъ? Занавѣсъ съ шумомъ упалъ?

Она стояла, прислонясь лбомъ къ темной кулисѣ, и молилась. Когда она вернулась снова на сцену, то ея голосъ былъ, словно ангелъ, посланный небомъ, который борется съ чудовищемъ,—съ грѣхами міра. Онъ одолѣвалъ его; чудовище дымилось, извергало пѣну и задыхалось. Разбитое, оно содрогалось; его ужасные глаза смотрѣли на него, а ангелъ поднимался все выше и парилъ въ небесахъ. Она издали чувствовала, какъ поклоненіе ширило сердца, въ которыхъ только что хлопотала ненависть.

III.

— Ты отлично понимаешь, что я не могу пѣть въ этомъ платьѣ. Рукава слишкомъ длинны, а на юбкѣ складки сидятъ криво. Да какъ и могло быть иначе, когда ты лишь вчера вечеромъ показывалась людямъ съ твоимъ любовникомъ! Я видѣла васъ изъ окна. Я разучивала роль въ то время, какъ ты веселилась.

— Мой возлюбленный бросилъ меня, синьора. Съ горя я лежала больная всю ночь и весь день. Синьора простить мнѣ, если я не была достаточно внимательна.

— Я ничего не прощаю. Развѣ люди простили бы мнѣ, если бы я плохо спѣла? Никто не спросилъ бы, была ли я больна. Я пою всего лишь Туллию. Роль Лукреціи исполняетъ Аматі, которая настолько выше, прекраснѣе, достойнѣе и искуснѣе меня. Я смиряюсь, я превращаюсь въ ея служанку. Но и служанкой я хочу быть вполне. Я повторяю мою каватину и днемъ, и ночью, сто разъ цѣлую край платья моей госпожи, которую вижу передъ собою въ воображеніи. Не думаешь ли ты, что я боюсь тѣхъ, кто могъ бы свистать? Жалкая, ничего не знающая! Меня страшитъ только божественная воля во мнѣ. Могу ли я быть спокойной, пока хоть одинъ человекъ можетъ исполнить мою роль лучше! Всѣ должны склониться не предо мною—я ничто, а передъ совершенствомъ. Они противятся, я это знаю, совершенству. Совершенство гордо, оно унижаетъ ихъ. Они чувствуютъ себя лучше передъ красивыми, которыя и себѣ, и имъ все облегчаютъ... Ахъ, Стурбанотте. Войдите. Вы можете объ этомъ говорить. Вы—горбунъ и вы поете божественно. Удалось ли вамъ хоть разъ выступить на сценѣ безъ того, чтобы васъ не осмѣяли? Постоянно приходилось вамъ прежде всего подходить къ рампѣ и увѣрять ихъ въ томъ, что вы пришли заставить себя слушать, а не смо-

трѣтъ на себя. И такъ, совершенство кажется имъ всегда горбатымъ. Оно отталкиваетъ ихъ и должно ихъ побѣждать. Я обращаюсь только къ вамъ, Стурбанотте,—такъ какъ вы мнѣ дѣлаете честь и заходите въ мою уборную, куда не заходятъ мужчины: только къ вамъ. Вы одни понимаете меня. Вы не думаете, конечно, что я говорила для той глупой дѣвушки, которая дѣлается больною отъ несчастной любви? Она должна была спать платьѣ. Въ совершенствѣ шитое платьѣ оправдало бы ея глупую маленькую жизнь. Что же она дѣлаетъ? Ъстъ, пьетъ, играетъ въ любовь, веселится,—пока не исчезнетъ совсѣмъ. Такъ поступаютъ всѣ. Развѣ когда-нибудь, кто-нибудь сшилъ вамъ сапогъ или сдѣлалъ бороду съ иною цѣлью, какъ ради небольшого количества денегъ? Развѣ вы слышали какого-нибудь пѣвца, который заботился о чемъ-нибудь, кромѣ одобренія? Какъ низко цѣнить себя всѣ люди! Какъ я всѣхъ презираю!

— Я понимаю такъ, что вы презираете и Амати.

— Этого вы не думаете. Такую великую художницу! Она знаменита и ее такъ многіе любятъ! Я—ее слуга.

— Вы играете ей служанку, это правда. Она пользуется также большимъ поклоненіемъ. Но недолго уже будетъ она имъ пользоваться, какъ говорятъ врачи. Бѣдный рыцарь Розаспина! Какъ онъ ее любитъ! Изъ собственной крови готовъ онъ сдѣлать для нея цѣлебный элексиръ! А она таетъ. Ея голосъ вчера былъ такъ слабъ, что многіе въ театрѣ плакали. Нужно лѣкарство противъ адскаго пламени, пожирающаго ее! Противоядіе!

— Противоядіе? Синьоръ Стурбанотте, вашъ смѣхъ ужасенъ! Никогда не видѣла я съ такою ясностью, что вы — горбунъ, злой горбунъ. Въ красной шапкѣ, съ вашимъ длиннымъ мечомъ! Какую страшную тѣнь вы бросаете! Уйдите! Зачѣмъ вы пугаете меня! Никому не пришло бы въ голову, что можно отравить такую достойную артистку.

— Вы не поняли меня, синьора. Я говорилъ о зломъ огнѣ, пожирающемъ ее. Взгляните на ея глаза! Ея кровь сторааетъ сама собою. Въ высшей степени печальное зрѣлище смотрѣть, какъ она лежитъ, мучимая страхомъ и слабостью, и едва себя сознаетъ. Ея уборная похожа на гробъ, въ который замкнулись вмѣстѣ съ нею нѣсколько человекъ. Въ ней тихо, какъ въ могилѣ. Смѣхъ тѣхъ, которые отваживаются смѣяться, не находитъ отклика и звучитъ такъ, словно надъ ними слой земли въ пять футовъ. Рыданія рыцаря Розаспины разбиваются у ногъ Амати, которыя онъ покрываетъ поцѣлуями. Развѣ вы не видите всего этого? Если бы вы держались вдали, можно было бы подумать, что вы не желаете добра Амати...

— Я иду къ ней. Ни слова больше! Неужели вы думаете, что я давно не была бы уже у нея, если бы меня не задержала неловкая портниха?

— О, синьора! Дозвольте мнѣ поцѣловать ваши ноги! Рыцарь, вы должны уступить мнѣ эту минуту: я—служанка вашей госпожи. Какой прекрасный видъ у васъ, синьора! Какъ здѣсь весело! Кавалеры должны заглушать свой смѣхъ носовыми платками. Вы совсѣмъ поправились, неправда ли, синьора? Вы не станете откладывать ни на одинъ день исполненія Лукреціи? Ваша Туллія молитъ васъ объ этомъ.

— Быть можетъ, вы сами, синьора Бранцилла, будете пѣть Лукрецію. Быть можетъ, меня уже не будетъ въ живыхъ.

— Что съ вами? Боже мой!... Она не отвѣчаетъ. Краска сбѣжала съ ея лица и глаза ея закрыты. Что за лица кругомъ! Синьора, очнитесь!

— Не знаю, что со мною дѣлается... Да, вамъ придется пѣть Лукрецію. Искусство требуетъ, чтобы я вамъ эту роль поручила, чтобы я вамъ ее завѣщала. Вы больше меня. Не отрицайте этого. Я васъ не люблю, простите! Но вы больше меня; толпа воздвигнетъ вамъ нѣчто болѣе прочное, болѣе гордое, нежели арку изъ розъ. Они любили смотрѣть меня. Мое лицо дѣлало ихъ немного счастливѣе. Они чувствовали гармонию въ моихъ движеніяхъ. Когда я улыбалась, то они прощали мнѣ мой голосъ, который былъ такъ слабъ. Я ничему не училась, я признаюсь въ этомъ. Мнѣ не давали другіе, мнѣ мѣшало мое сердце. Видите, я даже сейчасъ краснѣю, а между тѣмъ я скоро должна поблѣднѣть навѣгъ. Рыцарь, ближе ко мнѣ!... Вы же, синьора Бранцилла, вы—великая артистка, вы будете властвовать тамъ, гдѣ я доставляла лишь небольшую радость. Я оставляю вамъ Лукрецію. Вотъ роль! Завтра я должна была бы пѣть ее передъ публикой. Спойте ее завтра вы съ тѣмъ, чтобы ваше великое искусство заставило бы скорѣе забыть обо мнѣ. Не славу любила я. Мою тѣнь утѣшаетъ память о единственномъ. Подойдите, рыцарь!

— Развѣ вамъ не угодно протянуть и мнѣ вашу руку? Простите, если я омочу ее слезами! Вы причиняете мнѣ боль и стыдъ. Я слишкомъ восторгалась вами: какъ могу я перенести, чтобы вы унивались передо мной! Дозвольте мнѣ служить вамъ! Угодно вамъ пить? Но прежде я должна сказать вамъ на ухо: отошлите отъ вашего одра рбуна! Онъ полонъ злыхъ мыслей и принесетъ вамъ несчастіе. Приоснитесь губами къ стакану; сердечное лѣкарство уже примѣшано въ питье... Я не смѣла глядѣть на васъ, такъ многіе васъ любили.

Я сама находила васъ достойною любви; а мнѣ самой такъ трудно нравиться. Немного пѣнія? Немного звенящихъ волнъ воздуха? Скажите сами, что означаетъ это, когда у человѣка угловатыя движенія и некрасивое лицо? Нѣтъ, синьора, я остаюсь Туллией, вашей служанкой. Пожалуй, я разучу къ завтраму Лукрецію: такъ какъ я знаю, что вскорѣ я, пристыженная, съ облегченіемъ передамъ ее снова вамъ, когда вы выздоровѣете. Но что съ вами? Неужели вы снова теряете сознание? Помогите же, господа! Что съ нею? Ея сердце?... Синьора! О, Боже!

— Мы одни, синьора, ибо мертвая не идетъ въ счетъ. Рыцаря вынесли его друзья. Теперь вы — Лукреція и вообще все, что вы захотите.

— Я хочу привести въ порядокъ ея одежду. Не кажется ли она вамъ еще прекраснѣе, чѣмъ при жизни?

— Не знаю. Горбуна это не касается.

— Итакъ, настанетъ время, когда она перестанетъ нравиться? Она должна стать, какъ всѣ трупы?

— Не бойтесь ли вы, что она и съ закрытыми глазами затмитъ васъ?

— Я ничего не боюсь, синьоръ Стурбанотте. Смотрите, какъ я открываю и закрываю ея глаза! Эти рѣсницы уже не привлекутъ ничьей любви.

— Вы такъ же безстрашны, какъ и ловки! Какъ вы умѣете играть, даже у смертнаго одра! Какъ прекрасно умѣете вы давать сердечныя лѣкарства! Вы должны быть опытной въ этомъ.

— Что у васъ тамъ спрятано въ рукавѣ, синьоръ Стурбанотте? Эге! круглый, плоскій флаконъ съ прозрачною, безцвѣтною жидкостью! Неужели это пользующаяся такою дурною славой Тофанова вода? Къ ней должно быть вы не разъ прибѣгали, Стурбанотте. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ она пила ее: теперь я понимаю тотъ странный огонь, который ее сжегъ и который только одни вы видѣли! Но какая ужасная мстительность, горбатый Стурбанотте! За то, что она отвергла вашу любовь! Вы — страшный человѣкъ! Я буду всѣмъ совѣтовать быть осторожными съ вами... Нѣтъ, я шучу: вамъ нечего блѣднѣть. Тофанову воду, скажу вамъ на ухо, носили въ рукавѣ не вы. Я хотѣла вамъ только показать, что я еще ловчѣе, чѣмъ вы думали, и хотѣла васъ предупредить... Знайте же, что я никого не боюсь. Я поступала правильно. Мнѣ внушилъ это Самъ Господь. Онъ послалъ мнѣ сонъ и показалъ мнѣ Амати въ аду и въ мукахъ. Онъ лишила носъ, и черти клещами вырывали ея груди. А высоко надъ

нею, у самага Божьяго престола, стояла на облакахъ я и пѣла... Это справедливость, Стурбанотте. Ибо она позорила искусство. Она представлялась пѣвицей, а на самомъ дѣлѣ была публичной женщиной. Своимъ распутнымъ лицомъ и движеніями она ослѣпляла толпу, не замѣчавшую, какъ гибло искусство. Искусство было во мнѣ, но никто не хотѣлъ ему внимать. Богъ былъ забытъ и зывалъ къ отмщенію. Я послѣдовала за Нимъ, убила ее и въ теченіе мѣсяцевъ, пока я ее убивала, я разучивала ея роль. Если бы я не вняла Господу, то народъ до сихъ поръ продолжалъ бы любить только тѣло. Теперь я его освободила. Теперь я могу расправить крылья, и отъ земли до неба ничто болѣе не мѣшаетъ моему прекрасному полету. Люди увидятъ, что я прекраснѣе Аматіи. Они будутъ любить меня не за то, что я нѣжна, что я таю, какъ воскъ, и заслуживаю сочувствія. Они полюбятъ меня за то, что я сильна, что вся моя страсть сосредоточена во мнѣ самой и что я заставляю ихъ каяться въ ихъ потерянной жизни!... Что вы бормочете, Стурбанотте?

— Что я старъ и, кромѣ того, горбатъ. Если бы не это, то я ни одной ночи не остался бы въ Римѣ.

— И вы не можете меня понять, Стурбанотте.

IV.

— Развѣ всѣ уже разошлись?—спросила Бранцилла.—Посмотримъ! Поднимите-ка занавѣсъ вы, малыши! Если въ залѣ осталось хотя бы три человѣка, то я спою еще что-нибудь: я хочу удивить васъ. Никогда не была я въ такомъ настроеніи: ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ.

— Слишкомъ много чести, синьора! Вы насъ ошастливили. По крайней мѣрѣ недѣлю мы будемъ сыты.

— Ни одного человѣка въ залѣ? Но все равно, я довольна. Это была счастливая мысль отказать почтовыхъ лошадей и придти въ гости къ вамъ, спуститься въ вашу грязь.

— Чудесная мысль!—и бѣдные комедіанты, кланяясь, окружали ее. Старая королева вытерла пурпуровой мантией единственный стулъ.

— Онъ былъ пень,—сказала Бранцилла.—Зеленое сукно позади должно означать, что мы находимся въ лѣсу. Почему бы нѣтъ? Люди повѣрили намъ. Какіе жадные взоры сверкали на насъ со скамеекъ внизу! Ахъ! до сихъ поръ слышенъ еще ихъ запахъ: дымъ и чеснокъ, запахъ бѣдности. Давно уже не приходилось мнѣ его слышать... И я была бѣдна. И я сидѣла совсѣмъ молоденько на шаткихъ скамейкахъ пригородныхъ театровъ и свозъ табач-

ный дымъ ловила божественное сіяніе вверху: ваше божественное сіяніе, дорогіе друзья! То были прекрасныя минуты... Быть можетъ, и сегодняшній вечеръ сидѣла тамъ внизу какая-нибудь молодая дѣвушка? Быть можетъ, когда-нибудь она станетъ великою? О, какъ счастливы тѣ, передъ которыми еще все впереди! И какъ ужасно!

Бранцилла вскочила. Въ бархатѣ и кружевахъ ходила она взадъ и впередъ передъ нищею толпой. Внезапно она рѣшилась.

— Вашъ теноръ—какъ его зовутъ?—не плохъ. Я бы сказала, что изъ него можетъ что-нибудь выйти. Я даже допускаю, что онъ очень одаренъ. Чего можете вы еще отъ меня требовать? Должна ли я сказать правду, что я признаю его? Въ концѣ-концовъ у него мало опыта, и кто знаетъ, что изъ него выйдетъ? Все равно, я слышала его и не стану его отрицать. Скажите, куда онъ пропалъ? Онъ единственный изъ васъ, который убѣгаетъ, когда Бранцилла дѣлаетъ вамъ честь. Впрочемъ, и на его долю выпало слишкомъ много одобренія... Итакъ, скажите ему, что я желаю ему счастья, и до свиданія!

Но, уйдя за кулисы, она обернулась.

— Да, что теперь дѣлать? Вечеръ еще дологъ. Ты красивое дитя. Изумительно много у васъ тутъ дѣтей; но ты—самое красивое. Хочешь, я подарю тебѣ что-нибудь? Хочешь кольцо? Говорятъ, Бранцилла скупая. Не всегда она скупа. Не потеряй кольцо! Твоей матери дадутъ за него сто шестьдесятъ талеровъ. Кто твоя мать!

Рѣзкіе женскіе голоса отвѣтили хоромъ:

— Она снова рождаетъ ребенка. На этотъ разъ отъ Улисса.

— Кто это Улиссъ?

— Каваццаро, теноръ.

— Ахъ, ты...—и Бранцилла оттолкнула отъ себя ребенка.—
Поддай назадъ кольцо! Твоя мать вела шаши съ этимъ Улиссою.
Безстыжан!

Она отвернулась, густо покраснѣвъ.

— Не могу понять я такихъ женщинъ. А онъ! Онъ сейчасъ съ нею! Живѣе! Скажите, не у нея ли онъ? Что изъ этого? Онъ, можетъ быть, у какой-нибудь возлюбленной въ городкѣ? У него много любовницъ повсюду и кучи дѣтей? Вы съ ума сошли? Вѣдь онъ артистъ, да, вы должны узнать правду: онъ—большой художникъ. Такъ какъ же онъ можетъ такъ забываться? Спускаться до васъ, женщины? Вы на него клеветаете! Я васъ знаю. Ты, высокая, блѣкоурная, ты ревнуешь, ты напрасно старалась поймать его. Вотъ тебѣ за это пощечина! И вонъ! Убирайтесь всѣ къ чорту!

Въ пыльной уборной она навричала на свою горничную, выгнала ее вонъ, бросила на полъ серебряный кувшинъ, и, опомнясь, осматривала, не разбила ли его. Въ дверь постучали; она тихо подошла къ ней.

— Ахъ, это вы! Уходите! Я не хочу имѣть дѣла съ негодями.

— Вы обо мнѣ говорили, синьора. Вы желали меня видѣть.

Произнося эти слова онъ вынулъ изо рта стебель гвоздики и улыбнулся льстивою и въ то же время усталой улыбкой. Бранцилла опустила глаза и отошла отъ порога.

— Вы—артистъ, я этого не отрицаю, но повѣрьте мнѣ: такой жизни, какъ вы, не ведетъ ни одинъ человѣкъ, предназначенный для величія. Считаете вы меня великой пѣвицей?

— Вы—единственная; кто слышитъ васъ, тотъ забываетъ, что до васъ существовало искусство пѣнія. Я у вашихъ ногъ, синьора.

— Оставьте пустыя фразы.

Но ея злобное лицо озарилось робкой улыбкой. Онъ взглянулъ на нее; при этомъ онъ сдѣлалъ полуоборотъ и снова запустилъ въ ротъ гвоздику.

— Когда вы выступили впервые? Въ сорокъ седьмомъ. Въ томъ же году, что и я! Вы мнѣ ровесникъ! И вы единственный человѣкъ, который мнѣ когда-либо... Вы меня пугаете! Несете вы мнѣ счастье или горе? Но не забывайте, что вы еще ничто. Какое мнѣ дѣло до вашего дарованія, пока вы ведете беспорядочную жизнь въ нищенскихъ мѣстахъ! Вы мало учились; и вы осмѣливаетесь мечтать о славѣ? Хотите я вамъ дамъ совѣтъ? Идите въ монастырь! Замкнитесь лѣтъ на восемь и учитесь пѣть! Тогда мы посмотримъ, тогда мы снова поговоримъ. До той поры ни на что не надѣйтесь! Уходите!

Онъ смотрѣлъ на нее испытующе изъ угла и переминался съ ноги на ногу. Она порывисто дышала. Вдругъ она воскликнула:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не могу, я не смѣю дать вамъ погибнуть. Вы единственный, поднимавшійся когда-либо до меня. И какъ случилось, что я васъ нашла: я, Бранцилла, поющая только въ театрахъ Ла-Скала, Санъ-Карло, Аргентино и единственный разъ спустившаяся, чтобы пѣть на вашихъ подмосткахъ? Когда мнѣ сказали въ гостиницѣ, что въ этой дырѣ даются оперы; какъ пришла мнѣ охота придти къ вамъ во всемъ блескѣ моего искусства, безконечно щедрой, какъ Богъ? Не былъ ли то, быть можетъ, Богъ, который дѣйствовалъ черезъ меня, простеръ надъ вами свою руку, Каваццаро? Было бы лучше, если бы Онъ не далъ мнѣ узнать васъ. Но такъ какъ теперь знаю, что вы живете, то я не могу оставить васъ. Пойдемте за мной! Я сдѣлаю васъ великимъ.

— Синьора, вашу руку!

— Не прикасайтесь ко мнѣ!... Ахъ, оставьте, я тѣмъ не менѣе очень расположена къ вамъ. Почему мы не говоримъ другъ другу ты, какъ всѣ артисты? Итакъ, скажи: можешь ли ты быть строгимъ къ самому себѣ и освободиться? Освободиться отъ всего, что не ты? Никого не любить? Не знать женщинъ, ибо онѣ вредятъ тебѣ. Слышишь ли ты: не знать болѣе ни одной женщины!

— Ты также женщина!

— Ваше ты безстыдно. Не забывайте, кто я!

Она отступила назадъ и глядѣла на него со слезами злобы въ глазахъ. Онъ спросилъ мягко:

— Неужели вы никогда не любили, синьора Бранцилла? Какъ могли вы въ такомъ случаѣ пѣть?

— Мнѣ знакомы всѣ страсти, и я претворяю ихъ въ искусство. Для всѣхъ васъ ничего не останется. Кто изъ васъ былъ бы достоинъ сердца Бранциллы? Одинъ Богъ его достоинъ.

— А я синьора, когда пою, то думаю о прекрасныхъ женщинахъ, о тѣхъ, которыхъ я любилъ, и о тѣхъ, которыхъ я полюблю. А иногда я думаю всего лишь о трактирѣ.

— Правда, отъ васъ пахнетъ виномъ.

Его глаза молили невинно и нѣжно. Два робкихъ шага, и онъ тихо опустился передъ нею на одно колѣно.

— Я говорю съ вами, синьора, какъ дитя, какъ нищій ребенокъ, котораго вы хотите взять въ вашъ дворецъ и который рассказываетъ вамъ о своихъ лохмотьяхъ и о своей дурной пищѣ. Простите! Вы вѣдь знаете, что въ будущемъ я буду пѣть только во славу вашу. Развѣ я былъ бы достоинъ служить искусству, если бы я, полный звуковъ вашего голоса, могъ бы думать о другихъ женщинахъ?

— Послушайте, Кваццаро! Я говорю серьезно. Я поставлю васъ съ собою рядомъ, ибо я должна это сдѣлать: такъ какъ вы стоите уже на ряду со мною. Вы должны стать велики, на вашу долю выпадутъ слава и богатство.

Онъ опустился на оба колѣна.

— Я буду пѣть вмѣстѣ съ вами? Я ничего большего не желаю, синьора. Я люблю васъ.

Она рѣзко вырвала у него изъ рукъ свое платье, такъ что оно разорвалось.

— Не лгите! Меня нельзя любить. Толпы слабыхъ, обездоленныхъ часто любили меня. Какое мнѣ до этого дѣло. Я любила только себя. Никого больше, никогда!... Вы считаете меня злою? Видите:

ни разу не встрѣчала еще человѣка, равнаго мнѣ. Моимъ удѣломъ было всегда презирать. Временами, признаюсь, мнѣ было тяжело это. Сегодня я вспоминаю объ этомъ, какъ о величайшемъ счастьѣ: о томъ, когда я могла еще презирать. Если бы захотѣлъ Богъ, я могла бы и васъ презирать!

— Синьора, я люблю васъ.

— Все одно и то же: люблю васъ. Вы больше ничего не знаете. Вы не ощущаете ужаса передъ тѣмъ необычнымъ, что здѣсь совершается. Я одна. Мнѣ не хотѣлось бы оставаться дольше въ одиночествѣ!

Плечи ея вздрагивали. Ея грудь вздымалась. Все ея тѣло трепетало, а взгляды метались кругомъ, словно она боролась съ сотнею враговъ, наступавшихъ со всѣхъ сторонъ. Съ ясностью и спокойствіемъ смотрѣлъ онъ на то, какъ, скованная злобою и страхомъ, она работала надъ собой. Вдругъ, охваченный изумленіемъ, раскинулъ онъ руки. Ибо какой-то лучъ изъ глубины побѣдилъ въ ея лицѣ всю его суровость и всю его муку и преобразилъ его. Бранцилла стала прекрасна. Въ ея голосѣ звучало все небо, когда она сказала:

— Я люблю тебя.

У.

— Ты пьянь. Когда же, наконецъ, ты бросишь пить! Это недостойно тебя и это тебя губить.

— Перестань меня мучить! Я пью потому, что нахожу въ этомъ вкусъ.

— Ты находишь въ этомъ вкусъ! А если это для твоего искусства вредно? Кто важнѣе: твое искусство или ты?

— Я... А затѣмъ, искусство мое дѣлаетъ, какъ я хочу. Я пью, а оно даетъ мнѣ возможность пѣть. У тебя иные способы, чтобы пѣть хорошо. Ты умерщвляешь свою плоть, ты бѣжишь людей, ты злишься. Каждый поступаетъ по-своему.

— Есть только одинъ путь служенія искусству. Если ты пойдешь по невѣрному пути, то будешь наказанъ. Я увижу еще, какъ тебя постигнетъ кара. Горе тебѣ!

— Ты говоришь, словно желала бы этого. Ты ревнуешь меня къ тому, что я наслаждаюсь.

— Ревновать къ наслажденіямъ, которыя я презираю?

— Тебѣ пить вредно, меня же вино воодушевляетъ.

— Вдохновеніе изъ бочки! Собственными руками вливать въ себя

— ага.

— Въ счастію, я чувствую себя здоровымъ, голосъ мой окрѣпъ, и меня очень любятъ.

— Меня также, а за послѣднее время насъ обоихъ любятъ еще больше прежняго. Ты, у котораго была возлюбленная въ мірѣ, любимъ наравнѣ со мною, которая стрѣляла въ ложу твоей возлюбленной. Какъ смѣешь ты говорить объ этомъ въ ту минуту, когда мы бесѣдуемъ объ искусствѣ?

— Прости и извини меня, я иду къ друзьямъ. Завтра вечеромъ я буду Тезеемъ, а ты Ариадной. Поэтому ложись и въ темнотѣ молись! Я же иду къ друзьямъ.

— Не къ друзьямъ, а къ женщинамъ! Я бросаю тебѣ въ лицо твой позоръ. Завтра вечеромъ ты долженъ касаться боговъ, а сегодняшнюю ночь хочешь провести съ женщинами. Ты—супругъ Бранциллы и у тебя не хватаетъ мужества оставаться ей вѣрнымъ. Какъ ты меня унижилъ! Въ какую грязь ты меня втопталъ! Ты достоинъ презрѣнія, какъ прочіе, ты не художникъ. Слепа я была, когда я тебя навязала себѣ на шею!

— Я многимъ тебѣ обязанъ, это правда, и конечно тебя недооценилъ. Но я—художникъ, и это ты знаешь. Быть можетъ я даже выше тебя теперь. Твоя Клелія вчера была нѣсколько тускла. И все-таки я пришелъ на сцену подвыпивши, а ты постылась. Не сердись! Это утомить тебя. Отъ всего сердца желаю, чтобы завтра ты была хорошей Ариадной. Я не ревнивъ, нѣтъ.

— Ты будешь завтра безсильнымъ Тезеемъ. Сила его останется по трактирамъ и у женщинъ.

— Я, когда стою на сценѣ и пою, все же остаюсь въ центрѣ жизни: прочь тѣ доски, изъ которыхъ ты дѣлаешь себѣ гробъ.

— Гробомъ ты называешь сцену! Это святилище, въ которомъ мы обрѣтаемъ самихъ себя!

— Для меня оно черезчуръ свято. Твое искусство кажется мнѣ столь же святымъ, какъ смерть. Я пою для людей, я словно пою на улицѣ; мой голосъ одинъ изъ многихъ и уносится онъ солнечнымъ вѣтромъ.

— Ты поешь на улицѣ.

— Я пою всюду, гдѣ хотятъ. Я могу быть щедрымъ, что мнѣ это стоитъ! Тамъ, въ моей глоткѣ, казна моя не оскудѣваетъ. Сегодня въ Пинчіо подозвалъ меня къ своей коляскѣ князь Торлонія и захотѣлъ услышать три такта изъ «Вы, звѣзды, вы—слезы». Три такта: дальше онъ самъ помнилъ. Я спѣлъ, чтобы ему угодить, всю арію передъ всѣми прохожими,—и вотъ кошелекъ, который онъ мнѣ за это подарилъ. Сдѣлай привѣтливое лицо! Получишь половину.

— Подай сюда! Эти дукаты подарилъ тебѣ не Торлонія, а какая-нибудь женщина. Все равно, подай сюда! Я спрячу ихъ на то время, когда ты себя погубишь, а я должна буду тебя содержать.

Она заперла за нимъ дверь на задвижку, жадно сосчитала деньги и опустила ихъ въ сундукъ. Она играла въ темной комнатѣ и употребляла всѣ усилія, чтобы сосредоточиться.

— Завтра я пою Ариадну. Какое значеніе можетъ имѣть все остальное? Завтра я буду жить. Было бы невѣрно сказать, что я буду хорошо пѣть. Я просто воскресну изъ этой смерти для жизни въ моихъ собственныхъ небесахъ. Сейчасъ—мракъ и смерть: вдругъ гаснутъ всѣ огни... Я буду жить!... Вотъ я спокойна и тверда. Теперь я буду работать. Въ воображеніи своемъ я воздвигну дворецъ звуковъ, буду пѣть молча...

Но ей все не удавалось и сила ея какъ-то разсѣивалась.

— Ничего, это только плоть. Она больна, она сопротивляется. Но я всегда ее побѣждала. Смирно! Я—ученица и должна учиться пѣть. Ибо духъ вырастаетъ изъ техники.

Она встала и принялась за упражненія.

— Вся сила должна быть въ губахъ, шея должна быть покойна, словно мертвая.

Въ эту ласковую ночь она продолжала принуждать себя и едва-едва выдерживала. Поднялась эта боль въ срединѣ тѣла, тянущая ее книзу; тоскою заныло сердце. Она упала, закрывъ изнеможенное лицо руками, на рояль. Снаружи раздался шумъ, что-то мягкое ударилось о дверь. Она отперла и приняла въ свои объятія недержавшеяся на ногахъ тѣло пьянаго. Съ сердцемъ отбросила она его отъ себя. Стояла надъ нимъ, тяжело дыша, и потрясала руками.

— Мнѣ противно до него дотронуться, а между тѣмъ я спала въ его объятіяхъ! У меня отъ него ребенокъ! Весь Римъ это знаетъ. Теперь онъ пришелъ отъ другихъ женщинъ, и это знаетъ весь Римъ. Нашъ общій позоръ—достояніе всего міра, какъ и наши наслажденія. И я—Бранцилла! Какъ я отъ всего этого была далека когда-то! Какъ я была вся въ самой себѣ, одинока и чиста! Это никогда болѣе не вернется? Стать одинокой и чистой!... Ты хотѣлъ бы выпить, милый? Сейчасъ, я подолью тебѣ въ питье нѣчто: это утолитъ навѣгъ твою жажду. Пей!... Нѣтъ! Подай назадъ! Я не могу. Богъ не разрѣшаетъ мнѣ сдѣлать это. Я не понимаю Господа.

Стаканъ, который она держала въ ругѣ, вспыхнулъ бѣлымъ огнемъ въ лунномъ сіяніи. Она задержала занавѣску и спрятала за нее свое

лицо. Стало темно и тихо, какъ въ могилѣ. Слышно было только безмятежное дыханіе спящаго.

— Ему хорошо. Ему было хорошо, когда онъ пилъ, когда онъ обнималъ женщинъ; ему будетъ хорошо, когда онъ завтра будетъ пѣть Тезея, котораго онъ не разучилъ. Меня разрываетъ на части бѣненіе этого сердца, которое борьба за Ариадну сдѣлала безумнымъ и бессильнымъ. Я терпѣла муки, пока онъ наслаждался. И онъ еще долженъ сравняться, долженъ даже опередить меня? Я была усталой Клеией. Я буду больной Ариадной. Кто же, какъ не онъ, дѣлаетъ меня больною? Одно недостойное возлагаетъ онъ на меня, сотни свѣтскихъ мыслей, отдаляющихъ меня отъ святыни и губящихъ меня. Мое утомленіе ему на пользу. Онъ выигрываетъ, чѣмъ больше я блѣднѣю на ряду съ нимъ! Когда я погибну, онъ вырастетъ до безконечности. Этого нельзя перенести! Онъ, котораго я подняла до себя! Чьими руками я довѣрила свое одиночество! Которому я выдала всѣ добытыя мною сокровища! Онъ, мое созданіе! Никогда, ни одному человѣческому созданію не было уготовано столько зла. Не тобою, Боже! А твоимъ противникомъ, сатаню! Ты желалъ меня возвысить, ты повелѣвалъ мнѣ уничтожить все, что мнѣ вредно!

Она поднесла стаканъ къ губамъ спящаго.

...Онъ—художникъ. Я убиваю художника. Не твореніе, враждебное совершенному искусству, какъ Аматі; не существо, осуждаемое Богомъ: нѣтъ, я убиваю друга совершеннаго искусства, котораго Богъ посвятилъ выше, быть можетъ, чѣмъ меня. Убивая его, я служу болѣе не Богу: я служу лишь идолу, лишь себѣ. Тогда онъ отвергнетъ меня, тогда мнѣ наступитъ конецъ, и никогда уже не завоюю я своимъ пѣніемъ небеса.

Занялась заря; дрожа, она оставила стаканъ.

— Нѣтъ, я не могу сдѣлать ничего ему во вредъ. Я должна слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ жизнь, а сверхъ того и искусство, которому я приношу себя въ жертву; чтобы онъ игралъ въ тѣхъ случаяхъ, когда я мучаюсь, и, несмотря на все это, становился великимъ. Какъ я его ненавижу! Съ какою радостью я бы убила его, впитала бы его въ себя, для того, чтобы къ моему присоединить еще все то, чѣмъ обладаетъ онъ. То-то было бы богатство: мой внутренній жертвенникъ и то, что ему даетъ міръ. Но онъ долженъ становиться все богаче отъ той жизни, до которой я не доросла, а я обречена одиноко сгорать и мало-по-малу остывать. Боже! Я преклоняюсь. Ты! Я прошу у тебя прощенія. Я недостаточно велика, чтобы презирать тебя: я только тебѣ завидую. Я тоскливо рвусь изъ моей святости къ твоей низменной жизни, къ твоему добродушію, къ твоей грязи, къ твоей

обычной повседневной грязи. Я люблю тебя! Я всегда любила тебя изъ страсти уничиженія! Добраго, теплаго уничиженія.

Раскинувъ руки, она упала лицомъ на его лицо, прижалась губами къ его тѣлу и въ его уста, которыя должны были принять ядъ, потекли ея слезы.

— Я люблю тебя! Хочу тебѣ служить, я болѣе не Бранцилла! Слышишь ли ты меня? Поцѣлуй меня! Одинъ твой поцѣлуй дороже всей власти, всѣхъ небесъ!

Его вѣки открылись; она откинулась назадъ. Она отступала, крестясь, до самой стѣны, ждала, затаивъ дыханіе, чтобы онъ снова заснулъ, и упала на колѣни и билась о полъ лбомъ.

— Теперь я постигла Тебя, Господи! Ты испыталъ меня и нашель меня слабою. Я поднялась слишкомъ высоко: тогда Ты послалъ мнѣ этого человѣка. Я должна его любить, онъ губить меня, а самъ неуязвимъ. Да будетъ воля Твоя.

Она встала съ пола.

— Подай мнѣ знакъ, что испытаніе не будетъ длиться вѣчно! Что я одолѣю врага! Иначе дай мнѣ умереть. И Ты, Господь...

Она на колѣняхъ подошла къ распятію.

...и Ты ждалъ конца Своихъ мученій. Скажи, что Ты въ свое время поразишь его и уничтожишь, а меня возвысишь! Подай мнѣ знакъ!

Тусклое утро ударило ей въ лицо. Она закрыла глаза. Ея лобъ былъ покрытъ холоднымъ потомъ. Ея ротъ сводила судорога. Ея поднятыя руки были сжаты и дрожали. Вдругъ раздался пронзительный и полный ужаса крикъ.

— Ты поцѣловалъ меня! Моимъ лбомъ ощутила я Твои холодныя, мертвыя губы!

И упавъ, она заплакала.

VI.

— Склоните ваше ухо, отецъ! Да, я пришла поздно; позади меня, въ сумракѣ храма стоитъ на колѣняхъ одинъ нищій; но мы можемъ ворить совсѣмъ тихо. Знаете ли вы, какой грѣхъ вы должны съ нея снять? Тотъ самый грѣхъ, который совершилъ святой Петръ по сношенію къ Господу. Я грѣшна въ немъ передъ Его намѣстникомъ и землѣ: да, я хочу предать нашего владыку, папу! Хочу передъ о палачомъ, передъ королемъ пѣть Аиду... Я не должна этого дѣть, говорите вы; не должна ради меня самой; ибо всѣ почести въ имѣ идуть мнѣ отъ его святѣйшества, которое такъ часто заста-

вляеть меня пѣтъ въ своей прихожей, присылаетъ мнѣ подарки и ордена, и даже осчастлививаетъ мой домъ своимъ святымъ посѣщеніемъ? Но это еще не все, отецъ, вы не знаете всего. Почестями я пользуюсь и въ міру, куда не простирается власть его святѣйшества. Я повсюду—Бранцилла. Но на мнѣ лежитъ клятва, вѣра, долгъ. Слушайте! Это дѣло жизни и смерти.

Вы не моложе меня. Вы должны помнить, что въ тотъ день, когда передъ Римомъ впервые выступила Бранцилла, городъ былъ объятъ революціей. Вольнодумцы хотѣли помѣшать мнѣ пѣтъ. Я думаю, что Богъ допустилъ революцію только для того, чтобы сдѣлать мой путь болѣе тернистымъ, а мою побѣду болѣе угодною Ему. Они распустили слухи, что я возвышаю свой голосъ въ домѣ князя Руца для того, чтобы заглушить ихъ заговоръ. Я подверглась крайней опасности быть брошенной въ тюрьму въ тотъ самый вечеръ, когда должна была впервые выступить передъ публикой! Но я избѣгла ихъ козней, оставивъ у нихъ въ рукахъ князя Руца. Какъ яростно кричали они тогда въ театрѣ. Какъ я должна была бороться, чтобы завоевать ихъ, чтобы отнять силу у этихъ тысячъ возлюбленныхъ! Ибо вѣрно: я любила ихъ, какъ Далила Самсона!... Въ ту минуту, отецъ, во время этой борьбы, я дала обѣтъ посвятить себя навсегда партіи папы. Васъ немного и вы не любите людей. И я не люблю ихъ и не желаю общенія съ ними. Я была ваша, я принадлежала папѣ. Я имѣла счастье быть ему полезной. При различныхъ дворахъ мнѣ удавалось бросить нѣсколько словъ на пользу его дѣла; умѣла настроить въ его пользу нѣкоторыя мечтательныя души. И съ каждымъ разомъ послѣ этого я пѣла все лучше. Постоянно, когда его святѣйшество одерживало верхъ, я чувствовала себя также наверху. Я трепетала въ то время, когда пѣла въ Лондонѣ, за власть церкви и за то, чтобы итальянцы не ворвались въ Римъ раньше, чѣмъ кончатся мои гастроли... И вотъ, они ворвались. Вы едва поймете меня, до чего отвратительны мнѣ на улицахъ звуки ихъ роговъ... Они промчались со своими знаменами, съ глупымъ лигованіемъ народа. Что же теперь дѣлать, отецъ? Я все поставила на карту ради папы, а онъ разбитъ. Теперь я принуждена пѣтъ передъ его побѣдителемъ. Снимите съ меня этотъ грѣхъ!

— Вы не хотите? Вы говорите, что моя измѣна—смертный грѣхъ, что папа никогда такъ не нуждался въ своихъ приверженцахъ, какъ теперь? Оставьте! Я знаю, на какой важный шагъ я рѣшаюсь, и какъ легко онъ можетъ завести меня въ адъ. Вы не видѣли, какъ я боролась! Ужасно, что это отродье должно было одержать верхъ надъ нашимъ господиномъ. Но... склонитесь ко мнѣ по-

ниже... я имѣю подозрѣніе, что Господь готовить для меня этимъ самымъ великое испытаніе... Послушайте: другое, не менѣе страшное испытаніе онъ только что окончилъ. Вы знаете, что мой мужъ, знаменитый Каваццаро, лишился голоса. Наконецъ онъ наказанъ за то, что пренебрегалъ искусствомъ и собою и вель грѣшную жизнь. Безумное счастье охватило меня, когда это обнаружилось. Но я подавила его. Ибо сначала слѣдовало тщательно испытать, дѣйствительно ли Богъ хотѣлъ даровать мнѣ побѣду. Я послала Улисса въ Парижъ, чтобы ему сдѣлали искусственный голосъ, какъ тамъ это умѣютъ. Теперь онъ вернулся и каркаетъ ворономъ. Такова воля Божья. Тотъ, ради котораго я хотѣла отказаться отъ моего искусства, тотъ, котораго я охотно умертвила бы; тотъ, котораго я должна была любить, лежитъ теперь сраженный. Я же пою словно мнѣ двадцать лѣтъ. Всѣ испытанія, для которыхъ онъ мнѣ былъ посланъ, мною преодолены. Теперь я должна пѣть безразлично передъ кѣмъ: я должна пѣть и торжествовать. Для чего же я жила, если теперь я не буду пѣть? Если я должна это искупить, какъ вы говорите, отецъ: хорошо я искупаю. Цѣною вѣчнаго огня, говорите вы? Пусть, вѣчный огонь! Все равно: я шепнула вамъ о моемъ подозрѣніи, что и это не болѣе, какъ самое великое и самое опасное испытаніе; Богъ хочетъ знать, настолько ли я свята, что воспротивлюсь аду и всѣмъ его ужасамъ, если дѣло коснется пѣнія. Кто знаетъ: быть можетъ я буду пѣть передъ врагомъ Господа и папы и за это буду непомѣрно вознаграждена.

...Вы не думаете? Я богохульствую, говорите вы? Я отвержена? Вы не можете освободить меня отъ грѣха? Тогда я прошу васъ лишь объ одномъ: молитесь за меня, ибо я буду пѣть. Я буду пѣть передъ врагомъ Господа, передъ оскорбителемъ Его святого города и буду при этомъ знать, что звуками моего голоса я возношусь на этотъ разъ не къ небесамъ а, наоборотъ, нисхожу въ адъ. Но искусство, которое есть само божество, требуетъ отъ меня этого. Оно требуетъ, чтобы я заслужила проклятiе, и я ему повинуюсь. Вы слышите, какъ стучатъ мои зубы. Я вся въ холодномъ поту. Мысли путаются въ моей головѣ. Языки желтаго пламени пляшутъ у меня передъ глазами. Адъ! Адъ! Спасите меня! Вы не хотите спасти меня? Тогда мнѣ придется стоять среди огня и пѣть.

VII.

— Кто говорить, что мы стары? Ты, да, ты старъ! Ни одна женщина не хочетъ болѣе тебя знать, и у тебя нѣтъ денегъ на вино! Я же все еще—Бранцилла; и если я не пою каждый вечеръ, то все же

пою разъ въ мѣсяцъ или разъ въ сезонъ. Никого не касается, какъ я живу въ промежуткахъ между этимъ. Тебѣ нечего твердить мнѣ объ этомъ. Мысли часто путаются въ моей головѣ. Возможно, что я нерѣдко мучала людей—мою дочь и тебя; что я ссорюсь съ хозяйками, не хочу платить и что есть города, гдѣ меня не принимаютъ ни въ одинъ домъ. Но куда дѣваются всѣ эти мелкія несчастья, когда я пою, пою еще разъ. Я пролежала четыре недѣли въ темпотѣ, я постилась, я очистилась и вымолила у Бога снова мою силу. И вотъ я выступаю. Одинъ вечеръ, три часа: все равно, вотъ снова стою я въ блескѣ и слышу, какъ у моихъ ногъ дышитъ толпа. Я пою; сердце мое молодо, какъ въ двадцать лѣтъ; станъ мой выпрямляется; губы мои упруги и молоды. Не спрашивайте, какими муками искупаю я мое возрожденіе. Клеветайте! кричите! Вы никогда не поймете этой страсти. Никто изъ васъ не знаетъ, какъ свята жизнь. Почувствуйте, пока не кончилось еще ваше призрачное существованіе, хоть разъ удивленіе передъ той, которая, благодаря Богу, была истиннымъ чудомъ! Да: семьдесятъ лѣтъ, и все еще Бранциала!

— Мнѣ, должно быть, надо уйти? Мои слѣзные глаза не видятъ тебя; но голосъ твой звучитъ раздраженно. Ты будешь больна остальную часть дня и не захочешь, чтобы мы ѣли?... Ты мнѣ не отвѣчаешь. Я долженъ тебѣ сказать, что я голоденъ.

— Такъ иди и кормись!

— У меня нѣтъ денегъ, чтобы поѣсть.

— Ахъ; нѣтъ денегъ? А десять солиди, которыя я дала тебѣ во вторникъ? Сегодня только пятница.

— Немного табаку, маленькое пирожное дѣтямъ, которые такъ добры ко мнѣ, что переводятъ меня, бѣднаго слѣпца, черезъ улицу.

— Да, да. Всѣ добры къ тебѣ. Ты внушаешь такую симпатію: кроткій старикъ съ блѣднымъ, благороднымъ лицомъ, въ прекрасныхъ локонахъ, лишившійся зрѣнія. Тебя жалѣютъ, охотно подходятъ къ тебѣ, утѣшаютъ и помогаютъ. На меня бросаютъ недовѣрчивые и враждебные взгляды. Не понимаютъ, почему эта старуха проходитъ такъ прямо и ни съ кѣмъ не заговариваетъ. Мое лицо находятъ злымъ. О моихъ страданіяхъ никто не думаетъ. Мои муки будутъ конечно необычны и темны, не то что твои. Ты живъ легко и легко умрешь.

— Мнѣ приходилось также выносить многое. Ты думаешь это былъ пустякъ, когда я потерялъ голосъ? Раньше я сидѣлъ за столомъ съ великими міра. Не желая тебя оскорбить, смѣю сказать, что знатныя дамы предлагали мнѣ свою милость. Какъ прекрасно было то время, когда я стоялъ посреди сада и пѣлъ передъ женщинами,

которыя сидѣли вокругъ меня на травѣ. Какимъ яркимъ свѣтомъ обливало ихъ солнце! Увы мнѣ! Солнце закатилось для меня еще до моей смерти. Ни голоса, ни зрѣнія: мнѣ ничего не осталось.

— Ничего. Ибо ты не можешь себѣ вообразить, чтобы человѣкъ безъ голоса жилъ въ вѣчномъ мракѣ дворца изъ звуковъ. Такое величіе не снилось тебѣ никогда и въ дни блеска: какъ могло придти тебѣ это въ голову теперь! Ты каждый день праздновалъ какого-нибудь святого. Вотъ ты и прожилъ все: глупецъ, хваставшійся нѣкогда неистощимымъ капиталомъ въ глоткѣ! Теперь ты получаешь отъ меня нѣсколько меньшее питаніе, чѣмъ раньше получалъ отъ богатыхъ. И за это ты смѣешь хныкать при мнѣ о твоихъ страданіяхъ? При мнѣ? вся жизнь которой была сплошною одинокою мукою? Ахъ! пусть люди любятъ тебя попрежнему. Сохрани всѣхъ твоихъ друзей, равно какъ и воспоминанія о всѣхъ твоихъ наслажденіяхъ, но не выводи меня изъ себя, рассказывая о твоихъ страданіяхъ! Твой ротъ не достоинъ произнести это слово. Онъ слишкомъ благороденъ и благозвученъ, твой ротъ. Ахъ, ты! Ты въ концѣ-концовъ только и имѣлъ то значеніе, что долженъ былъ увеличить мою муку: мою судьбу.

— Что я тебѣ сдѣлалъ?

— Да, да! Ничего. Ты ничего не сдѣлалъ: ты только жилъ. На тебѣ я узнала, что все мое величіе, добытое мукою, было напрасно. У тебя вѣдъ былъ точный слѣпокъ съ него. Тебѣ не нужно было работать надъ чѣмъ-либо, не нужно было страдать—у тебя былъ точный портретъ. Безъ сомнѣнія ты былъ художникъ. Это было ужасно. Къ счастью, мы пережили уже это. Это было ужасно, такъ какъ я сама должна была тянуть тебя къ свѣту, должна была обучать тебя, создавать тебѣ обстановку. Было ли у тебя что-нибудь, несчастный, что не исходило бы отъ меня? Покажи мнѣ лавровый листъ или дукать, которые не предназначались бы собственно мнѣ!

— Все же я былъ художникъ. Ты оскорбляешь меня, старика, ты причиняешь мнѣ боль. Я былъ все же художникъ! Милліоны денегъ проплыли сквозь эти руки. Я готовъ поклясться, что я заработалъ болѣе, чѣмъ ты.

— Но ты вытаскиваешь у меня всѣ мои деньги!

— Три дня тому назадъ ты мнѣ дала десять сольди.

— Я кормлю тебя; и вмѣсто того, чтобы умереть и освободить ня отъ себя, пока не истощились всѣ мои деньги, ты мнѣ дѣлаешь зну!

— Прошу тебя, прошу тебя...

— Ахъ! онъ плачетъ. Слезы текутъ изъ его слѣпыхъ глазъ.

Если бы люди видѣли это, до чего ты бы имъ былъ симпатиченъ! Но ты вѣроятно забылъ, какъ ты отнял у меня весь успѣхъ, когда я пѣла Селимену во Флоренціи? Не всегда ты былъ такъ полонъ доброты и кротости, какъ сегодня. Я пою Селимену, я истощаю все мое искусство, чтобы расшевелить эти лѣнливые животы: и вдругъ я слышу, какъ они смѣются. Да, они смѣются, потому что позади меня стоишь ты и корчишь рожи. Они глядятъ на твою нѣмую игру, а я пою напрасно.

— Я долженъ былъ играть. Пандольфо, какъ ты знаешь, приносить зеркало. Онъ наводитъ его на шею Селимены и цѣлуетъ его. Въ его игрѣ должна быть очаровательная и нѣсколько шутовская грусть.

— Даже тогда, когда поетъ Бранцилла? Ты завистливъ и злобенъ. Въ тотъ вечеръ, когда я пѣла Селимену, меня предупреждали противъ тебя. Я сказала бы тебѣ кто, если бы не боялась для него, моего благожелателя, твоей мести. Ты самъ въ роли Пандольфа былъ пьянъ и не могъ пѣть.

— Это неправда. Ты клеветешь на мое прошлое. Я былъ такой Пандольфо, о которомъ поэтъ Рази сказалъ, что у него божественная улыбка. Слышишь ли ты, божественный смѣхъ!

— Божественный смѣхъ! Ты размахиваешь руками и уже внѣ себя. Вся кротость слѣпота старика исчезаетъ, какъ только коснутся его тщеславія.

— У меня ничего нѣтъ, кромѣ десяти лѣтъ воспоминаній: это все, что у меня осталось къ семидесяти годамъ. Я жилъ такъ быстро. Если ты будешь трогать мои воспоминанія, то я пропаду. Я не знаю, что тогда случится!

— Я не хочу, чтобы у тебя были воспоминанія! Пусть погаснутъ наконецъ и глаза твоего духа! Ты былъ интриганъ, стоявшій на моемъ пути. Былъ ли ты вообще художникъ? Я колеблюсь, не обманулась ли я.

— Ты страшна! Самъ дьяволъ не выдумаетъ ничего болѣе чернаго! Кто спасетъ меня отъ тебя?

Бранцилла смотрѣла вслѣдъ своему слѣпому мужу жаднымъ взглядомъ. Онъ наткнулся на мебель, потрясалъ жалобно рукава надъ головой: вдругъ запахнулась дверь.

— Что за крикъ у васъ опять? Ни одинъ день, который я проведу здѣсь, не обходится безъ шума. Сосѣди выглядываютъ на лѣсницу, такъ громко вы кричите. Мать! ты опять его мучила?

Бранцилла отвѣтила пѣвучимъ голосомъ:

— Не волнуйся, дочка! Мы разговаривали о Селименѣ. Твой отецъ въ тотъ вечеръ поступилъ не такъ, какъ онъ долженъ былъ поступить по отношенію ко мнѣ.

— Я обладаю тайной божественнаго смѣха, сказалъ поэтъ Рази!

— Онъ испортилъ мнѣ роль; я сказала ему только правду.

— Она хуже дьявола! Знай это, дитя мое, когда меня не будетъ въ живыхъ: дьяволъ не можетъ сравниться съ нею.

— Объясните ли вы мнѣ толкомъ, о чемъ вы спорите?

— О Селименѣ, дочка: это знаменитая опера маэстро Тиберины.

— Я никогда о ней не слыхала.

— Я былъ первымъ Пандольфо во всей Италиі!

— Когда происходило то представленіе, о которомъ вы говорите?

— Дай вспомнить!... Въ двадцать пятомъ году.

— Сорокъ лѣтъ тому назадъ! Вы ссоритесь въ ваши годы; ты выводишь отца изъ себя; вы кричите такъ, что всѣ сбѣгаются; и все это по поводу вещей, происходившихъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, которыхъ никто не помнитъ кромѣ васъ! Тѣ руки, которыя вамъ въ то время аплодировали, уже давно истлѣли. Дайте же людямъ покой! Поистинѣ: есть же что-нибудь достойное любви въ искусствѣ!

Дочь взяла старика подъ руку.

— На улицѣ стоятъ твои старые друзья, отецъ. Они не осмѣливаются войти изъ страха передъ матерью. Иди съ ними въ трактиръ; вотъ деньги; и оставайся тамъ, пока я не приду за тобой. Когда я приведу тебя обратно, несчастный старикъ, вино развеселитъ тебя.

— Боюсь, дочка, что никакое вино меня уже не развеселитъ.

Дочь вернулась назадъ, подпирая бока руками. Бранцилла ожидала ее со страхомъ.

— Хорошо ты его отдѣлала! Вѣдьма! О твоей злости будутъ говорить дольше, чѣмъ о твоёмъ искусствѣ. Теперь ты корчишься потому, что я широка и красна, а слабаго старика ты будешь мучить до смерти. О, челоуѣколюбія ты никогда не знала? Что ты дѣлала со мною, когда я была молода: какъ ужасно испортила ты мнѣ жизнь! Я любила и была любима. Теперь я могла бы быть счастлива. Я могла бы имѣть дѣтей. А между тѣмъ я живу одна въ номерахъ гостиницы, среди чужихъ. Это дѣло твоихъ рукъ. Ты не хотѣла, чтобы я вышла замужъ, чтобы я была подобна другимъ дѣвушкамъ. Ты

хотѣла, чтобы я была чудовищемъ: поюшимъ чудовищемъ. Ненавижу искусство, которому ты меня учила!

— Неблагодарная дочка! А между тѣмъ она—знаменитая концертная пѣвица Европы!

— Въ сорокъ лѣтъ наконецъ я стала ею! Но я не нахожу, что бы можно было вознаграждать меня за мои лишенія пятью тысячами франковъ въ вечеръ.

— Дитя мое, я умираю довольная, ибо оставляю тебя великою. Мое имя, слитое съ твоимъ, будетъ жить дольше.

— Не въ этомъ дѣло; ты испортила мнѣ хорошую, простую жизнь. Ты сама проиграла ее и не хотѣла, чтобы я ее знала. Завистлива и ревнива была ты: вотъ въ чемъ дѣло.

— У меня большіе недостатки,—сказала Бранцилла и склонила голову на бокъ.—По всей вѣроятности, есть у меня и эти. Но думаешь ли ты, дочка, что я зла оттого, что мнѣ хорошо живется? Мнѣ живется нехорошо; мнѣ никогда не жилось хорошо; я также ничего не получила за мои лишенія. Я иногда думаю теперь о князѣ Даріо Рупа, молодомъ человѣкѣ, который во время моей ранней молодости умеръ за меня. Правильнѣе было бы сказать, что я его убила. Должна ли я сдѣлать тебѣ ужасное признаніе? Я теперь не предала бы его начальнику, а пошла бы съ нимъ вмѣстѣ въ тюрьму. Думаешь ли ты, что я могла бы ему еще понравиться? У меня еще есть голосъ. Въ будущемъ мѣсяцѣ я должна пѣть Джюконду въ палатцѣ Доріа. Не будетъ ли тамъ того русскаго, который посѣтилъ тебя во вторникъ? Онъ понравился мнѣ; и онъ обходился со мною, словно и я ему нравлюсь. Мы выйдемъ, дочка; я хочу купить себѣ шелковые чулки.

Когда дочь обернулась къ ней спиной, она сказала:

— Не хочешь ли ты повторить для твоего концерта «Мою любовь?» Никто не можетъ спѣть это, какъ ты.

— Хорошо! хорошо!—повторила она, а послѣ послѣдней ноты сказала:

— Мы можемъ быть злы, бѣдствовать и мучить другъ друга, но у насъ есть искусство. Я позаботилась о томъ, чтобы ты его приобрѣла и я была права. Ты будешь послѣднею, служительницею искусства *bel canto*. Мы изучали его не менѣе восьми лѣтъ. Теперь учатся пѣть два года,—а черезъ два года уже капутъ. Ты же будешь, какъ я, пѣть въ семьдесятъ лѣтъ... Хорошо! хорошо!—повторяла она снова, съ фальшью въ голосъ. Ибо въ тоже время Бранцилла думала:

«Она уже не прежняя. Значить и ей конецъ. У меня же голосъ еще прежній. У одной меня».

— Возьми меня съ собою! Я также хочу выйти изъ дому.

Но едва выйдя за дверь, дочь вбѣжала снова: блѣдная, согнувшись, со сжатými кулаками. Она перевела духъ.

— Онъ виситъ тамъ. Отецъ тамъ виситъ, онъ повѣсилъя.

Она переступила порогъ и пошла вдоль стѣны. Бранцилла заперла дверь. Она начала бѣгать по комнатѣ: испуганная, загнанная, оглядываясь, словно преслѣдуемая... Внезапно остановилась, подняла плечи и, глубоко вздохнувъ, сразу опустила ихъ внизъ. Она прислушалась; затѣмъ достала металлическій ящикъ и усѣлась передъ нимъ.

Въ комнату вошла дочь.

— Я сняла его: онъ мертвъ. Ахъ! еслибъ это было твоимъ послѣднимъ дѣломъ! Я не успокоюсь, пока не увижу тебя въ домѣ умалишенныхъ. Ко всему благословенію, которое твое великое искусство принесло всѣмъ намъ, пусть оно привело бы тебя еще въ домъ умалишенныхъ!

Бранцилла считала деньги въ ящикѣ.

— У меня не хватитъ на похороны. Онъ хотѣлъ только еще разъ обременить меня!

— Вѣдьма! Убійца! Я запрю тебя въ домъ умалишенныхъ.

— Въ будущемъ мѣсяцѣ я пою въ палаццо Доріа. Ни въ какое заведеніе не пойду; не желаю волненіемъ повредить моему голосу. Въ будущемъ мѣсяцѣ я буду пѣть въ палаццо Доріа...

Т и р а н н ь .

Онъ сидитъ подпершись, закрывъ глаза рукою. Въ низкую дверь деревянной обшивки тихонько постучали. Онъ вздрагиваетъ. Держась рукою за сердце, говоритъ:

— Неужели дѣло зашло такъ далеко?... Какъ удивительно я возбужденъ! И я боюсь только потому, что она прекрасна?... Буду ли обладать ею: до *этого*? Развѣ я не въ долгу передъ собою? Тогда она будетъ моею.

Онъ ходитъ съ опущенной головою по комнатѣ, останавливается ередъ большимъ зеркаломъ и пристально вглядывается въ него:

— Зачѣмъ я принимаю ее передъ *этимъ*? Кто меня принуждаетъ? Приказъ, который я отдамъ черезъ полчаса, не можетъ быть отнѣтъ мною немедленно? Неужели мнѣ нужно доказывать себѣ, что я не боюсь?

Онъ дышитъ порывисто, подходитъ къ столу, берётъ съ него кинжалъ и прячетъ его за кафтанъ. Идетъ къ двери, но останавливается: «Женщина!» И онъ вынимаетъ кинжалъ обратно и снова владеть его на столъ.

— Я боюсь ея все же, такъ какъ она прекрасна!

Мечтательно:

— Это невыносимо: стремиться обладать ею, а когда она въ моихъ рукахъ, думать о томъ, какова она будетъ послѣ этого. Ибо послѣ этого она будетъ какъ всѣ другіе: какъ выглядятъ всѣ люди, до которыхъ я дотрагиваюсь.

Выпрямляясь, съ злымъ смѣхомъ:

— Которые дотрагиваются до меня!

Въ дверь раздаётся еще болѣе тихій стукъ. Онъ отпираетъ и говоритъ:

— Вы привели съ собою даму? Попросите ее подойти ближе.

Старушечій голосъ произносить:

— Входите, синьора. Его высочество зоветъ васъ.

Онъ отступаетъ отъ двери и говоритъ жестко:

— Я жду.

Голосъ старухи:

— Гдѣ вы пропали, синьора? Какъ приходите вамъ въ голову заставлять ждать господина герцога! Гдѣ спрятались вы подъ сѣнью этихъ деревянныхъ лѣсовъ?

Слышенъ шумъ, за нимъ крикъ.

Голосъ старухи:

— Синьора Раминга! Что съ вами случилось?

Раминга Гвидати входитъ, шатаясь. Она одѣта въ темное пышное шелковое платье, на головѣ у нея черная кружевная косынка, концы которой завязаны еле примѣтнымъ узломъ у пояса.

— Итакъ, вы пришли, прекрасная Раминга, — произноситъ герцогъ. — Но я не ожидалъ видѣть васъ такою блѣдною...

Тише и пристально вглядываясь въ нее:

...такою блѣдною уже при входѣ сюда.

— Ваше высочество, на меня упалъ мечъ, — произноситъ Раминга.

— Мечъ?

— Какъ разъ надо мною. Онъ задѣлъ меня по груди и по рукѣ.

— Вы бредите?

— Затѣмъ приказали вы своднѣ вести меня черезъ темныя развалины театра? Меня охватила дрожь: тамъ пахло тлѣніемъ. Рѣзные

портреты на галереяхъ трепетали, когда я проходила мимо, и словно хотѣли на меня прыгнуть. Кто-то уронилъ свой мечъ: быть можетъ его бросили въ меня?

— Вы говорите, въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ, заслуживающій меча.

Она оправляется.

— Я не понимаю васъ, ваше высочество. Развѣ вы не знаете, что значить, когда между двумя любящими падаетъ мечъ? Одинъ изъ нихъ умретъ. Вы любите меня, какъ вы приказали мнѣ передать. А мнѣ,—она стыдливо запнулась,—вы также не безразличны.—Итакъ, поймите, что этотъ упавшій мечъ испугалъ меня за васъ!

Герцогъ стоитъ смущенный:

— Какое вамъ дѣло до оружія, синьора?

Онъ выпрямляется и зорко смотритъ на нее.

— Не боитесь ли вы и за себя?

Молчаніе.

— Если,—говоритъ онъ мягче,—благодаря нашей любви одинъ изъ насъ долженъ бы былъ умереть, развѣ я пересталъ бы васъ любить?... Идите! вы свободны! Я отпускаю васъ!

Затѣмъ съ дѣтской улыбкой, почти умоляюще, онъ прибавилъ:

— Ничего не случилось. Я забуду объ этомъ. Нѣтъ: я буду благодаренъ вамъ за вашу заботу обо мнѣ и буду васъ чтить, синьора.

— Вы говорите, какъ мужчина?

Внезапно, перемѣнивъ тонъ, онъ отвѣчаетъ любезно:

— Вы правы. Развѣ я могъ бы отказаться отъ васъ? Я такъ давно уже молюсь на васъ. Вы считаете себя опасною для моей жизни, но развѣ опасность не дѣлаетъ васъ еще привлекательнѣе? Синьора, я люблю великихъ и сильныхъ женщинъ. Такою, какъ вы, воображаю я себѣ иногда Юдифь... На вашей правой рукѣ осталось немного пыли отъ меча, который упалъ на васъ. Дозвольте мнѣ поцѣлуями смахнуть ее!

Въ то время, какъ онъ наклоняется надъ нею, она дотрогивается лѣвою рукою до узла косынки, но колеблется и опускаетъ руку.

— Какъ вы молоды, ваше высочество! Я знала, сколько вамъ лѣтъ, но думала, что на видъ вы старше; а вы моложе. Ваши... дѣла... должны бы васъ состарить. Неужели вы отъ нихъ помолодѣли? Я вижу передъ собою чистаго, семнадцатилѣтняго юношу! Совсѣмъ дитя! И такое-то дитя мнѣ предстоитъ...

— Что, синьора?

Она вздрагиваетъ.

— ...Любить!... Какъ вы величественны въ этой одеждѣ, ваше

высочество! Широкіе отвороты вашего сюртука покрываютъ всю вашу грудь краснымъ, словно грудь...

— Палача?

— О нѣтъ! грудь князя. Вы какъ будто принимаете равнаго себѣ, а не скромную патриціанку вашего города. Вы хотѣли мнѣ понравиться? Какъ мягка эта юношеская рука, на которой такъ мрачно сверкаетъ рѣзной драгоценный камень! Ваша грудь также мягка... На васъ нѣтъ панцыря? Какъ? Вы не носите панцыря подъ мундиромъ? Значить неправда, что вы даете аудіенціи въ панцырѣ? Что въ панцырѣ спите?

— Даже съ возлюбленной?... За вашими вопросами вы забываете, кажется, синьора, зачѣмъ вы пришли.

— Какъ же мнѣ не быть озабоченною тѣмъ, кто меня похитилъ, кто превратилъ меня въ одно пламя! Я видѣла, какъ вы проѣзжали подъ моими окнами, всегда подъ прикрытіемъ вашей стражи. Среди темныхъ лицъ терялось ваше узкое, блѣдное лицо. Я едва могла различить ширину вашихъ плечъ; меня привлекъ къ вамъ не взглядъ мой, а моя душа. Стукъ вашей кареты преслѣдовалъ меня всю бессонную ночь.

— Зачѣмъ закрываете вы ваши глаза вуалью, синьора Раминга?

— О, изъ стыда передъ моимъ признаніемъ. Стыдась того, что я сказала и что я сдѣлала раньше. Ибо я первая открылась вамъ. Развѣ я не должна была сдѣлать этого? Вы были застѣнчивы, какъ ребенокъ. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ ловили вы мой взглядъ и, встрѣчаясь съ нимъ, опускали вѣки. Я была принуждена выйти при васъ изъ купальни, чтобы вы прислали за мной сводню.

— У васъ чудесная грудь, синьора, — произноситъ герцогъ, закусивъ губы. Онъ подходитъ къ ней, хочетъ обнять ее, но тотчасъ опускаетъ руки.

— Вы очень добры, придя сюда. Но подумали ли вы надъ тѣмъ, какова должна быть моя возлюбленная? Вы уже видѣли, что я не такъ давно былъ еще мальчикомъ. Кромѣ того, я очень одинокъ. Мнѣ нужна была бы защитница, почти мать.

— У васъ есть мать, но вы отправили ее въ изгнаніе.

— Мать, которая любила бы меня. Я не люблюмъ людьми.

— Вы жалуетесь, — вы?

Онъ улыбается неувѣренно.

— Я говорю только, что моей возлюбленной должна быть женщина, которая меня предупреждаетъ, попеременно со мной бодрствуетъ, ибо никакой другой охранѣ я не могу довѣриться; которая увидитъ кинжалъ, принесенный и спрятанный гѣмъ-либо въ склад-

какъ плаща, и оттолкнетъ его отъ моей груди... Что васъ пугаетъ, синьора?

— Что? Развѣ вы не говорите ужасныхъ вещей? Жизнь, которую вы выдаете за свою,—хуже смерти. Но вы преувеличиваете. Какъ можете вы не быть покойны за свою жизнь? Въ городѣ слишкомъ хорошо знаютъ, что вы можете положиться на своихъ.

— На мою челядь, на моихъ шпионовъ? На лучшихъ изъ нихъ—нѣтъ. Быть можетъ ближайшій заговоръ пробудитъ въ нихъ честолюбіе, и они погинутъ меня. На остальныхъ—да; ибо преступленія, совершенныя ими на моей службѣ, дѣлаютъ ихъ возвратъ къ людямъ невозможнымъ. Не окончательно, впрочемъ; есть одно дѣло, которымъ они могли бы искупить всѣ прежнія дѣла, съ помощью котораго они могли бы вновь быть приняты въ среду честныхъ людей.

— Что же такое они должны бы сдѣлать?

— Убить меня!

— Вы забавляетесь ужасомъ! Ваши мысли такъ устремлены на все дурное, что вы и въ молокъ матери стали бы отыскивать ядъ.

— А развѣ можно сказать, что его тамъ нѣтъ? Что можетъ быть невиннѣе яйца? Но и то, однажды, въ скорлупѣ яйца, которое я долженъ былъ съѣсть, я нашелъ дырочку: о, совсѣмъ крошечное отверстие, которое никто не увидѣлъ бы, кромѣ меня, ибо это мое призваніе. И собака, съѣвшая это яйцо, околѣла.

Герцогъ смѣется, потирая руки.

— О, никому еще не удалось погубить меня; и кто знаетъ, быть можетъ я и всегда буду выпутываться. Церковь молится за меня; но я не столько полагаюсь на нее, сколько на мою ловкость. Ею я горжусь; жизнь, которая уже нѣсколько разъ должна была быть, но не была, прервана насильственно, полна удовлетворенія. Не думаете ли вы, синьора, что мое самочувствіе повышается, когда я слышу, какъ одинъ изъ моихъ тѣлохранителей называетъ ту сумму денегъ, за которую онъ взялся меня извести, а я, въ качествѣ конюха, стою позади него? Ибо вы никогда не можете знать, синьора, не есть ли маленькій продавецъ водъ, подливающій вамъ въ стаканъ каплю аниса,—самъ герцогъ; не разсмѣшитъ ли васъ тираннъ какой-нибудь шуткою въ труппѣ чужестранныхъ комедіантовъ... Я—артистъ, синьора. И болѣе, чѣмъ вы думаете!

— Ни одинъ человѣкъ, слышавшій этотъ мальчишескій смѣхъ, не догадается, что онъ раздается надъ трупами. Вы погружаете меня въ глубокую печаль, ваше высочество. Но неужели вамъ такъ весело, какъ вы это изображаете? Я—женщина; и смотрю на васъ въ эту минуту, какъ на дитя, какъ мы женщины обычно смотримъ на

вась, мужинъ; смотрю на вась, словно вы—мой собственный ребенокъ. И я не вѣрю, чтобы вашъ смѣхъ звучалъ весельемъ.

Онъ смолкаетъ и смотритъ мимо нея.

— Что же вы думаете въ такомъ случаѣ?

— Что вы достойны сожалѣнія. Вы, быть можетъ, не все знаете, что совершается вокругъ вась ради вась и вашимъ именемъ. Меня сейчасъ очаровала ваша улыбка; въ ней столько нѣжности и ей знакома доброта. Прежде чѣмъ придти сюда, я не думала, что вы умѣете улыбаться. Теперь,—продолжаетъ она, сплетая и разнимая пальцы,—теперь я не знаю, что дѣлать.

— А прежде вы знали?—бросаетъ герцога, строго взглядывая на нее искоса.—Зачѣмъ вы жаждали меня, синьора?

— Вы хотите, чтобы я сказала это? Я скажу охотно. Что могу я?... Ужасъ, который вы распространяете вокругъ себя, привлечь меня къ вамъ. Чудовищные слухи, которые о вась ходятъ, разожгли мое воображеніе. Считайте это извращеннымъ любопытствомъ, злобною радостью! Васъ это не удовлетворяетъ? Вы должны, повидимому, дурно думать о женщинахъ? Не презираете ли вы тѣхъ, которыхъ вы знали?

— Я не зналъ еще ни одной женщины.

— Ни одной? А всѣ тѣ, которыхъ называютъ вашими жертвами!

— Быть можетъ, кто-нибудь и воспользовался ихъ невинностью, а есть ли болѣе удобная выдумка, чѣмъ та, которая превращаетъ ихъ въ жертвы тиранна?

— Во снѣ ли я слышу это? Но не вы ли привлекли къ себѣ молодого Валенте съ его друзьями, а затѣмъ предали ихъ и выдали палачу?

— Я былъ ихъ другомъ.

— На ихъ погибель! Если бы эти молодые люди устранили министра Вампу, не посвящая вась въ это, кто знаетъ, насколько горячо вы благодарили бы ихъ за это, вступя на престолъ.

— Да, кто знаетъ! Вы—нѣтъ; но, быть можетъ, знаю я! Я былъ ихъ другомъ.

Раминга раздражится гнѣвомъ:

— Не оскверняйте того чувства, которымъ дарили вась эти несчастные! Они были молоды, черезчуръ молоды, иначе они не могли бы отдаться надеждѣ открыть освободителя среди цѣлаго рода притѣснителей; не довѣрились бы въ этомъ дѣлѣ принцу; насмѣшку холоднаго презрѣнія противопоставили бы они его клятвамъ въ дружбѣ.

— О,—вырывается у герцога,—этого они не могли сдѣлать.—Мы любили другъ друга. То былъ единственный случай, то были

единственные люди. Джино! Въ немъ я увѣренъ! Богда они должны были умереть: когда мы были открыты; духовникъ раскрылъ все; моя мать дѣйствовала, такъ какъ мой отецъ лишился въ то время разума; и она выдала меня за шпіона, который вкрался въ дружбу заговорщиковъ и предалъ ихъ: когда они должны были умереть, о, въ немъ-то я увѣренъ, онъ не придавалъ значенія всѣмъ ужасамъ, которые ему нашептывали обо мнѣ; онъ унесъ съ собою вѣру въ меня!

Раминга—внѣ себя:

— Онъ? Онъ презиралъ своего убійцу!

— Это—неправда!

— Онъ изумлялся его низости! Онъ умиралъ охотно—настолько вы разочаровали его въ жизни!

— Это—неправда! Неправда!

Онъ всѣми силами возстаетъ противъ этого, заламываетъ въ отчаяніи руки.

— Какъ вы осмѣливаетесь! Откуда вы знаете!

— Откуда? Валенте былъ мой братъ!

Она падаетъ въ кресло. Кусаетъ себѣ сжатую въ кулакъ руку. Онъ протягиваетъ къ ней руку.

— Вы выдаете себя! Вы меня ненавидите! Попробуйте отрицать, что вы меня ненавидите!

Она стоитъ, безпомощная, тяжело дыша. Его глаза смотрятъ вдалѣ; онъ падаетъ на стулъ, закрывая лицо руками.

— Говори же, Джино! Скажи, какъ горячо любили мы другъ друга! Это-то, по крайней мѣрѣ, ужъ было. Они не могутъ отнять у насъ этого! Въ ряду тѣхъ дней, которые теперь канули въ ночь, былъ и тотъ день, когда мы шли по холмамъ, къ Санъ-Паоло. У колодца аббатства мы сѣли и оглянулись. Отъ нашихъ рѣчей у насъ горѣли щеки. Какъ лиговали вокругъ насъ кипарисы съ розами и цвѣты персика съ серебромъ оливъ, по дорогамъ навстрѣчу намъ двигались люди и стада, а издали насъ привѣтствовало сверканіе городовъ: что это была за любовь, о, Джино! Изъ насъ на все это проливалось солнце свободы! Мы были—освободители! Въ очахъ другъ друга мы видѣли нѣмой, божественный трепетъ. Такое знаніе другъ друга должно перейти и въ вѣчность: а у тебя оно погасло уже до смерти? Это—ложь; разоблачи же эту ложь, Джино!... Ахъ, ты молчишь, ты въ безмолвіи...

Онъ спрашиваетъ Рамингу устало:

— Откуда же вы, синьора, знаете, что вашъ братъ отвергъ меня?

— Я получила его послѣднія признанія въ тюрьмѣ, наканунѣ его смерти.

— Вы были у него? А я—нѣтъ!—Меня не пустили! Вѣрите ли вы теперь, что измѣна обманнымъ образомъ была приписана мнѣ?

— А если бы вы дѣйствительно измѣнили имъ: развѣ вы захотѣли бы взглянуть въ послѣдній день въ глаза своей жертвѣ?

— Вы не допускаете во мнѣ даже открытаго мужества въ томъ преступленіи, которое вы мнѣ приписываете? Да, я—трусъ! Я былъ трусомъ, когда я не бѣжалъ и не закричалъ по ту сторону границы на весь міръ о томъ, что мною злоупотребили и продали меня діаволу. Они думаютъ лишь о томъ—долженъ былъ бы кричать я—какъ бы установить господство силы и своекорыстія, а я долженъ стать ихъ орудіемъ. Они лгутъ на меня, выставляя меня предателемъ друзей и свободы, чтобы сдѣлать изъ меня на всю жизнь отверженнаго всѣми людьми и превратить меня въ своего плѣнника. Они дѣлаютъ изъ меня жертву, гораздо болѣе ужасную, нежели изъ тѣхъ, кто долженъ умереть. И все это дѣлаетъ родная мать! Все тупое властолюбіе двадцати княжескихъ поколѣній побуждаетъ ее къ этому, и церковь остерегаетъ ее, чтобы не любить своего ребенка больше престола!... Я долженъ бы былъ кричать. Но я молчалъ; я остался дома, подавленный болью, гнетомъ окружающихъ и прошедшаго, и представилъ совершиться несказанному; какаго стремленія къ добру требуете вы отъ человѣка, предки котораго полагали всѣ свои силы въ искорененіе добра на землѣ?... Но зато, когда я получилъ возможность дѣйствовать (съ ликованіемъ)—отецъ мой скончался,—я отправилъ мою мать въ изгнаніе. Я, несмотря на все, сослалъ-таки ее! Теперь вы должны мнѣ вѣрить!... Нѣтъ? Все еще не вѣрите? Что же могу я еще сказать? Неужели я осужденъ не проникнуть ни въ одну человѣческую душу? Джино и тотъ изгналъ меня изъ своего сердца!

Раминга колеблется, готовая раскаяться:

— Если вы были невинны, зачѣмъ съ тѣхъ поръ вы превратили вашъ престолъ въ худшій кошмаръ, чѣмъ тотъ, который былъ при нашемъ отцѣ?

— Почему я знаю? Неужели вы думаете, что я не испытывалъ ужаса, думая о томъ пути, по которому я иду? и страха при воспоминаніи о томъ, кто я? Я не хочу вѣрить въ то, что мы будемъ жить за гробомъ—было бы ужасно, если бы я снова увидѣлъ Джино!

Раминга опускаетъ голову. Герцогъ лихорадочно ходитъ по комнатѣ.

— Когда я началъ править, все уже свершилось. Вотъ въ чемъ дѣло: я не могъ сдѣлать ничего, ибо все было рѣшено заранѣе. Я

явился на свѣтъ уже заклеимленнымъ. Тѣ чувства, которыя были вскормлены въ васъ моими предками, вы всѣ обратили противъ меня. Ничему не помогло бы, если бы я оказался вашимъ лучшимъ другомъ. Мое рожденіе было связано съ преступленіемъ и порокомъ, которые всѣ во мнѣ видѣли, которыхъ всѣ отъ меня ждали, всѣ отъ меня требовали. Первое мое злодѣяніе заставило себя черезчуръ долго ждать; мнѣ его подсунили. На второе и третье меня вынудили. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ увидѣть меня залитымъ кровью! Я былъ ребенкомъ: ихъ окрыляла надежда задушить въ моемъ лицѣ весь нашъ зачумленный властью родъ. Я оборонялся, какъ человѣкъ протягиваетъ руки, чтобы не упасть. За мною рухнулъ мостъ, который велъ къ вамъ; гордость одиночества ожесточила меня, и я испыталъ головокружительное чувство человѣка, убивающаго другихъ людей. Я выучился издѣваться надъ людьми. Вы помните, какъ къ послѣднимъ вашимъ заговорщикамъ, которыхъ никакъ нельзя было поймать, я выслалъ на никѣмъ не охраняемый дворцовый дворъ автомата, похожаго на меня и одѣтаго въ мой мундиръ. Они стрѣляли въ него; и я поймалъ ихъ. Въ томъ, что я уцѣлѣлъ, и что вы о меня разбились—было мое оправданіе. Развѣ не безконечно драгоценна та жизнь, въ жертву которой приносится столько другихъ жизней? Я подобенъ сказочному звѣрю на горѣ, среди пустыни. Ко мнѣ снизу изъ разсѣлинъ скалы взбираются черви-люди, съ кинжалами въ зубахъ, и думаютъ, что ихъ не видно. Но я вижу каждаго. Чуть высунется голова: моя лапа раздробляетъ ее. Затѣмъ подползъ онъ ко мнѣ? Но ихъ влечетъ сюда; они должны взбираться; горы, пустыня и небо—все создано только для того, чтобы я могъ ихъ убивать! Стоитъ мнѣ только упасть: и міръ освобожденъ! Но я этого не сдѣлаю. (Кротко и торжественно.) И я угоденъ Богу. Быть можетъ даже болѣе другихъ! Быть можетъ остальные только для того созданы, чтобы я могъ возвыситься! Мои чувства выше и ближе къ Богу, нежели чувства тѣхъ, кто вползаетъ наверхъ и подстерегаетъ меня. Я дышу болѣе чистымъ воздухомъ. Я—больше и прекраснѣе ихъ. (Тихо и выразительно.) Но зато мнѣ и тяжелѣе. Будьте покойны: вы не знаете, что такое ночи для человѣка, спящаго въ панцырѣ. Я человѣка, противъ котораго всѣ люди, сама жизнь; который ротивится самой природѣ! Для человѣка, который все направляетъ котораго никто не направляетъ, кромѣ его самого! Является усталость, меня влечетъ къ грѣху: къ ослабленію этой строгости, къ чужбности, къ слабости. Жить вашею жизнью, отъ которой ничто зависитъ, къ которой не относятся строго, которая проходитъ легко и безопасно и обрывается сразу въ тихую могилу.

Раминга отнимаетъ отъ лица руки, идетъ быстро къ герцогу и схватываетъ его правую руку:

— Отрекитесь отъ престола! И вы, и мы были бы спасены. А если бы мы и не были спасены: я вижу ваши страданія и нахожу наши омраченными ими. Я пришла сюда не затѣмъ, чтобы заниматься вашей судьбой. Все, что я считала клеветою на человѣчество, превращается въ слабый лепетъ заблудшаго ребенка. Если бы я могла васъ утѣшить! Если бы я могла излить на васъ ту доброту, безъ которой вы погибли! Отрекитесь отъ престола!

Его взглядъ устремленъ на нея мечтательно:

— Неужели я объ этомъ не думалъ! Такъ просто! Закрыть глаза и стать другимъ человѣкомъ. Добродушно и тупо смѣшаться съ толпою, пожимать любимыя руки, ощущать вокругъ себя теплоту людей. Знать, что ты любишь послѣ такой ненависти. Имѣть друзей! Все то, что прежде находилъ дурнымъ, считать хорошимъ!

— Вы были бы спасены. Отрекитесь! Сойдите въ наши ряды, они раскроются передъ вами. Я буду вашимъ провозвѣстникомъ; буду свидѣтельствовать о томъ, что вы достойны прикоснуться къ человѣческимъ душамъ.

— А если нѣтъ? Жить не необходимо. Однако многіе живутъ, и все это для утвержденія одного единственнаго? Иногда, ѣдучи на лошади, вглядываюсь я въ глаза людей и думаю: почему не исполниться вашему желанію уничтожить меня? Когда-нибудь долженъ умереть и храбрѣйшій. Въ этой странѣ было много тиранновъ; семеро еще осталось, семеро насъ; и волны временъ подмываютъ насъ. Когда упадетъ ближайшій? Между вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ, не знающими насъ—сегодня,—жалкій утесъ, на которомъ мы висимъ. Я чувствую, какъ волны исторіи смыкаются надо мной и меня давятъ небеса вѣчности.

— Вы не одиноки! Слышите ли? Обопритесь на эту грудь: если вы не считаете ее дурною... вы только что называли ее прекрасной.

Онъ на мгновеніе словно уступаетъ, но тотчасъ же откидывается назадъ.

— Я не имѣю права, я долженъ глядѣть впередъ... Я страшусь внезапнаго охлажденія той груди, на которой я буду покоиться.

— Несчастный!

— Скажите мнѣ одно: говорить ли о томъ, что я слабъ? Шепчуть ли о томъ, что я жестокъ изъ раскаянія? Что я ближайшею карою стараюсь поднять въ себѣ мужество для предыдущей? Въ самой глубинѣ души, быть можетъ, вы чувствуете, что я охотнѣе былъ бы добрымъ—и за это, да, за это вы подстерегаете и преслѣдуете меня!

Нѣтъ?... Я хочу вѣрить этому. Ибо вы могли бы ошибиться. Я хорошо знаю: пока у тиранна нѣтъ совѣсти, онъ по-своему правъ... Его могутъ ненавидѣть и стараться преодолѣть; но не будутъ считать себя лучше его. Моимъ первымъ предкомъ на этомъ престолѣ былъ Эрколе, который завоевывалъ каждый самый маленькій городокъ кровью, домъ за домомъ: какъ всѣ имъ восхищались! Красильщики и сапожники—всѣ, какъ побѣжденные титаны, шествовали въ процессіи, въ которой онъ былъ Юпитеромъ. Со статуей, вырытой имъ изъ земли, онъ приказалъ себя повѣнчать. Онъ былъ супругомъ красоты и побѣдителемъ титановъ, былъ страшенъ и веселъ. Мой отецъ былъ тѣмъ же по-своему, взбалмошно. Въ вышитомъ кафтанѣ, въ напудренномъ парикѣ и съ ружьемъ, красовался онъ среди уличной толпы, приказывалъ вѣшать и отпускалъ при этомъ шутки, заставлявшія остальныхъ смѣяться. О страшныхъ пыткахъ, которыя онъ придумывалъ въ послѣдніе годы своего безумія, вы будете дольше говорить, чѣмъ о благодѣяніяхъ Мессіи. Я долженъ быть, какъ онъ! Онъ былъ неуязвимъ, ибо не нападалъ самъ на себя. Вы признаете только безпримѣсную злобу. Больше всего правитель долженъ бояться чело-вѣчности, для которой онъ, быть можетъ, рожденъ. Вы никогда не простили бы мнѣ, если бы чувствовали, что я колеблюсь. Быть можетъ вы это уже почувствовали? Это ошибка! Скажите имъ это, синьора! Я никогда не сомнѣвался во власти! Неправда, что власть унижаетъ того, кто ее проявляетъ, такъ какъ въ равныхъ себѣ онъ унижаетъ самъ себя: это неправда! Неправда, будто я когда-либо жаждалъ взглянуть въ свободные глаза, что мечталъ о герояхъ древности, о гражданахъ древнихъ республикъ, воображалъ ихъ себѣ въ моей комнатѣ! Я не имѣю никакой причины презирать власть въ моихъ рукахъ! Я тотъ человѣкъ, который превратилъ бы презрѣніе въ ужасъ...

Раминга рыдаетъ. Онъ схватываетъ себя за голову.

— Кого вы оплакиваете, синьора? Неужели вы не думаете, что я могу сдѣлать нѣчто большее, чѣмъ могъ сдѣлать какой-нибудь тираннъ? Я плѣнникъ власти? Не мнѣ принадлежитъ власть, а я ей; она отравила ядомъ мою кровь, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ? Но я, вопреки ей, могу желать такихъ вещей, о которыхъ самые отважные среди васъ никогда не грезили! Я могу рѣшить во главѣ всѣхъ васъ выступить противъ остальныхъ шести: противъ моихъ товарищей-тиранновъ.

Раминга подноситъ къ губамъ сложенные руки. На устахъ ея вспыхиваетъ улыбка.

— Вашъ народъ, ослѣпленный счастьемъ, бросится мнѣ на-

встрѣчу, синьора, какъ вы этого желали! Я увлеку его вмѣстѣ съ собою въ мой побѣдоносный походъ! Снова возьму я въ руки мечъ Эрколе, и, какъ онъ имъ домъ за домомъ побѣдилъ городъ, такъ въ моей рукѣ мечъ скуетъ воедино королевство съ королевствомъ, весь этотъ край! И вотъ вы принадлежите мнѣ всѣ; пойте мнѣ гимны и воздвигайте высокій тронъ. Но я спущусь съ его ступенекъ. Подобно тому, какъ я отворилъ бы клетку большой, красивой, пестрой и драгоценной птицѣ и смотрѣлъ бы съ улыбкой, какъ она улетала: такъ я даровалъ бы свободу вамъ. Я освободилъ бы страну, весь завоеванный мною и объединенный край, отрекся бы отъ престола и удалился бы.

Раминга падаетъ передъ нимъ на колѣни, прижимаетъ свое лицо къ его рукамъ:

— Алессандро, люблю тебя!

Онъ говоритъ пророчески черезъ ея голову по направленію къ большому зеркалу.

— Я стою на кораблѣ и слѣжу, какъ скрываются за мною берега той страны, которой я даровалъ счастье. Позади меня несутся и замираютъ клики восторга, прощальные вопли. Уже слышу я свистъ пустого пространства. Въ голубой дали исчезаетъ земля, величайшимъ сыномъ которой я былъ.

— Ты ея величайшій сынъ! О, что за минута! Какъ могла я не чувствовать ея приближенія? Освободитель стоялъ у дверей, а я не ожидала его? Боже! Я хотѣла его убить! Слышишь, Алессандро, я пришла сюда съ кинжаломъ, и я...

Она выхватываетъ его изъ складокъ кружевной косынки и отбрасываетъ. Герцогъ вздрагиваетъ, словно опоминается и раздражается беззвучнымъ, злымъ смѣхомъ. Затѣмъ, незамѣченный ею, онъ овладѣваетъ собою, пока Раминга обливаетъ слезами его руки и бормочетъ:

— Я васъ не знала; родилась на чужбинѣ, выросла въ скитаніяхъ; отецъ мой былъ сосланъ вашимъ отцомъ. Супругъ мой, также бѣглецъ, ненавидѣлъ васъ, онъ умеръ отъ своего безсилія. Я вернулась на родину подъ чужимъ именемъ и была свидѣтельницей гибели моего брата черезъ васъ. Его презрѣніе къ вамъ и ненависть, которую питалъ къ вамъ мой мужъ, были моимъ наслѣдіемъ. Любовь къ свободѣ была тѣмъ завѣщаніемъ, которое оставилъ мнѣ въ своей нищетѣ отецъ. Никогда не видѣла я ни васъ, ни вашей улыбки, пока не составила плана убить васъ. Всею силою души я тянулась къ вамъ, я не солгала вамъ. Стукъ вашей

кареты преслѣдовалъ меня въ бессонныя ночи, такъ сильно было мое чувство къ вамъ.

— Жалкая женщина! Такая прекрасная, созданная для любви, и подпала ненависти! Кто влилъ ее въ васъ? Только мертвый? А взгляды любви и почтенія, которые я, живой, посылалъ ежедневно къ вашимъ окнамъ, ни разу не смутили, не смягчили васъ?

— Какъ могли они? Вы сами ежедневно новыми ужасами убивали всѣ лучшія чувства, которыя во мнѣ готовы были зашевелиться! Но теперь я ничему не вѣрю! И братъ мой умеръ, обманутый вашей измѣной! Видѣла ли я васъ злымъ? Я видѣла только вашу улыбку, слышала ваши слова, находила васъ достойнымъ сожалѣнія, чистымъ, боязливымъ, способнымъ на великое и жаждущимъ любви; только этому я и вѣрю. Люди на васъ нагнали!

— Да... страстно жаждущимъ любви: одинокимъ и такимъ еще молодымъ. Кто нагналъ, бѣдная, милая женщина?—онъ ласкаетъ ее голову.

— И Кастеларія, и Габелла, и оба Сасси: всѣ родные и друзья мои, и улицы, и городъ.

— Но кому принадлежитъ хитрая выдумка устранить меня галантнымъ образомъ, убить въ то время, какъ я буду поглощенъ любовью?

— Мнѣ самой! Презирайте меня! Но вѣрьте! Въ моемъ зломомъ намѣреніи былъ уже перстъ судьбы, которая хотѣла, чтобы я васъ узнала! Въ самой глубинѣ моего сердца! О, теперь я понимаю себя, уже было рѣшено, что я несу не смерть, а скорѣе любовь; что я выйду изъ этой двери, съ тѣмъ, чтобы показать народу не убитаго, нѣтъ, а его спасителя!

Ибо, неправда ли, теперь вы пойдете и сдѣлаете свое дѣло? Вы должны немедленно покинуть дворецъ, никѣмъ не замѣченный. Тѣ, которые зовутся вашими слугами, и ваша стража не выпустятъ васъ. Среди насъ вы будете въ безопасности, вы будете священны для насъ, залогъ свободы!

— Гдѣ найдемъ мы вашихъ?

— Одни ждутъ тамъ, на улицѣ, другіе въ нашемъ домѣ.

— А, они ждутъ! Чего же они ждутъ? Моей головы? Вы предполагали протянуть имъ мою голову изъ окошка?

Онъ отталкиваетъ ее, такъ что она падаетъ на руки, и сибѣясь росоаетъ ее въ кресло. Указывая на нея пальцами, громко кричитъ:

— Вотъ лежитъ она, пустая какъ устричная раковина! Я все изъ нея высосалъ! Имя ея подложно, чего я не зналъ, остальное, мнѣ было извѣстно. Ибо, разумѣется, я зналъ ее и ея близкихъ. Я все

зналъ? (Съ насмѣшкою.) Вы были достаточно наивны, синьора, чтобы вообразить, что я довѣрился бы вамъ вполне, какъ я довѣрился, если бы я не зналъ, что вы должны умереть?! Вы испугались; но вы не знали, какъ много причинъ вы имѣли для испуга!

Она поднимается съ пола; прижавъ руки къ груди и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, она отступаетъ назадъ. Нога ея попадаетъ на кинжалъ. Схвативъ его, она бросается впередъ. Герцогъ отбѣгаетъ за столъ, кричитъ бессмысленно:

— Стража! Стража!

Средняя дверь распахивается, въ ней показываются тѣлохранители. Герцогъ овладѣваетъ собою.

— Ничего! Пока ничего!

Дверь снова запирается.

Онъ выходитъ изъ-за стола, подступаетъ къ Рамингъ, которая держитъ за спиною кинжалъ, и тихо и презрительно смѣется.

— Я не трусливъ! Это неправда! Развѣ не заслуживаетъ большаго уваженія человекъ, который несмѣлъ отъ природы, но принуждаетъ себя поступать, какъ храбрецъ! Я совершилъ только одну трусость, и за нее вы не должны презирать меня: я не захотѣлъ обладать вами, когда вы отдавались мнѣ—ибо я зналъ, что вы черезъ меня умрете. Вы не поняли меня, синьора: не прекращенія вашей любви боялся я, когда я сказалъ, что грудь ваша скоро охладѣетъ.

— Къ чему вы еще говорите со мной? Такъ какъ вы можете только лгать, только губить—и моей гибели вы уже достигли?

— Я говорю правду. Я боялся осквернить вашу... смерть!

— Черезчуръ много для васъ. Итакъ, вы не совсѣмъ чудовище, еще болѣе опасное, благодаря очарованію вашей юности, которое я хотѣла поразить? О, возможно ли, что я уже снова готова вамъ повѣрить? А та комедія, на которую вы меня поймали? Эта мастерская комедія, въ которой вы представлялись непонятымъ, лицемерно изображали свои душевные муки и чуть не пробрались въ герон!

— Не приписывайте мнѣ черезчуръ много мастерства! Не считайте меня холоднѣе, чѣмъ я есть! Когда я хожу по рынку въ качествѣ продавца воды и кто-нибудь обманетъ меня на пять хеллеровъ,—то случается, что я прихожу въ ярость. Но предоставьте за моей спиной шептаться двумъ заговорщикамъ: я каждое слово приму къ сердцу! Такъ было и съ вами, синьора!

Она подходитъ къ нему ближе. Не спуская взгляда съ его глазъ:

— Вы черезчуръ мало говорите! Вы разыграли не только роль,

которая прочувствована вами: вы дали мнѣ вашу жизнь! То были ваши муки, ваши мечты; то, чѣмъ вы могли бы быть!... Вы опускаете глаза. Я угадала на этотъ разъ правду. О, не отнимайте у меня ее опять! Неправда ли, я угадала?

— Быть можетъ. У меня была минута чрезмѣрной раздражительности и усталости. Это и случилось. Я часто этому сопротивлялся. Тюрьма, къ которой я присуждалъ многихъ, всегда меня притягивала. Я томился по ней, хотѣлъ пробраться въ нее и тому, кто долженъ былъ умереть, хотѣлъ выдать, кто я. Пусть онъ знаетъ, что хотѣлъ поразить не настоящаго; хоть одинъ человѣкъ будетъ знать меня. Но едва начинало разсвѣтать, его выводили подъ бой барабановъ, и онъ смолкалъ навѣки... Сколько разъ уже довелось мнѣ устоять; почему не могло быть этого и сегодня?

— Это было предопредѣлено! Я должна была склонить васъ, спасти васъ!

— Вы ввели меня въ соблазнъ. Я охотно пощадилъ бы васъ, вы такъ прекрасны. Теперь я долженъ васъ убить. Зачѣмъ вы не ушли, когда я, послѣ паденія меча, отпускалъ васъ? Тогда я могъ еще. Теперь вы меня знаете, а никто изъ тѣхъ, кто меня знаетъ, не долженъ жить.

— Почему?—Если вы сами рѣшаетесь жить? Если бы вы перестали убивать другихъ и самого себя и подарили бы и себя и насъ жизни!...

— Моя честь не позволяетъ мнѣ пожертвовать собою. Мнѣ запрещено быть слабымъ!

— Вы не слабы: у васъ человѣчное сердце! Признайте это!

— Кто остался бы мнѣ, если бы я самъ себя оставилъ?

— Всѣ мы! Народъ! Человѣчество!

— И всѣ повѣрили бы обращенному тиранну? Развѣ повѣрили въ вѣрность его дружбы, когда онъ былъ еще ребенкомъ и незапятнанъ кровью? Развѣ самъ другъ его повѣрилъ ему?... Вы видите, синьора, и должны сознаться, что я—пропалъ. Я—отверженный, а моя слава запрещаетъ мнѣ просить о принатіи меня... Ахъ! уходите! Бѣгите! Не пытайте меня этимъ глубокимъ, прямымъ взглядомъ! Не подвергайте меня дольше искушенію вашей красоты! И если бы я принесъ въ жертву вамъ то, что вы хотите, мое уваженіе къ самому себѣ или лучше мою жизнь? Вы довели меня до того, что мнѣ этого захотѣлось. Это и было бы настоящимъ отреченіемъ... И быть можетъ, было бы сладко ощутить холодъ стали, которую ваша рука вонзила бы въ мое сердце? Вы походите на Юдию, о которой я мечтаю въ самые печальные часы моей жизни.

Жадно, глядя ей через плечо:

— Не за спиной ли у васъ еще кинжалъ?

Раминга бросаетъ кинжалъ на полъ позади себя. Она беретъ герцога за руки.

— Убить васъ! Я не могу этого. Я не могу бѣжать безъ васъ. Пускай они завоевываютъ сами себѣ свободу; я—женщина, я не могу отнять надежду у несчастнаго, я не могу убивать тамъ, гдѣ нужно такъ много принести утѣшенія.

— Чего вы хотите? Развѣ не довольно?

— Я хочу увести васъ далеко отсюда и заставить васъ повѣрить въ кроткую, добрую жизнь.

— Я знаю, что такой нѣтъ. Я представляю себѣ людскую доброту на другихъ планетахъ. Землю же я черезчуръ хорошо знаю.

— Вы должны издали смотрѣть, какъ въ атмосферѣ свободы люди расцвѣтаютъ, дѣлаются здоровыми и добрыми! ибо это одно и то же; и это васъ исцѣлитъ.

— Смотрѣть?

Онъ освобождается отъ нея.

— Безсильно смотрѣть! Дуракомъ бы я былъ! Итакъ, вы будете свободны и счастливы: а что получу отъ этого я, живущій властью? Ибо, если я не могу ничего добыть, ничего создать путемъ власти, то, по крайней мѣрѣ, я влачу въ ней свое существованіе. Ничего другого и вы не дѣлаете. Я не вѣрю ни во что другое.

Онъ повертывается на каблучкахъ и щелкаетъ двумя пальцами.

— Вообще, доброта ваша страшно бы мнѣ надоѣла. Тогда я не могъ бы васъ ненавидѣть, мучить, наказывать. Ахъ, изъ этого ничего не выйдетъ!

Отступая назадъ:

— Кто знаетъ исключительность тиранна, его игру съ людьми, его презрѣніе къ людямъ, его страхъ передъ людьми—не вѣрьте, что тотъ добровольно отъ нея откажется.

Скорчившись у спинки кресла, съ наморщеннымъ лбомъ и поглядывая искоса:

— Все это слишкомъ прозрачно. Вы хотите добромъ освободиться отъ меня. Моя смерть причинила бы вамъ слишкомъ много шума. Но разъ только я покину городъ, то моя погибель еще вѣрнѣе.

Съ мальчишескимъ смѣхомъ:

— Вы правы, глупые обманщики. Теперь я понялъ васъ! Снова ловушка. Сестра Валенте! И онъ также былъ бы за это! То была моя послѣдняя глупость, когда я считалъ его другомъ! Онъ былъ умнѣе:

онъ во мнѣ сомнѣвался. Однако, не потеряли ли они терпѣніе на улицѣ? Стража!

Топая ногой:

— Стража! Стража!

Обращаясь къ вошедшимъ:

— Арестуйте эту женщину.

Раминга выходитъ изъ оцѣпенѣнія.

— Алессандро!

Онъ кричитъ, отвернувшись и топая ногой:

— Заставьте ее молчать!

Кто-то закрываетъ ей ротъ.

— Она предается нашему тайному суду. Объ остальномъ мы дадимъ приказъ письменно. Мы болѣе не желаемъ ее видѣть.

И скрестивъ руки, онъ дѣлаетъ нѣсколько поворотовъ, такъ что остается все время спиною къ женщинѣ, которую вытаскиваютъ и которая въ отчаяніи продолжаетъ оглядываться на него.

Перев. Ал. Чеботаревская.

У т р о.

Гдѣ-то замирають голубые шумы
Ласковаго моря въ жаркой тишинѣ,
Облака вздымались и плывуть, какъ думы,
Золотыя думы о грядущемъ днѣ.

*
**

Въ сердцѣ умирають темныя печали...
Что это—мгновеній непрерывный звонъ?
Или то цикады тишину заткали
Золотымъ бряцаньемъ здѣсь со всѣхъ сторонъ?

*
**

Склонъ холма дымится серебромъ полыннымъ,
Наклоняясь, блещуть нити ковыля,
И открытымъ взоромъ, страстнымъ и невиннымъ,
Смотрить прямо въ небо знойная земля.

П. Соловьева.

LA MOUCHE *).

Романъ на смертномъ одрѣ. Акселя Лундегорда.

(Съ шведскаго.)

Дѣятельность моего отца заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ былъ всегда въ хлопотахъ. Что касается до вельветина, то это была его игрушка, и онъ чувствовалъ себя счастливымъ, когда разгружались большія фуры съ товаромъ. И тутъ же къ разгрузкѣ собирались торговцы-евреи изъ ближайшихъ окрестностей и наполняли переднюю дома. Это были его лучшіе покупщики, и они не только охотно и въ большомъ количествѣ скупали у него вельветинъ, но также отдавали должное прекраснымъ качествамъ товара.

И вотъ вслѣдствіе того, что друга моего отца, который такъ хорошо умѣлъ закупать вельветинъ, звали Гарри, получилъ и я это имя, и меня звали Гарри какъ всѣ мои родные, такъ и друзья дома, а также и сосѣди.

И теперь еще мнѣ доставляетъ большое удовольствіе, когда меня называютъ этимъ именемъ, хотя оно причинило мнѣ много непріятностей, самыхъ чувствительныхъ въ моемъ дѣтствѣ. Только теперь, когда я не живу больше среди живыхъ людей, и общественные предразсудки совершенно угасли въ моей душѣ, я могу говорить объ этомъ безъ стѣсненія.

Здѣсь, во Франціи, сейчасъ же по моемъ прибытіи въ Парижъ мое нѣмецкое имя «Heinrich» передѣляли въ «Henri», и я долженъ былъ съ этимъ примириться и въ концѣ-концовъ самъ называлъ себя такъ, потому что французскому уху слово «Heinrich» ничего не говоритъ, да и вообще потому, что французы всегда умѣютъ устроить все такъ, чтобы имъ было какъ можно удобнѣе. Имени «Henri Heine» они не сумѣли выговорить какъ слѣдуетъ, и у большей части изъ нихъ я слыву подъ именемъ «Mr. Henri Henn»; многіе это двойное имя про-

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1908 г.

износить, какъ одно: «Enrienne», а нѣкоторые называли меня Mr. Un rien.

Это часто вредить мнѣ въ литературномъ отношеніи, но даетъ и нѣкоторыя преимущества. Такъ, напримѣръ, среди моихъ благородныхъ соотечественниковъ, посѣщающихъ Парижъ, есть многіе, которые охотно оклеветали бы меня, но такъ какъ они произносятъ мое имя на нѣмецкій ладъ, то, конечно, французамъ и въ голову не приходитъ, что этотъ злодѣй и отравитель колодцевъ невинности, котораго такъ много бранять, никто иной, какъ ихъ другъ Monsieur Enrienne; и добродѣтельное рвеніе этихъ благородныхъ душъ напрасно закусываетъ удила; французы и не догадываются, что рѣчь идетъ обо мнѣ, и зарейнская добродѣтель тщетно выпустила всѣ стрѣлы клеветы.

Но, какъ я уже говорилъ, есть нѣчто и раздражающее, когда ваше имя произносятъ неправильно. Есть люди, которые въ такихъ случаяхъ выказываютъ большую обидчивость. Однажды я, ради шутки, спросилъ Керубини, правда ли, что императоръ Наполеонъ всегда произносилъ его имя «Шерубини», а не «Керубини», несмотря на то, что императоръ совершенно достаточно зналъ итальянскій языкъ для того, чтобы правильно произносить слова. При моемъ вопросѣ старшій маэстро разразился самымъ комичнымъ гнѣвомъ.

Ничего подобнаго я въ такихъ случаяхъ не испытывалъ.

«Heinrich», Haггу, Henгі—всѣ эти имена звучатъ прелестно, когда ихъ произносятъ прекрасныя губы. Но лучше всего, конечно, звучитъ Signor Enrico. Такъ меня звали въ лѣтнія ночи подъ голубымъ небомъ, усѣяннымъ большими серебряными звѣздами, въ той благородной и несчастной странѣ, которая считается отчизной красоты и въ которой родились Рафаэль Санціо, Іоакимъ Россини и принцесса Кристина Бельджюджозо.

Какъ я уже сказалъ, я могу теперь безъ всякаго стѣсненія говорить о тѣхъ непріятностяхъ, которыя мнѣ причинило мое имя «Гарри» и которыя испортили и отравили лучшую пору моей ранней весны.

Дѣло заключалось вотъ въ чемъ. Въ моемъ родномъ городѣ жилъ человѣкъ, котораго звали «Помойный Михель». Звали его такъ потому, что онъ каждое утро разѣзжалъ по улицамъ съ телѣжкой, запряженной осломъ, останавливался передъ каждымъ домомъ и подбиралъ кучки съ соромъ, которыя служанки заранѣе аккуратно собирали; затѣмъ онъ вывозилъ всю собранную грязь за городъ въ поля съ навозомъ. Человѣкъ этотъ по внѣшности вполне подходилъ къ своему ремеслу, а осель его въ свою очередь вполне подходилъ къ

своему хозяину. Оселъ останавливался передъ домами или бѣжалъ рысцой въ зависимости отъ тона, которымъ Михель ему кричалъ слово «Гаарю».

Дѣствительно ли звали такъ осла, или это былъ только окрикъ, не знаю. Знаю только, что благодаря сходству этого слова съ моимъ именемъ Гарри я перенесъ невѣроятныя мученія со стороны моихъ школьныхъ товарищей и сосѣдскихъ дѣтей. Они выговаривали мое имя совершенно такъ, какъ Помойный Михель выкрикивалъ его, обращаясь къ своему ослу. А когда это выводило меня изъ себя, то плуты дѣлали самыя невинныя фizioноміи и требовали во избѣжаніе недоразумѣнія, чтобы я научилъ ихъ, какъ надо произносить мое имя и имя осла. Но при этомъ они притворялись страшно непонятливыми и увѣряли, что Михель произносить первый слогъ очень протяжно, тогда какъ послѣдній обрываетъ; а въ другой разъ говорили они, бывало, какъ разъ наоборотъ, и тогда этотъ окрикъ совершенно походилъ на мое имя. Въ концѣ-концовъ получалась страшная путаница, мальчики смѣшивали меня съ осломъ, а осла со мной, и этотъ безумный соq-à-l'âne могъ насмѣшить кого угодно, только не меня.

Когда я жаловался на это моей матери, то она совѣтовала мнѣ учиться какъ можно больше, чтобы сдѣлаться умнымъ, и тогда никто не будетъ смѣшивать меня съ осломъ.

Однако сходство моего имени съ именемъ отвратительнаго длинноухаго животнаго осталось для меня крестомъ. Большіе мальчики, проходя мимо меня, кричали въ видѣ привѣтствія «Гаарю!» а маленькіе кричали это же привѣтствіе, но на почтительномъ разстояніи. Въ школѣ эта тема разрабатывалась съ утонченной жестокостью; едва только заходила рѣчь о какомъ бы то ни было ослѣ, какъ всѣ начинали коситься на меня, а я весь вспыхивалъ. Прямо невѣроятно до чего избобрѣтательны школьники въ своихъ жестокостяхъ.

Такъ, на примѣръ, одинъ спрашивалъ другого: «Какая разница между зебромъ и Валаамовымъ осломъ?» Отвѣтъ получался слѣдующій: «Первый говоритъ по-зебрски (zebräisch), а послѣдній говорилъ по-еврейски (häbräisch)». А потомъ слѣдовалъ вопросъ: «А какая разница между осломъ Помойнаго Михеля и тезкой этого осла?» На это былъ дерзкій отвѣтъ: «Разницы мы никакой не знаемъ». Тогда я лѣзъ въ драку, но меня утешали, а мой другъ Дитрихъ, который рисовалъ прелестныя картинки изъ священной исторіи и впоследствии сдѣлался знаменитымъ художникомъ, успокоилъ меня однажды тѣмъ, что обѣщалъ подарить мнѣ картину. Онъ нарисовалъ мнѣ святаго Михаила, но злодѣй недостойнымъ образомъ насмѣялся надо мной. Онъ придалъ архангелу черты Помойнаго Михеля, конь архангела,

какъ двѣ капли воды, походилъ на осла, а мечъ его пронзалъ не дракона, а дохлую кошку.

Даже свѣтлокудрый, нѣжный, женственный Францъ поступилъ со мною однажды, какъ предатель: онъ обнялъ меня, ласково прижался своей щекой къ моей, долго покоился у меня на груди въ сентиментальной позѣ и потомъ вдругъ съ хохотомъ крикнулъ мнѣ въ самое лицо «Гаарю!» и, убѣгая отъ меня, продолжалъ выкрикивать это слово на разные тоны, а эхо повторяло его подъ сводами монастыря.

Еще грубѣе обходились со мною нѣкоторые сосѣдскія дѣти, уличные мальчишки изъ низшаго класса городского населенія, которыхъ мы въ Дюссельдорфѣ называли «халутами»; господа этимологи навѣрное произвели бы это слово отъ спартанскихъ гелотовъ.

Вотъ такимъ халутомъ былъ маленькій Юппъ, котораго звали Иосифомъ и котораго я буду называть такъ же по фамиліи его отца Фладеромъ, чтобы, Боже сохрани, его не смѣшали съ Юппомъ Рёршъ, который былъ примѣрнымъ мальчикомъ, и, какъ я случайно узналъ, въ настоящее время служить въ качествѣ почтоваго чиновника въ Боннѣ. Юппъ Фладеръ всегда носилъ съ собою длинную удочку, которой онъ меня билъ при встрѣчѣ. Ему доставляло также громадное удовольствіе бросать мнѣ въ лицо лошадиный пометъ, который онъ тутъ же въ горячемъ состояніи, въ какомъ онъ выходитъ изъ печи природы, подбиралъ съ улицы. И при этомъ онъ никогда не забывалъ кричать на всѣ лады злосчастное «Гаарю!»

Злой мальчишка былъ внукомъ старой госпожи Фладеръ, которая принадлежала къ числу кліентовъ моего отца. Насколько золъ былъ мальчигъ, настолько добра была бѣдная бабушка, представлявшая собою воплощеніе бѣдности и несчастья, но при этомъ она не производила отталкивающаго впечатлѣнія, а вызывала только самое глубокое состраданіе. Ей было навѣрное за 80 лѣтъ, у нея была высокая согбенная фигура, бѣлое кожаное лицо съ выцвѣтшими скорбными глазами и мягкій, хрипловатый, тягучій голосъ, который просилъ милостыню совсѣмъ просто, безъ рисовки, что всегда производитъ жуткое впечатлѣніе.

Мой отецъ всегда предлагалъ ей стулъ, когда она приходила за своимъ пособіемъ въ дни дежурства отца, какъ члена благотворительнаго общества.

О такихъ дежурствахъ моего отца у меня въ памяти остались только тѣ, которыя происходили зимою раннимъ утромъ, когда было еще темно. Мой отецъ сидѣлъ въ такихъ случаяхъ передъ большимъ столомъ, покрытымъ свертками денегъ всевозможной величины; вмѣ-

сто серебряныхъ подсвѣчниковъ съ восковыми свѣчами, которыми обыкновенно пользовался отецъ, въ этотъ день на столѣ стояли два мѣдныхъ подсвѣчника съ салными свѣчами, ибо сердце у моего отца было деликатное, и онъ не хотѣлъ хвастать своимъ богатствомъ передъ бѣднотою. Красное пламя толстыхъ прокоптившихся фитилей печально освѣщало собравшееся общество.

Это были бѣдняки всевозможнаго возраста, которые стояли хвостомъ до самой передней. Одинъ за другимъ они подходили къ столу и получали свертокъ, а нѣкоторые два: большой свертокъ заключалъ въ себѣ подаваніе лично отъ моего отца, а маленькій свертокъ—вспомоществованіе отъ благотворительнаго общества.

Я сидѣлъ на высокомъ стулѣ рядомъ съ моимъ отцомъ и подавалъ свертки. Дѣло въ томъ, что отецъ мой хотѣлъ, чтобы я научился давать. А въ этомъ отношеніи можно было многому поучиться у него.

Есть много людей, которымъ нельзя отказать въ томъ, что у нихъ есть сердце, но они не умѣютъ давать, и проходитъ много времени, прежде чѣмъ воля ихъ сердца найдетъ путь къ ихъ карману; между желаніемъ и исполненіемъ желанія время ползетъ медленно, какъ почтовая лошадь. Между сердцемъ моего отца и его дѣлами была уже проведена желѣзная дорога. Что онъ не разбогатѣлъ на акціяхъ такой желѣзной дороги, само собою разумѣется. На сѣверной или лѣонской желѣзныхъ дорогахъ наживаютъ гораздо больше.

Большая часть кліентовъ моего отца были женщины и почти все старыя. И позже также, когда дѣла его были далеко не блестящи, у него была группа такихъ кліентовъ, состоявшая изъ престарѣлыхъ женщинъ, которымъ онъ выдавалъ небольшую пенсію. Онѣ подстерегали его вездѣ, гдѣ только лежалъ его путь, и такимъ образомъ у него была тайная лейбгвардія изъ старыхъ женщинъ, какъ нѣкогда у покойнаго Робеспьера.

Въ этой убѣленной сѣдинами гвардіи было много нищенокъ, которыя бѣгали за нимъ не изъ-за желанія получить подачку, а только изъ симпатіи къ его личности, къ его ласковому и любвеобильному сердцу.

Къ тому же онъ былъ воплощенной любезностью, не только по отношенію къ молодымъ, но также и къ пожилымъ женщинамъ; а старыя бабы, которыя проявляютъ такую же стойкость, когда ихъ оскорбляютъ, самый благодарный народъ, когда имъ оказываютъ хоть маленькое вниманіе и предупредительность. Кто хочетъ получить награду за свою ласку, тотъ найдетъ въ нихъ благодарный матеріалъ, онѣ не будутъ ломаться, тогда какъ молодыя кривляки едва удостоятъ васъ кивка головы за всю вашу предупредительность.

Такъ какъ красивые мужчины, специальность которыхъ заключается въ томъ, чтобы быть красивыми мужчинами, испытываютъ большую потребность въ лестяхъ, и при этомъ для нихъ безразлично, исходить ли воскурение изъ розовыхъ устъ или изъ увядшихъ, лишь бы оно было крѣпко и въ изобилии, то легко понять, что мой милый отецъ, вовсе не желая спекулировать на этомъ, дѣлалъ хорошия дѣла въ смыслѣ обильна любезностей со старыми дамами.

Прямо невѣроятно, до чего велика была доза энимиума, который онъ воскуряли передъ нимъ, и какъ хорошо онъ это переносилъ въ самыхъ большихъ порціяхъ. Это происходило вовсе не отъ его неразвитости, а просто отъ его темперамента. Онъ отлично понималъ, что ему льстятъ, но онъ также зналъ, что лестъ сладка, какъ сахаръ, и онъ въ этомъ отношеніи походилъ на ребенка, который сказалъ своей матери: приласкай меня немножко, и даже немножко слишкомъ много.

Отношенія моего отца къ вышеупомянутымъ женщинамъ имѣли также и серьезную подкладку. Онъ былъ ихъ совѣтчикомъ, и странно то, что этотъ человекъ, который былъ такимъ дурнымъ совѣтчикомъ для самого себя, являлся воплощеніемъ жизненной премудрости, когда надо было дать совѣтъ другимъ людямъ, попавшимъ въ тяжелыя обстоятельства. Онъ сейчасъ же выяснялъ себѣ всю картину, и когда его клиентка жаловалась ему на то, что дѣла ея идутъ все хуже и хуже, онъ кончалъ тѣмъ, что говорилъ одну пословицу, которую я не разъ слышалъ изъ его устъ въ тяжелыя минуты жизни: «въ такомъ случаѣ надо начать новый боченокъ». Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что не надо упрямо продолжать то, что безнадежно потеряно, а лучше поискать чего-нибудь новаго въ другомъ направленіи.

Когда старая Ханна жаловалась моему отцу, что работа ея все уменьшается и скоро ей нечего будетъ ѣсть и, что для нея было еще чувствительнѣе, нечего будетъ пить, то онъ сперва далъ ей талеръ, а потомъ задумался. Старая Ханна была раньше извѣстной акушеркой, но въ послѣдніе годы она начала попивать, а главное, стала въ изобилии употреблять нюхательный табакъ; а такъ какъ вслѣдствіе этого въ ея красномъ носу была постоянная оттепель, и на бѣлое бѣлье роженицъ падали коричневыя капли изъ ея носа, то она немного совсѣмъ лишилась практики.

Послѣ того, какъ мой отецъ серьезно обдумалъ все, онъ сказалъ: «Придется начать новый боченокъ, и на этотъ разъ боченокъ будетъ съ водкой; я совѣтую вамъ открыть на одной изъ главныхъ улицъ въ гавани, гдѣ больше всего бываютъ матросы, маленькую лавочку съ ликерами, маленькій кабачекъ».

Эксъ-акушерка послушалась этого совѣта, она открыла въ гавани маленькій кабачекъ и стала дѣлать хорошія дѣла; она навѣрное составила бы себѣ цѣлое состояніе, если бы не была сама самой усердной своей потребительницей. Она продавала также и нюхательный табакъ, и я часто видѣлъ ее передъ ея лавочкой, гдѣ она стояла со своимъ распухшимъ отъ нюхательнаго табака краснымъ носомъ, изображая изъ себя живую рекламу и привлекая слабохарактерныхъ моряковъ.

Къ прекраснымъ качествамъ моего отца надо отнести главнымъ образомъ также и его вѣжливость, которую онъ, какъ это и подобаетъ человѣку дѣйствительно благороднаго происхожденія, проявлялъ какъ по отношенію къ богатымъ, такъ и по отношенію къ бѣднымъ. Это особенно бросалось мнѣ въ глаза во время раздачи бѣднымъ ихъ пособій: когда онъ выдавалъ бѣднымъ людямъ ихъ денежную помощь, то онъ никогда не забывалъ сказать нѣсколько вѣжливыхъ словъ.

Я могъ при этомъ кое-чему выучиться, да и тѣ пресловутые благодѣтели, которые швыряли бѣднымъ свертокъ съ деньгами, такъ что каждый талеръ ранилъ ихъ въ голову, могли бы многому поучиться у моего вѣжливаго отца. Почти у всѣхъ старыхъ бабъ онъ освѣдомлялся относительно ихъ здоровья, и онъ до такой степени привыкъ къ формулѣ: «честь имѣю», что употреблялъ ее даже и тогда, когда ему приходилось указывать на дверь какой-нибудь недовольной и назойливой нищенкѣ.

Со старой Фладеръ онъ обращался особенно вѣжливо и всегда предлагалъ ей стулъ. Да и дѣйствительно она была очень слаба на ноги и еле ковыляла при помощи своей клюки.

Когда она въ послѣдній разъ пришла къ моему отцу за своимъ ежемѣсячнымъ пособіемъ, то она была такъ слаба и хила, что ее долженъ былъ привести ея внукъ Юппъ. Послѣдній, увидя меня за столомъ рядомъ съ моимъ отцомъ, бросилъ на меня странный взглядъ. Старушка получила помимо маленькаго свертка съ деньгами и большой свертокъ лично отъ моего отца и она стала изливать цѣлый потокъ благодарныхъ слезъ и благословеній.

Это ужасно, когда такая старая бабушка такъ горько плачетъ, и я самъ чуть было не расплакался. Старушка, повидимому, замѣтила мое волненіе, и она не могла нахвалиться на мою красоту и сказала, что будетъ молиться Матери Божіей и будетъ просить ее, чтобы я никогда не испыталъ голода и никогда не былъ принужденъ просить подаянія.

Ея слова вызвали въ моемъ отцѣ нѣкоторое недовольство, но

вѣдь они были сказаны съ добрымъ намѣреніемъ. Въ глазахъ старушки было какое-то таинственное выраженіе, но въ то же время взгляды ея были полны любви и благочестія. Кончилось тѣмъ, что она сказала своему внуку: «Юппъ, пойди и поцѣлуй ручку милому дитяти». Юппъ состроилъ кислую гримасу, но онъ послушался приказанія бабушки; когда я почувствовалъ прикосновеніе его горячихъ губъ къ моей рукѣ, то мнѣ показалось, что меня ужалила ехидна. Затрудняюсь сказать, зачѣмъ я это сдѣлалъ, но я вынулъ изъ кармана всѣ свои мѣдяки и отдалъ ихъ Юппу, который съ суровымъ выраженіемъ на своемъ тупоумномъ лицѣ пересчиталъ одну монету за другой и спокойно сунулъ ихъ въ карманъ штановъ.

Старуха Фладеръ вскорѣ послѣ того умерла, но Юппъ навѣрное еще живъ, если только его съ тѣхъ поръ не успѣли повѣсить. Злой мальчишка такъ и не исправился. Уже на слѣдующій день послѣ нашего свиданія у моего отца я повстрѣчался съ нимъ на улицѣ. Онъ шелъ по своему обыкновенію со своей длинной удочкой въ рукахъ. Онъ опять ударилъ меня удилицемъ, бросилъ мнѣ въ лицо лошадиный пометъ и закричалъ злосчастное слово «Гаарю!» и закричалъ такъ громко и при этомъ такъ хорошо передразнилъ голосъ Помойнаго Михеля, что оселъ послѣдняго, который случайно стоялъ со своей телѣжкой въ сосѣдней улицѣ, принялъ его крикъ за окрикъ своего хозяина и испустилъ громкое и радостное і-я-а! въ отвѣтъ.

Какъ я уже говорилъ, бабушка Юппа вскорѣ послѣ того умерла, оставивъ за собой славу вѣдьмы, что, конечно, не имѣло ни малѣйшаго основанія. Однако наша Циппель самымъ категорическимъ образомъ настаивала на томъ, что эта правда.

Циппель—было имя одной еще не очень старой женщины, которую собственно звали Сибилла; она была моей первой няней и потому осталась у насъ въ домѣ. Она присутствовала случайно при вышеописанной мною сценѣ, когда старая Фладеръ осыпала меня похвалами и восхищалась моей красотой. Въ Циппель проснулось при этомъ старое, народное повѣрье, заключающееся въ томъ, что для ребенка опасно, когда его такъ расхваливаютъ, что это навлечетъ на него болѣзнь и всякія непріятности. И, чтобы избавить меня отъ грозящей мнѣ опасности, она прибѣгла къ рекомендуемому народнымъ повѣрьемъ испытанному средству: три раза плюнуть на ребенка, который былъ предметомъ похвалы. А потому-то она сейчасъ же бросилась ко мнѣ и три раза плюнула мнѣ въ голову.

Однако оплевыванье было лишь временнымъ средствомъ. Люди опытные увѣряютъ, что для того, чтобы уничтожить зловредное дѣйствіе похвалы вѣдьмы, необходимо содѣйствіе другой вѣдьмы, ибо

лтобко вѣдьма можетъ совершенно уничтожить злыя чары. И вотъ Циппель рѣшилась въ тотъ же день отправиться къ одной женщинѣ, которая слыла вѣдьмой и которая, какъ я позже узналъ, ей не разъ оказывала услуги своимъ таинственнымъ и запрещеннымъ искусствомъ. Эта вѣдьма помочила слюною свой большой палецъ и потерла имъ маговку моей головы, предварительно вырѣзавъ на ней нѣсколько волосковъ; она терла мнѣ также и другія мѣста тѣла, бормоча при этомъ какую-то бессмысленную абракадабру. Такимъ образомъ я, быть можетъ, уже съ раннихъ лѣтъ былъ посвященъ въ священослужители дьявола...

...Эту женщину звали мейстершей, или Гёшинъ (Göshin), потому что она была родомъ изъ Гоша, гдѣ она жила прежде со своимъ покойнымъ мужемъ, занимавшимся предосудительнымъ ремесломъ палача; онъ пользовался извѣстностью и часто выѣзжалъ для исполненія своихъ обязанностей то туда, то сюда. Ходили слухи, что онъ оставилъ своей вдовѣ нѣкоторыя тайны, и вдова сумѣла извлечь пользу изъ этихъ слуховъ.

Лучшими ея кліентами были содержатели пивныхъ, которымъ она продавала пальцы мертвецовъ, полученныхъ ею въ наслѣдство отъ мужа. Пальцы повѣшеннаго вора служили для того, чтобы улучшить качество пива, а также увеличить его количество. Если, напримѣръ, палецъ повѣшеннаго, — а еще лучше невинно-повѣшеннаго — привязать на ниточку и опустить въ боченокъ съ пивомъ, то пиво не только станетъ лучше и вкуснѣе отъ этого, но и количество его увеличится вдвое, даже вчетверо противъ прежняго. Просвѣщенные содержатели пивныхъ знаютъ болѣе рациональный способъ увеличивать количество пива, но тогда оно теряетъ свою крѣпость.

Молодые люди съ нѣжными сердцами также очень часто обращались къ мейстершѣ за помощью. Она снабжала ихъ любовнымъ напиткомъ, который она въ своемъ шарлатанскомъ рвеніи къ латинскому языку назвала *Philtrarium*, желая придать латинскому языку еще болѣе латинскій видъ. Человѣка, который давалъ этотъ напитокъ своей возлюбленной, она называла *Philtrarius*, а даму его сердца *Philtrariata*.

.....

Что касается до меня, то никоимъ образомъ не колдовство Гёшинъ аставляло меня иногда посѣщать ее. Я поддерживалъ съ ней знакомство и сталъ посѣщать ее еще чаще, когда мнѣ уже было шестнадцать лѣтъ; меня привлекали въ ея домъ чары, гораздо болѣе мѣлныя, нежели всѣ ея напыщенные латинскія *Philtraria*. Дѣло въ томъ, что у нея была племянница, которой также едва минуло шест-

стнадцать лѣтъ, но которая вдругъ вытянулась въ высокую стройную дѣвушку и казалась старше своего возраста. Ея чрезвычайная худоба развилась по всей вѣроятности также вслѣдствіе ея быстрого роста. У нея была такая тонкая талія, какую можно увидѣть только у квартиронокъ въ Вестъ-Индіи, а такъ какъ она не носила ни корсета, ни дюжины юбокъ, то она походила въ узко облегавшемъ ея тѣло платьѣ на статую, обернутую въ мокрое покрывало. Ни одна статуя, конечно, не могла бы равняться съ ней въ красотѣ, ибо она была самой жизнью, и каждое ея движеніе обличало въ ней ритмическую красоту ея тѣла, мнѣ хотѣлось бы сказать, музыку ея души. Ни у одной изъ дочерей Ниобеи не было лица съ болѣе изящными чертами; цвѣтъ ея лица, да и вообще вся ея кожа была бѣлая съ нѣкоторыми оттѣнками. Ея большіе глубокіе и темные глаза имѣли такое выраженіе, какъ будто они только что задали загадку и спокойно ждали, чтобы ее разгадали; а ротъ съ узкими завороченными губами, которыя обнажали бѣлоснѣжные немного продолговатые зубы, казалось, говорилъ: ты слишкомъ глупъ и напрасно будешь разгадывать.

Волосы у нея были рыжіе, кроваво-рыжіе, и длинными локонами свѣшивались съ плечъ, такъ что она могла завязывать ихъ подъ подбородкомъ. Тогда казалось, будто ей перерѣзали горло и изъ него цѣлыми потоками лилась кровь.

Голосъ Іозефы, или рыжей Сефхенъ, какъ звали прекрасную племянницу Гѣшинъ, былъ негромкій, а иногда, когда она говорила, онъ дѣлался почти беззвучнымъ. А между тѣмъ, когда въ ней просыпалась страсть, то въ голосѣ ея вдругъ прорывались металлическія нотки, что производило на меня особенно сильное впечатлѣніе, такъ какъ въ такихъ случаяхъ голосъ Іозефы очень походилъ на мой.

Когда она говорила, то меня иногда вдругъ охватывало жуткое чувство, такъ какъ мнѣ казалось, что это я самъ говорю; а ея пѣніе напоминало мнѣ мои сны, въ которыхъ я самъ пѣлъ совершенно такъ же, какъ она пѣла.

Она знала много народныхъ пѣсенъ и, быть можетъ, она-то и пробудила во мнѣ вкусъ къ этому рода поэзіи; по всей вѣроятности она же имѣла громадное значеніе въ пробужденіи во мнѣ поэтическаго таланта. Вотъ почему мои первыя стихотворенія «Сновидѣнія» (Traumbilder), которыя я вскорѣ послѣ этого написалъ, носятъ мрачный и грозный колоритъ, что объясняется обстоятельствами, обвѣявавшими кровавымъ туманомъ мою молодую жизнь и мои думы.

Между пѣснями, которыя пѣла Іозефа, была одна народная пѣсня которой она выучилась у Циппель и которую послѣдняя и мнѣ пѣ

вала въ моемъ дѣтствѣ, такъ что у меня остались въ памяти двѣ строфы... Вотъ онѣ,—сперва говорить злой Трагисъ:

«Оттилія красотка, Оттилія моя!
 Не будешь ты послѣдней,—то знаю вѣрно я!
 Скажи—висѣть ты хочешь среди листвы густой,
 Плыть озеромъ безмолвно,—что блещетъ синевой?
 Иль цѣловать согласна блестящій, острый мечъ,
 Когда угодно Богу тебя на смерть обречь?»

На это Оттилія отвѣчала:

Нѣтъ, не хочу висѣть я среди листвы густой,
 Плыть озеромъ безмолвно,—что блещетъ синевой:
 Я цѣловать согласна блестящій, острый мечъ,
 Когда угодно Богу меня на смерть обречь!» *)

Однажды, когда рыжая Сефхенъ кончала пѣть послѣднюю строфу и я замѣтилъ ея волненіе, то самъ я былъ такъ потрясенъ, что вдругъ разразился слезами, и мы оба съ рыданьями бросились другъ другу въ объятія; мы стояли такъ, не говоря ни слова, по крайней мѣрѣ цѣлый часъ, въ то время какъ слезы лились ручьемъ изъ нашихъ глазъ и мы смотрѣли другъ на друга сквозь завѣсу изъ слезъ.

Я попросилъ Сефхенъ записать мнѣ эти строфы, что она и сдѣлала, но она написала ихъ не чернилами, а своей кровью. Красный автографъ я впослѣдствіи потерялъ, но строфы остались неизгладимо въ моей памяти.

Мужъ Гёшинъ былъ братомъ отца Сефхенъ, также палача, но такъ какъ послѣдній рано умеръ, то Гёшинъ взяла маленькую дѣвочку къ себѣ. Но когда вскорѣ послѣ этого умеръ ея мужъ и она переселилась въ Дюсельдорфъ, то она отправила дѣвочку къ дѣдушкѣ, который также былъ палачомъ и жилъ въ Вестфалии.

Здѣсь, въ домѣ палача, Сефхенъ изнывала до четырнадцати лѣтъ, когда дѣдушка умеръ и Гёшинъ снова взяла къ себѣ круглую сироту.

Вслѣдствіе своего низкаго происхожденія отъ палача Сефхенъ вела одинокую жизнь съ ранняго дѣтства и до юныхъ лѣтъ, такъ какъ въ домѣ своего дѣда она была лишена всякаго общества. Помуту-то она такъ дичилась людей, потому-то она бессознательно ухлыла въ себя при каждомъ соприкосновеніи съ чужими людьми. Этимъ объясняется и ея загадочная мечтательность въ связи съ упорствомъ и задоромъ и ея дикій и неукротимый нравъ.

Странно! даже въ своихъ сновидѣніяхъ она жила не съ людьми,

*) Перевелъ Юрій Веселовскій.

а видѣла во снѣ только животныхъ, какъ она мнѣ однажды рассказывала.

Въ уединенной жизни палачей она могла имѣть общеніе только со старыми книгами дѣда. Послѣдній выучилъ ее читать и писать, но на слова онъ былъ очень скупъ.

Случалось иногда, что онъ уѣзжалъ со своими помощниками на нѣсколько дней, и дѣвочка оставалась тогда одна въ домѣ палача, который стоялъ очень уединенно, недалеко отъ мѣста казней, въ лѣсной мѣстности. Въ домѣ оставались только три сѣдыя старухи съ трясущимися головами; онѣ не переставая пряли на своихъ прялкахъ, покашливали, ссорились другъ съ другомъ и пили много водки.

Въ особенности въ зимнія ночи, когда вѣтеръ на дворѣ раскачивалъ вѣтви старыхъ дубовъ, а громадный каминъ съ пылающимъ огнемъ такъ странно завывалъ, Сефхенъ охватывало жуткое чувство въ этомъ уединенномъ домѣ, потому что въ такія ночи можно было опасаться еще и воровъ, не живыхъ, а мертвыхъ, висѣльниковъ, которые сорвались съ висѣлицы и стучать въ низкія окна дома и требуютъ, чтобы ихъ впустили погрѣться. Отъ холода ихъ лица искажаются такой жалкой гримасой. Для того, чтобы прогнать ихъ, надо принести изъ оружейной комнаты мечъ палача и погрозить имъ мертвецамъ; тогда они уносятся съ быстротой вѣтра.

Иногда ихъ привлекаетъ не только огонь въ очагѣ, но также и желаніе взять обратно пальцы, которые у нихъ укралъ палачъ. Если дверь не заперта какъ слѣдуетъ, то можетъ случиться, что мертвецами снова овладѣетъ страсть къ воровству и они крадутъ простыни изъ шкافовъ и кроватей. Одна изъ старухъ замѣтила однажды во время такую покражу, она бросилась за воровъ-мертвецомъ, за которымъ по вѣтру развѣвалась простыня, и ей удалось ухватиться за уголь и вырвать простыню у похитителя въ ту минуту, когда тотъ уже приближался къ висѣлицѣ и хотѣлъ спастись отъ преслѣдованія на перебриднѣ.

Только по такимъ днямъ, когда дѣдушка готовился къ большимъ казнямъ, у него въ домѣ собирались изъ окрестностей его коллеги, и тогда поднималась въ домѣ возня: пекли, жарили, варили. Гости ѣли, пили, мало говорили и совсѣмъ не пѣли. Въ такихъ случаяхъ всѣ пили изъ серебряныхъ кубковъ. А между тѣмъ какъ подлему мастеру, такъ и его помощникамъ въ гостиницахъ, куда они заходили, подавали напитки только въ кружкахъ съ деревянными крышками, тогда какъ другіе гости пили изъ кружекъ съ жестяными крышками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разбиваютъ стаканъ, изъ котораго пилъ палачъ; никто не разговариваетъ съ нимъ, всякій старается

избѣгнуть малѣйшаго соприкосновенія съ нимъ. Этотъ позоръ переходитъ на всю семью, почему и браки въ семьяхъ палачей заключаются только въ кругу семей, занимающихся однимъ и тѣмъ же страшнымъ ремесломъ.

Сефхенъ рассказала мнѣ, между прочимъ, что когда ей было восемь лѣтъ, то въ одинъ прекрасный осенній день къ нимъ въ домъ собралось необыкновенно много гостей по приглашенію дѣдушки, хотя не предстояло никакой большой казни или какого бы то ни было другого исполненія непріятныхъ обязанностей. Гости набрались болѣе дюжины; все это были очень старые люди съ сѣдыми головами или совсѣмъ плѣшивыми; у нихъ висѣли подѣ длинными красными плащами мечи, которыми они казнили; одѣты они были по-праздничному и на старо-французскій ладъ. Они пришли, какъ они выразились, «погостить», и все, что только было лучшаго въ кухнѣ и въ погребѣ, было имъ подано къ обѣду.

Тутъ были въ сборѣ всѣ старѣйшіе палачи изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей; повидимому, они давно не видались, они то и дѣло пожимали другъ другу руки. Говорили они мало и по большей части таинственнымъ, условнымъ языкомъ, и, казалось, имъ было весело на ихъ особый ладъ, — они «*moulaient tristement*», какъ выразился Фруассаръ объ англичанахъ, когда тѣ пировали послѣ битвы подѣ Пуатье.

Когда наступила ночь, то хозяинъ отослалъ изъ дома всѣхъ своихъ работниковъ, потомъ онъ приказалъ старой ключницѣ принести изъ погреба три дюжины своего лучшаго рейнвейна и поставить бутылки на каменный столъ, который стоялъ на дворѣ подѣ группой дубовъ, образывавшихъ полукругъ. Онъ велѣлъ поставить тамъ же и желѣзные подставки для смоляныхъ факеловъ, послѣ чего онъ подѣ какимъ-то предлогомъ отослалъ изъ дому и старую ключницу съ обѣими старыми нищенками. Даже собачью конуру, доски которой образывали щели, онъ тщательно прикрылъ лошадиной попоной; собака была крѣпко привязана.

Рыжую Сефхенъ дѣдушка оставилъ дома; онъ поручилъ ей вычистить и вымыть большой серебряный кубокъ, на которомъ были изображены морскіе боги съ дельфинами и трубами изъ раковинъ, и оставить его также на каменный столъ, а послѣ этого, прибавилъ дѣдушка съ нѣкоторымъ смущеніемъ, Сефхенъ должна немедленно удалиться въ свою свѣтелку и лечь спать.

Кубокъ съ Нептуномъ Сефхенъ выполоскала самымъ добросовѣстнымъ образомъ, она поставила его также на каменный столъ, и стояли бутылки съ виномъ, но спать она не пошла. Побуждаемая

любопытствомъ, она спряталась въ кустахъ недалеко отъ дубовъ, откуда она плохо слышала, но хорошо видѣла все, что происходило.

Гости во главѣ съ дѣдушкой торжественно вышли изъ дому попарно и разсѣлись полукругомъ у стола на высокихъ деревянныхъ обрубкахъ. Смоляные факелы были зажжены и они мрачно освѣщали серьезные, каменные лица стариковъ.

Долго сидѣли они молча, или вѣрнѣе, бормоча что-то, можетъ быть, молитву. Потомъ дѣдушка наполнилъ виномъ кубокъ, который всѣ поочереди выпивали и, наполнивъ снова виномъ, передавали сосѣду. Каждый разъ, когда кубокъ опоражнивался, всѣ дружески пожимали другъ другу руки.

Наконецъ дѣдушка сталъ говорить рѣчь, изъ которой немного доходило до слуха Сефхенъ и которую она совсѣмъ не поняла; но, повидимому, рѣчь касалась очень печальныхъ обстоятельствъ, такъ какъ изъ глазъ старика текли крупныя слезы, да и гости начали горько плакать. Это было страшное зрѣлище, такъ какъ всѣ эти люди имѣли обыкновенно такой суровый видъ и походили на вывѣтрившіяся сѣрыя каменные фигуры передъ порталомъ церкви; а теперь изъ неподвижныхъ каменныхъ глазъ лились слезы, и старики рыдали, какъ дѣти.

Луна бросала меланхолическій свѣтъ изъ-за дымки тумана на эту печальную картину, и у маленькой Сефхенъ сердце разрывалось на части отъ состраданія. Особенно ее тронула скорбь одного маленькаго старичка, который рыдалъ сильнѣе другихъ и такъ громко изливалъ свою печаль въ словахъ, что она совершенно ясно слышала нѣсколько словъ,—онъ безпрестанно выкрикивалъ: «О Боже, о Боже! Несчастье продолжается слишкомъ долго, этого долше не вынести человѣческой душѣ. О, Боже, это несправедливо, да, несправедливо!» Его товарищамъ лишь съ трудомъ удалось успокоить его.

Наконецъ собравшіеся снова поднялись со своихъ мѣсть, они сбросили съ себя красныя плащи и, держа подъ мышками свои мечи, направились попарно къ одному дереву, гдѣ уже приготовленъ былъ желѣзный заступъ. Этимъ заступомъ одинъ изъ нихъ вырылъ въ нѣсколько мгновеній глубокую яму. Послѣ этого выступилъ впередъ дѣдушка Сефхенъ, который не снялъ съ себя своего краснаго плаща, и онъ положилъ въ вырытую яму бѣлый свертокъ, который былъ очень узокъ, но длиною онъ былъ приблизительно въ брабантскій локоть; онъ былъ завернутъ въ простыню. Послѣ того, какъ дѣдушка положилъ этотъ свертокъ въ яму, онъ быстро закопалъ его.

Бѣдная Сефхенъ не могла больше вынести этого зрѣлища; при видѣ таинственныхъ похоронъ волосы у нея стали дыбомъ. Бѣдняжку

охватилъ такой ужасъ, что она бросилась въ свою каморку и спряталась подъ одѣяломъ въ постели и заснула.

На слѣдующее утро Сефхенъ казалось, что все это она видѣла во снѣ, но когда она увидала за знакомымъ ей деревомъ свѣже-взрыхленную землю, то она поняла, что то, что она видѣла наканунѣ, было дѣйствительностью. Она долго раздумывала надъ тѣмъ, что могло быть похоронено въ ямѣ: ребенокъ? Животное? Кладъ?— но никогда не проронила она ни звука относительно этого, а такъ какъ года шли, то понемногу все происшествіе стало забываться.

Только лѣтъ пять спустя, когда умеръ дѣдушка и Гѣшинъ пріѣхала, чтобы взять съ собой дѣвушку въ Дюссельдорфъ, послѣдняя рѣшилась открыть свою тайну теткѣ. Однако тетка не испугалась и ничуть не удивилась, услыша эту странную исторію; напротивъ, она очень обрадовалась и сказала, что въ ямѣ не похоронены ни кошка, ни ребенокъ и не кладъ, а тамъ зарытъ старый мечъ дѣда, которымъ онъ казнилъ и которымъ онъ отрубилъ головы цѣлой сотнѣ несчастныхъ грѣшниковъ. А у палачей есть такой обычай, который требуетъ, чтобы они не употребляли больше того меча, которымъ они сто разъ казнили; потому что такой мечъ уже перестаетъ быть обыкновеннымъ мечомъ, онъ съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ сознаніе и требуетъ, наконецъ, отдыха въ могилѣ, какъ человекъ.

А кромѣ того, такіе мечи, какъ увѣряютъ многіе, вслѣдствіе того, что имъ приходилось проливать такъ много крови, становятся жестокими и жаждутъ иногда крови. Часто въ полночь можно ясно слышать, какъ они въ шкапу, гдѣ ихъ повѣсили, жалобно звякаютъ и производятъ возню. А нѣкоторые дѣлаются такими злыми и неутомимыми, что вводятъ въ соблазнъ того, кто ихъ держитъ въ рукахъ, и тотъ способенъ нанести рану своему лучшему другу. Нѣчто подобное случилось однажды въ семьѣ самой Гѣшинъ: одинъ братъ закололъ другого такимъ мечомъ.

Тѣмъ не менѣе Гѣшинъ увѣряла, что такимъ мечомъ, которымъ совершенно сто казней, можно дѣлать самыя удивительныя колдовскія штуки; и въ эту же ночь она успѣшила вырыть въ указанномъ мѣстѣ подъ деревомъ мечъ палача. Потомъ она хранила его, какъ и другія принадлежности колдовства, въ комнатѣ съ разнымъ хламомъ.

Разъ какъ-то, когда ее не было дома, я попросилъ Сефхенъ показать мнѣ эту рѣдкость. Сефхенъ не заставила себя долго просить, пошла въ каморку съ хламомъ и вскорѣ вышла оттуда съ огромнымъ мечомъ, которымъ она, несмотря на свои худыя руки, сильно размахивала и, принявъ шутливо-грозный видъ, она запѣла:

«Иль цѣловать согласенъ блестящій, острый мечъ,
 Когда угодно Богу тебя на смерть обречь?»

Я отвѣтилъ ей въ томъ же тонѣ:

— Нѣтъ, не хочу я цѣловать блестящій мечъ, — я хочу цѣловать рыжую Сефхенъ!

А такъ какъ изъ боязни ранить меня страшнымъ мечомъ, она не могла сопротивляться, то ей пришлось покориться, и я съ большой смѣлостью обхватилъ ее тонкую талью и поцѣловалъ ее въ задорныя губы. Да, я поцѣловалъ прекрасную дочь палача, несмотря на страшный мечъ, который обезглавилъ уже сто несчастныхъ мошенниковъ, и несмотря на позоръ, который падаетъ на голову каждаго, соприкасающагося съ этими низкими людьми.

Я поцѣловалъ ее не только изъ нѣжной страсти, но также и потому, что мнѣ хотѣлось насмѣяться надъ старымъ обществомъ и его темными предрасудками. И тогда же, въ то мгновеніе, во мнѣ впервые вспыхнуло пламя тѣхъ двухъ страстей, которыя въ позднѣйшей жизни овладѣли мною: любовь къ прекраснымъ женщинамъ и любовь къ французской революціи, къ современной *l'ugor française*, которая и меня охватила въ борьбѣ съ ландскнехтами среднихъ вѣковъ.

Не буду подробно описывать мою любовь къ Іозефѣ. Одно только я долженъ сказать, что она была не болѣе, какъ прелюдіей, которая предшествовала великимъ трагедіямъ моего болѣе зрѣлаго возраста. Такъ Ромео мечтаетъ сперва о Розалиндѣ, пока не увидитъ свою Юлію.

Въ любви, какъ и въ римско-католической религіи, есть своего рода предварительное чистилище, въ которомъ грѣшники понемногу приучаются къ тому, что ихъ будутъ жарить, прежде чѣмъ они попадаютъ въ настоящій вѣчный адъ.

Адъ? Можно ли такъ непочтительно отзыватья о любви? Ну, если хотите, я сравню ее съ небомъ. Къ сожалѣнію, въ любви никогда нельзя точно опредѣлить, когда она начинаетъ походить на небо и когда на адъ. Точно такъ же трудно бываетъ опредѣлить, не переодѣтые ли черти тѣ ангелы, которыхъ намъ приходится встрѣчать въ любви, и наоборотъ, не ангелы ли черти?

Скажу откровенно: что за ужасная болѣзнь любовь къ женщинамъ! Никакое лѣченіе не помогаетъ отъ этой болѣзни, какъ мы видѣли. Очень умные и опытные врачи совѣтуютъ перемѣну мѣста; они думаютъ, что съ удаленіемъ отъ волшебницы нарушаются чары. Пожалуй, принципъ гомеопатіи, который предписываетъ отъ женщины лѣчиться женщиной, самый дѣйствительный.

Однако ты, вѣроятно, замѣтилъ, дорогой читатель, что предупре-

дательныя противъ любви средства, которыя пускала въ ходъ моя мать въ моемъ дѣтствѣ, не имѣли надлежащаго дѣйствія. Мнѣ было суждено болѣе, чѣмъ кому-либо изъ смертныхъ, пострадать отъ великаго недуга, сердечной оспы, а потому мое сердце носить плохо зажившіе слѣды этой болѣзни въ такомъ количествѣ, что оно похоже на гипсовую маску, снятую съ Мирабо, или на фасадъ дворца Мазарини послѣ славныхъ іюльскихъ дней, или на репутацію самыхъ великихъ трагическихъ актрисъ.

Неужели же нѣтъ никакого средства противъ роковаго недуга? Недавно одинъ психологъ увѣрялъ, что эту болѣзнь можно побороть, если сейчасъ же въ самомъ началѣ принять нѣкоторыя мѣры. Этотъ рецептъ напоминаетъ мнѣ одинъ старый наивный молитвенникъ, въ которомъ можно найти всѣ молитвы противъ всѣхъ несчастій, которыя только могутъ угрожать человѣку. Между прочимъ въ этомъ молитвенникѣ есть одна длинная молитва на нѣсколькихъ страницахъ, предназначенная для кровельщиковъ: когда кровельщикъ почувствуетъ головокруженіе и ему угрожаетъ опасность свалиться съ крыши, то онъ долженъ прочесть эту молитву.

Настолько же безразсудно совѣтовать влюбленному бѣжать отъ дамы его сердца и искать выздоровленія въ одиночествѣ на груди природы. Увы,—на этой зеленой груди онъ найдетъ одну скуку. Гораздо болѣе рационально, если только въ немъ не угасла окончательно всякая энергія, искать забвенія на другой груди, и очень бѣлой, гдѣ можно найти не покой, а цѣлебное волненіе. Ибо самое вѣрное противоядіе противъ женщины это—женщина. Правда, это было бы то же самое, что изгонять дьявола Вельзевуломъ; а кромѣ того бываетъ, что въ такихъ случаяхъ лѣбартство является еще болѣе вреднымъ, нежели болѣзнь. Однако шансъ на выздоровленіе всегда есть, и въ безнадежныхъ любовныхъ обстоятельствахъ перемѣна предмета самое дѣйствительное средство. Мой отецъ могъ бы очень кстати сказать въ такихъ случаяхъ: надо начать новый боченокъ.

Однако возвратимся къ моему милому отцу. Какая-то доброжелательная старая женская душа донесла моему отцу, что я часто посѣщаю Гѣшинъ и имѣю склонность къ рыжей Сефхенъ. Однако поводомъ этого доноса было только то, что отецъ мой лишній разъ зазвалъ свою изысканную вѣжливость. Сефхенъ рассказала мнѣ скорѣ послѣ этого, что во время прогулки она встрѣтила одного очень важнаго, напудренного господина въ сопровожденіи другого, который прошепталъ ему нѣсколько словъ; послѣ этого напудренный господинъ ласково посмотрѣлъ на нее и съ поклономъ снялъ передъ шляпу, когда проходилъ мимо нея.

Когда она подробнѣе описала мнѣ наружность напудренного господина, то я узналъ въ немъ моего милаго, добраго отца.

Однако онъ не выказалъ той же снисходительности, когда ему передали нѣкоторыя мои антирелигіозныя насмѣшки, которыя у меня вырвались по неосторожности. Меня обвинили въ богоотступничествѣ, и мой отецъ держалъ мнѣ по этому поводу рѣчь, самую длинную, которую онъ когда-либо держалъ, и содержаніе которой было приблизительно слѣдующее: «Милый сынъ! по настоянію матери ты изучаешь философію у ректора Шалльмейера. Это ея дѣло. Что касается до меня, то я не люблю философію, такъ какъ она не что иное, какъ суевѣріе; а я купецъ, и мнѣ моя голова нужна для моего дѣла. Ты можешь быть философомъ, сколько твоей душѣ угодно, но прошу тебя, не высказывай публично своихъ мыслей; если мои покупщики узнаютъ, что у меня есть сынъ, который не вѣритъ въ Бога, то это можетъ повредить моимъ дѣламъ. Въ особенности евреи перестали бы у меня покупать вельветинъ, а они люди честные, платятъ безъ задержки и имѣютъ полное право придерживаться религіи. Я твой отецъ и, слѣдовательно, старше тебя, а потому и опытнѣе; ты можешь повѣрить мнѣ на слово, если я позволю себѣ сказать тебѣ, что атеизмъ великій грѣхъ»

Долго еще послѣ того, какъ Марго кончила читать, она сидѣла у окна, устремивъ неподвижный взоръ на склоны горъ, которыя виднѣлись вдаль. Солнце успѣло уже скрыться за ихъ вершинами. Темныя сосны вырисовывались на хребтѣ, словно вырѣзанные черныя зубцы на фонѣ сверкающаго серебра. Изъ курзала доносилась мелодія задорнаго вальса, на улицѣ шуршали башмаки пѣшиходовъ о песоги аллеи, отъ времени до времени въ воздухѣ проносился громкій голосъ, восклицаніе или смѣхъ. На колокольнѣ раздался бой часовъ.

Она не видала, не слышала ничего этого. Всѣ виѣшнія ощущенія тщетно искали доступа къ ея сознанію, до такой степени она была въ эти минуты во власти того настроенія, которое пробудило въ ней чтеніе этихъ листовъ. Ничто въ этомъ настроеніи не вырисовывалось рѣзкими контурами, ничто опредѣленное не сосредоточивало на себѣ ея мыслей хотя бы на одно мгновеніе. Внутри у не былъ цѣлый хаосъ картинъ и ощущеній, которыя переплетались другъ съ другомъ, чередовались, перепутывались, пробуждали и радость, то печаль, переходили въ разные оттѣнки и вдругъ исчезали, давая мѣсто новымъ.

И изъ этого хаоса прорвалась ея тоска съ двойной мощью, подобно высокому, ясному, неумолкающему звуку.

VII.

Недѣлю спустя Марго была снова въ Парижѣ.

Въ продолженіе всего путешествія она ждала первой встрѣчи съ радостнымъ нетерпѣніемъ молодой дѣвушки. Но едва она пріѣхала домой, какъ ея настроеніе перешло въ мрачную, гнетущую тоску, и прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ она рѣшилась пойти къ Гейне. Казалось, словно ее подстерегаютъ великія страданія тамъ, въ хорошо знакомой ей комнатѣ въ Avenue Matignon. Эти страданія были неизбѣжны; она могла только отдалить рѣшительное мгновеніе. Она думала объ этомъ мгновеніи съ тѣмъ же смѣшаннымъ чувствомъ озноба и желанья броситься въ воду, когда стоишь въ нерѣшительности передъ холодной водой. Сомнѣнія не было, это должно было случиться; но необходимъ былъ толчокъ извнѣ, чтобы заставить ее сдѣлать этотъ шагъ.

Этотъ толчокъ явился въ видѣ маленькой записочки, которая была написана такъ хорошо знакомымъ ей крупнымъ, вычурнымъ почеркомъ.

Парижъ, 20 іюля 1855 г.

Мой дорогой другъ!

Ты въ Парижѣ и медлишь придти пожать мнѣ руку. Мнѣ такъ невыразимо хочется слышать звуки твоего голоса, чувствовать благоуханіе твоихъ перчатокъ и занечатлѣть поцѣлуи на твоей физиономіи насѣкомаго.— Не сердись: какъ ты ни очаровательна, ты все-таки напоминаешь маленькое крылатое насѣкомое.

Приходи же скорѣе! Преданный тебѣ

Г. Гейне.

Это письмо произвело на нее особенно сильное впечатлѣніе главнымъ образомъ потому, что оно было новымъ доказательствомъ той таинственной духовной связи между ними, которую она уже раньше замѣчала. Она не давала ему знать о своемъ прибытіи въ Парижъ, и все-таки онъ сейчасъ же почувствовалъ, что она пріѣхала! Его голосъ призывалъ ее,—она должна была слушаться.

Послѣ обѣда она пошла къ нему.

Все было попрежнему. Казалось, словно время въ этой комнатѣ только стояло неподвижно. Госпожа Гейне была на своей обычной рогулкѣ, но сидѣлка Катерина привѣтствовала Марго съ довольной улыбкой, а Кокоть просунула свою зеленую голову между прутья-кѣтки и прокричала свое: «Bonjour! Bonjour!»

— Наконец-то ты пришла, — сказал Гейне, быстро поднимаясь въ постели и протягивая ей руку. Въ его голосѣ была замѣтна маленькая рѣзкая нотка, напоминавшая собою нервное нетерпѣніе ребенка; и, подобно нетерпѣливому ребенку, онъ взялся за ленты ея шляпы, давая понять, что хочетъ, чтобы она сняла ее.

Потомъ онъ долго смотрѣлъ на нее своимъ прекраснымъ голубымъ глазомъ, какъ бы желая воскресить въ своей памяти ея лицо, черту за чертой.

— Ты похудѣла, — сказалъ онъ, — привлекая ее къ себѣ...

Снова потекли дни одинъ за другимъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Ей казалось, что всѣ другіе жизненные интересы все больше и больше отступали на задній планъ, оставляя ихъ двоихъ, его и ее, въ полномъ одиночествѣ, въ полутьмѣ этой маленькой комнатки, въ безконечномъ tête-à-tête.

Она снова взяла на себя всѣ обязанности любящей женщины: она была его секретаремъ и его правой рукой, его сидѣлкой и его интимнымъ другомъ. Онъ былъ для нея великимъ духомъ, и она прислушивалась къ его словамъ съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ вѣрующій христіанинъ слушаетъ Евангеліе.

Ей казалось, что она теперь только узнала, какъ онъ великъ. Абстрактный образъ поэта, о которомъ она мечтала въ молодые годы, давно уже исчезъ; онъ не былъ для нея больше тѣмъ легкомысленнымъ, то веселымъ, то меланхоличнымъ трубадуромъ любви, который странствовалъ въ нѣмецкой литературѣ, перебирая искрящаяся струны своей лиры. Въ своемъ воображеніи она представляла его себѣ здоровымъ и веселымъ Аполлономъ, съ печатью генія на челѣ; но никогда не воображала она его себѣ *великимъ*, какимъ онъ теперь лежалъ передъ ней на своей постели, къ которой былъ прикованъ болѣзнью. Никогда не думала она, что страданія и болѣзнь могутъ вознести душу до такого трагическаго величія, передъ которымъ она теперь въ безмолвномъ восхищеніи ежедневно преклонялась. Она видѣла, какъ онъ безъ единой жалобы переносилъ свои непрерывныя страданія, какъ въ немъ постоянно происходила борьба между жизнью и смертью; она видѣла, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ пламя жизни утѣ совсѣмъ угасало, послѣ припадковъ оно снова разгоралось ярко сильно. Все это производило на нее впечатлѣніе сверхчеловѣческаго духовной силы, которая часто пугала ее своимъ таинственнымъ вліяніемъ. То же самое она чувствовала и по отношенію къ мыслямъ которыя переходили къ ней изъ глубины этой души: онъ заставлялъ ее содрогаться, какъ если бы она стояла на краю открытой шахы и заглядывала въ ея черную глубину... Но бывало также, что ей!

залось, будто она видит ландшафтъ съ безграничнымъ горизонтомъ, громадное пространство, залитое солнцемъ, безъ человѣческихъ преградъ и человѣческихъ предразсудковъ... это была его свѣтлая улыбка, это былъ его прекрасный взоръ, это было все то задушевное и великое, чѣмъ было проникнуто его существо и что иногда прорывалось наружу; и это были для нея самыя дорогія минуты, которыя навсегда остались неизгладимыми въ ея памяти.

Какое наслажденіе было сидѣть у его постели и слушать его рассказы о его дѣтствѣ и о самыхъ интимныхъ подробностяхъ его жизни! Одна за другой вставали картины, вызванныя въ памяти волшебной палочкой фантазіи; онѣ были то озарены теплымъ свѣтомъ самой глубокой преданности, какъ, на примѣръ, когда онѣ говорилъ о своей матери, или объ отцѣ, или о сестрѣ Лоттѣ, — то меланхоличнымъ луннымъ сіяніемъ, въ которомъ двигались, какъ блѣдныя, безкровныя привидѣнія, тѣ женщины, которыхъ онѣ любилъ.

Однако его настроеніе мѣнялось съ быстротой молніи, и волшебная палочка, которая двигалась по мановенію фантазіи, вдругъ превращалась въ бичъ ненависти, насмѣшки и злой ироніи, которыя, подобно огненному дождю, изливались на человѣческую пошлость и человѣческое тупоуміе. Тогда на его лицѣ часто появлялось демоническое выраженіе, и онѣ превращался въ духа отрицанія и разрушенія, который самъ наслаждался своей работой. И въ такія мгновенія у этого умирающаго человѣка вырывался иногда холодный, жесткій смѣхъ, который пронизывалъ ее до мозга костей. Однако это никогда не продолжалось долго, и добрая, сердечная улыбка снова появлялась на лицѣ и прогоняла непріятное выраженіе.

Но эти рѣзкіе контрасты въ его внутренней жизни, эти вѣчныя колебанія между крайностями, между сердечной симпатіей и холодной, мрачной ненавистью, между самымъ ужаснымъ цинизмомъ и безпредѣльной нѣжностью, между лаской и задоромъ, а также переходы отъ свѣта къ тѣни, отъ добра къ злобѣ — все это производило на нее настолько сильное впечатлѣніе, что она чувствовала себя подавленной и разбитой. Съ возрастающимъ страхомъ чувствовала она, что власть его души надъ нею была безгранична. По ея желанію или противъ ея желанія, но она всегда была съ нимъ, всегда она находилась въ волшебной власти его мыслей. Она съ ужасомъ сознавала, что была свободна, что этотъ умирающій человѣкъ могъ увлечь ее да хочетъ, даже въ ту великую тьму, куда онѣ самъ долженъ былъ оройти...

Она отгоняла отъ себя эти неотвязчивыя мысли, но онѣ снова возвращались. Она пыталась высвободиться изъ его власти, не при-

ходить къ нему больше, но не могла. Словно какой-то волшебной силой покорялъ онъ ея волю своей. Если она не приходила, то стоило ему лишь написать ей одну изъ тѣхъ милыхъ записочекъ, въ строкахъ которыхъ проглядывала его трепещущая, какъ больная бабочка, любовь, и которыя производили тѣмъ болѣе сильное впечатлѣнiе, что онъ едва касался въ нихъ своихъ нечеловѣческихъ страданiй, какъ она опять спѣшила къ нему, чтобы снова опьяниться чудеснымъ напиткомъ, который состоялъ изъ смѣси любви и страданiй, и который она въ изобилии получала ежедневно у постели больного.

Онъ всегда былъ съ нею. Гдѣ бы она ни была, куда бы ни пошла, ее повсюду преслѣдовалъ этотъ блѣдный ликъ Христа, и мысли его слѣдовали за ней шагъ за шагомъ. А ея мысли были всегда заняты только имъ, имъ однимъ: то она вспоминала одно изъ его стихотворенiй, то думала надъ его словами, то представляла себѣ выраженiе его лица въ то или другое мгновенiе.

Она раздумывала надъ всѣмъ тѣмъ, что онъ рассказывалъ ей — ей одной! о своемъ дѣтствѣ, и ее охватило непреодолимое желанiе узнать его мать, эту старушку, къ которой онъ питалъ такую глубокую любовь. Она написала длинное нѣжное письмо этой старой, незнакомой женщинѣ; и когда она получила въ отвѣтъ нѣсколько строкъ, вложенныхъ въ письмо къ сыну, то она спрятала ихъ у себя на груди, какъ реликвию.

— Ты маленькая влюбленная дурочка! — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на нее взоромъ наставника, въ которомъ изъ-подъ напускной серьезности проглядывала глубокая нѣжность.

— Влюбленная? — улыбулась она. — Да, въ твою мать!

Иногда ею овладѣвало мучительное чувство, похожее на ревность, которую она испытывала къ той или другой женщинѣ изъ его прошлой жизни.

Однако она никогда не чувствовала ничего подобнаго по отношенiю къ госпожѣ Гейне.

А онъ съ своей стороны какъ будто угадывалъ, что Марго презираетъ его жену, и это повидимому раздражало его. Онъ всегда тщательно старался скрывать недостатокъ ума у Матильды и ея духовное убожество. Подобно тому, какъ онъ наряжалъ ея тѣло въ шелкъ, кружева и драгоценности, такъ и душу ея онъ одѣвалъ въ богатый нарядъ, сотканный изъ благодарности за то счастье, которое она ему подарила. И онъ хотѣлъ, чтобы и другiе также видѣли ее въ этомъ нарядѣ.

Однажды онъ далъ Марго слѣдующее стихотворенiе въ рукописи и попросилъ ее прочесть его:

Мнѣ было велѣно судьбой
 Смотрѣть, ягненокъ, за тобой;
 Съ тобой дѣлился я ѣдой,
 Въ ручѣ пойлъ тебя водой,
 Тебя я грѣлъ, ягненокъ мой,
 У груди собственной зимой,
 Когда дожди лились потокомъ,
 Ручей ревѣлъ въ руслѣ глубокомъ
 И, словно чередуясь съ нимъ,
 Волкъ завывалъ. Но мной хранимъ,
 Ты не дрожалъ и не боялся,
 И если даже раздавался
 Надъ нами громъ, ты мирно спалъ
 И блеска молній не видалъ.
 Теперь жить мало мнѣ осталось,
 Я чую—смерть ко мнѣ подкралась,
 И пастуху пришелъ конецъ.
 Тебѣ я отдаю, Творецъ,
 Свой посохъ... Моего барашка
 Оберегай ты, чтобъ бѣдняжка
 Съ знакомой не сходилъ тропы,
 Не уюлся о шипы,
 Руно не портилъ, беззаботный,
 И грязи избѣгалъ болотной;
 Пусть подъ ногами круглый годъ
 Кормъ сочный онъ всегда найдетъ.
 Пусть спитъ спокойно, безмятежно,
 Какъ спалъ, ко мнѣ прижавшись нѣжно *)

— Это стихотворение изъ моего религіознаго періода,—сказалъ онъ, когда она кончила читать. И онъ прибавилъ съ маленькой усмѣшкой, какъ бы поддразнивая ее.—Знаешь ли ты, кому я написалъ его?

— Да. Тому, кто никогда не читалъ его,—отвѣтила она также съ улыбкой.

— Нравится ли тебѣ это стихотвореніе?

— Да.

Она еще разъ прочла стихотвореніе тихо, про себя, и нашла, въ немъ много искренняго чувства. Ему удалось передать сло- ги чувство глубокой и горячей благодарности, которой онъ былъ обязанъ въ то мгновеніе, когда писалъ это стихотвореніе. Оно нравилось ей также и потому, что показывало въ такомъ прекрас-

номъ свѣтъ того, кто писалъ его. О ней она вовсе не думала. Госпожа Гейне даже и не читала его, такъ мала была духовная связь между ними.

Но зато была другая женщина, которая часто занимала ея мысли; это была Катарина, или Битти, которой онъ написалъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній, уже напечатанныхъ. Какъ ни были они проникнуты игривымъ скептицизмомъ, но все-таки чувствовалось, что ихъ продиктовало горячее чувство любви. Когда она читала эти стихотворенія, то она чувствовала, какъ сердце ея сжимается отъ острой боли; они представляли собою такой поразительный контрастъ съ другими чувственными и игривыми стихотвореніями, посвященными или Діанѣ, или Юлавтѣ, или Анжелигѣ.

— Кто была эта Катарина?—спросила она однажды.

— Катарина?—переспросилъ онъ. Повидимому это имя не вызвало у него тотчасъ никакихъ воспоминаній.

— Катарина, или Битти—та, которой ты посвятилъ такъ много прекрасныхъ стихотвореній, она тщетно старалась говорить равнодушнымъ тономъ. Голосъ звучалъ не совсѣмъ естественно, и въ немъ слышалась нотка ироніи.

На губахъ его появилось мечтательное, меланхолическое выраженіе.

— Прочти мнѣ нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній,—сказалъ онъ.

Снова почувствовала она щемящую боль въ сердцѣ, и первымъ ея безотчетнымъ желаніемъ было какъ-нибудь избѣгнуть этого чтенія. Но потомъ ее вдругъ охватило сильное желаніе что-нибудь узнать про эту женщину. Если она исполнить его желаніе, то, быть можетъ, она заставитъ его потомъ рассказать что-нибудь о ней!

Она подошла къ письменному столу, взяла одну книжку, перевернула въ ней нѣсколько страницъ и потомъ, сѣвъ на свое мѣсто, прочла:

Въ объятяхъ моихъ ты у сердца
Покоишься сладко всегда!
Твое я родимое небо,
Моя ты родная звѣзда.

Подъ нами внизу копошится
Дурацкое племя людей;
Бричатъ и бранятся, и каждый
Увѣренъ, что онъ всѣхъ умнѣй.

На каждомъ звенять погрешки;
Всѣ спорять, а споръ безтолковъ;

Они разбиваютъ другъ дружкѣ
Безумныя головы въ кровь.

Какое намъ счастье съ тобою!
Отъ насъ далека ихъ вражда—
Головку ты въ небѣ родимомъ
Покоишь, родная звѣзда! *)

— Какъ это прелестно!—сказала она.

Онъ былъ повидимому погруженъ въ воспоминанія, вызванныя
въ немъ стихотвореніемъ.

— Читай еще,—попросилъ онъ.

Она послушалась:

Мнѣ недавно сонъ приснился,
Будто я въ раю гуляю;
Я съ тобою—безъ тебя
Быль бы рай мнѣ хуже ада.

Видѣлъ праведныхъ я тамъ,
И смиренныхъ, и избранныхъ,
Плоть губившихъ на землѣ
Для спасенья душъ на небѣ.

Тамъ встрѣчались мнѣ попы,
И монахи, и аскеты,
И отцы церкви различныя—
Молодые хуже старыхъ.

Много тамъ сѣдыхъ бородъ,
Длинныхъ лицъ, широкихъ лысинъ
(Между ними и евреи)
Мимо насъ прошли рядами.

Но отъ нихъ тебѣ ни взгляда,
Какъ къ плечу ты мнѣ ни жалась,
И шала, и улыбаясь,
И кокетничая мило.

Лишь одинъ тебя замѣтилъ—
Онъ, единый между всѣми,
Быль божественно прекрасенъ,
Дивенъ обликомъ и взоромъ.

Кротость смертнаго вокругъ усть,
Бога вѣчный миръ во взорѣ;
Быль когда-то взоръ подобный
Обращенъ на Магдалину.

*) Переводъ О. М. Чуминой.

Знаю я всю святость взора!
 Чей, какъ этотъ, чистъ и честенъ?
 Но меня, меня,—увы!
 Все-жъ коснулась тайно ревность.

Каюсь я и признаюсь—
 Стало мнѣ въ раю неловко,
 О, прости мнѣ, Боже!...

.*)).

Онъ долго лежалъ молча, послѣ того, какъ она кончила читать, и она боялась потревожить его своими вопросами.

— Это было такъ давно,—сказалъ онъ наконецъ. Глубокій, невольнo вырвавшійся вздохъ дополнилъ его слова.

Она поняла этотъ вздохъ. Ей такъ часто приходилось стоять лицомъ къ лицу со вспышками любви къ жизни у этого приговореннаго къ смерти, подавлявшаго ихъ силой своей воли.

Вопросъ, который уже былъ у нея на губахъ, такъ и остался неизреченнымъ. Ей стыдно стало своего эгоистическаго мелкаго самолюбія, которое снова направило его мысли на безконечный путь страданій, гдѣ онъ такъ часто изнемогали.

Но вечеромъ, когда она направлялась по шумнымъ улицамъ къ себѣ на Монмартръ, она мысленно переживала всѣ тѣ моменты этой любовной исторіи, о которыхъ онъ упоминалъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ своемъ воображеніи она видѣла блестящее общество, собравшееся въ княжескомъ салонѣ; она видѣла высокыхъ, важныхъ мужчинъ и прекрасныхъ дамъ въ великолѣпныхъ туалетахъ, и прекраснѣ всѣхъ была она, Китти. Въ отдаленіи, въ нишѣ окна стоитъ человекъ и слѣдитъ за ней своими большими, синими глазами. «Хотите быть представленнымъ ей?»—говоритъ герцогиня съ лукавой усмѣшкой. И поэтъ отрывается отъ своихъ мечтаній и оборачивается къ говорящей съ уклончивымъ, шутливымъ отвѣтомъ. Онъ боится. Онъ инстинктивно защищается, какъ отъ грозящей опасности. Онъ хочетъ держаться вдали отъ нея, но его непреодолимо притягиваетъ къ ней. Онъ смотритъ на нее и уже предчувствуетъ приближающіяся страданія. Чело ея ясно, но видно, что его можетъ омрачить вихрь страсти. Выраженіе рта кротко, но это ротъ женщины: онъ можетъ цѣловать и обманывать... Странная сила заставляетъ его подойти къ ней—онъ слышитъ ея голосъ—голосъ этотъ глубокий и въ немъ звучать нотки затаенной страсти. Но вотъ она оборачивается къ нему и спрашиваетъ, какъ зовутъ пѣвицу, которая поетъ... и онъ

*) Переводъ А. Я. Мейснера.

отвѣчаетъ заикаясь, что онъ не слышалъ даже, чтобы кто-нибудь пѣлъ.

И вотъ онъ снова, какъ старый волшебникъ Мерлинъ, попалъ въ сѣти своихъ собственныхъ чаръ, онъ у ея ногъ, онъ мечтаетъ о ея глазахъ, онъ мечтаетъ о ея поцѣлуяхъ... пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный день мечты не превращаются въ дѣйствительность, — каріе глаза смотрятъ на него съ выраженіемъ пламенной любви, албы губы сливаются съ его губами въ страстномъ поцѣлѣ. Онъ въ ея объятіяхъ, она любитъ его, она не хочетъ выпускать его изъ своихъ объятій... и онъ связываетъ, наконецъ, ея руки ея же прекрасными, черными волосами...

Марго шла быстро, не глядя по сторонамъ, и черезъ нѣсколько времени она очутилась на углу Rue de la Paix и Boulevard des Capucines. По широкой площади проносились взадъ и впередъ цѣлыя вереницы экипажей съ элегантными мужчинами и дамами, которые разговаривали, смѣялись и смотрѣли другъ на друга сверкающими глазами. Мимо нея проносилась жизнь, полная наслажденій, удовольствій, — жизнь большого свѣта, богатая и легкомысленная, напоминающая собою рои комаровъ, кружащихся въ солнечномъ сіяніи. Это были избранники счастья — они проѣзжали мимо нея въ великолѣпныхъ экипажахъ, запряженныхъ цугомъ кровными конями, и быстро неслись дальше по улицѣ. Она остановилась у угла, выжидая перерыва, чтобы перейти черезъ улицу безъ риска попасть подъ колеса.

Наконецъ она благополучно перешла черезъ площадь и продолжала свой путь, погружаясь въ мечты.

Вотъ тотъ свѣтъ, къ которому ее тянуло непреодолимо, но который навсегда останется для нея закрытымъ. Но *онъ* жилъ въ немъ. Онъ вращался въ этомъ свѣтѣ увѣренно, молодой, веселый и здоровый, въ ореолѣ славы и извѣстности, съ карманомъ; наполненнымъ звонкими лундорами, за которые онъ могъ купить все.

Все? Нѣтъ, не все. Онъ не могъ купить истинную, беззавѣтную преданность... и все-таки:

«Какое намъ счастье съ тобою!
Отъ насъ далеко ихъ вражда —
Головку ты въ небѣ родишь
Покояшь, родная звѣзда!»

Да! Эти слова были подсказаны беззавѣтной преданностью, не только подъ влияніемъ чувственного опьяненія, но также и подъ влияніемъ глубокаго, истиннаго чувства, которое, какъ она думала, онъ впервые испыталъ по отношенію къ ней...

Онъ любилъ прекрасную Китти. Она склонила свою голову къ нему на грудь, и такъ они сидятъ тихо, молча, утонувъ другъ въ другѣ, высоко, высоко надъ людскимъ тщеславіемъ, надъ людской борьбой и надъ суетой земной...

Настала весна. Все расцвѣло и зазеленѣло; блестящій экипажъ катится по дорогѣ, въ экипажѣ сидятъ она и онъ. Она смотритъ на него взоромъ полнымъ любви; онъ обнялъ ее за талю и чувствуетъ своей рукой біеніе ея сердца.

Утренняя роса. Прохладный утренній воздухъ. Птицы щебечуть, солнце сіяетъ. Роса сверкаетъ въ зеленой травѣ. Цвѣтущее вишневое дерево медленно покачиваетъ своей верхушкой.

И цвѣты съ любопытствомъ взираютъ съ земли на прекрасную женщину, которую онъ избралъ своей невѣстой, и на него самого, этого счастливица, которому она отдалась...

...Но въ роскошныхъ дарахъ весны уже кроется духъ разрушенія. Онъ не вѣритъ въ долговѣчность счастья. Весна пройдетъ—она измѣнить...

Весна проходитъ, проходитъ лѣто, наступаетъ осень. Она не измѣнила; она умерла. Съ рыданіями отрывается онъ отъ ея смертнаго одра. Еще и теперь въ послѣднюю минуту ея черты озаряетъ блѣдная улыбка. До самой послѣдней минуты заботится она о его благополучіи съ трогательной нѣжностью. Ея послѣдняя просьба заключается въ томъ, чтобы онъ, когда наступитъ зима, надѣвалъ теплые чулки, которые она связала ему изъ мягкой шерсти...

Марго почувствовала, что у нея на глазахъ навернулись слезы. Эта женщина *была* для него тѣмъ, чѣмъ она мечтала *быть* для него. Та, другая, встрѣтилась съ нимъ въ то время, когда онъ былъ здоровъ, онъ любилъ ее, онъ воспѣлъ ее. А теперь онъ лежитъ съ надломленными силами и протягиваетъ руки за послѣднимъ мыльнымъ пузыремъ, который ему попался на глаза. Но она не хочетъ, не хочетъ, не хочетъ примириться съ этимъ! Она молода, она хочетъ жить! Она не можетъ допустить, чтобы этотъ умирающій человѣкъ увлекъ ее за собой въ могилу. Она должна бороться съ этимъ ужаснымъ чувствомъ, съ этой страшной, все возрастающей страстью къ живому трупу.

Она возвратилась домой въ возбужденномъ состояніи и легла спать съ твердымъ рѣшеніемъ не посѣщать его такъ часто, не думать о немъ и всегда быть на стражѣ своихъ чувствъ къ нему, такъ какъ любовь и состраданіе, которыя она испытывала къ нему, слишкомъ нарушали ея душевный покой.

Прошло нѣсколько дней, и она дѣлала все, чтобы не измѣнить

своему рѣшенію. Она сидѣла дома и углубилась въ работу. Но самая работа, за которую она судорожно цѣплялась, чтобы забытья, постоянно напоминала ей того, о которомъ она не хотѣла думать. Работа ея состояла въ томъ, что она переводила его стихотворенія. Она замѣтила, что постоянно выбирала такія слова и выраженія, которыя соответствовали бы его вкусу, а не ея, и это было вполне естественно, но это не освобождало ея мыслей, не давало ей той духовной независимости, которую она хотѣла отвоевать себѣ, и она бросила переводы. Она принялась за одинъ рассказъ, планъ котораго у нея уже давно былъ составленъ въ головѣ. Но въ то время, какъ она исписывала одну страницу за другой, она поймала себя на томъ, что постоянно прислушивается къ его мнѣнію, слышитъ даже выраженіе его голоса, что она на свою работу смотритъ съ точки зрѣнія его личной критики. Она никогда не спрашивала себя, хорошо это или дурно? Ея вопросъ былъ всегда одинъ и тотъ же: понравится это ему или нѣтъ? Вотъ та формула, которая если и не всегда выражалась въ словахъ, то во всякомъ случаѣ всегда лежала въ основѣ ея личной критики.

Она попыталась достать переписку, и это удалось ей. Она надѣялась, что эта механическая, бездушная работа убьетъ ея воображеніе. Но результатъ получился обратный: въ то время, какъ она механически водила рукой по бѣлому листу бумаги, мысли ея улетали далеко и въ концѣ-концовъ всегда останавливались тамъ, куда разумъ и воля запретили имъ направляться.

А кромѣ того, имѣли также свое дѣйствіе и маленькія записочки, которыя появлялись подобно бѣлымъ голубямъ съ вѣстями отъ умирающаго; и каждая такая вѣсть была равносильна приказанію, котораго она не могла ослушаться. И вотъ она снова пошла къ нему, — та свобода, которую она старалась отвоевать себѣ при помощи всей своей силы воли въ продолженіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ разлукѣ съ нимъ, пропала безслѣдно.

Въ этихъ маленькихъ запискахъ всегда было нѣсколько строкъ, которыя оказывали на нее непреодолимое вліяніе. По большей части это было лаконическое извѣщеніе о состояніи своего здоровья, и эти строки всегда вызывали ея состраданіе. Часто подъ этими лаконическими извѣщеніями о своихъ страданіяхъ проглядывало подавленное чувство, которое невольно вырывалось наружу; и тогда она чувствовала, какъ сердце ея сжимаютъ двѣ мягкія руки. Иногда это чувство скрывалось подъ тономъ ироніи, которую она такъ хорошо знала. А иногда онъ говорилъ съ ней тономъ строгаго учителя, который обращается къ ученику, и это невольно вызывало у нея улыбку, потому

что она такъ ясно представляла себѣ его лицо съ наставническимъ выраженіемъ, подѣ которымъ неизмѣнно скрывалась любовь. Случалось также, что онъ игралъ на струнахъ ея самолюбія, и это льстило ей:

«Пользуюсь случаемъ, чтобы послать тебѣ рукопись стихотвореній, и прошу тебя просмотрѣть ихъ и потомъ принести съ собой сюда; мы прочтемъ ихъ вмѣстѣ, и ты выскажешь мнѣ свое мнѣніе относительно измѣненій, которыя, быть можетъ, придется сдѣлать».

Великій поэтъ съ всемірной славой обращался къ ней, какъ къ равной себѣ по духу, и просилъ у нея совѣта. Это довѣріе увеличивало ее въ ея собственныхъ глазахъ, и все остальное отступало на второй планъ и казалось мелочью въ сравненіи съ сознаниемъ чего-то великаго: что она сотрудница Генриха Гейне.

О ея собственныхъ литературныхъ попыткахъ онъ всегда отзывался съ деликатностью снисходительнаго судьи. Личная его симпатія къ ней заставляла его видѣть ея произведенія въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, нежели другія подобныя мелочи, которыя ему приходилось читать. Онъ ласково проводилъ по нимъ рукою и заканчивалъ свой отзывъ восхваленіемъ ея личныхъ достоинствъ. Но переходъ былъ всегда такъ игриво граціозенъ, — а Марго была женщиной, — что она не находила обиды въ томъ, что онъ придавалъ значеніе ея женской прелести.

«Твою маленькую рукопись я перечитывалъ нѣсколько разъ съ удовольствіемъ, — писалъ онъ ей однажды. — При свиданіи я еще выскажусь относительно этого. Итакъ, приходи завтра, если это возможно. Я жажду вновь увидѣть тебя и всегда думаю о тебѣ, моя очаровательная Mousche».

Въ другой разъ онъ писалъ:

«Сердце мое.

«Состояніе моего здоровья очень плохо, и я нахожусь въ страшно угнетенномъ состояніи. Мое правое вѣко взяло примѣръ съ лѣваго и закрылось окончательно; я едва могу писать. Но я люблю тебя болѣе безгранично, чѣмъ когда-либо, и всегда думаю о тебѣ, моя ненаглядная. Разсказъ ничуть не показался мнѣ скучнымъ, напротивъ, онъ подаетъ надежды на будущее. Ты вовсе не такъ глупа, какъ это можно было бы подумать; но ты очаровательна невыразимо, и въ этомъ моя радость. Удастся ли мнѣ повидать тебя завтра? Я этого еще не знаю; если мои страданія будутъ упорствовать, то я дамъ тебѣ знать.

«Я нахожусь во власти самаго ужаснаго плаксиваго настроенія. Мое сердце разверзто въ судорожномъ припадкѣ. Я долженъ былъ бы

быть или мертвымъ, или сильнымъ человѣкомъ, который не нуждается ни въ какихъ цѣлебныхъ средствахъ.

Несчастье, имя твое

Г. Гейне».

Его нервная система представляла изъ себя самый чувствительный барометръ. Во время свѣтлыхъ, ясныхъ лѣтнихъ дней состояніе его здоровья было сравнительно хорошо, и припадки болѣе мучили его рѣже.

Но теперь время шло къ осени; погода испортилась, и сырой, тяжелый воздухъ понизилъ его жизненную энергію. Припадки мигрени становились все чаще и чаще, и въ такихъ случаяхъ онъ никогда не хотѣлъ, чтобы она видѣла его.

Она часто думала надъ причиною этого. Ужъ не было ли это послѣдними остатками мужского кокетства? Этотъ умирающій чловѣкъ имѣлъ всегда такой изящный видъ въ своей бѣлой элегантнои постели и въ своемъ элегантнои туалетѣ больного. Въ его манерѣ одѣваться осталось еще много безсознательнаго, врожденнаго изящества свѣтскаго чловѣка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда безъ малѣйшаго смущенія принималъ отъ нея самыя интимныя дружескія услуги, какія оказываютъ сидѣлки своимъ паціентамъ. Такъ, значитъ, причина скрывалась не въ мужскомъ кокетствѣ?

Нѣтъ, скорѣе всего причина была та, что онъ хотѣлъ избавить ее отъ зрѣлища своихъ страданій. Она имѣла слишкомъ много доказательствъ его вниманія и любви, чтобы считать это объясненіе самымъ правдоподобнымъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда страданія овладѣвали имъ, онъ писалъ ей обыкновенно записку, въ которой просилъ или отнѣнить, или отложить предполагаемое посѣщеніе. Но въ этихъ письмахъ его страстное желаніе видѣть ее вырывалось часто въ видѣ вздоха, который доказывалъ, что его желаніе еще сильнѣе и мучительнѣе для него, нежели физическія страданія, скрываемаыя имъ подъ тономъ игривой ироніи.

Одна изъ подобныхъ записочекъ гласила слѣдующее:

«Несравненная, очаровательная моя киска.

«Я не хочу, чтобы ты приходила завтра (въ среду), ибо я уже чувствую наступленіе мигрени, но если ты можешь посвятить мнѣ нѣсколько мгновеній въ пятницу, то это вознаградитъ меня за то долгое время, которое я не видалъ тебя. Съ пятницы я готовъ каждый день принимать тебя, и чѣмъ чаще ты будешь приходить, тѣмъ больше ты мнѣ доставишь счастья. Моя милая, хорошая, очаровательная Mouche, приди, я хочу услышать легкій шорохъ твоихъ маленькихъ

ножегъ въ моей комнатѣ. Я знаю одну пѣсню Мендельсона съ припѣвомъ: «приди скорѣ». Эта мелодія постоянно звучить у меня въ ушахъ—«приди скорѣ».

«Цѣлую обѣ твои милыя ножки, но не заразъ, а сперва одну, потомъ другую.

«Всего хорошаго.

Г. Г.»

Всегда, всегда всё эти письма были проникнуты нѣжностью, и это всегда дѣйствовало на ея сердце. Бъ чему было принимать рѣшеніе не видаться съ нимъ? Развѣ могла она противустоять, когда онъ писалъ ей:

«Мнѣ такъ хочется видѣть тебя, послѣдній цвѣтокъ моей непроглядной осени, мою безгранично любимую».

Нѣтъ, она не могла слышать выраженія его голоса и не послушаться его,—и она слѣшила къ нему. И каждый разъ она чувствовала, какъ онъ отвоевывалъ себѣ понемногу ея сердце у холоднаго разсудка, который требовалъ, чтобы она бѣжала отъ него.

Онъ варьировалъ выраженія въ этихъ записочкахъ на всевозможные лады. Часто, когда она получала послѣднюю записку, то ей казалось, что онъ прошелъ всѣ оттѣнки ласкательныхъ выраженій, и она съ нѣкоторымъ скептицизмомъ ждала, что слѣдующее письмо будетъ повтореніемъ предыдущаго. Но всегда она находила въ письмахъ новыя выраженія, новыя ласкательныя слова, новыя оттѣнки. Лишь краткія сообщенія о состояніи его здоровья всегда носили одинъ и тотъ же мрачный характеръ.

Во всемъ, даже въ мелочахъ его нѣжность проявлялась иногда самымъ трогательнымъ образомъ.

Разъ вечеромъ, когда она возвратилась отъ него домой, она замѣтила, что забыла у него свою вуаль. На слѣдующій день она хотѣла уже идти къ нему за вуалью, какъ вдругъ получила отъ него одну изъ его маленькихъ записочекъ. Она распечатала письмо и прочла:

«Сегодня я чувствую себя такъ плохо, что боюсь, какъ бы завтра мнѣ не стало еще хуже. А потому я долженъ просить тебя только въ субботу или въ воскресенье доставить мнѣ счастье твоимъ посѣщеніемъ. Твоя вуалетка, тщательно сложенная, лежитъ на моемъ письменномъ столѣ.

«Я люблю тебя со всей нѣжностью умирающаго, то-есть съ величайшей искренностью, какую только вообще можно вообразить себѣ».

Въ одинъ ненастный, дождливый осенній день онъ писалъ ей:

«Погода нехорошая, и мнѣ нехорошо, и я не хочу, чтобы мой цвѣ-

токъ лотоса подвергался неприятностямъ этого сырого, холоднаго тумана. Ахъ! съ какою радостью я подарилъ бы тебѣ одинъ изъ тѣхъ сіяющихъ дней, какіе можно пережить только на берегахъ Ганга, и которые собственно и принадлежать цвѣтку лотоса. Приходи скорѣе!—но еще разъ: не сегодня».

— Я чувствую себя разжалованной, — сказала она съ улыбкой послѣ того, какъ онъ въ первый разъ назвалъ ее цвѣткомъ лотоса. — Муха опустилась изъ царства животныхъ въ царство растений.

Онъ также улыбнулся, но потомъ протянулъ свою руку, поймалъ ея руку и, лаская ее между обѣими своими, онъ сказалъ:

«Въ своей молодости я мечталъ объ Индіи. Въ своемъ воображеніи я шелъ по берегу священной рѣки, слышалъ, какъ шумятъ ея волны и видѣлъ, какъ маленькія газели утоляютъ жажду въ ея струяхъ. Большіе, красные цвѣты благоухали и, какъ языки пламени, выдѣлялись по краямъ тропинки, то тутъ, то тамъ въ травѣ извивалась ящерица, сверкая на солнцѣ мѣдью, небо было голубое, воздухъ раскаленный... и бокъ-о-бокъ со мной шла она, та, которую я любилъ.

«Это была голубоглазая и златокудрая дѣвушка, какъ ты. Изъ-за нея я пролилъ много горькихъ слезъ и написалъ много дурныхъ стиховъ. Она была королевой въ странѣ моей мечты—первымъ цвѣткомъ лотоса въ моей юности. Ты—последній въ моей жизни».

Иронія и печаль боролись въ его словахъ, какъ двое рѣзвящихся дѣтей—печаль подъ конецъ побѣдила:

— Всегда въ моихъ отношеніяхъ съ этими королевами изъ міра моей фантазіи мнѣ приходилось довольствоваться нищенскими прохами любви, которыя называются поцѣлуями и ласками. Слова, мысли, воображеніе—ничего больше!

Онъ замолкъ, и скорбное выраженіе окончательно овладѣло его лицомъ. Она знала почему.

Наступилъ ноябрь. Растяженіе жилы въ ногѣ продержало Марго нѣкоторое время дома. Онъ звалъ ее въ каждомъ письмѣ, но она не могла придти. Сама она страдала отъ тоски по немъ, и эта тоска росла съ каждымъ днемъ и возбуждалась отъ каждой его маленькой аписочки.

Она отвѣчала ему въ томъ же легкомъ тонѣ, къ которому онъ прибѣгалъ, когда говорилъ о своихъ собственныхъ страданіяхъ, и писала, что не владѣетъ ногами, но скоро выздоровѣетъ и будетъ ослѣ него.

Слѣдующая его записка содержала лаконическое увѣдомленіе о томъ, что онъ не можетъ ее принять. У него начался тяжелый при-

падокъ мигрени. «Я не вижу даже, что я пишу», заканчивалъ онъ свою записку.

Прошло дня два. Она получила новую записку:

«Дорогой другъ.

«Я продолжаю быть очень боленъ и не могу тебя видѣть сего дня. Но я надѣюсь, что ты можешь придти завтра, въ воскресенье. Если ты даже и послѣзавтра не можешь придти, то напиши мнѣ нѣсколько словъ.

Твой бѣдный другъ Навуходоносоръ II».

«Дѣло въ томъ, видишь ли, что я также не благоразуменъ теперь, какъ вавилонскій царь, и ѣмъ только рубленую траву, которую моя кухарка называетъ «шпинатомъ».

Отрывистый, нервный тонъ въ этихъ записочкахъ говорилъ ей яснѣ всякихъ жалобъ, какъ тяжело онъ страдалъ. Въ сравненіи съ этими страданіями ея собственныя маленькія казались ей такими незначительными, что она не хотѣла даже и говорить о нихъ. Но какъ бы то ни было, ея нога отказывалась служить ей, и она не могла пойти къ нему ни въ воскресенье, ни въ понедѣльникъ. А потому она написала ему коротенькое письмо и общалась въ выраженіяхъ, которыя дышали любовью и состраданіемъ, скрытыми подъ игривымъ тономъ, что она скоро придетъ къ нему.

Въ отвѣтъ на это она получила письмо и стихотвореніе:

«Дорогой другъ.

«Благодарю тебя за твои строки, полныя любви. Я радъ, что скоро ты снова будешь здорова; но,—увы!—самъ я чувствую себя очень плохо—слабъ и печаленъ; часто малѣйшая неудача, самая пустая злая выходка со стороны судьбы, которая насмѣхается надо мною, вызываетъ у меня слезы. Каждый больной человекъ—идіотъ. Я вовсе не люблю, чтобы меня видѣли въ такомъ состояніи,—и все-таки! Мнѣ необходимо слышать, какъ моя Mousche возится вокругъ меня. Приходи скорѣе!—какъ только милостивая государыня пожелаетъ этого, или лучше, какъ только это будетъ возможно,—слышишь, моя милая, маленькая мордочка! Посылаю тебѣ стихотвореніе, которое я кое-какъ нацарапалъ: это не что иное, какъ поэзія больничнаго пациента.

«Мужчина-глупецъ къ женщинѣ-дурочкѣ!

Г. Г.»

Стихотвореніе было слѣдующее.

Цветокъ лотоса

Понятнѣ странной четкою
Насъ вѣрно бы каждый называлъ:

Чуть двигаетъ милая ножки,
Разслабленнымъ другъ ея сталъ!

Она ослабѣвшій котенокъ,
Онъ болью измученъ, какъ песъ,
И здоровъ ли расудокъ обонхъ—
Еще не рѣшенный вопросъ?

За лотосъ, стыдливо цвѣтущій,
Себя она выдать не прочь...
Онъ, блѣдный, увѣренъ, что сталъ онъ,
Какъ мѣсяцъ въ безмолвную ночь!

Открывъ свою чашечку, лотосъ
Привѣтствуетъ мѣсяца свѣтъ—
Но вмѣсто блаженства и жизни
Находитъ стихи лишь въ отвѣтъ *).

Перевела М. Благовѣщенская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Перевелъ Юрій Веселовскій.

Полдень въ чащѣ.

Зеленый мохъ, на немъ лампадный свѣтъ,
А въ глубинѣ, подь сумракомъ навѣса
Босматыхъ хвой—тамъ солнца вѣчно нѣтъ,
И дремлетъ тѣнь—ночная тайна лѣса.

И свѣтъ ея, какъ свѣтъ подводной мглы,
Какъ надъ русалкой спящею лампада...
И очи сумрака загадочно свѣтлы,
И свѣтъ дневной ввусилъ ночной отрады.

Не сохнуть никогда здѣсь капельки росы,
Печаль лѣсной души не хочетъ утѣшенья,
И, полонъ дикой, сказочной красы,
Бровавый мухоморъ хранить ея владѣнья.

В. Малахіева-Мировичъ.

Основы реорганизации арміи *).

По установленному нами расчету, — 2 орудія на баталіонъ и четырехорудійныя батареи, — на корпусъ придется 64 полевыхъ скорострѣльныхъ орудія, или 16 батарей.

Четыре батареи, командирами которыхъ могутъ быть частью капитаны, частью подполковники **), составляютъ полкъ подъ командой полковника. Два полка сводятся въ артиллерійскія бригады, подъ командой генералъ-майоровъ. Эти бригады, въ видѣ третьихъ бригадъ, входятъ въ составъ пѣхотныхъ дивизій.

Кромѣ того, при каждомъ армейскомъ корпусѣ формируется два полка специального назначенія, — одинъ мортирный, другой горный, — подъ общей командой генералъ-майора, который вмѣстѣ съ тѣмъ является начальникомъ корпусной артиллеріи, не входящей въ составъ дивизій, и которому должны быть подчинены артиллерійскіе парки.

Нынѣшняя должность начальника артиллеріи корпуса, вѣдающаго въ мирное время всю артиллерию корпуса, находящуюся въ непосредственномъ подчиненіи ему, а въ военное время не знающаго, что ему дѣлать, ибо бригады переходятъ въ подчиненіе начальникамъ дивизій, должна быть уничтожена. Она совершенно ненужна, какъ о томъ свидѣлствуютъ нѣкоторые изъ бывшихъ на войнѣ вполне добросовѣстныхъ начальниковъ артиллерій. Артиллерійскіе генералъ-майоры становятся въ общую линію для полученія дивизій.

Такимъ образомъ должна быть организована артиллерія армейскаго корпуса.

Что касается состава батарей артиллеріи корпуса въ мирное время, то какъ какъ желательно весь корпусъ всегда имѣть въ полной боевой готовности, то запряжка полевыхъ батарей должна быть полная, а не сокращенная и часто даже очень сокращенная, какъ это имѣетъ мѣсто теперь.

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1908 г.

**) Эту уступку приходится дѣлать въ артиллеріи потому, что тутъ нѣтъ группы, отвѣтствующей баталіону въ пѣхотѣ. Для стройности чинопроизводства нужно копиться отъ проведенія здѣсь принципа соответствія чина занимаемой должности.
книга VIII, 1908 г.

По штатамъ мирнаго времени въ настоящее время содержится людей около четырехъ пятыхъ боевого состава, лошадей значительно меньше; но при организаціи скорострѣльныхъ батарей, даже при условіи содержанія частей-скелетовъ, для правильнаго функціонированія ихъ въ мирное время необходимо имѣть не менѣе половины лошадей штата военнаго времени. Остановимся на этихъ цифрахъ.

Всѣ дальнѣйшіе расчеты мы будемъ вести по числу орудій, считая орудіе, съ принадлежащими ему ящиками и проч., опредѣленной частью батарей. Число людей и лошадей въ военное время примемъ одинаковымъ въ обѣихъ рассматриваемыхъ организаціяхъ; въ мирное же время будемъ считать по нынѣшней организаціи четыре пятыхъ потребнаго числа людей и половину лошадей; по предлагаемой мною организаціи составъ тѣхъ и другихъ долженъ быть полный.

По приведенному выше расчету на корпусъ приходится 96 орудій, по прежнему—112, т.-е. на 16 орудій больше. Нижними чинами этихъ шестнадцати орудій можно дополнить, до полнаго штата военнаго времени, шестьдесятъ четыре орудія новой организаціи, а лошадьми—шестнадцать; на остальные 32 орудія придется взять людей изъ восьми орудій упраздняемаго корпуса, а для укомплектованія 80-ти орудій лошадьми придется взять ихъ изъ соответствующаго количества орудій упраздняемаго корпуса. Такимъ образомъ, въ экономіи отъ двухъ корпусовъ останутся нижніе чины 104 орудій, а лошади—всего лишь 32 орудій. Если къ этому прибавить людей и лошадей отъ 112 орудій изъ упраздняемыхъ сверхъ 12 корпусовъ излишнихъ двухъ дивизій, получимъ экономію въ людяхъ отъ 136 орудій, а въ лошадяхъ—отъ 496 орудій. Считая по штатамъ мирнаго времени не скорострѣльныхъ, а нынѣ существующихъ дальнобойныхъ батарей по 22 человѣка и 15 лошадей на орудіе (что меньше штата скорострѣльныхъ), получимъ при предлагаемой мною организаціи экономію 29,920 человѣкъ и 7,440 лошадей.

Что касается команднаго персонала, то сравнительныя цифры обѣихъ организацій будутъ слѣдующія:

	Нынѣшняя.	Предлагаемая мною.
Генералъ-лейтенантовъ	12	—
Генералъ-майоровъ	50	36
Полковниковъ	125	60
Подполковниковъ	350	154 (половинаком. бат.)
Баталіоновъ	350 (старш. офиц.)	154 (половинаком. бат.)
Прочихъ офицеровъ	2,100 (6 на бат.)	1,848 (6 на бат., считая штабы и развѣдч.)

Экономія, особенно въ высшемъ командномъ персоналѣ, значительная, приобретающая особую цѣну потому, что въ рукахъ остающагося команднаго персонала будутъ теперь всѣ средства для подготовки себя и частей къ бою, и къ походу они изготовятся гораздо скорѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ артиллеріи оказывается необходимость въ резервныхъ частяхъ, назначеніе которыхъ прежде всего заключается въ томъ, чтобы формировать части на замѣну ушедшихъ въ походъ на случай, если потребуются усиленіе дѣйствующихъ армій новыми боевыми единицами.

Формируемые изъ резервныхъ полковъ корпуса нуждаются въ артиллеріи, и вотъ для снабженія ихъ таковой необходимо содержать резервныя части артиллеріи.

Въ настоящее время и въ резервной артиллеріи мы замѣчаемъ отсутствіе единства организаціи, что весьма понятно, если организація дѣйствующей артиллеріи находится въ хаотическомъ состояніи. Слѣдуетъ и сюда ввести нѣкоторую стройность и цѣлесообразность.

Для обезпеченія артиллеріей корпусовъ, формируемыхъ изъ резервныхъ частей, достаточно имѣть на каждую дивизію по двѣ батареи, которыя съ объявленіемъ мобилизаціи разворачиваются въ два артиллерійскихъ полка, составляющихъ артиллерійскую бригаду. Кроме того, такъ какъ въ каждомъ корпусѣ должна быть артиллерія спеціальнаго назначенія, необходимо имѣть по одной горной и одной мортирной резервной батарее на корпусъ для формированія горнаго и мортирнаго артиллерійскихъ полковъ. Итого 6 батарей на корпусъ или на 12 корпусовъ—72 резервныя артиллерійскія батареи.

Въ какомъ же составѣ содержать резервныя батареи?

Конечно, въ полномъ боевомъ составѣ. Въдъ резервныя батареи прежде всего должны обезпечить надлежащую устойчивость вновь формируемыхъ изъ нихъ четырехъ батарей; каждый взводъ долженъ дать достаточный кадръ для цѣлой батареи, и если онъ будетъ содержаться въ полномъ расчетѣ военнаго времени, то, значить, въ него при мобилизаціи во-лется всего лишь три четверти батарейнаго состава, и хорошо обученная и сплоченная четверть будетъ достаточна для того, чтобы при нѣкоторомъ запасѣ времени новая батарея оказалась вполне пригодной для боя.

Полный составъ резервной батареи необходимъ еще и потому, что, подобно сказанному мною о резервной пѣхотѣ, я предложилъ бы возложить на резервныя батареи обученіе молодыхъ солдатъ для соименныхъ съ ними полковъ дѣйствующей артиллеріи, а для успѣшнаго выполненія этой отвѣтственной задачи батарея должна имѣть достаточный какъ личный, такъ и конскій составы. Кроме того, обученіе офицеровъ и нижнихъ чиновъ требуетъ полного состава батареи, въ особенности во время полевыхъ за-тій, имѣющихъ при обученіи войсковыхъ частей первенствующее знаніе.

Все сказанное заставляеть насъ придти къ заключенію, что резервная гарезя должна содержаться въ полномъ военномъ составѣ.

Знаю, что мое предложеніе слишкомъ необычно, что оно идетъ въ раз-зъ и съ нынѣшней организаціей резервной артиллеріи и съ установив-имся среди многихъ старыхъ артиллеристовъ взглядомъ на резервную

артиллерию, какъ таковую, гдѣ не нужно ни артиллерійскихъ знаній, ни артиллерійскаго дѣла, а необходимо только въ порядкѣ содержать цейхгаузы, аккуратно вести табели имущества, вытрушивать, провѣтривать, просушивать и отвоевывать у моли огромные запасы мундирной одежды, красить и чистить матеріальную часть артиллеріи и менѣе всего заниматься боевой подготовкой кадровъ будущихъ боевыхъ батарей. Я ожидаю встрѣтить со стороны поклонниковъ нынѣшнихъ частей-скелетовъ упрекъ, что напрасно тратитъ большія средства для содержанія резервныхъ батарей въ полномъ составѣ, когда еще недавно онѣ содержались всего лишь съ двухъорудійной запряжкой, а теперь живутъ и работаютъ съ запряжкой только на четыре орудія.

На это я возражу только, что пора отрѣшиться отъ взгляда на резервную батарею, какъ на отдѣлъ артиллерійскаго и интендантскаго складовъ, и надо дать командному персоналу возможность серьезно подготовить кадры, а для этого необходимо дать достаточныя и конскій и людской составы.

Могутъ меня упрекнуть еще и за то, что я, признавъ возможнымъ для резервной пѣхоты содержать кадры въ количествѣ одной восьмой боевого состава, для артиллеріи требую таковыхъ въ количествѣ одной четверти.

Но слѣдуетъ помнить, что служба въ артиллеріи гораздо разнообразнѣе и сложнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ, а потому и подготовка мирнаго времени гораздо труднѣе, да и въ военное время важно имѣть сильныя кадры, къ которымъ легче приладятся вошедшіе въ составъ батареи при мобилизаціи чины.

Поэтому я остаюсь при указанной мною нормѣ.

Таковъ составъ нижнихъ чиновъ и лошадей резервной батареи.

Что касается офицерскаго состава, то таковой опредѣляется слѣдующими соображеніями.

Кадръ офицеровъ долженъ обезпечить надлежащую подготовку батареи и новобранцевъ соименнаго полка, а также дать командный персоналъ полка, формируемаго изъ резервной батареи.

Начнемъ съ удовлетворенія послѣднему условію.

Въ батареѣ должно быть четыре капитана—будущіе командиры формируемыхъ батарей, четыре поручика—будущіе старшіе офицеры-замѣстители командировъ батарей и кромѣ того два младшихъ офицера для занятія въ штабѣ полка должностей адъютанта и казначея. Одинъ изъ командировъ двухъ резервныхъ батарей, формирующихъ полевые полки, долженъ быть въ чинѣ полковника для занятія должности командира артиллерійской бригады; въ этой же батареѣ долженъ быть еще одинъ старшій капитанъ для командованія сформированнымъ изъ батареи полкомъ; другіи полкомъ будетъ командовать второй командиръ батареи, подполковникъ.

Итого, не считая командира батареи, десять-одиннадцать офицеровъ.

Такой офицерский состав вполне достаточен для надлежащей строевой подготовки батареи и проходящих через батарею молодых солдатъ, особенно если часть заботъ о храненіи имущества переложить на соответствующіе органы—артиллерійскіе и интендантскіе склады. Если же въ каждую резервную батарею включить еще по пятому взводу (1 капитанъ и 1 поручикъ) для формировація во время мобилизаціи запасныхъ батарей, то успѣхъ работы будетъ обеспеченъ еще болѣе.

Всей резервной артиллеріей корпуса (6 батарей) можетъ командовать полковникъ, который при мобилизаціи назначается начальникомъ корпусной артиллеріи, не входящей въ составъ дивизій.

Исходя изъ всего вышесказаннаго и опираясь на приведенныя выше цифровыя данныя, мы получимъ слѣдующій составъ резервной артиллеріи, включая сюда и запасные взводы.

	На корпусъ.	На 12 корпусовъ.
Полковниковъ	3	36
Подполковниковъ	4	48
Капитановъ	32	384
Поручиковъ	42	504
Нижнихъ чиновъ	900	10,800
Лошадей	720	8,640

Сравненіе приведенныхъ цифръ съ соответствующими цифрами нынѣшней организаціи резервной артиллеріи не такъ легко, какъ это кажется на первый взглядъ. Но попытаемся разобраться и въ этомъ.

Для сравненія возьмемъ не всѣ существующія въ настоящее время резервныя артиллерійскія части, а только шесть резервныхъ артиллерійскихъ бригадъ (по пять батарей), три запасныя бригады (по три батареи) и три запасныя батареи. Я принимаю въ расчетъ только эти, расположенныя въ Европейской Россіи резервныя и запасныя части, соответствующія тѣмъ пѣхотнымъ дивизіямъ, которыя положены въ основу всѣхъ моихъ численныхъ расчетовъ, и не принимаю резервныхъ частей отдаленныхъ округовъ и даже Кавказа, хотя въ числѣ принятыхъ мною дивизій есть и дивизіи, стояція на Кавказѣ. Дѣлаю я это для того, чтобы отстранить отъ себя всякій упрекъ въ желаніи получить числа, дающія мнѣ выгоду для сравненія.

Считая въ каждой батареѣ штатное число офицеровъ—одинъ подполковникъ, четыре капитана (или штабсъ-капитана), шесть поручиковъ, около 90 нижнихъ чиновъ и около пятидесяти лошадей и принимая во вниманіе численный составъ высшаго команднаго персонала, мы получимъ слѣдующій составъ нашей нынѣшней резервной артиллеріи:

Генераль-майоровъ	9
Полковниковъ	12
Подполковниковъ	42
Капитановъ	156

Поручиковъ	234
Нижнихъ чиновъ	7,800
Лошадей	1,950

Сравненіе этихъ цифръ съ приведенными выше показываетъ, что экономія осуществляется только въ генералахъ. Число же остальныхъ офицерскихъ чиновъ, равно какъ нижнихъ чиновъ и лошадей, въ резервныхъ частяхъ по предлагаемой мною организаціи повышается. Но этотъ избытокъ съ лихвой покрывается той экономіей, которую мы получимъ при реорганизаціи полевой дѣйствующей артиллеріи. Въ частности, относительно числа лошадей слѣдуетъ сказать, что приведенное здѣсь число ихъ въ нынѣшней резервной артиллеріи должно быть удвоено, ибо всѣ наши расчеты мы вели по штатамъ полевой дальнобойной артиллеріи, между тѣмъ съ переходомъ къ скорострѣльной число ихъ даже при содержаніи частей-скелетовъ должно увеличиться, по крайней мѣрѣ, вдвое, ибо кромѣ четырехъ орудій должно быть запряжено по одному ящику на орудіе и добавлено нѣсколько лошадей для вводимой команды ординарцевъ-развѣдчиковъ. И это увеличеніе числа лошадей должно быть осуществлено не въ силу измѣненія принципа организаціи, а только отъ перевооруженія артиллеріи новой пушкой и введенія нѣкоторыхъ поправокъ въ штаты батарей. Такимъ образомъ кажущійся избытокъ лошадей при предлагаемой мною организаціи резервной артиллеріи еще сократится.

Не безъ нѣкотораго трепета перехожу я къ вопросу о конной артиллеріи. Любовь къ этой красивой и дорогой игрушкѣ у насъ въ арміи до того сильна, привычка любоваться плацъ-парадными ученіями кавалеріи и лихими выѣздами конныхъ батарей такъ глубока, особенно среди представителей старой школы военныхъ, что невольно думается, что вызовешь громы и молніи, высказавши еретическую мысль о полной ненужности этой дорого стоящей забавы. При настоящей конструкціи артиллеріи и возможности направить орудіе въ цѣль, совершенно не видя цѣли съ мѣста стоянія орудія, при страшной силѣ артиллерійскаго огня, благодаря которому весь бой ведется въ условіяхъ возможнаго укрытія дѣйствующихъ частей, столкновеніе двухъ большихъ кавалерійскихъ массъ съ лихо дѣйствующей конной артиллеріей въ каждой, если и не совсѣмъ невозможно, то во всякомъ случаѣ мало вѣроятно; въ минувшую войну конная артиллерія обычно дѣйствовала точно въ такихъ же условіяхъ, какъ и пѣшая, и существованіе ея безусловно не оправдывалось боевымъ опытомъ. Вотъ почему я готовъ высказаться за полное уничтоженіе конной артиллеріи, какъ слишкомъ дорогой игрушки. Но въ виду указанныхъ мною выше застарѣлыхъ привычекъ нашихъ военныхъ сферъ, я пойду на компромиссъ и укажу на возможность при каждомъ армейскомъ корпусѣ имѣть по одной четырехорудійной конной батарее, имѣющей въ настоящее время главнымъ образомъ плацъ-парадное, а не боевое значеніе. Это составитъ значительное сокращеніе конной артиллеріи и реализуетъ огромную экономію, а вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ возможность корпусному командиру,—буде

если окажется необходимость придать какому-нибудь кавалерийскому отряду, получающему специальное назначение, артиллерию, — назначить таковую въ составъ отряда. Конечно, матеріальную часть конной артиллеріи должны составлять не полевые скорострѣльные пушки, а горныя, т.-е. конную артиллерию слѣдуетъ организовать въ видѣ конно-горныхъ батарей.

Экономія въ командномъ составѣ конной артиллеріи получится слѣдующая:

Командиръ бригады, генералъ-майоръ	1
Командировъ дивизионовъ, полковниковъ	16
Командировъ батарей, подполковниковъ	23
Оберъ-офицеровъ	130 (въ томъ числѣ старшихъ—23)

Если кто-нибудь возьметъ на себя трудъ, прочтя сказанное мною о реорганизации артиллеріи, сдѣлать подсчетъ числа орудій реорганизованной артиллеріи, то увидитъ значительное сокращеніе таковыхъ. За это я ожидаю упрековъ. Но, предвидя таковыя, я позволю себѣ лишь остановить вниманіе читателей на томъ знаменательномъ фактѣ, что когда, въ 1904 г., началась русско-японская война, то лишь немногія наши батареи были вооружены скорострѣльной пушкой *образца 1900 года*; перевооруженіе происходило во время войны, *часто даже на походѣ*. Большинство дѣйствующихъ батарей передъ самымъ началомъ войны были вооружены поршневыми пушками *образца 1895 года*, а многія дѣйствующія и рѣшительно всѣ резервныя имѣли на вооруженіи артиллерию *образца 1877 г.*, т.-е. совершенно устарѣвшую. Что касается горной артиллеріи, то таковая даже во время войны (первый періодъ) вся была вооружена пушками, игравшими скорѣе роль пращей, чѣмъ артиллерійскихъ орудій—настолько ничтожна дѣйствительность ихъ огня; она врядъ ли могла бы съ успѣхомъ состязаться даже съ современными ружьями.

Этотъ фактъ задержки въ перевооруженіи артиллеріи новой матеріальной частью лучше всего показываетъ, что мы въ числѣ орудій, числящихся по штатамъ, далеко вышли за предѣлы, допустимыя платежными и техническими средствами страны, и поэтому содержимъ хотя и много орудій, но частью не вполне, а частью и совершенно негодныхъ для современнаго боя.

Пора это сознать и сократить количество орудій, разъ мы не въ силахъ своевременно, по мѣрѣ развитія артиллерійской техники, ихъ обновлять.

Предлагаемый мною планъ реорганизации артиллеріи ведетъ къ этому олезному сокращенію, не умаля дѣйствительной боевой силы артиллеріи орпуса.

Г) Кавалерія.

Какъ эффектны бываютъ ученія кавалерійской дивизіи!

Кто изъ офицеровъ не выдастъ ихъ?

На большомъ, заранѣ изученномъ плацу, обыкновенно ровномъ, не представляющемъ серьезныхъ препятствій для движенія большихъ кавалерійскихъ массъ, стоитъ кавалерійская дивизія. По мановенію пашки начальника полки начинаютъ перестраиваться, дивизія движется впередъ стройными сомкнутыми рядами, сначала шагомъ, затѣмъ рысью, галопомъ... Конныя батареи карьеромъ обсканиваютъ флангъ своей кавалеріи, снимаются быстро съ передковъ и отрываютъ скорый огонь по атакуемому противнику. Сигналь—вся кавалерійская масса, тысячи всадниковъ, съ вынутыми пашками, мчится на воображаемаго противника, поражая его инерціей огромной массы и ударами остро отточенныхъ пашекъ.

Красивая, парадная картина!

Она напоминаетъ намъ картину полтавскаго боя, художественно воспроизведенную Пушкинымъ, или картину Лермонтовскаго «Бородино».

Но вѣдь со времени полтавской битвы прошло уже двѣсти лѣтъ, а отъ бородинскаго сраженія насъ отдѣляетъ цѣлое столѣтіе. За это время средства пораженія открыто идущаго противника усилились во много разъ, и кавалерійскимъ массамъ, наступающимъ сплоченными рядами, не выдержать залповъ скорострѣлокъ, пулеметовъ и магазинныхъ ружей.

Времена рыцарскихъ налетовъ и столкновеній кавалерійскихъ массъ отжили свой вѣкъ и, надо надѣяться, не возвратятся болѣе.

Это подтверждаетъ и опытъ минувшей войны. Лихая атака эсаула Босоротова, бросившагося на японскія окопы со своими донцами, окончилась неудачей, потому что сотня его наткнулась на проволочныя загражденія и, не достигнувъ успѣха, понесла значительный уронъ; атака кавалеріи генерала Самсонова подъ Сен-ю-ченомъ была встрѣчена сильнымъ пулеметнымъ огнемъ, и кавалерія вынуждена была спѣшиться и дѣйствовать, какъ пѣхота.

До сихъ поръ еще въ учебникахъ тактики и не устарѣвшихъ, а заново переработанныхъ, много говорится о тѣхъ стремительныхъ ударахъ, которые должна и можетъ наносить кавалерія даже не разстроенному противнику. Но если это и можетъ еще имѣть мѣсто, въ чемъ я позволю себѣ сомнѣваться, то лишь въ особо исключительныхъ случаяхъ и крайне рѣдко, при противникѣ невнимательномъ и мало опытномъ. А оправдывать содержаніе огромной кавалеріи такими случайными операціями было бы рискованно.

Операціи въ тылу неприятельской арміи, составляющія одну изъ боевыхъ задачъ кавалеріи, набѣги на тылъ съ цѣлью порчи телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, мостовъ и т. п., какъ показали опытъ минувшей войны, могутъ въ настоящее время быть успѣшными только при поддержкѣ пѣхоты. Знаменитый набѣгъ ген. Мищенко на Инкоу, окончившійся, въ сущности, неудачей, подтверждаетъ нашу мысль. Подтвержденіе будетъ еще доказательнѣе, если мы этотъ набѣгъ сравнимъ съ отвѣтнымъ появленіемъ японцевъ въ тылу нашего расположенія 30 января 1905 г., когда они напали на нашу пограничную стражу между станціями Фанцзятунъ и Гунч-

жулинъ и даже захватили одно наше орудіе. Это было въ полтораста-двухъстахъ верстахъ за нашими передовыми линиями, и успѣхъ японской кавалеріи объясняется только тѣмъ, что она опиралась на выдвинутую слѣдомъ за ней пѣхоту. И такимъ образомъ, опираясь на пѣхоту, дѣйствовала обычно японская кавалерія, что наши кавалеристы старались объяснить слабостью японской кавалеріи.

Что касается дѣйствій передовыхъ кавалерійскихъ отрядовъ, то значеніе ихъ тоже находится подъ большимъ сомнѣніемъ.

Развѣ брошенная впередъ, въ Корею, кавалерія генерала Мищенко задержала наступательное движеніе японской арміи? Конечно, нѣтъ. Японцы систематически двигались, впередъ тѣмъ же путемъ, какъ шли они въ японо-китайскую войну и даже, если не ошибаюсь, переправились черезъ Ялу въ томъ же самомъ мѣстѣ, тѣмъ же самымъ бродомъ, который оказался нами необслѣдованнымъ. Увлечшись захватомъ маленькихъ крѣпостей, въ родѣ Чончжу, кавалерія упустила главную свою задачу—развѣдку. А во время Тюренченскаго боя казаки Мищенко выполняли оригинальную для кавалеріи задачу: они охраняли побережье въ виду угрозы японцевъ высадкой у Татунгоу. Такое употребленіе кавалеріи можно объяснить только перегрузкой нашей арміи кавалеріей, съ которой просто не знали, что дѣлать.

Частыя дѣйствія кавалеріи въ минувшую войну въ спѣшенномъ строю тоже показываютъ избытокъ ея. Но вѣдь при постоянномъ дѣйствіи кавалеріи въ спѣшенномъ строю она обращается въ посаженную на коней пѣхоту, а это слишкомъ дорогая затѣя.

Изъ опыта минувшей войны мы можемъ заключить, что главнѣйшею, если не единственной, задачей современной кавалеріи можетъ быть только развѣдочная служба и служба связи, особенно важная при той разбросанности войсковыхъ частей и отрядовъ, которая имѣетъ мѣсто въ современномъ бою.

И мы не можемъ согласиться съ составителемъ «Учебника тактики М. Драгомирова», который послѣ перечисленія ряда возлагаемыхъ на кавалерію задачъ, говоритъ: «высказанное здѣсь отнюдь не умаляется неудачными дѣйствіями нашей конницы во время войны 1904—1905 гг.».

Нѣтъ, скажемъ мы, не только умаляется, но и почти совершенно аннулируется.

А если принять во вниманіе указанную авторомъ «сложность матеріальнаго состава конницы, ведущую къ тому, что при малѣйшемъ невниманіи къ ея нуждамъ въ военное время ее можно уничтожить въ два-три мѣсяца», и вспомнить примѣръ, приведенный имъ же изъ итальянской кампаніи, когда французы, двинувшіе въ апрѣлѣ 1859 г. 10 тысячъ кавалеріи, въ сраженіи при Сольферино въ іюлѣ имѣли только 3 тысячи, то намъ станетъ ясно, что при опредѣленіи численности кавалеріи въ арміи слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ и умѣреннымъ.

Все сказанное выше ясно доказываетъ необходимость и возможность

сократить процентный состав нашей кавалеріи и уменьшить военную тяготу, которую несетъ страна, держа, благодаря устарѣлымъ предразсудкамъ, огромную массу кавалеріи.

Я позволю себѣ поэтому взять половинную норму кавалеріи противъ установленной нашими учебниками тактики, т.-е. вмѣсто нынѣшнихъ 10 процентовъ пѣхоты только 5 процентовъ, или кавалерійская бригада изъ двухъ полковъ на одинъ армейскій корпусъ. Сдѣлать это я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ, что въ настоящее время у насъ есть корпуса съ такимъ составомъ кавалеріи; изъ 22 армейскихъ корпусовъ *только шесть* совершенно не имѣютъ своей кавалеріи. Правда зато имѣются отдѣльные кавалерійскіе корпуса; но отъ этихъ пережитковъ временъ рыцарства слѣдуетъ совершенно отказаться: слишкомъ непроизводительно тратить деньги на содержаніе войскъ, которымъ въ современномъ бою никогда въ такомъ составѣ дѣйствовать не придется.

По принятой нами нормѣ придется содержать на 12 армейскихъ корпусовъ всего 12 кавалерійскихъ бригадъ, или 24 кавалерійскихъ полка.

При первомъ взглядѣ на организацію кавалеріи въ Россіи и снабженіе ея арміи кажется весьма заманчивымъ совершенно отказаться отъ регулярной кавалеріи и службу развѣдки и связи поручить исключительно казачьимъ войскамъ, которыхъ у насъ слишкомъ много для того, чтобы обслуживать наши армейскіе корпуса. Но я не пойду по этому пути. Напротивъ, я считаю возможнымъ въ армейскихъ корпусахъ оставить исключительно полки регулярной кавалеріи, отказавшись отъ казаковъ. Для всякаго русскаго гражданина служба въ строю является тяжелой повинностью, ибо отрываетъ его отъ производительнаго труда, а семью лишаетъ работника. Для казака она еще болѣе тягостна: вѣдь онъ долженъ быть и собранъ, и снаряженъ на свои, либо на войсковыя средства и это является новой тяготой, и ложится тяжелымъ гнетомъ на все казачье населеніе.

Казачьими войсками я предложилъ бы воспользоваться нѣсколько иначе.

Ихъ слѣдовало бы считать резервомъ кавалеріи и придавать къ резервнымъ войскамъ, не держа постоянно на дѣйствительной службѣ. Чтобы казачьи полки, не содержимые въ мирное время, не потеряли своей профессиональной пригодности, слѣдуетъ ихъ собирать въ учебные сборы, при чемъ сборы эти производить черезъ годъ, въ составѣ полковъ, на войсковой территоріи, а черезъ годъ, въ составѣ бригадъ, для участія въ совокупныхъ занятіяхъ съ тѣми резервными войсками, съ которыми имъ придется идти въ походъ. Если бы эти резервные части во времени такихъ общихъ занятій укомплектовывались запасными до состава военнаго времени, то можно было бы производить маневры съ огромной пользой для обученія войскъ и ихъ старшихъ начальниковъ, и подготовка резервныхъ частей значительно повысилась бы.

Казачи получили бы при такомъ составѣ кавалеріи значительныя облегченія въ тягости своей службы и это отразилось бы на ихъ экономіи

ческомъ состояніи, какъ извѣстно, теперь въ значительной степени подорванномъ. Я не буду здѣсь вычислять выгоды казачьяго населенія, ибо это не входитъ въ предметъ настоящей статьи; замѣчу только вскользь, что для меня находится подъ большимъ сомнѣніемъ само существованіе казачьихъ войскъ, какъ отдѣльной военной организаціи, подчиненной особымъ условіямъ рекрутiroванія, комплектованія и содержанія. Казачество, какъ и монашество, отжило свое время. Но объ этомъ подробнѣе когда-нибудь въ другой разъ.

Перехожу къ исчисленію экономіи государственнаго казначейства отъ сокращенія числа полковъ регулярной кавалеріи.

Въ настоящее время полковъ регулярной кавалеріи, состоящихъ при тѣхъ 50 пѣхотныхъ дивизіяхъ, которыя мы положили въ основу всѣхъ нашихъ расчетовъ, состоитъ 54 полка, и это не считая двухъ кавалерійскихъ корпусовъ. Для нашей организаціи потребуется только 24 полка, т.-е. 30 кавалерійскихъ полковъ окажутся въ экономіи.

Сохраняя штаты кавалерійскихъ полковъ и войсковыхъ штабовъ тѣ же, что и нынѣ дѣйствующіе, мы получимъ для сравненія слѣдующія цифры:

	На 54 полка нынѣшн. организ.	На 24 полка предлагаемой.
Начальниковъ дивизій и отдѣльныхъ бригадъ (генераль-лейтенантовъ)	17	—
Командировъ бригадъ (генераль-майоровъ)	29	12
Командировъ полковъ	54	24
Командировъ эскадроновъ	325	144
Офицеровъ (не считая штабн.)	1,620	720
Нижнихъ чиновъ	48,600	21,600
Лошадей	48,600	21,600

Экономія очень значительная; но слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ этотъ расчетъ не введены кавалерійскія части, не входящія въ составъ корпусовъ, тоже подлежащія уничтоженію.

Нѣсколько словъ о запасныхъ кавалерійскихъ частяхъ. Согласно общей схемѣ реорганизаціи арміи, кажется самымъ цѣлесообразнымъ на каждую кавалерійскую бригаду армейскаго корпуса имѣть по одному запасному двухъ-эскадронному кавалерійскому дивизиону. Эти запасные дивизионы въ мирное время обучали бы молодыхъ солдатъ соименной кавалерійской бригады, а въ военное—черезъ нихъ проходили бы запасные нижніе чины и лошади, поступающія на укомплектованіе кавалеріи въ цѣляхъ пополненія убыли въ военное время.

Если подчинить эти дивизионы начальникамъ соименныхъ бригадъ, что существенно необходимо въ виду общности задачъ и въ мирное, и въ военное время, то оказались бы излишними начальники бригадъ кавалерійскаго запаса, и мы получили бы въ экономіи трехъ генераловъ-майоровъ въ ихъ штабахъ.

Личный составъ этихъ дивизионовъ вполне обеспечивается имѣющими

десятью запасными кавалерійскими полками, и по расформированіи ихъ мы имѣли бы, кромѣ указанной выше, еще, по крайней мѣрѣ, слѣдующую экономію команднаго персонала:

Командировъ полковъ	10
Командировъ эскадроновъ	36
Офицеровъ около	100

Осуществилась бы также значительная экономія въ нижнихъ чинахъ и лошадяхъ.

Д) Полевые инженерныя войска.

Въ вопросѣ реорганизаціи полевыхъ инженерныхъ войскъ приходится быть особенно осторожнымъ, главнымъ образомъ потому, что мы не знаемъ ни своихъ инженерныхъ войскъ, ни ихъ боевого употребленія. Это объясняется почти полной оторванностью этого рода войскъ отъ остальныхъ полевыхъ войскъ. Во время занятій мирнаго времени мы почти никогда ихъ не видимъ.

Причина, повидимому, лежитъ въ томъ фактѣ, что даже военная литература, военные учебники не указываютъ имъ опредѣленнаго мѣста.

Раскрывая трудъ нынѣшняго военнаго министра *), мы въ главѣ «Организація войскъ» находимъ перечисленіе различныхъ видовъ войскъ, причемъ въ отдѣлѣ «полевые войска» встрѣчаемъ среди пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи также и инженерныя войска. Но это чуть ли не единственное руководство, гдѣ инженерныя войска отнесены къ полевымъ. Уже въ очень распространенномъ и популярномъ среди военныхъ *Учебникѣ Тактики Драгомирова*, нынѣ переработанномъ и изданномъ въ 1906 году, инженерныя войска поставлены не въ ряду полевыхъ войскъ, а лишь въ сѣти «вспомогательныхъ войскъ и учрежденій» рядомъ съ военнымъ духовенствомъ и обозными частями.

Какъ ни неудобно и неумѣстно такое помѣщеніе инженерныхъ войскъ въ популярномъ учебникѣ, но все же оно сдѣлано, несмотря на то, что опытъ минувшей русско-японской войны могъ бы подсказать новымъ редакторамъ стараго труда генерала Драгомирова хотя бы теперь поставить въ учебникѣ инженерныя войска на надлежащее мѣсто: вѣдь война подчеркнула огромное значеніе инженерныхъ войскъ въ современныхъ боевыхъ операціяхъ полевыхъ армій; этотъ пропускъ намъ хотѣлось бы объяснить просто недоразумѣніемъ, которое случилось лишь благодаря рутинѣ, глубоко вкоренившейся въ людяхъ, не привыкшихъ заботиться о завтрашнемъ днѣ.

Но исключеніе инженерныхъ войскъ изъ состава полевыхъ войскъ въ учебникѣ тактики Драгомирова настолько полное, что мысль о недоразумѣніи отпадаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой части его, гдѣ разсматриваются «свойства войскъ», свойства полевыхъ инженерныхъ войскъ не

*) Комплектованіе и устройство вооруженной силы.

затронуты совершенно. Точно то же самое можно сказать и о второй части учебника, посвященной вопросу «подготовки войскъ въ мирное время и употребленію войскъ». Здѣсь мы не встрѣчаемъ ничего относящагося специально до инженерныхъ войскъ; и даже тамъ, гдѣ казалось бы вполне умѣстнымъ и необходимымъ удѣлить хоть нѣкоторое вниманіе инженернымъ войскамъ, именно въ вопросахъ укрѣпленія позицій («Примѣненіе фортификаціи»), мы не находимъ никакихъ указаній на участіе въ этомъ дѣлѣ инженерныхъ войскъ.

Читатели поймутъ, до какой степени забыта роль инженерныхъ войскъ, разъ въ популярномъ и заново переработанномъ учебникѣ, предназначенномъ для подготовки юнкеровъ къ офицерскому званію, о нихъ упоминается вскользь, какъ о полковомъ священникѣ *).

Имъ станетъ также ясно, почему мы не знаемъ ни своихъ инженерныхъ войскъ, ни ихъ употребленія въ полевой войнѣ; тѣмъ болѣе, что рѣдко видимъ сотрудничество ихъ съ полевыми войсками во время маневровъ и занятій мирнаго времени.

Было время, когда въ кампанію 1877—1878 гг. саперъ посылали въ стрѣлковыя дѣли; примѣровъ такого нелѣпаго употребленія инженерныхъ войскъ въ минувшую русско-японскую кампанію, кажется, не было; но они все-таки далеко не были использованы какъ слѣдуетъ, хотя, казалось бы, и на походѣ, и на отдыхѣ, и въ подготовкѣ къ бою, и во время самаго боя для полевыхъ инженерныхъ войскъ можетъ найтись и свое определенное мѣсто, и свое специальное дѣло.

Всякій, кто разъ побывалъ въ какомъ-либо саперномъ лагерѣ, видѣлъ разнообразныя бивачныя постройки и сооруженія, мосты и вышки, которыми изъ года въ годъ конкурируютъ между собою ротные командиры на своихъ участкахъ учебныхъ полей. Virtuозы своего дѣла представляютъ различные типы и образцы построекъ и, казалось бы, всѣ усовершенствованія полевой бивачной техники усвоены и представлены здѣсь хорошо. А между тѣмъ на войнѣ приходилось встрѣчаться съ полнымъ отсутствіемъ таковыхъ.

Вотъ нѣсколько иллюстрацій изъ писемъ участниковъ войны къ своимъ друзьямъ и роднымъ, съ которыми они дѣлятся впечатлѣніями войны и говорятъ о своемъ житьѣ-бытьѣ.

Командиръ артиллерійской бригады такъ описываетъ положеніе своихъ батарей на бивакѣ. Рассказавъ, какъ они каждое утро, даже еще до разсвѣта, уходили съ бивака на позицію, а возвращались поздно ночью, генералъ продолжаетъ: «Только когда стали постепенно поступать въ плѣхоту пополненія, т. е. во второй половинѣ ноября (1904 г.), то тогда

*) Уже послѣ того, какъ настоящая статья была написана, мнѣ пришлось ознакомиться съ учебникомъ тактики подполковника генеральнаго штаба Анисимова, въ которой инженерныя войска поставлены на свое мѣсто въ ряду полевыхъ войскъ. См. Н. В. Анисимовъ: „Элементарная тактика“. Отдѣлъ V. „Инженерныя войска“. Чугуевъ, 1906 г. К. О.

только рѣшились одну батарею по очереди оставлять днемъ на бивакѣ, чтобы людей помыть, лошадей почистить, повѣрить суммы, подогнуть сколько-нибудь необходимѣйшую канцелярію. И вотъ тогда-то офицеры и люди могли въ первый разъ увидѣть свой бивакъ днемъ; только тогда замѣтили, что въ устроенныхъ землянкахъ совершенно нѣтъ свѣта, не сдѣлано окошекъ: вѣдь приходили на бивакъ всегда поздно, «при свѣчахъ», потому что снимались съ позицій въ потемкахъ, чтобы не обнаружить японцамъ своей позиціи, а уходили съ бивака на позицію тоже «при свѣчахъ». О позиціи своей, о ея неудобствахъ передъ командующими нашей равниной сопками японцевъ я уже писалъ».

А вотъ еще изъ письма молодого артиллерійскаго поручика (другой бригады):

«Раскалили снарядъ въ печкѣ и катаемъ его по полу, чтобы посушить его; этотъ стаканъ (снарядъ) вѣроятно отлить въ Петербургѣ, затѣмъ отправленъ за 10,000 верстъ къ намъ, японцы его захватили и въ насъ пустили изъ своего орудія при Сахепу, гдѣ я стоялъ съ телефонистами; послѣ разрыва снаряда, стаканъ упалъ недалеко отъ меня и покотился въ канаву; мы его привезли въ лазаретной фурѣ и теперь имъ просушиваемъ полъ: накалимъ до-красна и катаемъ по полу, паръ изъ подъ него такъ и пышетъ».

Или вотъ картинка, описанная почтеннымъ командиромъ бригады, рисующимъ въ письмѣ къ друзьямъ отступленіе отъ Ляолна:

«Отступленіе было предоставлено стихіи, каждый стремился уходить во что бы то ни стало. Дорога по всему протяженію была покрыта пятаю, а мѣстами семью рядами двигающихся войскъ. Около мостовъ стоялъ невообразимый хаосъ. У одного моста я сталъ и, пока не пропустилъ свою бригаду, до тѣхъ поръ пользовался обаяніемъ своего генеральскаго чина».

Такихъ выписокъ я могъ бы привести изъ имѣющагося у меня запаса массу; но довольно и этихъ нѣсколькихъ, наудачу выхваченныхъ, примѣровъ. Они ясно показываютъ, что часто полевые инженерныя войска не примѣнялись тамъ, гдѣ имъ было и надлежащее мѣсто и весьма важная работа. Поэтому биваки, даже рассчитанные на продолжительное жительство войскъ, были не оборудованы, пути отступленія не подготовлены, позиціи тоже...

Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ на войнѣ приводитъ то почти полное отчужденіе инженерныхъ войскъ отъ прочихъ родовъ оружія, которое имѣетъ мѣсто во время занятій мирнаго времени.

Эта отчужденность и, къ сожалѣнію, невыясненность роли полевыхъ инженерныхъ войскъ въ полевой войнѣ лишаютъ меня возможности высказаться о реорганизациіи ихъ съ тою опредѣленностью, съ какой я взялъ на себя смѣлость сдѣлать это относительно другихъ родовъ оружія, тѣсное сближеніе и совмѣстная работа которыхъ въ мирное время позволяютъ ближе ознакомиться съ ихъ ролью и относительнымъ значеніемъ на войнѣ.

Поэтому въ отношеніи инженерныхъ войскъ я позволю себѣ высказать лишь пожеланія и ограничиться общими положеніями.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что то разнообразіе наименованій и штатовъ частей, которое я отмѣтилъ, какъ существенный недостатокъ въ другихъ родахъ оружія, наблюдается и въ инженерныхъ войскахъ; но здѣсь оно не является недостаткомъ, ибо многосложная и разнообразная дѣятельность и назначеніе инженерныхъ войскъ вполне оправдываетъ это разнообразіе. Всѣ эти саперные, понтонные, желѣзнодорожные, воздухоплавательные баталіоны, роты искроваго телеграфа, инженерные парки, осадные инженерные парки и проч. имѣютъ право на отдѣльное существованіе, ибо все это различныя части войскъ, исполняющія каждая свое специальное назначеніе. Разнообразіе служебныхъ функцій оправдываетъ существованіе частей, разнообразно организованныхъ.

Быть можетъ, впрочемъ, въ дѣляхъ снабженія корпусовъ необходимымъ составомъ инженерныхъ войскъ, не перегружая ихъ, окажется необходимымъ и возможнымъ нѣкоторыя подраздѣленія инженерныхъ специальностей сгруппировать вмѣстѣ и составить сложныя части; но это вопросъ специальный и было бы неумѣстно его разбирать на страницахъ общей печати.

Вопросъ реорганизации полевыхъ инженерныхъ войскъ я позволю себѣ закончить слѣдующими общими пожеланіями.

Приблизить полевые инженерныя войска къ прочимъ, совмѣстно съ ними дѣйствующими войсками,—вотъ первая и неотложная задача реформы этого изолированного рода оружія. Тѣ части полевыхъ инженерныхъ войскъ, которыя имѣютъ назначеніе содѣйствовать такъ или иначе успѣху дѣйствій полевыхъ войскъ, не должны составлять отдѣльнаго инженернаго корпуса, а должны входить въ составъ, если не дивизій, то во всякомъ случаѣ въ составъ тѣхъ армейскихъ корпусовъ, съ которыми имъ придется дѣйствовать совмѣстно на войнѣ.

Въ составѣ армейскихъ корпусовъ должны быть части, назначенныя для укрѣпленія боевыхъ позицій, рациональнаго устройства биваковъ, улучшенія путей сообщенія, устройства мостовъ, переправъ черезъ небольшія рѣчки и препятствія на пути слѣдованія войскъ корпуса и т. п. Въ періоды занятій мирнаго времени и маневровъ войска должны ознакомиться съ этими частями, сжитья съ ними, узнать ихъ долю участія въ работѣ войскъ корпуса и видѣть въ нихъ дѣйствительныхъ сотрудниковъ своихъ въ бою, а инженерныя части, съ другой стороны, должны пріучиться еще въ мирное время обеспечивать части своего корпуса необходимымъ инструкорскимъ, а иногда и рабочимъ персоналомъ. Такое положеніе инженерныхъ войскъ въ ряду другихъ родовъ оружія дастъ возможность и старшимъ войсковымъ начальникамъ практически ознакомиться съ ихъ ролью и научиться правильно употреблять ихъ въ различныхъ условіяхъ военнаго времени. Они не будутъ тогда забывать, какъ это часто имѣеть мѣсто теперь, что въ составѣ русской арміи есть и полевые инженерныя

войска, специально подготовленные для выполнения особых задач па войнѣ различныхъ, въ различные фазисы боя. Сведеніе этихъ частей полевыхъ инженерныхъ войскъ въ отдѣльныя, оторванныя отъ прочихъ войскъ саперныя бригады, несомнѣнно вредно для дѣла подготовки войскъ къ полевому бою и отъ этого пора отказаться.

Но кромѣ саперныхъ частей, входящихъ въ составъ корпусовъ, должны быть и такія, которымъ не мѣсто тамъ быть, такъ какъ нормально имъ не будетъ дѣла въ каждомъ армейскомъ корпусѣ. Таковы, наприм., желѣзнодорожныя войска, полевые и осадные инженерные парки, пожалуй, понтонные батальоны и т. п. Эти части должны существовать отдѣльно и быть организованы такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было бы формировать съ присоединеніемъ другихъ полевыхъ войскъ особые отряды, назначенные для выполнения отдѣльныхъ боевыхъ задачъ по указанію главнокомандующаго или командующаго арміей.

Для надлежащей подготовки части эти въ мирное время обучаются особо, а маневрируютъ въ составѣ специальныхъ отрядовъ, составленныхъ сообразно тѣмъ боевымъ задачамъ, которыя можно поручать этимъ частямъ въ военное время.

При всемъ желаніи подвести итогъ осуществляемой при реорганизациі инженерныхъ войскъ экономіи команднаго состава, я отказываюсь отъ этого въ виду той неопредѣленности группировокъ, которыя можно придать имъ, реорганизуя по указаннымъ мною принципамъ. Можно только съ достаточной увѣренностью сказать, что такъ какъ на войнѣ полевымъ инженернымъ войскамъ придется дѣйствовать, главнымъ образомъ, враздробь, въ видѣ инструкторовъ и руководителей, то организациа частей должна быть сообразена такъ, чтобы онѣ были обеспечены достаточнымъ количествомъ опытныхъ младшихъ командировъ, и нѣтъ никакой надобности въ высшихъ чинахъ іерархической лѣстницы; на высшихъ ступеняхъ инженерные офицеры должны входить въ общую командную линію. Тѣмъ же офицерамъ, которые всю свою молодость провели въ постройкѣ казармъ, частныхъ и казенныхъ зданій, не должно быть вовсе мѣста въ рядахъ строевыхъ войскъ, куда они при нынѣшней системѣ служебнаго движенія часто пробираются, конечно, на высшія командныя должности.

Таковы главнѣйшія желательныя основы реорганизациі полевыхъ инженерныхъ частей, составляющихъ, по моему мнѣнію, не вспомогательный родъ войскъ, а очень важную составную силу среди прочихъ полевыхъ войскъ.

Е) Заключение.

Я приподнялъ только одинъ край завѣсы, скрывающей нашу армію отъ непосвященныхъ; я коснулся только вопроса организациі строевыхъ частей, какъ войсковыхъ группъ, и не затронулъ массы вопросовъ, связанныхъ съ той или иной постановкой дѣла въ арміи; не сказать и сотой доли того, что нужно сказать по вопросу о реорганизациі арміи. Я не

обмолвился ни однимъ словомъ ни о постановкѣ обученія въ арміи, ни о подготовкѣ офицерскаго и унтеръ-офицерскаго состава, ни о нашихъ военныхъ школахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ нихъ, ни объ обмундированіи, снаряженіи и продовольствіи войскъ, ни объ обезпеченіи офицерскаго состава, выходящаго изъ рядовъ арміи вслѣдствіе сокращенія штатовъ, ни объ обезпеченіи, съ другой стороны, арміи офицерскимъ составомъ на случай военного времени, ни о пополненіи ее новобранцами и распредѣленіи контингентовъ, ни о реформѣ центральныхъ управленій, своей массой просто гнетущихъ армію, ни о многомъ другомъ, тѣсно связанномъ съ вопросами реорганизации арміи и оживленія въ ней угасшаго духа. По всѣмъ этимъ вопросамъ придется говорить еще, а пока пора закончить нашу и безъ того затянувшуюся статью, дабы она, посвященная одному изъ организаціонныхъ вопросовъ, представляла нѣкоторую цѣльность.

Пора оглянуться назадъ и подвести итоги сказанному.

Разсматривая вопросъ о реорганизации арміи, я все время оперировалъ съ цифрами, имѣя исходной точкой 50 пѣхотныхъ дивизій, примѣнительно къ которымъ и велъ всѣ свои расчеты. Эти пятьдесятъ дивизій и соответствующія имъ другія войска по предлагаемой мною организаціи замѣняются двѣнадцатю армейскими корпусами съ соответствующимъ числомъ резервныхъ полковъ и кадровъ запаса.

Если мы подсчитаемъ остальные пѣхотныя (и стрѣлковыя) части, не принятыя нами въ расчетъ въ предыдущемъ изложеніи, то получимъ силу въ 84 полка, или 21 дивизію мирнаго времени, что по принятому нами методу удвоенія частей дастъ еще шесть армейскихъ корпусовъ военного состава.

Итакъ, 18 армейскихъ корпусовъ, готовыхъ по первому призыву двинуться немедленно въ бой на защиту родины, и столько же резервныхъ кадровъ для формированія соответствующихъ корпусовъ той же силы на замѣну ушедшихъ на театръ военныхъ дѣйствій и на усиленіе, въ случаѣ надобности, дѣйствующей арміи новыми корпусами—вотъ наличный составъ арміи мирнаго времени, реорганизованной по указанному мною плану.

Подсчитаемъ этотъ составъ.

Составъ корпуса: двѣ пѣхотныхъ дивизіи, по четыре полка каждая, шесть артиллерійскихъ четырехбатарейныхъ полковъ, одна кавалерійская бригада въ составѣ двухъ полковъ, одна конная батарея и инженерныя войска численностью до 1,000 человекъ. Общая численность корпуса такого состава будетъ около 40 тысячъ человекъ, а восемнадцать такихъ корпусовъ составятъ силу въ 720 тысячъ. Въ военное время такую же силу представятъ и корпуса, развернутые изъ резервныхъ частей.

Итого на случай военныхъ дѣйствій мы будемъ имѣть полтора милліона лично подготовленныхъ и хорошо сплоченныхъ полевыхъ войскъ, да еще внутри страны останутся запасныя части, которыя обезпечатъ армію жными укомплектованіями, что также весьма важно для успѣха дѣла.

Чтобы составить себѣ ясное представленіе о численномъ составѣ дѣйствующей арміи, нужно приведенную цифру дополнить еще данными объ обозныхъ частяхъ, паркахъ разнаго наименованія, различныхъ тыловыхъ учреждений, интендантскихъ, санитарныхъ, полицейскихъ, частяхъ спеціального назначенія и другихъ, которыя мною совершенно не были приняты во вниманіе при разсмотрѣніи вопроса о реорганизаціи полевой арміи.

Мы получимъ весьма внушительную силу.

Но возвратимся къ мирному составу арміи.

Если резервныя части считать одной восьмой боевого состава да принять во вниманіе войска крѣпостныя и разныя части и войсковыя учрежденія, не входящія въ составъ корпусовъ, то общая численность арміи мирнаго времени можетъ быть исчислена въ одинъ миллионъ.

Разсматривая вопросъ о контингентѣ новобранцевъ, разбиравшійся въ закрытомъ засѣданіи Государственной Думы въ апрѣлѣ текущаго года, я имѣлъ случай указать, что, благодаря вотуму Думы, наша армія въ текущемъ году доведена до состава въ 1 миллионъ 300 тысячъ *). Такимъ образомъ, при осуществленіи реорганизаціи на указанныхъ мною основаніяхъ получается огромная экономія въ людяхъ и, какъ мы видѣли выше, и въ лошадяхъ.

Въ деньгахъ эта экономія выразится очень почтенной цифрой.

Составъ арміи сократится на 300 тысячъ человекъ; если 50 тысячъ отбросить на флотъ и пограничную стражу, получимъ экономію 250 тысячъ человекъ. Принимая расходы на одного солдата, какъ это дѣлаетъ интендантство въ своихъ расчетахъ, въ 120 рублей въ годъ, мы увидимъ, что бюджетъ выигрываетъ не менѣе 30 миллионovъ рублей!

А экономія въ лошадяхъ?

Подсчитать ее потребовалъ бы кропотливыхъ вычисленій и поэтому я имъ не займусь.

Что касается экономіи отъ сокращенія команднаго персонала, особенно дорого стоящаго высшаго генеральскаго, то, пользуясь приведенными выше данными и принимая во вниманіе только жалованіе по чину и столовыя, безъ квартирныхъ и другихъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ окладовъ, столь частыхъ особенно въ высшихъ должностяхъ, а среднее жалованіе оберъ-офицера считая равнымъ только половинѣ содержанія ротнаго командира, таковую мы выразимъ слѣдующими довольно внушительными цифрами (стр. 19).

Это на двѣнадцать корпусовъ; приводя же ко всѣмъ восемнадцати армейскимъ корпусамъ, мы должны экономію увеличить въ полтора раза и получимъ 10 миллионovъ рублей.

И эта экономія на командномъ персоналѣ получается при условіи, что сокращенія произведены только въ строевыхъ частяхъ. А центральныя управленія настолько перегружены офицерскимъ персоналомъ, что намъ

*) *Кіевская Мысль*, № 97, 27 апрѣля.

приходилось видѣть офицеровъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, исполняющихъ функціи, близкія къ обязанностямъ простаго писаря!

Сократится:

Командировъ корпусовъ	12	94 тыс. руб.
Начальниковъ дивизій и отдѣльных бригадъ	44	438 » »
Начальниковъ артиллерій въ корпусахъ	24	
Командировъ бригадъ	131	550 » »
» полковъ	227	879 » »
Начальниковъ штабовъ дивизій	43	129 » »
Штабъ-офицеровъ	837	1,300 » »
Оберъ-офицеровъ (въ томъ числѣ ротныхъ и эскадронныхъ командировъ и старшихъ офицеровъ батарей 651)	5,434	3,225 » »
Итого		6,615 тыс. руб.

Реорганизация и мѣстныхъ и особенно центральныхъ военныхъ учреждений и канцелярій вопросъ существенно важный, ибо безъ нея невозможно никакое живое дѣло и всякая даже самая благая реформа грозитъ обратиться въ мертвое дѣло.

Мы видимъ, что реорганизация арміи на указанныхъ мною основаніяхъ дастъ странѣ огромную экономію какъ въ людяхъ, такъ и въ деньгахъ.

Но не одно стремленіе къ экономіи и не только заботы о матеріальныхъ выгодахъ руководили мною, когда я принимался за составленіе настоящей статьи, а и соображенія о необходимости имѣть армію, годную для выполненія своихъ боевыхъ задачъ, разъ современный строй вынуждаетъ страну содержать постоянную армію.

Нынѣшнія части-скелеты не даютъ возможности ни младшимъ, ни особенно старшимъ войсковымъ начальникамъ научиться руководить операціями своей части, не даютъ возможности ни хорошо обучить, ни сплотить свои части въ одно цѣлое, что особенно важно для успѣшнаго дѣйствія въ бою, когда всѣ органы одного цѣлага не только должны понимать, но и чувствовать другъ друга. А между тѣмъ какимъ тяжелымъ бременемъ ложится на народъ и страну содержаніе этихъ необеспечивающихъ родину отъ вторженія врага частей-скелетовъ, единственное оправданіе которыхъ заключается въ томъ, что на спинахъ ихъ очень удобно примостилось огромное количество начальствующихъ лицъ и всяческихъ абовъ.

Новая организация можетъ обезпечить страну отъ непріятельскаго нашествія, ибо создаетъ грозную силу и даетъ возможность арміи въ мирное время приготовиться къ тому, что придется дѣлать въ военное.

Но будетъ ли при такой организации и при нѣкоторомъ сокращеніи состава арміи мирнаго времени возможность обезпечить достаточный запасъ оловъ для пополненія арміи съ объявленіемъ мобилизаціи?

Подсчитаемъ.

При нынѣшнемъ трехлѣтнемъ срокѣ службы и миллионной арміи ежегодный контингентъ новобранцевъ опредѣляется въ 350 тысячъ человекъ (вмѣсто вотированныхъ Думой 462 тыс.). Принимая вмѣстѣ съ г. Редигеромъ ежегодную убыль въ 4%, получимъ искомое число запасныхъ нижнихъ чиновъ равнымъ почти четыремъ миллионамъ (3,857 тыс.), при расчетѣ на людей только до сорокалѣтняго возраста.

Если же будетъ принятъ двухлѣтній срокъ службы, что при расширеніи народнаго образованія и рациональной постановкѣ требованій обученія въ войскахъ, вполне возможно, то контингентъ новобранцевъ будетъ 520 тысячъ человекъ, а число обученныхъ и вполне подготовленныхъ запасныхъ достигнетъ шести миллионъ (5,883 тыс.).

Вопросъ объ обезпеченіи арміи надлежащимъ офицерскимъ персоналомъ гораздо сложнѣе и, въ виду невозможности здѣсь разобрать его съ надлежащей подробностью, я воздержусь отъ разсмотрѣнія его, отложивъ до другого раза. Замѣчу лишь, что бояться недостатка офицерскаго персонала въ военное время при намѣченныхъ значительныхъ кадрахъ офицеровъ резервныхъ войскъ и наличности достаточнаго количества хорошо образованныхъ гражданъ, прошедшихъ черезъ ряды войскъ и работающихъ въ мирное время на другихъ поприщахъ, но съ условіемъ отбывать въ опредѣленные сроки учебные сборы съ краткими повторительными курсами, не приходится.

Что касается старшихъ военныхъ начальниковъ, военныхъ вождей, то таковыхъ создаетъ война, и можно имѣть огромный запасъ людей, носящихъ генеральскіе лампасы, но не найти ни одного полководца, что наилучшимъ образомъ, именно съ нашей стороны, доказала послѣдняя русско-японская война. Поэтому не приходится огорчаться, если ряды нашихъ генераловъ при новой организаціи сильно порѣдѣютъ; но нужно ввести непремѣнное условіе, чтобы заинтересованныя въ этомъ сокращеніи лица, офицеры, — были увѣрены, что старость ихъ будетъ обезпечена даже и въ томъ случаѣ, если имъ придется оставить службу, не достигнувъ генеральскаго чина. Вопросу о пенсіяхъ я предполагаю удѣлить должное мѣсто впоследствии, при разсмотрѣніи офицерскаго вопроса, здѣсь же ограничусь лишь бѣглымъ замѣчаніемъ, что отвѣтомъ на него можетъ явиться положеніе, что пенсія выдается только за выслугу лѣтъ, а не за полученіе чина, и что два офицера, — младшій поручикъ и старшій генераль, — разъ они принесли свой трудъ и свои силы въ жертву странѣ и работали на военной службѣ равное число лѣтъ — оба они должны быть обезпечены стпной совершенно одинаково: страна получила отъ каждаго изъ нихъ в то что онъ могъ дать ей. При такихъ условіяхъ не придется задерживать службѣ неспособныхъ людей только для того, чтобы дать имъ, служить до генеральскаго чина и получить за многолѣтнюю службу рошее обезпеченіе старости.

Вновь напоминаю читателямъ, что я не пишу проекта реорганизаціи

армии, а намѣчаю лишь тѣ пути, по которымъ должно слѣдовать при реорганизации армии въ условіяхъ современнаго капиталистическаго строя, не отступая отъ привычныхъ намъ формъ вооруженной силы.

Въ тому же мною намѣчается не идеаль въ вооруженной силѣ, а лишь первый этапъ по пути ея усовершенствованія.

На приводимыя мною цифры слѣдуетъ смотрѣть какъ на иллюстраціи развиваемыхъ мною мыслей. Быть можетъ, при детальной проверкѣ онѣ окажутся не вполне точными, но это меня нисколько не устрашаетъ, ибо я бралъ самыя грубыя приближенія, лишь бы идея моя была ясна.

Самыя точныя вычисленія, на совершеніе которыхъ потребовалось бы только время, карандашъ и бумага, не помогли бы дѣлу уясненія разсматриваемаго вопроса болѣе, чѣмъ мои бѣглыя наброски; они могли бы оказаться даже вредными: нагроможденіе детальныхъ цифръ повело бы къ тому, что за деревьями не стало бы видно лѣса, и, быть можетъ, даже укрылась бы отъ глазъ наблюдателя сама необходимость расчистки этого заросшаго и заглохшаго подѣ влияніемъ цѣлаго ряда причинъ лѣса.

Мнѣ важно было только указать на возможную реорганизацию армии съ цѣлью сокращенія ея мирнаго состава при условіи лучшей подготовленности ея для выполненія своихъ прямыхъ задачъ.

Кажется, числовые расчеты показываютъ, что возможно созданіе сильной армии съ меньшими затратами людей и денежныхъ средствъ.

А это я только и имѣлъ въ виду въ настоящей статьѣ.

Н. Оберучевъ.

Къ исторіи самообразованія въ Россіи *).

(Опытъ разработки архива московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія 1894—1907 гт.)

III.

Когда хирургу нужно возстановить кожу на участкѣ тѣла, лишившемся покрововъ, производится операція такъ называемой трансплантаціи кожи, пересадки ея: берутся крошечные кусочки вырѣзанной у того же, или иного субъекта, живой ткани, прикладываются къ обнаженному мѣсту, и черезъ извѣстное время отъ этихъ пересаженныхъ частицъ, «кожныхъ островковъ»,—развивается новая кожа, въ удачномъ случаѣ—покрывающая всѣ бывшіе до операціи дефекты. Операція, какъ видитъ читатель, основана на присущей частицѣ живой ткани способности разрастаться, путемъ размноженія клѣточныхъ элементовъ ткани, на новомъ своемъ ложѣ, въ свою очередь—живомъ, не утратившемъ своихъ физиологическихъ свойствъ.

Этотъ самый процессъ и происходилъ въ глубинахъ народныхъ массъ за послѣднія десятилѣтія. Экономическая и социальная политика самодержавія безпощадно обнажала культурные покровы націи. Но творческія силы экономики—этотъ историческій хирургъ націй—то тутъ, то тамъ сажали то заводъ, то фабрику, то школу, то культурнаго «самоука», и отъ этихъ «кожныхъ островковъ» начинали затягиваться зачатками мысли и культурныхъ требованій значительныя поверхности народныхъ массъ, все еще живыхъ, все еще не утратившихъ своей жизнеспособности, несмотря на всѣ варварства «врачей», даваемыхъ имъ судьбой въ управители.

Такии возстановлявшими жизнѣдѣтельность массъ «кожными островками» рисуются намъ многіе изъ подписчиковъ комиссіи, письма которыхъ, а затѣмъ цѣлыя автобіографіи пришлось выдѣлать пишущему строки въ особую рубрику «исключительной любознательности» при рапортѣ архива комиссіи.

Та молніеобразная форма распространенія идей, которая свойственна всякому мощному народному движенію и которой отмѣчено наше освоб-

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1908 г.

дательное движеніе, была бы, безъ сомнѣнія, недостаточна сама по себѣ, не могла бы дать того поразительнаго эффекта, какимъ сопровождался на нашихъ глазахъ могучій изломъ въ идеологии народныхъ массъ, если бы потокъ новыхъ идей не встрѣчалъ опорныхъ пунктовъ въ лицѣ разбросанныхъ въ массѣ, никому невѣдомыхъ самокультивировавшихся единицъ.

Ихъ пытливый умъ, активность ихъ интеллекта, подготовленность ихъ сознанія, съ ранняго возраста не мирившагося съ однообразіемъ идейнаго горизонта среды, ихъ анализирующая способность, — подхватывали, какъ отточенные острія, долетавшую до нихъ идею и расчищали для нея путь въ массѣ, стихійно, смутно, безотчетно искавшей уже давно той ясной формулы для выраженія своихъ нуждъ и требованій, которую давала воспринятая впервые болѣе культурными одиночками и претворенная ими для массы идея. Въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь долженъ же былъ влить въ отвлеченную формулу конкретное содержаніе, доступное массѣ, кто-нибудь долженъ же былъ трансформировать этотъ идейный токъ въ такія нормы его напряженія, которыя не только безвредны, но съ явной пользой могли быть использованы массой. И мы знаемъ, какъ настойчиво, не останавливаясь передъ очевидной опасностью, народныя массы искали и отыскивали тѣхъ, кто могъ въ простой понятной формѣ передать сотнямъ и тысячамъ идеи, доступныя, при существовавшемъ уровнѣ культуры, немногимъ единицамъ. Необходимо припомнить, что чѣмъ ближе къ народной массѣ были эти единицы, тѣмъ успешнѣе совершалась ихъ миссія въ эпоху народнаго подъема, тѣмъ большимъ довѣріемъ окружала ее масса. Этотъ несомнѣнный фактъ важенъ для насъ въ томъ смыслѣ, что онъ заставляетъ предположить, что еще задолго до упомянутаго момента народной жизни въ ея глубинахъ шла непримѣтная работа самосозиданія этихъ культурныхъ одиночекъ, природныя дарованія которыхъ неутомимо влекли ихъ къ знанію.

И такъ какъ знаніе, за ничтожными исключеніями, могло пріобрѣтаться этими одиночками только путемъ самообразования, то совершенно понятно, что среди писемъ абонентовъ комиссіи домашняго чтенія Учебнаго Отдѣла О-ва распротр. тех. знаній мы встрѣтили немало документовъ, являющихся глубоко интереснымъ матеріаломъ для выясненія эмбриологическихъ моментовъ указаннаго сейчасъ процесса.

Авторы писемъ этой категоріи пройдутъ передъ нами какъ живые провозвѣстники новой Россіи. Ихъ письма, дышущія беззавѣтной вѣрой въ созидательную силу знанія, дадутъ намъ цѣнныя свидѣтельства глубины и сознательности тѣхъ новыхъ высшихъ запросовъ культуры, къ которымъ, казалось бы, заказаны были дѣйствительностью всѣ пути для чело-вѣка изъ народа. Безъ сомнѣнія, только ничтожнѣйшая часть носителей этихъ запросовъ, родоначальниковъ молодой, сознательной Россіи, имѣла случай вступить въ сношенія съ комиссіей и тѣмъ дать намъ документальныя свидѣтельства своего существованія. Но качественная сто-

рона этихъ свидѣтельствъ отъ того не терять, и характерныя черты духовнаго облика нарождавшейся незамѣтно народной интеллигенціи выступаютъ достаточно ярко и опредѣленно и въ тѣхъ документахъ, которыми мы располагаемъ.

Если бы мы, опираясь на письма этой категоріи абонентовъ комиссіи, пожелали отвѣтить на вопросъ: какая особенность наиболѣе рѣзко опредѣляетъ типъ самокультивирующагося одиночки, то мы съ полной увѣренностью сказали бы: самодѣтельность. Именно ея бодрая энергія, упорная, не сдающаяся ни передъ бѣдностью, ни передъ полнымъ отсутствіемъ поддержки въ окружающей средѣ, ни передъ отдаленностью цѣлей, ни передъ всѣми суровыми условіями дѣйствительности,—помогала этимъ одиночимъ людямъ выбираться изъ беспросвѣтной, казалось бы, тьмы на свѣтлую дорогу самосознанія. Другой, не менѣе характерной чертой, отличающей авторовъ этой категоріи писемъ, является могучее влеченіе къ знанію, которое, будучи разъ пробуждено, не умѣетъ мириться на полдорогѣ, на полузнаніи, и послѣ многолѣтнихъ блужданій и поисковъ настоящаго пути, послѣ безчисленныхъ неудачъ, послѣ долгихъ иногда перерывовъ въ процессѣ работы, при первомъ же удобномъ случаѣ пробуждается съ новой силой, часто неожиданной для самого обладателя.

Но перейдемъ къ самымъ письмамъ, которыя раскроютъ передъ нами и многія нынѣ черты духовнаго облика самокультивировавшагося одиночки.

«Самообразование было всегда однимъ изъ самыхъ сильныхъ стремленій моей жизни,—начинаетъ свое письмо хорошо уже знакомымъ намъ признаніемъ сынъ крестьянина С.,—но при тѣхъ условіяхъ, въ какія я былъ поставленъ судьбою съ дѣтства, оно было для меня совершенно невыполнимо. Сынъ небогатаго крестьянина, служащаго въ одномъ изъ здѣшнихъ винныхъ складовъ и едва добывающаго на содержаніе семьи, только что покинувшій послѣ пожара деревню и поступившій рабочимъ въ тотъ же складъ, я, за неимѣніемъ знакомства, времени и денегъ, не только не могъ пользоваться указаніями и поддержкой кого-либо изъ свѣдущихъ людей, но даже не имѣлъ никакой возможности достать книгъ».

Казалось бы, что обстановка работы на винномъ складѣ должна была наложить на молодого рабочаго свою тяжкую руку и превратить его въ типичнаго чернорабочаго, съ его тяжелымъ трудомъ, беспросвѣтнымъ будущимъ и бессмысленнымъ времяпрепровожденіемъ въ рѣдкіе свободные часы. Но глубоко заложенное влеченіе къ знанію съ первыхъ же шаговъ новой жизни, далекой отъ всего, что имѣетъ связь съ умственной самодѣтельностью, ставитъ юношу на другую дорогу.

«На первыхъ порахъ,—продолжаетъ С.,—преимущественно въ праздничные дни я съ жадностью читалъ все, что мнѣ попадалось подъ руку. Затѣмъ я началъ доставать книги и учебники частью у букинистовъ, а частью у знакомыхъ, которыхъ успѣлъ завести, и впоследствии подписалъ

на чтение въ городской библиотекѣ *). Продолжая (работать) такимъ образомъ, я мало-по-малу приобретаю все-какія познанія, которыя мнѣ помогли впоследствии достигнуть занимаемаго мною въ настоящее время положенія. *Стремленіе же къ самообразованію у меня до сихъ поръ не только не ослабло, но, повидимому, еще замѣтно усилилось*. Самодѣятельность С., въ дѣлѣ его саморазвитія, разъ пробудившаяся, толкала его все дальше и дальше. На 13-мъ году, какъ видно изъ его письма, падучая болѣзнь принудила его оставить за годъ до окончанія сельское 2-хлассное образцовое училище, «несмотря на блестящіе успѣхи». То немногое, что удалось вынести изъ школы, С. старался пополнить «путемъ чтенія разнаго рода книгъ и изученія отдѣльныхъ наукъ. «Такимъ образомъ,—писать дальше С.,—мнѣ удалось окончить начатія въ школъ науки: ариметнику, геометрію, исторію и географію, и, кромѣ того, приобрести познанія въ алгебрѣ, геометріи, физикѣ, логикѣ и другихъ наукахъ, преподаваемыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и изучить бухгалтерію. Затѣмъ я изучалъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки и познакомился также съ латинскимъ и греческимъ. Французскій и нѣмецкій языки мнѣ известны настолько, что я могу служить переводчикомъ и вести торговлю, корреспонденцію и счетоводство на этихъ языкахъ въ одной изъ здѣшнихъ иностранныхъ конторъ».

Тяжелая болѣзнь обрываетъ работу С. и его занятія въ конторѣ на 2 года, онъ теряетъ заработокъ, пролѣчиваетъ свои сбереженія, лишается всего, но только не своего стремленія къ знанію. И получивъ скромное мѣстечко домашняго секретаря у одного изъ хозяевъ торговыхъ конторъ, С. записывается въ комиссію на *всѣ 6 отдѣловъ* программы параллельно и рѣшаетъ не ограничивать этого чтенія 4-хлѣтнимъ курсомъ, а «продолжать его до тѣхъ поръ, пока не найду себя въ состояніи сдать по нимъ (т. е. всѣмъ 6 отдѣламъ!) письменный экзаменъ, согласно установленной комиссіей формы, *все равно*, потребуется для этого 6, 8 или болѣе лѣтъ».

Огромность задачи не пугаетъ С. И., это вовсе не потому, что онъ легкомысленно взглянулъ на дѣло, напротивъ, его рѣшеніе принято вполне сознательно.

«Принять именно такой (параллельный) порядокъ чтенія,—поясняетъ авторъ письма,—заставили меня слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, общее образованіе возможно только при болѣе или менѣе основательномъ знакомствѣ со всѣми означенными въ брошюрѣ (т. е. программѣ комиссіи) отдѣлами наукъ, *одинъ же или два изъ нихъ могутъ дать, по моему мнѣнію, хотя и серьезныя, но всетаки одностороннія свѣдѣнія*. Во-вторыхъ, въ виду того, что между отдѣлами наукъ нельзя сдѣлать строгаго разграниченія и что *каждый отдѣлъ и, въ частности, каждая глава всегда является или основаніемъ, или же дополненіемъ* другихъ

*) С. жилъ въ Н.-Новгородѣ.

отдѣловъ и наукъ, — совмѣстное изученіе ихъ, мнѣ кажется, можетъ способствовать болѣе основательному изученію этихъ наукъ. Въ-третьихъ, если изучать всѣ отдѣлы послѣдовательно, одинъ за другимъ, то для этого потребуется слишкомъ много времени: такъ, полагая, согласно программѣ, для каждаго изъ нихъ по 4 года, для 6 отдѣловъ потребовалось бы тогда 24 года. Такой продолжительный курсъ врядъ ли кому будетъ подъ силу, если кто пожелалъ бы, для полученія общаго образованія, познакомиться со всѣми 6 отдѣлами». Для своихъ энциклопедическихъ занятій С. вырабатывалъ особое «недѣльное распisanіе», при чемъ ежедневно назначилъ на чтеніе затрачивать 4 часа (1 часъ утромъ, 2 часа днемъ и 1 часъ вечеромъ).

Но, быть можетъ, это — единичный случай, который не даетъ права судить о той высокой степени умственной самодѣтельности, которой можно подивиться, принимая во вниманіе антикультурность условій нашей дѣйствительности?

Далеко нѣтъ.

Передъ нами — рядъ писемъ подобнаго же содержанія, указывающихъ на исключительное стремленіе къ знанію, на образцово-стойкую энергію въ дѣлѣ самообразованія. А вѣдь имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документы внѣ всякаго сомнѣнія только очень слабые, случайно долетѣвшіе отголоски того культурнаго явленія, которое въ наши дни сказалось выступленіемъ народной интеллигенціи. Выступленіе это было совершенно неожиданно, внезапное появленіе народной интеллигенціи показалось почти чудеснымъ. Имѣя въ рукахъ документы, подобные документамъ архива комиссіи, можно съ увѣренностью говорить, что чудесное и неожиданное заключалось лишь въ томъ, что искусственная молчаливость русской дѣйствительности, мертвенная тишина придушенной народной жизни скрыли отъ наблюдателя въ числѣ нѣкоторыхъ иныхъ подготовительныхъ процессовъ и процессъ зарожденія самокультивировавшихся одиночекъ, видѣвшихъ въ знаніи свою силу, а въ самообразованіи — единственный путь къ обладанію этой силой. А между тѣмъ процессъ этотъ имѣлъ всѣ права на жизненность, если въ немъ возможны были такіе факты культурной инициативы и самодѣтельности, какъ приводимые, съ такой искренностью и силой свидѣтельствующіе, что образовательныя задачи были для многихъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, при самыхъ отрицательныхъ условіяхъ, основнымъ жизненнымъ интересомъ.

Вотъ какъ формулируетъ эту свою особенность подписчикъ комиссіи П.:

«Я — человекъ довольно оригинальный, если хотите, и студентъ *буквально* смыслѣ слова. *Не получивъ* даже средняго образованія *всепло погруженъ въ науки* *), изучая очень многое и знакомясь по со всѣмъ. Специально изучаю философію и психологію, но такъ какъ с

*) Курсивъ мой. — А. Т.

ственно этими науками началъ заниматься недавно, то ушелъ медалеко. У меня особенная страсть къ изученію наукъ, но къ философіи и психологіи я питаю особенную склонность».

П. имѣетъ возможность затрачивать на занятія по 5 часовъ въ день; и у него точно такъ же—не малая задача: «планъ моихъ занятій я выработалъ такой: 1) изучить исторію философіи по существующимъ учебникамъ; 2) ознакомиться съ подлинными сочиненіями философовъ по порядку; 3) читать все, выходящее по философіи, въ журн. и отд. изд. Такъ какъ,—добавляетъ П.,—по-русски очень мало специальной философской литературы, то я изучаю французскій языкъ, а затѣмъ, когда его осилю, примусь за нѣмецкій и англійскій. Изученіе греческаго и латинскаго пока въ идеалѣ»...

Грубое насиліе, особенно въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, не рѣдко раздавливало зараждавшееся стремленіе къ знанію. Удавалось ли ему *навсегда* вытравить это стремленіе, убить мечту о приобрѣтеніи образованія? Только не у тѣхъ, въ комъ оно было сильнымъ, думается намъ. Вотъ какъ иллюстрируетъ эту мысль жизнь словами крестьянскаго юноши N:

«Я—сынъ крестьянина-торговца. Образование получилъ въ городскомъ училищѣ, гдѣ въ 90-мъ году окончилъ полный курсъ еще 14-лѣтнимъ мальчикомъ. Учась (какъ и большинство ребятъ), если можно такъ выразиться, изъ-подъ палки, я по выходѣ изъ городского училища не обнаруживалъ стремленіе продолжать ученье и ровно годъ безъ подобныхъ стремлений жилъ у отца».

За этотъ годъ, однако, въ душѣ 15-лѣтняго мальчика произошелъ рѣзкій переломъ. Изъ письма не видно, къ сожалѣнію, что послужило толчкомъ къ возникшему «стремленію продолжать ученье». Но стремленіе это вспыхнуло и породило тяжелую душевную драму.—«Черезъ годъ,—пишетъ N.,—я сталъ проситься дальше продолжать свое ученье, хотѣлъ въ техническую школу поступить, хотѣлъ въ землемѣрное училище попасть, но всѣ мои хлопоты были напрасны. *Не разрѣшилъ отецъ*»,—подчеркиваетъ N., невольно вкладывая въ эти слова всю горечь пережитаго. Да, не разрѣшилъ,—«ни слезы, ни просьбы, ни доводы, ни что не помогли; а что я могъ безъ поддержки словомъ и дѣломъ сдѣлать? Разумѣется, ничего». Мечта объ образованіи подкошена, кажется, подъ самый корень. Но проходятъ годы, а она не умираетъ, и черезъ 10 лѣтъ (!) вспыхиваетъ снова, на этотъ разъ—обращая всѣ надежды на единственно доступный крившійся путь самообразованіе.

«*Прошло, вотъ, 10 лѣтъ* послѣ школьной скамьи,—заканчиваетъ N.,—припоминаю неудавшееся стремленіе къ образованію. Прошло это время, гдѣ идеи были у меня, но онѣ безъ ученья, безъ знанія всѣ почти погибли». Одно только «изстари затаенное желаніе учиться не заглохло,—росло, росло, *чѣмъ дальше, тѣмъ больше* желаніе, тѣмъ сильнѣе тяга отъ неудовлетвореннаго былого стремленія».

Прослѣдимъ теперь случай, протекшій въ обратныхъ условіяхъ, т.-е. при сочувствіи родителей влеченію ребенка. Разница выступить передъ нами очень чувствительно.

«Сынъ донскаго казака,—пишетъ корреспондентъ комиссіи Щ.,—я провелъ дѣтство въ степномъ казачьемъ хуторѣ, удаленномъ не только отъ городовъ, но и отъ болѣе крупныхъ селеній. Отецъ мой, будучи человѣкомъ хорошо грамотнымъ, самъ училъ меня грамотѣ и старался развить охоту къ ученю (дѣйствуя болѣе на честолюбіе)». Щ. поступилъ въ сельское двухклассное училище въ малороссійской слободѣ и, при отличныхъ успѣхахъ по ариметикѣ, скоро «пристрастился къ чтенію популярно-научныхъ книгъ по естествознанію. Въ это время во мнѣ начинала высказываться мечтательная натура и стремленіе къ уединенію»... *Не довольствуясь* полученнымъ образованіемъ (по окончаніи 2-хласснаго училища), Щ., съ одобренія отца, поступаетъ 13 лѣтъ въ техническую школу, гдѣ съ большимъ успѣхомъ занимается математикой, физикой и механикой. Въ свободное отъ занятій время онъ «съ увлеченіемъ занимался чтеніемъ научныхъ сочиненій по своей специальности и перечитывалъ учебникъ физики (на первомъ году уже ознакомился со всѣмъ курсомъ ея), заботясь болѣе не о количествѣ знаній, а о болѣе глубокомъ проникновеніи въ духъ вопроса (смакуя, такъ сказать, эссенцію даннаго вопроса), при чемъ высказывалось сильное стремленіе къ обобщеніямъ и практическимъ выводамъ». 17 лѣтъ Щ. окончиваетъ училище. Склонность къ интеллектуальнымъ запросамъ и интересамъ настолько превышала въ юношѣ приспособляемость къ дѣйствительности, что ему долго не удавалось найти въ селѣ К. послѣдней удовлетворяющаго отношенія. Это и привело его къ мысли «ознакомиться съ современнымъ теченіемъ идей и съ требованіями современной общественной и мировой жизни, чтобы сознательно найти себѣ въ ней мѣсто и дать болѣе разумное направленіе своей дѣятельности, какъ элементу дѣятельности общечеловѣческой».

Серьезность и глубина формулировки той задачи самообразованія, которую ставить передъ собой молодой казачій сынъ, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ его истинной, животворной интеллигентности. Когда на челоука, такъ ищущаго себѣ мѣста въ дѣйствительности, она дохнетъ всѣмъ своимъ ужасомъ тьмы и безправія,—а это неизбѣжно для него,—куда можетъ склониться направленіе его дѣятельности, «какъ элемента дѣятельности общечеловѣческой?» Конечно къ исканію тѣхъ путей, какими можно привести свою дѣятельность къ соответствію съ общечеловѣческой дѣятельностью, свои идеалы съ идеалами общечеловѣческими!

Мы еще будемъ имѣть случай иллюстрировать этотъ переходъ отъ черпнутыхъ, путемъ самообразованія, идеаловъ къ активному служенію имъ въ дѣйствительности. Пока же обратимся къ другимъ письмамъ, открывающимъ намъ ту же умственную самостоятельность и пытливость, развившіяся, повидимому, совершенно самостоятельно, въ силу глубокаго внутренняго влеченія. Въ такимъ указаніямъ надо отнести слѣдующіе

строки крестьянина В., въ которыхъ вышеуказанныя черты выступаютъ съ неменьшею, чѣмъ въ приведенныхъ свидѣтельствахъ, яркостью:

«Я—крестьянинъ,—отвѣчаетъ на вопросы комиссіи В.,—выучившійся только въ приходской школѣ и имѣющій отъ роду 21 годъ, главное занятіе мое—земледѣліе, затѣмъ торговля.

«А что касается чтенія книгъ, болѣе необходимаго (отвѣта) въ сообщеніи комиссіи, то я скажу, что я читалъ, и читалъ много и предпочитаю читать книги болѣе серьезныя—научнаго содержанія. Напримѣръ, читалъ «Анализъ вселенной» Гирна, Философію—Кирхмана, Исторію древней и новой философіи... и много другихъ; читалъ также нѣкоторые учебники психологіи, логики, физики и астрономіи»... Уже изъ этихъ указаній В. можно заключить, что кругозоръ и запросы этого двадцатилѣтняго юноши-крестьянина, съ образовательнымъ фундаментомъ курса приходской школы, нисколько не ниже кругозора и запросовъ развитого гимназиста старшихъ классовъ. Многие ли изъ учащихся нашей средней школы *самостоятельно* заинтересовываются и работаютъ по философіи, психологіи, логикѣ?!... У многихъ ли сохранилась въ средней школѣ столь живая пытливость, какую обнаруживаетъ юноша В?... А между тѣмъ, послѣдній далекъ отъ того, чтобы хватать «вершки»,—пробѣлы въ элементарныхъ свѣдѣніяхъ В. вполне отчетливо сознаетъ и пытается посильно ихъ заполнить: «а нѣкоторыя начальныя науки,—читаемъ дальше въ его письмѣ,—какъ-то: грамматику для первыхъ 3-хъ классовъ средне-учебныхъ заведеній Поливанова, географію для городскихъ училищъ, геометрію, тоже для городскихъ училищъ, я выучилъ самоучкомъ». Мало чѣмъ отличаются запросы В. отъ запросовъ средняго интеллигента въ области журналистики и художественнаго творчества нашихъ крупнѣйшихъ беллетристовъ; «затѣмъ,—пишетъ онъ,—читаю журналы: *Русская Мысль* и *Вопросы Философіи и Психологіи*; наконецъ, читалъ много изъ литературныхъ произведеній,—гр. Толстого, Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Тургенева и прочихъ».

Бѣ сожалѣнію, отсутствіе во многихъ письмахъ этого типа указаній на образовательную подготовку, на ходъ развитія и на тотъ интеллектуальный уровень, какимы авторы писемъ располагаютъ въ моментъ обращенія ихъ къ помощи комиссій,—лишаютъ возможности использовать этотъ матеріалъ. Въ двухъ-трехъ фразахъ авторы писемъ мимоходомъ говорятъ лишь, что «кончилъ курсъ въ сельской школѣ», «много читалъ», «все свободное время читалъ хорошія, интересныя книги», «удалось перечитать массу книгъ» и т. п.,—но о своей эволюціи, приведшей къ сложнымъ интеллектуальнымъ запросамъ, не даютъ сколько-нибудь подробныхъ указаній. Между тѣмъ авторы такихъ писемъ влекутъ къ себѣ уже проемы философскаго, юридическаго, социальнаго характера; чувствуется, что пульсъ ихъ мысли бьется уже очень энергично, культурный уровень, безъ сомнѣнія, уже очень высокъ по сравненію съ окружающей средою. Приведемъ одинъ-два отрывка изъ такихъ лаконическихъ заявленій.

«Я—м-скій мѣщанинъ, Могилевской губ.,—сообщаетъ, напримѣръ, Г.,—

23 лѣтъ отъ роду; послѣ окончанія курса въ 3-хлассномъ городскомъ училищѣ въ 95 году, весь свой досугъ посвятилъ чтенію книгъ преимущественно научнаго характера, что и пробудило во мнѣ невыразимую охоту къ изученію философскихъ наукъ; иностранныхъ языковъ, пока что, не знаю, но изучаю французскій и думаю приняться за изученіе нѣмецкаго языка».

Въ «прошеніи» крестьянина К. (о записи на общественно-юридическій отдѣлъ) находимъ ещё болѣе сжатые свѣдѣнія о подготовкѣ его и уровнѣ развитія:

«Учился я одну зиму у деревенской бабы, другую—въ земской школѣ, потомъ въ Москвѣ на вечернихъ занятіяхъ (одну зиму) въ воскресной школѣ, а впослѣдствіи окончилъ при А—ской гимназіи экзаменъ на сельскаго учителя. Изъ иностранныхъ языковъ знаю слабо французскій»...

Нерѣдко, несмотря на всю отрывочность свѣдѣній о своемъ развитіи, авторы писемъ самой формой обращенія къ комиссіи даютъ понять, какъ близко къ ихъ завѣтной мечтѣ подошла комиссія и съ какимъ рвеніемъ они готовы взяться за систематическое образованіе. Такъ, приведя выписку изъ статьи *II—скихъ Губернскихъ Вѣдомостей* о задачахъ комиссіи домашняго чтенія, мелкій торговецъ П. пишетъ: «Умоляю васъ, будьте такъ любезны, не откажите въ моей просьбѣ, вышлите программу вашего чтенія, я бы желалъ пройти весь вашъ 4-хлѣтній курсъ и изучить твердо и основательно какую-нибудь специальность. Занимаясь самообразованіемъ, я до такой степени развила страсть къ наукѣ, что *готовъ всю жизнь посвятить себѣ этому дѣлу*... Я прошелъ,—добавляетъ П.,—курсъ уѣзднаго училища нѣкоторыхъ наукъ, кромѣ рѣшенія геометрическихъ и физическихъ задачъ и (курсъ) нѣкоторыхъ другихъ, *не входящихъ* въ программу городского училища... Кончилъ курсъ только въ сельской школѣ; сословія купеческаго, главное занятіе—торговля бакалейная и винная».

Будущій историкъ народной интеллигенціи въ числѣ ея основныхъ отличительныхъ чертъ не преминетъ, конечно, отмѣтить одну, свидѣтельствующую едва ли не лучше другихъ о дѣйствительной, а не поверхностной культурности интеллигента, изъ народа,—высокую требовательность къ самому себѣ при исполненіи взятаго на себя дѣла, разъ оно стоитъ въ тѣсной связи съ какии-либо общественнымъ интересомъ.

При отсутствіи широкой общественной и политической жизни въ странѣ, вышедшіе изъ народа интеллигенты чаще всего могли служить народу въ качествѣ проводниковъ знанія, народныхъ учителей. Мы уже встрѣчались съ тѣмъ сурово-честнымъ взглядомъ на миссію народнаго учителя, который присущъ сельскому интеллигенту, ставшему учителемъ. Поэтому приведемъ здѣсь только одну иллюстрацію, представляющую, вмѣстѣ съ тѣмъ и краткую автобіографію сельскаго учителя изъ народа.

«Мнѣ 22 годъ,—пишетъ учитель В.—Происходя отъ больше чѣмъ небогатыхъ родителей-крестьянъ, я могъ окончить только курсъ однокласснаго сельскаго училища. При выходѣ изъ школы мнѣ представилась воз

возможность заниматься чтением и въ этомъ отношеніи я былъ счастливѣе моихъ товарищей по школѣ. Что это были за книги, которыя я читалъ, другой вопросъ, но дѣло только въ томъ, что я ихъ читалъ. Тутъ были повѣсти, рассказы, романы, описанія путешествій, были и книги популярно-научнаго содержанія. Чтеніе книгъ разнообразнаго содержанія, хотя и внѣ всякой системы, помогло мнѣ осуществить явившуюся мысль, выдержать экзаменъ на званіе сельскаго учителя». В. выдерживаетъ экзаменъ и сейчасъ же передъ нимъ вырастаетъ сознаніе той отвѣтственности, которую возлагаетъ на него полученное званіе учителя. Запасъ знаній, какъ общихъ и специальныхъ, такъ невеликъ, что нечего и думать дать школѣ все то, на что она въ правѣ рассчитывать отъ учителя, слишкомъ хорошо знающаго, что ограничиться официальной программой значить не дать ничего. А для того, чтобы дать больше, надо неустанно работать самому, необходимо серьезно заняться самообразованиемъ. И молодой учитель, не задумываясь, рѣшаетъ вопросъ такъ, какъ подсказываетъ ему его народно-интеллигентскій дѣловой, честный взглядъ на принимаемыя обязательства:

«Я выдержалъ экзаменъ,—пишетъ далѣе В.,—но знаю, что безъ специальной подготовки, безъ знаній о чловѣкѣ, какъ предметѣ воспитанія, мнѣ трудно будетъ вести школу, *какъ слѣдуетъ*... И В., узнавъ о существованіи комиссіи, обращается къ ней съ просьбой дать указанія «какія книги слѣдуетъ читать, какъ, въ какомъ порядкѣ и т. д. для пріобрѣтенія свѣдѣній, *необходимыхъ* учителю народной школы».

Эта, столь характерная для интеллигента изъ народа истинно-культурная точка зрѣнія на общественный интересъ и служеніе ему достигаетъ своей кульминаціи,—полнаго забвенія личныхъ выгодъ, удобствъ, безопасности, всего, что связано съ заботой о самомъ себѣ, о своемъ личномъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда жизнь ведетъ развитіе интеллигента изъ народа черезъ рядъ тяжелыхъ испытаній и ставитъ его въ непосредственное общеніе съ его, лишенными еще сознательности, братьями-крестьянами и рабочими.

Въ высшей степени цѣнной представляется намъ, въ этомъ смыслѣ, приводимая ниже въ отрывкахъ автобіографія подписчика Д.

Сынъ безземельнаго крестьянина, бывшаго двороваго Шувалова, Д. окончилъ сельскую школу и, по бѣдности отца, не могъ продолжить образованіе, хотя учитель «призывалъ отца и совѣтовалъ отцу отдать меня учиться далѣе», прибавляетъ Д. «Вмѣсто ученья пришлось поступить въ работу, возить на лошадяхъ вагончики съ углемъ. Трудъ былъ для меня и, вообще, для насъ, мальчиковъ, гдѣ самые старшіе были лѣтъ 15, непосильный и изнурительный,—описываетъ Д.—Приходилось вставать въ 4 часа утра и приходиться съ работы въ 11 ч. вечера *); при такихъ условіяхъ и школа и все полученное въ ней забывалось, а вмѣсто нея вста-

*) 19 рабочихъ часовъ!...

вага суровая дѣйствительность. «Послѣ трехъ лѣтъ такой каторги Д., котораго убійственные условия работы успѣли озлобить и нравственно искалѣчить,—удается попасть въ больницу, мыть посуду. Увидѣвъ къ себѣ «болѣе ласковыя отношенія, что меня, привыкшаго къ окрикамъ и тычкамъ, сильно поражаемо», Д. «изъ всѣхъ силъ старался исполнить свои обязанности возможно лучше»; усердіе его было замѣчено врачомъ, и Д. былъ переведенъ въ аптеку; освоившись, онъ пересталъ стѣсняться больничной интеллигенціи, «сталъ обращаться къ доктору за тѣмъ или инымъ разъясненіемъ». Воскресла убитая было любознательность, но ужасные три года оставили слишкомъ глубокій слѣдъ: хотя времени у Д. было довольно, «чтобы заняться чѣмъ-нибудь постороннимъ», но онъ обходился еще безъ книгъ, а на все окружающее смотрѣлъ и оцѣнивалъ съ матеріальной точки зрѣнія «и дома занимался не чтеніемъ, а то переплетомъ книгъ, то столярничаньемъ, которому выучился «самоукомъ». Черезъ 2 года Д. пришлось разстаться съ привольемъ больничной службы: вмѣстѣ съ отцомъ онъ перебирается на N—скій заводъ, гдѣ опять пошла тяжелая физическая работа, пришлось возить руду, что «послѣ легкаго житья казалось прямо наказаньемъ». Черезъ 1/2 года судьба сжалась надъ Д.: и ему пришлось пристроиться вѣсовщикомъ при другомъ заводѣ, на 15-рублевомъ жалованьи. Съ открывшимся досугомъ соединилось и другое счастливое обстоятельство, имѣвшее рѣшающее значеніе для Д. «Начальникомъ моимъ,—описываетъ онъ,—оказался бывший студентъ казанскаго университета, часто носившій съ собой на службу книги и читавшій ихъ тамъ, что меня заинтересовало, и я однажды осмѣлился обратиться съ просьбой дать мнѣ почитать какую-нибудь книжку». Долго таившаяся любознательность на этотъ разъ заговорила полнымъ голосомъ: первая же прочитанная книга *) произвела на Д. «очень сильное впечатлѣніе»; за ней послѣдовала вторая (романъ Станюковича: «Два брата»),—«а затѣмъ,—пишетъ Д.,—чтеніе началось запоемъ». Очевидно, не одинъ Д. оказался такимъ книжнымъ пьяницей, не на одного его книга произвела «сильное впечатлѣніе»: «вскорѣ,—сообщаетъ Д.,—въ заводѣ организовалась негласная библіотека на пожертвованныя деньги, гдѣ появились книги серьезныя и вообще хорошо подобранныя, въ особенности беллетристика и публицистика; тутъ мнѣ пришлось познакомиться съ Писаревымъ и Добролюбовымъ». Общенія съ критиками-публицистами, могучаго обаянія ихъ свѣтлой проповѣди критически-мыслящей личности оказалось болѣе чѣмъ достаточно, чтобы Д. окончательно повернулъ на новую дорогу: «статьи Писарева «Наша университетская наука» и «Реалиты»,—пишетъ Д.,—произвели рѣшающее значеніе въ моихъ взглядахъ. Я сталъ читать критически, думать о прочитанномъ, чего раньше за мной не вошло, а также это побудило меня *взяться за моравитіе*». Начинается новая полоса въ жизни Д.: по совѣту сво-

*) Романъ Шеллера-Михайлова: „Дѣсь рубить—щепки летать“.

начальника онъ «выписалъ всевозможныхъ учебниковъ и началъ проводить за ними цѣлыя ночи». Такъ проходитъ 2 года, къ концу которыхъ до Д. доходить слухъ о допущеніи въ московскій и петербургскій университеты вольнослушателей (на свободныхъ началахъ, безъ обязательнаго ценза по образованію и службѣ). Д. бросаетъ мѣсто, ѣдетъ съ нѣсколькими рублями въ карманѣ въ Москву и, конечно, скоро убѣдившись въ ложности слуха пытается «сойтись съ учащейся молодежью, въ особенности со студентами, о которыхъ слышалъ много хорошаго; но, къ сожалѣнію, этого не удалось». Не удалось и попытка поступить въ учительскій институтъ; деньги скоро вышли, и Д. пришлось думать уже о томъ только, чтобы не умереть съ голоду въ огромномъ городѣ, гдѣ онъ не зналъ ни одной души: 4 мѣсяца онъ мостъ бутылки въ пивной, куда едва удалось пристроиться и гдѣ, по его словамъ, «приходилось иногда служить самымъ низкимъ прихотямъ челоѣка, что меня сильно тяготило, и я не спалъ по цѣлымъ ночамъ и мучился своимъ положеніемъ». Наконецъ, Д. посчастливилось поступить конторщикомъ къ подрядчику; черезъ 2 года, послѣ смерти отца, онъ возвращается къ семьѣ и поступаетъ въ главную контору завода.

Всѣ эти скитанія, вся эта тяжелая школа, потраченная на самообразование работа выработали изъ Д. челоѣка, готоваго безстрашно идти настрѣчу нуждамъ и интересамъ рабочаго люда, которымъ онъ и старается посильно помочь.

Почерпнутые Д., путемъ самообразования «общечеловѣческіе» идеалы окрѣпли въ долгой житейской борьбѣ, превратились въ живой источникъ энергіи, которая при первомъ же сопрікосновеніи съ реальными задачами не замедлила выразиться въ активныхъ формахъ.

«Служа на заводѣ,—пишетъ Д.,—я старался сойтись съ рабочимъ людомъ, давалъ рабочимъ книги, которыя пріобрѣлъ во время службы въ Б. и Т., рабочіе хаживали ко мнѣ и вмѣстѣ съ ними ходили ученики горнаго училища, которымъ я старался внушить интересъ къ самообразованію и тоже давалъ кое-что изъ книгъ по беллетристикѣ и критикѣ. Самъ же записался въ число читателей комиссіи по организаціи домашняго чтенія». Эта культурническая идилія, разумѣется, не догло продолжалась. Бружокъ развивавшихся понемногу рабочихъ—явленіе настолько малотерпимое, по условіямъ російской дѣйствительности, что судьба его не могла быть иной, чѣмъ та, о которой сообщаетъ Д. въ заключеніе своего длиннаго письма: «Начались обыски, шпіонство, допросы и вотъ меня въ одну изъ ночей берутъ подъ стражу и увозятъ въ тюрьму, обвинявъ за дѣланіе сходокъ и въ пропагандѣ противъ правительства. На этомъ кончается пока моя біографія».

Переходя къ другой категоріи абопентовъ комиссіи, заявившихъ себя агитаторами выдающейся любознательности, но стоящихъ особнякомъ отъ интеллигентовъ изъ народа, мы встрѣтимся здѣсь прежде всего съ представителями той многочисленной группы русскаго общества, природныя черты и влеченія которыхъ, столкнувшись съ враждебнымъ ко всему

самостоятельному и даровитому насильем уродливо поставленной школы,—особенно духовной школы,—безжалостно коверкались послѣдней въ охранительныхъ цѣляхъ. Задачи школьной политики были какъ разъ противоположны задачамъ свободного интеллектуальнаго роста питомцевъ школы. Въ наши дни этотъ, десятилѣтними замалчивавшійся школой контрастъ, сказался въ самыхъ острыхъ формахъ конфликтовъ, разгорѣвшихся въ стѣнахъ какъ свѣтской, такъ и духовной школы. Нѣсколько отрывковъ изъ писемъ абонентовъ комиссiи, приводимыхъ ниже, достаточно опредѣленно характеризуютъ заслуги духовной школы передъ старымъ режимомъ, рисуя борьбу учащихся съ анти-культурнымъ влияниемъ школы и беспощадную месть школы, направленную на того, кто имѣлъ несчастье возмечтать о свѣтскомъ высшемъ образованiи.

Свѣжая юношеская мысль, какъ сейчасъ увидимъ, не такъ-то легко сдается на капитуляцію передъ схоластикой школы. И вотъ, въ комъ заговорила природная сила любознательности,—тотъ ищетъ, несмотря на всѣ угрозы и закликательные методы духовной школы, свободы для мысли и простора для ея работы.

Вотъ, напримѣръ, какъ обрисовываетъ положенiе дѣлъ въ духовной школѣ и процессъ борьбы въ ней воспитанникъ семинарiи N.

«Сама по себѣ семинарiя *ничего не даетъ и не можетъ дать* *) для развитiя челоуѣка, для выработки мiросозерцанiя стройнаго и вмѣстѣ научнаго—аттестуетъ прежде всего семинарскую мудрость N. Не говоря уже о богословскихъ предметахъ семинарскаго курса, даже образовательная его часть *ничего не даетъ*. Причина этому (лежитъ) въ характерѣ программъ курса и самаго преподаванiя,—объясняетъ N. Хорошiе учителя—весьма рѣдки, чтобы не сказать больше». Но если раньше въ этой безнадежной обстановкѣ и средѣ подавляющее большинство безропотно шло проторенной бурсацкой дорожкой, опускаясь все ниже и ниже,—то теперь все настойчивѣе идетъ борьба за интеллектуальные интересы. Правда, бороться приходится попрежнему, надѣясь лишь на свои собственные силы,—на личную самодѣятельность, на личные способности и дарованiя. Но зато все чаще встрѣчаютъ борящіеся поддержку въ своей же товарищеской средѣ, все шире растетъ солидарность.

«Если кто поднимается выше общаго семинарскаго образованiя,—указываетъ N,—то лишь своими силами, благодаря способностямъ или же счастливой случайности въ видѣ хорошаго дѣльнаго знакомства». Однако N. тутъ же и добавляетъ: «Это теперь, повидимому, *стало явленiемъ довольно уже обычнымъ*, настолько, что среди семинаристовъ не рѣдко встрѣтить личностей довольно развитыхъ».

Какъ видно—«гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно». Какъ казалось, ни прочно была ограждена узко сословная духовная школа, съ цифическаго режима и направленiя отъ общенiя съ кромольнымъ мiро

*) Курсивъ мой.—А. Т.

общечеловѣческой культуры,—интеллектуирующая личность, ея запросы и потребности пробивали и въ этой китайской стѣнѣ все новыя и новыя брешы, и идейный протестъ противъ схоластическаго уравненія умовъ еще 12 лѣтъ назадъ *) былъ въ духовной школѣ настолько замѣтнымъ, что авторъ письма могъ назвать это явленіе «довольно уже обычнымъ».

Между тѣмъ, и передъ этой группой интеллектуирующихъ элементовъ страны политика стараго режима держала двери «храмовъ науки» закрытыми такъ же крѣпко, какъ передъ рвавшимися въ нихъ интеллигентами изъ народа.

Попытки замѣнить схоластику точнымъ знаніемъ, конечно, и тутъ, по необходимости, могли быть лишь отрывочными и несистематичными, тѣмъ болѣе, что «протестантамъ» чаще всего приходилось испытывать на себѣ христіанское любвеобиліе начальства въ видѣ злобной, беспощадной расправы, едва въ юношѣ уваливался «неподходящій духъ». Въ письмахъ абонентовъ комиссіи и эта расправа и результаты ея—исковерканная жизнь, оборванная грубой рукой образовательныя и альтруистическія мечты даровитыхъ юношей,—получили свое отраженіе, дорисовывая картину разлагающаго, антикультурнаго, противообщественнаго вліянія наиболѣе «оберегавшейся» духовной школы, воспоминаемой ея питомцами или съ ѣдкой насмѣшкой, или съ чувствомъ тяжелой обиды.

«Учился въ духовной семинаріи,—читаемъ мы, наприимѣръ, въ письмѣ народнаго учителя О.,—но не доучился,—*подвергся остракизму изъ III класса во второе полугодіе за неподходящее направленіе духу семинаріи въ идейномъ отношеніи, какъ выражаются семинарскіе блюстители юношества ***). Иностранныхъ языковъ не знаю ни одного, за исключеніемъ обломковъ древнихъ «китовъ»,—не безъ юмора добавляетъ 19-лѣтній О., обращаясь въ комиссію съ просьбой руководить его *по философскому отдѣлу*.

Совсѣмъ иначе звучитъ письмо помощника начальника станціи, бывшаго семинариста С., имѣвшаго несчастье привлечь, наканунѣ окончанія семинаріи, вниманіе начальства своей любознательностью, и за чтеніе книгъ «не соответствующихъ духу заведенія» награжденнаго по заслугамъ со всѣмъ безсердеченіемъ, на какое только способны оказались руководители семинарскаго юношества.

Вмѣсто обыкновенно сжатыхъ біографическихъ свѣдѣній, С. прислалъ въ комиссію цѣлую автобіографію, каждая строка которой—тяжелый обвинительный актъ противъ того общественнаго и школьнаго строя, при оромъ даровитому юношѣ загорожены всѣ пути къ знанію жестокою тью школы за несоответствіе идеаловъ ея питомца антикультурнымъ погательствамъ школьной политики. Исторія С. такъ ярко характеризуетъ и мстительность этой политики, и тщетность энергичныхъ попы-

*) Письмо № помѣчено 95-мъ годомъ.—А. Т.

Курсивъ автора письма.

току преодолѣть ея истительность, и цѣлый рядъ крушеній, черезъ который пришлось пройти образовательнымъ влеченіемъ С., и длинную цѣпь тѣхъ мытарствъ, въ которыя ввергла его полученная имъ по окончаніи курса *тройка* въ поведеніи, — что мы позволимъ себѣ привести эту автобіографію въ выдержкахъ.

«Я окончилъ курсъ в—ской духовной семинаріи въ 1888 г., — начинаеть свою скорбную повѣсть С. Мечта объ университетѣ не давала мнѣ покою чуть не со 2-го класса семинаріи. Я жадно рвался къ свѣту, къ знанію, увлекался очень идеальными стремленіями», но къ концу семинарскаго курса попалъ въ опалу у своего начальства *за то, что читалъ много книгъ сверхъ семинарскаго программы и не скрывалъ своего намѣренія поступить по окончаніи курса въ университетъ*. Эти тяжкія преступленія С. противъ «духа» школы были жестоко отомщены: «въ результатѣ, — пишетъ онъ, — меня выпустили изъ заведенія съ отмѣткою въ поведеніи 3 и во 2-мъ разрядѣ. Слѣдовательно, тернистый путь даже въ Томскій университетъ былъ мнѣ загороженъ» *). С., несмотря на отсутствіе средствъ все-таки подаетъ прошеніе въ Томскій университетъ. Получивъ оттуда обратно свои документы, С. «рѣшилъ готовиться къ экзамену зрѣлости, для чего пріѣхалъ въ свой губернский городъ, гдѣ нашель частные уроки, и началъ дѣятельно готовиться къ экзамену». Попытка уйти изъ сферы семинарскаго мѣста и уничтожить губительную силу тройки изъ поведенія аттестатомъ зрѣлости, разбилась, однако, о бездушную формалистику блюстителей средней школы. «Въ маѣ, — пишетъ С., — я пріѣхалъ въ Казань, гдѣ у меня былъ братъ студентомъ у—та, но къ экзамену зрѣлости, не былъ допущенъ попечителемъ округа М—мъ, во-1-хъ, потому, что запоздалъ подачей прошенія на 2 дня, а, во-2-хъ, потому, что явился не въ свой округъ (Вострома причислена къ московскому, а не казанскому уч. округу)». Этихъ двухъ, подвернувшихся подъ руку, формальныхъ условностей оказалось болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы загородить «крамольному семинаристу» дорогу въ университетъ. Съ положеніемъ юноши, съ его завѣтнымъ стремленіемъ къ знанію, съ его энергіей и т. д., какъ моментами, не перечисленными въ спискѣ официально-заслуживающихъ «вниманія и уваженія» основаній, казанскій представитель высшей учебной власти, конечно, и не подумалъ считаться. Семинарскаго мѣста въ видѣ 3 поведенія и 2 разряда снова повисла домокловымъ мечомъ надъ С., которому «предстояло или принять священство (противъ своего призванія), или идти въ солдаты. Чтобы спастись отъ того и другого, С. метнулся было въ красноуфимское промышленное училище, «о которомъ въ то время много говорили». Тамъ тоже и строить прочно не удалось: «пробывши всего лѣто на практическихъ работахъ, на фермѣ училища», С. «долженъ былъ (по независящимъ обстоятельствамъ) оставить *навсегда* Красноуфимскъ». Началось горькое мыканье съ мѣста на мѣсто. Чего того не перепробовалъ С!... Былъ

*) Тамъ требуется окончаніе по 1 разряду и съ 5 по поведенію.—С.

псаломщикомъ, и учителемъ, и нѣсколько разъ управляющимъ имѣніемъ, и конторщикомъ, служилъ въ акцизѣ, снова управлялъ имѣніемъ, былъ на заводѣ, наконецъ, попалъ агентомъ службы движенія на желѣзную дорогу.

«Жизнью своею я недоволенъ,—пишетъ С., — ибо это жизнь кабальная, трудъ — по принужденію, трудъ непосильный и изнурительный, — и ничего идеальнаго»... И въ другомъ мѣстѣ «жизнь сложилась совсѣмъ не такъ, какъ грезилось, мечталось».

Сумѣвъ исковеркать челоуѣку жизнь, школа, однако, не сумѣла убить въ немъ стремленія къ знанію.

Черезъ 13 лѣтъ по выходѣ изъ семинаріи, послѣ длиннаго ряда неудачъ, источникомъ которыхъ была мстительность духовной школы за стремленіе своего питомца къ знанію, это стремленіе снова овладѣваетъ С. настолько, что онъ опять пытается попасть въ высшее учебное заведеніе, намѣтивъ на этотъ разъ ветеринарный институтъ въ Харьковѣ. Но и черезъ 13 лѣтъ семинарская тройка въ поведеніи не потеряла своей мстительной силы: «въ Харьковѣ я ѣздилъ лично,—пишетъ С.,—но не былъ принятъ, благодаря 3 въ поведеніи (хотя это было болѣе 10 лѣтъ назадъ)». Очевидно, передъ школьной оцѣнкой пасуетъ всякая земская давность!... Но и эта неудача не сломила энергіи С.: онъ записался въ комиссію по отдѣлу математики, чтобы подготовиться къ поступленію въ московское инженерное училище... На этомъ рѣшеніи и обрывается автобіографія С.

Итакъ, 13 (а можетъ быть и значительно болѣе) лѣтъ мытарства, искалѣченная жизнь, разбитыя мечты объ образованіи,—и все это, какъ результатъ мести школы за стремленіе воспитанника къ знанію, за чтеніе книгъ сверхъ школьной программы! Кажется, трудно себѣ представить лучшее доказательство чудовищности и антикультурности строя такой школы... А между тѣмъ, строй этотъ и по сей день остается въ силѣ, и посейчасъ калѣчитъ на всю жизнь лучшихъ своихъ питомцевъ, безжалостно выбрасывая ихъ съ тройками поведенія или доводя до самыхъ ожесточенныхъ формъ протеста... А страна продолжаетъ терять энергичныхъ и благородныхъ работниковъ во всѣхъ отрасляхъ культурнаго труда.

Въ заключеніе нашихъ выдержекъ изъ писемъ наиболѣе выдающихся абонентовъ комиссіи мы останавливаемся еще на единственномъ въ своемъ родѣ документѣ архива комиссіи,—письмѣ *шестидесятилѣтняго* абонента комиссіи Г., въ которомъ со всей силой искренности и довѣрія авторъ раскрываетъ пережитый имъ переходъ отъ міросозерцанія талмудиста къ міровоззрѣнію современнаго европейца, явившійся результатомъ ознакомленія Г. съ міромъ научно-критической мысли. Письмо-автобіографія Г. настолько интересно и въ психологическомъ и въ бытовомъ смыслѣ, что мы позволимъ себѣ воспроизвести его возможно близко къ тексту автора.

Г. начинаетъ свое письмо съ указанія на тотъ, мало-распростраенный

въ средѣ еврейскаго народа, типъ, «который по самому существу своему вовсе недоступенъ наблюденію. Типъ этотъ, насколько мнѣ извѣстно, лишь однажды очерченъ въ нашей литературѣ художественной кистью Ожешко въ «Могучемъ Самсонѣ». Я разумю тотъ малочисленный классъ евреевъ, который, посвятивъ себя изученію необъятнаго талмуда, eo ipso, остается чуждъ всего, что выходитъ за предѣлы этого ученія. Не даромъ самую высшую похвалу у евреевъ составляетъ поговорка: «онъ такъ ученъ, что не знаетъ даже изображенія монеты». Говорю это, конечно, по старой сорокалѣтней памяти. Судя, однако, по той высшей живучести, которою отмѣчается эта нація, надо полагать, что упомянутый типъ, — черты котораго не могли измѣнить XVIII вѣковъ, устоялъ и противъ эволюціи второй половины XIX вѣка. Надо замѣтить, что ни у одной, можетъ быть, націи въ мірѣ интеллектъ не цѣнится такъ высоко, какъ у евреевъ, и жаргонъ ихъ такъ богатъ выраженіями для обозначенія разнообразныхъ оттѣнковъ интеллектуальныхъ способностей, что таковыхъ не найти ни въ одномъ учебникѣ психологіи».

Г., какъ мальчикъ выдающихся способностей, былъ уже съ 6-тилѣтняго возраста обреченъ «на вѣчное изученіе талмуда. Занятія эти продолжались непрерывно 16 лѣтъ». За этотъ періодъ времени Г. успѣлъ, конечно, приобрести опредѣленное мистическое мировоззрѣніе, и, казалось, ничто не въ силахъ было вырвать его изъ того специфическаго круга идей, въ который замкнуло его мысль изученіе талмуда. Однако, какъ увидимъ, достаточно было проникнуть въ этотъ кругъ одному лучу критицизма, чтобы все очарованіе талмудическаго міросозерцанія разсѣялось, повергнувъ носителя его въ тяжелую душевную драму. Вотъ какъ описываетъ этотъ поворотный моментъ въ своей жизни Г. «Еще тому времени, — читаемъ дальше въ его письмѣ, — мнѣ случайно подвернулась какая-то книжка, на еврейскомъ, разумѣется, языкѣ, которой суждено было перевернуть вверхъ дномъ все мое мировоззрѣніе, на столь прочныхъ, казалось бы, устояхъ опиравшееся. То была книжка изъ такъ называемой у евреевъ запрещенной литературы еретическаго, анти-талмудическаго содержанія». «Считая себя, великаго талмудиста, застрахованнымъ отъ вреднаго вліянія еретическихъ сужденій, Г. смѣло рѣшился вкусить отъ запрещеннаго плода», тѣмъ болѣе, что, «будучи по рожденію и воспитанію подверженъ крайнему фанатизму», питалъ органическое отвращеніе къ этому рода литературѣ». Эта самонадѣянность потерпѣла самое жестокое крушеніе. Свѣтъ критической мысли блеснулъ настолько ярко, что «великій талмудистъ» внезапно увидѣлъ себя на днѣ темной пропасти, вмѣсто той свѣтлой вершины мудрости, на которую, казалось, возвелъ его талмудъ.

«Еще и теперь, — пишетъ Г., — спустя 40 лѣтъ, живо у меня въ памяти то чувство ненависти, которое я питалъ къ автору этой «мерзкой книженки, поддаваясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ того не замѣчая, ея додамъ, такъ что, дочитавъ книжку до конца, я вдругъ очутился передъ страшною дилеммой: либо я лишился разсудка, либо... страшно подуматъ

все ученіе талмуда одинъ только миражъ... Борьба, однако, длилась недолго. Сомнѣніе скоро перешло въ смѣлое отрицаніе. Духъ отрицанія овладѣлъ моею душою, проникъ въ самыя сокровенныя тайники ея». Разъ вспыхнувъ, разрушительныя силы отрицанія съ неумолимой энергіей пробивали себѣ путь все глубже и глубже. «Вмѣстѣ съ талмудомъ,—описываетъ Г.,—подвергнуть былъ критической провѣркѣ и весь законченный строй моего міровоззрѣнія. Почва мало-по-малу ускользала изъ-подъ ногъ моихъ. Между тѣмъ гдѣ-то вдали, далеко-далеко за умственнымъ моимъ горизонтомъ показалась мнѣ заря новыхъ идей. Взору моему открылся въ отдаленной перспективѣ невѣдомый мнѣ доселѣ міръ, міръ человѣческаго прогресса, проникнуть въ который стало съ тѣхъ поръ сокровенною моею мечтой».

Надо было обладать поистинѣ изумительнымъ запасомъ самодѣятельности, чтобы достойно вступить въ этотъ свѣтлый міръ, чтобы порвать безчисленныя нити, связывавшія со старымъ міромъ традиціонныхъ цѣнностей, мистическихъ дисциплинъ, унаслѣдованныхъ Г. отъ XVIII вѣковой культуры его націи. «Оглядываясь теперь назадъ,—говоритъ Г.,—я, право, не могу не удивляться той силѣ энергіи, съ которой я приступилъ къ осуществленію (своей) мечты, не соразмѣривъ, по наивности своей, всей ширины той пропасти, которая отдѣляла меня отъ (новаго) таинственнаго міра. Безъ руководителя, не зная ни одного изъ европейскихъ языковъ, не имѣя при томъ никакихъ средствъ къ существованію (кстати, я въ то время имѣлъ уже жену и четверыхъ дѣтей), вдобавокъ, гонимый своими единовѣрцами, я мечталъ *о вступленіи въ университетъ*». Однако, при всей энергіи Г., мечта этой сбыться не удалось, и ему пришлось удовольствоваться тѣми путями, которые открывало передъ нимъ самообразованіе. На склонѣ дней своихъ, Г. съ живѣйшимъ интересомъ встрѣчаетъ появленіе комиссіи по организаціи домашняго чтенія при Учебномъ отдѣлѣ 0-ва распространенія тех. знаній, вступаетъ на 61-мъ году жизни въ ряды ея подписчиковъ (по отдѣлу философіи), энергично работаетъ, доказывая тѣмъ полную справедливость скромно брошеннаго имъ указанія, что «стремленіе къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ не покидало меня во всю мою жизнь».

А. А. Титовъ.

Промышленный кризисъ, какъ факторъ соціальной революціи.

Чтобы посмѣяться надъ мнимой свободойъ человѣческой воли, Спиноза какъ-то выразился, что если бы падающій камень былъ надѣленъ сознаниемъ, то онъ тоже проникся бы увѣренностью, что падаетъ на землю по собственному свободному хотѣнію, а не повинуюсь закону земного тяготѣнія. Эту острогу повторилъ впоследствии и Лейбницъ, но въ иной формулировкѣ, примѣнивъ ее къ свободно вращающейся магнитной стрѣлкѣ, которая послѣ нѣсколькихъ колебаній неизмѣнно устанавливается въ направленіи отъ сѣвера къ югу. Со стороны обоихъ философовъ, повторяемъ, это было шутовское выраженіе недоувѣрія нашему психическому самонаблюденію, остро сформулированная мысль объ обманчивости свидѣтельства непосредственнаго сознанія субъекта. Очень жаль, въ такомъ случаѣ, что оба великіе детерминиста не отмѣтили дополнительно факта компенсаціи этой субъективной доувѣрчивости къ свидѣтельству внутренняго голоса прямо обратнымъ нашимъ отношеніемъ къ внѣшнему человѣческому, вообще соціальному опыту. Въ самомъ дѣлѣ, насколько непосредственное сознаніе рисуетъ намъ насъ самихъ существами духовно свободными, истинными господами своихъ хотѣній и поступковъ, настолько же упрямо оно заставляетъ насъ въ каждомъ частномъ случаѣ замыкать окружающій міръ въ схему строгой внѣшней послѣдовательности или обусловленности, зачастую тоже самаго абсурднаго спиритуалистическаго свойства. И это, несмотря на всю, казалось бы, неимоверную сложность условій человѣческаго существованія и, стало быть, недоступность ихъ для какихъ бы то ни было детальныхъ опредѣленій, несмотря на явное, видимое для всѣхъ господство въ этой области именно *свободнаго случая*. Достаточно назвать получившую большого распространенія, но все же упоминаемую теорію торгово-промышленныхъ кризисовъ извѣстнаго автора «Дедуктивной логики и этюдовъ по политической экономіи» Джевонса, — теорію, которая опредѣленную цикличность смѣнитъ промышленнаго подъема и упадка, характеризующую все современное производство, приводитъ въ самую тѣсную прямую связь съ періодичностью появленія солнечныхъ пятенъ. Эта аст

номическая или астрологическая теорія промышленныхъ кризисовъ можетъ считаться научнымъ образчикомъ—*par excellence*—упомянутой механизмирующей тенденціи человѣческаго разсудка,—разсматривая послѣдній какъ абстрактную функцію того самаго непосредственнаго сознанія, которое такъ любовно и довѣрчиво прислушивается къ своему собственному обманчивому голосу.

Характерно, что и русскій авторъ менѣ эксцентрической съ виду теоріи кризисовъ *) изображаетъ намъ циклическое движеніе послѣднихъ въ видѣ «ритмической пульсаціи колоссальнаго организма капитализма, напоминающей, по своей правильности, явленія не социологическаго, но біологическаго или (опять-таки, какъ видите) *неорганическаго* порядка», наприм., работу паровой машины. Пульсація происходитъ, такъ сказать, въ безчисленныхъ людяхъ—органахъ или атомахъ, «отдѣльныхъ человѣческихъ индивидуумахъ», чувствующихъ свою беспомощность передъ дѣйствіемъ силъ, которыя созданы ими самими, но контроль надъ коими ими утраченъ.

Если бы магнитная стрѣлка могла мыслить, она считала бы, что устанавливаетъ свое направленіе по собственному свободному влеченію. Этимъ остроумнымъ разсужденіемъ, продѣланымъ за счетъ неодушевленной стрѣлки, какъ бы предугадывалось другое разсужденіе, обратное по содержанию, но того же формальнаго порядка, а именно то разсужденіе, которое человѣческой дѣятельности придаетъ характеръ *механическаго* движенія свободно-вращающейся магнитной стрѣлки. Мы указали, что такое разсужденіе лежитъ въ основѣ различныхъ разновидностей циклической теоріи кризисовъ, этой квинтэссенціи ученія о современномъ капиталистическомъ строеѣ. И такъ какъ, вдобавокъ, это единственная социальная область, въ которой, при всей ея загадочности, опытъ будто бы обнаружилъ возможность точнаго учета и предсказанія, то чрезвычайно соблазнительно было это именно явленіе сдѣлать симптомомъ, избрать исходной точкой для опредѣленныхъ практическихъ ожиданій, а значить и для соответственной подготовки ожидаемаго путемъ агитаціи, пропаганды, вообще организаціи широкихъ массъ. Этимъ былъ бы достигнутъ заодно идеалъ практической философіи, опирающейся въ своихъ императивахъ на теоретическую, какъ на свою базу. Но тутъ наблюдается любопытнѣйшее *qui pro quo*. Чѣмъ послѣдовательнѣе, иначе чѣмъ *механичныя* теорія сама вытекаетъ изъ исторіи, какъ лѣтописи прошлаго, тѣмъ меньше въ сущности исторія, разсматриваемая какъ историческое творчество, обнаруживаетъ готовности опереться на такую теорію. На выручку же подоспѣваетъ слѣдующее обстоятельство: въ нужный моментъ наша желѣзная теоретическая философія рветъ свой металлическій блескъ, всю свою механическую гладкость и ино покрывается зубцами, которые даютъ вполне достаточную опору для куственного прорыва очерченнаго волшебнаго круга, а съ тѣмъ вмѣстѣ для мощнаго движенія вонъ изъ этого круговорота.

*) *Туламъ-Барановскій*: „Промышленные кризисы въ Англии“. Спб., 1900 г.

Продуктомъ подобнаго рода сцѣпленія теоретическихъ и практическихъ моментовъ можно считать промелькнувшую въ нашей журналистикѣ и грозящую стать ходячей экономической теорію, которая стремится установить прямую и непосредственную связь между нынѣшнимъ политически-общественнымъ безвременьемъ, переживаемымъ Россіей, и вой-какими явлениями въ матеріальной сферѣ, съ определеннымъ расчетомъ извлечь отсюда твердыя данныя для характеристики ближайшаго будущаго. На этомъ учени, стало быть, какъ на равнодѣйствующей, соединились два такихъ могучихъ фактора, какъ, съ одной стороны, вышеотмѣченная уже склонность чело-вѣческаго ума къ упрощенностямъ элементарно-механическаго обуславливанія, а съ другой стороны, настойчивое стремленіе воли обрѣсти точку опоры для радостныхъ социальныхъ прогнозовъ. Вполнѣ естественно также, что, будучи продуктомъ определеннаго социологическаго обобщенія, оно тѣмъ же стремится распространить свое тенденціозное освѣщеніе на всю революціонную эпоху.

Эта новѣйшая экономическая теорія возводитъ наблюдаемыя смѣны подъема и упадка въ русскомъ освободительномъ движеніи къ закономѣрно чередующимся между собою фазамъ обычнаго торгово-промышленнаго цикла съ его кризисами, экономическимъ затишьемъ и послѣдующимъ индустриальнымъ расцвѣтомъ. Промышленный подъемъ 90-хъ годовъ, въ особенности второй половины ихъ, сопровождается сильнымъ развитіемъ экономическихъ стачекъ, это—эпоха господства такъ называемаго «экономизма» въ русскомъ рабочемъ движеніи (ничто вродѣ интеллигентскихъ «малыхъ дѣлъ» въ реакціонные 80-е годы). Но вотъ наступаетъ экономическій кризисъ 1900—1903 гг., и характеръ борьбы рѣзко мѣняется—она принимаетъ ярко-выраженную политическую окраску: политическій кризисъ 1905 года есть производное упомянутаго экономическаго кризиса 1900—3 гг. Подхлестываемый безработицей пролетаріатъ, успѣвшій профессионально организоваться и матеріально окрѣпнуть за время предшествующаго промышленнаго подъема, бросается въ рѣшительную атаку и завоевываетъ октябрьскій манифестъ: безработные вынесли на своихъ плечахъ всю страшную тяжесть освободительной борьбы. Въ настоящее время промышленность и торговля переживаютъ опять новый высокій подъемъ, вопреки зловѣщимъ увѣреніямъ буржуазныхъ Кассандръ, оплакивающихъ мнимый распадъ и дезорганизацию хозяйственной жизни страны. Даже пробѣжавшая по всему нашему отечеству локаутная волна говоритъ не объ упадкѣ, а о расцвѣтѣ промышленности *). А съ подъемомъ индустриальной волны революціонная немыслимо пошла на убыль. Измученные борьбой и нуждо

*) Цифры и доводы читатель найдетъ въ любопытныхъ статьяхъ Г. Гольдбер „Промышленный подъемъ и экономическая борьба рабочихъ въ Россіи“ (*Соврем. Миръ*, 1907 г., май) и Я. А. Пилецкаго: „Экономическій кризисъ и его окончаніе“ (*Образованіе*, 1906 г., апрѣль). См. также „Отклики русской жизни“ Л. Клейнбоу въ *Соврем. Миръ*, за іюнь 1907 г.

работѣ спѣшать использовать наступившую передышку для новыхъ экономическихъ завоеваній, для упроченія своихъ профессиональныхъ организацій, вообще для укрѣпленія занятыхъ позицій.

Это не значитъ, конечно, что борьба окончена—ничего подобнаго. Еслибъ это должно было быть такъ, то сама теорія не имѣла бы никакого оправданія и ея возникновеніе ни малѣйшаго *raison d'être*. Нѣтъ, борьба не окончена—она только отсрочена. Новый революціонный подъемъ впереди. Правда, время его наступленія не можетъ быть опредѣлено хотя бы съ приближительностью, а теорія въ этомъ случаѣ неохотно пускается въ область гаданій, но тѣмъ съ большей увѣренностью она связываетъ его принципиально съ уже обрисовывающимся на горизонтѣ новымъ экономическимъ кризисомъ, навстрѣчу которому на всѣхъ парахъ несется Америка, за нею Европа и съ послѣдней Россія. И несомнѣнно, что этотъ желанный кризисъ дастъ новый толчокъ русской революціи, снова двинетъ пролетариатъ на путь активной политической борьбы. Слѣдуетъ прибавить, что наблюдаемая сейчасъ политическая реакція присуща не одной только Россіи, но является слѣдствіемъ общаго для всего капиталистическаго міра состоянія—промышленнаго подъема, и всюду сопровождается накопленіемъ силъ и боевой готовности для революціи, предстоящей въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Такова эта новѣйшая, донельзя утѣшительная теорія, дающая хороший образчикъ того особаго неустрашимаго рода теоретизированія *ad hoc*, которое еще древнихъ астрономовъ, при ихъ непремѣнномъ желаніи заставить во что бы то ни стало солнце и луну двигаться вокругъ земли, побуждала придумывать цѣлую систему цикловъ и эпицикловъ, «какъ будто бы колесо находилось въ колесѣ».

Однако новѣйшей, такъ сказать, теоріей-модернъ, она можетъ быть названа лишь въ очень ограниченномъ смыслѣ, какъ приспособленная специальнымъ образомъ къ переживаемой Россіей тяжелой и мучительной контръ-революціи, но именно приспособленная, а не придуманная. Настоящимъ же авторомъ, точнѣе авторами этой теоріи промышленнаго кризиса, какъ фактора социальной революціи, являются Марксъ съ Энгельсомъ, эти великіе мастера въ созиданіи теоретическихъ одноденокъ, въ неутомимомъ придумываніи социологическихъ «колесъ въ колесѣ». А установлена она ими въ тотъ, имѣющій для насъ особенную поучительность и драматичность, моментъ, когда пришлось окончательно махнуть рукой на социальные итоги многообѣщавшаго 1848 года, безповоротно распроститься съ революционными иллюзіями этой эпохи. Тутъ только—дѣло было осенью 1850 г.—оба они дознались, что *основной причиной февральской и мартовской революцій былъ кризисъ въ мировой торговлѣ*, наступившій въ 1847 г. «Основной же причиной» социальной неудачи и недостаточности этихъ революцій былъ тотъ фактъ, что уже съ середины революціоннаго 1848 г. мало-по-малу наступилъ періодъ процвѣтанія промышленности, достигшій въ 1849 и 1850 г. своего апогея и создавшій почву для вновь окрѣпшей

европейской реакціи. «Это имѣло рѣшающее значеніе», удостовѣряетъ Энгельсъ *). Убѣдившись въ этомъ, они «разъ навсегда отказались отъ иллюзіи ожиданія новаго и скорого подъема революціонной энергіи рабочаго класса» и—рѣшительно начертали: *«Новая революція возможна лишь послѣ новаго кризиса. Зато она такъ же неизбежна, какъ и этотъ кризисъ».*

И этотъ-то прогнозъ, обнаружившій свое полное безсиліе уже спустя немного лѣтъ, при наступленіи ожидаемаго и желаемаго «новаго кризиса», да и въ тотъ моментъ уже явно брошенный на вѣтеръ для ослабленія субъективнаго ужаса реакціи переживаемой исторической минуты, нашель вдругъ живой откликъ въ нынѣшніе дни въ статьяхъ нашихъ русскихъ марксистовъ. Одинъ изъ нихъ, г. Пилецкій, примирительно присовокупляетъ къ процитированнымъ только что словамъ Энгельса: «Кризисъ не наступилъ скоро и революція пошла на убыль». Другими словами, весь этотъ категорическій прогнозъ о двойной «неизбѣжности»—неизбѣжности какъ кризиса, такъ и революціи—оказался, вульгарно выражаясь, просто-напросто высосаннымъ изъ пальца, и тѣмъ не менѣе это не смущаетъ автора и его единомышленниковъ, не мѣшаетъ имъ извлекать занесенное пылью и плѣсенью построеніе изъ архивовъ ученія и повторять слово въ слово въ примѣненіи къ теперешней Россіи: новый революціонный подъемъ можетъ наступить, молъ, не позже новаго экономического кризиса, который уже обрисовывается на горизонтѣ (Гольдбергъ). Но съ такимъ же успѣхомъ они могли бы заявить, что новый революціонный взрывъ послѣдуетъ съ ближайшимъ появленіемъ новыхъ солнечныхъ пятенъ, или при вхожденіи планеты Сатурнъ въ созвѣздіе Скорпіона (констелляція, по представленію древнихъ, чреватая особенно грозными послѣдствіями для человѣческаго рода). По этимъ соображеніямъ, должно быть, переворотъ въ извѣстномъ фантастическомъ романѣ Уэльса «Великій переворотъ», смететь съ поверхности земли весь современный капиталистическій порядокъ, имѣеть произойти «во дни кометы».

Было бы однако ошибкою думать, что вышеочерченное построеніе, при его крайней эфемерности, было таковымъ же, т.-е. чѣмъ-то легкомысленно брошеннымъ на вѣтеръ, для самихъ его авторовъ; совершенно напротивъ, оно было преисполнено для нихъ самаго животрепещущаго и злободневнаго значенія, какъ, по всей вѣроятности, и для нынѣшнихъ воскрешателей этого выморочнаго наслѣдія великихъ учителей. Есть, слѣдовательно, всѣ основанія для того, чтобъ сочувственно и съ нѣкоторымъ вниманіемъ остановиться на этой субъективной сторонѣ дѣла.

«Основной причиной» крупныхъ социальныхъ переворотовъ призна торгово-промышленные кризисы, а «рѣшающимъ» обстоятельствомъ д неудачи иныхъ революцій оказывается послѣдовавшій за кризисомъ экономическій подъемъ. Мало того, взаимозависимость заходитъ и дальше, та

*) К. Маркс: „Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г.“, стр. 4-

что промышленные успѣхи страны и политическое настроеніе ея общества находятся между собой—какъ мы увидимъ—чуть ли не въ точномъ, и именно обратномъ, математическомъ отношеніи: по мѣрѣ усиленія индустріальнаго подъема падаетъ волна политическаго возбужденія (и наоборотъ). Такова эта упрощенная до *pes plus ultra* научная социологія, вылившаяся въ истинно-симплистскую гипотезу социальнаго круговорота—миніатюру или карриатуру знаменитыхъ *corso e ricorso* Вико. Разъ связавъ такимъ образомъ тѣснѣйшими мысленными узамъ, почти до неразличенія, торгово-промышленный кризисъ съ общественнымъ переворотомъ, сдѣлавъ послѣдній буквально функцией или производнымъ перваго и обусловивъ неизбежность ближайшаго революціоннаго взрыва неизбежностью ближайшаго промышленнаго краха,—Марксъ съ Энгельсомъ должны были отнынѣ все свое вниманіе и всѣ надежды устремить именно въ эту сторону, навстрѣчу новому кризису: этотъ послѣдній непременно долженъ былъ принять въ ихъ глазахъ грандіозные, сверхъестественные размѣры, характеръ чуть ли не какаго-то Божьяго насланія, предназначеннаго избавить человечество отъ капиталистической сверны и вывести его на вольный путь конечнаго социальнаго преобразованія. Съ чрезвычайной зоркостью должны они слѣдить и съ величайшей добросовѣстностью регистрировать не только крупнѣйшія конъюнктуры, но даже и всѣ малѣйшія движенія и колебанія, замѣчаемыя на всемірномъ рынкѣ, готовые въ силу самаго этого утрированнаго вниманія принимать каждую малозначущую заминку за предвѣстіе наступающаго окончательнаго катаклизма. И дѣйствительно, всѣ эти условія мы находимъ отраженными относящейся къ этимъ годамъ перепиской Маркса-Энгельса-Лассала, не особенно давно изданной, съ своими обширными пояснительными примѣчаніями, Францемъ Мерингомъ *). Бѣ сожалѣнію, въ этой перепискѣ недостаетъ, пожалуй, самаго главнаго, т.-е. не достаетъ собственно писемъ Маркса, но зато письма Лассала и комментаріи къ нимъ Меринга, при всей недостаточности и односторонности этихъ документовъ, даютъ все же довольно удовлетворительное представленіе и о занимающемъ насъ настроеніи самихъ Маркса и Энгельса. Лассаль въ разсматриваемомъ отношеніи находился несомнѣнно подъ сильнымъ умственнымъ вліяніемъ Маркса и съ трогательной наивностью выражаетъ мѣстами общія чаянія и надежды трехъ друзей, а издатель и комментаторъ, съ своей стороны, вездѣ, гдѣ это нужно, самымъ терпѣливымъ образомъ устанавливаетъ всѣ точки надъ і.

Подъ 24 октября 1849 года Лассаль «привѣтствуетъ съ радостью орговый кризисъ въ Англій, о которомъ,—пишетъ онъ Марксу,—ты извѣщаешь въ газетѣ (т.-е. въ *Neue Rheinische Zeitung*)». Однако ни онъ, —, какъ видно, самъ Марксъ не имѣютъ дѣйствительной увѣренности въ личіи поводовъ для радости, потому что Лассаль торопится прибавить:

) Письма Ф. Лассала къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣч. Ф. Меринга. 16., 1905 г.

«Хорошо, если бы его наступление было действительно вполне обеспечено и близко! Въедь до сихъ поръ они обыкновенно слѣдовали другъ за другомъ не такъ быстро. *Фаталистическій циклъ* отъ 4 до 5 лѣтъ, обычный промежутокъ времени между двумя кризисами, еще не миновалъ» *).

Самъ Мерингъ до такой степени сливается и отождествляетъ себя съ точкой зрѣнія друзей-корреспондентовъ, что съ этой ихъ именно—во всякомъ-то случаѣ глубоко-субъективной, временной, окказіональной—позиціи объективно разбираетъ ихъ дѣятельность и ея послѣдствія: напр., находитъ, что время для изданія Марсомъ своего политико-экономическаго ежемѣсячника *Neue Rhein. Zeitung* было выбрано имъ крайне неудачно, «такъ какъ промышленный подъемъ, видите ли, все усиливался и политическое возбужденіе все болѣе падало» **): между тѣмъ и другимъ, какъ замѣчаете, устанавливается самая тѣсная и неразрывная, хотя въ математическомъ смыслѣ и обратная, а въ логическомъ однобокая связь: безъ промышленнаго кризиса и экономического упадка нѣтъ политическаго движенія, нѣтъ тѣмъ паче революціи. Изъ того эмпирически совершенно понятнаго обстоятельства, что эпоха революціоннаго броженія не можетъ не сопутствоваться, между прочимъ, извѣстной дезорганизаціей производственныхъ условій страны, не обинуясь выводится заключеніе, что эта хозяйственная дезорганизація и есть самое главное, мало того — единственный рѣшающій факторъ, настоящій «хозяинъ» всего наличнаго политическаго положенія, вплоть до вопроса о возникновеніи или невозникновеніи, объ успѣхѣ или неуспѣхѣ, словомъ, о «быть или не быть» революціи, что, стало быть только приближающійся на всѣхъ парахъ промышленный кризисъ освящаетъ и «благословляетъ» революціонный взрывъ.

Почти чрезъ два года уже послѣ приведеннаго, подъ 19 іюля 1851 г., Лассаль снова говоритъ именно о такомъ «приближающемся на всѣхъ парахъ кризисѣ». Изъ свѣдѣній, лично собранныхъ имъ на Рейнѣ, въ Берлинѣ и Бреславлѣ у фабрикантовъ и дѣльцовъ всякаго рода, онъ выводитъ заключеніе, что застой, который сталъ замѣчаться въ то время во всѣхъ отрасляхъ промышленности, долженъ достигъ своей кульминаціонной точки къ декабрю этого года ***)... И какъ бы опасаясь, что счастье—

*) Видимое отраженіе мысли Энгельса, высказанной въ „Положеніи рабочихъ классовъ въ Англіи“ (1845 г.): „...Такъ дѣло идетъ безъ конца: расцвѣтъ, кризисъ, расцвѣтъ, кризисъ, и этотъ вѣчный круговоротъ, въ которомъ движется промышленность, завершается обыкновенно въ 5—6 лѣтъ“.

**) Въ предисловіи къ своей „Исторіи германской с.-демократіи“ онъ объявляетъ даже: „Основанный Марсомъ и Энгельсомъ современный научный коммунизмъ былъ-д еще разъ *смытъ экономическимъ подъемомъ и политическимъ упадкомъ* 50-хъ годовъ“ Согласно той же логикѣ, надо бы, стало быть, сказать, что время для проповѣди научнаго коммунизма „было выбрано ими вообще крайне неудачно“...

***) Гораздо болѣе, чѣмъ эти сомнительныя свѣдѣтельства въ пользу готовящагося кризиса, характерны и интересны (въ особенности сейчасъ для насъ русскихъ) т общія наблюденія, какія дѣлаетъ Лассаль надъ современной ему нѣмецкой буржу

«столь близкое и возможное» — опять ускользнетъ у него межъ пальцевъ, онъ заканчиваетъ оригинальнымъ обращеніемъ... къ самому Господу Богу: «Благослови, Боже, наше проклятіе!»... Увы, не услышалъ Господь: «благословеніе Божье» и на этотъ разъ не осѣнило желаннаго «проклятія», такъ что Мерингъ вынужденъ признать, что, благодаря революціонному нетерпѣнію, онъ, Лассаль, временную заминку въ промышленныхъ дѣлахъ въ 1851 г. представляетъ себѣ какъ приближающійся на всѣхъ парахъ кризисъ, а затѣмъ попутно сообщаетъ, что то же революціонное нетерпѣніе пожирало и Маркса (стр. 48)... Но и послѣ этого Лассаль все не перестаетъ ждать благословеннаго проклятія. Годъ протекалъ за годомъ, а онъ, какъ вѣрный любовникъ, томящійся въ долгой разлукѣ съ своей возлюбленной, все не устаеетъ жадно высматривать и страстно призывать — промышленный кризисъ...

Черезъ два съ половиной года послѣ приведенной даты (13 дек. 1853 г.), онъ спрашиваетъ опять Маркса: «Что ты думаешь о промышленномъ движеніи въ будущемъ году? Наступитъ ли, наконецъ, давно ожидаемый кризисъ, срокъ которому давно истекъ послѣ 1847 г.? Конечно, — прибавляетъ онъ, кризисъ былъ сильно отсроченъ вслѣдствіе очень слабаго производства въ 1848 и 49 гг.» — соображеніе едва ли основательное: отъ Энгельса, напротивъ, мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, 1849 годъ, вмѣстѣ съ 50-мъ, были годами, когда періодъ промышленнаго расцвѣта достигъ какъ разъ своего апогея, — но, сказано давно: «тѣмъ горькихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ!»... И, наконецъ, вырвавшаяся изъ души весьма характерная жалоба: «Мы на континентѣ станемъ теперь *косомазыми*: однимъ глазомъ мы смотримъ въ Англію, другимъ на востокъ» и пр.

зій: послѣднею, въ виду рѣшительно-реакціонной феодальной политики правительства, «овладѣю, — по его словамъ, — тупое рѣшеніе не ставить, по крайней мѣрѣ, никакихъ препятствій на пути ближайшей революціи». Слутя 4 года (въ январѣ 1855 г.) онъ опять возвращается къ этому вопросу и, разсуждая объ общемъ стѣсненномъ положеніи и вызванномъ имъ «невиданномъ озлобленіи» противъ правительства, упоминаетъ о любопытномъ „расчетѣ“ буржуазіи, сводящемся къ тому, что „революціонный переворотъ стоилъ бы ей меньше или, во всякомъ случаѣ, не дороже, или, если бы онъ даже взялъ у нея сразу большую часть ея капитала, то это было бы переходящимъ явленіемъ и освободилъ бы мѣсто для новаго періода расцвѣта, между тѣмъ какъ теперь ее медленно пожираютъ, и этому не предвидится конца“. Это, по словамъ Лассалья, „*ipissima verba*“, которыя онъ слышалъ отъ совершенно консервативныхъ или индифферентныхъ предпринимателей различнаго рода, которыя они высказывали не безъ многихъ стонъ, но развивали, какъ самое глубокое ихъ убѣжденіе. — Прочтите теперь хотя бы путевыя наблюденія г. С. Елпатовскаго „По Волгѣ“ (Русск. Бол. 1907 годъ, июль), и вы найдете въ нихъ тѣ же отголоски со стороны нашего крупнаго и средняго купечества. „Я девять дней ѣхалъ по Волгѣ — резюмируетъ авторъ, — останавливался въ городахъ, переваливалъ массу народа, и крупными людьми, дѣлающими исторію Волги, и купцовъ, и приказчиковъ, и козлявъ, и служащихъ — впечатлѣнія были удивительно однотонны... Глаза у людей сердитые, рѣчи гнѣвные... „Не туча, а въ родѣ какъ винтъ. — Вотъ такъ и жметъ, выдавливаются... Третій ужъ годъ!... По всей торговлѣ, по всѣмъ дѣламъ винтъ дѣйствуетъ“. (Изъ жалобъ пароходо-дѣльцовъ).

Вполнѣ понятно, однако, что «косоглазіе» такого рода не могло продолжаться безконечно долго, и даже сила лассалевской страсти не должна была устоять противъ тщетности многолѣтнихъ ожиданій. Тѣмъ временемъ историческое небо стало заволакиваться новыми политическими тучами, на европейскомъ горизонтѣ обрисовался призракъ крымской войны, и какъ только это случилось—всѣ трое, и Марксъ съ Энгельсомъ, и Лассаль, вновь ярко вспыхиваютъ своимъ притаившимся было на время, но въ сущности неугасимымъ въ нихъ революціонизмомъ и, забывши про всякіе промышленные кризисы, устами того же Лассалья, привѣтствуютъ на этотъ разъ, какъ «глубоко провиденціальное» явленіе, что «наша революціонная эра дебютируетъ возникновеніемъ этого восточнаго (т.-е. чисто-политическаго) кризиса, призракъ котораго пугаетъ нашихъ глупыхъ политиковъ съ 1828 г.». При этомъ и всѣ политическія и дипломатическія комбинаціи, ему сопутствующія, принимаютъ въ глазахъ корреспондентовъ тотъ же провиденціальнѣйшій, заранѣе predetermined характеръ, «дѣйствуя какъ разъ подобно мѣхамъ для всемірнаго пожара, который теперь *не можетъ быть больше отсроченъ*» (стр. 84). И съ этихъ поръ, во всѣхъ дальнѣйшихъ революціонныхъ гаданіяхъ и заданіяхъ трехъ друзей, экономической кризисъ перестаетъ играть сколько-нибудь замѣтную роль, даже упоминаніе о немъ почти совсѣмъ исчезаетъ изъ ихъ переписки, а все вниманіе и всѣ упованія корреспондентовъ отнынѣ сосредоточиваются на готовящихся или уже разразившихся европейскихъ войнахъ. Это не мѣшаетъ, конечно, всѣмъ ихъ революціоннымъ расчетамъ, основаннымъ на политикѣ, лопаться теперь одному за другимъ такъ же успѣшно, какъ и прежде, когда они упирались непосредственно въ экономику. Достоинно, во всякомъ случаѣ, вниманія, что когда наконецъ въ 1857 г. разразился столь горячо и страстно, съ превеликимъ нетерпѣніемъ такъ недавно еще ожидаемый промышленный кризисъ, то по поводу этого выдающагося событія мы не находимъ ничего въ самой перепискѣ, а лишь въ комментаріяхъ къ ней наталкиваемся на случайный отголосокъ его, въ томъ родѣ, молъ, что—«кризисъ 1857 г., конечно, снова сузилъ матеріальныя средства существованія Маркса, которыя только что немного улучшились, но что это всего менѣе огорчало его и его мужественную жену». Правда, въ одномъ письмѣ отъ этого времени, написанномъ этой послѣдней и приводимомъ Мерингомъ, разсказывается, какъ кризисъ поразилъ почти всѣхъ членовъ маленькаго дружескаго кружка и какъ всѣ они мужественно смотрятъ въ будущее. Специально о Марксѣ говорится, что онъ находится въ состояніи радостнаго возбужденія (high up): «вся его прежняя работоспособность и легкость въ работѣ вернулась къ нему, точно такъ же бодрости, веселости его духа и т. д.». Такимъ образомъ мы только сквозь эту призму личныхъ дѣлъ узнаемъ, что Марксъ и весь вообще группировавшійся вокругъ него кружокъ воспылали какъ будто какими-то новыми революціонными надеждами, въ связи съ новымъ экономическимъ кризисомъ, но, какъ видишь, надеждами въ достаточной мѣрѣ платоническими, являвшимися скорѣе от

досками какихъ-то прошлыхъ переживаній, чѣмъ результатомъ дѣйствительнаго сознанія настоящаго... Вспомните прогнозъ Маркса о наступающемъ кризисѣ, которымъ заканчивается предисловіе ко 2-му нѣмецкому изданію «Капитала», отъ января 1873 г. Здѣсь Марксъ, въ превратностяхъ того періодическаго цикла, который проходитъ современная промышленность и «высшую ступень котораго представляетъ всеобщій кризисъ», заставляетъ *практика-буржуа* особенно восчувствовать полное противорѣчій движеніе капиталистическаго общества. «Онъ (всеобщій кризисъ),—пишетъ авторъ «Капитала»,—опять приближается, хотя находится еще въ подготовительной стадіи: своей повсемѣстностью и своей интенсивностью онъ научитъ діалектикѣ даже *счастливициковъ священной прусско-германской имперіи*... Какъ не вспомнить, что за два десятка лѣтъ до этого Марксъ былъ гораздо болѣе озабоченъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое діалектика капиталистическаго общества произведетъ на борющійся пролетаріатъ, нежели на счастливициковъ прусско-германской имперіи, чѣмъ на нѣмецкихъ «практиковъ-буржуа». Перемѣщеніе центра вниманія, согласитесь, очень и очень знаменательное! Послѣдствія показали (объ этомъ ниже), что оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и перемѣщеніемъ центра тяжести общихъ интересовъ духовной личности Маркса изъ области практики въ сферу теоріи, съ арены революціонной борьбы въ мирный рабочій кабинетъ. Такъ, повидимому, слѣдуетъ понимать и слова жены Маркса о «возвратѣ его прежней работоспособности», въ примѣненіи еще къ кризису 1857 г.

Такъ обстояло съ Марксомъ, что же касается Лассалья, на личномъ матеріальномъ положеніи котораго этотъ кризисъ не могъ отразиться и который во всѣ предшествующіе годы алкалъ его наступленія такъ, какъ влюбленный алчетъ соединенія съ своей возлюбленной, то, когда кризисъ наконецъ разразился, онъ, очень вѣроятно, встрѣтилъ его такъ, какъ, въ пушкинскомъ Русланѣ, Финнъ,—свою возлюбленную Наину:

Добился ты любви Наины
И презираешь—вотъ мужчины!
Измѣной дышать всѣ они!...

Да иначе и быть не могло: и Лассаль и Марксъ, повторяемъ, успѣли обрѣсти къ тому времени новаго божка вмѣсто прежней экономіи. И теперь, взлѣзши на этого новаго конька европейской политики, они, по-старому снѣдаемые революціоннымъ нетерпѣніемъ, развиваютъ рядъ новыхъ грандіозныхъ перспективъ, въ центрѣ которыхъ, такъ или иначе, оказывалась жалкая фигура узурпатора Бонапарта съ его пресловутой итальянской политикой. Принципіально и Марксъ съ Энгельсомъ и Лассаль стояли въ этомъ случаѣ не очень далеко отъ Фридриха Вильгельма IV, которому въ героѣ 2 декабря съ ужасомъ чудился знаменосецъ европейской революціи. Для нашихъ же трехъ друзей «миссія» его была расцвѣчена еще въ тому же и чисто-соціалистическими узорами, безотносительно къ тому ли другому политическому шагу Бонапарта. По крайней мѣрѣ, и Лассаль, Марксъ, каждый въ отдѣльности, горячо подхватываютъ и комментируютъ

фразу Гизо, увидѣвшаго въ Наполеоновскомъ *coup d'état* «le triomphe complet et définitif du socialisme». Лассаль называетъ это открытіе «удивительно глубокимъ сужденіемъ» Гизо и восторженно восклицаетъ вмѣстѣ съ Марксомъ: *Les choses marchent!* Только немного терпѣнья! «Со 2 декабря общество очутилось на волосокъ отъ бездны пролетарской революціи. Я вижу уже, какъ оно падаетъ» (стр. 41). Но если такъ, то не оставалось ли нанести ему лишь послѣдній *coup de grâce*?... И не напоминаетъ ли это намъ ну хотя бы—пыллага Кампанеллу, который, въ виду множества фактовъ, указывающихъ ему на неминуемость революціи, съ своей стороны лишь готовился дать ей благоприятное направленіе? Онъ тоже былъ до такой степени убѣжденъ, что общество XVI в. находится на волосокъ отъ бездны социальной революціи, что для споспѣшествованія счастливому исходу не задумался съ ничтожной горстью послѣдователей поднять руку противъ могущественнѣйшаго изъ правителей Европы...

То обстоятельство, что въ задуманной нашими друзьями за счетъ Бонапарта міропотрясающей социальнo-революціонной концепціи, лично герою 2 декабря Лассалемъ предназначается при таковой его исторической миссіи лишь «роль на галерахъ», а Марксъ безпощадно глумится надъ этой жалкой фигурой—все это, разумѣется, въ порядкѣ вещей и только придаетъ всему положенію особую сугубую пикантность *)...

Мы съ своей стороны не должны и не можемъ тутъ же и разстаться съ разбираемымъ ученіемъ, т. е. отнести къ нему съ беззаботностью его

*) Этому поразительному заблужденію великихъ умовъ можно было бы привести одинъ достойный пиданъ у насъ. Аграрная политика русскаго правительства въ польско-литовскихъ областяхъ во время и послѣ возстанія 1863 г. извѣстна и давно оцѣнена. Современникамъ однако она рисовалась—кому со скрежетомъ зубнымъ, а кому съ радостнымъ ликованіемъ—въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ такой человѣкъ, какъ А. И. Герценъ; проклятія же на голову русскаго правительства, вмѣстѣ съ польскими патриотами, слали имущіе и аристократическіе классы всего міра. Въ англійской верхней палатѣ лордъ Эленборо произнесъ даже пламенную филиппику противъ революціонизма Александра II. «Россійскій императоръ,—сказалъ онъ,—первый революціонеръ въ Европѣ: онъ становится во главѣ освобожденныхъ крестьянъ противъ прежнихъ ихъ господъ, противъ землевладѣльцевъ, противъ собственности». Эти слова Эленборо Герценъ взялъ эпиграфомъ къ замѣткѣ въ *Колоколѣ* (отъ 4 авг. 1863 г.), озаглавленной: «А дѣло идетъ своимъ чередомъ!» (вспомнимъ вышеприведенное лассалевское: «*Les choses marchent!*»—въ которой онъ, между прочимъ, писалъ: «Много разъ ставили мы вопросъ,—кому слушать всѣ ужасы, дѣлаемые въ западныхъ губерніяхъ, кому они идутъ въ прокъ, чѣю игру играютъ? И намекали, что *суженнаго конемъ не объѣдешь*». На эти слова обращали вниманія, а теперь, молъ, явился Эленборо и съ британской откровенностью назвалъ «суженнаго»: это были, очевидно,—освобожденные крестьяне!»—, можетъ быть противоположеніе усмиренію возстанія, какъ революція?—продолж. Герценъ.—А Эленборо совершенно правъ: муравьевское усмиреніе политически-наивнаго возстанія—аграрная коммунистическая (!) революція, пугачевщина, орнивованная самимъ правительствомъ» и пр. и пр. (М. П. Драгомановъ: «Герценъ Бакуининъ, Чернышевскій и польскій вопросъ», стр. 59. Казань, 1900 г.).

авторовъ,—по нѣсколькимъ соображеніямъ какъ теоретическаго, такъ и практическаго свойства, которыя въ цѣломъ уяснятся для читателя изъ дальнѣйшаго. Впрочемъ, практическій и злободневный интересъ этого разбора ясенъ, повидимому, уже и сейчасъ. Перечтите еще разъ, послѣ всего вышеприведеннаго, что пишутъ нынѣ въ нашихъ журналахъ, и вамъ будетъ на каждомъ шагу вспоминаться то Марксъ и Энгельсъ, то Лассаль, то Францъ Мерингъ (кстати, последнее имя наводитъ на мысль, что не только у насъ, но и на родинѣ Маркса это ученіе живетъ въ сущности до настоящаго дня, но здѣсь, такъ сказать, преимущественно теоретической жизнью). Такъ, вы вполне явственно воспринимаете почти подражательные отголоски рѣчей упомянутыхъ писателей въ такихъ, напр., утвержденіяхъ, что «сейчасъ, когда промышленность и торговля переживаютъ новый подъемъ, приходится констатировать у насъ пониженіе революціонной волны, отсутствіе «настоящей революціи», какъ говоритъ К. Марксъ. «Но можно съ большой увѣренностью сказать, что новый революціонный подъемъ наступитъ, во всякомъ случаѣ, не позже новаго экономическаго кризиса, который уже обрисовывается на горизонтахъ... Первый, пока еще мало замѣтный, ударъ уже раздался со стороны Америки, биржа которой испытываетъ сильную панику... Америка, а за ней Европа несутся на всѣхъ парахъ (вспомните Лассалья съ его якобы «приближающимися—въ 1851 г.—тоже на всѣхъ парахъ промышленнымъ кризисомъ» и пр.) навстрѣчу новому кризису колоссальныхъ размѣровъ и огромной силы»... Изъ предосторожности, впрочемъ, на всякій случай, оговариваются, что «до перепроизводства еще далеко, и промышленный расцвѣтъ находится пока еще въ полномъ разгарѣ» и пр. А такъ какъ новый кризисъ рассчитанъ на то, чтобъ дать новый толчокъ русской революціи и ужъ по этому одному шансы ея не могутъ отличаться особенной твердостью, то только и оставалось бы смиренно препоручить себя заботамъ Высшаго Промысла и, по примѣру Лассалья, упросить Господа Бога ниспослать свое «благословеніе на наше провлятіе». Правда, *этого* наивно-провиденціалистическаго штриха вы не найдете чернымъ по бѣлому у современныхъ русскихъ марксистовъ, лишенныхъ свойственной нѣмецкому темпераменту сентиментальности; но что штрихъ этотъ самъ собой подразумевается, что онъ вытекаетъ послѣдовательно изъ всей данной идеологической ситуации—въ этомъ для безпристрастнаго наблюдателя не можетъ остаться въ концѣ-концовъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Полезно было, во всякомъ случаѣ, уже въ чисто-практическихъ соображеніяхъ показать, на чемъ коренились и чѣмъ увѣнчались совершенно тождественныя революціонныя чаянія у основателей ученія.

Жизнь пережить—не поле перейти. И если вѣрованія и надежды соранились до конца въ самомъ свѣжемъ видѣ, то ихъ теоретическая или идеологическая основа, упорно сохраняемая въ состояніи неизмѣнности, хотя она многое множество разъ успѣла доказать свою полную непригодность въ качествѣ опоры для практической философіи, должна была под-

вернуться процессу настоящего духовнаго умирая. Въ этомъ, да еще отчасти въ оппортунизмѣ средствъ, едва ли способныхъ привести къ конечной цѣли социализма — жизнь взяла свой реваншъ надъ упрямствомъ доктринеровъ: не будучи въ состояніи согнуть ихъ ученія, сломить ихъ теоретическую вѣру, она просто заморозила ее. Определенные символы, первоначально исполненные для нихъ живого предугавающего смысла, должны были постепенно вывѣтриться, выдохнуться, стать подъ конецъ абстрактными наукоподобными формулами, лишенными какого бы то ни было дѣйствительнаго значенія... Однимъ словомъ, въ ученіи о промышленномъ кризисѣ, являвшемся для отцовъ научнаго социализма всего лишь кснкретнымъ символомъ переворота, мы безъ особеннаго труда откроемъ истинный жизненный зачатокъ всего ихъ великолѣпнаго научно-философскаго зданія экономическаго или историческаго материализма.

Поставивши рядомъ въ такой сомнительной принципиальной близости промышленный кризисъ и социально-политическую революцію и затѣмъ, съ тою же непринужденностью, альтернативу между обыкновенной политической революціей или кардинальнымъ социалистическимъ переворотомъ, Марксъ и Энгельсъ развивали вслѣдъ за этимъ—въ своемъ *Review* конца 1850 г. — условія, при которыхъ возможна или невозможна «революція въ дѣйствительномъ смыслѣ слова»: она, какъ намъ отчасти уже извѣстно, вообще немислима въ періодъ промышленнаго расцвѣта, когда производительныя силы буржуазнаго общества пышно развиваются, поскольку это вообще позволяютъ условія буржуазнаго строя. Въ этомъ случаѣ, повторяемъ, не можетъ быть и рѣчи о революціи. Она становится «возможной лишь въ такіе періоды, когда—подчеркиваютъ наши авторы—*оба эти фактора—новѣйшія производительныя силы и буржуазныя формы производства, приходятъ между собой въ противорѣчіе*». По непрерываемому смыслу этого мѣста, все это страшное «противорѣчіе» разрѣшается всего только... маленькой мышью «заминки на всемірномъ рынкѣ», ибо тутъ-то они и изрекаютъ свое апокалипсическое слово (все тѣмъ же волнующимъ и взбадривающимъ курсивомъ): «*Новая революція возможна лишь послѣ новаго кризиса и такъ же неизбежна, какъ этотъ кризисъ*» *).

Такъ оно обстояло въ 1850 г. И вотъ это же принципиальное положеніе мы находимъ впоследствии въ самомъ сердцѣ теоріи экономическаго материализма, въ томъ сконцентрированномъ ея видѣ, какъ она изложена въ знаменитомъ предисловіи къ «*Zur Kritik der politischen Oekonomie*»—отъ 1859 г., и соотвѣтственно тому, съ новыми и характерными дополненіями, откуда исключены уже всякіе случайные намеки на промышленный кризисъ, какъ одну изъ фазъ обыкновеннаго экономическаго цикла, и даже на политическую революцію, не угрожающую непосредственно самои существованію буржуазнаго строя. Напротивъ, здѣсь мы всецѣло движемс въ сферѣ *la plus haute politique*, самой возвышенной философіи всемірно

*) „Классовая борьба и пр.“, стр. 113—114.

исторіи; здѣсь съ безапелляціонной категоричностью возвѣщается: «когда изъ формъ, содѣйствовавшихъ развитію производительныхъ силъ, данныя отношенія производства превращаются въ препятствіе для ихъ развитія—наступаетъ эпоха общественнаго переворота». А далѣе, въ общихъ чертахъ отмѣчаются, какъ прогрессивныя эпохи экономическаго формировавія общества, азіатскій, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства, являющійся послѣдней антагонистической или классовою формою процесса общественнаго производства и т. д. Съ точки зрѣнія теоріи экономическаго матеріализма была начертана такимъ образомъ наиболѣе общая схема историческаго развитія и предъ лицомъ капитализма указана необходимость и возможность отринуть его для проложенія дороги новой гармонической формѣ общества—соціализму. Основное же условіе для этого—противорѣчіе между новѣйшими производительными силами и буржуазною формою производства—не могло не быть налицо въ глазахъ людей, для которыхъ уже въ то время все обостряющіеся и учащающіеся (по предположенію) промышленные кризисы рѣшительно свидѣтельствовали о томъ, что буржуазный міръ пережилъ самъ себя... И намъ, дѣйстви-тельно, удалось прослѣдить болѣе чѣмъ скромное начало этого всеобъемлющаго и міропреобразующаго ученія, причѣмъ оказалось, что истоки его хронологически лежатъ въ европейскихъ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія, которыя, по мысли ихъ истолкователей, всѣ узломъ сходились на ближайшемъ промышленномъ кризисѣ, какъ главномъ и рѣшающемъ моментѣ въ предстоящемъ соціалистическомъ переворотѣ. Въ примѣненіи какъ къ тогдашней исторіи Англіи, такъ и въ особенности къ французскимъ и нѣмецкимъ дѣламъ 1848—50 г., это понятіе о радикальномъ общественномъ переворотѣ, какъ слѣдствіи такого положенія, когда бы буржуазныя отношенія производства, вмѣсто формы споспѣшествованія, стали оковами для новѣйшихъ производительныхъ силъ, цѣликомъ подмѣнилось понятіемъ... торговопромышленнаго кризиса, какиихъ знаетъ многое множество современный буржуазный строй и которые составляютъ необходимое и законо-мѣрное звено въ цѣпи явленій самаго капиталистическаго производства. Эти два фундаментально-различныхъ факта, по своего рода закону двойного зрѣнія, слились для нихъ въ одинъ, послѣ явной неудачи ихъ революціонныхъ предсказаній ранней весны 1850 г., въ формѣ отказа допустить новый и завершительный революціонный взрывъ раньше ближайшаго торгово-промышленнаго кризиса. Такого рода—безусловно добросовѣстная, конечно—фальсификація должна была спасти положеніе, въ одно и то же время оправдавъ незавидность текущаго политическаго момента и утвердивъ послѣдователей въ позиціи непрерывной соціальной революціи. Никакая цѣна для подобнаго результата не могла быть названа слишкомъ высокою, никакая жертва казаться слишкомъ большою, еслибъ только... цѣль могла быть достигнута... И вотъ, когда съ Бонапартовскимъ *coup d'état* во Франціи и съ расцвѣтомъ плачевнѣйшей реакціи въ Германіи въ сознаніе мало-помалу проникла мысль о бесплодности ближайшихъ усилій пролетаріата, а

промышленные кризисы наглядно обнаружили свое ничтожество, как революціоннаго фактора, — Марксъ самъ ушелъ съ бурной политической арены въ ученый кабинетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и это противорѣчіе между производительными силами и формами буржуазнаго производства — съ поверхности торгово-промышленнаго міра съ его переиначивыми конъюнктурами укрѣпилось въ скромную обитель абстрактной философско-исторической теоріи. И до того основательно засѣлъ теперь Марксъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, что, заслушавъ изъ глубины его приближеніе грознаго промышленнаго кризиса, не спѣшить, какъ въ былые годы, скрестить свой революціонный клинокъ со всѣми злыми силами буржуазно-капиталистическаго міра, а только бросаетъ свой алармистскій и предостерегающій кличъ разнымъ «практикамъ-буржуа», «счастливчикамъ священной прусско-германской имперіи», а рабочимъ... О рабочихъ, такъ жестоко его разочаровавшихъ, онъ, хотя и не поэтъ, «бряцающій рукой разсѣянкой по ларѣ вдохновенной», говоритъ въ такомъ тонѣ, что вполне оправдываетъ обращеніе къ нимъ со словами: «Молчи, бессмысленный народъ, поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!...»

Въ 1852 г., значить уже послѣ событія «18-го брюмера Луи Бонапарта», окончательно уяснившаго положеніе и отбросившаго историческое развитіе назадъ на нѣсколько десятилѣтій, Марксъ, подводя итоги происшедшему, не затруднился написать о рабочихъ, что «*ради минутнаго успѣха* они забыли о революціонномъ интересѣ своего класса и отказались отъ чести быть силой агрессивной, завоевательной». «Минутный же успѣхъ» ихъ заключался, какъ оказывается, всего только въ томъ, что «1850 годъ былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ въ торгово-промышленномъ отношеніи и у парижскаго пролетаріата не было недостатка въ работѣ!» *). Вы скажете: это очень плоско, особенно въ качествѣ объясненія для факта столь міроваго значенія, какъ неудача предсказаннаго кореннаго соціального переворота. Но вѣдь отъ копѣчной свѣчки и Москва, говорятъ, сгорѣла, да и самыя революціонныя потрясенія, въ 1848 г. постигшія континентъ, были, какъ намъ извѣстно, всего лишь отраженіемъ

*) „18-е Брюмера“, русскій переводъ книгоиздательства „Молотъ“ (СПб., 1905), стр. 59.—Въ виду особеннаго интереса, даемъ этотъ абзацъ въ его подлинномъ контекстѣ: „...Не слѣдуетъ забывать, что 1850 годъ былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ годовъ въ смыслѣ торгово-промышленнаго успѣха и что, слѣдовательно, у парижскаго пролетаріата недостатка въ работѣ не было. Но, съ другой стороны, избирательный законъ 31 мая 1850 г. лишалъ этотъ пролетаріатъ всякаго участія въ политической власти, онъ отнялъ у него даже почву для борьбы, поставивъ рабочій классъ въ то самое положеніе наріевъ, въ какомъ онъ находился до февральской революціи. Позволяя демократамъ въ виду такого событія руководить собой и бывая ради минутнаго успѣха о революціонномъ интересѣ своего класса, рабочие отказывались отъ чести быть силой агрессивной, завоевательной; покоряясь своей судьбѣ, они показывали, что июньское пораженіе 1848 г. ихъ сдѣлало на многіе годы неспособными къ борьбѣ, и что процессъ исторіи, хотя бы въ данный моментъ, не долженъ былъ совершаться надъ ихъ головой“.

остраго промышленнаго кризиса, перебросившагося сюда изъ Англіи... Теорія реакціи и контръ-революціи стоитъ здѣсь только на одной высотѣ съ ученіемъ о революціи, какъ функціи или производномъ торгово-промышленнаго кризиса...

Всякій согласится, конечно, что промышленный расцвѣтъ представляетъ неблагопріятную атмосферу для революціонныхъ возстаній—это самый обыкновеннѣйшій трузмъ, который и горбуновскій портной выразилъ словами, что отъ хорошей жизни не полетишь. Но всякій же и понимаетъ, что революціи происходятъ и троны ниспровергаются отъ причинъ, могущихъ имѣть лишь очень косвенную и отдаленную связь съ движеніями мірового рынка. И если промышленный расцвѣтъ, а съ нимъ и относительное благосостояніе рабочаго класса не представляютъ благопріятнаго условія для революціи, то, обратно, революція не является эпохой промышленнаго процвѣтанія, а наоборотъ періодомъ болѣе или менѣе длительного, болѣе или менѣе остраго промышленнаго застоя... Марксъ же—увы!—въ зародышѣ «угашаетъ духъ» революціи, подавляетъ всякое массовое революціонное дѣйствіе, присваивая вышеупомянутую, болѣе чѣмъ скромную портновскую философію—кому же? своему кумиру—«побѣдоносному пролетаріату». Не значило ли это навязывать ему психологію заправской черни. «Молчи, бессмысленный народъ, *поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!*» Кто могъ изъ-за «минутнаго успѣха», ради жалкихъ крохъ со стола буржуазіи, предать все дѣло революціи и, покоряясь, какъ рабъ, своей судьбѣ, позволить историческому процессу пронестись надъ ихъ головой, развѣ заслуживалъ лучшаго обращенія, чѣмъ пушкинская «Чернь»?... И такова ужъ діалектика несбыточныхъ надеждъ, и такова еще психологія всякаго вида идолопоклонства, начиная съ первобытнаго человѣка, наказывающаго своихъ провинившихся фетишей, и кончая даже великими мыслителями или просто интеллигентными людьми, какъ Марксъ съ послѣдователями, сотворившіе себѣ *своею* кумира изъ пролетаріата—этого «передоваго и единственно-революціоннаго, безъ оговорокъ, безъ сомнѣній, безъ оглядокъ назадъ революціоннаго класса!» *).

Слѣдомъ за Марксомъ выступили современные русскіе ученики его и, усвоивъ теорію революціонизирующаго промышленнаго кризиса, не могли, конечно, не воспринять уже и второй дополнительной половины ея—объ угашающемъ революціонный духъ значеніи экономическаго подъема и о готовности рабочаго класса при первомъ же удобномъ случаѣ, т.-е. послѣ первой хлѣбной подачи со стороны буржуазіи, предать революцію,—въ уквальнономъ смыслѣ слова, продать свое право революціоннаго первород-

*) Выраженія о пролетаріатѣ Н. Ленина («Двѣ тактики» и пр., стр. 96). По словамъ того же автора, «рабочіе не ждуть сълокъ, не просятъ подачекъ, они стремятся къ тому, чтобъ безпощадно раздавить реакціонныя силы» и т. д. (ib., 97). Какая бездна самообольщенія и самоублаженія у вождей! Мудрено ли, если они возлюбятъ свой кумиръ, когда на пьедесталѣ окажется классъ лишь смертныхъ людей, а не полубоговъ...

ства за чечевичную похлебку повышенного заработка или даже простого избавления от безработицы... До сих поръ, по крайней мѣрѣ, подобныя обвиненія привыкли мы слышать и подобные реприманды обращать по адресу буржуазіи и ея идеологовъ — мы забыли или не знали того, что «ради минутнаго успѣха» и рабочіе не прочь пойти въ хвостъ буржуазіи, позволить руководить собой буржуазнымъ демократамъ.

Но—говорять намъ—въ эпохи экономическаго подъема одновременно съ пониженіемъ революціонной волны наблюдается подъемъ экономическаго рабочаго движенія, ростъ профессиональных пролетарскихъ организаций, сосредоточиваніе и подготовка боевыхъ силъ для послѣдующаго революціоннаго періода. Стачками и другими формами непосредственнаго давленія на капиталъ рабочіе вынуждаютъ послѣдній къ уступкамъ, добиваются болѣе или менѣе значительныхъ матеріальныхъ улучшеній въ своемъ положеніи съ тѣмъ, чтобы весь запасъ своихъ обновленныхъ силъ положить затѣмъ на алтарь революціи, политической борьбы и пр. Принципіальный разборъ этого возраженія завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что оно предполагаетъ такого рода соотношеніе между политической и экономической борьбой рабочаго класса, котораго, къ сожалѣнію, нѣтъ въ наличности. Исторія отношенія двухъ вѣтвей рабочаго движенія меньше всего оправдываетъ ту картину мирнаго идиллическаго сожительства между ними, которую рисовалъ вышеприведенный взглядъ. Пересмотрите только у насъ исторію многолѣтней борьбы между такъ называемыми экономизмомъ и «искризмомъ», или постарайтесь разобраться, хотя бы теперь, въ партійной позиціи въ этомъ существеннѣйшемъ изъ вопросовъ момента. Вы не найдете здѣсь не то что какой-либо устойчивости и опредѣленности, вы не встрѣтите даже простой искренности. Напр., прошлогод. лондонскій съѣздъ требовалъ въ своей резолюціи по поводу профессиональныхъ союзовъ признанія этими союзами идейнаго руководства с.-демокр. партіи, причемъ сослался, якобы, въ подтвержденіе, на рѣшеніе предыдущаго стокгольмскаго конгресса, — а между тѣмъ резолюція послѣдняго стояла въ дѣйствительности за безпартійность профессиональныхъ союзовъ и органическое ихъ сліяніе съ партіей... Но то же самое—обратное или отталкивательное—дѣйствіе между политическимъ и профессиональнымъ движеніемъ замѣчается въ большинствѣ странъ цивилизованнаго міра съ мало-мальски замѣтнымъ рабочимъ движеніемъ. Намъ приходится здѣсь возвратѣ — въ рамкахъ нашей темы — коснуться этого вопроса, давъ попутно сжатый очеркъ положенія его въ главнѣйшихъ государствахъ ко временъ (только что закончившагося) штуттгартскаго международнаго конгресса (1907 г.), на которомъ вопросъ этотъ былъ поставленъ ребромъ.

Во Франціи, какъ извѣстно, чисто-рабочее движеніе, въ лицѣ революціоннаго синдикализма, рѣшительно возстало противъ гегемоніи с.-д. политической партіи, замкнувшись въ самомъ себѣ. Исторія отношеній обихъ направленийъ въ Германіи болѣе сложна, но за то и болѣе типична:

Парламентскіе успѣхи германской с.-демократіи, внушивъ ей преувеличенное представление о своей силѣ, до недавняго заставляли ее довольно пренебрежительно, а то и прямо отрицательно относиться къ профессиональному движенію *). Только въ самые послѣдніе годы теоретики партіи сдѣлали неожиданное и ошеломительное открытіе, что сила фракціи въ рейхстагѣ дѣлаетъ самый рейхстагъ безсильнымъ, и вотъ когда мгновенно сознаана была потребность опереться на реальную силу, представляемую геввершафтами, — особенно съ постановкой на очередь дня вопроса о всеобщей стачкѣ, какъ достойномъ отвѣтѣ на случай покушенія на народное представительство. Тутъ-то и сказала старая закваска, издавна испортившая добрыя отношенія между обоими направленіями. Какъ извѣстно, вельнскій конгрессъ профессиональныхъ союзовъ категорически отвергъ тактику массовой политической забастовки, и такое рѣшеніе въ общемъ отсталого движенія подчинило себѣ настроеніе и дѣятельность самой передовой изъ с.-д. партій. Это сказалось въ особенности на резолюціяхъ мангеймскаго партейтага, бывшихъ отбой послѣ энергичныхъ призывовъ предыдущаго (іенскаго) конгресса. Чѣмъ же объясняется столь поразительное явленіе? «Конечно, — отвѣчаютъ намъ освѣдомленные люди, — прежде всего тутъ дѣйствуетъ экономическая стихія. *Германія и Англія мнѣются мѣстами.* Германскій капиталъ начинаетъ эксплуатировать міръ и получаетъ возможность *уступить*, хотя, конечно, съ рычаніемъ и не безъ сопротивленія, *часть своей богатой добычи* германскому рабочему: это даетъ почву для процвѣтанія всякаго вида гармонизма, въ томъ числѣ тредъ-юнионистскаго и реформистскаго **). Такимъ образомъ то, что болѣе полустолѣтія назадъ отиѣчалось уже Марксомъ по отношенію къ парижскимъ рабочимъ — ихъ готовность ради временнаго повышеннаго заработка или даже изъ-за простой наличности заработка, вызываемой преуспѣяніемъ промышленнаго капитала, отказаться отъ конечныхъ задачъ рабочаго движенія — подтверждается нынѣ на массѣ нѣмецкихъ организованныхъ въ союзы рабочихъ, т.-е. самой сознательной ихъ части. Мало того, съ этой именно, знакомой намъ марксовской точки зрѣнія, мы должны признать совершенно въ порядкѣ вещей, когда нѣмецкіе геввершафтеры теперь устами ревизиониста Адольфа Эльма «самымъ рѣшительнымъ образомъ оспариваютъ, будто бы профессиональные союзы когда-либо обязывались къ признанію конечной цѣли с.-демократіи». Заявленіе это настолько выразительно и такъ рѣшительно бьетъ въ тонъ оскорбительнымъ для пролетаріата объясненіямъ Маркса отъ 1852 г., что является почти искушеніе думать, будто бы оно составляетъ даже прямой и умысленный вызовъ отцу научнаго социализма. Но, разумѣется, въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ.

*) Типическій случай: по свидѣтельству историка профессиональнаго движенія въ Германіи, I. Шмелле, страшный экономическій кризисъ 1873 г., способствовавшій распространенію с.-демократіи, далъ возможность партіи отказаться отъ поддержки профессиональныхъ союзовъ.

***) А. Луначарскій. Послѣслово къ книгѣ Арт. Лабріола: „Реформизмъ и синдикализмъ“, стр. 254.

Если обратимся въ Англїи, гдѣ чартизмъ знаменовалъ собой начало широкаго массоваго рабочаго движенія въ современномъ смыслѣ этого слова, то отъ Энгельса намъ извѣстно, что промышленный кризисъ 1847 г. своимъ небывалымъ размахомъ долженъ былъ толкнуть его навстрѣчу социализму, отъ котораго, однако, чартизму на окончательную повѣрку удалось соблюсти себя въ чистомъ видѣ. Вѣрнымъ, во всякомъ случаѣ, остается, что чартистская агитація велась съ наибольшимъ успѣхомъ именно въ годы промышленныхъ кризисовъ 1830, 37, 42, 47—48 гг. и, наоборотъ, она угасала въ промежуточные годы промышленнаго подъема *). А въ настоящее время, когда Англїя должна была поступиться своимъ привилегированнымъ положеніемъ на всемірномъ рынкѣ, «обмѣняться мѣстами съ Германіей», въ ней начинается замѣчаться глубоко-знаменательный социальный процессъ: а именно, она становится ареной все болѣе серьезныхъ столкновеній между трудомъ и капиталомъ, и ея трѣдъ-юніоны мало-по-малу втягиваются въ самостоятельную, все болѣе революціонную политику. Такимъ образомъ, если высокая прибыль нѣкогда спасала Англїю отъ краснаго призрака, то безработица грозитъ водрузить въ ней красное знамя. Фактъ этотъ былъ подчеркнутъ въ *New Zeit* (№ 12, 1906 г.), въ статьѣ «Безработица и социализмъ», гдѣ говорилось: «Среди проблемъ текущей жизни наиболѣе важной и гнетущей является безработица, и сама жизнь диктуетъ, какъ ея единственное рѣшеніе—социальную революцію» **). Въ такомъ *общемъ* видѣ еще можно, конечно, мириться съ теорїей кризиса и безработицы, какъ рѣшающаго фактора социальной революціи. Но замѣчательно, что въ этомъ случаѣ дѣло и идетъ вовсе не объ одномъ отдѣльномъ торгово-промышленномъ кризисѣ, который бы могъ послужить зацѣпкой, отправнымъ пунктомъ для конкретнаго прогноза, а о длительной эпохѣ торгово-промышленнаго застоя, свалившагося на Англїю въ силу какихъ-то крупныхъ сдвиговъ и перемѣнъ во всемъ капиталистическомъ мірѣ... Впрочемъ, дѣло еще и не въ этомъ. Вѣдь массовая безработица—вовсе не проблема сегодняшняго дня или одной какой-нибудь страны преимущественно передъ другой. Совсѣмъ напротивъ. Въ виду наличности такъ называемой «резервной арміи труда», она составляетъ неотъемлемую

*) Этотъ интересный для насъ фактъ отмѣчается въ вышедшей недавно книгѣ Е. Кувшинской «Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англїи». Не можемъ, кстати, пройти мимо слѣдующаго любопытнаго обстоятельства. Г-нъ Г. П., посвятившій въ июньск. № *Совер. Міра* за 1907 г. статью разбору книжки г-жи Кувшинской, дѣлаетъ по поводу приведеннаго факта глубокомысленное замѣчаніе, что это, молъ, всегда такъ бываетъ: въ годы промышленныхъ кризисовъ недовольство рабочаго класса обостряется; обратное же, дескать, не обязательно и имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ недовольство рабочихъ недостаточно ярко освѣщается сознательностью и, какъ доказательство: «нѣмецкая социаль-демократія не „угасаетъ“ во время промышленнаго подъема“... Приведенныя ранѣше въ текстѣ данныя, относящіяся именн къ состоянію нѣмецкой с.-демократіи, даютъ достаточно убѣдительный отвѣтъ на это легкомысленно-самодовольныя слова сотрудника *Соверем. Міра*.

***) Цитировано въ журналѣ *Правда*, № 1 за 1906 г., стр. 83.

принадлежность всего современнаго капитализма, въ известномъ смыслѣ его главѣйшій отличительный признакъ. Мы нисколько поэтому не ошибемся, если повторимъ за *Neue Zeit.*, но вовсе не въ специальномъ приращеніи къ Англіи текущаго дня, что сама жизнь диктуетъ социальную революцію, какъ единственное возможное рѣшеніе проблемы безработицы и другихъ социальныхъ проблемъ. Но это совершенно справедливое общее положеніе не превращается ли при данныхъ условіяхъ просто въ общее мѣсто? Не все ли это равно, что еще сказать, наприкладъ: «Вся исторія— это огромная машина на службѣ нашихъ (т.-е. социально-революционныхъ) идеаловъ»... *).

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ количество трѣдъ-юніоновъ, примыкающихъ къ социалистическому движенію, замѣтнымъ образомъ то сжималось, то расширялось, въ зависимости отъ состоянія дѣлъ на фабрикахъ, въ лавкахъ и на биржахъ. Соответственно тому и тактика социалистической рабочей партіи Сѣверной Америки въ отношеніи профессиональныхъ союзовъ носила зигзагообразный характеръ, но въ общемъ антагонизмъ не достигалъ нигдѣ такой остроты и такихъ формъ, какъ здѣсь. Попытка социал. раб. партіи устроить чисто-социалистическую «лигу трѣдъ-юніоновъ и рабочихъ союзовъ» разбилась о черезчуръ диктаторскія замашки вождей, объ ихъ тенденцію навязывать свои рѣшенія членамъ лиги и удѣлять чрезмѣрное вниманіе чисто-политическимъ вопросамъ, отодвигая на задній планъ профессиональныя задачи: явленіе, очень хорошо знакомое намъ изъ исторіи отношеній между обоими направленіями въ другихъ странахъ—Германіи, Франціи, Россіи и др. Америка, доводящая многое до крайности, можетъ быть превзошла даже въ этомъ отношеніи старый міръ: о ней передаютъ, наприм., прямо невѣроятный фактъ, что крайніе доктринеры партіи, съ цѣлью ослабить у рабочихъ вѣру въ могущество профессиональнаго движенія, не отступали иногда и передъ вербовкой штрейкбрехеровъ для срыва стачки, организуемой, какъ имъ казалось, черезчуръ буржуазными трѣдъ-юніонами **). Но если даже, какъ мы склонны думать, сообщеніе это и составляетъ скорѣе всего плодъ злостной сплетни враговъ социализма и рабочаго движенія, то самая возможность такой ядовитой выдумки указываетъ съ несомнѣнностью на то, что здѣсь дѣйствительно многое неладно. Характерно вѣдь, что и нѣмецкіе профессиональные союзы свой медленный ростъ послѣ отмены закона противъ социалистовъ приписывали отчасти враждебному отношенію с.-д. партіи и ея вождей. А не мѣшаетъ замѣтить, что и ядро американской Socialist Labour Party составилось изъ выходцевъ интернационала, главнымъ же образомъ нѣмецкихъ с.-демократическихъ рабочихъ.

Итакъ, чтобы резюмировать эту часть, основатели научнаго социализма, а за ними въ огромномъ большинствѣ ихъ послѣдователи, по непонят-

*) Н. Троцкий: „Туда и обратно“. Спб., 1907, стр. 8.

**) См. статью Э. Вернера: „Борьба труда и капитала въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ“. Рус. Бог. за июль 1907 г.

ному наитію, отдѣляютъ классовое политическое бытіе рабочей массы отъ ея повседнежнаго экономическаго быта, какъ бы разсѣкаютъ современнаго пролетарія на двѣ чуждыя другъ другу половины, надѣляя его массовыя моментальныя выступленія особымъ характеромъ политическаго священнодѣйствія и ореоломъ высоко-офиціознаго историческаго творчества, а его повседневную жизнь съ ея борьбой и заботами пренебрежительно погружая въ нестоящее вниманія болото будничности—и такая тактика принесла свои плоды, такого рода взглядъ на исключительную полномочность социально-исторической категоріи пролетарія горестно сказался на всемъ послѣдующемъ рабочемъ движеніи. Вслѣдъ за эпохой революціоннаго возбужденія, они, пренебрегши законами естественной психологической реакціи, отворачиваются отъ рабочаго, впавашаго въ состояніе политической страсти, а единственное основаніе для такого рода превращенія съ нимъ обидно и близоруко усматриваютъ въ послѣдующемъ экономическомъ подъемѣ, положившемъ конецъ гнетущей безработицѣ и заставившемъ запродать себѣ и тѣло и душу рабочаго. Этого основанія оказывается достаточно для того, чтобы въ наступившей будничной полосѣ рабочей измѣнили революціи и чтобы въ своей болѣе или менѣе успѣшной экономической борьбѣ, въ завоеваніяхъ, достигнутыхъ путемъ непосредственнаго давленія на капиталъ, онѣ презрѣли конечныя социалистическія задачи, потопивъ ихъ въ болотѣ жалкаго реформистскаго и ревизионистскаго шопанья. Но,—увы!—въ подобныхъ случаяхъ теоріи весьма легко оказаться пророческой—для этого стоитъ ей только сдѣлаться творческой, чтобы ея же непосредственнымъ программнымъ вліяніемъ, идеальными импульсами, отъ нея исходящими, опредѣлялась сама практика жизни, главнѣйшія максимы дѣятельности. Естественно, что, смотря по успѣхамъ, достигнутымъ агитаціей и пропагандой, реальныя всходы въ точности будутъ соответствовать спекулятивнымъ посѣвамъ, и это обстоятельство съ особенной силой и выпуклостью сказалось на родинѣ того самаго научнаго социализма, который, точно въ насмѣшку надъ своею якобы матеріалистической основой, въ сущности бралъ рабочаго исключительно какъ отвлеченную категорію, отмѣченную опредѣленными и чисто-внѣшними общественными признаками.

Дѣтище Лассаля—«Всеобщій германскій рабочій союзъ» представлялъ изъ себя исключительно политическую партію, отрицательно относившуюся къ экономической организаціи (производительныя товарищества съ государственной помощью не въ счетъ). На ганноверскомъ конгрессѣ въ 1864 г., даже объявлены измѣнниками рабочаго класса всѣ тѣ, которые выдвигаютъ на первый планъ профессиональное движеніе. Преемникъ Лассаля въ руководительство союзомъ, Швейцеръ, увидѣлъ себя, правда, вынужденнымъ покинуть эту отрицательную позицію въ отношеніи профессиональных союзовъ, изъ опасенія, что это движеніе, *въ противномъ случаѣ, ускользнетъ изъ-подъ вліянія союза*, но добрый-то порывъ былъ вполне платоническій, опасеніе поэтому оказалось прямо пророческимъ для всей послѣдующей исторіи профессиональнаго движенія въ Германіи, и Мерингъ дол-

женъ нынѣ съ грустью констатировать, что тотъ самый ревизионизмъ, который они умерщвляютъ (якобы, позволимъ себѣ замѣтить въ скобкахъ) въ партіи, оживаетъ все вновь въ профессиональныхъ союзахъ. Но—tu Gas voulu, Georges Dandin! Не находить ли самъ Мерингъ въ порядкѣ вещей, что политическое возбужденіе должно фатально падать съ промышленнымъ подъемомъ и что этотъ послѣдній является настоящимъ «хозяиномъ» дѣла революціи. Такія фразы произносятся не даромъ, значеніе же ихъ можетъ быть только одно определенное. Отмежевавшись политически, т.-е. идейно, духовно, отъ чисто-рабочаго профессиональнаго движенія, партія сдѣлала все для отчужденія его отъ социализма и для парализованія его революціоннаго духа. И только тамъ, какъ во Франціи и отчасти въ Италіи, гдѣ рабочимъ удалось самостоятельно организовать въ мощные синдикаты, объединяемые центральнымъ органомъ и преслѣдующіе определенную задачу революціонно-соціалистическаго воспитанія массъ, тамъ, думается, они дѣйствительно держатъ въ своихъ рукахъ конечную судьбу существующаго общества.

Само собою разумѣется, что и у насъ въ Россіи всѣ расчеты на то, что самъ по себѣ только готовящійся кризисъ съ его безработицей долженъ *механически* вызвать новый революціонный подъемъ со стороны экономическихъ организацій, основаны на глубокой ошибкѣ, на психологическомъ поп sens'ѣ. Сами рабочіе, замѣтимъ, куда болѣе трезво смотрятъ на вещи. Въ прошломъ годъ «открытъ писемъ ко всѣмъ гражданамъ г. Петербурга», подписанномъ петербургскимъ совѣтомъ безработныхъ, говорится, наприм.: «Идетъ холера, идетъ *анархія*... Не забудьте, господа, что истинные ихъ распространители—голодные люди... Или она (гор. дума) хочетъ, чтобы Петербургъ сталъ ареной всѣхъ тѣхъ *кровавыхъ ужасовъ*, которые разыгрываются теперь подъ влияніемъ безработицы въ Лодзи и въ Варшавѣ?» Вотъ каковы реальныя, не измышленныя, не предусмотрѣнныя теоріей послѣдствія безработицы, въ освѣщеніи людей, выносящихъ на своей собственной шкурѣ весь ея нескончаемый ужасъ: не организованный взрывъ, вздымающій волну освободительнаго движенія и температуру революціоннаго кипѣнія до высшей точки и однимъ ударомъ сметающій съ пути всѣ положенныя непріателемъ преграды, а полный общественный хаосъ, страшное разложеніе анархіи, кровавыя ужасы Лодзи, Варшавы и пр. «Вѣдь прекративъ помощь безработнымъ въ ноябрѣ 1906 г.,—говорится въ томъ же обращеніи,—дума уже добилась того, что въ Петербургѣ начались всякія анархическія выступленія, экспроприаціи и т. п. Къ этому ли,—заканчиваютъ безработные,—она должна вести дѣло въ интересахъ городского населенія?»*)?

Это указаніе на продолжающуюся хроническую безработицу 1906—7 гг. является, между прочимъ, фактическимъ опроверженіемъ теоріи, основан-

*) Русь, № 206, отъ 7 августа 1907.

вающей текущую реакцію на экономическомъ подъемѣ и материальномъ опереніи массъ. Быть можетъ, промышленность страны и не дезорганизована, можетъ быть, она даже процвѣтаетъ,—рабочимъ массамъ, во всякомъ случаѣ, отъ этого не легче. Онѣ-то страдаютъ почти одинаково какъ отъ малокровія, такъ и отъ полнокровія всего капиталистическаго организма, и въ обыкновенное, а тѣмъ паче въ нынѣшнее революціонное время. Профессиональныя же рабочія организациі въ Россіи, поскольку имъ, несмотря на ихъ молодость, дѣйствительно удалось бы окрѣпнуть въ предстоящій періодъ, уже потому не могутъ явиться готовыми боевыми кадрами въ предстоящей борьбѣ, что задача ихъ по отношенію къ безработнымъ, въ особенности и именно въ такіе обостренные моменты, какъ настоящій,—не революціоннаго, а скорѣе, такъ сказать, органическаго, заживляющаго свойства. Дѣло въ томъ, что помощь безработнымъ какъ разъ является одной изъ коренныхъ функций профессиональныхъ союзовъ, и во многихъ городахъ Западной Европы они пользуются при этомъ субсидіями отъ муниципалитетовъ. То же самое можетъ случиться и у насъ, вѣрнѣе, могло бы случиться, еслибъ союзы не были предметомъ такого ожесточеннаго преслѣдованія со стороны администраціи, а наши муниципалитеты, въ здраво понятыхъ интересахъ общественнаго самосохраненія, отрѣшились отъ своей не менѣе яростной рабочебоязни. Но если это и не произойдетъ (газеты сообщаютъ, что въ Петербургѣ вопросъ о безработныхъ окончателно ликвидированъ городскимъ самоуправленіемъ), то этимъ будетъ оказана, къ сожалѣнію, лишь слабая услуга дѣлу революціи, а скорѣе развѣ... дѣлу «холеры и анархіи».

Вообще же говоря и отвлекаясь отъ конкретныхъ моментовъ ближайшей обстановки, мы можемъ утверждать, что тотъ факторъ острой безработицы, въ который такъ упираетъ разсмотрѣнная теорія, въ сущности лишень какихъ бы то ни было признаковъ реальной конкретности: это на самомъ дѣлѣ метафизическая или теологическая идея, а не реальный двигатель. Промышленный кризисъ, какъ факторъ социальнаго переворота—это, по силѣ положенія, тѣ же голодъ, трусь и морь, которые, согласно представленію старыхъ религіозныхъ утопистовъ à la Кампанелла, являются предвѣстниками наступающаго конца міра и второго пришествія Христова, это именно «проклятіе», которое должно быть осѣнено Божьимъ «благословеніемъ» и благодатью его претворено въ «trionphe complet du socialisme». Вотъ почему и ссылки на такія послѣдствія кризиса, какъ угроза «холеры и анархіи», вмѣсто организованнаго народнаго возстанія не очень-то, пожалуй, удивишь нашихъ астро-соціологовъ: кровавые ужасы анархіи, грбежи, экспроприациі и убійства, бичъ холеры и чумы и вслѣдствіе стихійныхъ бѣдствій—это только на руку теоріи, яркіе ужасающіе симптомы наступленія послѣднихъ временъ, старинные трусь, морь и гладь. И вотъ отчетъ еще они съ такой легкостью перескакиваютъ отъ экономическихъ кризисовъ къ войнамъ или инымъ международнымъ осложненіямъ и политическимъ конъюнктурамъ, къ наглымъ продѣлкамъ узурпаторовъ, склонни

въ любомъ изъ подобныхъ фактовъ въ какой угодно историческій моментъ привѣтствовать истинно-провиденціальное начало «всемирнаго пожара, который не можетъ быть больше отсроченъ». Всякому ясно, что эта «невозможность отсрочки» лежитъ въ самомъ пророкѣ, а не внѣ его, что она чисто-субъективнаго, психологическаго свойства, и что дѣло вовсе не въ томъ, чтобы какія-то внѣшнія объективныя силы, извѣстнымъ образомъ сложившіяся, съ такъ называемой желѣзной необходимостью подготавливали и вызывали крахъ. Эта объективная квази-необходимость въ сущности чисто-астрологическаго свойства—незыблемость отрываемыхъ звѣздами трансцендентныхъ истинъ, истолкователемъ которыхъ выступаетъ тотъ или другой пророкъ. «Die Sterne lügen nicht», какъ говоритъ у Шиллера Валленштейнъ, и въ этихъ надзвѣздныхъ сферахъ спекулятивнаго созерцанія любой изъ вышеперечисленныхъ конкретныхъ моментовъ—факторовъ революціи, можетъ считаться равноцѣннымъ символомъ вѣчной истины, можетъ одинаково служить при случаѣ эквивалентомъ взаимнѣ любого другого.

Чаще прочихъ такимъ символомъ-эквивалентомъ и центромъ упованій въ новѣйшее время служить *война*, и это понятно при той изнурительной системѣ милитаризма, которою, какъ латами, буквально скованы всѣ современные государства. Война универсальная и мировая, война, какъ очищающая Божія гроза, какъ выходъ изъ состоянія вѣчнаго вооруженнаго мира и путь къ водворенію просто вѣчнаго мира—такова естественная утопія, вытекающая изъ подобнаго положенія вещей. И чрезвычайно красно-рѣчиво звучитъ поэтому заключительная часть антимиитаристской резолюціи штутгартскаго конгресса, вмѣняющая въ обязанность международному пролетаріату, въ случаѣ возникновенія войны, «всѣми силами стремиться къ тому, чтобы вызванный ею хозяйственный и социальный кризисъ использовать для политическаго пробужденія народныхъ массъ и для ускоренія паденія капиталистическаго строя». На конгрессѣ развивалось, что и въ обыкновенное мирное время с.-д. партіи всѣхъ странъ должны то и дѣло внушать буржуазному обществу, что каждое покушеніе на международный миръ, малѣйшая попытка вызвать братоубійственную рѣзню «встрѣтитъ мощный отпоръ со стороны всего международнаго пролетаріата и будетъ грозить существованію не только милитаризма, но и самаго капитализма». По словамъ же одного изъ ораторовъ (Виктора Адлера), буржуазное общество и само, впрочемъ, пренеисполнено страха отъ сознанія грозящей именно съ этой стороны опасности. Доказательство—гагская конференція мира, главнымъ мотивомъ къ созыву которой является вовсе не миролюбіе, но именно эта боязнь передъ послѣдствіями войны для всего капиталистическаго строя.

Сколько въ этихъ рѣчахъ и въ этихъ резолюціяхъ чистѣйшаго хилиастическаго духа, какой избытокъ вѣры въ грядущее тысячелѣтнее царство и какъ мало трезвой оцѣнки дѣйствительнаго положенія вещей!

М. Н. Лемневъ.

Вопросы государственнаго хозяйства и бюджета въ третьей Думѣ.

„Особенно вопросы бюджетнаго свойства обладаютъ способностью нивелировать партійныя разногласія и создавать конфликты съ кабинетомъ. Расходование народныхъ денегъ— это та область, въ которой всего сильнѣе играетъ роль чувство ответственности народныхъ представителей и на которой во многихъ случаяхъ крѣпло и развивалось право представительныхъ учреждений. Но именно здѣсь же—одно изъ наиболѣе чувствительныхъ мѣстъ правящихъ сферъ крупнаго чиновничества, привыкшихъ къ бюджетнымъ грѣхамъ и своевольному хозяйничанью“...

Русск. Мысль, февраль, 1908 г. Авторъ.

I.

Въ концѣ восьмого мѣсяца своей работы третья Государственная Дума приняла послѣдній докладъ бюджетной комиссіи по смѣтѣ доходовъ на 1908 годъ и, выслушавъ заключительныя пренія по росписи, закончила рассмотрѣніе перваго русскаго государственнаго бюджета, прошедшаго, какъ выразился одинъ изъ ораторовъ, «горнило народнаго представительства».

Какъ бы ни относиться къ этой первой попыткѣ изучить и улучшить государственный бюджетъ путемъ не только канцелярской, чиновничьей работы, но и критическаго обзорѣнія его силами народныхъ представителей, каковы бы ни были конечныя практическія результаты, непосредственно достигнутыя этой первой попыткой,—все же она представляетъ собою крупный общественный интересъ и интересъ троякій.

Во-первыхъ, бюджетныя работы Думы на общемъ фонѣ ея безцвѣтныхъ или даже агрессивно-охранительныхъ постановленій, среди человѣконенавистническихъ выходокъ, апологіи кнута, ежевыхъ рукавицъ и «отяпыванія» головъ, въ дикой атмосферѣ неугасшей злобы за перенесенный испугъ и партійной нетерпимости,—является почти единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ можно найти здоровыя ростки будущей конститу

ционности государственности. Работа бюджетной комиссии и бюджетныя пренія въ самой Думѣ прошли всего интереснѣе, всего ближе, насколько это достижимо для большинства третьей Думы, къ реальному пониманію нуждъ страны; въ нихъ всего менѣе было партійныхъ раздоровъ и травли «ненавистой» оппозиціи и всего больше искренняго желанія обновить извѣтшавшее, негодное зданіе государственности, обновить хотя бы постепенно, съ извѣстной осторожностью и сдержанностью. И въ этомъ главный интересъ законченной Думою работы.

Во-вторыхъ, она интересна и сама по себѣ, въ чисто спеціальной технической области критики нашего государственнаго хозяйства, въ подробныхъ, многочисленныхъ, иногда яркихъ и правдивыхъ указаніяхъ на крупнѣйшіе недостатки какъ главныхъ отраслей этого хозяйства, такъ и многихъ областей государственнаго управленія.

Созидательная роль свободной критики, ея главные оттѣнки и поставленные ею перспективы желательнаго будущаго,—не могутъ быть обойдены общественнымъ вниманіемъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, бюджетная работа Думы далеко не всегда могла развернуться свободно, во многихъ случаяхъ была стѣсняема всевозможными препонами и искусственными правилами, встрѣчала противодѣйствіе верхней палаты и несогласіе правительства, терпѣла неудачу или одерживала побѣду, являясь картинной начавшейся неизбежной *парламентской борьбы за бюджетныя права* между народными представителями и исполнительной властью, борьбы новаго конституціоннаго строя съ прежнимъ чиновничьимъ всевластіемъ и безответственностью. Эпизоды этой борьбы, которую не избѣжало ни одно изъ представительныхъ учреждений другихъ странъ и причины которой глубоко заложены въ непримиримости началъ новаго и стараго строя,—особенно интересны для характеристики третьей Государственной Думы и ея будущаго.

Строчки, поставленные въ видѣ эпиграфа въ началѣ этого очерка и написанныя въ началѣ текущаго года, въ тотъ моментъ, когда бюджетъ не былъ еще законченъ даже въ комиссіи и вовсе не обсуждался въ Думѣ, нашли себѣ въ дальнѣйшемъ полное оправданіе.

Если въ вопросахъ чисто политическихъ, социальныхъ третья Государственная Дума совсѣмъ не была въ состояніи остаться на высотѣ, предъявляемой къ нею странною задачѣ, если по поводу критики внутренней политики, защиты интересовъ окраинъ и правъ угнетенныхъ національностей, протестовъ противъ произвола, насилій и ужаснаго потока смертныхъ казней, указаній на злоупотребленія чрезвычайными полномочіями, вредъ и преступность дѣйствій охранныхъ и сыскныхъ отдѣленій въ Думѣ разгорались дикія страсти, слышались изступленные крики безъ мѣры озлобленныхъ людей, происходили удручающія выходы «трагическаго звѣрища» съ крайней правдой, а иногда и отдѣльныхъ фигуръ умѣреннаго центра были отвѣтомъ на требованія свободы, культуры и права, слышалось злорадное гоготанье побѣдителей или разсерженное шипѣнье потревожен-

ныхъ охранниковъ, если въ области наболѣвшихъ нуждъ страны почти нечего записать въ активъ окончившейся первой сессіи третьей Думы, то въ области финансовъ и бюджета можно найти немало единодушныхъ постановленій, здраваго пониманія задачъ государства народными представителями, страстныхъ, горячихъ указаній на безхозяйственность, убыточность, безконтрольность и безответственность многихъ вѣдомствъ и требованій объ устраненіи замѣченныхъ неправильностей и злоупотребленій.

Стоитъ только сопоставить картины тѣхъ и другихъ засѣданій Государственной Думы, стоитъ сравнить условія работы, наприм., въ бюджетной комиссіи и комиссіи неприкосновенности личности, чтобы весь яркій контрастъ этихъ двухъ областей дѣятельности сталъ особенно замѣтнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда раздаются рѣчи объ оттягиваніи головъ, о спасительности порки, когда на указанія о ростѣ числа казней и арестуемыхъ безъ суда слышатся справа крики «мало!», когда эпитетами «гнусной и пошлой» позорится память и работа первыхъ собраній избранныхъ народомъ законныхъ представителей, а сочетанія «Juden und Hunden» напоминаютъ собою мрачные ужасы гайдамачины, когда на обличительный протестъ и рѣзкое неосторожное слово горечи и гнѣва оратора оппозиціи поднимаются кулаки, слышатся ругательства и изступленные восклицанія, когда сплошная ругань, глаушленіе надъ чужой вѣрой, чужими національными чувствами, непрерывныя оскорбленія оппозиціи проходить нерѣдко безъ протеста предсѣдателя и встрѣчаютъ шумныя одобренія справа, а иногда и центра, похожа ли эта Дума на ту, въ которой принимается уменьшеніе на одинъ рубль («конституціонный» рубль) сѣмты министерства путей сообщенія въ видѣ протеста противъ незаконности утвержденія штатовъ, требуется независимость и самостоятельность контроля, критикуется en toutes lettres безответственность комитета государственной обороны и отказывается въ кредитахъ на броненосцы, страстно осуждается неподвижность и реакціонность министерства народнаго просвѣщенія, признается незаконнымъ выпускъ серій помимо Думы министерствомъ финансовъ и т. п.?

Точно другіе люди, другое собраніе—такъ великъ этотъ контрастъ.

Этотъ контрастъ обнаруживается даже на крайнихъ степеняхъ нетерпимости, даже у однихъ и тѣхъ же лицъ.

Попробуйте соединить хотя бы такія двѣ картины. Съ краней правой одинъ изъ наиболѣе откровенныхъ ея ораторовъ, «безъ фиговаго листка», какъ онъ самъ себя величалъ, со свойственной ему рѣшимостью выражений и забвеніемъ чувства мѣры, поставилъ на одну доску предсѣдателя первой Государственной Думы С. А. Муромцева и минскаго «патріота Шмидта, считая ихъ преступныя дѣянія «аналогичными». Его товарищи изъ союза русскаго народа бурно аплодируютъ. Крайняя степень политической нетерпимости и несдержанности заставила выѣшаться даже предсѣдателя и вызвала искренне негодующую реплику всегда чуткаго, всегда совѣстливаго октябриста князя Н. С. Волконскаго. «Стыдно!»— крикнулъ

онъ въ отвѣтъ Маркову съ трибуны. Даже нѣкоторые умѣренные и центръ отшатнулись передъ этими Геркулесовыми столбами политическаго озлобленія, до которыхъ можетъ дойти человекъ.

А вотъ тотъ же ораторъ и при такомъ же одобреніи своихъ сотоварищей мотивируетъ при обсужденіи смѣты морского министерства отказъ въ суммахъ на постройку броненосцевъ и говоритъ, указавъ на рескриптъ Государя отъ 29 іюня 1905 г. о первѣйшей обязанности обезпеченія морской обороны береговъ, «и пусть не стараются насъ смутить и сбить съ истиннаго направленія тѣ, кто слушаетъ придворные шопоты»... Приведа примѣры непорядковъ, царящихъ въ морскомъ министерствѣ, онъ продолжаетъ: «Мы должны раскрыть эти язвы, мы не можемъ, ради того, чтобы принести удовольствіе великимъ міра сего, робко и подъ шопотъ согласиться съ тѣмъ, что по нашему явно вредно. Сейчасъ вредно ассигновать деньги на броненосцы, ибо этимъ дѣйствіемъ мы покроемъ все то, что раскрывали здѣсь на словахъ».

Какъ далеко отстоятъ другъ отъ друга эта рѣзкая выходка, продиктованная безмѣрнымъ партійнымъ ослѣпленіемъ и ненавистью, и почти парламентская мотивировка отказа въ кредитахъ вѣдомству, къ которому утрачено довѣріе; какъ непохожи эти рѣчи, какъ трудно совмѣстимы онѣ одна съ другой!

Въ нихъ особенно наглядно сказывается вся живучесть злобы, вся стремительность мести за прошлый испугъ и прошлыя пораженія и вся глубина оздоравливающей силы разсмотрѣнія бюджета и чувства ответственности расходованія народныхъ денегъ, — ответственности, ощущаемой даже явными противниками и врагами новаго конституціоннаго строя.

Вотъ почему, измучившись среди долгихъ засѣданій Думы въ атмосферѣ нетерпимости, издѣвательствъ, острѣйшей партійной вражды и слѣпой близоругой ненависти по отношенію ко всему, что пахнетъ какими-либо свободами или широкими социальными реформами, уставъ отъ надругательства, глумленія и торжества побѣдителей 3 іюня, — невольно отдыхался въ спокойной бюджетной комиссіи, среди попытокъ критической оцѣнки и созидательной работы молодого, хотя и изуродованнаго, но не безнадежнаго русскаго народнаго представительства.

Первая полоса, наносная и временная: она когда-либо да пройдетъ, угаснетъ. Въ ней господствуетъ недавній всемогущій страхъ имущихъ людей передъ недавней революціонной бурей, съ ея эксцессами и потрясеніями. Былой испугъ переродился въ неудержимую мстительную злобу.

Очевидцы и историки рассказываютъ, какъ встрѣчали плѣнныхъ коммунаровъ версальскіе побѣдители. Культурные, образованные люди, приличные и благовоспитанные, даже дѣвицы и дамы изъ высшихъ слоевъ общества со злобой и проклятіями, съ невозможными ругательствами бросались на недавнихъ минутныхъ хозяевъ Парижа. Имъ плевали въ лицо, паралили ихъ ногтями, рвали на нихъ одежду, зашпали, глумились, издѣвались надъ тысячами разстрѣливаемыхъ жертвъ.

Мстя за недавній испугъ и униженіе, мстя за минутное собственное безсиліе и муки перенесеннаго животнаго страха, люди теряли человѣчскій обликъ, забывали все, превращаясь въ обезумѣвшее стадо дикихъ звѣрей. Въ нихъ проснулась вдругъ и встала во весь свой ростъ грозная и трагическая сила *la bête humaine*, отбросивъ, какъ мишуру долговременныя культурныя и духовныя привычки.

И тѣмъ не менѣе угасли и почти забыты теперь эти мрачныя картины политической страсти, которыхъ стыдятся ихъ современники, давно уже мирно течетъ парламентская жизнь Франціи, постепенно осуществляя безконечно далекіе идеалы соціальной справедливости, за которые когда-то боролись наивные и пылкіе люди...

Пройдетъ и у насъ недавній угаръ, и смятутся нетерпимость и прошлые раздоры.

Наоборотъ, развитіе конституціонныхъ основъ, оздоровляющее и жизненное начало бюджетной работы останется и будетъ расти и крѣпнуть. Въ нихъ лежатъ еще не изсякнувшіе источники обновленія страны, будущаго ея могущества и силы.

Вотъ почему разсмотрѣніе работъ въ области русскаго государственнаго хозяйства и обзорѣніе впервые утвержденнаго народными представителями бюджета, даже съ нѣкоторыми подробностями, не можетъ не привлечь къ себѣ серьезнаго общественнаго вниманія.

II.

Чтобы все сдѣланное по бюджету третьей Думой было ясно и понятно, чтобы правильнѣе представить себѣ и поставленныя задачи, и способы ихъ осуществленія, и величину достигнутыхъ результатовъ, прежде всего необходимо остановиться на *объемъ бюджетныхъ правъ Думы*, ихъ критикѣ думскими ораторами и ихъ существенныхъ недостаткахъ.

Принципъ, по которому «народные представители вотируютъ государственные доходы и расходы», столь неоспоримый въ настоящее время во всѣхъ конституціонныхъ странахъ и нашедшій у насъ свое, хотя и неполное примѣненіе въ учрежденіяхъ о Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, возникъ и опредѣлился, какъ всѣмъ извѣстно, путемъ очень упорной и продолжительной борьбы народа съ его повелителями.

Въ Англіи основная конституціонная мысль, что «каждый налогъ долженъ получить согласіе народа», зародилась въ самой далекой древности среднихъ вѣковъ. Это бюджетное право возникло чуть не одновременно съ началомъ XII вѣка и задолго до революціи 1688 года. «Оно такъ старо,—сообщаетъ Маколей по этому поводу,—что никто не можетъ указать его источникъ»... Его великіе принципы не были специально изложены въ какомъ-либо отдѣльномъ актѣ или хартіи, но были разсѣяны во всѣхъ древнихъ и почитаемыхъ статутахъ, но «что еще важнѣе—въ теченіе 400 лѣтъ они были запечатлѣны во всѣхъ англійскихъ сердцахъ».

Его нарушение со стороны Карла I, когда онъ сталъ собственною властью вводить знаменитыя корабельныя пошлины, довело въ концѣ-концовъ до революціи 1648 г. и трагической кончины самого короля въ 1649 г.

Стремленіе Якова II собирать безъ согласія парламента налоги вновь вызвало революцію 1688 г. и даже сверженіе династіи.

Съ тѣхъ поръ бюджетныя права народныхъ представителей оставались въ Англіи неприкосновенными.

Страннымъ образомъ пренебреженіе этими правами со стороны британскаго правительства въ Сѣверной Америкѣ и самовольное установленіе метрополіей гербоваго налога, а затѣмъ налоговъ на оконныя стекла, бумагу, чай и краски, несмотря на всю незначительность этого обложенія, привели къ бурнымъ протестамъ 1765—1767 гг., а затѣмъ и къ открытой многолѣтней междоусобной войнѣ, окончившейся независимостью Соединенныхъ Штатовъ.

Извѣстны старыя счеты генеральныхъ штатовъ и парламентовъ съ королями дореформенной Франціи. Необходимость улучшить государственныя финансы явилась главной движущей силой въ созывѣ собранія 1789 г. (Разсказываютъ *), что въ парламентѣ при обсужденіи штемпельнаго закона 1787 г., когда были потребованы у министра *отчеты* (*etats gеnеrаux*) расходовъ и доходовъ, одинъ изъ членовъ сострилъ, говоря, что странѣ дѣйствительно необходимы *генеральныя штаты*, т.-е. созывъ народныхъ представителей. Острое слово стало общимъ крикомъ страны и закончилось грандіозной катастрофой стараго порядка.

Еще у многихъ въ памяти длительныя конфликты Бисмарка съ прусскимъ ландтагомъ изъ-за военныхъ ассигновокъ. Бюджеты 1864, 65 и 66 гг. остались безъ законодательнаго одобренія. Желѣзный канцлеръ самовластно заявилъ въ 1863 г., что «если компромиссъ не удастся, возникаетъ конфликтъ, и такъ какъ жизнь государства не можетъ остановиться, то эти конфликты превращаются въ вопросы силы. Тотъ, въ чьихъ рукахъ сила, поступаетъ тогда, какъ находить нужнымъ». Послѣдующая война съ Австріей 66 г. и побѣда Пруссіи привели, однако, и короля, и канцлера къ необходимости пойти на уступки. Въ нихъ говорила истинная государственная мудрость, когда они просили забвенія бывшаго беззаконія, обѣщая *навсегда* устранить необычный порядокъ вещей.

Можно было бы найти немало интересныхъ примѣровъ столкновеній по вопросамъ бюджета и бюджетнаго права въ новѣйшей парламентской исторіи Австріи, Италіи, Бельгіи и даже Даніи.

Жизненный нервъ и основа всякаго конституціоннаго строя, бюджетное право живетъ и развивается вмѣстѣ съ нимъ и нераздѣльно отъ него. Ничто такъ не можетъ характеризовать объемъ правъ народныхъ представителей и силу конституціонныхъ гарантій, какъ бюджетныя права парламентовъ и ихъ практическое примѣненіе.

*) *Рене Штурмъ*: „Бюджетъ“, стр. 8—18, 33 и сл.

У насъ въ Россіи, когда даже самое слово конституція до 1905 г. не могло быть публично произнесимо безъ примѣненія строжайшихъ каръ за тяжкое государственное преступленіе; когда такъ недавно, еще въ 1902 г., подвергся разгрому воронежскій уѣздный сельско-хозяйственный комитетъ за его указаніе на необходимость «участія выборныхъ отъ разныхъ сословій и мѣстностей въ общемъ всероссійскомъ совѣщаніи», которое было вмѣнено въ ужасную вину; когда предложенная въ этомъ комитетѣ записка автора настоящихъ строкъ по поводу финансоваго баланса Воронежской губерніи съ предложеніемъ ходатайствовать о созывѣ совѣщанія изъ земскихъ дѣятелей для улучшенія государственныхъ финансовъ была сочтена преступной и опасной,—о бюджетныхъ правахъ въ прошломъ говорить не приходится. Они ведутъ свое начало съ момента учрежденія Булыгинскаго проекта Думы 6 августа и особенно съ появленіемъ манифеста 17 октября.

Даже самая роспись доходовъ и расходовъ государства до 60-хъ годовъ держалась, какъ величайшая государственная тайна.

Первый указъ объ опубликованіи росписи (когда былъ министромъ финансовъ М. Х. Рейтернъ) вызвалъ полный переполохъ и испугъ среди служащихъ чиновниковъ. Начальникъ отдѣла г. Ключаревъ заявилъ, что обнародованіе росписи повлечетъ за собою революцію, и даже вышелъ въ отставку, не желая быть «причастнымъ столь страшному государственному преступленію» *).

А въ началѣ XIX столѣтія гр. Сперанскій говорилъ, что «годовая смѣта была не что иное, какъ пустой канцелярскій обрядъ, ничтожный въ общемъ ходѣ государственныхъ дѣлъ».

Очевидно, что даже въ тайникахъ самаго вѣдомства, занимавшагося бюджетомъ до 60-хъ годовъ, не было ничего планомѣрнаго, регулированнаго опредѣленными законодательными нормами.

Уже въ законѣ 6 августа 1905 года о такъ называемой Булыгинской Думѣ, несмотря на ея законосовѣщательныя функціи, появляется въ § 33 опредѣленное заявленіе, что вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ «финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій, и государственная роспись доходовъ и расходовъ, равно какъ денежные изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя,—на основаніи особыхъ по сему предмету правилъ».

Каковы были эти предположенные правила, можно судить по опубликованнымъ матеріаламъ особой меморіи совѣта министровъ. Здѣсь въ § 74 первоначальнаго проекта бывшаго министра Булыгина находимъ слѣдующее указаніе: «При разсмотрѣніи смѣтъ Государственная Дума не можетъ возбуждать вопросовъ объ увеличеніи по смѣтамъ испрашиваемыхъ кредитовъ или объ исключеніи изъ смѣтъ расходовъ, внесенныхъ на осно

*) М. Фридманъ: „Наше законодательство о бюджетѣ“. „Вопр. госуд. хозяйства и бюджетнаго права“.

ваніи дѣйствующихъ законоположеній, штатовъ и Высочайшихъ повелѣній, а равно утвержденныхъ въ установленномъ порядкѣ предѣльныхъ бюджетовъ военнаго и морскаго министерствъ. Предположенія, возникающія по всемъ предметамъ Государственной Думы, могутъ лишь относиться къ смѣтамъ слѣдующихъ годовъ и получаютъ движеніе въ особомъ законодательномъ порядкѣ».

Такимъ образомъ, еще до закона 6 августа, въ подготовительный періодъ проекта Булыгинской «конституціи», довольно отчетливо вырисовывались контуры будущихъ ограниченій, признаваемыхъ необходимыми даже для законосовѣщательной Думы.

Онѣ укрѣпились, развились и приняли исполнѣ законченныя формы послѣ манифеста 17 октября, сохранивъ, однако, всю свою основную сущность въ ограниченіи бюджетныхъ правъ нарождавшагося народнаго представительства. Онѣ запечатлѣны въ пресловутыхъ правилахъ о рассмотрѣніи государственной росписи доходовъ и расходовъ 8 марта 1906 г. и въ нѣсколькихъ статьяхъ основныхъ законовъ, специально для того составленныхъ.

Въ дѣйствующемъ положеніи о Государственной Думѣ § 31 во второй части дословно воспроизводитъ приведенный выше текстъ второй части § 33 Думы 6 августа.

Дума *вѣдаетъ* роспись доходовъ и расходовъ, равно и ассигнованія средствъ изъ государственнаго казначейства, росписью не предусмотрѣнныя. Это и составляетъ основу нашихъ современныхъ бюджетныхъ правъ, основу, казалось бы, весьма ясную и опредѣленную.

Понятіе о государственной росписи исполнѣ точно устанавливается еще смѣтными правилами 22 мая 1862 г., въ которыхъ первый параграфъ говоритъ: «Государственная роспись есть исчисленіе: 1) *всѣхъ* предстоящихъ государству расходовъ и 2) источниковъ къ ихъ удовлетворенію. Государственная роспись составляется изъ частныхъ финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій».

Казалось бы, что бюджетныя права установлены ясно и широко, ибо вѣдѣнію Думы подлежатъ *всѣ* государственные расходы и *всѣ* источники, ихъ покрывающіе. Однако, какъ и въ законѣ Думы 6 августа, въ § 31 дѣйствующаго учрежденія въ концѣ встрѣчается еще одна, съ виду незначительная добавка. Государственная Дума вѣдаетъ роспись расходовъ и доходовъ, но... «на основаніи установленныхъ правилъ».

Этими правилами и являются правила 8 марта 1906 г., весьма сильно суживающія, если не подрывающія въ корнѣ самую идею бюджетнаго права, передъ тѣмъ изложеннаго въ § 31.

Часть ограниченій бюджетныхъ правъ внесена у насъ въ основные законы, гдѣ въ ст. 114 и 115 содержатся указанія на то, что платежи по государственнымъ долгамъ и по другимъ принятымъ на себя государствомъ обязательствамъ не подлежатъ сокращенію, равно не подлежатъ обсужденію кредиты на расходы министерства императорскаго двора въ

суммахъ, не превышающихъ ассигнованій по государственной росписи 1906 г., а также не подлежатъ обсужденію такіа измѣненія, которыя вызываются постановленіями учрежденія о императорской фамилии, соответственно происшедшимъ въ ней переменамъ.

Сумма кредитовъ, совершенно изъятыхъ отъ измѣненій законодательными учрежденіями по двумъ этимъ статьямъ, довольно значительна. На уплату процентовъ по займамъ и др. обязательствамъ казны въ роспись 1908 г. внесена цифра въ 385.120,911 рублей, затѣмъ на уплату капитала по краткосрочнымъ обязательствамъ государственнаго казначейства 52.978,905 р. и на министерство императорскаго двора 16.359,595 р.

Всего *абсолютно забронированныхъ суммъ* въ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходахъ по росписи 1908 г. 454.459,411 р., или 18,0% всѣхъ расходовъ.

Къ этимъ ограниченіямъ, устанавливаемымъ основными законами, не подлежащимъ измѣненію по инициативѣ Думы, правила 8 марта прибавляютъ цѣлый рядъ новыхъ.

Статья 6 указываетъ, что кредиты: 1) на расходы собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, 2) на расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности, подлежатъ обсужденію въ тѣхъ лишь частяхъ, въ коихъ сіи кредиты испрашиваются съ превышеніемъ противъ назначеній по росписи 1906 г.

Статья эта конечно можетъ быть отмѣнена въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, но пока она дѣйствуетъ, она исключаетъ изъ бюджетнаго разсмотрѣнія 12.913,323 р., изъ которыхъ главная доля, десять миліоновъ, приходится на фондъ для непредвидѣнныхъ расходовъ. Почему именно этотъ фондъ понадобилось забронировать отъ обсужденія законодательныхъ установленій, понять совершенно невозможно *).

Самое главное, однако, стѣсненіе бюджетной работы и непонятное уменьшеніе бюджетныхъ правъ Думы содержитъ статья 9 правилъ.

Она гласитъ буквально слѣдующее. «При обсужденіи проекта государственной росписи *не могутъ быть исключаемы или измѣняемы* такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, расписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ».

Слѣдующая за нею ст. 10 объясняетъ, что предположенія объ измѣненіи соответствующихъ законовъ, штатовъ, расписаній и пр., а равно и

*) Фондъ этотъ возникъ въ 1882 г. съ цѣлью борьбы съ сверх-смѣтными кредитами. До 1882 г. была ассигновка въ 4 милл. р. по деп. гос. казначейства на чрезвычайныя по государству расходы. Съ 1882 г. кредитъ выдѣленъ въ особый параграфъ, а съ 1884 г. сталъ носить настоящее названіе; тогда онъ равнялся 3 милл. р. Затѣмъ къ 1904 г. онъ достигъ размѣра 12 милл. р., но изъ нихъ въ томъ году было издержано только 7 милл. р., въ 1905 г. онъ сокращенъ до 10 милл. р. Почему сумма этого фонда должна была быть фиксирована закономъ 1906 г.—остается неизвѣстнымъ.

ассигнования на новые потребности могут идти лишь въ законодательномъ порядкѣ.

Вліяніе этого ограниченія весьма велико. Въ проектѣ росписи на 1908 г. въ особомъ приложеніи указывается, что такимъ способомъ забронировано 698.641,593 р. и, слѣдовательно, почти не поддается воздѣйствію бюджетной комиссіи и общему собранію Государственной Думы. Сумма эта составляетъ 27,2% всѣхъ расходовъ, а со всѣми предыдущими общій итогъ абсолютно забронированныхъ кредитовъ и забронированныхъ слабѣе, но требующихъ для своего измѣненія длиннаго и сложнаго законодательнаго пути, достигаетъ громадной цифры 1.164.373,063 р., т.-е. около 47% всѣхъ государственныхъ расходовъ.

Такимъ образомъ, около половины всей ихъ суммы должно было пройти почти безъ всякаго измѣненія и исправленія при разсмотрѣніи бюджета народными представителями.

Отдѣльныя вѣдомства весьма различно забронировались. Въ то время, какъ одни изъ нихъ являются почти неприкосновенными, другія—въ значительной степени могутъ подлежать воздѣйствію Думы. Такъ, предсѣдатель бюджетной комиссіи 2-ой Думы приводитъ по росписи 1907 года слѣдующія цифры. Кредиты, подлежащіе *свободному обсужденію* въ вѣдомствахъ, составляютъ въ ихъ смѣтахъ слѣдующія доли:

Св. синодъ	1%
Военное министерство	13%
Министерство внутреннихъ дѣлъ	19,0%
> иностранныхъ >	19,0%
> народного просвѣщенія.	23,0%
> юстиціи	37,0%
Государств. контроль	44,0%
Главное упр. земледѣлія и з.	65,0%
Министерство торговли и промышленности	70,0%
> финансовъ.	82,0%
> морское	92,0%
> путей сообщенія	99,0%

Разница положенія вѣдомствъ громадная, и цифры расходовъ, подлежащихъ свободному обсужденію, колеблются отъ 1—99% смѣтъ. Тѣ же почти отношенія остались по росписи съ 1908 года.

Послѣ трехмѣсячной бюджетной работы въ 1907 г., когда масса времени уходила на безконечную проверку поставленныхъ въ смѣтахъ расходовъ съ законами, штатами и пр., когда проверка этихъ *легалныхъ* титуловъ расходовъ часто оказывалась почти недостижимой или чрезвычайно затруднительной, когда, напр., проверочная работа по одной весьма простой смѣтѣ министерства иностранныхъ дѣлъ потребовала двухмѣсячнаго срока одного спеціального работника, предсѣдатель бюджетной комиссіи второй Думы рѣшительно заявлялъ:

«Поэтому, прежде всего Думѣ слѣдуетъ пересмотрѣть правила 8 марта

и самым энергичнымъ образомъ настаивать на отъѣннѣ съ первую очередь статьи 9, существованіе которой закрываетъ возможность какого бы то ни было улучшенія бюджета *).

Въ третью Думу, уже черезъ 10 дней послѣ ея открытія, 10 ноября, фракціей народной свободы былъ внесенъ проектъ измѣненій правилъ 8 марта, тождественный съ проектомъ, внесеннымъ той же фракціей во вторую Думу. Считая измѣненіе правилъ неизбѣжнымъ для улучшенія работы бюджетной комиссіи, считая расширение бюджетныхъ правъ Думы—основой для возможно скорого упорядоченія бюджета, фракція настаивала на принятіи ея законопроекта.—Затѣмъ въ рѣчахъ по поводу внесенной росписи, П. Н. Милюковымъ и г. Еропкинымъ было указано на недостаточность бюджетныхъ правъ Думы и стѣснительность правилъ 8 марта. Предварительное обсужденіе проекта ихъ измѣненія состоялось 12 января и вызвало интересныя пренія.

Члены фракціи, внесшіе законопроектъ, отстаивали его, подробно доказывая нецѣлесообразность, ненужность ни для Думы, ни даже для правительства большинства параграфовъ 8 марта, построенныхъ на странномъ принципѣ недовѣрія къ народному представительству и весьма плохо редактированныхъ.

«Въ то время,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—когда намъ приходится сводить балансъ съ дефицитомъ, когда намъ приходится увеличивать свою задолженность, въ это время прежде всего и превыше всего должны быть поставлены наши бюджетныя права, и тогда предъ лицомъ страны и народа мы можемъ сказать, что мы сумѣемъ добросовѣстно и честно выполнить свой долгъ».

Особенно много споровъ вызывала самая неудачная статья правилъ 8 марта—девятая. Ея излишнія стѣсненія по существу своему трудно себѣ объяснить иначе, какъ *болезню* предстоящей работы Думы. Чиновничій міръ всполохился за свои оклады, наградныя, прогонныя, столовыя и прочія ассигновки, цѣлый сонмъ всякихъ членовъ совѣтовъ, комитетовъ, людей «особыхъ порученій», прикомандированныхъ и состоящихъ при особахъ, опасался за цѣлость своихъ мѣстъ. Отсюда и вымилась бронировка кредитовъ на всякіе штаты, расписанія, положенія и пр., не встрѣчающаяся ни въ одной странѣ съ представительнымъ образомъ правленія. Ораторами оппозиціи было указано, что, повидимому, единственнымъ «образцомъ» для этой статьи могъ послужить одинъ изъ параграфовъ японской конституціи, да и онъ говорить лишь о расходахъ, основанныхъ на постановленіяхъ закона **).

*) Доклады бюджетной комиссіи второй Государственной Думы, изд. подъ ред. М. П. Федорова, стр. 7.

**) Текстъ этой 67 ст. японскихъ законовъ гласитъ слѣдующее: „Расходы, уже установленные и вызываемые согласно конституціи осуществленіемъ полномочій, принадлежащихъ императору, равно какъ и расходы, вызванные постановленіями закона или законными обязательствами правительства, не могутъ быть ни отъѣнены, ни уменьшены имперскимъ парламентомъ безъ согласія правительства“.

«Я думаю,—заявил другой членъ фракціи народной свободы,—что разъ признано необходимымъ имѣть народное представительство, признано необходимымъ съ его помощью, силами лучшихъ людей страны, улучшить положеніе государства, разъ признано необходимымъ привлечь эти силы къ законодательной и творческой работѣ, необходимо этому представительству довѣрять, необходимо думать, что оно никогда въ своемъ большинствѣ не посягнетъ на устойчивость государственнаго хозяйства и не помѣшаетъ устойчивости государственнаго управленія»...

Представители руководящей партіи, союза 17 октября, заняли, какъ обычно, не совсѣмъ ясную позицію. Устами г. Еропкина они еще 27 ноября 1907 г. въ своей деклараціи по поводу внесенной росписи, казалось, опредѣленно заявили: «на стражѣ народныхъ интересовъ стоитъ сама Государственная Дума съ ея правомъ законодательнаго почина; и въ этомъ отношеніи необходимо прежде всего измѣнить правила 8 марта 1906 г. *въ смыслъ расширенія бюджетныхъ правъ Государственной Думы*».

Въ засѣданіи 12 января членъ Думы Г. Г. Лерхе послѣ рѣчи министра финансовъ говорилъ уже о желательности измѣненія нѣкоторыхъ статей правилъ 8 марта, особенно ст. 17, «въ смыслъ расширенія бюджетныхъ правъ Государственной Думы», а 20 января при продолжающемся обсужденіи законопроекта членъ Думы октябристъ кн. Тенишевъ отнесся совершенно отрицательно къ отмѣнѣ именно 9 статьи правилъ, наиболее нецѣлесообразной и наиболее ограничивающей компетенцію Думы.

«Порядокъ, вновь предлагаемый, я считаю и нецѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія дѣловой, и считаю его принципиально неприемлемымъ»...—заявилъ онъ,—указывая, что нельзя безъ новаго закона отмѣнять старый законъ и расходы, производимые на его основаніи, нельзя «отрицательный» вотумъ Государственной Думы или Совѣта сравнивать (?) съ положительнымъ ея рѣшеніемъ, подлежащимъ еще утвержденію Верховной Власти».

Правые конечно высказались рѣзко противъ проекта расширенія бюджетныхъ правъ, причемъ И. М. Коваленко заявилъ, что отмѣна ст. 9 и 10 правилъ столкнется съ 94 ст. основныхъ законовъ, и въ такой отмѣнѣ «у насъ нѣтъ широкой нужды».

Правительство, въ лицѣ министра финансовъ, сочло проектъ оппозиціонныхъ депутатовъ не составляющимъ «выраженія потребности жизни въ той сферѣ, исправить которую предполагаетъ настоящий проектъ. Этотъ проектъ исходитъ изъ заранѣе признаваемаго доказаннымъ факта, что права Государственной Думы въ бюджетномъ дѣлѣ опредѣлены не въ той широтѣ, которою должна пользоваться Государственная Дума».

Дальнѣйшая рѣчь министра финансовъ была посвящена послыльнымъ показателямъ того положенія, «что дѣйствующій законъ представилъ Государственной Думѣ очень широкія полномочія».

Впрочемъ и министръ въ заключеніе призналъ по отношенію ст. 4 и 17 правилъ допустимыми частичныя измѣненія, по которымъ «найдется воз-

возможность достигнуть соглашений между желаниями Государственной Думы и взглядами правительства» *).

Законопроект был единогласно передан Думою в бюджетную комиссию и таким образом (по смыслу 57 ст. учр. о Государственной Думе) соображения о желательности отмены или изменения правил 8 марта были разданы Думою, и в дальнейшем предстоит лишь детальная и согласительная формулировка законопроекта.

Это было первое постановление третьей Думы, отбывшее ее принципиальную позицию в бюджетной работе в смысле расширения бюджетных прав.

Вследствие крайней спешности работы по бюджету и недостатку времени, в бюджетной комиссии проект еще не рассматривался, но едва ли можно сомневаться в том, что во многих его частях, а быть может и по отношению к статьям 9 и 10, он встретит поддержку большинства. Дело в том, что собственная работа и семимесячный труд над сметами ведомств убедили почти всех членов бюджетной комиссии в крайней стеснительности бронирования кредитов.

Бюджетная комиссия третьей Думы, заканчивая свои работы по росписи, не могла обойти молчанием этого обстоятельства и в докладѣ по сметѣ доходов, указавъ на незначительность сокращеній расходовъ и уменьшенія дефицита, она отмѣчаетъ значительную величину забронированныхъ статей расходовъ.

«Такое обилие закрѣпленныхъ кредитовъ, — говоритъ докладъ, — лишаетъ бюджетъ необходимой подвижности и затрудняетъ возможность соразмѣрять имѣющіяся средства съ тѣми надобностями, которыя подлежатъ настоящему удовлетворенію».

Еще интереснѣе рядъ указаній въ бюджетныхъ докладахъ по сметамъ отдѣльныхъ ведомствъ.

«Первое впечатлѣніе отъ расходной сметы министерства народнаго просвѣщенія, — читаемъ мы въ докладѣ по этому поводу, — говоритъ о ея сложности, запутанности и по существу ненужной обширности... Смета эта представляетъ какъ бы собраніе надстроекъ и наслоеній, отражающихъ всю случайность государственной политики въ дѣлѣ народнаго образованія за долгое время...»

«Наибольшая же пестрота государственнаго дѣла народнаго просвѣщенія выражается множествомъ легальныхъ титуловъ, оправдывающихъ сметныя назначенія. Въ видѣ примѣра достаточно указать на § 7 расходной сметы (№ 177 росписи) — содержанія среднихъ учебныхъ заведеній. По 6 статьямъ этого параграфа цитировано 734 легальныхъ титула, ведущихъ свое начало съ 1832 г. и оправдывающихъ въ совокупности сравнительно не

*) Ст. 4 говоритъ о порядкѣ голосованія параграфовъ расходной и номеровой доходной сметы. Ст. 17 устанавливаетъ расходование суммъ безъ законодательныхъ учрежденій въ силу краткости времени, при необходимости соблюденія тайны и пр

большую сумму расхода въ 13 милл. р. Ихъ ежегодная провѣрка предъ законодательнымъ обсужденіемъ росписи составляетъ работу трудно исполнимую. *Если бы бюджетная коммиссія и пожелала произвести эту тяжелую работу, то она встрѣтила бы нѣрѣдко непреодолимые трудности.* Прежде всего приводимыя въ основаніяхъ назначенія, Высочайшія повелѣнія, всеподданѣйшіе доклады и проч. очень часто оставались неопубликованными, или, по крайней мѣрѣ, мѣсто ихъ опубликованія не указано въ смѣтѣ».

Бажется, труднѣе болѣе ясно и рельефно успокоить сомнѣнія министра финансовъ, выраженные 12 января, въ томъ, что отмѣна или измѣненіе правилъ 8 марта и особенно 9 статьи не является «потребностью жизни и указаніями дѣйствительной работы Государственной Думы». Большихъ указаній дѣйствительной работы и болѣе настоятельной потребности, какъ вышеприведенныя, едва ли можно и привести.

Во что превращается бюджетная коммиссія и ея члены, когда, вмѣсто опредѣленнаго обсужденія расходовъ *по существу*, они начинаютъ тратить громадное количество времени на провѣрку формальной точности заносимыхъ въ роспись цифръ, когда вмѣсто живого дѣла приходится производить чуть не археологическія изысканія забытыхъ даже для самихъ вѣдомствъ легальныхъ титуловъ,—легко можно себя представить.

Въ первый годъ бюджетной работы эта провѣрка титуловъ произведена была далеко не по всѣмъ смѣтамъ. Наоборотъ, можно сказать, что 3—4 смѣты провѣрены какъ слѣдуетъ, со всѣми подробностями. Остальное оставлено для будущихъ досуговъ. Между тѣмъ даже сама провѣрка даетъ иногда неожиданные результаты, указываетъ на расходы, которые не могли производиться въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ они показывались по смѣтамъ.

Ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами. По смѣтѣ неогладныхъ сборовъ (§ 4 ст. 2) испрашивался кредитъ въ 150 тыс. р. на вознагражденіе за открытіе корчемства и нарушеній акцизныхъ уставовъ и на пособія чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ, занимающихся дѣлопроизводствомъ по неогладнымъ сборамъ.—Кредитъ этотъ, издавна вносившійся въ смѣту въ такомъ же размѣрѣ, основывался на ст. ст. 1151 и 1153 устава акцизныхъ сборовъ, по которымъ изъ суммы взысканій за тайную торговлю виномъ половина отдается лицамъ открывшимъ, а половина остальныхъ денегъ—распредѣляется въ награды и пособія чиновникамъ. Такъ какъ сумма штрафовъ обычно превышала 300 т. въ годъ, то вѣдомство и расходовало на награды и пособія 150 тыс. р. Точная справка въ соответствующихъ законоположеніяхъ выяснила въ бюджетной коммиссіи, что дѣло идетъ не о всей половинѣ штрафныхъ денегъ, а лишь о четверти ихъ, и сумму пришлось убавить на 75 тысячъ р.

По смѣтѣ кредитной канцеляріи провѣрка легальныхъ титуловъ оказалась чрезвычайно затруднительной въ силу ихъ неясности, но одинъ изъ нихъ обратилъ на себя вниманіе бюджетной коммиссіи. Дѣло шло о поста-

повлени 28 января 1883 г. въ 2,098 р., назначенныхъ, какъ оказалось при провѣркѣ, бывшему вице-директору Шванебаху въ видѣ прибавки личнаго характера. Г. Шванебахъ уже лѣтъ 10—11 какъ покинулъ службу въ кредитной канцеляріи, а лично ему присвоенная прибавка все время фигурируетъ въ смѣтѣ вопреки легальному титулу и деньги выдаются другому лицу. И здѣсь пришлось сумму въ 2,098 р. исключить изъ смѣты. Сумма конечно весьма небольшая, но характеренъ производившійся многолѣтній расходъ, быть можетъ и необходимый, какъ добавка содержанія другому чиновнику, но нарушающій смыслъ Высочайшаго повелѣнія, на которомъ ояъ основанъ; характерно и положеніе бюджетной комиссіи, занятой розыскомъ старыхъ законовъ *).

Еще одинъ примѣръ. По смѣтѣ государственнаго казначейства (§ 11, ст. 6) былъ внесенъ кредитъ въ 25 тыс. р. «издателю *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* за уменьшеніе дохода отъ печатанія казенныхъ объявленій» на основаніи прежняго контракта. Когда же было замѣчено, что срокъ того контракта уже кончился, — сумму пришлось немедленно исключить.

Споры изъ-за легальности или нелегальности расходовъ не разъ возникали въ бюджетной комиссіи; особенно слѣдуетъ отмѣтить споры *изъ-за легальности самихъ титуловъ*, т.-е. изъ-за правильности тѣхъ самыхъ законныхъ основаній, которые приводились по смѣтамъ. Нѣсколько наиболее яркихъ примѣровъ послужили даже поводомъ къ преніямъ въ Государственной Думѣ. Правила 8 марта стѣснили не только бюджетную комиссію. Они оказались очень неудобными и для цѣлаго ряда вѣдомствъ. Стремленіе забронировать свои кредиты, защищать ихъ отъ воображаемыхъ посягательствъ народныхъ представителей, попытки устроить такую бронировку, во что бы то ни стало, особенно по расходамъ на штаты и канцеляріи, привела нѣкоторые изъ вѣдомствъ къ совершенно исключительнымъ приемамъ.

Какъ извѣстно, по министерству путей сообщенія постоянныхъ штатовъ нѣтъ; срокъ изданныхъ временно въ 1899 г. давно истекъ и вотъ вѣдомство *за десять дней до созыва третьей Думы*, 20 октября 1907 г., испрашиваетъ себѣ въ порядкѣ верховнаго управленія (?) Высочайшее повелѣніе по продленію временныхъ штатовъ до 1909 г., *съ явнымъ нарушеніемъ ст. 11 и 86 основныхъ законовъ*. Въ бюджетной комиссіи представители вѣдомства тщетно пытались объяснить причину происшедшаго обстоятельства. Интересно завершеніе этой исторіи. Въ Государственную Думу членомъ фракціи народной свободы вносится 2 апрѣля заявленіе о незаконности дѣйствій вѣдомства.

Брайніе правые протестуютъ, считая, что основные законы не пре-

*) Интересно отмѣтить, что въ бюджетной комиссіи министръ финансовъ *уж* не пытался примѣнить въ этомъ случаѣ правила 8 марта, а сталъ говорить, *по существу* расхода, о незначительности содержанія чинамъ канцеляріи, о внутренне^м правдѣ въ противовѣсъ правдѣ формальной и т. д.

пятствуют свободному изъявлению воли Верховной Власти, которая остается Самодержавной. Однако большинство Думы стать на эту точку зрѣнія уже не можетъ. Даже умѣренно-правые въ лицѣ гр. В. Бобринскаго дають и крайней правой и вѣдомству стойкій отпоръ. Въ горячихъ преніяхъ, желая доказать отсутствіе легальности въ данномъ титулѣ и отсутствіе бронированности расходовъ по штатамъ министерства, гр. В. Бобринскій внесъ предложеніе о сокращеніи кредитовъ на 1 рубль. Крайніе правые съ криками протеста уходятъ изъ залы засѣданія, а всѣ остальные члены Думы предложеніе принимаютъ.

Такова сущность инцидента съ такъ называемымъ «конституціоннымъ» рублемъ.

Онъ показалъ, что въ области бюджетныхъ правъ громадное большинство Думы стремится къ конституціонной почвѣ и не желаетъ допускать произвольнаго толкованія вѣдомствами закрѣпленія расходовъ обходными путями.

Рядъ указаній на незакономѣрность приведенныхъ въ смѣтахъ легальныхъ оснований расходовъ встрѣчаемъ и въ другихъ смѣтахъ. Такъ, напр., по смѣтѣ торговаго мореплаванія и портовъ была выдана субсидія добровольному флоту, по Высочайшему повелѣнію 15 августа 1907 года, въ 725 тыс. рублей, причежъ по открытіи Думы въ установленный срокъ объ этомъ не было внесено соотвѣтствующаго предложенія, а легальный яко бы титулъ въ смѣтѣ остался. Формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, принятая Думою по предложенію бюджетной комиссіи, признаетъ, что «постановленіе совѣта министровъ о назначеніи пособія добровольному флоту состоялось безъ соблюденія формальныхъ требованій ст. 87 основныхъ законовъ и ст. ст. 16 и 17 правилъ 8 марта 1906 года».

Но самымъ удивительнымъ, почти невѣроятнымъ примѣромъ «добыванія» легальныхъ титуловъ можетъ служить исторія, продѣланная главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія. Здѣсь по смѣтѣ канцеляріи главноуправляющаго раньше былъ кредитъ 250 тыс. руб. на «извѣстныхъ его Величеству надобности». Затѣмъ вѣдомство пожелало этотъ секретный титулъ раскрыть, и въ § 4 смѣты показало 50 тыс. р. «на непредвидѣнныя надобности», причежъ были указаны Высочайшія повелѣнія 1866 г. и 1891 гт. Когда же въ бюджетной комиссіи было обнаружено, что этотъ расходъ вовсе не подходитъ къ содержанію приведенныхъ узаконеній и затѣмъ, когда стало далѣе извѣстно, что всеподданѣйшій докладъ о выдѣленіи этого расхода 14 апрѣля 1906 г. остался безъ всякой отмѣтки Государя Императора, вѣдомство, желая, во чтобы то ни стало, представить законное оправданіе, 31 декабря 1907 года черезъ главно-управляющаго испросило для этого Высочайшее утвержденіе. Итакъ, не постѣснялись даже заднимъ числомъ, *черезъ два мѣсяца спустя послѣ внесенія росписи*, съ вопіющимъ нарушеніемъ всякаго закомѣрнаго порядка дѣйствій, все же доставить «легальный титулъ»! Поистинѣ должно быть велико значеніе правилъ 8 марта, если даже такія попытки считались допустимыми ради добыванія бронированныхъ кредитовъ!

Однако оставимъ ихъ. Быть можетъ они будутъ вскорѣ устранены, какъ ненужная и вредная помѣха въ бюджетномъ дѣлѣ, быть можетъ «разсудку вопреки» и наперекоръ многимъ членамъ Государственной Думы, имъ суждено еще долго связывать бюджетную комиссію—въ настоящее время едва ли кто-либо сумѣетъ угадать въ причудливомъ ходѣ русскаго конституціонализма это неясное будущее.

Необходимо для болѣе полного указанія на изъяны въ бюджетныхъ правахъ Думы привести еще новый рядъ данныхъ, отмѣченныхъ въ Думѣ. Несовершенство законодательства новаго періода, неясность и неполнота его, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и несогласованность его отдѣльныхъ частей весьма замѣтно отразились на всемъ обликѣ законодательныхъ актовъ переходной эпохи. Старыя учрежденія исчезали, реформировались, приспособлялись, появлялись новыя нормы, и въ этой перестройкѣ стараго уклада далеко не все прошло стройно. Собственно въ бюджетныхъ правахъ законодательныхъ установленийъ можно указать четыре наиболѣе крупныхъ дефекта или неполноты закона. Они были указаны членомъ фракціи народной свободы въ заключительной рѣчи по росписи.

Если Дума и Совѣтъ вѣдаютъ роспись доходовъ и расходовъ, а сама роспись есть сводъ *всѣхъ* статей расходовъ и источниковъ ихъ покрытія, то, казалось бы, всѣ измѣненія статей доходовъ и расходовъ, уменьшеніе ли ихъ, или увеличеніе, не могутъ пройти помимо Думы.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ это оказывается далеко не такъ.

Такъ, одною изъ основныхъ причинъ, регулирующихъ доходы казенныхъ желѣзныхъ дорогъ являются *желѣзно-дорожные тарифы*. Ихъ измѣненіе какъ въ сторону увеличенія, такъ и въ сторону уменьшенія, связаны съ цѣлымъ рядомъ явленій въ народно-хозяйственной жизни страны, монополичный характеръ желѣзно-дорожнаго сообщенія придаетъ сборамъ съ пассажировъ и грузовъ характеръ опредѣленнаго налога съ населенія и рѣзко отражается на цифрѣ поступленій въ казну. Между тѣмъ измѣненіе тарифовъ проходитъ *помимо законодательныхъ учреждений*. Ими завѣдуетъ особый тарифный комитетъ при министерствѣ финансовъ, состоящій изъ представителей вѣдомствъ, желѣзно-дорожныхъ обществъ, промышленныхъ круговъ и проч. Постановленія этого комитета, если не было разногласій, утверждаются г. министромъ финансовъ, а въ случаѣ разногласій дѣло передается въ совѣтъ министровъ и утверждается Верховной Властью. Такъ, въ началѣ текущаго года были повышены тарифы пассажирскіе и нѣкоторые грузовые. Въ росписи доходовъ заносятся цифры новаго увеличенія сборовъ по этимъ статьямъ, но предварительнаго согласія Думы на это не испрашивалось *). Все прошло помимо нея, какъ *fait accompli*.

Уже не говоря про ненормальность проведенія такихъ крупныхъ и

*) Вслѣдствіе одного повышенія пассажирскаго тарифа ожидается за половину года 4.385,493 р. прироста выручки—§ 23 росписи доходовъ.

важных вопросов въ представительныхъ учрежденіяхъ, умаленіе формальныхъ бюджетныхъ правъ, и весьма значительное, здѣсь на-лицо. Это и не пропустила отмѣтить Дума въ засѣданіи 19 іюня.

Внесенная фракціей к.-д. и принятая Думою формула перехода къ очереднымъ дѣламъ признаетъ желательнымъ, «чтобы соображенія о главныхъ основаніяхъ тарифной политики и наиболее цѣлесообразномъ устройствѣ тарифнаго дѣла были представлены законодательнымъ учрежденіемъ».

Второй пропускъ касается вопроса объ измѣненіи *таможеннаго обложения*, составляющаго основаніе таможеннаго дохода. Ст. 12 и 13 основныхъ законовъ относятъ всецѣло къ сферѣ верховнаго управленія сношенія россійскаго государства съ иностранными державами, объявленіе войны, заключеніе мира, а равно и договоровъ. На этомъ основаніи заключеніе торговыхъ договоровъ идетъ помимо законодательныхъ учрежденій, такъ, наприм., былъ заключенъ послѣдній торговый договоръ съ Италіей. Въмѣстѣ съ торговыми договорами измѣняются размѣры таможенныхъ пошлинъ, налагаемыхъ на привозимые иностранные товары, а съ этимъ измѣняется и сумма таможеннаго дохода. Такъ, онъ долженъ упасть, наприм., въ силу пониженія пошлинъ на апельсины и лимоны, вывозимые изъ Итали. Практика почти всѣхъ конституціонныхъ государствъ давно уже установила обсужденіе въ парламентахъ вопросовъ объ измѣненіи таможенныхъ пошлинъ и связанныхъ съ ними торговыхъ договоровъ, представляющихся столь жизненными для интересовъ страны. Дефектъ нашего законодательства въ этомъ отношеніи особенно чувствителенъ *).

Затѣмъ весьма серьезное упущеніе составляетъ нѣкоторая неясность въ законѣ относительно *порядка разрѣшенія постройки частныхъ жельзныхъ дорогъ съ выдачею гарантій со стороны государственнаго казначейства*. Пользуясь недомолвками закона объ упраздненіи комитета министровъ и передачѣ дѣлъ, находившихся въ его вѣдѣніи, толкуя, повидимому, весьма расширительно пунктъ А. второго раздѣла этого указа, правительство передаетъ всѣ такія дѣла во второй департаментъ Государственнаго Совѣта. Нѣсколько линій (Сѣверо-Донецкая, Бахмачъ-Одесса и пр.) уже разрѣшены такимъ путемъ. Между тѣмъ, всякая выдача казенныхъ гарантій, при недостаточной доходности новыхъ линій или ихъ убыточности, потребуютъ расходовъ казны на выдачу субсидій по гарантіямъ. Трудно себѣ представить, какимъ образомъ Дума и Совѣтъ будутъ пропускать по смѣтамъ новое увеличеніе расходовъ, причина появленія которыхъ ихъ миновала. Говорятъ, что расходы такого рода являются видомъ

*) Л. Н. Яснопольскій указываетъ, что даже въ такомъ реакціонномъ основномъ законѣ, какъ прусская конституція, въ ст. 48 ясно указывается, что «король имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ, и вступать въ другіе договоры съ иностранными государствами, но торговые договоры, а также тѣ, кои налагаются повинности на государства или обязательства на отдѣльныхъ гражданъ, требуютъ для своей законности согласія палаты». *Русская Мысль*, 1908 г.

нѣкоторой ссуды, и при повышеніи доходности линіи или при переходѣ ея въ казну выданныя суммы будутъ зачтены. Но, во-первыхъ, и всякая выдаваемая ссуда, независимо отъ будущаго ея поступленія, должна быть проведена, какъ всякій расходъ даннаго года, по росписи, а во-вторыхъ, могутъ быть и непокрываемые убытки, которые потомъ придется со счетов сложить съ потерями для казны. Во всякомъ случаѣ, при точномъ пониманіи даже нашего несовершеннаго закона, слѣдуетъ признать неизбежность передачи дѣлъ по выдачѣ гарантій частнымъ желѣзнымъ дорогамъ на обсужденіе законодательныхъ установленій. Безъ этого бюджетное право существенно нарушается. Б.-д. фракціей еще въ мартѣ мѣсяцѣ внесенъ правительству по поводу разрѣшенія дѣлъ такого рода во второмъ департаментѣ Госуд. Совѣта запросъ о незаконномъ рѣшеніяхъ. Равнымъ образомъ и октябристы внесли запросъ по тому же поводу, приурочивъ его къ определенному случаю—постройкѣ Приднѣпровской ж. дороги. Обсужденіе обоихъ запросовъ состоится уже во второй сессіи Думы.

Наконецъ, четвертый дефектъ законодательства по бюджету касается правъ Думы относительно *кредитныхъ операций*. Статья 118 основныхъ законовъ довольно точно устанавливаетъ, что «*государственные займы для покрытія какъ смѣтныхъ, такъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ, разрѣшаются въ порядкѣ, установленномъ для утвержденія государственной росписи доходовъ и расходовъ*».

Только при неутверженіи росписи и въ предѣлахъ дѣйствительной потребности, не превышающей $\frac{1}{12}$ доли общаго по росписи расхода, займы могутъ разрѣшаться въ порядкѣ верховнаго управленія. Разграниченіе ясное, но дальше идутъ спорные вопросы. «Время и условія совершенія государственныхъ займовъ опредѣляются въ порядкѣ верховнаго управленія».

Что понимать подъ словомъ «условія займа»? Въ бюджетной комиссіи, а затѣмъ и въ Государственной Думѣ, члены комиссіи совершенно справедливо доказывали, что въ понятія «*займа*» неизбежно входятъ не только сумма займа, но и размѣръ процентовъ на занятыя деньги, условія погашенія, срокъ, на который заемъ заключенъ, и проч.

«Изъ текста 118 ст. основныхъ законовъ, говоритъ докладъ бюджетной комиссіи,—явствуетъ, что законодательнымъ учрежденіямъ принадлежитъ не только опредѣленіе суммы, которую надлежитъ получить для покрытія расходовъ съ помощью кредитныхъ операций, но и *разрѣшеніе займа*. Поэтому въ законодательномъ порядкѣ устанавливаются видъ и наименованіе займа, размѣръ процентовъ, порядокъ погашенія и прочіе *существенные признаки займа*. Въ порядкѣ управленія могутъ быть опредѣлены: время совершенія займа и условія совершенія, выпускной курсъ, сроки взносовъ, способъ реализаціи, публичная подписка или посредничество банковъ, продажа въ Государственномъ Банкѣ и казначествахъ, и пр.».

Если бы законъ устанавливалъ право Думы и Совѣта только на разрѣшеніе суммы займа, тогда въ его текстѣ такъ бы и было поставлено.

Толковать же ограничительно законъ, вопреки поставленному въ немъ общему юридическому понятію, совершенно не подобаеъ законодательнымъ учрежденіямъ. Ихъ путь не можетъ быть путемъ «самоограниченія», какъ выразился ораторъ к.-д. фракціи.

Конечно, правительство не согласилось съ такимъ толкованіемъ ст. 118, о чемъ и заявилъ министръ финансовъ не только въ Государственной Думѣ, гдѣ это обстоятельство онъ отмѣтилъ только вскользь, но даже въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, въ которомъ, вопреки всякому парламентскому обычаю, обсуждался вопросъ и велась полемика съ мнѣніями, высказанными отдѣльными членами Думы.

Въ текущемъ году, «принимая во вниманіе спѣшность дѣла, сравнительно небольшую сумму займа, а также сдѣланныя министромъ финансовъ разъясненія», комиссія не настаивала на примѣненіи къ дѣлу своего толкованія ст. 118.

Это, конечно, упущеніе и упущеніе тѣмъ болѣе неудобное, что въ будущемъ по поводу этого прецедента предстоитъ весьма вѣроятный конфликтъ, если правительство попрежнему будетъ толковать ст. 118 по своему, весьма суживая права законодательныхъ установленій.

Собственно говоря, относительно бюджетныхъ правъ Думы и положенія этого вопроса въ первую сессію третьей Думы этими указаніями можно было бы и ограничиться, не углубляясь въ детали, не приводя другихъ подробностей, болѣе или менѣе мелкихъ.

Интересный конфликтъ между Государственною Думою и Совѣтомъ по поводу возникшихъ разногласій по сметамъ и совершенная запутанность по разрѣшенію этого конфликта бюджетнаго законодательства (все тѣхъ же правилъ 8 марта) отмѣчены будутъ позднѣе.

Въ настоящее время слѣдуетъ освѣтить, однако, еще одну сторону вопроса, которая только намѣчалась въ работахъ первой сессіи, но которой предстоитъ въ будущемъ играть весьма значительную роль въ работахъ Думы: это именно *исполненію утвержденной росписи*.

Дума не только вотируетъ роспись доходовъ и расходовъ, но она и контролируетъ, ревизуетъ ея выполненіе правительствомъ. Пунктъ в) параграфа 31 учр. о Госуд. Думѣ говоритъ поэтому вполне опредѣленно: вѣдѣнію Госуд. Думы подлежить «отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи».

Однако и эта область далеко неполно предоставлена вѣдѣнію Думы. Отчетъ государственнаго контроля обнимаетъ собою не всѣ сферы государственнаго управленія. Такъ, помимо того, что его компетенція не распространяется на министерство двора и удѣльное вѣдомство, равно какъ и на вѣдомство императрицы Маріи, контролю не подлежатъ, или подлежатъ не вполне, государственныя кредитныя установленія (государственный, дворянскій и крестьянскій банки) и особенная канцелярія министра финансовъ по кредитной части въ оборотахъ ея по кредитнымъ операціямъ, затѣмъ хозяйственное управленіе при синодѣ по специальнымъ средствамъ

духовнаго вѣдомства и суммамъ, отпускаемымъ изъ казны на духовно-учебныя заведенія, министерство иностранныхъ дѣлъ, въ чрезвычайныхъ издержкахъ на предметы, тайнѣ подлежащіе и извѣстные Государю, и суммы остальныхъ министровъ и главныхъ управленій по такъ называемымъ секретнымъ титуламъ (на извѣстное Государю употребленіе).

Брупный дефектъ составляетъ отсутствіе въ отчетахъ контроля данныхъ объ операціяхъ государственныхъ кредитныхъ учреждений. Достаточно вспомнить бывшія потери государственнаго банка по такъ называемымъ вѣбуставнымъ ссудамъ, чтобы признать, что полный контроль и гласность въ этомъ дѣлѣ необходимы.

По вопросу о расширеніи компетенціи контроля мы еще вернемся къ преніямъ въ Государственной Думѣ, здѣсь же слѣдуетъ упомянуть, что въ своихъ пожеланіяхъ Дума указала на необходимость распространенія контрольных операцій на всѣ вѣдомства безъ изъятія.

Въ первую сессію третьей Думы коммиссія по исполненію государственной росписи 1906 г. не закончила своей работы и потому трудно что-нибудь говорить о ея дѣятельности. Характерно, однако, что уже съ первыхъ ея шаговъ она встрѣтила отказъ въ сообщеніи ей, помимо бухгалтерскаго отчета, еще и всеподданнѣйшаго отчета государственнаго контролера, содержащаго въ себѣ общее изложеніе дѣла и указанія на крупнѣйшія замѣченныя неправильности.

Такое же требованіе, обращенное къ государственному контролеру во второй Думѣ, встрѣтило рѣшительный отказъ.

Оно было понятенъ со стороны того представителя стараго порядка, который по поводу одного прискорбнаго происшествія съ покупкой земли подъ с.-петербургскій политехническій институтъ, причинившей не малые убытки казнѣ, допускалъ на докладѣ объ этомъ происшествіи начертать незабвенныя слова: «спрятать и никому не показывать!» *). Но прошлыя времена не совсѣмъ прошли. Отказъ въ сообщеніи всеподданнѣйшаго отчета получился и для коммиссіи третьей Думы, хотя государственный контролеръ и обѣщалъ дать свѣдѣнія по отдѣльнымъ, интересующимъ коммиссію вопросамъ.

Положеніе говорить само за себя. Казалось бы, что естественнѣе сообщить Государственной Думѣ, призванной слѣдить за закономѣрностью дѣйствій властей,—всѣ обнаруженныя контролемъ злоупотребленія, или упущенія, лицъ, завѣдующихъ отраслями государственнаго управленія и хозяйства.

Вмѣсто этого—отказъ и, говорятъ, даже принятое рѣшеніе не печатать больше всеподданнѣйшихъ отчетовъ контроля, а сохранять ихъ въ единственномъ экземплярѣ. Тайна будетъ соблюдена и девизъ «спрятать и не показывать» окончательно восторжествуетъ.

*) И. Х. Озеровъ: „Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги“, стр. 149.

Будутъ ли соблюдены права Думы, это уже вопросъ, для вѣдомствъ не интересный.

Любопытную картину исполненія росписи должны представить данныя за 1907 г. Роспись за этотъ годъ осталась, какъ извѣстно, неутвержденной законодательными установленіями. Въ проектъ ея, представленный во вторую Думу, было внесено, между прочимъ, на значительную сумму такъ называемыхъ *условныхъ* кредитовъ, т.-е. такихъ, расходваніе которыхъ возможно только послѣ принятія Думою и Совѣтомъ соответствующихъ законопроектовъ *).

Роспись 1907 г. содержала условныхъ кредитовъ весьма значительное количество (208 кредитовъ на сумму 40.301,308 рублей) и вотъ, когда только начала работать бюджетная коммиссія третьей Думы, оказалось, что цѣлая масса условныхъ кредитовъ, *вопреки точному и ясному смыслу закона*, была разрѣшена къ расходванію въ 1907 г. Кѣмъ и въ какомъ порядкѣ? Бюджетная коммиссія, относясь вообще отрицательно къ условнымъ кредитамъ и, смущенная неожиданнымъ и вѣзаконнымъ ихъ расходваніемъ по росписи 1907 г., очень долго обсуждала вопросъ о нихъ и, наконецъ, устроила засѣданіе 3 декабря, на которомъ министръ финансовъ давалъ по поводу порядка расходванія условныхъ кредитовъ подробныя объясненія. Имъ категорически было установлено, что до разрѣшенія вопроса Думою и Совѣтомъ по существу, условные кредиты не могутъ быть отпускаемы къ расходванію вѣдомствами.

Когда же ему былъ предложенъ вопросъ, какимъ же образомъ безъ разрѣшенія Думы и Совѣта расходовались условные кредиты 1907 г., то отвѣтъ получился неясный, непонятный, что-то вродѣ ссылки на сферу верховнаго управленія **).

Допускается ли это по нашимъ законамъ?—Конечно, нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Наши основные законы и правила 8 марта знаютъ только два пути расходванія средствъ государственнаго казначейства или путемъ разрѣшенія расходовъ Государственною Думою, Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденіемъ Верховной Власти (ст. 86 и 114 основн. зак. и ст. 15 правилъ 8 марта), или въ случаѣ неотложности расхода, спѣшности дѣла, перерыва сессіи и пр.—въ порядкѣ предварительнаго расходванія суммъ (ст. 17 правилъ 8 марта и 87 основн. зак.), но съ обязательствомъ для правительства вносить вопросъ по открытіи сессіи Думы въ теченіе двухъ, слѣдующихъ за ея открытіемъ, мѣсяцевъ. «Изъятія изъ

*) Ст. 15 правилъ 8 марта гласитъ такъ: „Обращеніе условныхъ кредитовъ къ расходванію на общемъ основаніи *требуетъ согласія* Государственнаго Совѣта и Государственной Думы“.

**) Министръ финансовъ сослался при этомъ на ст. 116 основныхъ законовъ. Однако въ ней нѣтъ ничего относящагося до расходванія условныхъ кредитовъ. Министръ оговорился, что расходовались лишь тѣ условные кредиты, которые относились не къ новымъ потребностямъ, а къ продолженію удовлетворенія прежнихъ. Помимо искусственности такого толкованія, оно не соответствуетъ дѣйствительности и все же противорѣчитъ ст. 15 правилъ 8 марта.

сего правила, — говорить законъ, — допускаются лишь въ отношеніи кредитовъ, требующихъ тайны, о коихъ представленія вносятся въ Думу по минованіи необходимости въ сохраненіи тайны».

Когда оппозиціонными депутатами былъ въ комиссіи прямо поставленъ министру финансовъ вопросъ, — «разъ были производимы расходванія по условнымъ кредитамъ 1907 г. и разъ они не оправдывались предварительнымъ разрѣшеніемъ законодательныхъ учреждений, то очевидно они были произведены во второмъ порядкѣ, т.-е. на основаніи ст. 17 правилъ 8 марта, а потому они должны быть представлены на заключенія Государственной Думы въ двухмѣсячный срокъ. Этотъ срокъ прошелъ. Будутъ ли эти представленія все же внесены въ Думу?»

Отвѣтъ министра былъ простъ и кратокъ: «Нѣтъ, не будутъ!»

Въ дальѣйшемъ остается ждать заключенія комиссіи по исполненіи росписи 1907 г., когда Дума опредѣлитъ свое отношеніе къ произведеннымъ явно незаконно расходамъ. Пока же приходится признать въ заключеніи обзора бюджетныхъ правъ Думы полную справедливость словъ предсѣдателя бюджетной комиссіи 2-й Думы:

«Для управленія страной, — писалъ онъ, — прежде всего нужны деньги, *вокругъ которыхъ обыкновенно и завязывается главная борьба.* Стоявшіе у кормила правленія понимали это лучше кого бы то ни было. Когда налетѣла гроза и, казалось, пришелъ конецъ прежнимъ порядкамъ, то хранители старыхъ устоевъ не забывали одного: не выпускать изъ рукъ бюджета и, отступая, обезпечили себя на черный день. Созданная ими конституція была обильно снабжена всевозможными ограниченіями, которыя могли быть использованы тотчасъ по окончаніи грозы, и наиболѣе предусмотрительными изъ нихъ оказались правила 8 марта. *Въ сущности эти правила установили бюджетное право только для министровъ, которые его не имѣли, а бюджетныя обязанности по охранѣ этихъ правъ возложили на обѣ законодательныя палаты*» *).

Если припомнить рѣчи одного изъ творцовъ русской конституціи гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу морскихъ ассигновокъ, отвергнутыхъ Думою, о растяжимости русскихъ основныхъ законовъ, если сопоставить ихъ съ расходваніемъ условныхъ кредитовъ росписи 1907 г., отвѣтомъ министра финансовъ и рядомъ уже указанныхъ выше и отмѣченныхъ третью Думою незаконныхъ дѣйствій по бюджету, то истинное положеніе дѣла предстанетъ во всей своей неприглядной сущности, а начавшіяся разногласія Думы и Совѣта по поводу ряда смѣтъ, о чемъ рѣчь впереди, еще сильнѣе омрачаютъ и безъ того малорадостную картину положенія бюджетныхъ правъ народныхъ представителей.

Безъ ея значительнаго улучшенія трудно себѣ представить замѣтно

*) Доклады бюджетной комиссіи 2-й Государственной Думы, изд. подъ редакціе М. П. Федорова, стр. 25.

улучшение бюджета, несмотря на массу времени и усилий, затрачиваемых членами Государственной Думы. Для их успеха и правила 8 марта и рядъ другихъ ограниченій должны измениться или отпасть. *Cartaginem esse delendam!*

III.

Переходя къ рассмотрѣнiю *бюджетной работы* въ комиссiи и въ общемъ собранiи Государственной Думы, слѣдуетъ прежде всего раздѣлить эту работу на двѣ крупныхъ части. Одна изъ нихъ касается собственно *критики дѣятельности цѣлаго ряда органовъ государственнаго управленiя*, критики, проводимой ораторами различныхъ партiй *по поводу рассмотрѣнiя смѣты* того или другого вѣдомства. Общая критика правительственной политики, ея принципиальныхъ основъ и ея практическихъ результатовъ почти во всѣхъ представительныхъ учрежденiяхъ другихъ странъ легче всего находить себѣ мѣсто и принимаетъ особенно серьезный характеръ въ бюджетныхъ пренiяхъ.

Народные представители, ассигнуя деньги на то или иное вѣдомство, учрежденiе или предпрiятiе, всегда и вполнѣ естественно желаютъ знать направление дѣятельности вѣдомства, указать дефекты, отмѣтить слабыя стороны и высказать рядъ требованiй, условiй или пожеланiй.

Распорядители ассигнованныхъ кредитовъ столь же естественно должны освѣщать, разъяснять или защищать принятую правительствомъ программу дѣйствiй. Отсюда тотъ крупный интересъ, который всегда имѣютъ въ парламентахъ бюджетныя пренiя.

То же самое произошло и у насъ въ третьей Думѣ при обсужденiи перваго бюджета.

Въ силу медленности работъ и затянувшагося утвержденiя росписи, общее обсужденiе пришлось отложить на конецъ и приступить къ дебатамъ по поводу смѣты отдѣльныхъ вѣдомствъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ и возникли чрезвычайно серьезныя и горячiя пренiя, касавшiяся основъ внутренней и внѣшней политики финансовой системы, вопросовъ обороны государства, нуждъ народнаго образованiя, положенiя церкви и т. д.

Вторая часть бюджетной работы захватывала преимущественно сферу *хозяйственно-распорядительную*. Цѣлый рядъ отраслей государственнаго хозяйства (желѣзныя дороги, горное дѣло, казенные лѣса, винная монополiя и пр.) вызвалъ подробныя доклады, продолжительныя объясненiя представителей вѣдомствъ и обширныя пренiя въ комиссiи и Думѣ.

Если сфера управленiя и политики правительства занимали по преимуществу мѣсто въ общихъ собранiяхъ Государственной Думы и почти не затрогивалась въ бюджетной комиссiи, то вопросы государственнаго хозяйства, занимающiе такое исключительное мѣсто въ русскомъ государственномъ бюджетѣ, особенно подробно подготовлялись и разрабатывались въ подкомиссiяхъ и въ пленарныхъ собранiяхъ бюджетной комиссiи, переходя съ ея заключенiями въ Государственную Думу.

И та и другая сторона бюджетныхъ работъ имѣетъ большой интересъ и можетъ разсматриваться болѣе или менѣе отдѣльно, хотя между ними и существуетъ тѣсная связь и взаимодѣйствіе. Было бы ошибкой заняться только второй стороной и оставить въ сторонѣ первую, хотя и выходящую какъ будто изъ рамокъ собственно бюджета.

Остановимся сначала на вопросахъ *правительственной политики* въ главнѣйшихъ сферахъ управленія, поскольку они намѣтились въ бюджетныхъ преніяхъ.

Третья Государственная Дума, долженствующая, по мнѣнію лидера ея большинства, служить «оправданіемъ акта 3 іюня», конечно, не могла въ критикѣ внутренней политики пойти сколько-нибудь далеко. Ея руководящая партія, столь еще недавно одобрявшая всѣ дѣйствія правительственной власти, непрестанно, съ первыхъ дней открытія Думы, обвиняли оппозиціонныя группы въ самыхъ невѣроятныхъ прегрѣшеніяхъ. Ихъ лидеръ весьма несдержанно говорилъ, напр., что партія народной свободы «сыграла роковую роль въ исторіи молодой политической свободы», что она «ловко подсѣла на запятки русской революціи, принявъ ее за ту триумфальную колесницу, которая доведетъ до вершинъ власти и не замѣтивъ, что это просто дрянная скрипучая, домашней работы телега, которая въ концѣ-концовъ завязла въ грязи, увы!—въ кровавой грязи» *). Руководящая партія не скоро смогла отдѣлаться отъ недавней партійной предвыборной борьбы, отъ горечи еще недавнихъ поражений, отъ яркаго стремленія бороться съ «ненавистной оппозиціей», бороться во чтобы то ни стало, вопреки даже здравому смыслу. При такомъ положеніи роль критиковъ правительственной политики не могла быть по плечу думскому большинству.

Тѣмъ не менѣе яркое выступленіе В. А. Маклакова привлекло къ себѣ сочувствіе многихъ представителей центра и даже умѣренно-правыхъ.

Его указаніе на то, что «было бы непростительнымъ формализмомъ» ограничиться по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ бухгалтерской свѣркой цифръ и титуловъ, оказалось весьма умѣстнымъ, а дальнѣйшая горячая рѣчь о рѣзкомъ расхожденіи формы новаго правленія въ центрѣ со старыми приѣмами управленія на мѣстахъ, о вредѣ чрезвычайныхъ полномочій и произволѣ властей вызвали отклики среди большинства Думы.

Бар. Мейендорфъ прямо отвѣтилъ, что эту тему союзъ 17 октября не можетъ обойти молчаніемъ. «Союзу 17 октября кажется, — замѣтилъ онъ далѣе, — что русскій народъ не слишкомъ требователенъ къ администраціи, требуя мало-мальски честнаго и справедливаго къ себѣ отношенія. Простой народъ въ сопряженіи съ властями ощущаетъ постоянно и ежеминутно либо подкушность, либо обращеніе, едва ли совмѣстимое

*) Засѣданіе 29 января 1908 г., рѣчь А. И. Гучкова по поводу закрытыхъ засѣданій комиссіи по оборонѣ.

съ понятіемъ правового порядка». Это даетъ «зародыщи воплѣть законнаго недовольства, воплѣть законнаго протеста».

Еще опредѣленнѣе высказался кн. Голицынъ:

«Существуетъ ли у насъ представительный строй правленія, опирающійся на законъ, или у насъ царствуетъ до сихъ поръ въ полной силѣ произволъ и усмотрѣніе?...» спрашиваетъ онъ и говоритъ, что самый спокойный и безпристрастный анализъ приводитъ его къ грустному выводу. «Развѣ мы видимъ,—говоритъ онъ далѣе,—стройную гармонию управления страной съ единою и сильною властью въ центрѣ, опирающейся на единый законъ и на обновленный строй? Нѣтъ, передъ глазами нашими развертывается цѣлая сѣть отдѣльныхъ сатрапій, не подчиненныхъ ни закону, ни главѣ власти и въ предѣлахъ своей территоріи правящихъ, творящихъ судъ и издающихъ особыя законоположенія, руководствуясь однимъ лишь усмотрѣніемъ». Такъ заговорили было октябристы *).

Даже пылкій гр. В. Бобринскій слегка отдался впечатлѣнію «прекрасной» по его словамъ рѣчи Маклакова, которая «встрѣчалась одобреніемъ на всѣхъ скамьяхъ этой Думы» и въ которой «была представлена картина тѣхъ злоупотребленій, тѣхъ безобразій, которыя, быть можетъ, часто пятнаютъ наше вѣдомство внутреннихъ дѣлъ...»

Обычно молчаливый видный членъ умѣренно-правыхъ, Синадино, весьма подробно остановился на широко развитомъ среди полиціи взяточничествѣ, объясняя его ничтожностью получаемаго содержанія.

Неожиданныя для правительства выступленія октябристовъ вызвали сухую отвѣдь товарища министра внутреннихъ дѣлъ Макарова, послѣ которой неустойчивый и все еще впечатлительный къ окригамъ сверху центръ сразу перемѣнилъ тонъ. Шубинскій и Гололобовъ сдѣлали это, по обыкновенію, въ полномъ противорѣчій съ предыдущими своими товарищами, но зато равновѣсіе было восстановлено.

Впечатлѣніе однако осталось, такъ же какъ осталось сознаніе необходимости измѣнить политику репрессій, вредно отзывающуюся не только на самодѣятельности населенія, но и на *ею хозяйственной выносливости, податной способности*. Эту мысль особенно красиво подчеркнулъ ораторъ к.-д. Пергаментъ:

«Прежде всего позаботьтесь, господа, о томъ, чтобы у васъ не было сожженныхъ деревень, чтобы у васъ не было разоренныхъ городовъ, и тогда, когда вы захотите постучаться къ русскому обывателю за деньгами, которыя, по словамъ предѣдателя совѣта министровъ, называются чеканной свободой, ...бойтесь того, чтобы стукъ не раздался о гробъ, ибо изъ гроба, кромѣ гуляга звука и запаха разложенія, ничего не раздастся вамъ въ отвѣтъ!»

*) С. И. Шидловскій добавилъ къ рѣчамъ Мейендорфа и Голицына прекрасно развитую мысль о постепенной гипертрофіи съ давнихъ поръ въ области внутреннаго управления,—*полицейскаго* взгляда на вещи, полицейскаго характера мѣропріятій подъ влияніемъ завѣдыванія общей полиціей.

Пренія по внутренней политикѣ не закончились какимъ-либо опредѣленнымъ и рѣшительнымъ пожеланіемъ ея измѣненія. Центръ, при двойственности занятой имъ позиціи, не смогъ выставить какой-либо общей формулы; переходы, предложенные фракціями с.-д., трудовиковъ и к.-д., послѣдовательно были отклонены и были приняты лишь детальныя пожеланія бюджетной комиссіи, касающіяся частныхъ вопросовъ смѣты (сокращеніе или упраздненіе совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, реорганизация статистическаго комитета, измѣненіе порядка взиманія сборовъ со скота и пр.). Только лишь въ двухъ пунктахъ эти пожеланія коснулись, хотя и довольно неопредѣленно, болѣе общихъ вопросовъ. Пунктъ 3 говоритъ о необходимости реформы цензурной части и установленіи точныхъ правилъ расходванія отпускаемыхъ на ея содержаніе средствъ, п. 6—о возстановленіи выборныхъ предводителей дворянства въ 9 западныхъ губерніяхъ и т. п.

Если положеніе руководящаго большинства въ вопросахъ внутренней политики и оказалось весьма двусмысленнымъ, если среди него, удрученнаго быстрымъ ростомъ расходовъ на полицію и неэффектностью дѣйствія на мѣстахъ въ «сатрапіяхъ» чрезвычайныхъ положеній, еще пока не смогло образоваться опредѣленнаго настроенія, то все же далеко не было и прежняго задора и прежнихъ протестовъ противъ рѣчей оппозиціи. Многихъ онѣ заставили серьезно задуматься.

Совершенно другое положеніе получилось въ вопросахъ, связанныхъ съ внѣшней политикой и особенно съ обороной государства.

Собственно пренія по смѣтѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, весьма интересныя по своей новизнѣ и кругозору, ими открываемому, могли вестись въ довольно отвлеченной формѣ. Внѣшняя политика, какъ таковая, пока остается далеко внѣ сферы Думской работы и, несмотря на весь ея интересъ и важность для государства, закрыта отъ прямого воздѣйствія Думы.

Оставляя въ сторонѣ содержаніе рѣчей, произнесенныхъ по этому поводу, какъ выходящихъ за рамки настоящаго обзора по своей сущности*), слѣдуетъ отмѣтить, однако, указанія нѣсколькихъ ораторовъ на желательную реорганизацию вѣдомства и расширеніе компетенціи Думы. «Реорганизация всего механизма министерства иностранныхъ дѣлъ, механизма весьма устарѣлаго,—сказалъ М. С. Аджемовъ,—является первымъ и необходимымъ шагомъ; чтобы успѣшной была работа вовнѣ, я думаю, мы должны пожелать, чтобы въ будущемъ мы, какъ представители организованнаго общественнаго мнѣнія, имѣли бы въ области вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, ради успѣха дѣла, голосъ совершенно ясный и повелительный».

Пожеланія бюджетной комиссіи имѣли чисто техническій характеръ

*) Особенно интересенъ былъ отвѣтъ П. Н. Миллюкова на рѣчь г. Извольскаго по поводу положенія дѣлъ на ближнемъ Востоку (4 апрѣля 1908 г.).

считали необходимымъ пересмотръ штатовъ вѣдомства съ тѣмъ, чтобы «расходы по содержанию высшихъ дипломатическихъ должностей были отдѣлены отъ суммъ на представительство» и пр.

Съ наибольшей силой и съ чрезвычайной рельефностью бюджетныя пренія вспыхнули по вопросамъ государственной обороны при обсужденіи смѣты морского и военного министерствъ.

Живое негодованіе и свѣжая боль недавнихъ поражений на Дальнемъ Востоку, мучительное чувство національнаго горя и прошлаго позора, опасенія за боевую готовность Имперіи въ настоящемъ ея состояніи и прежняя инертность, безхозяйственность и дезорганизация вѣдомствъ, вызвали цѣлый рядъ постановленийъ въ бюджетной комиссіи и Государственной Думѣ и привели въ заключеніе къ серьезному конфликту не только Думы съ Государственнымъ Совѣтомъ, но и съ правительствомъ, нарушивъ господствовавшее до того времени дружное согласіе думскаго большинства съ совѣтомъ министровъ.

Сама по себѣ эта тема должна была бы быть очерчена отдѣльно и всесторонне. Она вызвала большой шумъ и обсужденіе въ печати и широкихъ общественныхъ кругахъ, она стала общеизвѣстной и тѣмъ не менѣе ея подробная разработка могла бы быть весьма назидательной.

Здѣсь придется коснуться ея лишь очень коротко, въ связи съ общимъ изложеніемъ вліянія бюджетныхъ преній на оздоровленіе политики Думы 3 іюня.

Тѣ самые люди, которые еще такъ недавно присваивали себѣ монополию дешеваго патріотизма, которые изъ-за партійной нетерпимости или какихъ-то побочныхъ расчетовъ и глумленія надъ численно слабымъ противникомъ, не гнушаясь даже весьма неприглядныхъ средствъ, устранили оппозицію изъ состава комиссіи по государственной оборонѣ, въ дѣлѣ критики и обсужденія расходовъ на оборону стали на точку зрѣнія дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ, требовали уничтоженія безответственности вѣдомствъ и лицъ и, наконецъ, соединенными съ оппозиціей голосами отказали въ кредитахъ на постройку новыхъ броненосцевъ.

Удобная почва патріотизма, понятнаго широкимъ слоямъ народа, сознание общей опасности, отсутствіе призраковъ социально-политическихъ широкихъ реформъ и связанныхъ съ ними неизбежныхъ жертвъ, — сразу измѣнили всю физиономію послушной Думы.

«Если мы считаемъ себя въ правѣ и даже обязанными, — заявляетъ лидеръ этого большинства и докладчикъ бюджетной комиссіи, — обратиться къ народу, къ странѣ и требовать отъ нихъ тяжелыхъ жертвъ на дѣло обороны, то мы *въ правѣ* обратиться и къ тѣмъ немногимъ безответственнымъ лицамъ, отъ которыхъ мы должны потребовать только всего — отказа отъ нѣкоторыхъ земныхъ благъ и нѣкоторыхъ радостей тщеславія, которыя связаны съ тѣми постами, которые они занимаютъ. Этой жертвы мы *въ правѣ* отъ нихъ ждать».

И тонъ заключительной фразы и подчеркнутое нами упоминаніе о

правѣ народныхъ представителей, отпускающихъ народныя деньги, обусловливать ихъ опредѣленными указаніями, далеко уходить отъ обычнаго уровня выступленій думскаго центра.

Пожеланія бюджетной комиссіи по смѣтамъ военнаго министерства обнимаютъ собою цѣлыхъ двѣнадцать пунктовъ и касаются не только тщательной провѣрки требуемыхъ расходовъ «въ мѣрѣ дѣйствительной потребности», но и основъ устройства арміи. Четвертый пунктъ этихъ пожеланій выражаетъ ту же мысль, которая была болѣе рѣзко подчеркнута въ рѣчи А. И. Гучкова. «Признать необходимость, — гласитъ этотъ пунктъ, — *коренной реорганизации высшего управления военнаго вѣдомства на началахъ объединенія и согласованности работъ высшихъ органовъ этого управления, при условіи, чтобы руководителями дѣла государственной обороны являлись лица, по своему положенію дѣйствительно ответственные».*

По морскому бюджету дѣло дошло, какъ уже было сказано, до открытаго разрыва и отказа въ кредитахъ—уже въ самомъ началѣ нашей заимѣтки было упомянуто о заявленіи по этому вопросу крайняго праваго депутата—Маркова 2-го. Въ невозможности давать деньги «Цусимскому» вѣдомству сошлись почти всѣ партіи третьей Думы. Обсужденію самой смѣты непосредственно предшествовалъ характерный запросъ министерству о заказѣ крейсера «Рюрикъ» англійской фирмѣ Виккерса. Докладчикомъ запроса явился умѣренно-правый П. Н. Крупенскій, столь прославившійся и во второй и въ третьей Думѣ частыми и яростными нападками на оппозицію вообще и на кадета въ частности. Первый ораторъ—умѣренно-правый Балашовъ—коротко и сильно восклицаетъ по поводу запроса: «Россия требуетъ именъ виновныхъ и ждетъ отъ вѣдомства правдиваго отвѣта... Пусть дадутъ намъ этотъ отвѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пусть уважатъ на вѣрное средство борьбы со зломъ, или же пусть сознаютъ свое собственное безсиліе и *уступятъ дорогу болѣе сильнымъ...*»

Послѣ страннаго отвѣта товарища министра Бострема о томъ, что лицъ, отдававшихъ заказы Виккерсу, уже нѣтъ и что выдача тайны имѣла мѣсто въ мирное время, Крупенскій отвѣчаетъ:

«Мнѣ кажется, что *ответственно министерство*, а не лица, и намъ оно должно *отвѣчать всегда*, когда бы ни случилось подобное преступленіе, если въ данномъ случаѣ Дума признаетъ это преступленіе».

Какъ не похоже это заявленіе на непрерывныя нападки на партію народной свободы за ея программное требованіе объ ответственномъ министерствѣ, нападки, исходящія изъ того же лагеря, изъ котораго теперъ раздаются эти слова.

Отказъ въ кредитахъ на броненосцы поддерживаетъ тотъ же П. Н. Крупенскій въ очень длинной рѣчи, критикующей морское министерство «Господа, мы должны были сказать всю правду съ этой трибуны, и стѣсняясь, и мы ее сказали, — заканчиваетъ онъ свою рѣчь.—Теперь оче редь за тѣми, которые въ порывѣ патриотизма, должны выше всего по

ставить благо своей родины, и если не могут влить свѣжую струю жизни, *они должны бросить руль*, который они такъ неумѣло направляли, должны уйти безответственные руководители,—это ихъ долгъ передъ Царемъ и родиной». — Отъ этого требованія почти не отличается заявленіе члена партіи народной свободы А. М. Болубакина, который даетъ окончательное разъясненіе отказу въ кредитахъ: «Съ закрытыми глазами, господа, — восклицаетъ онъ, — Государственная Дума никакихъ денегъ давать не станетъ!»

Какъ это ни странно, но чрезвычайно интересно сопоставить здѣсь же эти цитаты съ заключительными словами одного изъ самыхъ неумѣренныхъ представителей крайнихъ правыхъ, одного изъ самыхъ неугомонныхъ крикуновъ и протестантовъ противъ оппозиціи, широко извѣстнаго своимъ «громкимъ» и страннымъ поведеніемъ депутата Пуришкевича.

«Мы, правые, и центръ знаемъ всю силу и всю тяжесть ответственности, которая ляжетъ на насъ сегодня въ предпринимаемомъ рѣшеніи, — выпривкиваетъ онъ. — Мы знаемъ, что голосованіе сегодняшняго дня — есть историческое голосованіе, вписывающее новую страницу въ исторію русскаго морского министерства, въ исторію русскихъ реформъ. Но, зная это, мы съ тѣмъ большимъ правомъ и увѣренностью говоримъ въ данномъ случаѣ твердо и прямо: «нѣтъ», ибо мы дадимъ отвѣтъ не передъ отдѣльными личностями, а передъ страной, господа, передъ Царемъ и передъ Богомъ!»

Отказъ въ кредитахъ былъ мотивированъ думскимъ центромъ требованіемъ коренной реорганизаціи морского министерства и представленіемъ въ Думу программы судостроенія *).

Особенно рѣшительнымъ противникомъ ассигновки выступилъ А. И. Гучковъ, заявившій, что «старый строй погибъ отъ лжи», что ему и его политическимъ друзьямъ «больно, мучительно больно отказывать въ кредитахъ на новое судостроеніе... но дѣло идетъ не только о томъ, чтобы ликвидировать тяжелое наслѣдство старыхъ неурядковъ: намъ нужно ликвидировать еще и болѣе тяжелое наслѣдство въ видѣ прежнихъ людей, прежнихъ дѣятелей».

Характерно, какъ отнеслось къ этимъ преніямъ правительство. Въ Думѣ предсѣдатель совѣта министровъ заявилъ, что онъ вѣритъ, что рѣшеніе, «каково бы оно ни было», будетъ продиктовано велѣніемъ совѣсти и чистымъ патриотизмомъ, и все же настаивалъ на ассигновкѣ. Тѣмъ не менѣе, когда все-таки 11 милліоновъ были вычеркнуты изъ смѣты, въ Государственномъ Совѣтѣ тотъ же предсѣдатель совѣта министровъ уже говорилъ о необходимости оберегать «межевую грань», *кто бы ее ни нарушалъ — свои или чужіе*, о недопустимости какихъ бы то ни было по-

*) Изъ крайнихъ правыхъ только одинъ деп. Вязигинъ протестовалъ противъ правъ Думы вторгаться въ недозволенную область, указывая на будто бы происходящее нарушеніе ст. 14 осн. зак.

полновеній къ установленію парламентаризма и отвѣтственности правительства передъ палатами. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же въ преніяхъ по поводу ассигновки на Амурскую дорогу въ томъ же Совѣтѣ говорилъ о томъ, что отказъ въ кредитахъ со стороны Государственнаго Совѣта правительствомъ будетъ сочтенъ, какъ «явный вотумъ *недовѣрія*».

Отказа, какъ извѣстно, въ верхней палатѣ не послѣдовало ни на Амурскую дорогу, ни на броненосцы, но тѣмъ интереснѣе картина дебатовъ въ Думѣ и мотивы «недовѣрія» къ морскому вѣдомству. Различны лица, положенія, быть можетъ, различны ихъ внутреннія побужденія, которыя должны оставаться въ сторонѣ, но все же какъ много общаго въ этихъ преніяхъ съ тѣми, кто въ «гибной» первой Думѣ, Думѣ столь ненавистой современному политическому большинству 3-го іюня,—кричали лишенному довѣрія правительству: «Въ отставку! въ отставку!»

Измѣнилось время, передвинулась сцена дѣйствія и главные исполнители, смѣгнулся языкъ, быть можетъ, пережѣнились и ближайшія руководящія причины и масштабъ требованій, но стремленіе добиться отвѣтственности исполнителей попрежнему само собою выдвигается на сцену подъ давленіемъ требованій самой жизни.

Всего сдержаннѣе критика управленія проявилась въ Думѣ въ области *министерства финансовъ*. Съ одной стороны сложность финансовыхъ проблемъ, недостаточное знакомство съ ними громаднаго большинства членовъ Думы, а съ другой—сравнительно выгодно отличающаяся отъ другихъ вѣдомствъ техническая постановка органовъ финансоваго управленія сдѣлали бюджетныя пренія по смѣтамъ министерства финансовъ особенно краткими, почти замкнутыми въ чисто техническія подробности. Главныя дебаты произошли по всей росписи 1908 года, когда обсужденіе финансовой политики правительства въ ея цѣломъ особенно удобно, и къ ихъ содержанію мы перейдемъ впоследствии, выдѣливъ ихъ, въ силу ихъ спеціального интереса, совершенно особо. Хотя по смѣтамъ министерства финансовъ бюджетная коммиссія и высказала цѣлый рядъ пожеланій (ихъ свыше 25), но изъ нихъ имѣющихъ принципиальный характеръ немного. По департаменту государственнаго казначейства было указано на необходимость пересмотра, въ видахъ реорганизациі дѣла, устава о пенсіяхъ, порядка и системы назначенія наградъ и пособій, правилъ о пособіяхъ чиновникамъ, командируемымъ по дѣламъ службы. По департаменту неогладныхъ сборовъ отмѣчена необходимость пересмотра законоположеній, устанавливающихъ выдачи премій, въ видахъ содѣйствія частной спиртовой промышленности, выработки мѣръ, направленныхъ къ пониженію цѣны сахара, выработкѣ правилъ въ отношеніи нефтяного производства, которыя обезпечили бы правильное развитіе этой отрасли промышленности; по особенной канцеляріи по кредитной части объ установленіи правилъ производства государственнымъ контролеромъ ревизіи отчета по операціямъ ея иностраннаго отдѣленія и т. д. Остальныя пожеланія касаются пересмотра старыхъ штатовъ цѣлаго ряда учреждений (кредитной канцеляріи, совѣта

министра, таможенного департамента, комиссія погашенія государственныхъ долговъ и проч.).

Пренія по отдѣльнымъ смѣтамъ министерства въ Думѣ почти совсѣмъ обошли основныя вопросы косвеннаго и прямого обложенія, таможенной политики, денежнаго обращенія и государственнаго кредита.

Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что нѣкоторыя спеціальныя ассигновки по государственному казначейству (весьма странныя по своему назначенію возвратъ пошлинъ греческому королевству за корингу, пособія выходцу съ острова Брита Хаджи-Михали, афганскому выходцу Исхакъ-Хану, принцессѣ Мюратъ и проч., и проч.) вызвали рядъ заявленій въ Думѣ. Ассигновки, конечно, соответствовали легальнымъ титуламъ, но являлись любопытными образчиками тѣхъ непривосновенныхъ расходовъ, которые защищены отъ Думы правилами 8 марта. Докладчикъ бюджетной комиссіи октябристъ Еропкинъ нарисовалъ весьма отчетливо картину этихъ расходовъ. «Передъ нами любопытныя страницы русскаго расходнаго бюджета 106 милл. руб. смѣты департамента государственнаго казначейства, исполняющаго функціи приказа общественнаго призрѣнія,—сказалъ онъ;—передъ нами промелькнула цѣлая вереница давно знакомыхъ фигуръ государственныхъ пенсіонеровъ: отставной генералъ съ тысячнымъ окладомъ пенсіи и сморщенная старуха со своими жалкими пенсіонными грошами; калѣка воинъ, приковылявшій въ казначейство за 3 р. пособія, и лицеистъ, прикатившій на лихачѣ, внезапно вспомнившій о своемъ содержаніи, нужномъ ему развѣ лишь на перчатки; почетные опекуны, получающіе казенное содержаніе... За этимъ рядомъ фигуръ, давно знакомыхъ, постепенно вырисовываются въ смѣтахъ сначала контуры, а затѣмъ и болѣе точныя очертанія пенсіонеровъ исключительныхъ: отренившихся отъ правъ кавказскихъ князей и принцессъ, критскихъ и афганскихъ выходцевъ, потомственныхъ гофмейстеровъ и генераловъ съ ихъ недвижимыми имуществами, которыя они не въ состояніи сами содержать и оплата которыхъ возлагается на народныя средства, и ряды этихъ пенсіонеровъ все увеличиваются...» «Если Думѣ удастся,—продолжалъ онъ,—сократить штаты дореформенныхъ архаическихъ учрежденій, если она найдетъ возможнымъ избавить народныя средства отъ затратъ непроеводительныхъ, удовлетворяющихъ интересы отдѣльныхъ лицъ, безъ всякаго къ тому основанія, то она лишь выполнитъ свой долгъ предъ плательщиками государственнаго налога».

Стремленіе это неизбѣжно разбивалось однако о броню 9 статьи и оратору оппозиціи оставалось только подчеркнуть, насколько были правы лица, требующія отмѣны правилъ 8 марта, требующія возможности «входить въ существо вопроса, а не на формальной почвѣ и формальныхъ титулахъ оправдывать всевозможныя архаическія назначенія».

Пренія по департаменту неокладныхъ сборовъ коснулись почти исключительно вопроса о винной монополіи. Ея роль въ обложеніи и борьба съ цѣпанствомъ составляютъ предметъ изученія особой думскою комиссіи. Кам-

панія, начатая фанатическимъ противникомъ алкоголя Чельшевымъ, пока не дала практическихъ результатовъ, наталкиваясь на непреодолимую фискальную сторону вопроса. Тѣмъ не менѣе горячая, хотя и бесплодная критика «пьяныхъ» доходовъ раздавалась въ Думѣ по каждому удобному случаю. Нѣсколько подробнѣе ея придется коснуться въ изложеніи общихъ преній по росписи. Въ данномъ случаѣ необходимо отмѣтить лишь то, что по предложенію епископа Митрофана была принята Думой такая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ: «Становясь на путь борьбы съ пьянствомъ, Государственная Дума не можетъ поощрительно относиться къ мѣрамъ, направленнымъ къ расширенію водочнаго производства».

О хозяйственной сторонѣ вопроса придется говорить ниже.

А. Шингаревъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Крестьяне въ земствѣ.

(Нѣкоторые итоги и перспективы.)

Земство, бывшее недавно въ первыхъ рядахъ общественнаго движенія, плетется теперь въ хвостѣ реакціи, выживая кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ ка-детовъ и не всегда жалуя даже октябристовъ. А между тѣмъ земство казалось многимъ наиболѣе спокойной и широкой, хотя и длинноватой дорогой ко всевозможнымъ благамъ общегитія, въ томъ числѣ и къ укрѣпленію основъ парламентарнаго строя. Въ законопроектахъ к. д. партіи и даже въ первоначальныхъ законопроектахъ правительства мелькнула было надежда на то, что долгожданная демократическими земствами, еще съ конца 70-хъ годовъ, мелкая земская единица получитъ, наконецъ, осуществленіе; но не успѣли пѣтухи объединеннаго дворянства и дважды пропѣть свою пѣсню о гибельности мелкой земской единицы для всей земской культуры, какъ малодушный «апостолъ Петръ» трижды уже отрекся отъ своихъ законопроектовъ, и келейныя засѣданія второго дворянскаго съѣзда и совѣщанія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, на которыя никто изъ пасомыхъ овецъ и не былъ приглашенъ, очевидно, имѣли цѣлью прилично «смазать» эти законопроекты, если не окончательно, то до возможнаго минимума. Октябристы своимъ проектомъ земскаго избирательнаго закона, удерживающимъ и обособленіе крестьянства, и преобладаніе крупныхъ владѣльцевъ, пошли навстрѣчу реакціи и показали, что они еще политически младенчаютъ и тянутся въ хвостѣ бюрократически-дворянскаго теченія. Да откуда могла и свалиться къ намъ мелкая земская единица? Если бы она внезапно осуществилась, это было бы чистымъ и неожиданнымъ подаркомъ судьбы, но мы знаемъ, что судьба очень скаредна и у нея не только подарки, но и законнѣйшія права можно вырвать только цѣною крупныхъ жертвъ. Очевидно и для полученія мелкой земской единицы еще недостаточно принесенныхъ жертвъ, надо опять припоминать законы «реальнаго соотношенія борющихся общественныхъ силъ». Тѣ требованія, справедливость которыхъ казалась уже общепризнанной, очевидно, приходится ставить съ самаго начала. О силѣ ожидаемаго сопротивленія можно судить не только по рѣчамъ Марковыхъ 2-хъ о томъ, что усиленіе крестьянскаго

элемента въ земствѣ грозить гибелью всей земской культурѣ, но еще и потому, что не крайніе правые уже, а и оглябристы также не могутъ говорить иначе, какъ съ трепетомъ ненависти, о возможности широкаго наводненія земства такъ называемымъ «третьимъ земскимъ элементомъ»: врачами, статистиками, агрономами, учителями и пр.

На чемъ же, однако, могутъ основывать свои шансы демократическіе элементы земства? Прежде всего, конечно, на объективномъ ходѣ вещей, а затѣмъ и на собственныхъ сознательныхъ усиліяхъ. И мы видимъ, что силою вещей крестьянство все болѣе выдвигается на видное мѣсто въ земствѣ и начинаетъ уже оказывать вліяніе на земскія дѣла въ лицѣ уполномочиваемой имъ для этого своей, крестьянской и разночинной, интеллигенціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо всмотрѣться въ жизнь современнаго земства, представляющую на первый взглядъ полный разбродъ и путаницу.

Въ числѣ объективныхъ факторовъ, напирających на современное земство и требующихъ его демократизации, мы должны отмѣтить, во-первыхъ, обнищаніе населенія, постоянныя голодовки, требующія отъ государства громаднхъ средствъ и вызывающія необходимость пробужденія въ населеніи большей самодѣятельности, предпримчивости, а слѣдовательно и расширенія правъ населенія. Во-вторыхъ, оскудѣніе господствующаго земскаго сословія—дворянъ: еще Плева проектировалъ значительное пониженіе земскаго земельного ценза въ виду сильнаго дробленія дворянскихъ имѣній, а съ того времени, послѣ достопамятнаго 1905 г., ликвидация дворянскаго землевладѣнія сильно двинулась впередъ и цѣлые милліоны десятинъ торопливо спущены при любезномъ содѣйствіи крестьянскаго банка. Недаромъ на послѣднемъ земскомъ собраніи александрійскіе дворяне вздыхали: «Единственный культурный элементъ деревни—это помѣщики, а такъ какъ они теперь улетучиваются изъ деревень, то не будетъ людей для мелкой земской единицы»... Сужденіе—оригинальное, слѣдуя которому можно думать, что человѣчество никогда не должно узрѣть земской единицы, такъ какъ дворянство все болѣе исчезаетъ, но все же довольно характерное и вскрывающее одну изъ дѣйствительно слабыхъ сторонъ дворянства, какъ политической силы. Въ не менѣе жалостномъ тонѣ повѣствоваль и знаменитый Гурко на второмъ дворянскомъ съѣздѣ. Убыль крупнаго землевладѣнія за послѣдніе смутные годы онъ опредѣлялъ въ 9 мил. десятинъ, что, по его словамъ, составляетъ приблизительно одну треть всего крупнаго землевладѣнія.—«Осуществимъ ли,—вопросалъ онъ горестно,—проектъ мѣстной реформы при такой громадной потерѣ и уходѣ культурныхъ силъ съ мѣстъ. Кто будетъ осуществлять реформы, разъ г наблюдаемъ такой массовый уходъ тѣхъ, кто игралъ крупнѣйшую роль созданіи формъ помѣстнаго быта. Дворянство лишается той роли, которую оно могло бы играть въ мѣстномъ самоуправленіи. Положеніе непереносимое, ужасное!»... А потому—не надо никакой реформы! Не правда. очень логичный выводъ?

Послѣдніе министерскіе законопроектъ, разсматривавшіеся въ «пр

думи» (такъ называлъ г. Столыпинъ особое совѣщаніе земцевъ и чиновниковъ при главномъ управленіи по дѣламъ земскаго хозяйства), понижали земельный земскій цензъ только вдвое, но надо думать, что если не представители губернскихъ земствъ въ совѣщаніи при министерствѣ, то октябристы въ Думѣ будутъ догадливѣе и понизятъ этотъ цензъ значительно больше, а не догадаются—тѣмъ хуже будетъ для нихъ же: въ погонѣ за двумя зайцами они, пожалуй, не удержатъ ни одного. Ихъ положеніе похоже на положеніе путника при двухъ дорогахъ: поѣдешь направо—не хватитъ ценза, двинешься влѣво—растворишься въ группѣ хозяйственныхъ мужичковъ, а ѣхать прямо—къ указанному к.-д. всеобщему избирательному праву—грѣхи не пускаютъ.

Третьимъ объективнымъ факторомъ, неуклонно ведущимъ къ расширенію самодѣятельности земскихъ низовъ, представляется намъ то печальное состояніе, въ которомъ находятся обѣ, насильственно оторванныя одна отъ другой, области мѣстнаго самоуправленія—самоуправленіе спеціально крестьянское и общее земское. Въ сущности они должны быть слиты, такъ какъ и крестьянское и земское самоуправленіе обнимаютъ приблизительно одни и тѣ же интересы мѣстнаго населенія, несутъ приблизительно однѣ и тѣ же повинности въ цѣляхъ мѣстной и центральной администраціи. Ихъ искусственное разъединеніе при выработкѣ крестьянскаго и земскаго положеній въ началѣ 60-хъ годовъ объясняется опасеніями творцовъ этихъ положеній, что, слившись въ общей массѣ, непривыкшіе къ самостоятельности крестьяне подпадутъ подъ своекорыстное вліяніе своихъ бывшихъ крѣпостныхъ господъ. Опасеніе великодушное,—что и говорить; только въ дѣйствительности оказалось, что рабство помѣщичье замѣнилось рабствомъ чиновничьимъ, и что чины министерства внутреннихъ дѣлъ совершенно съѣли крестьянское самоуправленіе, не допустивъ до этого лакомаго блюда или, правильнѣе сказать, до этого политическаго преимущества помѣстное дворянство, которому, въ видѣ реванша, предоставлено было господствовать въ земствѣ, т.-е. на верхахъ уѣздной и губернской жизни. Подѣлили между собою, какъ въ извѣстной сказкѣ, корешки и вершки. Конечно, «благожелательная» бюрократія не сдѣлала это просто и грубо: она лишь въ видѣ «временныхъ правилъ» ввела положеніе о сельскомъ самоуправленіи, суть котораго заключалась въ круговой поруцѣ, какъ гарантіи для исправнаго взноса податей, обѣщая въ самомъ скоромъ времени дать настоящее самоуправленіе—нѣчто вродѣ мелкой земской единицы; на-подобіе всякихъ иныхъ временныхъ правилъ, и эти временныя правила пережили рядъ десятилѣтій, а о мелкой единицѣ бюрократія не удосужилась вспомнить вплоть до нашихъ дней.

Возможно, что здѣсь вполне сознательно проведенъ былъ приемъ *divide et impera*. Подавленное мелкими уѣздными, участковыми, становыми и волостными властями, крестьянское самоуправленіе, понятно, не могло правильно развиваться, а гг. дворяне теперь за это же и обрушиваются на

крестьянъ съ высоты величія своей особой «культурности». На създѣ объединенныхъ дворянъ г. Марковъ заявлялъ: «При всеобщемъ избираемомъ правѣ, которое равносильно передачѣ земства въ руки крестьянъ, произойдетъ бѣдствіе, равное нашествію варваровъ... Передать земство крестьянамъ нельзя, такъ какъ они, *даже при земскихъ начальникахъ* (особенно хорошо это «даже!»), проявили полную неумѣлость въ своемъ волостномъ хозяйствѣ»... Дальше въ той же рѣчи видна и подкладва неудовольствія г. Маркова противъ крестьянъ: они, видите ли, вѣроятно, въ отличіе отъ другихъ благородныхъ сословій, — склонны преслѣдовать свои узко-классовые, эгоистическіе интересы, что они доказали въ обѣихъ Государственныхъ Думахъ, стремясь захватить всѣ земли; напротивъ, отношеніе дворянства къ земскому дѣлу было всегда высоко-нравственно и безкорыстно»... Мы уже знаемъ, какъ пишутъ исторію гг. Марковы; это тотъ самый г. Марковъ, который сочинилъ англійскую исторію на тему: «Чѣмъ больше конституція, тѣмъ меньше земли для крестьянъ». Но прежде чѣмъ разбираться въ вопросѣ о настоящей и возможной роли крестьянъ въ земствѣ, что и должно составить главный предметъ нашей статьи, мы все же нѣсколько остановимся на объективныхъ данныхъ, требующихъ обновленія мѣстной общественной жизни.

Мы уже упоминали объ искусственномъ выдѣленіи крестьянскаго самоуправления изъ общеземскаго еще съ начала существованія земскихъ учрежденій. Это выдѣленіе ударило «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Всѣ ходы интеллигента къ мужику до сихъ поръ наглухо закупорены; земство сближалось съ народомъ только при помощи третьяго элемента и, конечно, этого было недостаточно для подъема общаго уровня крестьянскаго самоуправления, находившагося подъ своимъ специальнымъ, фактически безконтрольнымъ и не подлежащимъ обжалованію административнымъ гнетомъ. Въ результатѣ: крестьянскія дѣла шли совсѣмъ плохо, а земскія хотя и лучше, но за то гдѣ-то въ безвоздушномъ пространствѣ, чуть ли не на лунѣ, какъ должно было назаться крестьянству, которому систематически не давали сдѣлаться почвою, основой земской организаціи.

Немногія цифры, касающіяся мірскихъ расходовъ, покажутъ съ достаточной наглядностью общее неприглядное состояніе крестьянскаго самоуправления и тѣ ясные выводы, которые сами собою напрашиваются изъ него. Прежде всего отмѣтимъ, что по абсолютнымъ размѣрамъ своимъ бюджетъ крестьянскаго самоуправления является величиною нешуточною (цифры беремъ изъ *Пермской Земской Недѣли* и *Нижегородской Земской Газеты*). Такъ,

въ 1892 г. общая сумма мірскихъ расходовъ составила .	54.402,048 р.
» 1893 » » » » »	. 57.942,361 »
» 1894 » » » » »	. 61.614,529 »

это составляетъ ежегодный приростъ въ $3\frac{1}{2}$ милл. руб., или свыше 5^с бюджета.

Взыскиваются эти суммы крайне неравномерно, что свидѣтельствуетъ о сильномъ элементѣ случайности въ организаціи крестьянскаго общественнаго хозяйства. Цифры для нѣсколькихъ губерній таковы:

въ 1894 г. упало мірскаго обложенія по губерніямъ:

	На дворъ.	На десятину.	На душу муж. пола.
Астраханской	12 р. 17 к.	23 к.	4 р. 06 к.
Таврической	18 » 28 »	99 »	5 » 22 »
Вятской	1 » 84 »	10 »	— » 59 »
Рязанской	6 » 40 »	77 »	1 » 91 »
Новгородской	3 » 67 »	28 »	1 » 40 »

Не менѣе сомнительное впечатлѣніе получаемъ и при взглядѣ на способъ расходованія мірскихъ сборовъ. Въ томъ же 1894 г. общая сумма сборовъ израсходована такъ:

1) На содержаніе волости и сел. управленія 20 милл., или 32%	}	69%	
2) Пути сообщенія			6 » » 10 »
3) Охрана безопасности и пожарная часть			4 » » 6 »
4) Религіозныя потребности			5 » » 9 »
5) Народное образованіе			5 » » 9 »
6) Благотворительная и врачебная часть			1½ » » 3 »
7) Хлѣбозапасныя магазины	1½ » » 3 »	}	31%
8) Уплата долговъ	1 » » 2 »		
9) Сельско-хозяйств. расходы	13 » » 21 »		
10) Разныя расходы	3 » » 5 »		

Уже первая статья расхода показываетъ всю ненормальность организаціи крестьянскаго самоуправленія хотя бы по сравненію съ земскимъ: въ то время, какъ въ земствахъ расходы по управленію составляютъ всего не болѣе 8—10% всей суммы бюджета, волостные заправилы успѣваютъ затратить на свое содержаніе втрое или вчетверо больше—около 32%. Не менѣе характерно и распредѣленіе всѣхъ расходовъ на двѣ большія группы: къ первой отнесены первыя шесть статей расходовъ, относящихся въ сущности къ потребностямъ всего населенія волости (а не только крестьянскаго) и къ удовлетворенію требованій общей администраціи и полиціи,— всѣ такіе расходы вмѣстѣ составляютъ около 69% бюджета; вторая группа расходовъ, въ суммѣ 31%, относится цѣликомъ къ удовлетворенію только мѣстныхъ крестьянскихъ нуждъ. Итакъ, говоря въ общемъ, двѣ трети своихъ денегъ крестьяне расходуютъ на нужды, общія у нихъ со всѣми другими жителями волости и съ органами правительственной власти,— сборы же всѣ собираются съ однихъ только крестьянъ. Кромѣ того, крестьяне несутъ еще много натуральныхъ повинностей (содержаніе дорогъ, поставка лошадей для проѣзжающихъ чиновниковъ и т. п.), благами которыхъ опять-таки пользуются не они одни. Спрашивается, какой же еще нуженъ болѣе объективный и всѣскій аргументъ въ пользу учрежденія безсословной мелкой земской единицы? Необходимость привлеченія къ

крестьянскому самоуправленію какъ матеріальныхъ средствъ, такъ и лич- ныхъ силъ всего вкрапленнаго въ крестьянскую территорию населенія оче- видны сами собой; другими словами—необходимо и болѣе рѣшительное вовлеченіе крестьянства въ окружающую его общую жизнь. Никакими земско-начальническими попеченіями замѣнить этого естественнаго процесса нельзя.

Столь же доказательную объективную картину видимъ мы и на дру- гомъ флангѣ земской жизни—въ финансовомъ и моральномъ разложеніи одряхлѣвшаго дворянскаго земства. Давно вошла въ пословицу нелюбовь дворянства ко всякому утружденію дворянскихъ головъ, и на этой исто- рической традиціи русскаго дворянства было основано выдающееся влияніе на земскія дѣла разночиннаго третьяго земскаго элемента. Крупныя аграр- ныя потрясенія 1905 г. взвинтили крупное дворянство, вытащили его изъ родовыхъ Монрепо и изъ столицъ на земскія собранія, и такъ какъ па- ника и ненависть являются плохими совѣтниками, то, въ результатъ появ- ленія на земской аренѣ запуганнаго и разгнѣваннаго дворянства, въ зем- ствѣ воцарилась невообразимая сумятица. Начали рушиться всѣ земскіе устои, сокращаться всякая культурная дѣятельность. Не крестьяне оказа- лись тѣми варварами и вандалами, которые грозили уничтожить всю куль- турную работу прежняго земства; ими оказались именно гг. Марковы, Дор- реры и имъ подобные радѣтели земской культуры. Связь между населе- ніемъ и земскими органами, которая, благодаря искусственному разъеди- ненію интеллигента отъ мужика, и раньше ощущалась довольно слабо, въ послѣднее время стала переходить въ открытый антагонизмъ. Въ нѣкото- рыхъ мѣстахъ, напр., въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., населе- ніе совершенно сознательно стало уклоняться отъ внесенія земскихъ сбо- ровъ. И вотъ послѣдніе годы, 1906 и 1907 гг., ознаменовались небыва- лымъ оскудѣніемъ земскихъ кассъ. Этимъ способомъ населеніе какъ бы лишало кредита потерявшее его симпатіи земство. Такое отчужденіе насе- ленія отъ земства, повторяемъ, имѣло причину не только въ поведеніи дворянъ-земцевъ самаго послѣдняго времени; оно коренилось во всемъ съ самаго начала искаженномъ строѣ крестьянскаго и земскаго самоуправле- нія. Но оно особенно рѣзко сказалось именно въ эти дни общаго подъема, когда всколыхнулись и выплыли изъ-подъ слуда накопившіяся десятилѣ- тіями настроенія. Не безъ понятнаго волненія и тревоги увидѣло земство открывшееся подъ его ногами пустое мѣсто вмѣсто той почвы, на которую оно хотѣло опираться. Прогрессивные элементы убѣдились въ этомъ съ прискорбіемъ и стали послѣшно принимать мѣры для сближенія съ насе- леніемъ путемъ привлеченія представителей отъ крестьянства къ участи въ работѣ земскихъ исполнительныхъ и совѣщательныхъ органовъ; реа- ционеры увидѣли свою беспочвенность со скрежетомъ зубовнымъ и ста- искать опоры въ земскихъ стражникахъ, выписныхъ чеченцахъ и т. мѣрахъ. Но и тѣ и другіе одинаково чувствуютъ или должны вскорѣ по- чувствовать, что оградиться витайскою стѣною отъ населенія, замкнуть

въ земско-канцелярскомъ бюрократизмѣ дальше дѣлается невозможно; что для правильнаго функционированія земскихъ учреждений необходимы если не симпатіи населенія, то, по крайней мѣрѣ, пониманіе имъ земской дѣятельности, близкое знакомство и непосредственное участіе въ ней. Вотъ эта необходимость и есть тотъ третій объективный факторъ, который даже противъ воли современныхъ земцевъ работаетъ для демократизаціи земства.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько иллюстрацій изъ жизни современнаго земства. На фактахъ мы увидимъ, какъ и почему нарастаетъ антагонизмъ между крестьянствомъ и земствомъ и къ какимъ результатамъ приводитъ.

Въ 1906 и 1907 гг. всѣ газеты облетѣло извѣстіе, что состояніе земскихъ кассъ въ Харьковской, Вятской, Новгородской, Петербургской и другихъ губерніяхъ мѣстами прямо критическое; при этомъ, какъ водится, прежде всего пострадали народные учителя и учительницы, которымъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ не выдавалось жалованья, но затѣмъ оскуднѣніе коснулось и другихъ, болѣе вліятельныхъ земскихъ элементовъ—и земства возопило. Приведемъ нѣсколько болѣе характерныхъ примѣровъ. Въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, крестьяне сознательно уклонились отъ платежей. Мѣстная газета *Десна* (она же впоследствии *Утренняя Заря*, смѣнившаяся теперь *Ночью Небѣтій* благодаря черниговскому губернатору Родіонову) пыталась разбить враждебное земству настроеніе крестьянъ указаніемъ на то, что земство должно быть для крестьянъ своимъ, кровнымъ дѣломъ, а ничуть не врагомъ. По цензурнымъ и полицейскимъ условіямъ (номера газеты систематически конфисковались приблизительно черезъ день, хотя затѣмъ судъ снималъ малозначительныя полицейскія аресты), *Десна* не удалось сколько-нибудь широко использовать эту тему и поговорить съ населеніемъ начистоту. Къ этому же времени распущена была первая Дума, и на земскихъ собраніяхъ, въ группѣ крестьянъ, слышались уже другіе разговоры. Моментъ былъ глубоко драматическій, нервный. Въ это самое время министерство распуска выдвинуло вопросъ о землеустроительныхъ коммиссіяхъ—въ видѣ громоотвода; земствамъ предписано было избрать членовъ въ эти коммиссіи. И вотъ на одномъ изъ земскихъ собраній можно было видѣть, какъ старый земець-демократъ, всю жизнь отстаивавшій права земства, говорилъ въ толпѣ крестьянъ, явившихся на земское собраніе частью въ роли гласныхъ, а частью въ роли публики, и говорилъ на тему о томъ, что никакихъ землеустроительныхъ коммиссій помимо Думы не должно быть, что если земство станетъ выбирать членовъ въ эти коммиссіи, то съ нимъ нельзя имѣть ничего общаго, что нынѣшняя земская механика—это все та же чиновничья «Подереча» (грабительство)... И крестьяне энергично кивали головами въ знакъ одобренія, и выборы, нѣсколько разъ сряду назначаемые, не могли состояться. Странныя создавались положенія, странно мѣнялось въ умахъ интеллигенціи отношеніе къ земству,—но только интеллигенціи, крестьяне же

только, как губка, впитывали въ себя тѣ волны недовѣрія и подозрительности ко всему панскому, которыя и раньше были для нихъ привычнымъ настроеніемъ души, а теперь только еще усиливались, благодаря авторитетности лицъ, укрѣпившихъ въ нихъ такія настроенія. Настроенія, конечно, такъ и остались пока настроеніями, а послѣдовавшія осенью карательныя экспедиціи для взысканія податей обошлись и безъ сочувствія населенія. Выиграло ли, однако, земство во всей этой исторіи? Надо думать, что такого рода незримыхъ земскихъ трагедій, прошедшихъ подъ сурдинку, разыгралось немало на пространствѣ земской Россіи. Въ теперешней земской жизни приходится считаться съ отголосками тѣхъ дней.

Переживаемое земствомъ смутное время дало намъ и другія картины судорожнаго метанья въ попыткахъ отыскать сносный *modus vivendi*. Таковъ эпизодъ, разыгравшійся въ череповецкомъ земствѣ, Новгородской губерніи. Здѣсь старый земскій дѣятель г. Румянцевъ, при гр. Д. А. Толстомъ административно сосланный за «вредную земскую дѣятельность» (при чемъ и самое череповецкое земство было временно закрыто), настоялъ на томъ, что череповецкое земство рѣшило всѣ свои 145 земскихъ школъ съ 1 января 1907 г. передать въ завѣдываніе сельскимъ и волостнымъ обществамъ, давая въ ихъ распоряженіе 75% дѣйствительной стоимости содержанія школъ. Когда со всѣхъ сторонъ поднялись протесты, — протестовали учителя, протестовала дирекція, наконецъ, запротестовалъ и губернаторъ, — г. Румянцевъ въ губернскомъ собраніи объяснялъ такъ мотивы постановленія череповецкаго земства: вездѣ по губерніи рѣзко отмѣчается неплатежъ земскихъ сборовъ (Новгородская губернія одна изъ самыхъ неблагополучныхъ въ этомъ отношеніи), въ томъ числѣ и въ Череповецкомъ уѣздѣ, и въ этомъ явленіи земство видѣло прежде всего «скрытое недовѣріе къ сословному земству, въ которомъ такъ мало мѣста отведено крестьянству»; путемъ передачи школъ имѣлось въ виду «приблизить крестьянство къ мѣстному самоуправленію, снять съ него хоть частичку той опеки, которой оно опутано». Такимъ образомъ почтенный Румянцевъ хотѣлъ, такъ сказать, «явочнымъ порядкомъ» осуществить новое крестьянское земство, упустивъ изъ виду, что не вливаютъ вино новое въ старые волостные мѣхи, и что крахомъ школьному дѣлу грозила передача такихъ сложныхъ обязанностей въ руки совершенно неподготовленныхъ крестьянскихъ учреждений прямо, безъ всякаго промежуточнаго періода подготовки. Съ этой точки зрѣнія, повидимому, взглянули на дѣло и тѣ 11 гласныхъ крестьянъ череповецкаго земства, которые оказались въ меньшинствѣ, когда баллотировкою рѣшена была передача школъ. Въ губернскомъ собраніи указывали г. Румянцеву его ошибку: почему онъ предварительно не опросилъ населеніе о согласіи и готовности принять школы. Повидимому въ собраніи было достаточно элементовъ, которые были бы непрочь свалить со своихъ плечъ на крестьянскія содержаніе школъ, и это оказалось невозможнымъ, и губернское собраніе согласилось съ протестомъ губернатора. Въ этомъ эпизодѣ мы должны отмѣтить, что сам

дворянское земство начинаетъ уже нащупывать почву въ направленіи передачи части своихъ функций, становящихся непосильными, новымъ элементомъ—крестьянству. Что здѣсь играетъ роль не столько великодушное стремленіе земства подѣлиться своими правами съ «меньшимъ братомъ», сколько простая усталость, видно изъ преній, происходившихъ недавно въ нижегородскомъ собраніи по поводу доклада губернской управы объ агрономической организаціи въ губерніи. Управа сообщала, что дѣятельность агрономовъ пользуется въ населеніи большимъ сочувствіемъ и вниманіемъ, что число мелкихъ сельскохозяйственныхъ обществъ и кредитныхъ учрежденій быстро растетъ, и затѣмъ высказала слѣдующее замѣчаніе: «При такомъ благоприятномъ отношеніи населенія къ агрономическимъ учрежденіямъ приходится съ глубокимъ сожалѣніемъ констатировать фактъ проявившейся со стороны земства несостоятельности въ дѣлѣ удовлетворенія культурныхъ запросовъ населенія. И причины этой несостоятельности не въ одномъ только финансовомъ кризисѣ—явленіи временномъ, переходящемъ,—но и въ новыхъ вѣяніяхъ и настроеніяхъ среди нѣкоторыхъ группъ земскихъ дѣятелей, стремящихся къ ограниченію до минимума и даже къ уничтоженію организованной агрономической помощи населенію» (такъ, уѣздныя земства княгининское, сергачское, семеновское и горбатовское уничтожили ассигновки на приглашеніе агрономовъ). Губернское собраніе, въ свою очередь, разобидѣлось на губернскую управу за «полемическій тонъ» противъ уѣздныхъ земствъ и само поставило вопросъ о своемъ дальнѣйшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ; избрана коммиссія, составъ которой не общаетъ ничего хорошаго.

Это стремленіе, чтобы поменьше было хлопотъ, давно отмѣчается въ дворянскихъ земствахъ; «сократительная» политика «зубровъ» отмѣчается въ земствахъ не со вчерашняго дня. Въ уѣздныхъ земствахъ по отношенію къ народному образованію эта политика часто драпировалась въ благородную заботу о поощреніи крестьянской самодѣятельности: «возложить на сельскія общества все заботы о школьномъ зданіи, о внѣшнемъ благоустройствѣ школы, объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ,—пусть пріучаются къ самодѣятельности; потратятся, такъ больше сами дорожить станутъ!» Таковы привычные разговоры въ уѣздныхъ собраніяхъ, и хотя ближайшіе результаты такихъ разговоровъ отражаются плохо на школьномъ дѣлѣ, однако, въ конечномъ результатѣ, это, пожалуй, вовсе не такъ плохо: и на самомъ дѣлѣ центръ тяжести земскаго дѣла можетъ перемѣститься изъ земскихъ собраній въ крестьянство. Только бы поскорѣе выработаны были для этого вполне опредѣленные, законенныя формы,—конечно, та же долгожданная мелкая земская единица!

Мы не думаемъ, чтобы указанное нами для примѣра земство являлось какимъ-либо исключеніемъ изъ ряда другихъ; въ смыслѣ внутренней земской политики оно не лучше и не хуже другихъ, извѣстныхъ каждому изъ насъ по личному опыту.

Какъ на одну изъ главныхъ причинъ недоверія къ земству указы-

вають на неуравнительность земскаго обложенія. Это всеобщее явленіе, которое мы должны обобщить чуть ли не на всю земскую Россію. Въ этомъ пунктѣ своя дворянская рука была вездѣ владыкою и спуску не давала. Здѣсь умѣстно будетъ сослаться на статью І. Дроздова: «Какъ современное земство облагаетъ мѣстное населеніе?» напечатанную въ *Русской Мысли* (1907 г., мартъ) и затѣмъ вышедшую отдѣльной брошюрой.

Приведемъ изъ другого источника только одинъ примѣръ для иллюстраціи этого явленія. Въ с. Двоенки, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, на сходѣ прочитана была бумага о возможности закрытія школъ и больницъ по случаю недоимокъ. Постановили, что недоимки надо платить, причеиъ выражено желаніе, чтобы состоятельные уплатили все, полусостоятельные огладъ 1906 г., а для бѣднѣйшихъ просить отсрочки. Въ числѣ состоятельныхъ оказались:

	На десятинахъ.	Недоимки.
П. П. Дурново	21,041	11,882 р.
Гр. Шереметевъ	35,379	20,071 »
Бн. Гагаринъ	19,646	8,772 »
«Дворянинъ» Павловъ	2,140	2,239 »
Предс. земск. управы Гардеръ . . .	1,534	870 »

На ходатайство получены отвѣтъ: предписывается волостному старшинѣ немедленно приступить къ продажѣ *крестьянскаго* имущества, если нужно—при содѣйствіи полиціи и военной силы. Продажа была произведена и крестьянскія недоимки заплачены *).

Какъ видно изъ всего изложеннаго, въ современномъ земствѣ весьма неблагополучно. Еще лѣтъ 15—20 назадъ «беспартійность» считалась въ земствѣ основою хорошаго тона. Противорѣчія классовыхъ интересовъ частью вполне искренне игнорировались, частью искусно затушевывались, и лишь изрѣдка всплывали наружу въ видѣ борьбы на почвѣ оцѣнокъ. Послѣ реформы 1890 г. стали меньше стѣсняться, а сейчасъ, когда русская жизнь раскачалась до основанія и всё подземные нити и корни вышли наружу, наступаетъ эра полной и откровенной партійности, и мы, пожалуй, наканунѣ рѣзкой классовой борьбы въ земствѣ. Имѣвшее мало доступа въ земство и плохо освѣдомленное о земскихъ дѣлахъ крестьянство до сихъ поръ больше по инстинкту, чѣмъ по сознательному убѣжденію, смотрѣло косо на земство. И если раньше всетаки была надежда на мирное сліяніе сословій въ дружной земской работѣ, то современное откровенное земство съ каждымъ днемъ болѣе подкашиваетъ эти надежды. И невесело дѣлается, когда подумаешь, сколько такта и интеллигентности и сколько времени потребуется для того, чтобы ввести земскую работу въ спокойное русло. При нашемъ уровнѣ культурности скорѣе надо ожидать большаго опредѣленія и обостренія классовыхъ и сословныхъ противорѣ-

*) *Самоуправленіе*, 1907 г., № 7.

чій. Можетъ быть, это и къ лучшему въ конечномъ итогѣ, но все же невольно жаль стараго джентльменскаго земскаго духа, когда вѣрилось въ возможность приличнаго *modus vivendi*, не отравленнаго крайностями классовою борьбою.

Чтобы заглянуть немного въ это будущее, мало веселое и многотрудное, мы имѣемъ уже кое-какія данныя. Настроение и тактику овладѣвшихъ земствомъ реакціонныхъ элементовъ мы уже знаемъ: это самая антикультурная, боевая, грубая, своекорыстная и неискренняя тактика, олицетворяемая дѣятельностью и рѣчами гг. Марковыхъ, Дорреровъ, дворянъ Павловыхъ и т. п. Они не останавливаются ни передъ грубымъ насилиемъ, ни передъ выживаніемъ своихъ противниковъ самыми неджентльменскими путями, ни передъ раскладочными ухищреніями, ни передъ злостною клеветою. И единственная надежда здѣсь на ихъ извѣстную «работоспособность»: они могутъ напрягать усилія лишь въ моменты, когда предстоитъ выиграть сразу крупную ставку, на упорную же, систематическую, долготѣльную работу они неспособны, какъ и показала уже долготѣльная исторія земства. Благодаря своей лѣни и некультурности, они не разъ уже продавали право своего сословнаго первородства младшей братіи—либеральнымъ разночинцамъ, даже безъ чечевичной похлебки, которая, впрочемъ, мало и привлекала ихъ, привывшихъ къ болѣе лакомымъ объѣдамъ съ барскаго стола.

Посмотримъ теперь на настроенія и мысли другой стороны—грядущей новой земской силы, въ лицѣ приближающагося къ земству крестьянства. Трудно думать, что крестьянство не выдѣлитъ изъ себя столь же ярыхъ представителей классоваго эгоизма, какъ и дворянство,—особенно если въ земство нахлынутъ «крѣпкіе землѣ», хозяйственные мужички, а таковымъ, кажется, уготовано ближайшее земское будущее законопроектами октябристовъ. Но, въ общемъ, крестьянство является все же слоємъ демократическимъ, съ болѣе широкимъ и безпристрастнымъ пониманіемъ общественныхъ интересовъ. И начинающееся стремленіе крестьянъ въ земство имѣетъ свою идеологію, заставляющую насъ становиться на его сторону противъ узко-классовой идеологіи дворянъ.

Какъ же грядущая сила оцѣниваетъ современное земство? Минувшіе два года дали возможность и ей высказаться кое-гдѣ. Такъ, отмѣтимъ прежде всего всероссійскій съѣздъ крестьянъ-старообрядцевъ. Беремъ изъ статьи г. Массальскаго: «Крестьяне о земствѣ» (*Самоуправленіе*, № 7), нѣсколько болѣе характерныхъ мѣстъ. Крестьянинъ дорожитъ копейкой и потому прежде и больше всего слышится нареканій на «ужасные налоги». Представитель отъ Калуги жаловался: «Какъ облагали господскія земли и какъ крестьянскія—такъ это цѣлый срамъ: господскіе луга въ 3 р. съ десятины оцѣнены, а наши—7 р.; есть масса помѣщичьихъ земель, которыя никакими налогами не обременены». Далѣе подчеркивалось преобладаніе въ земствѣ дворянства. Интересно, какъ отражалась борьба земскихъ партій въ умахъ «постороннихъ зрителей»—крестьянъ: «рассо-

рятся между собою нѣкоторые господа и перейдутъ на сторону крестьянъ», — разсказывалъ тотъ же калужанинъ. Довольно грустное впечатлѣніе производитъ такое упрощенное пониманіе земской «политики»: неужели калужане-земцы не могли поставить болѣе ярко и болѣе понятно для народа свою позицію въ земствѣ?!—Представитель изъ Казани говоритъ:—«Хорошіе крестьяне у насъ отказываются идти въ земство; мѣста крестьянскія занимаютъ промышленниками и купчиками. Намъ не извѣстно, куда и на что земство расходуетъ деньги. Народъ, конечно, вынесетъ обложение, если только знаетъ, что деньги идутъ на дѣло; но если деньги тратятся зря, безъ нужды, то народу и обидно платить налоги, и тяжелой кажется каждая копейка, отнимаемая у него».

Далѣе говорилось еще такъ: «Пока, при творящемся кругомъ производѣ чиновниковъ и безконтрольности казны, земство—хорошее учрежденіе; однако, къ сожалѣнію, въ земствѣ мало гласныхъ отъ крестьянъ,—и крестьянскіе гласные безмолвствуютъ или, еще хуже, потакаютъ, какъ ставленники *) земскихъ начальниковъ» (Сарапульскій уѣздъ, Вятской губ.). «Надо, чтобы въ земствѣ было равенство голосовъ господскихъ и крестьянскихъ, по крайней мѣрѣ, а еще справедливѣе было бы, чтобы въ немъ было двѣ части крестьянъ и одна часть прочихъ сословій», такъ какъ большинство земскихъ плательщиковъ—крестьяне; къ тому же «у крестьянъ всегда болѣе нужды, чѣмъ у другихъ сословій» (Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губ.). Оригинальный, приближающийся къ трудовому, избирательный принципъ,—по количеству предстоящей работы, а не по имущественному или даже платежному цензу! Это одинъ изъ такихъ «курьезовъ», надъ которымъ стоитъ призадуматься. Изъ Богородскаго уѣзда, Московской губ., выражали желаніе замѣны имущественнаго ценза образовательнымъ, что въ устахъ крестьянина довольно знаменательно и говорить о нѣкоторомъ безпристрастїи, до котораго врядъ ли гдѣ-либо повышались гг. зубры. Оттуда же заявляли о желательности, чтобы земство усилило свои экономическія мѣропрїятія, и приводили въ примѣръ, что на больницу дается 130 тыс. руб., а на экономическія мѣры всего 4,000 р.: «Медицинскими снадобьями голоднаго не накормить; чѣмъ будемъ сытѣе, тѣмъ менѣе нужды въ лѣкарствахъ». Во всякомъ случаѣ съ этого съѣзда повѣяло свѣжимъ воздухомъ общественности послѣ удушливой атмосферы крупно-владѣльческаго брюзжанія и человѣконенавистничества въ земскихъ собранїяхъ послѣдняго времени. Правда, водвореніе этой новой грядущей земской силы не обѣщаетъ возратить намъ блаженнаго невѣдѣнія первыхъ земскихъ человѣковъ, но зато не будетъ въ новомъ земствѣ и того сконцентрированнаго духа партїйной злобы и сухого эгоизма, которымъ исполнены хватаящіеся въ паникѣ за соломенку современнаго земстводворяне.

*) Съѣздъ происходилъ въ 1906 г., до приведенія въ дѣйствіе закона 5 октября 1906 года, освободившаго въ нѣкоторой степени крестьянскихъ гласныхъ отъ опеки земскихъ начальниковъ.

Объ отношеніи крестьянъ къ земству говорятъ и нѣкоторыя анкеты, произведенныя земскими статистиками. Московское статистическое бюро разослало своимъ корреспондентамъ рядъ вопросовъ о современномъ положеніи крестьянства и сводку отвѣтовъ на нихъ помѣстило въ своемъ ежегодникѣ за 1906 г. На основаніи этого матеріала г. Суринымъ выпущена брошюра: «Что говорятъ крестьяне о своихъ нуждахъ». Сначала рѣчь идетъ о землицѣ, потомъ о правовомъ положеніи крестьянства, наконецъ, о земствѣ. «О земствѣ крестьяне-корреспонденты пишутъ очень много и, надо сказать, что, несмотря на всѣ недостатки современнаго земства, дѣятельность земства нашла большое сочувствіе среди населенія; такъ, 201 корреспондентъ говорятъ, что крестьяне сочувствуютъ земству, и только 84, что не сочувствуютъ или даже не знаютъ земства». Такъ говоритъ г. Суричь, но нельзя упускать изъ виду, что, во-первыхъ, естественное чувство деликатности не позволило, вѣроятно, многимъ изъ опрошенныхъ земствомъ подчеркивать ему въ лицо многія горькія истины; а во-вторыхъ, надо помнить, что рѣчь идетъ все же не о земствѣ вообще, а только о московскомъ земствѣ, давно занимающемъ въ ряду земствъ первое мѣсто *) по полезной для населенія дѣятельности (медицина и народное образованіе поставлены здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-либо, а затѣмъ идутъ заботы о травосѣяніи, о кустарныхъ промыслахъ и т. д.). Многіе отвѣты все же очень наивны. Такъ, одинъ пишетъ: «Очень хорошая эта дѣятельность, и населеніе относится одобрительно, такъ что могу сказать, если бы къ намъ весной не пріѣхалъ агрономъ, то мы остались бы безъ посѣва клевера». «Глоты-мироѣды про земство орутъ на сходахъ, что оно отъ насъ деньги наживаетъ, беретъ большіе проценты за все, такъ что не слѣдуетъ, говорятъ, съ нимъ связываться». Учительница Соколова пишетъ: «Населеніе нашей мѣстности не знаетъ, что такое земство и каково его назначеніе, и относится безразлично или недовѣрчиво»... «Вообще крестьяне по отношенію къ земству очень темный или же лучше сказать совсѣмъ слѣпой народъ, а посему слѣдовало бы земству больше говорить **) о своей дѣятельности»... «Особенно часто земство въ пред-

*) Кстати приведемъ любопытныя цифры изъ трудовъ московскаго статистическаго бюро для сравненія того, что беретъ московское земство съ крестьянъ и что даетъ взаимѣмъ:

Въ 1868 г. земство брало съ крестьянскаго двора 1 р. 12 к., возвращало разными мѣрами 60 к.

Въ 1878 г. земство брало съ крестьянскаго двора 1 р. 30 к., возвращало разными мѣрами 1 р. 85 к.

Въ 1898 г. земство брало съ крестьянскаго двора 1 р. 56 к., возвращало разными мѣрами 9 руб.

Теперь, въ 1900-хъ годахъ, земство брало съ крестьянскаго двора 1 р. 72 к., возвращало разными мѣрами 14 р.

Разумѣется, земство не могло бы проявить такой щедрости, если бы не было у него въ рукахъ золотой курицы—обложенія города Москвы въ пользу земства.

**) На эту здравую мысль земство наткнулось давно, но что изъ нея вышло въ сумятицѣ нашихъ дней? Первой общественно-политической земской газетой была

ставленіи крестьянъ смѣшивается съ земскими начальниками»... Изъ Серпуховскаго уѣзда пишутъ: «Земство тогда можетъ дать крестьянамъ пользу, когда оно пойдетъ съ крестьянами рука объ руку. Теперешнее земство сдѣлало все, что могло: устроило одноклассныя школы, завело травосѣяніе и организовало продажу земледѣльческихъ орудій, теперь же оно не знаетъ, что дѣлать дальше, ибо само нуждается въ обновленіи»... А вотъ и голосъ мрачнаго скептика, очевидно, изъ интеллигентовъ: «Ждать, что земство пойдетъ навстрѣчу мужику—утопія. Это означало бы оставить бездоходными владѣльческія усадьбы, а стать выше себя очень трудно. Крестьяне, экономически обезпеченные и агрономически полученные, сумѣютъ извлечь всѣ выгоды изъ своихъ же надѣльныхъ земель, а не пойдутъ въ кабалу къ землевладѣльцамъ. Вотъ почему, я думаю, земство не особенно радѣетъ о введеніи улучшеній въ крестьянскія хозяйства». Изъ пѣсни слова не выбросишь,—не выбросишь изъ факторовъ современной земской жизни и этотъ прямолинейный голосъ одинокаго, отчаявшагося въ своемъ глухомъ углу интеллигента.

Небезынтересна также анкета ярославскихъ статистиковъ объ отношеніи сельскихъ жителей къ мысли о мелкой земской единицѣ (статья Воробьева въ № 3 *Самоуправленія*). Отвѣтовъ получено 99, въ томъ числѣ отъ крестьянъ—75, отъ духовенства—18 и отъ сельскихъ интеллигентовъ—6. Въ 84 отвѣтахъ отмѣчено сочувственное отношеніе къ мелкой земской единицѣ, въ 13 отрицательное и въ 2 безразличное. Изъ 13 отрицательныхъ отвѣтовъ 10 принадлежатъ крестьянамъ; мотивы ихъ таковы: «опасаются большихъ расходовъ и того, что другія сословія будутъ имѣть вліяніе и руководство». Сочувствующіе надѣются: «легче будетъ жить, менѣе будетъ платежъ; податное бремя сейчасъ всецѣло лежитъ на крестьянахъ, а крестьянскими учрежденіями пользуются всѣ сословія; быть крестьянъ лучше извѣстенъ самому крестьянству»; «полагаютъ такъ, что образованіе въ народѣ поднимется, сельское хозяйство улучшится».

А. И. Шингаревъ въ *Русск. Вѣдомостяхъ* рассказываетъ, какъ онъ еще во время второй Думы собиралъ крестьянъ-депутатовъ разныхъ партій для обсужденія вмѣстѣ съ ними проектовъ земской реформы, внесенныхъ партіей к.-д. Общее отношеніе было сочувственное, только представленіе избирательныхъ правъ женщинамъ встрѣтило большія возраженія и большинствомъ 23 противъ 18 признано было преждевременнымъ:

Вятская въ 1894 г. ей стали подрывать. Къ 1 января 1906 г. было 3 земскія газеты и 12 толстыхъ земскихъ ежемѣсячниковъ. Съ 1 января 1906 г. стало выходить уже 11 газетъ и лишь 5 журналовъ, но въ сессію 1906 и 1907 гг. налетѣвшая на земство реакція убила большую половину изъ нихъ (въ Полтавѣ, Новгородѣ, Владимірѣ въ Таврической губ. и др.) или сильно обезцвѣтила. Въ полтавскомъ земствѣ меньшинство протестовало противъ закрытія газеты, видя въ немъ нарушеніе права населенія имѣть постоянныя и подробныя свѣдѣнія о дѣятельности органовъ земскаго самоуправления, на содержаніе которыхъ оно даетъ деньги. Юрьевоцкое земство, Владимірской губ., рѣшило издавать съ 1906 г. особый „Ежегодникъ“ со спеціальной цѣлью знакомить крестьянъ съ дѣятельностью земства.

«И я пойду на сходъ, и жена пойдетъ, и моя дѣвка тоже пойдетъ выбирать!? Я за одного, онѣ за другого... Это неразбериха пойдетъ!» Особенно дружно высказывались крестьяне противъ совмѣщенія хозяйственныхъ и административныхъ функций въ лицѣ будущихъ исполнительныхъ органовъ мелкой земской единицы: «И такъ у насъ въ старшины и старосты никто не идетъ. Отчего въ городахъ городскіе головы не штрафуютъ и не наказываютъ? Незачѣмъ и намъ навязывать»...

Мы считали небезполезнымъ собрать всѣ эти крестьянскіе голоса, раздавшіеся въ самое послѣднее время. По нимъ въ извѣстной степени можно судить о тѣхъ мысляхъ и настроеніяхъ, съ которыми пойдутъ въ земство новыя земскія силы, когда придетъ ихъ часъ.

Чтобы исчерпать въ доступныхъ для насъ размѣрахъ вопросъ о «крестьянахъ въ земствѣ», намъ остается привести нѣсколько фактовъ о дѣятельности крестьянскихъ гласныхъ, прошедшихъ въ земство на основаніи закона 5 октября 1906 г. Сначала въ двухъ словахъ о самомъ законѣ, слишкомъ пышно названномъ закономъ «объ уравненіи крестьянъ съ другими сословіями». Какъ справедливо отмѣчаетъ В. С. Голубевъ въ брошюрѣ «О земскихъ выборахъ 1907 г.», законъ этотъ, собственно въ способѣ выборовъ, не только не даетъ ничего новаго, но не вполне восстанавливаетъ и тѣ права, которыя крестьяне имѣли по земскому Положенію 1864 г. Отмѣнено только утвержденіе гласныхъ-крестьянъ губернаторами. Размѣры же крестьянскаго представительства въ земствѣ не восстановлены: по Положенію 1864 года крестьяне въ земствѣ составляли 41%, всего числа гласныхъ, по Положенію 1890 года—всего 31%; столько же остается и сейчасъ. Конечно и отмѣна утвержденія гласныхъ даетъ кое-что; во всякомъ случаѣ результаты ея уже могутъ быть учтены послѣ земскихъ выборовъ 1907 г., чего нельзя сказать о двухъ другихъ ковенныхъ избирательныхъ льготахъ, данныхъ тѣмъ же закономъ 5 октября 1906 г. (о допущеніи крестьянъ съ самостоятельнымъ цензомъ во вторыя избирательныя собранія и о правѣ выписавшихся изъ сельскихъ обществъ вернуться и принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и въ выборахъ).

Какъ же могутъ быть учтены результаты болѣе свободныхъ выборовъ гласныхъ отъ крестьянъ? Матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ еще только накопляется, но нѣкоторые данныя уже есть. «Отсутствіе какой-либо широкой дѣятельности и даже широко поставленной программы по улучшенію крестьянскаго хозяйства въ настоящее время, — пишетъ г. Линдъ, — въ *Самоуправленіи* кромѣ плохого финансоваго положенія земства, т. е. недостатка средствъ, обусловлено, конечно, и тѣмъ отдаленіемъ и обособленностью нынѣшняго земства отъ народа, которое затрудняетъ взаимное пониманіе и совмѣстную работу того и другого, безъ чего, конечно, даже лучшія пожеланія не могутъ получить практическаго осуществленія. Разница въ общемъ направленіи крестьянства съ господствующимъ теперь въ земствѣ дворянско-землевладѣльческимъ элементомъ ска-

зывается и въ крестьянскихъ выборахъ земскихъ гласныхъ по новому закону, на которыхъ *обыкновенно* выбираются люди прогрессивнаго направленія (наприм., 25 мая въ Балахнинскомъ уѣздѣ). Если такъ пойдетъ въ большинствѣ земствъ, то въ земскихъ собраніяхъ можетъ получиться картина борьбы дворянства съ прогрессивнымъ крестьянствомъ,—борьбы, которая, несомнѣнно, будетъ имѣть большое значеніе... Слова эти имѣли значеніе скорѣе предсказанія, чѣмъ констатированія достаточно обширнаго числа фактовъ. Но мы уже имѣемъ и факты. Припомнимъ, наприм., рассказанную выше исторію борьбы крестьянъ за болѣе справедливую оцѣнку въ вологодскомъ земствѣ, борьбы успѣшной и ожесточенной, вызывавшей даже попытки обструкціи со стороны побѣжденнаго дворянства, и окончившейся ничѣмъ лишь благодаря вмѣшательству администраціи. Другой фактъ рѣшительнаго выступленія крестьянъ видимъ въ земствахъ Костромской губ. Корреспондентъ *Речи* (отъ 8 декабря) рассказываетъ, что новостью во всѣхъ собраніяхъ «на-дняхъ закончившейся сессіи было участіе гласныхъ-крестьянъ по закону 5 октября 1906 года и, повидимому, участіе это сказалось на земской работѣ довольно замѣтно».

Предсѣдателемъ избранъ прогрессистъ, въ члены управы два крестьянина, бывшіе выборщики въ Государственную Думу (очевидно, дѣйствительно популярныя въ крестьянствѣ люди); они же избраны и въ губернскіе гласные. «Еще большіе шаги сдѣлало ветлужское земство: тамъ всѣ доклады переданы были сначала *на разсмотрѣніе волостныхъ попечительствъ*, существующихъ въ уѣздѣ уже болѣе года во всѣхъ волостяхъ, и съ ихъ заключеніями поступали на разсмотрѣніе собранія. Собраніе ассигновало 2,000 р. въ распоряженіе волостныхъ попечительствъ на мѣры по охранѣ народнаго здравія и 3,500 р. на организацію обѣдовъ для школьниговъ, возложивъ устройство ихъ на *школьныя попечительства*, а гдѣ таковыхъ нѣтъ—на санитарныя попечительства; учредило 3 новыхъ медицинскихъ участка и 11 школъ, рѣшило ввести съ 1908 г. четвертый годъ обученія въ земскихъ школахъ, устроить курсы для учителей, занятіе со взрослыми и т. д.; въ губерн. гласные провело «лѣвыхъ». Въ марьяевскомъ собраніи опять-таки «дали тонъ гласные крестьяне: полностью приняты были всѣ доклады о расширеніи медицины и народнаго образованія; въ губерн. гласные избраны всѣ четыре кадеты, такъ же, какъ и въ Сомигаличскомъ уѣздѣ, гдѣ, кромѣ того, съ большимъ единодушіемъ выбранъ былъ заочно предсѣдателемъ П. В. Шуленниковъ, только что передъ тѣмъ судившійся въ сенатѣ за допущеніе политическихъ рѣчей въ дворянскомъ собраніи. Особымъ единодушіемъ отличалось собраніе въ Юрьевцѣ, гдѣ предсѣдателемъ избранъ прогрессистъ Грибунинъ, а въ губернскіе гласные г. Потѣхинъ, к.-д., извѣстный тѣмъ, что онъ былъ уволенъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ отъ должности земскаго начальника за рѣчь о землеустроительныхъ комиссіяхъ; вся смѣта увеличена на медицину, въ частности, съ 52 до 72 тыс. руб. Послѣ всѣхъ этихъ выборовъ большинство губернск. собранія опредѣлилось прогрессив-

ное, и въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ о костромскомъ губерпскомъ собраніи уже и отмѣчено вліяніе этого состава на ходъ земскаго дѣла (собраніе пригласило къ участию въ своихъ занятіяхъ смѣщенный губернаторомъ составъ губерпской управы, боролось съ назначенной управой, выбрало новый прогрессивный составъ управы, пыталось вступить и отстоять оставленіе въ земствѣ устраненныхъ земскихъ служащихъ завѣдывавшихъ оцѣночными работами (г. Воробьева), книжнымъ складомъ (г-жи Лапотниковой) и санитарнымъ бюро (г. Френкеля) и т. д.).

Появленіе новыхъ гласныхъ крестьянъ привлекло къ нимъ вниманіе наблюдателей и въ другихъ мѣстахъ. Въ черниговскомъ *Земскомъ Сборникѣ* отмѣчены, какъ характерная особенность крестьянъ въ козелецкомъ и черниговскомъ собраніяхъ, гдѣ они имѣли большое вліяніе на рѣшеніе собраній, ихъ стремленіе къ разумной экономіи: «дѣловыхъ» ассигновокъ они, напримѣръ, не тронули, а жалованье предсѣдателью въ Козельцѣ сократили съ 3 на 2 тысячи. Наблюдатель городнянскаго земства, той же губерпніи, г. Могилянскій отмѣчаетъ, что «отношеніе гласныхъ крестьянъ къ земскому дѣлу производило самое отрадное впечатлѣніе. Сознаніе, что земское дѣло является своимъ дѣломъ, прочно установилось. Это сознаніе заставляеть самымъ внимательнымъ образомъ относиться ко всѣмъ вопросамъ, обсуждаемымъ въ земскомъ собраніи, вплотную войти во всѣ детали и подробности комиссіонной работы, особенно работы смѣтной и ревизионной комиссіи. «Населеніе,—говорилъ мнѣ одинъ изъ крестьянъ-гласныхъ,—спрашиваетъ у насъ отчета по поводу каждаго земскаго рѣшенія, особенно по поводу каждой ассигновки. Если что не нравится, говорятъ: а вы тамъ чего сидѣли, зачѣмъ не говорили противъ. Намъ теперь нельзя молчать въ земствѣ».

Заслуживаетъ вниманія также поведеніе гласныхъ-крестьянъ въ экстренномъ херсонскомъ собраніи 25 янв. 1908 г., расколвшемся на два лагерьа. Гласные отъ крестьянъ, составляющіе очень немногочисленную группу, высказывались противъ доклада управы, рекомендовавшаго ассигновать опредѣленную сумму на наемъ охранниковъ, организацію сыскной части и вообще усиленіе уѣздной полиціи, высылку преступныхъ элементовъ среди крестьянъ и проч. Они недоумѣвали, кого предполагается охранять и противъ какихъ враговъ. Херсонскій уѣздъ настолько мало выдѣляется по террористическимъ проявленіямъ, что достаточно, по мнѣнію ораторовъ, имѣющихся въ уѣздѣ 180 стражниковъ. Новая охрана явится лишней обузой и стѣсненіемъ для населенія и только способна вызвать безпорядки, чему уже не разъ были примѣры. А вотъ мы страдаемъ отъ бездорожья во время распутицы, отъ невѣжества, темноты и некультурности: лучше тратить земскія деньги на народное образованіе, улучшеніе дорогъ и подъемъ сельско-хозяйственной культуры и вообще благосостоянія крестьянскаго населенія, а не заниматься несвойственнымъ земству дѣломъ. Такъ говорили гласные отъ крестьянъ, но, разумѣется, они не могли убѣдить остальное преобладающее большинство, состоящее почти

изъ трехъ десятковъ представителей крупнаго землевладѣнія, которое и рѣшило судьбу вопроса въ положительномъ смыслѣ: на организацию охраны ассигновано около 35 тыс. руб. (Р. Вид.).

Въ Торжкѣ, Тверской губ., земское собраніе 1906 г. все время шло подъ наблюденіемъ и контролемъ выборныхъ отъ крестьянскихъ волостей, къ которымъ крестьяне-гласные постоянно обращались за инструкціями. При содѣйствіи прежней управы и гласныхъ отъ второго выборнаго собранія крестьяне провели земскіе выборы такъ, что вся управа и всѣ губернскіе гласные были выбраны изъ крестьянъ не по сословію только, но по своему бытовому характеру и мировоззрѣнію. Къ сожалѣнію, замѣчаетъ корреспондентъ, вся вновь выбранная управа не была утверждена губернаторомъ. Не знаемъ, успѣли ли уже принять участіе въ описанномъ земскомъ собраніи гласные крестьяне по новому закону, но здѣсь происходило нѣчто большее и болѣе знаменательное: контроль населенія надъ его избранниками. Такіе факты непосредственной связи населенія съ работающими въ земскихъ собраніяхъ особенно важны съ занимающей насъ точки зрѣнія, и мы не можемъ не привести здѣсь еще одного яркаго факта подобнаго рода, сообщаемаго авторомъ-крестьяниномъ въ *Пермской Земской Недѣлѣ* (№ 4 за 1908 г.). Въ верхотурскомъ земскомъ собраніи участвуетъ лишь трое гласныхъ-крестьянъ, хотя волостей въ уѣздѣ 40. Чувствуя необходимость связи съ населеніемъ, собраніе рѣшило приглашать въ свои засѣданія всѣхъ 40 кандидатовъ въ гласные, и это уже практикуется 2 года. Побуждающей причиной было заявленіе нѣсколькихъ волостей уѣзда объ отказѣ въ платежѣ земскихъ сборовъ съ жилыхъ крестьянскихъ домовъ. Въ 1906 г. въ собраніи уже принимали участіе 18 кандидатовъ, а въ 1907 г. 33,—не было кандидатовъ только отъ двухъ волостей. Кандидаты усердно посѣщали собранія и комиссіи, а въ свободное время знакомились съ разными отраслями земскаго дѣла. Къ концу собранія крестьяне внесли особую докладную записку, гдѣ прежде всего привѣтствуютъ «новый», въ высшей степени правильный и желательный по условіямъ времени шагъ со стороны земск. собранія къ приближенію самого населенія къ созидательной работѣ земства, такъ какъ до сихъ поръ у него не было близкаго общенія съ народомъ, а существовалъ лишь способъ бумажныхъ сношеній...» Они считаютъ это, впредь до осуществленія земской реформы,—«шагомъ, удовлетворяющимъ желаніямъ всего крестьянскаго населенія и могущимъ привести къ устраненію возникшихъ недоразумѣній». Для детальнаго ознакомленія съ дѣломъ авторы записки просили исходатайствовать разрѣшеніе на сѣздъ крестьянскихъ гласныхъ и кандидатовъ на Рождествѣ. Такой сѣздъ въ концѣ 1906 г. состоялся. Результаты такого общенія съ населеніемъ сказались къ слѣдующему же собранію, когда было заявлено больше 20 требованій объ открытіи новыхъ школъ, нѣсколькихъ фельдшерскихъ, медицинскихъ и ветеринарныхъ пунктовъ и больницъ. Въ значительной части этихъ ходатайствъ есть со стороны общества обѣщанія принять часть расходовъ на мѣстныя сред-

ства. «Очевидно, — говоритъ корреспондентъ, — на земство перестаютъ смотрѣть, какъ на учрежденіе, только берущее съ населенія сборы и ничего полезнаго для него не дѣлающее; развѣ это не шагъ впередъ?»

Не приводимъ другихъ, болѣе мелкихъ сообщений о пробуждающемся взаимодѣйствіи между земствомъ и крестьянствомъ; вездѣ, гдѣ приводится подобный фактъ взаимодѣйствія, отмѣчается и положительная, созидательная, а отнюдь не разрушающая роль крестьянства.

Итакъ, преподнося читателю разнообразныя факты земской жизни, мы должны сказать однако, что впечатлѣніе отъ всего этого кажущагося разнообразія легко укладывается въ нѣсколько простыхъ выводовъ. Прежде всего мы видимъ, что старое сословное земство разлагается — и морально, и матеріально. Финансовыя затрудненія, на почвѣ недоумчиваго, а частью и недоброжелательнаго отношенія населенія къ сословному земству, вынуждаютъ послѣднее, гдѣ оно еще проявляетъ жизнеспособность, къ болѣе близкому общенію съ населеніемъ. Прогрыша отъ этого не получается. Новые земскіе элементы, гдѣ они успѣли проникнуть въ земство, являются не только не губителями, а скорѣе спасителями старой земской, джентльменской культуры. Классовая борьба неизбежна въ земствѣ и уже кое-гдѣ завязалась, но тамъ, гдѣ борющіеся элементы умѣютъ съ уваженіемъ относиться другъ къ другу, борьба не принимаетъ некультурнаго характера. И даже можно утверждать, что чѣмъ скорѣе и полнѣе сблизится населеніе черезъ своихъ представителей съ земствомъ, тѣмъ чаще будутъ достигаться разумныя компромиссы. Новая крестьянская волна, начавшая вливаться въ земство, несетъ съ собою не ожесточеніе и мракобѣсіе, а, во-первыхъ, много упорнаго, настойчиваго труда, во-вторыхъ, большую терпимость и добродушіе. Поэтому, чѣмъ скорѣе крестьяне получаютъ широкій доступъ въ земство и чѣмъ скорѣе образуется мелкая земская единица, тѣмъ скорѣе возстановится пошатнувшееся земское дѣло. Впрочемъ, ни отъ правящихъ классовъ, ни отъ вліятельной въ настоящее время партіи октябристовъ скорыхъ и рѣшительныхъ шаговъ въ этомъ направленіи ждать нельзя, а потому крестьянство должно всѣми, доступными ему, культурными способами вести настойчивую и систематическую осаду современнаго земства — съ цѣлью овладѣнія всѣми позиціями, какими только можно овладѣть. Во всякомъ случаѣ въ настоящій моментъ оно является прогрессивною, культурною силою, дѣлающею общепользующее дѣло устраненія обветшалыхъ реакціонныхъ элементовъ и потому могущею рассчитывать на сочувствіе и поддержку общественнаго мнѣнія страны.

С. Лисенко.

Шукинская галлерей.

Очеркъ изъ исторіи новѣйшей живописи.

Картиная галлерей С. И. Щукина въ Москвѣ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ художественныхъ собраній. Уже давно она пользуется широкой извѣстностью и справедливой славой среди художниковъ и просвѣщенныхъ друзей искусства. Мало того, галлерей эта оказала самое рѣшительное вліяніе на судьбу русской живописи въ послѣдніе годы. Ей суждено было сдѣлаться наиболѣе сильнымъ проводникомъ въ Россіи западныхъ художественныхъ теченій, такъ ярко выраженныхъ въ принадлежащихъ ей произведеніяхъ Клода Моне, Дегаза, Сезанна и Гогена. Но заслуженная извѣстность и слава галлерей не выходитъ пока за предѣлы слишкомъ еще тѣснаго у насъ круга художниковъ и немногихъ любителей. Между тѣмъ, собраніе С. И. Щукина имѣетъ право на вниманіе со стороны всѣхъ, кто занятъ вопросами духовной культуры въ широкомъ объемѣ. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что въ будущемъ оно станетъ общественнымъ достояніемъ. Согласно выраженной волѣ собирателя и владѣльца коллекціи, С. И. Щукина, она предназначена въ даръ городской Третьяковской галлерей, гдѣ дополнить и продолжить собраніе иностранной живописи С. М. Третьякова.

Такимъ образомъ, дѣло собирателя галлерей не ограничилось только удовлетвореніемъ своего художественнаго вкуса и личныхъ склонностей въ искусствѣ. Оно стало до нѣкоторой степени планомѣрной работой съ цѣлью представить выдающимися примѣрами художественную эволюцію за вторую половину прошлаго вѣка. И надо признать, что цѣль эта во многомъ достигнута С. И. Щукинымъ. Его собраніе даетъ дѣйствительно вѣрную картину исторіи новѣйшей живописи, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ ея чертахъ. Соединенное съ произведеніями Давида, Энгра, Жерико, Делакруа, Коро, Руссо, Миллэ и Курбэ, находящимися въ Третьяковской галлерей, шукинское собраніе сдѣлается прекраснымъ музеемъ западно-европейской живописи XIX вѣка.

Оно непосредственно примыкаетъ къ коллекціи С. М. Третьякова этюдомъ Курбэ, картинкой Фантанъ-Латура, первыми работами Клода Моне

Дегаза, Ренуара. Затѣмъ идетъ развитіе такъ называемаго импрессионизма, чрезвычайно характерно выраженное въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ произведеній Клода Монэ, Дегаза. На-ряду съ этимъ возникаютъ своеобразныя крупныя дарованія,—Пювись де-Шаваннь, Каррьеръ, Уистлеръ. Позднѣйшія, поистинѣ виртуозныя, работы Клода Монэ и Дегаза знаменуютъ торжество импрессионизма; это теченіе становится, наконецъ, господствующимъ и захватываетъ цѣлую группу художниковъ, объединенныхъ выставкой «Марсова Поля». Но за нимъ идутъ новые искатели, и Сезаннь, одинъ изъ первыхъ товарищей Клода Монэ, приходитъ къ отрицанію импрессионизма. Вліяніе Сезанна на молодежь огромно, начала, выраженные въ его творчествѣ, провозглашены основой синтетической и декоративной живописи. Эта живопись находитъ своего борца и героя въ Гогенѣ.

Такъ, въ самыхъ краткихъ чертахъ, можно намѣтить схему новѣйшей художественной эволюціи, какъ она представлена въ собраніи С. И. Щукина. Историческая точка зрѣнія здѣсь такъ преобладаетъ, такъ ясно выражена, что это даетъ наиболѣе удобную и вѣрную руководящую нить для подробнаго обзора. Отъ одной изъ первыхъ вещей Клода Монэ (1866 г.) и до предсмертнаго произведенія Сезанна (1906 г.) можно установить четыре послѣдовательныхъ историческихъ періода. Каждый изъ этихъ періодовъ носитъ особенный художественный характеръ, каждый находитъ высшее свое выраженіе въ иномъ, чѣмъ предшествовавшій ему или за нимъ послѣдующій. И каждый изъ нихъ представленъ въ щукинской галлерей яркими и замѣчательными примѣрами. Само собой разумѣется, однако, что эти періоды могутъ быть опредѣлены лишь относительно точно и являются дѣленіемъ всетаки скорѣе условнымъ. Для болѣе точной историко-художественной оцѣнки всегда нужна болѣе протяженная историческая перспектива.

Первый изъ этихъ періодовъ, который можно назвать переходнымъ, заканчивается въ 1875 г., въ эпоху первыхъ выставокъ группы художниковъ, получившихъ тогда названіе импрессионистовъ. Художественный приѣмъ, извѣстный подъ именемъ импрессионизма, былъ впервые показанъ на этихъ выставкахъ, впервые примѣненъ широко и разнообразно. Предшествовація десять или пятнадцать лѣтъ ушли на опыты, на подготовку; будущіе импрессионисты работали еще неувѣренно, иногда случайно и наугадъ. Вотъ почему эти годы можно назвать переходными.

Когда двадцать-тридцать лѣтъ спустя импрессионизмъ добился полного успѣха и признанія, когда такъ легко было увидѣть въ немъ конечное осуществленіе всѣхъ задачъ новѣйшей живописи, установилось нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ этимъ переходнымъ годамъ и связаннымъ съ ними переходнымъ произведеніямъ. Принято было считать, что они цѣнны лишь, какъ подготовка, и что къ послѣдующимъ достиженіямъ импрессионистовъ относятся такъ, какъ относятся слабыя юношескіе опыты къ совершеннымъ и мастерскимъ произведеніямъ.

Но подобная точка зрѣнія не могла удержаться долгое время. Скоро, за переходной эпохой 1860—1875 гт., было признано самостоятельное и высокое художественное значеніе. Понята была ея особенная прелесть, свѣжесть и чистота, которую утратила живопись впоследствии, въ развитіи виртуозной и блестящей импрессионистической техники и которую снова вернулъ ей только Сезаннъ. Понята была близость этой эпохи къ великому классическому искусству, ибо въ центрѣ ея стоялъ послѣдній классическій мастеръ XIX вѣка, — Эдуардъ Манэ. Правда, импрессионизмъ, какъ и многое другое, вышесть изъ этихъ плодотворныхъ, переходныхъ пятнадцати лѣтъ. Но импрессионистическими опытами далеко не исчерпывается ихъ внутренняя сущность. Гораздо важнѣе, что именно тогда, въ лицѣ Манэ, истинный классицизмъ одержалъ побѣду надъ ложнымъ, академическимъ и сохранена была вѣчная и великая традиція Grand Art, освобожденная отъ рутинныхъ представленій академической школы. Живопись нашего времени чутко прислушивающаяся къ раздающимся теперь все чаще и чаще голосамъ нео-традиционистовъ, можетъ быть, внутренне ближе къ переходной эпохѣ, «эпохѣ Манэ», чѣмъ какой-либо иной.

Въ шукинской галлерей нѣтъ произведеній Манэ. Лучшія изъ нихъ украшаютъ теперь Лувръ или вывезены въ американскія частныя и государственныя собранія. Манэ суждено было стать первымъ мастеромъ, котораго всесторонне изучить можно лишь переплывъ океанъ. Но самый духъ искусства Манэ и все существо прелести той художественной эпохи прекрасно выражены въ одной изъ первыхъ картинъ создателя импрессионизма *Клода Моне* (род. 1840 г.). Эта картина, «Завтракъ на травѣ», является однимъ изъ лучшихъ украшеній коллекціи С. И. Щукина.

Если судить эту картину съ точки зрѣнія импрессионизма, то она можетъ казаться далеко не совершенной. Она слишкомъ еще черна, слишкомъ еще «нарисована». Изученіе свѣта, которое сдѣлалось впоследствии главной задачей Моне и его товарищей остается, еще въ первичной стадіи. Воздухъ переданъ еще такъ же, какъ передавали его старые мастера. «Новаго» еще мало въ этой картинѣ, и она во всемъ тѣсно примыкаетъ къ произведеніямъ Курбэ и Манэ. Художникъ, которому было тогда только двадцать шесть лѣтъ, еще ничѣмъ не предвѣщаетъ будущаго вождя аналитической и научной живописи. Но онъ выказываетъ себя обаятельнымъ поэтомъ молодости и вѣсныхъ дней, и вотъ это-то очаровательное, свѣжее и молодое впечатлѣніе, исходящее отъ «Завтрака на травѣ», заставило А. Н. Бенуа назвать почти юношескую картину Клода Моне «одной изъ лучшихъ картинъ XIX столѣтія».

Нѣтъ сомнѣнія, замысль этой картины навѣянъ знаменитымъ «Завтракомъ на травѣ» Манэ, вызвавшемъ такую бурю негодованія со стороны пріученной къ идеологическимъ и историческимъ «сооруженіямъ» публики въ салонѣ «Отверженныхъ» 1863 г. Но композиція здѣсь другая и, можетъ быть, болѣе удачная. Какъ и Манэ, Клодъ Моне задался цѣлью написать не какихъ-либо вымышленныхъ и костюмированныхъ персонажей

но живыхъ людей въ современныхъ одеждахъ среди свѣтлаго и веселаго лѣтняго пейзажа. Здѣсь можно видѣть, конечно, стремленіе къ изученію свѣта и воздуха, къ работѣ «en plein air», которая сдѣлалась основой будущаго импрессионизма. Но, какъ «Завтракъ на травѣ», Манэ ближе подходит по духу къ Джорджіоне и другимъ венеціанцамъ, такъ и эта картина Клода Монэ скорѣе заставляетъ вспомнить «Fêtes champêtres» Ванъ-Лоо и прочихъ французскихъ художниковъ XVIII вѣка. Въ этой родственной имъ граціи и декоративной прелести модныхъ платьевъ Второй Имперіи, въ красивой группировкѣ фигуръ, въ бѣлой скатерти и аксессуарахъ, и левреткѣ на первомъ планѣ, написанныхъ такъ бодро и весело, въ безконечной свѣжести зеленыхъ вѣтокъ, сквозь которыя солнце бросаетъ серебристыя пятна, гораздо больше непосредственнаго и чистаго художества, чѣмъ въ позднѣйшихъ, болѣе совершенныхъ технически работахъ импрессионистовъ.

«Завтракъ на травѣ» написанъ въ 1866 году въ эпоху, когда Клодъ Монэ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Манэ, когда, не намѣчая еще строго опредѣленнаго пути, боролся противъ академизма, продолжая славную традицію Делакруа, когда дѣлалъ первые опыты «plein air», опыты, которые и до него дѣлали еще Коро и Курбэ. Въ послѣдующія десять лѣтъ Клодъ Манэ создалъ тотъ приемъ въ живописи, который сталъ извѣстенъ подъ именемъ импрессионизма. Пришелъ ли на этотъ путь художникъ вполне самостоятельно, въ результатѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорнаго труда и смѣлыхъ опытовъ, сыграло ли здѣсь важную роль знакомство съ произведеніями Констэбля и Тёрнера во время поѣздки въ Лондонъ, вызванной войной 1870 года,—въ данный моментъ рѣшить трудно. Какъ бы то ни было, случилось это далеко не сразу. Еще долго хранилъ Клодъ Манэ непосредственную близость къ художникамъ «paysage intime». Помѣченный 1873 годомъ этюдъ цвѣтущаго сада, находящійся въ щукинской галлерей, указываетъ на приемъ работы «en plein air». Но въ немъ совершенно еще нѣтъ попытки анализировать свѣтъ и воздухъ, попытки «разложенія тоновъ»,—способа столь характернаго для позднѣйшихъ вещей Манэ. По чувству пейзажъ этотъ остается простымъ, милымъ, лиричнымъ, своего рода интерпретаціей Коро въ яркихъ, весеннихъ тонахъ.

Связь Монэ съ предшествующей эпохой сильно выражена въ «Завтракѣ на травѣ» и въ цвѣтущихъ деревьяхъ «Сада». Послѣдняя вещь нѣкоторыми отношеніями, въ особенности густымъ, «плотнымъ» зеленымъ тономъ напоминаетъ даже лучшія и наиболѣе свѣтлыя работы Курбэ (1819—1877 гг.). Въ галлерей есть горный пейзажъ этого художника, относящійся къ послѣднимъ годамъ его жизни,—этюдъ, написанный въ Швейцаріи, куда Курбэ принужденъ былъ эмигрировать послѣ парижской коммуны 1871 г. Какъ всѣ произведенія Курбэ, этотъ пейзажъ сдѣланъ очень прямо, серьезно и твердо, даже нѣсколько жестко.

Изъ другихъ импрессионистовъ хорошо представленъ ранними вещами Ренуаръ (род. 1841 г.). Ихъ двѣ—«Женскій портретъ» и «Сцена въ

кафе», и объ относятся къ первой манерѣ художника, къ началу 70-хъ годовъ. При взглядѣ на эти вещи положительно недоумѣваешь, чѣмъ художникъ могъ возбудить когда-то такое всеобщее негодование косной публики и рутинной критики? Въ первой манерѣ Ренуара не только нѣтъ какихъ-либо признаковъ импрессионизма, но даже нѣтъ и намекъ на особенно смѣлое пониманіе тональностей, на опыты «en plein air». Очень тщательная, блестяще-законченная «фарфоровая» живопись портрета, завершенная тонкой лессировкой, заставляетъ вспомнить портретистовъ XVIII вѣка, въ особенности англичанина Хоппнера. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливается изысканной игрой черныхъ и пепельныхъ тоновъ, украшенныхъ кое-гдѣ красивымъ синимъ цвѣтомъ. Достоинства произведеній Ренуара не ограничиваются мастерской живописью и тонкимъ колористическимъ вкусомъ, въ нихъ есть своеобразный духъ, — нѣсколько пріятная и томная чувственная прелесть. Имъ понять и воссозданъ художественный типъ женщины «Fêtes galantes» эпохи Второй Имперіи. И, такимъ образомъ, этотъ художникъ, для котораго много лѣтъ были закрыты официальные салоны, котораго по нападкамъ печати и публики можно было бы принять за варвара и чужестранца, явился истиннымъ продолжателемъ подлинной національной традиціи. По духу онъ явился наследникомъ XVIII вѣка, эпохи, въ которой надо видѣть высшее выраженіе французской души и французскаго искусства.

Еще болѣе драгоцѣнно раннее произведеніе другого художника, пригнувшаго позднѣе къ импрессионистамъ. «Танцовщица» *Дегаза* (род. 1834 г.), написанная, вѣроятно, тоже въ началѣ 70-хъ годовъ, принадлежитъ наравнѣ съ «Завтракомъ на травѣ» Моне къ лучшимъ вещамъ шугинской галлерей. Какъ извѣстно, этюды танцовщицъ и скачекъ составляли много лѣтъ излюбленную и почти единственную тему этого замѣчательнаго художника. Въ долгомъ изученіи этихъ, казалось бы, частныхъ темъ Дегазъ постигалъ общій законъ формы и движенія. Онъ ставилъ себѣ цѣлый рядъ труднѣйшихъ задачъ и разрѣшалъ ихъ съ поразительной легкостью и высокимъ мастерствомъ. Послѣ долгаго упадка онъ первый вернулъ рисунку его огромную силу и важность, онъ снова показалъ, что рисунокъ можетъ и долженъ быть исчерпывающимъ выраженіемъ предмета, его математической формулой. И потому такъ классично творчество Дегаза, и потому прочными узамъ соединено оно съ творчествомъ Энгра и Пуссена.

Этотъ духъ классичности, вообще говоря, въ высшей степени свойственный французскому искусству, эта ясность и отчетливость, и завершенность, особенно хорошо выражены въ принадлежащей С. И. Шугину «Танцовщицѣ передъ окномъ». Эта картина не только прекрасна по дивному ритмичному рисунку, по гармоничному внутреннему движенію, она бесконечно прекрасна и по краскамъ. Гамма холодноватыхъ, зеленовато-сѣрыхъ и синеватыхъ тоновъ, суровыхъ и нѣжныхъ въ одно и то же время, доставляетъ огромное, изысканное наслажденіе. И, конечно, владѣлецъ собранія правъ, когда называетъ эту картину «жемчужиной»...

Къ эпохѣ первыхъ опытовъ относится также этюдъ *nature morte*, — букетъ полевыхъ цвѣтовъ замѣчательнаго художника, признаннаго учителя современной молодежи, *Сезанна* (1839—1906 г.). Подробнѣе о немъ и о его значеніи будетъ сказано ниже, при обзорѣ позднѣйшихъ его произведеній. Что же касается этихъ цвѣтовъ, то и въ нихъ уже сказываются характерныя черты будущаго энтузіаста природы и художественнаго отшельника. Цвѣты написаны очень внимательно, почти сухо, съ какой-то беззавѣтной вѣрностью и честностью, съ одиночьемъ и молчаливымъ благоговѣніемъ передъ натурой и веществомъ. Чтобы закончить обзоръ перваго періода, остается еще упомянуть о «Нимфахъ» *Фантенъ-Латура* (1836—1904 г.). Этотъ симпатичный художникъ, въ которомъ всегда было что-то дилетантское, но видѣнія котораго всегда поэтичны, остался въ сторонѣ отъ движенія, поднятаго импрессионистами. Но онъ былъ ихъ вѣрнымъ другомъ и защитникомъ, умѣя остаться въ то же время самимъ собой. Нѣсколько выдающихся портретовъ и красивыхъ «туманныхъ композицій» указываютъ на крупный его талантъ. Находящаяся въ галлерей картинѣ довольно характерна для него, представляя одинъ изъ излюбленныхъ имъ подернутыхъ дымкой мотивовъ съ нимфами, унаследованными отъ лѣсныхъ фантазій Діаза или Боро.

Второй изъ намѣченныхъ здѣсь періодовъ можно начать 1875 годомъ и закончить къ 1889 г., ко времени большой официальной выставки и, что важнѣе, ко времени памятной выставки Клода Монэ и Родэна, которая явилась первымъ триумфомъ импрессионизма и открыла путь ко всеобщему его признанію. Эти четырнадцать лѣтъ надо считать лучшимъ, героическимъ періодомъ въ жизни импрессионизма. Художники преданные этому теченію, выдержали суровую и тяжелую борьбу. Отвергнутые въ официальномъ салонѣ, они съ удивительнымъ упорствомъ и постоянствомъ отстаивали свою художественную вѣру. Жизнь ихъ стала трудной и полной матеріальныхъ лишеній, но это не заставило сдаться и пойти на уступки. Нѣкоторымъ изъ нихъ такъ и не привелось дожить до лучшихъ временъ, услышать признаніе, получить справедливую оцѣнку своихъ трудовъ. И уже за это одно, за эту прямоту, неподкупность и убѣжденность своихъ исканій импрессионисты заслуживаютъ полнаго уваженія и съ честью займутъ свое мѣсто на страницахъ исторіи.

Что же поддерживало ихъ и въ чемъ была ихъ художественная вѣра? Чтобы понять сущность импрессионизма, надо прежде всего отрѣшиться отъ одного распространеннаго предразсудка, который вызванъ до крайности неудачнымъ и къ сожалѣнію укоренившимся названіемъ этого художественнаго направленія. Подъ импрессионизмомъ принято въ данный моментъ разумѣть творчество художника, писателя, музыканта, который запечатлѣваетъ бѣглыя мгновенія жизни, для котораго природа становится хаотическимъ и случайнымъ рядомъ мелькнувшихъ впечатлѣній, не связанныхъ между собой, не покоящихся на общей основѣ миропониманія. Этотъ приемъ творчества кажется настолько типичнымъ для современнаго человѣка и современнаго

художества, что подъ именемъ «импрессионизма» онъ возводится на степень какъ бы современной художественной философіи, выражающей будто бы сущность такъ называемаго «новаго искусства». Не входя здѣсь въ разборъ всей этой довольно-таки поспѣшной и поверхностной схемы, я ограничусь только импрессионизмомъ въ живописи, въ наиболѣе полномъ и совершенномъ его выраженіи у Клода Монэ.

Слово «импрессионизмъ» возникло совершенно случайно. На одной изъ первыхъ выставокъ, гдѣ участвовали будущіе «импрессионисты», былъ этюдъ Клода Монэ, подписанный: «Soleil levant. Impression». Самъ художникъ не придавалъ этой подписи никакого «программнаго» значенія. Но слово «Impression», показавшееся публикѣ вызовомъ или просто курьезомъ было подхвачено уличной прессой, и такъ какъ давно уже была потребность «окрестить» какъ-нибудь группу новаторовъ, это слово превратилось въ популярную кличку. Можетъ быть оттого эта кличка такъ и распространилась, что она будто бы давала легкое и понятное объясненіе новому художественному приему. Глубже въ сущность его никто не вникалъ, и постепенно случайное слово, прикрывшее собой совершенно невѣрное представленіе, укрѣпилось, породило цѣлый рядъ недоразумѣній, дало ложное освѣщеніе всей художественной дѣятельности Клода Монэ и его товарищей.

Въ то время, какъ въ работахъ этой группы художниковъ хотѣли видѣть закрѣпленіе бѣглыхъ впечатлѣній природы и жизни, самоцѣнныхъ, самодовлѣющихъ, такъ сказать, конечныхъ въ себѣ, эти работы являются на самомъ дѣлѣ рядомъ опытовъ, строгихъ, почти научныхъ, никогда не разрозненныхъ, но всегда входящихъ, какъ часть въ нѣкоторое цѣлое. Въмѣсто крайняго субъективизма, къ которому будто бы пришли «импрессионисты», они проявили на самомъ дѣлѣ такой точный и послѣдовательный объективизмъ, какого не знала до нихъ живопись. И это вполне естественно, ибо внутренней сущностью «импрессионизма» было крайне внимательное, очень подробное, обстоятельное, медленное и осторожное изученіе природы, точнѣйшій анализъ свѣта, воздуха, цвѣта.

«Импрессионисты» отказались отъ старыхъ приемовъ живописи, отъ магизма изображенія. Они смѣнили ихъ приемами аналитическими. Они отказались отъ вѣчнаго элемента искусства, отъ условности и вмѣсто того ввели стремленіе къ точному воспроизведенію, къ передачѣ. Старые венеціанцы дивно *изображали* золотое сіяніе солнца, въ своихъ картинахъ они творили свое солнце, ни мало не думая добыть кусочекъ солнца подлиннаго, «реальнаго». Клодъ Монэ и его послѣдователи именно стремились *передать* солнце, они хотѣли, чтобы оно свѣтило въ картинѣ точь точь такъ, какъ въ дѣйствительности. И мѣриломъ успѣшности могло тогда считаться желаніе «раскрыть передъ картиной зонтикъ».

Условные темные тона старинныхъ мастеровъ казались имъ сплошной ошибкой. Въ природѣ нѣтъ чернаго цвѣта, какъ нѣтъ и бѣлаго. Нѣтъ определенной границы между свѣтомъ и тѣнью,—и то и другое окрашен

только различно. Нѣтъ и опредѣленныхъ контуровъ,—понятіе о линіи искусственное, оно возникаетъ лишь тамъ, гдѣ глазъ видитъ границу двухъ различно освѣщенныхъ и окрашенныхъ поверхностей. Нѣтъ, наконецъ, и сплошныхъ, опредѣленныхъ тоновъ, ибо каждый изъ нихъ состоитъ изъ тысячи едва различимыхъ глазомъ оттѣнковъ, ибо каждый цвѣтъ складается изъ различныхъ комбинацій основныхъ и чистыхъ цвѣтовъ спектра. И потому каждый тонъ можетъ быть разложенъ на основные; будетъ ошибкой написать его сплошнымъ и ровнымъ. Точная передача тона требуетъ, чтобы онъ былъ составленъ изъ соответствующей комбинаціи пятенъ основныхъ спектральныхъ тоновъ. Въ своихъ опытахъ импрессионисты не исходили изъ данныхъ науки. Но легко видѣть, что въ своихъ выводахъ они съ ними вполне совпадаютъ. На приѣмъ «хроматизма», разложенія тоновъ, лежитъ опредѣленный отпечатокъ научнаго мировоззрѣнія.

Тотъ же научный, строго-аналитическій характеръ ясно выраженъ въ самой обстановкѣ, въ которой работалъ Клодъ Монэ. Типичнѣйшими для этого художника являются его многочисленныя серіи этюдовъ одного и того же мѣста или предмета, исполненныя въ различное время дня, при разномъ освѣщеніи, при иной погодѣ и проч. Клодъ Монэ выѣзжалъ на работу съ повозкой, гдѣ лежало нѣсколько начатыхъ картинъ. Утромъ онъ продолжалъ одну изъ нихъ, въ полдень другую, къ вечеру третью, если свѣтило солнце,—четвертую, если шелъ дождь,—пятую и т. д. Развѣ нельзя назвать этотъ приѣмъ лабораторнымъ, чисто научнымъ и выражающимъ послѣднюю степень объективизма? И живопись, сведенная къ этому приему, съ наибольшимъ основаніемъ должна быть названа *аналитической*.

Надо помнить, однако, что этотъ аналитическій и научный приѣмъ не былъ выведенъ импрессионистами изъ научныхъ теорій. Они пришли къ нему постепенно, путемъ цѣлаго ряда опытовъ, и этими опытами руководила несомнѣнно большая любовь къ природѣ, своего рода энтузіазмъ новыхъ художественныхъ открытій въ области свѣта и воздуха. Цѣлые годы проходили для этихъ художниковъ въ упорной, самозабвенной работѣ подъ открытымъ небомъ, и если и можно назвать ее «лабораторной», то надо помнить, что лабораторіей въ данномъ случаѣ былъ весь широкій и дивный Божій міръ. Общеніе Клода Монэ и его товарищей съ міромъ и природой было близкимъ и любовнымъ, объективизмъ ихъ не былъ холоднымъ и безстрастнымъ, но былъ для нихъ подвигомъ и высшей справедливостью. Ихъ знаніе приобрѣло научный характеръ лишь потому, что были они людьми новаго времени, воспитанными съ колыбели въ правдѣ научнаго міросозерцанія. Умѣя проникнуть сквозь нѣкоторую механичность и холодность самаго приѣма, мы встрѣтимъ у первыхъ импрессионистовъ то же искреннее и чистое чувство земли и неба, которое воодушевляло Боро, Руссо и Дюпрэ.

Это чувство лучше замѣтно въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Клода Монэ. Находящійся въ галлерей пейзажъ, помѣченный 1886 годомъ, изображаетъ поле мака, за нимъ деревенскіе дома, группы деревьевъ, синія дым-

чатыя дали. Приемъ хроматизма, или разложенія тоновъ, здѣсь выраженъ неполно,—яснѣе только въ стогѣ сѣна на первомъ планѣ. Но вся картина необыкновенно удачна и мила; розово-красные маки нѣжно сочетаются съ синеватой дымкой окутывающей дали. Въ этой картинѣ, вѣроятно въ одной изъ первыхъ, очень вѣрно найдена характерная гамма французскаго пейзажа, его серебристость, синеватый отливъ зелени, легкія лиловыя тѣни. Со временъ Клода Монэ такая гамма стала признанной для передачи природы сѣверной и средней Франціи. Годъ за годомъ она воспроизводится на выставкахъ въ безконечномъ числѣ повтореній.

Приблизительно къ той же эпохѣ относятся въ галлерей два другихъ пейзажа Монэ. Скалы въ морѣ написаны вѣроятно въ Бель-Иль (Бретань) и принадлежать къ многочисленнымъ наблюденіямъ художника надъ движеніемъ волнъ и цвѣтомъ воды. Тополя окутанные утренней дымкой, написаны повидимому въ Живерни, недалеко отъ Парижа, гдѣ Клодъ Монэ долго жилъ и работалъ. Въ этой послѣдней картинѣ приемъ разложенія тоновъ проведенъ уже полно и совершенно. Лугъ, уходящій въ утреннемъ туманѣ къ сѣдымъ тополямъ, состоитъ изъ пятенъ синяго, лиловаго и зеленого цвѣта. Это похоже на коверъ цвѣтовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это очень правдиво передаетъ холодноватый утренній тонъ.

Въ галлерей нѣтъ пейзажей, написанныхъ около того же времени другими импрессионистами, Пизарро, Сизлэ, Ренуаромъ. Зато здѣсь имѣются прекрасные примѣры творчества Дегаза. Долгое время возникновеніе импрессионизма ставилось въ прямую связь съ тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произвело на европейскихъ художниковъ знаомство съ японскимъ искусствомъ. Отсутствие въ японской цвѣтной гравюрѣ тѣней, свѣтлыя краски, рѣзко выраженное движеніе, напоминающее моментальную фотографію,—все это дѣйствительно сближаетъ ее съ живописью импрессионистовъ и рисунками Дегаза. Несомнѣнно, тутъ было въ свое время и нѣкоторое прямое вліяніе, но размѣръ его не слѣдуетъ преувеличивать. Въ главныхъ чертахъ аналитическая живопись импрессионистовъ развивалась вполне самостоятельно и представляетъ собой явленіе высоко типичное и необходимое въ духовной западно-европейской культурѣ прошлаго вѣка.

Едва ли можно говорить о прямой связи между японской цвѣтной гравюрой и картинами Клода Монэ. Едва ли много существенно-общаго между острой фотографичной наблюдательностью японскаго рисовальщика и между рисунками Дегаза, передающими мгновенное движеніе, но такими спокойными въ то же время, такими глубокими, ритмичными и пронизанными внутренней таинственной прелестью мастерства. Японскій художникъ всегда подчиненъ природѣ, онъ стремится передать ее съ послѣдней вѣрностью и самъ отходить на второй планъ, скрывается. Великая традиція европейскаго искусства состоитъ въ первенствѣ художника надъ природой. Онъ выбираетъ, онъ построитъ, онъ даетъ свой законъ и въ созданное имъ влагаетъ свою душу, онъ не повторяетъ формы міра, но свободно множитъ ихъ.

Все это въ высшей степени свойственно рисункамъ Дегаза. Онъ рисуетъ утреннюю проѣзду скаковыхъ лошадей. Но тамъ, гдѣ у японскаго рисовальщика былъ бы только остроумный и вѣрнѣйшій этюдъ движенія, у Дегаза получается картина. Поразительная строгость въ расположеніи группъ, чувство цѣльности и равновѣсія возводятъ этотъ принадлежащій С. И. Щукину рисунокъ пастелью на степень настоящей картины. Такъ сдержанно и скупо намѣчено окружающее,—зеленый лужокъ, полоска тумана, сѣрое небо,—и такъ много въ этомъ внутренняго содержанія! По замѣчательному мастерству, съ какимъ рѣшена основная художественная задача Дегаза,—достигнуть maximum'a впечатлѣнія при minimum'ѣ средствъ,—прекрасенъ также и другой рисунокъ, относящійся къ той же эпохѣ и изображающій вереницу балетныхъ фигурантокъ въ театральномъ фойе.

Періодъ 1875—1889 годовъ, когда окончательно опредѣлились приемы импрессионистической или лучше сказать аналитической живописи, былъ также временемъ развитія нѣсколькихъ крупныхъ талантовъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ этого теченія и не связанныхъ съ нимъ даже такъ вѣшно, какъ связанъ Дегазъ. Въ Щукинской галлерей есть интересные примѣры ихъ творчества, особенно же драгоцѣнно имѣющееся въ ней произведеніе великаго *Пювисъ де-Шаванна* (1824—1898 гг.). Этотъ замѣчательный художникъ, воскресившій въ концѣ XIX вѣка монументальную живопись, опредѣлился очень поздно, къ сорока годамъ, пройдя предварительно долгій и строгій курсъ академическаго обученія. Въ первыхъ декоративныхъ панно, украшающихъ Амьенскій музей, Пювисъ де-Шаваннъ еще не достигаетъ позднѣйшаго величія, силы, мудрой простоты, священнаго ритма. Начало полнаго расцвѣта его творчества надо отнести къ концу 70-хъ годовъ, и картина, принадлежащая С. И. Щукину, помѣчена какъ разъ 1877 годомъ. Въ эту пору Пювисъ де-Шаванномъ написаны *L'Enfant prodigue*, дѣтство св. Женевьевы для Пантеона, первая панно для музея въ Лионѣ. Въ эту пору имъ написанъ знаменитый «*Ravage pêcheur*», составляющій одну изъ славъ Люксембургскаго музея и тотъ вариантъ этой же самой темы, который является гордостью щукинской галлерей.

Весьма возможно, что «Смиранный рыбарь» коллекціи С. И. Щукина, обозначенный 1877 годомъ, является первоначальной мыслью картины Люксембургскаго музея, появившейся въ Салонѣ 1881 г. Но это никоимъ образомъ не эскизъ, это тоже картина, вполне законченная и въ общемъ очень близкая къ той, которая находится въ Люксембургѣ.

Тема, выраженная съ почти равной силой и глубиной въ обѣихъ этихъ картинахъ, составляетъ какъ бы ключъ къ творчеству Пювисъ де-Шаванна. Эта тема,—молитва, и молитва, тихая, радостная, полная внутренней побѣдной силы, является главнымъ содержаніемъ всѣхъ картинъ и монументальныхъ работъ великаго художника. Въ то время какъ импрессионисты дали выходъ въ своихъ аналитическихъ опытахъ научному міровоззрѣнію, преобладавшему въ прошломъ вѣкѣ, Пювисъ де-Шаваннъ, единственный указавъ, что возможности религіознаго творчества не из-

сыкли, но могут еще воскреснуть въ современномъ искусствѣ. И самый пріемъ живописи, вмѣсто воспроизведенія природы основаннаго на точномъ и опытномъ знаніи частностей, сталъ у него проникновеннымъ пониманіемъ общаго и главнаго, выраженнаго въ большихъ линіяхъ, въ спокойныхъ и величавыхъ цвѣтныхъ поверхностяхъ. Синтетическая живопись, которая въ концѣ вѣка пришла на смѣну аналитической живописи импрессионистовъ, оперлась въ ближайшемъ прошломъ прежде всего на великаго Пювись де-Шаванна.

Въ шукинской галлерей есть еще рисунокъ пастелью того же мастера на тему «Милосердіе», но онъ имѣетъ только эпизодическій характеръ и лишень глубокой поэзіи и важности «Смирннаго рыбаля». Другой художникъ, высоко-одаренный и не связанный съ импрессионизмомъ, развился въ эпоху 1875—1889 гг., названную здѣсь вторымъ періодомъ новѣйшей живописи. Это недавно умершій *Эженъ Каррьеръ* (1849—1906 гг.). Первая извѣстность замѣчательнаго автора портретовъ Верлена и Гонкура относится къ 1879 г. Общее вниманіе было привлечено тогда сценой материнства и, какъ извѣстно, эта тема сдѣлалась излюбленной для Каррьерера. Одна изъ этихъ сценъ, вѣроятно, относительно ранняя, принадлежитъ С. И. Шукину. Въ этомъ произведеніи характерно выражень духъ творчества Баррьерера. Художникъ, избѣгающій частностей, стремящійся передать жизнь и судьбу человѣка въ главныхъ и вѣчныхъ чертахъ, неизмѣнно окутываетъ свои фигуры золотистымъ коричневымъ туманомъ, въ которомъ исчезаетъ все случайное и лишнее. И сквозь этотъ туманъ выступаютъ вѣчныя движенія и чувства человѣческой жизни, — мать, склонившаяся надъ ребенкомъ въ порывѣ страстной заботы, обреченные, семья, отдѣльныя лица съ острымъ вопрошающимъ взглядомъ, лица спящихъ, гдѣ отражены скользящіе неслышной стопой видѣнія и сны.

Несмотря на кажущуюся одноцвѣтность этихъ туманныхъ сценъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть большая колористическая прелесть. Это относится и къ «Материнству» шукинской галлерей. Здѣсь находятся еще три вещи Каррьерера, — женщина за шитьемъ, фигура женщины, часто повторяющейся въ его сценахъ съ нервнымъ, тревожнымъ лицомъ, и еще голова спящей. Всѣ эти работы принадлежатъ къ недурнымъ и довольно характернымъ примѣрамъ его творчества.

Чтобы закончить обзоръ второго періода, остается еще упомянуть о трехъ маленькихъ вещицахъ *Уистлера* (1834—1903 гг.). Этотъ выдающійся англо-американскій художникъ выступилъ впервые въ томъ же пмятномъ «Салонѣ отверженныхъ» 1863 г., гдѣ были «Завтракъ на травѣ Манэ», гдѣ были Фантэнъ-Латуръ, Пизарро и другіе, отвергнутые академическимъ жюри. Роль Уистлера въ современномъ искусствѣ очень великаго знаменитыя «симфоніи» тоновъ вызвали безчисленное множество подражаній и повтореній въ англійской и нѣмецкой живописи. Въ послѣднее время Уистлеру дана болѣе спокойная и справедливая оцѣнка. Успѣхъ

которымъ пользовались его произведенія, оказался не слишкомъ долговѣчнымъ, и та пустота и «внѣшность» его вещей, на которую въ свое время указывалъ суровый Рёскинъ и которая не была понята въ периодъ наибольшихъ триумфовъ Уистлера, становится теперь понятной и признанной. Но какъ бы то ни было, Уистлеръ всегда сохранить за собой славу отличнаго живописца. Принадлежащія С. И. Щугину три маленькія вещицы, — двѣ марины и этюдъ лавки въ какой-нибудь глухой венеціанской улочкѣ, — оправдываютъ эту славу своей красивой, необыкновенно «вкусной» живописью.

Выставкой Клода Монэ и Родана, открывшейся въ 1889 г. въ галлерей Жоржъ-Пти, можно начать *третій* периодъ новѣйшей живописи. На этой выставкѣ въ лицѣ Монэ импрессионизмъ представилъ результаты двадцатилѣтнихъ опытовъ и впервые получилъ, если не всеобщее, то, по крайней мѣрѣ, очень широкое признаніе. Послѣдующее десятилѣтіе 1889—1900 гг. сдѣлало это признаніе почти всеобщимъ. Въ 1894 г. французское правительство приняло даръ умершаго художника и коллекціонера Кайбота, и, такимъ образомъ, въ національной галлерей Люксембургскаго музея появилось нѣсколько десятковъ картинъ Клода Монэ, Дегаза, Пизарро и другихъ импрессионистовъ. Но наибольшій триумфъ этого течения заключался въ томъ, что оно оказало сильѣйшее и повсемѣстное вліяніе на искусство во Франціи и другихъ странахъ. Приемы, выработанные импрессионистами, были приняты и очень быстро усвоены огромнымъ большинствомъ художниковъ. Упорствовали лишь немногіе эпигоны академизма. Движеніе въ сторону импрессионизма сдѣлалось всеобщимъ, стихійнымъ. Оно нашло свое внѣшнее выраженіе въ устройствѣ новаго художественнаго общества и новыхъ выставокъ, открывавшихся ежегодно, параллельно съ официальнымъ Салономъ, и получившихъ названіе «Салонъ Марсова поля».

Что касается инициаторовъ аналитической живописи, то они продолжали идти намѣченнымъ путемъ. Творчество Клода Монэ окончательно отлилось въ форму «серій», изъ которыхъ каждая представляла рядъ этюдовъ одного и того же мѣста или предмета при различныхъ условіяхъ погоды, въ разные часы дня, при иномъ освѣщеніи. Въ 1891 г. художникъ пишетъ «Стоги», въ 1892 г. — «Тополя», въ 1894 г. — «Руанскій соборъ». Въ щугинской галлерей есть два «Собора», одинъ утренній, другой — взятый въ полдень, и обѣ эти вещи должны считаться совершеннымъ и искуснѣйшимъ рѣшеніемъ задачъ аналитической живописи. Въ промежуткахъ между серіями Клодъ Монэ возвращался къ прежнимъ своимъ темамъ. Видъ городка надъ рѣкой даетъ ему возможность изучить дрожащія отраженія. Морской берегъ въ Нормандіи является тонкимъ этюдомъ влажной приморской атмосферы. Обѣ эти вещи также находятся въ коллекціи С. И. Щугина.

Богатое собраніе произведеній Клода Монэ (всего ихъ здѣсь 11) заканчивается картинами изъ серіи «Водяныя лиліи» и «Темза». Первая

изъ нихъ (1899 г.) при всей виртуозной техникѣ исполненія производить слишкомъ нарядное, слишкомъ «салонное» впечатлѣніе. Вторая значительно серьезнѣе, и лондонскій туманъ надъ рѣкой, съвозъ который рисуются очертанія парламента, игра чаекъ, купающихся и ныряющихъ въ лиловой мглѣ, утренній холодъ и движеніе,—все это передано превосходно. Туманъ движется и растетъ, художникъ выказалъ удивительную наблюдательность и тонкость анализа. Но все же, по сравненію съ туманами геніальнаго Тёрнера, его картина кажется слишкомъ объективной, — блестящимъ результатомъ «ума холодныхъ наблюденій»...

Въ той же эпохѣ относятся находящіяся въ галлерей работы другихъ импрессионистовъ: очень внимательно написанная «Avenue de l'Opera» *Пизарро* (1830—1903 гг.), характерный этюдъ, взятый на берегахъ Сены, *Гиллмана* (род. 1841 г.). Сюда же надо отнести одно изъ самыхъ извѣстныхъ и блестящихъ произведеній Дегаза, — знаменитые «Голубые корсажи». Группа танцовщицъ въ сіяющихъ сапфирами корсажахъ на фонѣ сверкающихъ, какъ груда драгоценныхъ камней, декораций, нарисована съ безупречнымъ, изумительнѣйшимъ мастерствомъ. Ритмъ достигнуть совершенный, электрическій свѣтъ переданъ неподражаемо, красивы и гармоничны краски. И всетаки это поистинѣ мастерское произведеніе оставляетъ холоднымъ, не трогаетъ такъ просто, сильно и глубоко, какъ трогала первая «жемчужина» мастера, — танцовщица передъ окномъ. Такъ бываетъ всегда, когда внутреннее содержаніе художника, основаніе его дара, слишкомъ обнажено, когда все досказано и за этимъ нѣтъ тайны и глубины, когда божественный талантъ вложенъ безъ остатка въ созданіе внѣшней, всегда суетной и недолговѣчной красоты.

Это стремленіе къ нѣскольکو внѣшнему мастерству, къ «виртуозности», котораго не избѣжали даже такіе выдающіеся, серьезные художники, какъ Клодъ Моне и Дегазъ, сдѣлалось преобладающей нотой въ Салонѣ Марсова поля. Новый приемъ давалъ возможность пошедшимъ за импрессионистами художникамъ добиться многихъ эффектовъ свѣта и движенія. Новая техника оказалась способной къ блестящему и безконечно разнообразному развитію. Въ щугинской галлерей есть цѣлый рядъ примѣровъ, типичныхъ для живописи этого рода.

Одни художники, какъ *Море*, подражали Клоду Моне почти буквально, но довольно блѣдно. Другіе, какъ *Таулоу* (1847—1906 гг.), были болѣе самостоятельны, но зато часто повторяли самихъ себя. Въ галлерей есть излюбленный мотивъ Таулоу со снѣгомъ, съ талой водой и отраженіями красныхъ стѣнъ, есть еще его «Венеція» и очень недурный этюдъ Парижа, взятый на бульварѣ *Madleine*. Еще болѣе самостоятельнымъ былъ *Коттэ* (род. 1863 г.), избравшій своей постоянной темой Бретань. Въ галлерей есть типичный «Коттэ» этого рода, также какъ и двѣ «Венеціи» того же художника съ романтическимъ небомъ и пейзажнымъ красными парусами. Поразительное мастерство выказалъ въ своихъ не сравненныхъ изображеніяхъ залъ Версаля *Морисъ Лобргъ*. С. И. Щугин

принадлежать три превосходных *interieurs* этого выдающегося художника,—«*Salon de la guerre*» въ стилѣ Людовика XIV, маленькій залъ въ стилѣ Людовика XV, гдѣ такъ красиво ложится на паркетъ голубой оконный свѣтъ, и библіотека дофина, эпохи Людовика XVI. Тонкость, съ какою здѣсь написаны хрустальные люстры, зеркала, мраморъ, блескъ паркета, кажется, еще нигдѣ не превзойденной.

Изъ другихъ художниковъ «Марсова поля» извѣстность получилъ *Рене Менаръ* (род. 1862 г.), своими идилліями, гдѣ среди золотистыхъ дѣсовъ и скалъ пасутся стада, и тихія воды отражаютъ то голубое небо, то причудливыя облака и радугу. Одна изъ этихъ идиллій Менара находится въ галлерей, равно какъ и «церковная» сцена другого одареннаго художника, замѣчательнаго акварелиста *Латуша*. Впрочемъ, это полотно Латуша не принадлежитъ къ разряду удачныхъ. Лучше представленъ замѣчательный рисовальщикъ и иллюстраторъ, прямой ученикъ Дегаза, *Жанъ-Луи Форэнъ* (1852—1905 гг.). С. И. Щукину принадлежитъ превосходная «сцена на скачкахъ» и одна изъ многочисленныхъ «театральныхъ» сценъ этого художника. Въ иллюстраторамъ современной жизни можно отнести и *Пьетта*, художника рынковъ въ Бретани. Цѣль французскихъ участниковъ группы «Марсова поля» заканчивается отличными рисовальщикомъ и серьезнымъ живописцемъ *Симономъ* (род. 1854 г.), представленнымъ въ галлерей большимъ и хорошимъ полотномъ,—«Рыбаки».

Десятидесятые годы прошлаго вѣка были временемъ широкаго распространенія импрессионистическихъ, или, вѣрнѣе, аналитическихъ началъ въ живописи другихъ европейскихъ странъ. Многіе англійскіе, нѣмецкіе, испанскіе и бельгійскіе художники принимали дѣятельное участіе въ выставкахъ «Марсова поля». Нѣкоторые изъ нихъ представлены въ щубинской галлерей хорошими или недурными примѣрами. Здѣсь есть двѣ пастели вождя нѣмецкихъ импрессионистовъ *Макса Либерманна*, двѣ картины нашумѣвшаго одно время испанца *Зулоага*, рисунокъ знаменитаго бельгійскаго скульптора *Константина Менье*. Изъ англичанъ здѣсь имѣется *Патерсонъ*, одинъ изъ представителей такъ называемой Глазговской школы, считавшей своимъ учителемъ Уистлера, и молодой, очень талантливый декораторъ *Франкъ Брэмминъ* («Испанія» и декоративный «венеціанскій» мотивъ). Но всего цѣннѣе то, что здѣсь есть дивный гобеленъ, сдѣланный по рисунку величайшаго изъ англійскихъ прерафаэлитовъ, *Эдуарда Бёрнъ-Джонса* (1833—1898 гг.) въ извѣстной мастерской, къ сожалѣнію, существовавшей лишь короткое время, устроенной Уильямомъ Моррисомъ. Этотъ замѣчательный гобеленъ Бёрнъ-Джонса и Морриса лучше тѣхъ, которые украшаютъ лондонскій Саутъ-Кензингтонскій музей, и можетъ назваться настоящимъ сокровищемъ. «Поклоненіе волхвовъ» Бёрнъ-Джонса, разумеется, не стоитъ ни въ какой связи съ развитіемъ разсмотрѣнныхъ выше аналитическихъ теченій новѣйшаго искусства. Оно является чистымъ воспоминаніемъ о минувшемъ, отблескомъ великой былой славы. Но съ такимъ благоговѣніемъ, съ такой вѣрой сохранено это воспо-

минаніе, такое благородное сердце передало этотъ отблескъ, что онъ озаряетъ насъ свѣтомъ неугасимымъ и не о смерти, не о забвеніи говорить, но о вѣчномъ возрожденіи...

Нелегко установить предѣлы слѣдующаго періода новѣйшей живописи, по счету *четвертаго*, который является періодомъ художественнаго «синтетизма» и который тѣсно связанъ съ именами Сезанна и Гогена. Первый изъ этихъ художниковъ работалъ сорокъ лѣтъ непрерывно, начиная съ середины 60-хъ годовъ, и уже къ 1880 году вступилъ на путь своеобразныхъ и самостоятельныхъ исканій. Творчество второго изъ нихъ опредѣлилось въ главныхъ чертахъ къ началу 90-хъ годовъ. Наконецъ, третій художникъ, котораго надо считать предтечей декоративной и синтетической живописи, Ванъ-Гогъ, умеръ въ 1890 году. При всемъ томъ нельзя такъ далеко назадъ отнести начало четвертаго изъ намѣченныхъ здѣсь періодовъ. При установленіи этого приблизительнаго и условнаго дѣленія имѣлось въ виду указать сроки, когда то или другое теченіе является *преобладающимъ*, когда оно становится сильной и, можетъ быть, даже главной струей въ искусствѣ. Придерживаясь этого, началомъ синтетической живописи надо считать не тѣ годы, когда она складывалась въ уединенномъ творчествѣ Сезанна, Ванъ-Гога и Гогена, но тѣ, когда это творчество стало широко извѣстнымъ и оказало сильное и рѣшительное вліяніе на всю европейскую живопись. Вотъ почему можно приурочить начало четвертаго періода къ 1895 году, ко времени памятной выставки въ галлерей Воллара, гдѣ были собраны поразительные результаты двадцатилѣтнихъ трудовъ Сезанна. Выставка эта имѣла самое непосредственное и рѣшительное вліяніе на судьбу современнаго искусства, — однимъ ударомъ она опрокинула сложную и виртуозную постройку аналитической живописи импрессионистовъ. Что касается до конца четвертаго періода, то этотъ срокъ, понятно, еще труднѣе установить, чѣмъ начальный. Вліяніе Сезанна и Гогена и до сихъ поръ является преобладающимъ въ современной живописи. Но къ 1906 году и тотъ и другой сошли въ могилу; за десять лѣтъ можно учесть нѣкоторые итоги декоративной живописи; среди молодыхъ художниковъ обозначается новый поворотъ. Чисто условно и временно можно принять 1906 годъ конечной датой четвертаго періода.

Въ щужинской галлерей есть семь превосходныхъ вещей *Сезанна* и изъ нихъ по крайней мѣрѣ пять (исключая самую раннюю и самую позднюю) навѣрное фигурировали на выставкѣ у Воллара. Другъ дѣтства и землякъ Зола, Поль Сезаннъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Парижъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ. Молодой художникъ изучалъ Лувръ, безконечно благоговѣя передъ великолѣпными декоративными полотнами Рубенса и Веронеа. Отзывчивый на всякое проявленіе чистой и подлинной традиціи, онъ становится горячимъ поклонникомъ и ученикомъ Мане. Затѣмъ, направляемый молодымъ энтузіазмомъ передъ исканіями новаго, увлеченъ импрессионистамъ присоединяется къ нимъ, становится близкимъ другомъ, соратникомъ, участникомъ тѣснаго кружка. Выставляетъ вмѣстѣ съ ними, участвуя въ в

ставках 1874 и 1877 года. Но вдруг оставляет кружок, выставки, друзей и самый Париж, уѣзжаетъ въ свой родной Провансъ и тамъ, въ уединеніи и неизвѣстности, предается упорной и страстной работѣ. Двадцать лѣтъ о Сезаннѣ почти ничего не слышно въ Парижѣ. Время отъ времени въ небольшомъ художественномъ магазинѣ на отдаленной улицѣ появляются одна-двѣ вещи, быстро приобретаемыя какими-то невѣдомыми любителями. И вотъ, наконецъ, послѣ двадцатилѣтнихъ трудовъ выставка у Воллара,—восторги художниковъ, невольное признаніе критики, утверженіе началъ новой живописи, провозглашеніе учителемъ и главой новой «синтетической» школы.

Каковы же были работы Сезанна, которыя, собранныя у Воллара, произвели такое глубокое и сильное впечатлѣніе? Щукинская галлерей, владеющая отличными «Сезаннами», даетъ объ этомъ ясное понятіе. На бѣлой скатерти, отливающей могучимъ и суровымъ синимъ тономъ, лежатъ плоды,—зеленыя яблоки, оранжевые или винно-красные апельсины, написанные съ предѣльной твердостью, прямою и силою. Или въ синеватомъ стаканѣ стоятъ цвѣты, приведенные къ двумъ-тремъ основнымъ, «первобытнымъ» тонамъ. Это знаменитыя «Nature morte» Сезанна или вѣрнѣе этюды вѣчно живой природы, этюды вещества въ первичной его красотѣ и силѣ, лучшіе за весь XIX вѣкъ. Пейзажъ,—синее небо Прованса, очертанія далекихъ синихъ горъ, роскошная густая зелень деревьевъ, красноватая каменистая земля юга. Автопортретъ,—голова изумительной силы, острый взглядъ, безконечная энергія и неодолимое упорство въ характерномъ изгибѣ рта. Наконецъ, картина,—Mardi gras,—Арлекинъ и Пьеро на фонѣ раздвинутаго занавѣса, въ движеніи полномъ таинственной, сказочной прелести.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ этой и другихъ немногихъ картинъ, Сезаннъ остался въ своихъ темахъ вѣрнымъ натуралистическимъ тенденціямъ импрессионизма. Мало того, онъ до конца пользовался приемомъ, который легъ въ основу аналитической живописи, способомъ работы, «en plein air». Можетъ быть никто никогда не работалъ такъ много среди полей и лѣсовъ, подъ открытымъ небомъ и солнцемъ юга, какъ Сезаннъ. Но этимъ и личными отношеніями ограничивается связь между Сезанномъ и импрессионистами. Онъ началъ съ того же, съ чего и они, но пришелъ къ инымъ, почти противоположнымъ результатамъ.

Импрессионисты бессознательно опирались на научное мировоззрѣніе, ихъ творчество было основано на знаніи, ихъ изученіе природы было аналитическимъ, лабораторнымъ. Творчество Сезанна является чистѣйшей интуиціей, его познаніе природы заключалось въ послѣдней близости къ ней, въ проникновенномъ угадываніи общаго, въ ожиданіи минуты, когда осѣнить вдохновенное постиженіе. «Серіи» Клода Моне дають рядъ отдѣльных моментовъ природы, несвязанныхъ между собой; только соединяя ихъ мысленно въ одно, можно реконструировать по нимъ общее. У Сезанна же каждый этюдъ является воплощеніемъ общаго, не только для

данной мѣстности или предмета, но и для всего міра видимаго, для всѣхъ разнообразнѣйшихъ формъ вещества, открывающихся взору художника. Художественная мысль Клода Моне всегда обращена къ частному, ограничена условіями мѣста, времени, случайной обстановки. Сезаннъ всегда поглощенъ страстной мечтой о первичномъ, о самой матеріи, освобожденной отъ всякихъ случайныхъ моментовъ и предстающей въ чистомъ, «сыромъ» видѣ передъ интуитивнымъ и синтетическимъ познаніемъ художника.

Другое, также коренное различіе между Сезанномъ и импрессионистами заключается въ присущей его живописи декоративности. Цѣлью аналитической живописи было стремленіе *передать* природу, какъ она есть. Картина должна производить точь въ точь то же впечатлѣніе, какъ дѣйствительность. Въ ней долженъ быть настоящій воздухъ, настоящее солнце міра должно свѣтить въ ней,—такъ полагали импрессионисты. При такомъ возрѣніи художникъ становится въ прямое подчиненіе природѣ. Индивидуальное истолкованіе дѣйствительности было ограничено для него условіями объективной вѣрности или сходственности. Краски, живопись сама по себѣ, начинали играть только служебную роль. Понятіе о красотѣ понемногу исчезало и замѣнялось понятіемъ объ объективной правдѣ, въ которой будто бы и заключается высшая красота художественнаго произведенія. Мысль о композиціи, о созданіи была заслонена мыслью о передачѣ, о воссозданіи.

Но, держась этихъ тенденцій, импрессионисты несомнѣнно уклонились съ истиннаго историческаго пути, которымъ шло великое прежнее искусство. Красота живописи самой по себѣ, внѣ всякой вѣрности природѣ, должна была возродиться. Художественное произведеніе должно было вновь обрѣсти смыслъ украшенія, *декоративный* смыслъ. Художникъ долженъ былъ снова направиться къ исканію красоты, долженъ былъ проявить свою волю и свой выборъ по отношенію къ природѣ, возвратить утерянное свое первенство. И это было осуществлено въ творествѣ Сезанна.

На памятной выставкѣ у Воллара художники съ изумленіемъ увидѣли передъ собой примѣры великолѣпной живописи, полотна, равныя въ декоративной красотѣ полотнамъ великихъ венеціанцевъ. Сезаннъ, пылавшій страстной мечтой о первичной силѣ и красотѣ вещества, овладѣлъ сокровеннѣйшей тайной живописи. Въ какихъ-нибудь яблокахъ и апельсинахъ на бѣлой скатерти, въ скромныхъ пейзажахъ и портретахъ онъ сумѣлъ дать выраженіе вѣчной неумирающей красоты жизни. Разсказать впечатлѣніе отъ этихъ этюдовъ и картинъ невозможно, — оно цѣликомъ кроется въ ихъ строгой и прекрасной живописи. Но значеніе ихъ ясно: они указали на огромную, самостоятельную силу живописи внѣ всякихъ литературныхъ или научно-аналитическихъ задачъ.

Сезаннъ вернулъ живописи ея декоративный смыслъ. Онъ поставилъ преграду импрессионизму и повернулъ потокъ современнаго художества въ иное русло. Такъ могъ сдѣлать только очень крупный, выдающійся худо

никъ, можетъ быть самый крупный изъ всѣхъ художниковъ со временъ Манэ. Въ щугинской галлерей есть два произведенія Сезанна, которыя даютъ ему право назваться великимъ. «Mardi gras», — Арлекинъ и Пьеро на фонѣ раздвинутаго занавѣса, безконечно волнуетъ какимъ-то тайнымъ, несказаннымъ замысломъ. Есть трепеть волшебства въ этой картинѣ, она влечетъ къ себѣ, удерживаетъ надолго. Она изумительна по живописи, красота занавѣса неувыдаемая, классическая красота небывалая со временъ венеціанцевъ. Еще лучше другая картина, послѣдняя, написанная Сезанномъ въ годъ его смерти. Это пейзажъ въ Провансѣ съ синей зубчатой горой, съ уходящимъ кверху предгорьемъ, пестряющимъ золотомъ и зеленью, съ глубокимъ сине-зеленымъ небомъ. Живопись этой картины такъ прекрасна, такъ потрясающе-сильна, что любой кусокъ, вырѣзанный изъ нея, будетъ высокимъ художественнымъ произведеніемъ, какъ будетъ имъ обломокъ античной статуи. Во всей новой живописи нѣтъ ни одной вещи, гдѣ была бы достигнута такая острая, звенящая прелесть сочетанія коричнево-золотистыхъ и зеленыхъ пятенъ на густомъ и глубокомъ синемъ фонѣ. Это бодрая, терпкая и могучая красота, опьяняющая радостью, какъ пьянитъ утренній воздухъ въ горахъ, — горное, солнечное и воздушное вино.

Въ художественныхъ теченіяхъ, какъ и въ другихъ эволюціонныхъ процессахъ наблюдается сплосъ и рядомъ параллелизмъ явленій. Одни и тѣ же начала возникаютъ одновременно и самостоятельно въ творествѣ нѣсколькихъ художниковъ, ничего или почти ничего не знающихъ другъ о другѣ. Въ тѣ самые 80-тые годы, когда въ уединеніи полей и горъ Прованса складывался живописный синтетизмъ Сезанна, другой художникъ, голландецъ по происхожденію и французъ по культурѣ, *Винцентъ Ванъ-Гогъ* (1853—1890) проявилъ тѣ же стремленія среди своихъ пламенныхъ, мятежныхъ и бурныхъ исканій. Жизнь Ванъ-Гога вся прошла въ скитаніяхъ, въ лишеніяхъ, въ лихорадочномъ полубезумномъ творествѣ. Окончилась она трагически, — художникъ лишилъ себя жизни въ остромъ припадкѣ тоски. И жизнь и искусство Ванъ-Гога представляютъ собой замѣчательный примѣръ самосожиганія. Давно не встрѣчалось въ искусствѣ такого бурнаго, поистинѣ вулканическаго темперамента. И такой душевной прозрачности вмѣстѣ съ тѣмъ, такой дѣтской вѣры, такого чистаго пламенѣнія передъ красотой. Судьба Ванъ-Гога была судьбой мученика, она неминуемо повлекла его къ самопожертвованію.

Ванъ-Гогъ былъ надѣленъ огромнымъ и самобытнымъ талантомъ. У него не было прямыхъ предшественниковъ; изъ современниковъ онъ вовсе не зналъ Сезанна и узналъ Гогена лишь въ послѣдніе годы своей краткой жизни. Онъ работалъ въ ту эпоху, когда усилія всѣхъ талантливыхъ художниковъ были устремлены на завоеваніе свѣта. Но то, что у импрессионистовъ носило характеръ спокойной, почти научной работы, то стало у Ванъ-Гога пламеннымъ обожаніемъ, какъ бы культомъ солнца. Солнце было въ сущности единственнымъ «сюжетомъ» его картинъ, и любимымъ

цвѣткомъ его былъ вѣчно обращенный къ солнцу подсолнечникъ. Мысль о солнцѣ стала у Ванъ-Гога неотвязной мечтой. Желтымъ цвѣтомъ, излюбленнымъ желтымъ хромомъ, точно «жидкимъ солнцемъ», залиты всѣ его картины. Въ щуйинской галлерей Ванъ-Гогъ представленъ не особенно характерными для него примѣрами. Но въ эскизѣ къ «Бою быковъ» есть типичныя желтыя пятна, есть черты бурнаго и страстнаго темперамента. А другая вещь, — великолѣпный «Кустъ», залитый солнцемъ на фонѣ южнаго синяго неба, — показываетъ, какимъ сильнымъ и прекраснымъ живописцемъ былъ безвременно погибшій Винцентъ Ванъ-Гогъ.

Если трудно отыскать прямыя воздѣйствія на творчество Сезанна и Ванъ-Гога, то какъ разъ эти два художника въ сильной степени опредѣляютъ искусство третьяго «отца» современной декоративной живописи, — *Поля Гогена* (1848—1903). Въ важнѣйшіе годы, когда формировалось его творчество, этотъ замѣчательный художникъ пришелъ въ сопряженіе съ искусствомъ Сезанна и Ванъ-Гога, и, нѣтъ никакого сомнѣнія, глубоко проникся имъ и пережилъ его до конца. Но пережилъ, конечно, по-своему. За это отвѣчаетъ не только его творчество, но и вся его необыкновенная, титанически-сильная, безпримѣрно-яркая, рѣзко-индивидуальная фигура. И вся его необыкновенная, какъ бы сказочная или «геніальная» жизнь.

Полю Гогену былъ сыномъ француза и перувианки, Флоры Тристанъ, коммунистки, основывавшей когда-то вмѣстѣ съ Анфантеномъ новую религію, — той самой, которую Прудонъ называлъ геніальной женщиной. Въ молодости онъ, какъ и Мане, былъ морякомъ, много странствовалъ, видѣлъ тропическія страны. Позже служилъ въ коммерческомъ предпріятіи и, только когда ему было около тридцати лѣтъ, сталъ заниматься живописью, какъ дилетантъ. Огромный талантъ его сказался сразу, и уже съ 1880 года Гогенъ находится въ числѣ участниковъ выставокъ, устраиваемыхъ импрессионистами. Живопись захватываетъ его все больше и больше, просыпается его огромный темпераментъ, жажда работы и великихъ открытій. Наконецъ, около середины 80-хъ годовъ онъ рѣшаетъ всецѣло посвятить себя искусству. Въ одинъ день онъ бросаетъ все, — службу, дѣлавшую его почти богатымъ человекомъ, семью, всю прежнюю жизнь. Онъ становится бѣднякомъ, почти нищимъ, непризнаннымъ живописцемъ. За нимъ нѣтъ въ прошломъ долгихъ лѣтъ выучки и школы, нѣтъ въ будущемъ ясно намѣченнаго пути. Есть за то непоколебимая вѣра въ свое призваніе и героическая рѣшимость пожертвовать всѣмъ, даже самой жизнью.

Бросая свое прошлое, Гогенъ не удержалъ и своихъ прежнихъ художественныхъ стремленій. Импрессионизмъ въ ту пору все яснѣе и яснѣе вскрывалъ свой аналитическій и научный характеръ. Гогенъ разошелся импрессионистами, его неудержимо тянуло въ невѣдомыя страны отпугнутыя, и юношескія воспоминанія увлекли его къ тропикамъ. Онъ уѣхалъ островъ Мартиникъ и тамъ въ первый разъ узналъ наслажденіе одинокаго труда и простой первобытной жизни дикаря. «Я дикарь», сталъ говорить онъ съ тѣхъ поръ съ печальной гордостью.

Въ 1888 году Гогенъ вернулся во Францію. Но онъ бѣжалъ изъ Парижа отъ официально-банальнаго искусства съ одной стороны, отъ уклоненія бывшихъ друзей импрессионистовъ къ механичности и виртуозности—съ другой. Гогенъ поселился въ глухомъ уголкѣ Бретани, и тамъ его окружило многочисленное общество молодежи,—новыхъ друзей и учениговъ. Тамъ въ деревушкѣ Понтъ-Авенъ возникло любопытнѣйшее и единственное явленіе въ искусствѣ прошлаго вѣка,—Понтавенская школа, изъ которой вышло почти все наиболѣе талантливое въ современной французской живописи. Конечно, это не было школой въ прямомъ значеніи слова, но влияние Гогена на окружающихъ его было огромно. Какъ разъ въ разгаръ дѣятельности импрессионистовъ, въ эпоху первой большой выставки Клода Моне, въ глухомъ уголкѣ Бретани воспитывалось новое поколѣніе художниковъ, воспитывалось въ благоговѣніи передъ искренностью и простотой примитивовъ, передъ даромъ божественной интуиціи, передъ силой всеоправдывающаго и всевозвышающаго чувства. Это было то поколѣніе, которое черезъ нѣсколько лѣтъ признало свою вѣру въ художественномъ синтетизмѣ и своего учителя въ Сезаннѣ.

Понтавенская школа перестала существовать къ 1890 году, во времени поѣздки Гогена на югъ къ Ванъ-Гогу и совмѣстной ихъ работы въ Арлѣ, внезапно прерванной трагической кончиной Ванъ-Гога. Въ 1891 году Гогенъ осуществилъ свою давнишнюю мечту,—онъ уѣхалъ на островъ Таити и прожилъ тамъ въ трудахъ и одиночествѣ два съ половиной года. Эти годы были полнымъ расцвѣтомъ его творчества. Гогенъ вернулся въ Парижъ триумфаторомъ, онъ былъ увѣренъ, что покорить теперь столицу искусства своими новыми произведеніями. Въ 1893 году открылась выставка Гогена, одна изъ замѣчательнѣйшихъ выставокъ прошлаго вѣка. Но какъ горько былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ бѣдный ребенокъ-великанъ! Общая печать встрѣтила выставку насмѣшками и негодованіемъ филистеровъ. Художественная критика, за немногими исключеніями, отнеслась къ нему холодно, снисходительно отмѣчая нѣкоторыя достоинства. Гогену было сорокъ пять лѣтъ. Для всякаго другого эта неудача была бы смертельнымъ, непоправимымъ ударомъ. Героическій духъ Гогена не былъ сломенъ. Въ 1895 году онъ снова покинулъ Парижъ, на этотъ разъ навсегда. Онъ снова уѣхалъ на свой любимый Таити и вернулся къ жизни полудикаря и пустынножителя. Время отъ времени онъ присылалъ въ Парижъ свои картины. Онѣ все такъ же изумляли, но уже и очаровывали вмѣстѣ съ тѣмъ, поражали своей красотой. Ширилась слава Гогена; «Понтавенская школа» выросла, и многіе изъ учениговъ Гогена добились чести попасть въ музей. Слава и признаніе ожидали учителя. Но было поздно, въ маѣ 1903 года Гогенъ умеръ среди простодушныхъ, дѣтски-счастливыхъ и обреченныхъ судьбою на близкую гибель таитянъ, которыхъ такъ беззаветно любилъ его большое и чистое сердце.

Творчество Гогена блестяще представлено въ Щукинской галлерей. Здѣсь есть въ высшей степени интересный примѣръ его первыхъ опытовъ, этиюдъ

Nature morte, написанный въ 1882 году, когда Гогенъ занимался живописью еще какъ дилетантъ. И затѣмъ здѣсь находятся десять великоформенныхъ полотень, относящихся ко второму пребыванію художника на Таити, помѣченныхъ разными годами между 1896 и 1901.

Первая вещь Гогена производитъ опредѣленное впечатлѣніе близости къ Nature morte Сезанна. Но здѣсь проявляются также и чисто «гогеновскія» индивидуальныя черты. Въ то время какъ вышедшій изъ импрессионизма Сезаннъ еще почти не замѣчаетъ линіи или, вѣрнѣе, скрываетъ ее, Гогенъ ясно и опредѣленно ищетъ линію. Плоды вычерчиваются для него отчетливыми контурами; художникъ скорѣе готовъ скрыть моделировку, чтобы привести все къ линейности, къ плоскостной декорации. Есть также рѣзко свое и въ тонахъ. Розовый, огнистый свѣтъ, которымъ озарена вся картина, является чистымъ созданіемъ Гогена. Розовый «безумный» токъ встрѣчается и дальше въ его творчествѣ на каждомъ шагу. Наконецъ, странное гримасирующее лицо, лицо дикаря со сложенными глазами и тонкой улыбкой, которое выглядываетъ здѣсь изъ-за стола, становится неотвязнымъ видѣніемъ Гогена. То же самое лицо видно на послѣдней изъ находящихся въ галлерей картинъ, написанной въ 1901 году.

Въ самомъ дѣлѣ, искусству Гогена свойственна необычайная цѣльность. Десять картинъ, висящихъ въ галлерей С. И. Щукина, кажутся частями одного цѣлаго, одного великоформеннаго декоративнаго ансамбля. И какъ будто все это эскизы къ фрескамъ къ монументальной живописи. Какъ прекрасны были бы стѣны, расписанныя Гогеномъ! Но современное государство и общество утратило пониманіе украшенія и не дало стѣнъ великому декоратору.

Гогенъ гораздо дальше пошелъ по пути декоративной живописи, чѣмъ Сезаннъ. Сезаннъ выработалъ самый принципъ, раскрылъ самую возможность живописнаго возрожденія. Гогенъ уже осуществилъ эту возможность, индивидуально развилъ этотъ принципъ, нашелъ прекрасное его выраженіе. Онъ возвратился къ линіи и сумѣлъ найти ритмъ, простоту и величавость линій, достойные Пювись де-Шаванна. Онъ прекрасно овладѣлъ композиціей; его полотна полны внутренней музыкой, безъ которой не можетъ быть декоративнаго искусства.

Мотивами картинъ Гогена служить роскошная и злая природа Таити, первобытная жизнь дикарей. Нѣтъ сомнѣнія, въ этихъ вещахъ удивительно переданъ самый духъ той природы и той жизни. Тропическій лѣсъ, улица въ таитянскомъ поселкѣ, охота дикарей,—это почти реалистическіе, наблюдательные этюды. Но Гогенъ проникаетъ и во внутренній міръ таитянина: онъ изображаетъ Рождество Христово, эпизодъ святой легенды, понятый такъ, какъ понимаетъ его чистое сердце дикаря. Чудо совершается среди убогой соломенной хижины, гдѣ бродятъ домашнія животныя, и у ангела, который возвѣщаетъ чудо, сложенные глаза и тонко-наивная улыбка таитянина. На фонѣ мастерски построеннаго пейзажа, гдѣ такимъ опаснымъ и ядовитымъ кажется искусственный зеленый цвѣтъ и гдѣ протягиваются змѣистыя лианы, Гогенъ изображаетъ зловѣщее божество Таити,—бога про-

казы. Такъ глубоко почувствована здѣсь художникомъ самая душа дикаря, такъ глубоко пережиты имъ дѣтски-мудрыя представленія Таити объ опасной природѣ, о злой и неизбежной гибели.

Гогенъ очень часто изображалъ таитянскихъ женщинъ. Здѣсь онъ раскрываетъ женственную сторону своего таланта, и изображенія эти полны острой неизъяснимо увлекательной граціи. С. И. Щукину принадлежитъ великолѣпная картина,—двѣ таитянки на раскаленномъ розовомъ пескѣ, истинныя Венеры Гогена. Въ углу картины что-то изъ той природы, сливающееся въ дивный орнаментъ, полный пряной и опасной прелести. На другой картинѣ, одной изъ лучшихъ въ собраніи, на фонѣ огненныхъ облаковъ и синяго моря рисуются три женскихъ фигуры. Одна изъ нихъ держитъ корзину съ зелеными плодами, другая—цвѣты, третья, сидящая, держитъ ребенка. Всѣ онѣ производятъ впечатлѣніе незабываемой граціи, строгой и совершенной красоты, внутренняго танца, котораго не было въ искусствѣ со временъ божественныхъ примитивовъ.

Четвертый изъ намѣченныхъ здѣсь періодовъ долженъ быть названъ періодомъ Сезанна и Гогена. Не было за эти десять лѣтъ 1896—1906, художника, одареннаго воспримчивостью, который не испыталъ бы на себѣ ихъ вліянія. И едва ли не самые талантливые воспитались въ «Понтавенской школѣ» и въ благоговѣніи передъ великимъ живописцемъ Сезанномъ. Таковъ, напримѣръ, выдающійся художникъ и интереснѣйшій писатель по вопросамъ искусства *Морисъ Дэнисъ*. Убѣжденный христіанинъ и энтузіастъ святаго искусства старыхъ фламандцевъ и итальянцевъ, Морисъ Дэнисъ примѣнилъ къ религиозной живописи синтетически-декоративные принципы Сезанна и Гогена. Стѣнная живопись въ церкви Ле-Везинѣ подъ Парижемъ представляетъ прекрасный примѣръ его тонкаго и одухотвореннаго искусства. Менѣе удачны принадлежащія С. И. Щукину композиціи на тему «Христосъ у Маріи и Марѳы» и «Посѣщеніе Маріей Елизаветы». Но прекрасенъ зато небольшой эскизъ,—головка женщины-ангела съ кроткой и счастливой улыбкой мадонны Мемлинга.

Другой ученикъ Гогена, *Вюйаръ*, принадлежитъ къ числу наиболѣе одаренныхъ представителей декоративной живописи. Въ изображеніи скромныхъ современныхъ комнатъ этотъ художникъ умѣетъ найти удивительную красоту, рѣдкую прелесть цвѣтныхъ сочетаній. Находящійся въ галлерей «inbегіеиr» Вюйара даетъ о немъ хорошее понятіе. Какъ распространеніе импрессионизма вызвало къ жизни новый Салонъ «Марсова поля», такъ и развитіе декоративной живописи потребовало новой художественной организаціи, возникшей подъ именемъ «Осенняго Салона». На этихъ выставкахъ выдвинулось немало талантливыхъ художниковъ и среди нихъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ надо считать *Герена*. С. И. Щукину принадлежитъ прекрасная, изысканно-красивая по краскамъ картина Герена и его же эскизъ, имѣющій, нѣкоторое, правда, внѣшнее сходство съ работами нашего дивнаго Борисова-Мусатова.

Четвертымъ періодомъ 1895—1906 гг. заканчивается недавнее прошлое современной живописи, и произведеніями Сезанна и Гогена завершается

обзоръ историческій шугинской галлерей. Все остальное принадлежитъ въ ней къ сегодняшнему дню въ искусствѣ. Небольшая группа новѣйшихъ прибрѣтеній С. И. Щукина можетъ быть отнесена къ послѣдному, *пятому* періоду художественной эволюціи. Но нѣтъ возможности предугадать его предѣлы во времени, ибо періодъ этотъ только лишь начинается.

Исходной точкой его является творчество Сезанна и Гогена. Одни изъ молодыхъ художниковъ, какъ представленный въ галлерей *Жиріе*, почти буквально повторяютъ Гогена. Другіе выказываютъ способность къ самостоятельному движенію по намѣченному пути декоративной живописи. Какъ указываютъ картины шугинской галлерей, даровитый *Анри-Матиссъ* началъ съ близкаго подражанія Сезанну и Гогену. Въ позднѣйшихъ его вещахъ есть стремленіе еще больше выдвинуть линію, чѣмъ дѣлалъ то Гогенъ, и поразить глазъ еще болѣе смѣлыми, иногда дисгармоничными сочетаніями красокъ. Другой молодой и общающій художникъ, *Матенъ*, въ принадлежащей С. И. Щукину картинѣ является искателемъ солнца и яркимъ послѣдователемъ Ванъ-Гога.

Если нельзя предугадать предѣлы во времени послѣдняго изъ намѣченныхъ здѣсь періодовъ то, думается, возможно предугадать внутреннее его содержаніе. Какъ мало ни прошло времени со дня смерти Гогена, но, кажется, уже возможно учесть его вліяніе. Результаты прямого вліянія Гогена, выразившагося въ буквальномъ подражаніи его манерѣ, его приемахъ, даже его темахъ, оказались слишкомъ ничтожными. Гогенъ былъ художникомъ съ рѣзко своеобразной и исключительной индивидуальностью. Лучшее въ его творествѣ оказалось и неповторимымъ и неподражаемымъ. Многие изъ молодыхъ художниковъ хотятъ быть теперь, «какъ Гогенъ», но можно сказать заранѣе, что это имъ не удастся.

Но Гогену еще въ большей степени, чѣмъ Сезанну, была присуща одна черта, которую можно считать спасительной для современнаго искусства и въ которой можно видѣть его звѣзду-путеводительницу. Какъ Манэ, благоговѣвшій передъ Веласкесомъ и Тинторетто, какъ Сезаннъ, поклонявшейся Рубенсу и Веронезу, Гогенъ, доходявшій до восторженнаго преклоненія передъ Рафаэлемъ и Энгромъ, былъ несомнѣнно традиционистомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. И не случайно его любимыми мастерами изъ современниковъ были истинные классики, — Манэ, Дегазъ, Пювись де-Шаваннъ и Сезаннъ.

Такимъ образомъ кругъ новѣйшаго искусства, начатый традиционистомъ Манэ, замыкается на традиционистѣ Гогенѣ. То, что у этого великаго и мятежнаго художника было бессознательнымъ устремленіемъ, инстинктивнымъ движеніемъ въ сторону вѣчной правды искусства, то можетъ и должно стать для современнаго поколѣнія сознательнымъ принципомъ и руководящей нитью въ творествѣ. Обращеніе къ «вѣчнымъ кумирамъ», къ источникамъ стариннаго художественнаго генія становится завѣтной мечтой и надеждой будущаго. Это новое возрожденіе, одинъ изъ эпизодовъ вѣчнаго возрожденія, этотъ *нео-традиционизмъ* составитъ внутреннее содержаніе начавшагося періода новѣйшей живописи.

П. Муратовъ.

Изъ исторіи російскаго невѣжества.

I.

Въ іюлѣ нынѣшняго года исполнилось ровно сорокъ одинъ годъ, какъ Карлъ Марксъ выпустилъ на нѣмецкомъ языкѣ первый томъ своего «Капитала». Первой страной, въ которой появился переводъ этого труда, составившаго эпоху въ исторіи человѣческой мысли, была Россія. Въ 1872 г., весной, вышелъ въ Петербургѣ русскій переводъ въ изданіи Н. П. Полякова. Мысль дать русской публикѣ переводъ «Капитала» возникла черезъ годъ послѣ его выхода. Уже осенью 1868 г. Марксъ былъ увѣдомленъ, что въ настоящее время *печатается* русскій переводъ «Капитала». Слово «печатается» надо понимать не въ буквальномъ смыслѣ: переводъ въ то время только налаживался. Во всякомъ случаѣ уже 7 октября (нов. ст.) 1868 г. Марксъ прислалъ г. Николаю—ону, по его просьбѣ, краткую бібліографію своихъ работъ, которая и была помѣщена, въ видѣ предисловія, въ русскомъ изданіи. Печатаніе же самой книги затянулось болѣе, чѣмъ на три года.

Самъ Марксъ отнесся къ предпріятію русскихъ «друзей» не безъ ироніи. «Первая чужая нація, переведшая «Капиталъ»,—писалъ онъ Бугельману черезъ пять дней послѣ того, какъ отвѣтилъ г. Николаю—ону,—это русская. Но этому большого значенія придавать нельзя. Русская аристократія воспитывается въ юности въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда хватается за самое крайнее, что даетъ Западъ. Это такіе же сластоны, какими была часть французскихъ аристократовъ въ XVIII вѣкѣ. *Ce n'est pas pour les tailleurs et les bottiers* (это не для портныхъ и не для сапожниковъ) говорилъ въ то время Вольтеръ о своей собственной просвѣтительной дѣятельности. Это нисколько не мѣшаетъ тѣмъ же самымъ русскимъ, тотчасъ по поступленіи на государственную службу, становиться негодяями» *). Тѣмъ не менѣе, когда появился русскій переводъ, Марксъ черезъ годъ въ предисловіи ко второму нѣмецкому изданію своей книги назвалъ его «удачнымъ».

*) Цитировано по № 1 журнала *Минувшіе Годы*, 1908 г., стр. 40—41.

Съ тѣхъ поръ «Капиталъ» Маркса сдѣлался, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, наиболѣе вліятельной книгой, которая когда-либо существовала въ Россіи. Ничего подобнаго вліянію «Капитала» на русскую интеллигенцію мы не знаемъ въ исторіи другихъ европейскихъ странъ, а въ исторіи Россіи мы не знаемъ другой книги, которая могла бы въ этомъ отношеніи соперничать съ «Капиталомъ». Много поколѣній воспитывалось на немъ. Нелѣпныя преслѣдованія, которымъ правительство подвергало эту одну изъ самыхъ трудныхъ для пониманія книгъ въ мірѣ, конечно, только усиливали ея и безъ того могущественное дѣйствіе. Я помню, какъ мы, бѣдные гимназисты, по грошамъ собирали ту двадцатипятирублевку, за которую ловкій книжный торгашъ обѣщалъ намъ доставить эту великую и таинственную, страшную книгу...

1 (14) марта 1908 г. исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти геніальнаго ученаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что русская интеллигенція откликнулась на эту печальную годовщину горячѣе, чѣмъ образованные люди другихъ странъ. Въ журналахъ и газетахъ появились соотвѣтствующія статьи. Готовятся цѣлыхъ три сборника, въ которыхъ интеллигенты разныхъ направленій пытаются опредѣлить значеніе Маркса съ ихъ точки зрѣнія.

Мы возьмемъ на себя болѣе скромную задачу и попробуемъ дать исторію главнѣйшаго труда Маркса на русской почвѣ. Переводъ «Капитала» — одно изъ крупнѣйшихъ явленій нашей культурной жизни. Какъ увидитъ читатель, исторія этого перевода имѣетъ первостепенный общественный интересъ. Приступить же къ изложенію этой исторіи теперь уже возможно благодаря тому, что редакція *Минувшихъ Годовъ* опубликованіемъ писемъ Маркса къ Николаю — ону, замѣтокъ самого Николая — она, Германа Лопатина и Гильома пролила свѣтъ на наиболѣе темные пункты этого событія.

II.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ нѣмецкаго изданія «Капитала» съ нимъ ознакомился Николай — онъ (Даніельсонъ *). Трудъ Маркса произвелъ столь сильное впечатлѣніе на Даніельсона, что онъ, по его словамъ, «тогда же сталъ подыскивать возможность познакомить съ нимъ русскую публику». Къ Даніельсону присоединился еще молодой радикалъ Любавинъ (впослѣдствіи профессоръ рѣзко праваго оттѣнка). Вскорѣ же заинтересовался переводомъ «Капитала» и Германъ Лопатинъ, начинавшій тогда свою поразительную по разнообразію и беззавѣтной смѣлости революціонную карьеру. Этими тремя лицами русское общество и обязано

*) Псевдонимъ этотъ неоднократно раскрывался въ нашей литературѣ и раскрытъ официально въ процессѣ г. Даніельсона противъ небезызвѣстнаго издателя Аскарханова, задумавшаго одновременно съ порнографіей поторговать и Марксомъ и съ этой цѣлью переиздававшего переводъ Даніельсона подъ псевдонимомъ д-ра Любимова.

появленіемъ на русскомъ языкѣ «Капитала». Найдены были и издатель, согласившійся затратить на это дѣло деньги—довольно извѣстный въ то время Н. Поляковъ. Первоначальные переговоры велъ съ нимъ Любавинъ.

Кому поручить переводъ? Даниельсонъ и его товарищи понимали, что переводъ «Капитала» дѣло очень трудное, которое нельзя поручить первому встрѣчному. «Послѣ долгихъ поисковъ,—рассказываетъ г. Даниельсонъ (*Мин. Г.*, 1908 г., № 1, стр. 38),—сдѣлать переводъ этого труда было предложено очень извѣстной личности, о которой въ то время въ образованныхъ кругахъ русскаго общества сложилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ знающемъ, высоко образованномъ». Коротко говоря, человекомъ этимъ былъ знаменитый русскій анархистъ М. А. Бакунинъ, сразу, безъ всякихъ оговорокъ взявшій предложенную ему работу. Было это осенью 1869 г. Любавинъ вступилъ въ сношенія съ Бакунинымъ и переслалъ ему взятые у Полякова «авансомъ» три или четыре сотни рублей (въ то время это считалось «большимъ авансомъ»).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бакунинъ доставилъ «рукопись перевода небольшой части первой главы». «По ознакомленіи съ нею,—деликатно пишетъ г. Даниельсонъ,—оказалось, что *переводъ плохъ*, между тѣмъ именно первая глава, наиболѣе трудная для пониманія, требовала наибольшей точности, наибольшей ясности». Началась въ первыхъ мѣсяцахъ 1870 г. переписка, очень неприятная для обѣихъ сторонъ, закончившаяся скандаломъ, давшимъ поводъ Марксу въ сентябрѣ 1872 г. на Гаагскомъ конгрессѣ Интернаціонала обвинить М. А. Бакунина въ шантажѣ.

Въ письмѣ къ Николаю—ону Марксъ такъ излагалъ эту исторію: «Бакунину было какъ-то предложено перевести на русскій языкъ мою книгу, при чемъ часть денегъ за переводъ была имъ получена впередъ, но вмѣсто того, чтобы доставить свой трудъ, онъ написалъ или велѣлъ написать къ нѣкому Лю—ну (такъ, мнѣ помнится, звали человѣка, ведшаго съ нимъ это дѣло по порученію будущаго издателя) въ высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо». Вотъ это-то письмо Марксъ и просилъ своихъ «русскихъ друзей» переслать ему. Письмо было переслано. Карлъ Марксъ предъявилъ его на Гаагскомъ конгрессѣ и добился исключенія М. А. Бакунина изъ Интернаціонала. Третій пунктъ постановленія особой комиссіи гласилъ: «...что гражданинъ Бакунинъ пользовался обманными приемами для присвоенія чужого имущества или части его, что составляетъ мошенничество, и, кромѣ того, для уклоненія отъ принятыхъ на себя обязательствъ, прибѣгалъ самъ или черезъ посредство своихъ агентовъ, къ угрозамъ».

Вѣрный другъ Бакунина Гильомъ въ издаваемыхъ имъ съ 1905 года *L'Internationale, Documents et Souvenirs* передаетъ эту исторію нѣсколько иначе. Въ письмахъ къ Жуковскому Бакунинъ признавалъ, что работа ему досталась очень трудная. Особенно трудно было переводить начало книги. Въ первое время Бакунинъ не могъ переводить болѣе трехъ страницъ въ день, затѣмъ сталъ переводить по пяти и рассчитывалъ дойти до десяти.

7 января (н. ст.) 1870 г. онъ писалъ: «перевожу много и быстро». Но въ это какъ разъ время вернулся изъ Россіи Нечаевъ. Заставъ Бакунина за переводомъ книги Маркса, онъ сталъ уговаривать его бросить эту работу, *чтобы цѣликомъ посвятить себя русской революціонной пропагандѣ*, и обѣщаль найти кого-нибудь, кто бы за остальную часть условленной платы взялся докончить переводъ вмѣсто Бакунина. Свои услуги предложилъ Жуковскій съ товарищами, но ихъ предложеніе принято не было (къмъ, Гильомъ не сообщаетъ). Между тѣмъ Бакунинъ, полагаясь на обѣщаніе Нечаева устроить дѣло, занялся исключительно русской пропагандой и не хотѣлъ и слышать о переводѣ. Нечаевъ, — пишетъ Гильомъ, — самымъ недостойнымъ образомъ злоупотребилъ довѣріемъ Бакунина: онъ написалъ безъ его вѣдома издателю Полякову письмо, въ которомъ извѣщалъ отъ имени Русскаго Революціоннаго Комитета, что услуги Бакунина понадобились этому комитету и что поэтому онъ не можетъ кончить начатаго перевода. Затѣмъ, какъ говорятъ, слѣдовала угроза на случай, если Поляковъ предъявитъ какія-либо требованія. Этотъ «революціонный» актъ дошелъ до свѣдѣнія Бакунина только въ маѣ или іюнѣ 1870 г.: онъ узналъ о немъ изъ письма У. З. (Гильомъ разумѣетъ Любавина), въ которомъ тотъ жаловался на это и называлъ поступокъ мошенническимъ. Бакунинъ тотчасъ же послалъ Нечаеву письмо съ протестомъ; онъ писалъ ему два раза. (См. *Минувшіе Годы*, 1908 г., № 4, стр. 68—78).

Какъ видно, версія Гильома, содержа больше подробностей, не всегда точныхъ, не противорѣчитъ тому, что писалъ Марксъ. Марксъ не говорилъ, что письмо къ Любавину (а не Полякову, какъ сообщаетъ Гильомъ) писалъ самъ Бакунинъ. Въ рѣшеніи конгресса упоминается объ агентахъ. Возможно, что Бакунинъ, по свойственной ему російской барской халатности, сваливъ на Нечаева всѣ переговоры съ издателями, совершенно не зналъ, что тотъ дѣлалъ отъ его имени и былъ искренно возмущенъ, узнавъ, что Нечаевъ прибѣгъ къ мошенничеству и шантажу. Но трудно винить и Маркса, что онъ отказывался видѣть въ такой правдивной безалаберности смягчающее обстоятельство. Характерно, что о признаніи присланнаго Бакунинимъ перевода неудовлетворительнымъ Гильомъ не говоритъ ни слова. Это обстоятельство не было, впрочемъ, извѣстно и Марксу.

Но заключало ли письмо Нечаева дѣйствительно угрозу? П. А. Кропоткинъ, видѣвшій его, полагаетъ, что это было не угрожающее письмо, а скорѣе обращеніе къ здравому смыслу. Впрочемъ, и Кропоткинъ признаетъ возможность, что въ письмѣ могъ быть намекъ: если Поляковъ не окажется сговорчивымъ, онъ можетъ впослѣдствіи въ этомъ раскаться. Необходимо однако принять во вниманіе, что третій пунктъ постановленія Гаагскаго конгресса редактированъ съ точностью, едва ли позволяющей сомнѣваться въ характерѣ этого письма. Пролить полный свѣтъ на эту исторію могъ бы только проф. Любавинъ, опубликовавъ текстъ Нечаевского письма. Но проф. Любавинъ молчитъ, несмотря на обращенныя

къ нему неоднократно просьбы редакціи *Минувшихъ Годовъ*, такъ старательно собирающей документы по исторіи русскаго освободительнаго движенія.

III.

Итакъ, М. А. Бакунинъ отказался отъ перевода, а присланный имъ переводъ одной части первой главы «Капитала» оказался негоднымъ и въ послѣдствіи не получилъ никакого примѣненія. Необходимо было снова искать переводчика. Обратились къ Г. А. Лопатину, жившему тогда въ Лондонѣ и лично знакомому съ Марксомъ. Г. А. Лопатинъ и взялся за переводъ, рассчитывая въ трудныхъ мѣстахъ на помощь Маркса. Съ какою добросовѣстностью Г. А. Лопатинъ принимался за дѣло, видно уже изъ того, что онъ рѣшилъ переводъ первой, наиболѣе трудной, главы отложить до позднѣйшаго времени, и сталъ прямо переводить со второй главы (второго отдѣла по послѣдующимъ изданіямъ).

Но и Лопатину не суждено было докончить начатаго дѣла. «Переведя, — пишетъ г. Даніельсонъ, — треть перваго тома, начиная со второй главы, Г. А. Лопатинъ вынужденъ былъ бросить дальнѣйшій переводъ, такъ какъ взялся за дѣло болѣе, по его мнѣнію, неотложное и важное». Дѣло это, какъ извѣстно, сводилось къ попыткѣ, кончившейся неудачей, освободить изъ Сибири Н. Г. Чернышевскаго (незадолго до того Г. А. Лопатинъ увезъ изъ ссылки П. Л. Лаврова).

Тогда переводъ «Капитала» взялъ, наконецъ, на себя самъ Даніельсонъ, которому и удалось довести его до благополучнаго конца. Свою работу Г. А. Лопатинъ передалъ въ полную собственность Даніельсону, предоставивъ ему право распоряжаться переводомъ, какъ найдетъ нужнымъ. Оставалась первая, самая трудная глава. Часть ея переведена лицомъ, имени котораго Николай — онъ почему-то не называется и теперь. Мы будемъ именовать его *четвертымъ переводчикомъ*. Остальная часть первой главы переведена самимъ Николаемъ — ономъ (Даніельсономъ).

Такимъ образомъ, первый переводъ перваго тома «Капитала», вышедшій въ 1872 г., составляетъ коллективный трудъ трехъ лицъ. Часть первой главы переведена неизвѣстнымъ четвертымъ переводчикомъ, а остальная часть — Даніельсономъ. Третъ тома, начиная со второй главы, переведена Г. А. Лопатинымъ и проредактирована Даніельсономъ. Наконецъ остальные двѣ трети принадлежатъ исключительно Даніельсону. Отвѣтственность за второе изданіе перевода I тома, вышедшее въ 1898 г., можно возложить всецѣло на Даніельсона, исправлявшаго переводы своихъ предшественниковъ. Переводы второго тома (появился въ 1885 г.) и третьяго (въ 1896 г.) принадлежатъ исключительно Даніельсону.

Дальнѣйшая внѣшняя исторія переводовъ «Капитала» такова. Въ 1899 году вышелъ новый переводъ I тома, исполненный г-жей Е. А. Гурвичъ и Л. М. Закомъ (нынѣ покойнымъ), подъ редакціей П. Б. Струве. Въ этомъ переводѣ, какъ и въ Даніельсоновскомъ, пришлось еще считаться

съ требованіями русской цензуры. Характерно, между прочимъ, что посвященіе перваго тома «смѣлому, вѣрному, благородному борцу пролетариата Вильгельму Вольфу», которое терпѣлось русской цензурой въ 1872 году, оказалось недопустимымъ въ 1898 и 1899 годахъ. Это одинъ изъ курьезовъ, которые войдутъ въ исторію русской цензуры. Сильнѣе всего отъ цензуры пострадали предисловія.

Только въ сентябрѣ 1905 г. П. Б. Струве получилъ возможность выпустить проредактированный имъ переводъ I тома вторымъ изданіемъ, но уже совершенно въ полномъ видѣ. Черезъ два года, въ августѣ 1907 г., вышло третье изданіе I тома.

Въ этомъ же году за переводъ «Капитала» взялись большевики, начавшіе со втораго тома. Переводомъ завѣдовали В. Базаровъ и И. Степановъ, причемъ первыя 40 страницъ II тома проредактировалъ Н. Ленинъ, а остальной второй томъ, равно какъ и третій—А. Богдановъ. Выходъ перевода I тома въ большевистскомъ изданіи ожидается на-дняхъ.

Теперь перейдемъ къ «внутренней» исторіи перевода «Капитала».

IV.

Въ мимоходомъ сказанной фразѣ въ своемъ рефератѣ объ авторскомъ правѣ В. В. Водозововъ точно передалъ господствующее въ обществѣ мнѣніе о русскихъ переводахъ «Капитала». «Первый томъ его,—сказалъ В. В.,—былъ переведенъ на русскій языкъ, если не считать шарлатанскаго перевода доктора Любимова, изданнаго Аскархановымъ, три раза: Лопатинымъ и Николаемъ—ономъ, Петромъ Струве, Богдановымъ съ Базаровымъ и Степановымъ. Каждый изъ этихъ переводчиковъ относился къ переводимому автору съ *полной добросовѣстностью и приступилъ къ работѣ съ знаніемъ дѣла*» *).

Съ этой общепринятой характеристикой я согласиться не могу. Далекое не всѣ переводчики относились къ своему дѣлу «съ полной добросовѣстностью» и не всѣ они «приступали къ работѣ съ знаніемъ дѣла». Мы видѣли выше, что переводъ первой главы, сдѣланный М. А. Бакунинымъ, самъ Николай—онъ призналъ плохимъ. Вмѣсто Бакунина переводъ этой труднѣйшей главы, отъ которой отказался Г. А. Лопатинъ, былъ порученъ неизвѣстному лицу, названному нами четвертымъ переводчикомъ. Что же за переводъ представилъ онъ? Надо признать, что 4-й переводчикъ обнаружилъ полное непониманіе ученія Маркса и незнаніе его языка.

Уже на третьей страницѣ изд. 1872 г. вы встрѣчаетесь съ такимъ радикальнымъ извращеніемъ одного изъ важнѣйшихъ мѣстъ «Капитала», что приходится только развести руками. Изъ существованія мѣновыхъ

*) См. *Русское Богатство*, 1908 г., № 6, стр. 32. Исправимъ кстати двѣ неточности, въ которыя впалъ г. Водозововъ. Перевода П. Струве нѣтъ, есть переводъ г-жи Гуревичъ и г. Зака, проредактированный П. Струве. Переводъ *перваго* тома въ изданіи, редактируемомъ А. Богдановымъ, еще не вышелъ въ свѣтъ.

отношеній между двумя предметами Марксъ логически выводилъ, что въ обоихъ, значить, существуетъ нѣчто одинаково общее и тому, и другому, но не являющееся ни тѣмъ, ни другимъ. Это общее Марксъ, какъ извѣстно, видѣлъ въ затратѣ человѣческой рабочей силы. Когда говорятъ, что 1 кварталъ пшеницы = *a* центнеру желѣза, что хотять этимъ сказать?—спрашиваетъ Марксъ и отвѣчаетъ: «Dass ein gemeinsames von derselben Grösse in zwei verschiedenen Dingen existirt, in 1 Quarter Weizen und ebenfalls in a Ctr. Eisen. Beide sind also gleich einem dritten, dass an und für sich weder das eine, noch das andere ist». Въ переводѣ на русскій языкъ это означаетъ: «Что *нѣчто общее одинаковой величины* существуетъ въ двухъ различныхъ предметахъ, въ 1 кварталѣ пшеницы и въ *a* центнерахъ желѣза. Оба равны чему-то третьему, что само по себѣ не является ни однимъ, ни другимъ». Это важнѣйшее для пониженія Марксовой стоимости мѣсто четвертый переводчикъ ухитрился перевести такъ: «Что хотять сказать этимъ уравненіемъ? То, что *одна и та же стоимость* существуетъ въ двухъ различныхъ вещахъ, въ 1 кв. пшеницы и въ *a* центн. желѣза. Обѣ (что? вещи или стоимости?) слѣдовательно равны порознь третьему, которое само по себѣ есть ни то, ни другое». Глубокая мысль Маркса, что сравненіе двухъ *качественно* различныхъ предметовъ должно имѣть въ основаніи нѣчто *качественно* общее тому и другому, подъ перомъ невѣжественнаго переводчика превратилась въ пошлость о количественномъ равенствѣ: *одна и та же* стоимость. Двадцать пять лѣтъ русская молодежь изучала основное положеніе Маркса по такому переводу, пока, наконецъ, въ 1898 году во второмъ изданіи Николай—онъ не исправилъ этой ошибки. Исправилъ Николай—онъ и другую грубѣйшую ошибку четвертаго переводчика, произошедшую отъ того, что этотъ господинъ не постигалъ даже разницы между стоимостью (Werth) и цѣной (Preis). На 5 стр. своего перевода онъ заставляетъ Маркса говорить такую несообразность: «По Eschwege въ 1823 году восьмидесятилѣтняя добыча алмазовъ въ бразильскихъ россыпяхъ не составляла *по своей стоимости* даже и $1\frac{1}{2}$ -годового средняго продукта бразильскихъ сахарныхъ и кофейныхъ плантацій». На самомъ же дѣлѣ Марксъ писалъ нѣчто совсѣмъ иное: «По Эшwege вся добыча бразильскихъ алмазныхъ копей за 80 лѣтъ въ 1823 г. еще не достигла *цѣны* (Preis) средняго полутерагодового продукта бразильскихъ же сахарныхъ или кофейныхъ плантацій, хотя она заключала въ себѣ гораздо больше труда, а слѣдовательно и *стоимости*» (Werth). Не справившись съ понятіями «цѣна» и «стоимость», переводчикъ счелъ себя въ правѣ отбросить вторую половину фразы: «obgleich sie viel mehr Arbeit darstellte, also mehr Werth», такъ какъ никуда не могъ ее приладить. Согласитесь сами, что о «полной добросовѣстности» и о «знаніи дѣла» такого переводчика говорить трудно.

Черезъ 25 лѣтъ Николай—онъ исправилъ эту ошибку. Но какъ ни странно, есть случаи, когда Николай—онъ не только не исправлялъ грубыхъ искаженій своего предшественника, но даже искажалъ то, что чет-

вертый переводчикъ случайно передалъ правильно. Это искаженіе начинается даже съ первыхъ строкъ перевода. Четвертый переводчикъ правильно передалъ начало такъ: «Богатство общества, въ которомъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, является въ видѣ «городнаго скопленія товаровъ», и *каждый отдельный товаръ представляетъ его элементарную форму*. Наше изслѣдованіе начинается *потому съ анализа товара*. Николай—онъ, желая, очевидно, улучшить слогъ перевода, исправилъ это мѣсто и написалъ такой курьезъ: «Богатство общества и т. д. является въ видѣ «несмѣтнаго накопленія товаровъ». Наше изслѣдованіе начинается *потому (почему?) съ элементарной формы этого богатства, съ анализа товара*. Не говоря уже о курьезѣ, что «анализъ» явился «элементарной формой богатства», въ передачѣ Николая—она пропала мысль Маркса, почему именно онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ анализа товара.

На стр. 6 (изд. 1898 г.) съ Николаемъ—ономъ случилось прямо-таки водевильное происшествіе. У Маркса говорится (и четвертый переводчикъ случайно передалъ это вѣрно) слѣдующее: «Jacob сомнѣвается, чтобы золото оплачивалось когда-нибудь по его полной стоимости. Еще болѣе справедливо это относительно алмазовъ». Jacob—это Якобъ, имя одного изслѣдователя, но оно почему-то смутило Николая—она. Онъ сталъ размышлять надъ нимъ и раздумье—увъ!—не принесло ему пользы. Въ результатѣ долгихъ думъ Николай—онъ такъ *исправилъ* четвертаго переводчика: «Сомнительно, чтобы въ золотѣ была когда-либо оплачена его стоимость. *Съ большимъ правомъ это можно сказать объ алмазахъ*». Какъ разъ обратно тому, что утверждалъ Марксъ. Этотъ Даніельсоновскій переводъ несомнѣнно войдетъ въ собраніе анекдотовъ. Перѣдки исправленія къ худшему и въ передачѣ важныхъ для пониманія системы терминовъ. Напримѣръ, Марксъ говоритъ, что потребительныя стоимости являются die stofflichen Träger des Tauschwerthes (матеріальными носителями мѣновой стоимости). Четвертый переводчикъ передаетъ это не вполне точно: вещественныя проявленія стоимости, Николай—онъ поправляетъ его еще хуже: «естественное основаніе». Это уже полное искаженіе: *основаніе мѣновой стоимости Марксъ видѣлъ совсѣмъ не въ потребительной*.

Я не могу, понятно, утомлять читателя множествомъ цитатъ, требующихъ мелочной свѣрки. Я самъ продѣлалъ эту докучливую и трудную работу и, какъ показываютъ вышеприведенные примѣры, могу съ полнымъ правомъ утверждать, что переводъ четвертаго переводчика—невѣжественная стряпня, а исправленія Николая—она, сдѣланныя спустя четверти вѣка, не всегда тоже стоятъ на высотѣ «знанія дѣла». Не могу только не отмѣтить, что даже то мѣсто, про которое самъ Марксъ говоритъ: «это впервые изслѣдовано мною», не передано точно ни четвертымъ переводчикомъ, ни Николаемъ—ономъ. «Später zeigte sich, dass auch die Arbeit, soweit sie im Werth ausgedrückt ist, nicht mehr dieselben Merkmale besitzt, die ihr als Erzeugerin von Gebrauchswerthen zukommen». Въ точномъ рус

скомъ переводѣ это означаетъ: «позже обнаружилось, что и трудъ, поскольку онъ отпечатлѣнъ въ стоимости, не обладаетъ болѣе тѣми отличительными свойствами, которыя присущи ему, какъ творцу потребительныхъ стоимостей». Четвертый переводчикъ, не умѣя справиться съ этимъ мѣстомъ, просто пишетъ: «при болѣе близкомъ разсмотрѣніи окажется, что и заключающійся въ товарѣ трудъ имѣетъ двойственный характеръ». Но и Николай—онъ вмѣсто перевода предпочелъ изложить Маркса своими словами: «Затѣмъ оказалось, что какъ только трудъ, производящій потребительныя стоимости, выразится въ стоимости, всѣ его характерныя качественныя отличія исчезаютъ». Переводить такимъ образомъ «Капиталъ» нельзя.

V.

Изъ всѣхъ первыхъ переводчиковъ «Капитала» Г. А. Лопатинъ былъ безспорно самымъ добросовѣстнымъ. Уже одно то, что онъ откровенно рѣшилъ отложить переводъ труднѣйшей первой главы (очевидно, до той поры, пока вполне овладѣетъ системой), рекомендуетъ намъ его, какъ человѣка, добросовѣстно взявшагося за работу, если бы мы даже не знали, какого труда она ему стоила и какъ тщательно онъ старался ее выполнить. Въ сожалѣнію, и его переводъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Отчасти недостаточное знаніе того нѣмецкаго языка, на которомъ написанъ «Капиталъ», а главное неполное усвоеніе Марксовой системы, не продуманной Лопатинымъ, отымаютъ у его перевода научное значеніе.

Geldvermögen (денежное имущество) онъ переводитъ словомъ «денежная сила» (I изд., стр. 87), «das Holz das im Urwald gefällt (дерево срубленное въ первобытномъ лѣсу) превращается въ «дрова, собираемыя въ первобытномъ лѣсу» (стр. 122). На стр. 124 исчезло слово «Muscheln» (раковины) и т. д. Фразу «Es war natürlich zu urtheilen, dass man im Austausch gleichen Werth für gleichen Werth gebe, so oft jedes der ausgetaschten Dinge an Werth demselben Quantum Gold gleich war»—Лопатинъ перевелъ: «*примѣчая*, что каждая изъ двухъ взаимно обмѣнивающихся вещей равняется по своей стоимости одному и тому же количеству денегъ, весьма естественно было вообразить себѣ, что при обмѣнѣ равныя стоимости обмѣниваются на равныя» (стр. 101). На самомъ же дѣлѣ это мѣсто въ точномъ переводѣ гласитъ: «естественно было придти къ выводу, будто при обмѣнѣ равную стоимость даютъ за равную—столь часто каждая изъ обмѣненныхъ вещей равнялась по стоимости одному и тому же количеству золота».

Но гораздо хуже этихъ мелкихъ, многочисленныхъ ошибокъ и неточностей былъ общій методъ перевода, усвоенный Лопатинымъ. Самъ съ большимъ трудомъ одолевая нѣкоторыя мѣста «Капитала», Лопатинъ вообразилъ, что его обязанность давать не точный переводъ Маркса, а

истолковывать его для читателей. Поэтому многія мѣста г. Лопатинъ не перевелъ, а передалъ своими словами. Очень часто безъ всякихъ оговорокъ онъ вставляетъ въ текстъ Маркса свои собственные фразы, даетъ свои иллюстраціи. На стр. 89, наприм., очень важное сравненіе формъ обращенія товаровъ и денежнаго капитала передано г. Лопатинымъ собственными словами. Такой приѣмъ перевода по отношенію къ научному произведенію подобному «Капиталу», вообще говоря, совершенно недопустимъ. Но онъ становится чрезвычайно опаснымъ, когда его допускаетъ человѣкъ, не могущій похвастаться глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ переводимаго автора. Приведу одинъ, но чрезвычайно характерный примѣръ.

Какъ извѣстно, въ системѣ Маркса между «стоимостью» (Werth) и «мѣновой стоимостью» (Tauschwerth) проводится очень важное, хотя и тонкое различіе. Но для упрощенія Марксъ заявляетъ, что иногда вмѣсто «мѣновой стоимости» онъ будетъ говорить просто «стоимость». Замѣьте, вмѣсто «мѣновой стоимости» просто «стоимость», а никакъ не наоборотъ: вмѣсто «стоимость» — «мѣновая стоимость». Между тѣмъ Лопатинъ, не продумавъ положенія Маркса и понявъ только, что Марксъ вмѣсто одного слова употребляетъ другое, сталъ, очевидно для большей ясности, въ извѣстныхъ случаяхъ писать «мѣновая стоимость» тамъ, гдѣ у Маркса сказано было просто Werth. Въ результатѣ получилось, наприм., такое вопиющее искаженіе всего ученія Маркса. Марксъ говоритъ: «Um aus dem Verbrauch einer Waare Werth herausziehen (чтобы изъ потребленія какого-нибудь товара извлечь стоимость), а Лопатинъ переводитъ: «чтобы извлечь *мѣновую* стоимость изъ потребленія какого-нибудь товара» (стр. 110). Надо абсолютно не понимать Маркса, чтобы допустить такой переводъ «для ясности». Рѣчь идетъ какъ разъ не о мѣнѣ, а о производствѣ. Потребленіе того товара, о которомъ говоритъ Марксъ, есть потребленіе рабочей силы въ процессѣ производства, потребленіе, рождающее стоимость, не мѣновую стоимость, а стоимость вообще *).

Если, такимъ образомъ, г. Лопатинъ отнесся къ взятой на себя задачѣ добросовѣстно, то онъ, во всякомъ случаѣ, приступилъ къ нему не съ «полнымъ знаніемъ дѣла».

VI.

Теперь перейдемъ къ тому переводчику, которому въ сущности и принадлежитъ на Руси честь перваго полнаго перевода «Капитала» — Николаю — ону (Даниельсону). Онъ лично перевелъ почти двѣ трети перваго тома «Капи-

*) Характерно, что Николай — онъ, исправившій во второмъ изданіи нѣсколько маловажныхъ ошибокъ Лопатина, указанную здѣсь, равно какъ и большинство выпъ приведенныхъ, не замѣтилъ и повторилъ въ своемъ „исправленномъ и дополненномъ переводѣ“. Между прочимъ г. Лопатинъ фразу „Peciculum in mora“ (въ промедленіи заключается опасность) перевелъ: „добрыя нравы страны находятся въ опасности“ (изд. 1872 г. стр. 229). Черезъ 25 лѣтъ во второмъ изданіи г. Николай — онъ бу- вально повторилъ этотъ курьез...

тала» въ первомъ изданіи (1872 г.) и проредактировалъ первую треть. На Даниельсонѣ лежитъ всецѣло отвѣтственность за второе изданіе перваго тома (въ 1898 г.), въ которомъ онъ «исправлялъ» предыдущіе переводы. Онъ, наконецъ, собственноручно перевелъ второй (1885 г.) и третій (1896 г.) томы и съ законной гордостью писалъ въ октябрѣ 1896 г.: «Переводъ теоретической части «Капитала», труда, ставшаго основаніемъ всей современной теоретической политической экономіи, законченъ. Обязательство передъ русскою публикой, принятое двадцать пять лѣтъ тому назадъ, исполнено». Да, исполнено... Двадцать пять и даже больше, почти тридцать пять лѣтъ, русская публика изучала Маркса по Даниельсоновскому переводу. Что же это за переводъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится дать очень суровый. Этотъ переводъ—грустная страница изъ исторіи російскаго невѣжества.

Сначала два слова объ общемъ методѣ перевода Николая—она. Онъ не только вполне усвоилъ недопустимый въ переводѣ такого важнаго научнаго труда Лопатинскій приемъ передачи текста Маркса собственными словами, но и ввелъ еще новый, столь же недопустимый приемъ перевода. Дѣло въ томъ, что въ 1875 году вышелъ французскій переводъ перваго тома «Капитала», просмотрѣнный лично Марксомъ, во многихъ мѣстахъ имъ исправленный и даже передѣланный и упрощенный въ виду опасеній, что абстрактное нѣмецкое изложеніе будетъ недоступно французской публикѣ. Французскій переводъ безспорно очень хорошъ, но все же при внимательномъ сличеніи можно найти нѣсколько неточностей и, во всякомъ случаѣ, общая линія, общій тонъ во французскомъ изданіи замѣтно иной, чѣмъ въ нѣмецкомъ. Марксъ и Энгельсъ внесли въ позднѣйшія нѣмецкія изданія кое-какія поправки, сдѣланныя раньше во французскомъ, но всегда строго различали эти двѣ работы. Энгельсъ категорически заявлялъ, что дѣлаетъ только тѣ поправки, на которыя ему указалъ Марксъ. Смѣшивать оба эти изданія въ одно совершенно недопустимо: надо дать переводъ либо съ французскаго, либо съ нѣмецкаго изданія. Между тѣмъ Николай—онъ ухитрился дать переводъ именно гибридный. За основу своего перевода онъ взялъ нѣмецкій текстъ, но тамъ, гдѣ послѣдній казался ему труднымъ, онъ по собственному выбору замѣнилъ его французскимъ. Николай—онъ, даже исправляя и дополняя свой переводъ по 4-му посмертному нѣмецкому изданію, нашелъ возможнымъ оставить всѣ допущенныя имъ, безъ всякихъ оговорокъ, вставки изъ французскаго текста, сдѣланныя въ ущербъ основному нѣмецкому тексту. Съ капитальнымъ трудомъ, «ставшимъ основаніемъ всей современной теоретической политической экономіи», такъ не поступаютъ.

Уже эти приемы лишаютъ переводъ Николая—она всякаго научнаго значенія. Но когда вы приступаете къ сличенію его перевода трехъ томовъ «Капитала» съ оригиналомъ, передъ вами открывается совершенно невѣроятная картина. Безчисленныя грубѣйшія ошибки, извращенія смысла, свидѣтельствующія какъ о незнаніи языка, такъ и полномъ непониманіи

ученія Маркса—все это поражает васъ чуть на на каждой страницѣ. Въ началѣ, когда передо мной шагъ за шагомъ развертывалась картина этого невѣроятнаго перевода, я не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Я прошу читателя на непродолжительное время застаться терпѣнiемъ. Приведенiе нѣкоторыхъ цитатъ и сравненiе ихъ съ подлинникомъ необходимо, чтобы мои утверждениа не показались голословными. Постараюсь ограничиться немногимъ и приведу лишь незначительную часть собраннаго мной изумительнаго матеріала.

VII.

Съ точки зрѣнiя переводчика I томъ «Капитала» Маркса можетъ быть раздѣленъ на двѣ части. Въ одной Марксъ излагаетъ основы своей теорiи, въ другой—иллюстрируетъ свои выводы (исторiя борьбы за сокращенiе рабочаго времени, выписки изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ). Первая часть написана со свойственной Марксу жемъзной логикой, какъ математическое уравненiе. Здѣсь нѣтъ не то, что единаго лишняго слова, нѣтъ такого знака препинанiя, на который можно было бы не обращать вниманiя. Переводъ этой части долженъ быть скрупулезно точенъ. Переводчикъ не только долженъ владѣть языкомъ, но и основательно понимать систему Маркса. Переводъ иллюстрационной части, конечно, такихъ трудностей не представляетъ.

Мы уже видѣли выше, что Николай—онъ, исправляя достаточно-таки невѣжественнаго «четвертаго» переводчика, испортилъ даже первую фразу, которой открывается I томъ. Дальнѣйшiй переводъ не лучше начала (дальше I томъ перевода Николая—она вездѣ цитируется по 2-му изданiю 1898 г.) Марксъ пишетъ: «Komplizierte Arbeit gilt nur, als potenzierte oder vielmehr multiplicierte einfache Arbeit» (сложный трудъ считается лишь какъ возведенный въ степень или скорѣе умноженный простой трудъ). Николай—онъ переводитъ: «Сложный, искусный трудъ есть только болѣе высокая степень простаго труда, труда чернорабочаго» (стр. 10). Сколько здѣсь прибавлено лишнихъ словъ, а тонкiй отгѣнокъ, имѣющiйся у Маркса, тѣмъ временемъ пропасть! «Jedermann weiss,—сказано у Маркса—... dass die Waaren eine mit den bunten Naturformen ihrer Gebrauchswerthe höchst frappant kontrastierende gemeinsame Werthform besitzen—die Geldform» (Всякiй знаетъ, что товары обладаютъ одной *общей имъ всѣмъ* формой стоимости, находящейся въ рѣзкомъ противорѣчiи съ разпообразiемъ естественныхъ формъ ихъ потребительныхъ стоимостей,—денежной формой). Николай—онъ переводитъ это мѣсто такъ: «Каждому извѣстно, что товары обладаютъ одною *общей* формой стоимости, которая находится въ самой вопiющей противположности съ натуральной формой ихъ потребительной стоимости—денежной формой» (стр. 13). Марксъ противопоставляетъ *разнообразiе* естественныхъ формъ *общности* денежной формы, а Николай—онъ заставляетъ е противопоставлять натуральную форму денежной.

Но вотъ Николай — онъ подходитъ къ очень трудному и очень важному отдѣлу, — къ развитію формъ стоимости. Безъ усвоенія этого отдѣла нельзя понять, что такое по Марксу деньги. А между тѣмъ извратить этотъ отдѣлъ болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Николай — онъ, ничего въ немъ непонявшій, трудно. Вотъ поразительный примѣръ. Сравнивая простую форму стоимости (1 сюртукъ = 20 арш. холста) съ развернутой (1 сюртукъ = 20 арш. холста, или = 10 ф. чаю, или 40 ф. кофе и т. д.), Марксъ говоритъ: «Die zweite Form unterscheidet vollständiger als die erste den Werth einer Waare von ihrem eignen Gebrauchswerth, denn der Wert des Rocks z. Beispiel tritt jetzt seiner Naturalform in allen möglichen Formen gegenüber, als Leinwandgleiches, Eisenleiches, Thee gleiches u. s. w. alles andre, nur nicht Rockgleiches». Это значить: «Вторая (развернутая) форма полнѣе первой отличается; стоимость товара отъ его собственной потребительной стоимости, такъ какъ стоимость сюртука, наприм., противопоставляется здѣсь своей естественной формѣ во всевозможныхъ видахъ, какъ *равная холсту, равная желѣзу, равная чаю, равная всякъ остальнымъ*, только не какъ равная сюртуку». У Николая — она эта фраза читается такъ: «Вторая формула полнѣе, чѣмъ первая, отличаетъ стоимость товара, наприм., сюртука отъ его собственной потребительной стоимости. Дѣйствительно, стоимость сюртука принимаетъ въ ней всевозможныя формы въ противоположность его натуральной формѣ; она становится равной *стоимости* холста, чая, желѣза, словомъ, всякой другой, но только не равной *стоимости* сюртука» (стр. 29). Какое поистинѣ безнадежное непониманіе теоріи стоимости Маркса! Стоимость сюртука становится равной *стоимости* холста. Но въдъ центръ тяжести какъ разъ въ томъ и заключается, что стоимость одного предмета получаетъ выраженіе въ *тѣмъ* (естественной формѣ) другого предмета, а вовсе не въ его стоимости, въ холстѣ, чаѣ, а вовсе не въ стоимости холста, чая, что было бы пустой, бессмысленной тавтологіей. Не понявъ этого пункта, нельзя понять и денегъ. А Николай — онъ въ такой мѣрѣ ничего не понимаетъ, что, нисколько не смущаясь, влагааетъ въ уста Маркса такую чудовищную бессмыслицу: *стоимость* сюртука равна всякой другой *стоимости*, только не *стоимости* сюртука. И по такому переводу русское юношество «изучало» Маркса! Не подумайте, что это — случайная обмолвка. На слѣдующей страницѣ, разъясняя всеобщую форму стоимости, Николай — онъ опять «поправляетъ» Маркса и пишетъ: «стоимость каждаго товара, какъ *равная стоимости* холста, не только теперь отлична отъ его собственной потребительной стоимости, но отъ всякой потребительной стоимости». Несчастный переводчикъ такъ и не можетъ понять, почему это Марксъ продолжаетъ упорно говорить: «*равная холсту* стоимость каждаго товара не только отличается теперь» и т. д. Въ дальнѣйшемъ та же безнадежная путаница.

Неудивительно, что фраза: «Ihre Körperform gilt ails die sichtbare Inkarnation, die allgemeine gesellschaftliche Verpuppung aller menschlichen Arbeit» (его (холста) тѣлесная форма является видимымъ воплощеніемъ, всеобщимъ

общественнымъ окукливаніемъ *) всякаго рода человѣческаго труда) у Николая —она читается такъ: «его натуральная форма есть стало быть въ то же время его общественная форма. Вещественная форма льна становится видимымъ воплощеніемъ человѣческаго труда всякаго рода» (стр. 30). Смыслъ фразы до нѣкоторой степени угаданъ Николаемъ —ономъ, но развѣ это переводъ Маркса?

Неудивительно, что когда Николаю —ону приходится наткнуться на *словесно* трудную фразу, онъ не отступаетъ передъ приписываніемъ Марксу бессмысленнаго набора словъ. Вотъ примѣръ.

У Маркса.

Es kommt damit zum Vorschein, dass die Werthgegenständlichkeit der Waaren, weil sie das bloss „gesellschaftliche [Dasein“ dieser Dinge ist, auch nur durch ihre allseitige gesellschaftliche Beziehung ausgedrückt werden kann, ihre Werthform daher gesellschaftlich gültige Form sein muss (4-е нѣм. изданіе стр. 33).

Точный переводъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что материализация стоимости товаровъ, являющаяся въ сущности просто „общественнымъ бытіемъ“ этихъ предметовъ, можетъ получить свое выраженіе только въ ихъ всестороннемъ общественномъ отношеніи, а слѣдовательно, ихъ форма стоимости должна быть общественно признанной формой.

Переводъ Николая —она.

Такимъ образомъ становится очевидно, что такъ какъ *товары, которые съ точки зрѣнія стоимости представляютъ ничто общественное*, и это *ничто* (!) общественное можетъ быть выражено только ихъ всестороннимъ общественнымъ соотношеніемъ, то *такая ихъ форма стоимости должна быть поэтому общественно признанною формой* (стр. 30).

Переводъ Николая —она, какъ видимъ, сплошная фантазія, не имѣющая ничего общаго съ тѣмъ, что сказано у Маркса. Но даже и своему фантастическому словосочетанію Николай —онъ не нашелъ нужнымъ дать хотя бы логически правильную форму.

VIII.

Что касается вообще неточностей и неправильностей перевода, ничѣмъ не мотивированныхъ пропусковъ и совершенно недозволительныхъ отсѣбятинъ, —то ихъ положительно, безчисленное множество. Возьмемъ хотя бы «отдѣлъ пятый». На протяженіи какихъ-нибудь 20 страницъ Николай —онъ ухитряется сдѣлать слѣдующее. Говоря въ полушутливой формѣ о томъ, когда народный учитель будетъ, по мнѣнію капиталистовъ, производительнымъ работникомъ, Марксъ въ началѣ фразы пишетъ: *steht es frei, ein Beispiel ausserhalb der Sphäre der materiellen Production zu wählen* (если будетъ дозволено взять примѣръ, лежащій внѣ сферы матеріальнаго производства). Николай —онъ счелъ излишнимъ перевести эти слова (стр. 444) и полушутливой фразѣ Маркса придавъ тѣмъ сосредоточенно-серьезный характеръ. Зато на стр. 462 онъ набрался такой храбрости, что безъ всякой оговорки прибавилъ Марксу особое примѣчаніе. Если пе-

*) Превращеніе въ куколку—*Verpuppung*.

реводчики и снабжаютъ иногда переводимаго автора примѣчаніями, то всегда оговариваютъ это. Въ первомъ изданіи у Николая —она такой смѣлости еще не было. Двадцать нѣтъ лѣтъ, протекшія со дня выхода перваго изданія, убѣдили нашего переводчика, что онъ имѣетъ право «исправлять» Маркса.

Фразу «die Perioden der Nilbewegung zu berechnen» (вычислять періоды движенія уровня Нила) Николай —онъ переводитъ: «предсказывать повышение и пониженіе водъ Нила» (стр. 448).

Слова «nur die Möglichkeit, niemals die Wirklichkeit der Mehrarbeit» онъ переводитъ: лишь возможность, но ни въ какомъ случаѣ не необходимость прибавочнаго труда (стр. 449). Это совершенно не вѣрно. Марксъ говоритъ: возможность, но не наличность. Марксъ говоритъ, что извѣстными условіями создаютъ возможность прибавочнаго труда, но окажется ли онъ дѣйствительно въ наличности, это зависитъ еще и отъ другихъ условій. Марксъ пишетъ: «Ricardo kümmert sich nie um den Ursprung des Mehrwerths. Er behandelt ihn wie eine der kapitalistischen Productionsweise, der in seinen Augen natürlichen Form der gesellschaftlichen Production, inhärente Sache» (Рикардо совершенно не интересуется происхожденіемъ прибавочной стоимости. Онъ смотритъ на нее, какъ на нѣчто по самой природѣ присущее капиталистическому способу производства, являющемуся въ его глазахъ естественной формой общественнаго производства). У Николая —она это мѣсто получаетъ такой видъ: Рикардо никогда не касается происхожденія прибавочной стоимости. Онъ смотритъ на нее, какъ на нѣчто *свойственное* капиталистическому способу производства, который на его взглядъ есть естественная форма общественнаго производства» (стр. 450). Сердцевина Марксовой мысли выѣдена: ибо и Марксъ смотритъ на прибавочную стоимость, какъ на нѣчто *свойственное* капиталистическому способу производства. Рикардо же видѣлъ въ ней нѣчто присущее ей по самой природѣ (inhärente).

На стр. 481 нѣмецкаго оригинала Марксъ смѣется надъ Миллемъ, который называетъ господствующимъ вездѣ тотъ порядокъ, при которомъ капиталистъ *авансируетъ* (vorschießt) рабочему всѣ издержки, включая и заработную плату. Марксъ, какъ извѣстно, доказываетъ, что не капиталистъ—рабочему, а рабочій—капиталисту даетъ авансъ въ видѣ труда. «Seltsame optische Täuschung,—иронизируетъ онъ надъ Миллемъ,—überall einen Zustand zu sehn, der bis jetzt nur ausnahmsweise auf dem Erdball herrscht,—но прибавляетъ онъ дальше:—Mill ist gut genug zuzugeben, essei nicht eine absolute Nothwendigkeit, dass dem so sei» (т.-е. «Странный оптический обманъ повсюду видѣть тотъ порядокъ, который пока на земномъ шарѣ существуетъ въ видѣ исключенія... впрочемъ, и Милль настолько добръ, что согласенъ допустить отсутствіе абсолютной необходимости въ томъ, чтобы оно такъ было»). Просматривая переводъ Николая —она, на стр. 451 вы увидите, что первой изъ приведенныхъ нами нѣмецкихъ фразъ тамъ *вовсе нтъ*. Переводчикъ не нашелъ ее достойной перевода.

Вторая же переведена такимъ фантастическимъ образомъ: «Милль *хочетъ* *утвердить*, что даже при такомъ экономическомъ порядкѣ, при которомъ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы, нѣтъ безусловной необходимости, чтобы это было такъ». Набранныхъ курсивомъ словъ у Маркса въ данномъ мѣстѣ нѣтъ. Ихъ Николай — онъ прибавилъ отъ себя. Но почему, въ чемъ дѣло?—спросить изумленный читатель. А въ томъ, видите ли, что Николай — онъ снова «исправляетъ» Маркса. А исправляетъ онъ его потому, что не понялъ слова *vorgschiesen* (авансировать), а перевелъ его: «затрачиваетъ всѣ расходы, въ томъ числѣ и все вознагражденіе работника». Перевелъ и задумался: какъ же такъ, вѣдь Милль-то правъ, вѣдь при капиталистическомъ строѣ всѣ затраты, на самомъ дѣлѣ, производитъ капиталистъ. Когда Николай — онъ додумался до этого, онъ рѣшилъ съ Марксомъ поступить сурово. Ироническую фразу о Миллѣ онъ выбросилъ, а ту, которую оставилъ, разбавилъ своей, но зато социалистической, «въ духѣ Маркса», водой о такомъ порядкѣ, при которомъ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы. А рѣчь-то шла вовсе не объ этомъ, а всего только объ авансахъ. Горе-переводчикъ!

Указывать ли на дальнѣйшее? На стр. 457 *darstellt* переведено «предъявляется», на стр. 458 опять сложная операція съ пропускомъ непонятаго, со вставкой отсебятины. На стр. 462 фраза: «Die zwei ersten Formeln stellen als Verhältniss von Werthen aus dar, was die dritte als Verhältniss der Zeiten, worin diese Werthe producirt werden» (двѣ первыхъ формулы представляютъ, какъ отношеніе стоимостей *то, что* третья изображаетъ, какъ отношеніе времени, въ которыя эти стоимости производятся) переведена: «двѣ первыхъ формулы выражаютъ отношеніе стоимостей, третья—отношеніе времени, въ теченіе которыхъ производятся эти стоимости». Это совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать Марксъ: изъ перевода исчезло указаніе на то, что обще всѣмъ формуламъ...

Впрочемъ, довольно...

IX.

Второй томъ «Капитала» по изложенію болѣе абстрактнѣе, чѣмъ первый. Для перевода онъ труднѣе. Понятно, что Николай — онъ перевелъ его еще хуже, чѣмъ первый, — если только это возможно. Въ однѣхъ трехъ первыхъ главахъ (стр. 1—58, издан. 1885 г.) я насчиталъ 27 грубыхъ ошибокъ, неточностей, искаженій. Переводъ дальнѣйшихъ главъ не лучше.

На стр. 2 слова *Inhaber der Arbeitskraft* переведены «приобрѣтатель рабочей силы» — на самомъ же дѣлѣ это означаетъ какъ разъ наоборотъ владѣльца ея. *Die Summe der von einer bestimmten Arbeiterzahl zu veraugabenden überschüssigen Mehrarbeit* (сумма излишняго прибавочнаго труда *подлежащаго извлеченію* изъ опредѣленнаго числа рабочихъ) — переведенъ «сумма излишняго прибавочнаго труда, *потраченнаго* опредѣленнымъ числомъ рабочихъ» (стр. 3). Слова *einverleibt werden* переведены «оживить

слѣдуетъ: «быть присоединенной» (стр. 6). По обыкновенію сжатыя, точныя Марксовы фразы передаются водянистымъ многословіемъ. Напримѣръ, «классовое отношеніе между капиталистами и наемными рабочими» неизвѣстно почему передано такъ: «существованіе класса капиталистовъ и класса наемныхъ рабочихъ и отношеній между этими классами (стр. 6). *Gesellschaftlich massgebende Voraussetzung der Production der Waaren* (общественно *руководящая предпосылка* производства товаровъ) у Николая — она превращается въ «общественно *обычное представленіе* (!?) о производствѣ товаровъ» (стр. 7). Фраза «Er (Kapitalist) kann andererseits die Arbeitskraft nur vernutzen, indem er durch sie die Produktionsmittel als Waarenbildner vernutzen lässt» (съ другой стороны, капиталистъ можетъ использовать рабочую силу только если онъ при ея посредствѣ используетъ средства производства, какъ производители товаровъ) передана такъ: «съ другой стороны, онъ можетъ воспользоваться рабочей силой, заставляя ее потреблять средства производства, создавая этимъ товаръ» (стр. 9). Это—Даниельсоновское сочиненіе, а не переводъ Маркса...

У Маркса:

Die sachlichen Bedingungen der Waarenproduction treten ihm in immer grösserem Umfang als Producte anderer Waarenproducenten, als Waaren, gegenüber. (В. II, 1885, s. 12—13).

Aber die einen und die andern (Arbeiter und Produktionsmittel) sind dies (Factoren der Production) nur der Möglichkeit nach im Zustand ihrer Trennung von einander (13).

Waare wird Waarenkapital als unmittelbar aus dem Produktionsprocess selbst entsprungene funktionelle Daseinsform des bereits verwertheten Kapitalwerths (15).

Точный переводъ:

Матеріальныя условія производства товаровъ все въ большемъ размѣрѣ противустоятъ ему, какъ продукты другихъ товаропроизводителей, какъ товары.

Но и тѣ, и другіе (рабочіе и средства производства) въ состояніи своего отдѣленія другъ отъ друга могутъ быть факторами производства только въ возможности, in potentia.

Товаръ становится товарнымъ капиталомъ *въ видѣ вышедшей непосредственно изъ самаго процесса производства* функциональной формы существованія капитальной стоимости, уже возросшей въ своей стоимости.

Переводъ Николая —она:

Вещественныя условія товарнаго производства, какъ продуктъ другихъ производителей товаровъ (?)—какъ товары—являются передъ нимъ *все въ болѣе и болѣе возрастающемъ разнообразіи* (??) (стр. 10).

Но какъ тѣ, такъ и другіе *только* возможные факторы *и нагодятся* (?) въ состояніи раздѣленія одни отъ другихъ (стр. 11).

Товаръ становится товарнымъ капиталомъ, какъ функциональная форма существованія капитальной стоимости, уже возросшей въ своей величинѣ *въ самомъ процесѣ производства* (стр. 12).

Достаточно сравнить оригиналъ съ переводомъ Николая—она, чтобы убедиться въ умѣннѣ послѣдняго придавать положеніямъ Маркса смыслъ какъ разъ противоположный тому, который имѣлъ въ виду Марксъ. Николай —онъ обнаружилъ поистинѣ глубокое непониманіе автора, котораго онъ взялся

переводить. На стр. 11 вы читаете такую бессмыслицу: «благородные металлы отчеканиваются въ деньги, а самыя деньги въ денежный капиталъ». Деньги отчеканиваются въ денежный капиталъ—неужели, думаете вы, Маркс могъ сказать такую бессмыслицу. Конечно, нѣтъ. У Маркса сказано: благороднымъ металламъ усваивается характеръ денегъ, а деньгамъ—характеръ денежнаго капитала. Вся бѣда въ томъ, что Николай —онъ не смогъ правильно перевести слово *aufgerägt*. Съ нимъ, вообще, такіе курьезы бывають нерѣдко. Напримѣръ, очень извѣстное слово *dagegen* (напротивъ) на стр. 19 превратилось въ «поэтому». А на стр. 103 вышелъ совсѣмъ «скверный анекдотъ». «У него *нѣтъ* промежутка между однимъ періодомъ круговращенія и послѣдующимъ»—читаете вы у Николая —она. А у Маркса сказано какъ разъ наоборотъ: «она (сумма времени) *измѣряетъ промежутокъ* между однимъ періодомъ круговращенія и послѣдующимъ». Какъ же это произошло? Очень просто. У Маркса стоитъ слово *misst* (отъ *messen*), а Николай —онъ, когда смотрѣлъ въ словарь, наткнулся на малоупотребительный, старинный глаголъ *missen* (быть лишеннымъ чего) и, не вдумавшись въ общій смыслъ фразы, «перевелъ».

Въ первомъ томѣ Николай —онъ прибавилъ Марксу примѣчаніе, во второмъ—для компенсаціи онъ отбросилъ примѣчаніе, внесенное Энгельсомъ (кстати, Энгельсъ всегда оговариваетъ сдѣланныя имъ, а не Марсомъ измѣненія). Марксъ пишетъ: «*In allen diesen seinen Eigenthümlichkeiten weist dieser Kreislauf über sich selbst hinaus als vereinzeltten Kreislauf eines bloss individuellen Kapitals*». (Всѣми этими своими особенностями этотъ круговоротъ *выходитъ за свои предѣлы, какъ обособленную круговорота* просто индивидуальнаго капитала). А Николай —онъ ухитрился придать этому мѣсту какъ разъ противоположный смыслъ: «Это круговращеніе всѣми своими отличительными свойствами указываетъ на то, что *она есть отдельное круговращеніе просто единичнаго капитала*» (стр. 57). Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Неудивительно, что по Николаю —оно «товары, находящіяся на рынкѣ постоянно *предполагаютъ* процессы производства и воспроизводства» (с. 58), а у Маркса эти товары «*составляютъ постоянныя предпосылки*» капиталистическаго производства и воспроизводства. Кто знакомъ съ системой Маркса, тотъ пойметъ, кака я тутъ разница. Николай —онъ, ссылаясь на Маркса, предписываетъ капиталисту «завербовать рабочихъ и заготовить имъ ихъ содержаніе или лучше сказать способность распредѣлять въ видѣ рабочей платы» (стр. 103). «Заготовить способность распредѣлять въ видѣ рабочей платы»—тутъ что-то не такъ,—скажете вы. Да, дѣйствительно, не такъ. По Марксу, капиталистъ стремится «распредѣлить рабочимъ въ видѣ заработной платы ихъ пропитаніе, или, вѣрнѣе, возможность его себѣ припаста». Марксъ, какъ видите, ни мало не виновенъ въ приписанной ему бессмыслицѣ.

Чувствую, что обременилъ читателя цитатами. Кончаю, но въ заключеніе не могу не привести одного курьеза, сказанія о томъ, какъ Нико-

лай — онъ заставилъ Маркса жестоко и несправедливо огульно выругать Адама Смита. На стр. 131 перевода Николая — она читаемъ: «Адамъ Смитъ приступаетъ и къ этому вопросу такъ же грубо эмпирически, какъ онъ *начинаетъ все свое изслѣдованіе, причемъ* и выражается онъ недостаточно ясно». Теперь представьте себѣ, что ничего этого Марксъ не говоритъ. Все это Николай — онъ сочинилъ. Марксъ говоритъ только слѣдующее: «*Gleich die roh empirische Art wie Smith die Untersuchung eröfnet, leitet die Unklarheit ein*». А это значитъ: «уже грубо эмпирическій приемъ, которымъ Смитъ *начинаетъ изслѣдованіе, порождаетъ неясность*». Николай — онъ повторилъ тутъ то же самое, что прѣдѣлалъ въ первомъ томѣ, когда не могъ перевести слова «*vorschiesst*». Въмѣсто точнаго перевода онъ сталъ разводить философію «въ духѣ Маркса», очень радикальную и социалистическую, но ничего общаго съ подлежащимъ переводу мѣстомъ не имѣющую. Тогда влетѣло капиталистамъ, теперь Адаму Смигу, «все изслѣдованіе» котораго оказалось въ началѣ «грубо эмпирическимъ» и неяснымъ...

Надѣюсь, что цитаты изъ перевода третьяго тома я могу не приводить. Въ переводѣ третьяго тома Николай — онъ остался самимъ собой...

Х.

Только въ концѣ 1899 г., т.-е. черезъ тридцать одинъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ оригинала, появился русскій переводъ I тома «Капитала», сдѣланный г-жей Гуревичъ и Л. М. Закомъ и проредактированный П. Б. Струве, который и можетъ считаться *первымъ настоящимъ* переводомъ. Здѣсь нѣтъ ни тѣхъ фантазій, ни тѣхъ извращеній, ни пропусковъ, ни отсебятины, которыя у Николая — она попадаютъ буквально на каждой страницѣ. Переводъ не лишенъ неточностей, неизбежныхъ въ такой работѣ, но это — настоящий, серьезный переводъ. Но и этотъ настоящий первый переводъ не могъ быть полнымъ уже по цензурнымъ условіямъ. Не доставало посвященія, пришлось чрезвычайно урѣзать предисловія, сдѣлать мелочныя поправки. И только въ 1905 году, когда появилось второе изданіе перевода г-жи Гуревичъ и Л. М. Зака (теперь уже вышло третье), Россія получила, наконецъ, *первый полный переводъ перваго тома* «Капитала». Бардинальной особенностью перевода, проредактированнаго П. Б. Струве, является передача слова Werth словомъ «цѣнность», а не «стоимость». Въ предисловіи редакторъ перевода обстоятельно мотивируетъ свою точку зрѣнія, на которой стоитъ также М. И. Туганъ-Барановскій и многіе другіе русскіе экономисты.

Но и въ 1905 г. второй и третій томы «Капитала» существовали на русскомъ языкѣ только въ явно негодномъ переводѣ Николая — она. Пробѣлъ этотъ взяли восполнить Н. Ленинъ, А. Богдановъ, В. Базаровъ и М. Степановъ, объявившіе подписку на новый переводъ всѣхъ трехъ томовъ. Они начали со второго тома и въ 1907 и 1908 годахъ выпустили второй томъ и оба выпуска третьяго. Скоро долженъ выйти и первый томъ.

Въ этомъ переводѣ слово Werth передано по старому: «стоимость». Я не свѣрилъ всё 1,300 страницъ новаго перевода съ подлинникомъ, но я свѣрилъ достаточно мѣсть, чтобы имѣть право сказать, что новый переводъ — вполне серьезное, научное предпріятіе, выполненное, дѣйствительно, съ полной добросовѣстностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Чего-либо подобнаго невѣжественнымъ курьезамъ Николая — она здѣсь нѣтъ и слѣда. Попадаются, правда, неточности. Напр., на стр. 124 Rechengeld переведено «для счета», тогда какъ надо было перевести прямо: «счетныя деньги». На стр. 364 говорится «пропорціонально количествамъ стоимости», а у Маркса: «количествамъ прибавочной стоимости». Слова «und dies ist vorausgesetzt» (а это предположено) переведены: «а это само собою разумѣется» (стр. 365), вмѣсто «матеріалы производства» фигурируютъ непонятныя «производственные матеріалы» и т. д., и т. д. Но все это мелочи, неизбѣжныя при такомъ колоссальномъ трудѣ, какъ переводъ «Капитала»; и нескандающія коренныхъ теоремъ автора. А переводъ Николая — она сплошь и рядомъ давалъ именно такое искаженіе...

XI.

Въ своемъ когда-то очень популярномъ сочиненіи «Судьбы капитализма въ Россіи» В. В. написалъ, а Н. Б. Михайловскій почтительно ихъ повторилъ, такія строки о Николаѣ — онѣ: «самъ Марксъ, заинтересуясь онъ судьбами русскаго капитализма, не могъ бы избрать лучшаго метода изслѣдованія и врядъ ли провелъ бы его болѣе послѣдовательно, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ» (стр. 294). Вотъ чѣмъ въ представленіи интеллигентнѣйшихъ людей недавняго прошлаго былъ Николай — онъ, переводчикъ «Капитала» и авторъ «Очерковъ пореформеннаго хозяйства», «единственный истинный русскій марксистъ», какъ говорили въ пику Бельтову и Струве. «Самъ Марксъ», не умѣющій правильно перевести и истолковать ни одной страницы изъ Маркса! Ядовитая иронія...

Самъ Николай — онъ въ предисловіи ко второму изданію перваго тома пишетъ: «къ сожалѣнію, за 26 лѣтъ, прошедшихъ со времени появленія перваго русскаго изданія перваго тома «Капитала», не появилось никакихъ указаній о самомъ переводѣ, которыми можно было бы воспользоваться для настоящаго изданія». Это справедливо и снимаетъ часть вины съ Николая — она, переноса ее на образованное русское общество. Это же придаетъ исторіи русскаго перевода «Капитала» немаловажный общественный интересъ. Правда, значительная часть вины падаетъ и на русское правительство, на наше изумительное правительство, которое такъ ревностно работаетъ надъ укорененіемъ въ русскомъ обществѣ глубокаго невѣжества подъ флагомъ радикализма! Принять «Капиталъ» за агитаціонную революціонную брошюру, превратить его въ запретную, подпольную книгу, снять его съ рынка, превратить въ табу, сдѣлать недоступнымъ независимой критикѣ — эта идея могла придти въ голову только нашей бюрократіи съ

ея слѣпымъ упрямствомъ и традиціоннымъ невѣжествомъ. Невозможность критики «Капитала» повлекла за собой отсутствіе критики перевода. Но значительную роль играли тутъ и шестеть къ именамъ переводчиковъ. Бакунинъ, Лопатинъ, Николай — онъ — все это были имена, пользовавшіяся большой популярностью въ *радикальныхъ* сферахъ. Предполагалось, что разъ они берутся за переводъ такой *радикальной* книги, какъ «Капиталъ», то сдѣлають это прекрасно. Что же касается изученія самого труда Маркса, то вѣдь важень «духъ», «общій смыслъ» ученія, а онъ вѣдь прекрасно усваивался изъ популярныхъ брошюръ.

Литературная фізіономія Николая — она долгое время была для меня загадкой. Я недоумѣвалъ, какъ это человекъ, нѣсколько десятилѣтій отдавшій на изученіе Маркса и на переводъ его главнѣйшаго труда, называвшій себя ученикомъ Маркса, могъ въ своихъ оригинальныхъ работахъ до такой степени идти въ разрѣзъ съ методомъ Маркса, съ глубочайшей основой его ученія. Соціологическій реализмъ Маркса и наивный утопизмъ Николая — она — вѣдь это два полюса. Какъ это могло случиться, что серьезный образованный экономистъ, 25 лѣтъ изучавшій Маркса, могъ додуматься до фантазіи «крупнаго народно-общественнаго производства» на началахъ, обозначенныхъ «въ манифестѣ 19 февраля?»

И только разобравъ, какъ Николай — онъ переводилъ «Капиталъ», я нанесъ разрѣшеніе интересовавшей меня загадки. Этотъ человекъ, десятилѣтія просидѣвшій надъ Марксомъ, не имѣлъ всетаки никакого понятія о геніальномъ экономистѣ и соціологѣ, не умѣлъ правильно прочесть ни одной страницы изъ его работъ, совершенно не понималъ его основныхъ идей. Онъ зналъ только, что Марксъ — революціонеръ и социалистъ, что онъ ненавидитъ капитализмъ, борется съ нимъ и «научно» предсказываетъ ему гибель. Вотъ и все, что Николай — онъ зналъ о Марксѣ. Марксъ — политикъ, нетерпѣливо стремящійся перенести въ узкую рамку нѣсколькихъ мѣсяцевъ современной партійно-политической борьбы выводы изъ жизни столѣтій и свои геніальныя прозрѣнія въ отдаленное будущее, заслонялъ передъ нимъ Маркса-ученаго, завершителя классической экономіи, неизмѣннаго члена триптиха: Ад. Смитъ, Рикардо, Карлъ Марксъ. Марксъ-политикъ давно теперь практически оставленъ за штатомъ. Его безчисленные ошибки, какъ политика, его несбывшіяся предсказанія извѣстны каждому. Но Марксъ-соціологъ, Марксъ-экономистъ, въ совершенствѣ знавшій социальную науку своего времени и тѣсно связанный со всѣмъ, что было выдающагося въ «буржуазной» общественной наукѣ и самъ двинувшій впередъ эту науку, — этотъ Марксъ безсмертенъ. Но Николаю — ону, какъ и всей современной ему русской интеллигенціи, этотъ Марксъ былъ чуждъ. Они не понимали его. А Николай — онъ, переводя «Капиталъ», тамъ, гдѣ встрѣчалъ фразу, недоступную его пониманію, съ легкимъ сердцемъ замѣнялъ ее хлесткой фразой въ «духѣ» Маркса-политика и думалъ, что поступалъ, какъ нельзя лучше.

Недавно Николай — онъ опубликовалъ полученныя имъ отъ Маркса и

Энгельса письма. Изъ этихъ отвѣтныхъ писемъ видно, съ какимъ упорствомъ пытался Николай — онъ обратилъ въ свое непониманіе Энгельса и какъ тотъ отбивался отъ навязываемыхъ ему утопическихъ взглядовъ на россійскія дѣла. Въ такомъ же направленіи воздѣйствовалъ на Маркса Г. А. Лопатинъ. И надо отдать имъ справедливость, дѣйствовали они не безъ успѣха. Та фраза въ знаменитомъ письмѣ Б. Маркса къ редактору *Отеч. Записокъ*, въ которой усматривается указаніе на нѣкоторую возможность для Россіи миновать капиталистическую стадію развитія, написана, очевидно подъ усиленнымъ моральнымъ давленіемъ Лопатина и Николая — она. Вѣдь все это были такіе хорошіе, честные люди! И увлеченный героической борьбой кучки народниговъ-революціонеровъ за социализмъ, Марксъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи одобрить ихъ самоотверженные усилія, хотя бы то, что онъ въ данномъ случаѣ писалъ, не вполне сходилось съ его основными взглядами. Правда, Марксъ не отправилъ этого письма по адресу и не опубликовалъ его. Оно было опубликовано только послѣ его смерти. Но свою роль оно сыграло и дѣтъ на десять, если не больше, задержало у насъ развитіе пониманія подлинныхъ взглядовъ Маркса. Энгельсъ въ девятидесятыхъ годахъ, судя по его письмамъ къ Николаю — ону, не былъ такъ податливъ и, несмотря на всѣ старанія послѣдняго, ему не удалось заставить вождя нѣмецкихъ социаль-демократовъ выступить противъ П. Б. Струве въ защиту Николая — оновской утопій.

Какъ все это характерно! Вспомнимъ фактъ, которымъ открывается исторія перевода «Капитала». М. А. Бакуининъ считался въ Россіи самымъ образованнымъ человѣкомъ своего времени и, конечно, самымъ передовымъ. Вмѣстѣ съ Марксомъ онъ работаетъ въ Интернаціоналѣ. Къ нему и обращаются съ просьбой взяться за переводъ «Капитала», огромное значеніе котораго тогда не столько сознавалось, сколько чувствовалось въ немногочисленныхъ социалистическихъ кружкахъ. Бакуининъ берется за это дѣло и на первыхъ же шагахъ убѣждается, что въ сравненіи съ Марксомъ онъ невѣжественный младенецъ. Онъ не можетъ перевести въ день и пяти страницъ «Капитала». Онъ не понимаетъ его и то, что онъ даже перевелъ, впоследствии людьми, тоже мало понимающими, было признано непригоднымъ. Но какъ отдѣлаться отъ непосильной работы? На помощь Бакунину приходитъ другой очень популярный революціонеръ того времени Нечаевъ и вдвоемъ они создаютъ планъ. «У Бакунина есть болѣе важныя обязанности, чѣмъ переводъ этой книги (которой онъ не понимаетъ). Онъ обязанъ всѣ свои силы «посвятить революціи». И на основаніи этихъ соображеній пишется письмо, породившее такой скандалъ... Помните теперь, что впоследствии изъ Бакуининскихъ же рядовъ вышелъ князь: «не надо учиться», «наука мѣшаетъ революціи», надо бросить науку и идти въ народъ. Покойному Лаврову въ заграничномъ журналѣ *Впередъ* приходилось серьезно бороться съ этимъ теченіемъ, имѣвшимъ большой успѣхъ среди радикальной молодежи. А вѣдь подоплекой и этого теченія, какъ и смѣнившаго его отрицанія «буржуазной науки», было въ сущности не что

иное, какъ доморощенное російское невѣжество, какъ неумѣнье одолѣть и усвоить эту «буржуазную науку». Когда Марксъ пускалъ свои ядовитыя стрѣлы, онъ почти всегда основательно зналъ тѣхъ, въ кого стрѣлялъ. А наши домашніе отрицатели предпочитали съ «буржуазной наукой» вовсе не знакомиться...

Когда-то предметомъ гордости нашихъ социалистовъ было указаніе на то, что русская интеллигенція раньше всѣхъ оцѣнила и поняла Маркса, что «Капиталъ» впервые переведенъ былъ въ Россіи и т. д. Все это такъ упорно повторялось и при томъ столь хорошими людьми, что не могло не воздѣйствовать и на Маркса. Публично онъ нѣсколько разъ упомянулъ объ этомъ, хотя, какъ мы могли видѣть изъ его частнаго письма къ Бугельману, въ глубинѣ души не особенно цѣнилъ эту отзывчивость русской интеллигенціи. И эта отзывчивость въ значительной мѣрѣ была, дѣйствительно, построена на самообманѣ. То, что мы получили подъ видомъ перевода «Капитала», не было вовсе переводомъ великаго труда. Настоящій переводъ «Капитала» въ Россіи появился только тридцать-сорокъ лѣтъ послѣ выхода оригинала. И тутъ мы Европы не опередили...

Всякое самохвальство, революціонное, реакціонное, религіозное и національное, одинаково вредно и должно быть искореняемо безпощадно. Въ этомъ я вижу одну изъ важнѣйшихъ задачъ современнаго публициста. Надо, чтобы русскій интеллигентъ понялъ и всѣмъ нутромъ ощутилъ, что мы такіе же люди, какъ и прочіе культурные европейцы, только значительно отставшіе во всѣхъ отрасляхъ жизни и мысли отъ англичанъ, французовъ, нѣмцевъ. Конечно, частныя сочетанія условій нашей жизни не тѣ, что въ другихъ странахъ. Но одно ясно, что наша отсталость не составляетъ для насъ прогресса ни въ какой области: ни въ сферѣ религіознаго чувства, ни въ области революціоннаго дѣланія, ни въ формахъ національнаго характера. Между тѣмъ идея о нашемъ превосходствѣ въ силу самой нашей отсталости сплошь и рядомъ воскресаетъ у насъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Всегда, въ какой бы формѣ она ни являлась, подоплеку этой идеи надо искать въ нашемъ невѣжествѣ. И наше, якобы существующее, преимущество въ области социальна-политической и революціонной или религіозной, на повѣрку всегда окажется только преимуществомъ хлестакаго, ничѣмъ не смущающагося незнанія передъ серьезнымъ знаніемъ. А такое преимущество, но меньшей мѣрѣ, сомнительно...

А. С. Изгоевъ.

1907—8 годъ въ русской музыкальной жизни.

Предполагая распредѣлить накопившійся за годъ матеріалъ приблизительно въ томъ порядкѣ, которому мы слѣдовали въ своемъ прошлогоднемъ обзорѣ, мы должны отмѣтить прежде всего, что истекшій годъ можетъ быть смѣло названъ годомъ систематическаго преслѣдованія профессиональныхъ организацій, такъ что надо только удивляться, что музыкальному пролетариату кое-что удастся сдѣлать въ смыслѣ большей сплоченности, въ смыслѣ объединенія. Ни для кого не является новостью, что представителямъ труда дурно живется въ Россіи, но можно смѣло сказать, что музыкальный пролетариатъ наиболѣе заброшенъ, наиболѣе забытъ обществомъ. Церковные пѣвчіе, живущіе въ болѣе сырыхъ и мрачныхъ помѣщеніяхъ, чѣмъ сапожники или рабочіе, причѣмъ дѣти вмѣстѣ со взрослыми, подарившими Россіи поговорку: «пѣть, какъ пѣвчій», регенты, вынужденные приноравливаться ко вкусамъ музыкально-безграмотныхъ старостъ и батюшекъ, хористы, работающіе 11 часовъ въ сутки безъ праздничнаго отдыха, оркестранты, систематически обираемые подрядчиками и разными музыкальными гешефтмахерами—всѣ эти обездоленные люди предоставлены своимъ силамъ, хотя врядъ ли будетъ тяжело сказать, что это люди большею частью лишенные всякаго самосознанія. Развѣ возможны въ какой бы то ни было отрасли *интеллектуальнаго* труда явленія, подобныя слѣдующему, имѣвшему до нынѣшняго года мѣсто въ Москвѣ: здѣсь, въ Охотномъ ряду и на Никитской, имѣются два грязные трактира, которые служили... биржей музыкальнаго труда. До часу дня здѣсь собирались безработные музыканты, и оркестровые подрядчики беспощадно эксплуатировали здѣсь этихъ бѣдняковъ. Прибавьте унижительное требованіе трактиро-хозяевъ — опоражнивать помѣщеніе къ часу, ибо собирается приличная публика—и вы составите себѣ представленіе о томъ, какъ жизнь забила *столичнаго* оркестранта. Разные ловкачи умудрялись подписывать по нѣскольку контрактовъ въ разныхъ мѣстахъ или на разные инструменты, чтобы позже здѣсь перепродавать ангажементы. Къ счастью, этому положенъ предѣлъ: послѣ горячей статьи въ *Музыкальномъ Труженикѣ*, музыканты обязались другъ передъ другомъ подпиской

устроить биржу въ помѣщеніи Общества взаимопомощи оркестровыхъ музыкантовъ и не посѣщать этихъ трактировъ, подъ угрозой каждый разъ штрафа въ 25 коп... Таково положеніе въ столицѣ, въ провинціи же, разумѣется, въ сотни разъ хуже. Въ другой столицѣ общество взаимопомощи оркестровыхъ музыкантовъ вынуждено было ходатайствовать передъ министерствомъ двора о воспрещеніи артистамъ оркестра императорскихъ театровъ въ виду ихъ относительной обезпеченности участвовать въ балльных, свадебныхъ и прочихъ оркестрахъ, а также и симфоническихъ собраніяхъ, но это ходатайство было удовлетворено лишь въ первой его половинѣ. Ходатайство общества взаимопомощи вызвано цѣлымъ рядомъ краховъ разныхъ музыкальных предприятий Петербурга, — краховъ, въ концѣ подорвавшихъ такъ называемое благосостояніе музыкальнаго пролетаріата. До чего неустойчиво, до чего подвержено случайностямъ положеніе представителей музыкальнаго труда можно судить по слѣдующимъ даннымъ: на 14 оперныхъ предприятий этого сезона мы имѣемъ два полныхъ краха, два — частичныхъ; въ опереточныхъ предприятияхъ на 11—6. Сколько человекъ при этомъ осталось безъ заработка, который и всегда-то равняется нѣсколькимъ грошамъ!

Словомъ, положеніе ужасное, и съ радостью можно отмѣтить, что за истекшій годъ образовалось общество взаимопомощи регентовъ, которое недавно созвало I всероссійскій съѣздъ регентовъ, состоявшійся недавно въ Москвѣ, что стали появляться пѣвческія общества взаимопомощи и др. Не малую роль въ дѣлѣ подъема самосознанія, въ дѣлѣ профессиональнаго объединенія играетъ профессиональный органъ *Музыкальный Труденикъ*, подъ прямымъ и косвеннымъ вліяніемъ котораго возникъ цѣлый рядъ профессиональных организацій. Одной изъ любопытныхъ попытокъ улучшить свою участь является организація мелкими труженниками сцены (вторые артисты, хористы, оркестранты и др.) опернаго товарищества на паяхъ, первоначальный фондъ образовывается изъ взноса 10%, получаемыхъ марокъ, высшій окладъ которыхъ 300, а низшій—80. Всѣ лица, избираемыя для веденія дѣлъ товарищества, сибѣяемы, а недоразумѣнія разбираются третейскимъ судомъ. Товарищество начало функционировать въ Саратовѣ. Наблюдается (Вологда) появленіе обществъ смѣшаннаго характера: хорошее общество, напримѣръ, ставитъ своею цѣлью: а) поднятіе уровня развитія и вкуса въ пѣніи какъ своихъ членовъ, такъ и публики и б) матеріальную помощь членамъ общества.

Общества послѣдняго типа имѣютъ особую цѣнность, преслѣдуя наравнѣ съ матеріальными цѣлями и чисто музыкальныя. Именно такіе кружки двигаютъ музыкальное дѣло страны, особенно таковой музыкально-одаренной, какъ Россія. Если Финляндія, напримѣръ, гораздо болѣе музыкально развита, то, конечно, благодаря массѣ пѣвческихъ кружковъ и лучшей постановкѣ школьнаго пѣнія. Не мало разумѣется способствуетъ дѣлу распространенія музыкальнаго просвѣщенія и общедоступная спеціальная пресса, которая, однако, у насъ народилась какъ-то сразу и въ

количеством превышающем спрос: такъ въ Тамбовѣ появилось два (!) журнала съ приблизительно одинаковой программой и, конечно, оба гибнутъ отъ недостатка подписчиковъ.

Гораздо болѣе плачевно то обстоятельство, что молодое, болѣе чѣмъ симпатичное дѣло народной консерваторіи также грозитъ захирѣть благодаря недостатку средствъ. На деньги, поступающія въ качествѣ платы за ученіе, народная консерваторія, конечно, существовать не можетъ. Изъ отчета перваго года дѣятельности народной консерваторіи видно, что въ нее было принято 627 человекъ. Плата и ученіе въ хоровыхъ классахъ— 3 руб. въ годъ, что весьма естественно въ виду того, что она рассчитана на бѣднѣйшіе слои населенія. Лишь за обученіе въ специальныхъ классахъ, основанныхъ при хоровыхъ для особенно талантливыхъ учащихся, взимается 20 руб. въ годъ.

Что касается контингента учащихся, то въ центральныхъ районахъ (всѣхъ районовъ 7) преобладаетъ болѣе интеллигентный составъ, а въ окрестныхъ районахъ—рабочіе. Занятія происходили два раза въ недѣлю по 2½ часа; въ будни вечеромъ и въ праздники днемъ. Я говорю здѣсь о хоровыхъ занятіяхъ, являющихся вмѣстѣ съ теоретическими предметами центромъ обученія, на специальные же классы было принято всего 56 человекъ.

Осязательнымъ результатомъ втораго учебнаго сезона народной консерваторіи былъ ученическій вечеръ, на которомъ выступили учащіеся въ сольныхъ классахъ и второй курсъ хоровыхъ классовъ, при чемъ исполнялись хоры Даргомыжскаго, Чайковскаго, Моцарта и даже Ор. Лессо и Палестрины, требующихъ значительно большой музыкальной подготовки. Такъ что дѣло видимо пускаетъ корни, и можно только радоваться, что и въ Петербургѣ дѣло народной консерваторіи движется впередъ, такъ что въ недалекомъ будущемъ можно ждать ея открытія, вѣрнѣе открытія ея музыкальныхъ классовъ, ибо дѣятельность ея уже началась, выразившись въ нѣсколькихъ публичныхъ лекціяхъ по музыкѣ. Такія же общедоступныя лекціи были организованы московской народной консерваторіей и онѣ проходили все время съ огромнымъ успѣхомъ, при переполненной аудиторіи Политехническаго музея. Вообще въ истекшемъ году значительно возросло число лекцій по музыкѣ, и это тѣмъ болѣе необходимо, что у насъ почти нѣтъ доступныхъ по цѣнѣ и хорошихъ по содержанию книжекъ по музыкѣ. Кромѣ лекцій, посвященныхъ отдѣльнымъ композиторамъ (Григъ, Аренскій, Глинка, Чайковскій, Вагнеръ), слѣдуетъ отмѣтить цѣлый циклъ лекцій, который прочелъ пр.-доц. петербургскаго университета А. Ф. Каль; этотъ циклъ долженъ былъ представить «Исторію происхожденія современной западно-европейской музыки», что и было удачно исполнено лекторомъ, судя по его обширной эрудиціи и успѣху чтеній. Отдѣльныя лекціи были прочитаны и въ провинціи (Казань, Иркутскъ, Самара, Харьковъ и др.). Очень интересны, но уже скорѣе для специалистовъ, были лекціи Г. Юнуса («Симметрія, какъ принципъ музыкальной формы») и известнаго зна-

тока духовнаго пѣнія проф. С. Смоленскаго, который въ этомъ году долженъ былъ оставить постъ директора придворной пѣвческой капеллы за попытки оживить ея художочную жизнь...

Такова дѣятельность частной инициативы въ дѣлѣ музыкальнаго просвѣщенія. Попрежнему она плодотворнѣе дѣятельности официальнаго распорядка этого просвѣщенія—Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, которое въ провинціи, однако, является почти единственнымъ лучомъ музыкальнаго свѣта. Мы уже указывали на страницахъ *Русской Мысли* *) на причины слабой дѣятельности этого обширнаго учрежденія, такъ что теперь констатируемъ только то, что въ его положеніи не произошло перемѣнъ и что за два съ половиной года его главная дирекція не удосужилась составить новаго устава для консерваторій и подготовить проектъ реорганизациі всего общества на новыхъ болѣе современныхъ и жизнеспособныхъ началахъ. Изъ положительной же дѣятельности отдѣлений Императорскаго русскаго музыкальнаго общества укажемъ, главнымъ образомъ, на провинцію, гдѣ нѣкоторымъ отдѣленіямъ удается развивать свое симпатичное дѣло, не только распространяя музыкальное образованіе, но и сформировывая оркестры и хоровые кружки, дающіе возможность исполнять въ провинціальныхъ городахъ вокальную и инструментальную симфоническую музыку.

Такова дѣятельность Екатеринославскаго отдѣленія во главѣ съ г. Брича, или Екатеринодарскаго (г. Жуковский) и др. Московское отдѣленіе, удовлетворяя спросу на серьезную музыку сравнительно мало обезпеченной и мало подготовленной публики, дало въ этомъ году семь общедоступныхъ историческихъ концертовъ подъ управленіемъ гг. Василенко и Сахновскаго, причемъ каждому концерту предшествовало вступительное слово о значеніи исполняемыхъ произведеній въ развитіи музыки (г. Энгель).

Огромный успѣхъ этихъ «утръ» побудилъ Императорское русское музыкальное общество продолжить ихъ и въ наступающемъ сезонѣ. И дѣйствительно, подобныя концерты удовлетворяютъ насущной потребности, что видно по вниманію, съ которымъ не совсѣмъ обычная аудиторія выслушивала обыкновенно длинную программу концертовъ.

Вотъ и все, чѣмъ Императорское русское музыкальное общество отвѣтило на музыкальные запросы народа, попрежнему забывая, что въ Россіи существуетъ народная музыка, живущая совсѣмъ обособленною отъ художественной музыки жизнью, забывая, что въ Россіи огромное значеніе имѣетъ также самобытно развившаяся духовная музыка, покровительствовать которой Императорское русское музыкальное общество обязано по § 2 его устава. Если въ этой области оно передовѣряетъ работу придворной пѣвческой капеллы, то послѣдняя, какъ чисто бюрократическое учрежденіе, въ свою очередь предоставляетъ работать частной инициативѣ. Въ области

*) См. августовскую книжку *Русской Мысли* за 1907 г., стр. 119—120.

изученія народной пѣсни за истекшій годъ вообще сдѣлано немного. Интереснѣе всего здѣсь были лекція отца Комитаса (Тифлисъ) «Армянскія пѣсни» и исполненіе г-жей Вигнеръ-Грюнбергъ (Москва, Петербургъ) латышской народной и художественной музыки. Возвращаясь къ области духовной музыки, укажемъ, что провозглашеніе свободы совѣсти дало возможность столицамъ познакомиться со старообрядческимъ, т.-е. стариннымъ русскимъ духовнымъ пѣніемъ въ исполненіи хора любителей церковнаго врюкового пѣнія при фабрикѣ Богородско-Глуховской мануфактуры, пріѣхавшаго по приглашенію братства св. Креста вмѣстѣ съ его прекраснымъ регентомъ П. В. Цвѣтковымъ, который отлично усвоилъ у своего учителя, знатока старообрядческаго пѣнія Фортова, пониманіе своеобразнаго характера этого пѣнія.

Въ научномъ смыслѣ любопытенъ духовный концертъ, устроенный въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ были исполнены пѣснопѣнія православныя, католическія, лютеранскія, армяно-григоріанскія и еврейскія. Съ западно-европейской церковной и духовной музыкой знакомить москвичей «Симфоническая капелла» подъ управленіемъ В. А. Булычева. Она исполнила цѣлый рядъ произведеній, частью еще не появлявшихся на эстрадѣ, частью извѣстныхъ ранѣе, исполнила съ любовью и увлеченіемъ. Исполненію предшествовали обыкновенно подробныя лекціи, выяснявшія значеніе и характеръ исполнявшихся произведеній, часть которыхъ, несмотря на всѣ особенности стиля и формы, захватываетъ и современнаго слушателя. Таковы мотеты Орнандо Лассо, Палестрины, Инженъери, Лотти и др...

Въ области свѣтскаго музыкальнаго искусства въ Россіи первенствующее по распространенности положеніе занимаетъ оперное дѣло, причеиъ Москва, напримѣръ, количествомъ *постоянныхъ* *) оперныхъ сценъ (4) превосходитъ даже крупнѣйшіе центры Запада (Вѣна, Берлинъ, Парижъ).

Въ Москвѣ же истекшій оперный сезонъ былъ наиболѣе интересенъ, не столько въ смыслѣ интересныхъ новинокъ, сколько въ смыслѣ оживленія опернаго дѣла въ области сценическаго воплощенія. Вообще если не считать, что въ этомъ году Римскій-Корсаковъ закончилъ свою пятнадцатую и, — увы! — послѣднюю, предсмертную оперу «Сказку о золотомъ пѣтушкѣ», которая, судя по исполнявшимся ея отрывкамъ, представляетъ изъ себя новый замѣчательный вкладъ въ нашу музыкальную литературу, оперный сезонъ надо считать довольно бѣднымъ, хотя провинціальныи репертуаръ обогатился постановкой «Сказки о царѣ Салтанѣ» (Кіевъ), «Алеко» Рахманинова (Пери) и цѣлымъ рядомъ модныхъ оперъ современной итальянской школы, сочетающей природную горячность, мелодическое дарованіе и небрежную отдѣлку письма съ принципами Вагнеровской школы. Особнякомъ стоятъ оперные театры въ Ригѣ, гдѣ репертуаръ приближается къ репертуару нѣмецкихъ оперныхъ театровъ, и въ Варшавѣ, гдѣ удалось по-

*) Подчеркиваемъ слово постоянныхъ, ибо даже лѣтомъ въ Берлинѣ бываютъ 2—3 частныя оперныя антрепризы.

ставить подъ управленіемъ Резничка «Саломею» Рих. Штрауса, постановка которой невозможна въ другихъ городахъ «по независящимъ обстоятельствамъ». Въ Ригѣ, между прочимъ, поставлена «Tiefland» д'Альбера, опера пользующаяся большимъ успѣхомъ на Западѣ, благодаря счастливому соединенію въ ней мастерства съ непосредственностью; она написана съ замѣтнымъ вліяніемъ Вагнеровскихъ принциповъ и явнымъ усвоеніемъ лучшихъ страницъ Вагнеровскихъ партитуръ. «Саломея» появляется въ Россіи послѣ колоссальнаго успѣха въ Германіи, гдѣ она шла уже на 50 сценахъ. Правда, этотъ успѣхъ наполовину смѣшанъ съ удивленіемъ и недоумѣніемъ, но все же онъ несомнѣненъ. Насколько можно судить по клавираусугу, намъ представляется скорѣе понятнымъ недоумѣніе передъ «Саломеей», чѣмъ восторги. Диссонансы Рих. Штрауса, съ которыми онъ вообще не церемонится, здѣсь превосходятъ все до сихъ поръ имъ написанное и въ фортепьянномъ изложеніи прямо нестерпимы. Однако, если вспомнить мастерство Р. Штрауса въ области оркестровки, мастерство, которое можетъ почти свести на нѣтъ эту рѣзкость или, по крайней мѣрѣ, сильно ее затушевать, и если принять во вниманіе массу красотъ характерности и оригинальнаго колорита, то съ приговоромъ приходится обождать до желательной постановки этой во всякомъ случаѣ интересной оперы.

Что касается опернаго репертуара Петербурга, то онъ обогатился постановкой давно не шедшей «Хованщины» Мусоргскаго, «Моряка ситальца» Вагнера, впервые здѣсь поставленнаго на русскомъ языкѣ, хотя эта опера написана болѣе 65 лѣтъ назадъ и музыка ея доступнѣе для публики, чѣмъ Вагнеръ послѣдняго періода, и «M-me Butterfly» Пуччини, представляющей изъ себя типичную ново-итальянскую оперу. Случайной была постановка «Цыганъ» ученика консерваторіи Галковского, судя по отзывамъ печати, не лишенаго таланта. Вмѣстѣ съ «Цыганами» для консерваторскаго спектакля шла одноактная «опера для дѣтей» Ц. Кюи «Снѣжный богатырь». Опера эта, равно какъ только что оконченная тѣмъ же авторомъ и поставленная въ Москвѣ «Маттео Фальконе», успѣха не имѣла, и объ онѣ только напомнили антрепренерамъ о существованіи другихъ болѣе талантливыхъ твореній Кюи. За то Петербургъ лишился «Сказанія о градѣ Битѣжѣ», переведеннаго дирекціей Императорскихъ театровъ въ Москву. Мы уже упоминали объ этой оперѣ въ прошлогоднемъ обзорѣ, теперь же остановимся на ней подробнѣе, ибо это во многомъ совершенно новая попытка опернаго творчества.

Мы уже говорили въ прошломъ году объ энергически высказанной Римскимъ-Корсаковымъ и неугоснительно имъ проводимой въ своихъ операхъ идеѣ примата музыкальной стороны оперы надъ драматической. И, можетъ быть, ни въ одной оперѣ Римскаго-Корсакова взгляды его не проведены такъ послѣдовательно, какъ въ «Сказаніи о градѣ Битѣжѣ». Здѣсь вся музыкальная сторона построена въ духѣ народной русской пѣсни, для которой характерно отсутствіе спеціальнаго мелодическаго освѣщенія для

подробностей текста. Сообразно съ общимъ настроеніемъ своего содержания народная пѣсня даетъ напѣвъ, который повторяется симметрично, несмотря на возможную переиначку характера текста. И этотъ приѣмъ, конечно, въ разработанномъ видѣ использованъ Римскимъ-Корсаковымъ въ «Китежѣ». Уже въ «Садо» образъ Волоховы вырастаетъ на основѣ двухъ-трехъ фразъ, а въ «Китежѣ» центральный женскій образъ Февронія весь вылился и вылился съ изумительной всесторонней законченностью изъ количественно ничтожнаго тематическаго матеріала. На долю другихъ персонажей досталось еще меньше этого матеріала, что не помѣшало всѣмъ имъ быть ярко обрисованными. Но, съ другой стороны, отпечатокъ спокойствія, который является неминуемымъ слѣдствіемъ такого построения, отпечатокъ, на диво идущій къ характеру сказанія, къ образамъ народной эпической поэзіи, притупляетъ воспримчивость слушателей, требующихъ болѣе индивидуально очерченныхъ, болѣе близкихъ къ жизни образовъ. И гениальныя страницы «Преставленія» Февроніи, «Хожденія въ невидимый Градъ» и др. теряются для слушателя, утомленнаго предыдущими мѣрными красотами. Однако слѣдуетъ сказать, что вообще опера длинна, такъ что утомленіе неизбежно и при другихъ условіяхъ: одно сценическое представленіе безъ антрактовъ занимаетъ болѣе трехъ часовъ. Во всякомъ случаѣ такъ удачно выполнить поставленную себѣ задачу, какъ это сдѣлалъ Римскій-Корсаковъ, рѣдко удавалось композиторамъ. Декораторы и режиссеры также приложили усилія къ тому, чтобы схватить духъ сказанія и, надо отдать полную справедливость, нѣсколько стилизованная постановка въ духѣ картинъ Васнецова давала полную гармонию съ музыкой и текстомъ, такъ что это былъ одинъ изъ наиболѣе цѣльныхъ спектаклей сезона.

Мы уже упоминали выше, что истекшій годъ особенно любопытенъ въ области сценическаго воплощенія оперъ, но, конечно, стремленіе въ сторону реализма оперныхъ постановокъ, вѣрнѣе, въ сторону большей ихъ осмысленности наблюдается довольно давно. Свѣжая струя, внесенная въ дѣло сценическихъ постановокъ московскимъ Художественнымъ театромъ, не могла не проникнуть и на оперную сцену, хотя проникала она очень медленно и слабо. Постановки подъ режиссерствомъ г. Арбатова въ Солодовниковскомъ театрѣ въ Москвѣ, его же постановки въ Петербургѣ, постановки Михайлова на сценѣ Большого театра, выше отмѣченная петербургская постановка «Китежа» и, наконецъ, постановки г. Оленина въ оперѣ г. Зимина, вотъ, пожалуй, и все, заслуживающее особаго вниманія въ этой области. Однако мы еще разъ подчеркиваемъ, что вышеназванные режиссеры не одиночки на этомъ поприщѣ и поэтому, а также потому, что вопросъ сценической постановки оперы болѣе чѣмъ важенъ, мы позволимъ себѣ остановиться на немъ... Ясно, что каждое искусство условно въ большей или меньшей степени, ясно также и то, что при соединенной дѣятельности искусствъ, продуктами которой являются драма и опера, одно изъ нихъ должно быть болѣе важнымъ или болѣе полно осуществлен-

нымъ, чѣмъ другія, ибо въ области искусства говорить много, значить не сказать ничего. Для вагнеровскаго *Gesamtkunstwerk*'а вопросъ о доминирующемъ искусствѣ не существуетъ, ибо это, съ точки зрѣнія самого Вагнера, немислимое при существующихъ условіяхъ твореніе предполагаетъ какое-то изумительное сліяніе замысловъ поэта, музыканта и артистовъ. Гораздо сложнѣе роль современныхъ режиссеровъ, ищущихъ возможно болѣе логичной, реальной и наиболѣе отвѣчающей общей идеѣ оперы постановки. Мы склонны рѣшительно заявить, что въ современной оперѣ, называйся она «музыкальными сценами», «сказкой», «музыкальной драмой» и т. д., роль законодателя должна играть музыка. Если взять современную реалистическую оперу въ духѣ итальянской или нео-французской школы, не говоря уже о старинной итальянской или французской оперѣ, то, признавъ ее за сгущенную картину жизни, мы неминуемо придемъ къ необходимости разъ навсегда бросить писаніе оперъ, какъ произведеній по природѣ своей фальшивыхъ: люди не могутъ пѣть въ дѣйствительной жизни и никакая реалистическая постановка не оправдываетъ этой условности. Такъ что неизбѣжно приходится или мириться съ логической и эстетической неправдой оперы, удивляясь ея долговѣчности, или признать ее вполне закономѣрнымъ видомъ искусства, условность котораго неизбѣжно вытекаетъ изъ условности музыки. Реалистическая музыка—это звучитъ странно, ибо характернѣйшая черта музыки неопредѣленность. Музыка—греза, и вотъ стремленіе ввести эту грезу въ нѣкоторыя рамки, сдѣлать неясное чувство болѣе опредѣленнымъ—вотъ задача всякаго рода программной музыки, равно какъ и музыкально-драматическаго произведенія. Въ концертномъ залѣ каждый слушатель—послушный рабъ композитора, если только дѣйствительно хорошо исполняется истинно-художественное произведеніе; композиторъ ведетъ за собою весь залъ, онъ заставляетъ жить той жизнью, которой живетъ онъ самъ. Поэтому-то и въ оперѣ, гдѣ также главную роль играетъ музыка, т. е. искусство, обращающееся непосредственно къ чувству, зритель мирится съ большими натяжками, чѣмъ въ драмѣ. Онъ вѣритъ тому, чему его хочетъ заставить вѣрить авторъ. У многихъ ли слушателей «Жизни за царя» возникаетъ мысль, что третій актъ, гдѣ большой отрядъ поляковъ уводитъ съ собою Сусанина незамѣтно для всей деревни, представляетъ изъ себя сценическую натяжку? Или послѣдній актъ «Князя Игоря», гдѣ князь возвращается въ Путивль, никѣмъ, кромѣ гудошниковъ, незамѣченный? Нѣтъ! Мы не рекомендуемъ режиссерамъ подчеркнутымъ реализмомъ будить рассудокъ опернаго слушателя. Въдъ кромѣ такихъ крупныхъ промаховъ, съ которыми никогда не помирится бы зритель драмы, оперныя ситуаціи всегда даютъ почву скептицизму, и реальная жизнь, вообще невозможная на сценѣ, въ оперѣ абсолютно невозможна, особенно въ старинной оперѣ съ ея законченными номерами, форма которыхъ всецѣло зависитъ отъ произвольныхъ формъ абсолютной музыки. Любопытный случай полной непримѣнимости идей мейнингенцевъ въ оперныхъ постановкахъ далъ одинъ парижскій театръ, гдѣ поставили «Фауста»

съ соблюденіемъ нѣкоторой историчности костюмовъ. Результатомъ былъ смѣхъ зрительнаго зала и, если бы режиссеръ вздумалъ, ссылаясь на «смѣхъ толпы», апеллировать къ «взыскательному художнику», то и здѣсь онъ потерпѣлъ бы фіаско: Фаустъ, облеченный въ оперный сладко романтичный нарядъ, не можетъ быть облеченъ въ историческое, будничнаго покроя платье, и обычный вымышленный костюмъ болѣе гармонируетъ съ обликомъ опернаго Фауста, чѣмъ реалистическій. Въ оперной постановкѣ важнѣе всего, чтобы всѣ ключки, всѣ мелочи составляли одно законченное цѣлое, одну совокупность, всецѣло подчиненную тому, на что намекаетъ музыка. Лишь то умѣстно на сценѣ, что въ зародышѣ содержится въ музыкѣ, сценическое воплощеніе должно быть реализованной музыкой. Движеніе чувства, такъ трудно воспроизводимое въ словесной драмѣ, въ музыкальной—будетъ необыкновенно яркимъ и всеподчиняющимъ, и именно эта сторона музыкальной драмы никогда не потеряетъ своей жизненности, своей притягательности...

Чего же достигли мы въ смыслѣ этого сліянія сценическаго воплощенія съ музыкой? Мы уже отмѣтили стильную, цѣльную постановку «Китежа»; отмѣтили въ прошломъ году великолѣпную постановку «Каменнаго гостя», гдѣ режиссеру г. Михайлову удалось одинъ разъ даже сценически дополнить намѣренія композитора, а теперь отмѣтимъ удивительно удачныя по замыслу декораціи г. Боровина къ новой постановкѣ «Руслана» въ Большомъ театрѣ: всѣ онѣ выдержаны въ духѣ французскаго *plein air*, что даетъ чисто сказочные эффекты. Особенно же отмѣчаемъ труды г. Оленина въ постановкахъ «Орлеанской дѣвы» Чайковскаго и «Карменъ» Бизе на сценѣ оперы г. Зимины въ Москвѣ. Достигнувъ очень многого въ смыслѣ музыкальной выдержанности спектакля, г. Оленинъ немного грѣшитъ въ смыслѣ детализаціи сценической постановки, видимо забывая, что въ искусствѣ главное мѣсто принадлежитъ особенно характерному, яркому, типичному. Очень часто кажется, что онъ не реализуетъ, подсказываетъ содержаніе музыки, а пользуется временемъ, чтобы дать самостоятельную отъ музыки картинку жизни. Такова предбалъная суета въ третьемъ актѣ «Онѣгина», нѣсколько напоминающая таковую же въ «Горѣ отъ ума» Художественнаго театра. И въ этомъ увлеченіи г. Оленина принципами Художественнаго театра его сила и его слабость. Если главная сила лучшихъ постановокъ Художественнаго театра въ непрерывности впечатлѣнія, въ сгущенности сценическаго дѣйствія, то для опернаго режиссера это иногда пагуба: такъ первое дѣйствіе «Карменъ» великолѣпная картина испанской жизни, но иногда эта картина мѣшаетъ музыкальному впечатлѣнію. Слушатель всецѣло живетъ развитіемъ страсти Карменъ и Хозе, онъ чувствуетъ движенія ихъ душъ, а на сценѣ видитъ картинку испанской жизни, или тамъ появляются какія-то характерныя, обращающія на себя вниманіе фигуры. Если въ постановкѣ массовыхъ сценъ Художественнаго театра могъ давать толпу, какъ агрегатъ индивидуальностей, то подобная постановка массовыхъ сценъ въ оперѣ невозможна, ибо современ-

ный гомофоническій стиль хоровыхъ ансамблей какъ бы нивелируетъ индивидуальность, заставляя каждую изъ нихъ однородно реагировать на известное событіе, современная музыкальная трактовка хора—*помощіе индивидуальности толпою*. А толпа Оленина—толпа Художественнаго театра... Какъ бы то ни было, промаховъ было гораздо меньше, чѣмъ успѣховъ, такъ что въ будущемъ году, когда труппа оперы Зимина станетъ постоянной, можно ждать много интереснаго въ области полного ансамбля опернаго представленія; хотѣлось бы только, чтобы и чисто музыкальный ансамбль былъ на той высотѣ, на которой онъ былъ при представленіи «Самсона и Далилы» подъ управленіемъ Эд. Колоннъ на сценѣ того же театра. Талантливый дирижеръ какъ-то заставилъ подтянуться всѣхъ исполнителей, такъ что въ смыслѣ музыкальной солидарности и подъема этотъ спектакль былъ совершенно исключительнымъ... Москвѣ удалось въ годовщину смерти Бларамберга познакомиться съ его «музыкальными картинами» къ «Демону» Лермонтова. Это оригинальное по формѣ произведеніе не похоже ни на оперу, ни на кантату, такъ какъ, хотя и требуетъ сценической постановки, какъ опера, но включаетъ и самостоятельные симфоническіе номера и повѣствованія отъ лица автора, т.-е. Лермонтова, стихи котораго Бларамбергъ не рѣшался измѣнить. Музыкальныя картины несомнѣнно интересны по музыкѣ, хотя обликъ Демона не удался и Бларамбергу; видимо величіе и сверхъ-человѣческая любовь Демона непосильны для языка музыки, этого языка человѣческихъ чувствъ... Въ области крупныхъ вокально-симфоническихъ формъ слѣдуетъ еще указать на исполненіе въ петербургскихъ концертахъ оркестра гр. Шереметьева драматической кантаты «Огненный крестъ» М. Бруха. Эта кантата исполнялась лѣтъ 20 назадъ въ Ригѣ и Ревелѣ подъ управленіемъ автора и на эстрадахъ Россіи больше не появлялась. Сюжетъ кантаты заимствованъ изъ романа Вальтеръ Скотта «Дама озера» и удачно, искренне и всегда мастерски воспроизведенъ авторомъ.

Въ области чисто симфонической музыки истекшій годъ далъ много интереснаго какъ въ смыслѣ знакомства съ творчествомъ мастеровъ Запада, такъ и въ смыслѣ появленія цѣлаго ряда новыхъ симфоническихъ твореній русскихъ композиторовъ. Изъ иностранцевъ у насъ наибольшій интересъ вызываютъ нео-французы, основныя черты творчества которыхъ мы уже указывали въ прошломъ году. Творчество Цез. Франка было представлено ораторіей «Les béatitudes» (Заповѣди блаженства), исполнявшейся въ Петербургѣ (концерты гр. Шереметева) спустя 30 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ. Мы начали краткую характеристику нео-французовъ этимъ произведеніемъ, ибо оно представляетъ собою одно изъ лучшихъ твореній Франка, этого прародителя новой школы, обозначившаго своей фигурой поворотный моментъ французскаго творчества. Чтобы помять лучше «Les béatitudes» нужно вспомнить, что французская духовная музыка того времени колебалась между сомнительными ораторіями Гуно и салонной стряпней Массне. Такъ что возвышенная, простая, задушевная музыка Франка,

воплощеніе его высокорелигіозной и благородной природы, конечно, должна была производить огромное впечатлѣніе на все мало-мальски музыкально развитое. Всѣ отдѣлы ораторіи дѣлятся на три части каждый: земное, злое начало, съ другой стороны небесно-просвѣтленное и, какъ примиреніе и посредничество, ученіе Христа о блаженствахъ. Все произведеніе проникнуто настроеніемъ тихой религіозности, выдержанномъ въ строгихъ классическихкихъ формахъ. Въ произведеніяхъ ближайшихъ учениковъ Франка (Ал. де Кастильонъ, В. д'Энди), его отдаленныхъ учениковъ (Маньяръ, Клодь Дебюсси) и учениковъ его учениковъ довольно ярко намѣтились два теченія новой французской школы: первое идетъ по пути развитія старыхъ формъ и старой гармоніи, несомнѣнно обогащая ихъ, второе теченіе импрессионистскаго характера, съ блуждающими, неустойчивыми гармоніями, свободными формами и т. д. Между тѣмъ и другими направленіями (во главѣ перваго В. д'Энди, втораго—Клодь Дебюсси, Морисъ Равель), есть общая черта: это—эволюціонность творчества, расширеніе границъ дозволеннаго въ предѣлахъ пріятнаго ощущенія. Изъ отдѣльныхъ произведеній, поименованныхъ авторовъ, укажемъ на оркестровые «ноктюрны» Дебюсси и его же «Après midi d'un faune». «Ноктюрны» Дебюсси—это скользящія тѣни, нѣжные поэтичные блики воздушныхъ весеннихъ тѣней, а «Après midi»... прелестная картинка идиллическаго характера; отмѣтимъ еще очень искреннюю по меланхолическому бретонскому настроенію «Chant funebre» Маньяра. Но среди современныхъ же французовъ есть цѣлый рядъ другихъ дѣятелей, утрированно воспринявшихъ характерныя черты латинскихъ народностей: удивительную склонность ко всему ярко очерченному, наглядному, даже рѣзкому. Таковы вещи Казадезюсъ (1 симфонія), Брюно и друг. Эта рѣзкость сближаетъ этихъ французовъ съ современными нѣмцами, которые, однако, приходятъ къ ней чисто разсудочнымъ образомъ. Таковъ М. Рёгеръ, о которомъ на этотъ разъ я не буду распространяться, упомянувъ только, что его новыя оркестровыя варіаціи на тему Гиллера поражаютъ какъ искусствомъ фактуры, такъ и ничѣмъ не оправдываемыми рѣзкостями, даже уродливостями гармоніи. Таковъ Гус. Малеръ, симфоніи котораго огромны по размѣрамъ, но страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ. Чтобы повончить съ иностранной симфонической музыкой, укажемъ еще на исполненіе цѣлаго ряда произведеній Сибелиуса. Этотъ финляндскій композиторъ, подобно Глинкѣ, получилъ свою музыкальную фizioномію отъ музыки роднаго народа, воплотивъ самую квинтэссенцію его духа въ художественномъ творествѣ. Изъ вещей его наиболѣе понравились «Панъ и Эхо», «Дочь Сѣвера» и друг. Остается пожелать для будущаго познакомиться съ бельгійцами (Жонгенъ, Тео Исвай, Лекси и др) и испанцами, въ музыкѣ которыхъ также замѣчаются признаки возрожденія. Но смѣемъ ли мы мечтать объ этомъ, если нашъ талантливый композиторъ Сярябинъ успѣлъ уже написать 4-ю симфонію, когда мы незнакомъ еще и съ третьей! Глиеръ написалъ 2-ю симфонію, уже исполненную въ Берлинѣ, а мы ея не знаемъ! И должны только радоваться, что пришелъ

услыхать симфоніи молодого композитора Метцля, Сахновскаго, Ип.-Иванова, Рахманинова (2-я), Штейнберга, Ал. Танѣва (3-я), Стравинскаго и друг. Симфонія и симфоническая поэма «Потонувшій Колоколь» Метцля рекомендуютъ его какъ искуснаго инструментатора и большого сторонника огромныхъ формъ, не лишеннаго и мелодическаго дара; Штейнбергъ и Стравинскій—оба ученика Р.-Борсакова, оба талантливые, особенно второй, не лишенный уже теперь самостоятельности и главное искренности, столь часто отсутствующей у современныхъ молодыхъ композиторовъ; московскій композиторъ Сахновскій не очень плодovitъ, но его композиціи написаны всегда изящно и красиво; наибольшій же интересъ представила 2-я симфонія Рахманинова, уже исполненная въ обѣихъ столицахъ и Варшавѣ. С. В. Рахманиновъ является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ представителей современнаго русскаго искусства. Прекрасный пианистъ, хорошій дирижеръ, онъ послѣднее время бросилъ все это для занятій композиціей, въ области которой онъ уже и раньше далъ цѣлый рядъ прекрасныхъ сочиненій. Таковы кантата «Весна», исполнявшаяся съ огромнымъ успѣхомъ недавно въ Петербургѣ, 2-й фортепианный концертъ, трио, очень популярное въ Россіи, виолончельная соната и друг. Его музыкальный обликъ привлекаетъ къ себѣ изумительной искренностью, мечтательностью и задушевною элегичностью. Огромное техническое мастерство его совершенно ускользаетъ изъ виду, благодаря этимъ качествамъ; техника у него только средство. 2-я симфонія настолько же интересна, насколько красива. Лучше всего «*adagio*» съ роскошной пѣвучей темой. Быть можетъ, вся симфонія нѣсколько массивна какъ по длинѣ, такъ и въ смыслѣ инструментовки, слишкомъ роскошной сначала и до конца. Словомъ 2-я симфонія показываетъ, что талантъ Рахманинова растетъ и развивается.

Хочется намъ еще остановиться немного на исполненной въ Москвѣ 8-й симфоніи Глазунова, въ которой авторъ впервые переходитъ изъ области абсолютной музыки въ область программной *). 3-я часть должна представить языческій міръ, финалъ—христіанскій. Первая часть спокойно-созерцательная въ духѣ обычной музыки Глазунова; какъ всегда она удивительно закончена и цѣльна; вторая—полна страданія; третья—полна оргіастическихъ настроеній и огня; послѣдняя—спокойно величавая; это—христіанство, увѣренное въ своей правотѣ и силѣ. Нужно ли говорить, что вся симфонія представляетъ собою мастерскую работу? Такимъ же мастерствомъ отличается новая «драматическая увертюра» Глазунова «Пѣснь судьбы». Если въ этой увертюрѣ, судьба рисуется необычно зловѣщими красками, то смерть въ симфонической поэмѣ «Садъ смерти» Василенка нарисована необычно спокойными, величавыми и едва ли не заманчивыми красками. Таковъ именно Садъ смерти у Оскара Уальда («Духъ Бэнтервила»), на текстъ котораго писалъ Василенко. Духъ, текста схваченъ имъ

*) Это „впервые“ относится къ его симфоніямъ.

очень удачно и холодноватая, красочная звукопись композитора прекрасно гармонирует съ идеей. Изъ симфонической музыки, исполненной въ провинціи, приходится отмѣтить немного: отряднымъ фактомъ нужно считать исполненіе изумительно талантливой 1-й симфоніи безвременно умершаго Вас. С. Калининкова (Рига, Одесса), симфоніи Ляпунова (Харьковъ) и симфонической поэмѣ «Въ странѣ легендъ» Николаева (Тифлисъ, Павловскъ). Другія новинки имѣютъ лишь мѣстный интересъ («На Олимпѣ» Горскаго, «Прометей» Зельмера), мѣстный потому, что ихъ исполненіе лишь знакъ вниманія по отношенію къ мѣстнымъ композиторамъ. Любопытнѣе фактъ исполненія впервые (!) въ Россіи довольно удачнаго произведенія Ан. Рубинштейна «Стихи и реквиемъ по Миньонѣ» (Базань). Впрочемъ, что ужъ говорить о Рубинштейнѣ, когда Зилоти продолжаетъ давать исполненія І. С. Баха, сопровождаемыя многозначительной помѣткой «въ 1-й разъ»! Изъ этихъ исполненій интереснѣе всего былъ концертъ для ф.-піано, 2 флейтъ съ оркестромъ и кантаты, особенно кантата «Weinen, Klagen», пользующаяся огромною популярностью въ Германіи. Это стремленіе Зилоти познакомить хоть немного нашу публику съ Бахомъ, а музыкантамъ дать возможность познакомиться съ нимъ не только глазами, но и ушами, заслуживаетъ живѣйшаго вниманія, ибо у насъ не столько не любятъ, сколько боятся Баха. Это приходится вывести изъ факта несомнѣнаго интереса къ возрожденію старинной музыки. Концерты Ванды Ландовской, «société des instruments anciens», повторенные и въ этомъ году, привлекали такую массу публики и проходили съ такимъ успѣхомъ, что даже стали находить подражателей, также не могущихъ претендовать на недостатокъ вниманія къ себѣ. Но едва ли не наиболѣе интересна попытка извѣстнаго піаниста Л. Годовскаго отозваться на увлеченіе возрожденіемъ старинной музыки. Съ годъ назадъ онъ выпустилъ въ свѣтъ и исполняетъ теперь въ концертахъ сборникъ *Renaissance*. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ пьесъ начала XVIII вѣка, свободно имъ обработанныхъ. Не преслѣдуя обычныхъ въ обработкахъ виртуозныхъ цѣлей, Годовскій задался цѣлью облечь въ современный гармоническій и контрапунктическій нарядъ музыку прежнихъ вѣковъ, не устарѣвшую по содержанію, но примитивную по вѣщности. Намъ представляется эта попытка и интересной, и заслуживающей полного одобренія, ибо мы вполне согласны со взглядами говорящихъ, что «истинно благоговѣнное отношеніе къ старымъ произведеніямъ—передать ихъ такъ, чтобы они нравились намъ, вкусы и взгляды которыхъ измѣнились» (Арт. Лазеръ). Но, конечно, попытка Годовскаго осуждается многими, находящими, что даже высокоталантливая передѣлка есть неуваженіе къ стариннымъ мастерамъ...

Кромѣ попытокъ возрожденія, въ области камерной музыки истинный годъ далъ довольно много интереснаго, при чемъ любопытно отметить исканіе композиторами новыхъ, болѣе красивыхъ ансамблей инструментовъ. Изъ подобныхъ попытокъ слѣдуетъ отмѣтить тріо г. Золотарева (Москва) для фортепіано, скрипки и альта (вмѣсто обычной віолончели).

трио С. Танѣва для двухъ скрипокъ и альта. Что касается попытки Золотарева, то, несмотря на большую слитность звука, она врядъ ли приемлема: чувствуется недостатокъ струнного баса. Само по себѣ трио очень симпатично, особенно бойкое scherzo съ великолѣпной средней партіей. Попытка С. Танѣва гораздо удачнѣе, хотя, вѣроятно, она также не привьется. Дѣло въ томъ, что получающаяся звучность слишкомъ воздушна, слишкомъ прозрачна. Для трио С. Танѣва, написаннаго въ старинномъ духѣ (Мопартъ), это подошло, но для музыки современнаго характера непригодно. Кромѣ этого трио С. Танѣвъ выступилъ въ этомъ году съ другимъ—для старой комбинаціи инструментовъ, квинтетомъ для струннаго трио и фортепіано и струннымъ квинтетомъ. Изъ этихъ произведеній особенно удалось трио, написанное съ большимъ воодушевленіемъ, изумительно законченностью и мастерствомъ. Это—драгоценный вкладъ въ русскую камерную литературу. Безспорно талантливымъ оказалось трио г. Гречанинова, въ которомъ хороши крайнія части, особенно финалъ, написанный въ національномъ духѣ. Трио г. Гречанинова исполнялось въ Москвѣ на «историческихъ камерныхъ утрахъ», которыя въ этомъ году давались по расширенной программѣ: допущена была квинтетная музыка; въ составѣ же трио произошла замѣна исполнителя партіи фортепіано, замѣна, не отразившаяся на художественности ансамбля. Заѣзжій хорошій ансамбль «Шевчика», въ которомъ всѣ исполнители являются учениками профессора, именемъ котораго названъ ансамбль, познакомилъ съ хорошимъ квинтетомъ чеха Новака и квинтетомъ Дебюсси, о музыкѣ котораго мы уже писали выше. Дебюсси, Равелю и другимъ французскимъ композиторамъ было отведено много мѣста въ камерныхъ концертахъ обѣихъ столицъ; видимо нео-французы серьезно заинтересовали русскихъ музыкантовъ. Въ сущности изъ иностранцевъ, кромѣ французовъ, мы въ области камерной въ этомъ году почти ни кѣмъ не интересовались; лишь пріѣздъ Сибелиуса въ Москву побудилъ М. А. Дейша-Сиюницкую посвятить одну изъ своихъ «выставокъ» финской музыкѣ. Кромѣ центральной фигуры Сибелиуса финская музыка выдвинула рядъ талантливыхъ молодыхъ композиторовъ, изъ которыхъ едва ли не наиболѣе симпатиченъ музыкальный обликъ Меляртина. Мы только что причислили финскихъ композиторовъ къ иностраннымъ; это объясняется вполне самобытною ихъ физиономіей, такъ что въ области искусства Финляндія несомнѣнно пользуется полной независимостью отъ Россіи.

Возвращаясь еще на нѣсколько словъ къ этой послѣдней, мы хотѣли бы подчеркнуть, что харьковская пресса усердно хвалитъ камерную музыку г. Акименка. Въ столицахъ вещи этого молодого композитора почти неизвестны, и это жаль. Музыкальная физиономія г. Акименка, нѣсколько тяготеющая къ французской школѣ, не лишена оригинальности, такъ что его произведенія могли бы съ успѣхомъ замѣнить иной хламъ программъ камерныхъ концертовъ. Быть можетъ, читателямъ бросилось въ глаза, что мы совершенно умолчали о смерти Грига († 22 августа 1907 г.),

наложившей отпечатокъ на всю первую половину сезона. Но мы это сдѣлали потому, что въ цѣломъ рядѣ концертовъ, данныхъ въ столицахъ и провинціи, программы были удивительно однообразны и малосодержательны, такъ что чествованіе памяти Грига прошло у насъ тепло, но мало замѣтно. Кромѣ того Григу въ скоромъ времени будетъ посвящена въ *Русской Мысли* отдѣльная статья, и это позволитъ намъ не останавливаться на этой утратѣ. Не будемъ мы останавливаться и на смерти Римскаго-Корсакова (8 июня 1908 г.), которому также будетъ посвящена особая статья, и лишь уважемъ на смерть гораздо менѣе замѣтнаго труженика на поприщѣ отечественной музыки Вас. Серг. Орлова (10 ноября 1907 г.). Это—одна изъ наиболѣе яркихъ личностей, положившихъ всю жизнь на пользу нашего церковно-пѣвческаго дѣла. Орловъ, въ бытность свою директоромъ Синодальнаго училища, почти всегда спѣшилъ исполнить лучшія новости духовно-музыкальной литературы, и исполнялъ онъ всегда и все образцово. Это—потеря для нашей церковной музыки почти невознаградимая...

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ успѣхахъ русской музыки за границей.

Тяжелыя политическія условія и слабое біеніе пульса музыкальной жизни вызвали эмиграцію изъ Россіи цѣлаго ряда молодыхъ талантливыхъ композиторовъ (Скрябинъ, Рахманиновъ, Глиеръ, Метнеръ, Ребиковъ). Быть можетъ, въ этомъ обидномъ явленіи и есть кое-что отрадное, такъ какъ знаки сочувствія западно-европейскихъ цѣнителей могутъ благотворно подействовать на развитіе молодыхъ художниковъ. А въ этихъ знакахъ одобренія не было недостатка въ концертахъ Скрябина (Лозанна), Метнера (Лейпцигъ) и т. д. Ребиковъ, напримѣръ, не пользующійся знаками вниманія на родинѣ, обласканъ въ Прагѣ, Парижѣ и другихъ городахъ, и за короткій срокъ выпустилъ въ свѣтъ двѣ оперы. И нельзя не сказать, что индифферентизмъ, а иногда и рѣшительное порицаніе по отношенію къ Ребикову незаслуженны: несмотря на претенціозное новаторство, въ его талантѣ много задушевности, близко роднящей его съ Чайковскимъ. Аналогичное явленіе замѣчается и съ вещами другихъ соотечественниковъ; вспомните Скрябина, Глиера, обратите вниманіе на Метцля, чей «Потонувшій колоколъ» ранѣе Россіи исполнялся въ Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ! И это тогда, когда, судя по отчетамъ *Русской Музыкальной Газеты*, интересъ къ русской музыкѣ за границей падаетъ! На Западѣ находятся виртуозы (Фіальмаръ Фрей), посвящающіе цѣлые концерты русской музыкѣ. На Западѣ же съ успѣхомъ проходятъ концерты Ахшарумова, повезшаго русскій оркестръ и русскую музыку въ Германію, Архангельска пользующагося большимъ успѣхомъ вмѣстѣ со своей капеллой, и друг. Америкѣ (Нью-Йоркъ) привились «русскіе концерты», устраиваемые М. Ал шуллеромъ при участіи русскихъ солистовъ. Въ Парижѣ съ успѣхомъ культивируетъ русскую музыку Дягилевъ. Запасшись большими субсидіями, томъ числѣмъ и казенной, Дягилевъ блестяще съ внѣшней и внутренн. стороны поставилъ «Бориса Годунова». Общіе расходы по перевозкѣ

листовъ (Шаляпинъ, Алчевскій, Басторскій, Ермоленко и друг.), хоръ, оркестръ, полная новая постановка, «хорошая пресса» и проч. стоили до 200 тыс. руб.! Въ итогѣ получился блестящій спектакль, повторенный съ успѣхомъ семь разъ, но... успѣхъ достался, кажется, хору, нѣкоторымъ солистамъ и никакъ не русской «народной драмѣ». Французы не схватили сути Мусоргскаго, да и не пожелали ее схватить! Какъ «Борисъ», такъ и «Снѣгурочка», одновременно поставленная въ «Opéra comique» французскими силами, показали не только непониманіе національно-русскаго стиля, но и полное незнакомство французовъ даже съ партитурами исполненныхъ оперъ. Правда, французскіе артисты вѣрно нѣли партіи, но и только! А о критикахъ можно привести лишь кучу анекдотовъ. Таковы итоги парижскихъ спектаклей; одновременные спектакли группы Церетелли въ Берлинѣ были полнымъ позоромъ. Пригласивши хорошихъ солистовъ, Церетелли не позаботился объ оркестрѣ, хорѣ, постановкѣ и ансамблѣ, которымъ нѣмцы привыкли дорожить. Обидно! Обидно за отсутствіе умѣлости, предприимчивости, а главное любви къ русскому искусству, которымъ мы въ правѣ гордиться и которое, будемъ надѣяться, въ ближайшемъ будущемъ займетъ себѣ видное мѣсто въ искусствѣ другихъ народовъ.

Г. П—ъ.

Младотурецкое движеніе и возникновеніе конституціи Оттоманской имперіи. *)

I.

Реформы султана Мамуда и его сына султана Меджида мало облегчили положеніе трудящагося населенія и въ особенности крестьянъ. На бумагѣ народу предоставлены были разныя права: онъ могъ выбирать членовъ совѣта администраціи въ нахію (участки), газа (уѣзды), мутессарифа (губернатора) и вали (начальника края). На дѣлѣ оказалось, что ни правители, ни населеніе не сумѣли воспользоваться данными реформами, и онѣ не дали положительныхъ результатовъ. Представители самодержавнаго султана не уступали на практикѣ своихъ правъ выборнымъ отъ народа, послѣдніе не могли утвердиться въ своемъ новомъ положеніи.

Народъ платилъ двойныя подати и исполнялъ двойныя повинности, такъ какъ чиновники получали и жалованье, и по привычкѣ брали взятки. Высшіе сановники, попрежнему грабя казну, смотрѣли сквозь пальцы на незаконныя дѣйствія чиновъ, попрежнему безъ «бакшиша» (взятки) никто не получалъ должности.

Христіане находили нѣкоторое покровительство и защиту у европейскихъ державъ. Но мусульманамъ не отъ кого было ждать защиты: духовенство не смѣло тогда сопротивляться администраціи: оно получало жалованье, а всѣ доходы съ вакуфа (имущество духовенства) были подъ непосредственнымъ контролемъ правительства и распредѣлялись по его же усмотрѣнію. Угнетенное мусульманское населеніе не искало помощи у этихъ рабовъ-администраторовъ, а обратилось къ единственнымъ своимъ защитникамъ—софти, не имѣющимъ никакого жалованья и связи съ правительствомъ.

Софти—духовные, окончившіе и не окончившіе курса студенты, по уничтоженіи очахи яничаръ составили свои комитеты—«очахи» и явили вѣрной поддержкой народа-крестьянина въ борьбѣ съ правительственными угнетателями.

*) Настоящій очеркъ принадлежитъ извѣстному армянскому публицисту, не жившему въ Константинополѣ событія 1876 г.

По мнѣнію софти, реформы, предлагаемыя и диктуемыя европейцами, непригодны для страны: большое жалованье паши и сановниковъ не соответствуетъ экономическому состоянію страны; нужны коренныя преобразованія, децентрализація правительства, согласно нуждамъ народа и духу шаріата (мусульманскаго закона).

Софти происходили отъ бѣдныхъ турецкихъ малла (духовенство) городовъ и селъ. По шаріату всѣ религіозныя и гражданскіе обряды должны совершаться самимъ халифомъ, присваивающимъ себѣ санъ имама (патріарха), или же его уполномоченными—«*наибями*». Всѣ *наибы* «джамии» (собора-мечети) суниты непременно имѣютъ особые бараты (указы халифа), разрѣшающіе имъ совершать необходимыя обряды отъ имени халифа; безъ этого полномочія они не въ состояніи совершать ничего.

Наибы должны получать духовное образованіе и сдавать извѣстные экзамены. Они изучаютъ теологію и усваиваютъ коранъ, шаріатъ (законы ислама), «тефегухъ», всѣ его комментаріи, которыми приходится пользоваться чуть не на каждомъ шагѣ.

Наибъ—необходимъ для населенія: жители обращаются къ нему за разрѣшеніемъ разныхъ спорныхъ вопросовъ, касающихся ихъ экономическаго быта. Они объясняютъ народу нововзданные законы, пишутъ брачныя и разводныя договоры, дѣлятъ наслѣдство, составляютъ и укрѣпляютъ акты по разнымъ дѣламъ: и о куплѣ, и продажѣ, и о долгахъ и т. д. Живя постоянно среди бѣдности, видя нужду, голодъ угнетеннаго народа, софти съ малыхъ лѣтъ задаются мыслью помочь своимъ братьямъ.

Получивъ извѣстное образованіе, молодые люди оставляютъ провинцію и ѣдутъ въ Константинополь слушать лекціи теологовъ и юристовъ мусульманскаго ученія. Въ Константинополь съѣзжается до 25 тысячъ студентовъ. Здѣсь, въ столицѣ, сразу бросается въ глаза контрастъ между бѣднымъ, истощеннымъ хлѣбопашцемъ и пресыщенными роскошью афенди, беями и пашами въ ихъ дворцахъ; гаремахъ и садахъ.

Возмущенные поведеніемъ всѣхъ этихъ грабителей народа, софти немедленно поступаютъ въ «очахи», и дѣлаются ярыми защитниками правъ поработеннаго, страдающаго отъ произвола властей, населенія.

Нѣкоторые, не выдержавъ борьбы, прельщаются роскошью и женятся на богатыхъ вдовахъ пашей. Обезпечивъ свое существованіе, они сдаютъ всѣ экзамены, подкупамъ получаютъ санъ гази (судьи) или муфти (блюстителя), даже прокурора и, пользуясь прекраснымъ жалованьемъ, ведутъ безпечную, спокойную жизнь въ провинціяхъ. Однако большинство софтъ борется непрерывно противъ хищниковъ, требуя возстановленія шаріата, согласно конституціи Омара—второго халифа, уравниенія жалованья всѣмъ служащимъ халифета и прекращенія всякаго рода взяточничества и прочаго злодѣйства; они требуютъ неприкосновенности личности и жилища, равенства всего населенія имперіи передъ судомъ и уничтоженія всѣхъ лишнихъ податей, угнетающихъ народъ, противныхъ законамъ шаріата.

Послѣ упраздненія войска *яничаръ*, при султанѣ Махмудѣ, софти пы-

тались занять их мѣсто при дворѣ султана, и, пользуясь своимъ вліяніемъ, поставили новыхъ министровъ, новыхъ полководцевъ. Но имъ не удалось проникнуть во дворецъ и, тѣмъ болѣе, имѣть вліяніе на ходъ дѣлъ. Освободившись отъ яничарь, правительство не желало усилить софти и замѣнить ими необузданныхъ яничарь.

Высшее духовенство, которое могло бы поддержать народъ, ради личныхъ выгодъ, дѣйствовало вопреки корану и шаріату и даже подписало незаконное постановленіе противъ софти. Такимъ образомъ единственной защитой бѣдствующаго населенія явились молодые софти.

Послѣ «Хати-Гумаюна» султана Меджида, объявленнаго въ 1858 году (париж. конгрессъ), софти устроили открытую демонстрацію противъ Али и Фуать пашей и султана Меджида, требуя истинныхъ реформъ и народного контроля надъ всеми дѣйствіями министерства и администраторовъ.

Султанъ Меджидъ думалъ тогда объявить своимъ наследникомъ сына Мурадъ-Ефенди, но очахи-софти желали видѣть на тронѣ халифовъ брата его Абдула-Азиза и рассчитывали на его помощь.

Султанъ Меджидъ умеръ очень молодымъ, всего 39 лѣтъ отъ роду. Софти распространили слухъ объ умышленномъ отравленіи Меджида, дабы избавить страну отъ его губительнаго правленія и восстановить истинную децентрализацію края, согласно шаріату, обеспечивающему свободу, неприкосновенность личности и жилища.

Абдуль-Азизъ былъ мало развитой человекъ, совершенно не знающій шаріата и совершенно не знакомый съ положеніемъ края и нуждами его населенія. Только случай возвелъ на престолъ Абдуль-Азиза. Онъ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ подобному положенію: все время привыкъ проводить на охотѣ, ловлѣ и интересовался только своими конями.

Глубоко обманули софти своихъ единомышленниковъ, выбравъ своимъ халифомъ—Абдуль-Азиза,—считающаго себя истинной тѣнью Аллаха и требующаго безусловнаго подчиненія своей волѣ—волѣ самого Аллаха.

Новый султанъ черезъ годъ такъ стѣснилъ софти, что они принуждены были или покориться замѣстителю пророка, или удалиться за предѣлы Турціи. Одинъ изъ ярыхъ борцовъ, бѣдный Али-Суави Эфенди, 15 лѣтъ проживалъ въ Лондонѣ, ожидая смерти Абдуль-Азиза, чтобы имѣть возможность вернуться на родину.

Его товарищъ, хитрый Джемдетъ, вымогилъ прощеніе у тѣни Аллаха, и за это былъ оставленъ на службѣ. Вскорѣ онъ достигъ сана паши, былъ сдѣланъ министромъ народного просвѣщенія, юстиціи, предсѣдателемъ шурай-довля (государственнаго совѣта) и всю жизнь провелъ въ роскоши и покое.

Абдуль-Азизу удалось разсѣять очахи-софти, но умертвить идеи, которыми жило и дышало все населеніе, онъ не могъ. Являлись новые вожди, воодушевляли народъ, призывали къ настойчивой борьбѣ. Сыщики—полиція халифа—рыскали повсюду, схватывали агитаторовъ и отправляли на пароходѣ, откуда ихъ бросали на съѣденіе рыбакамъ въ Ир-

морное море. Родителямъ погибшихъ сообщали, будто бы ихъ дѣти пожалованы саномъ «палигъ-эмини» (повѣренные по рыбнымъ промысламъ), но, конечно, всѣ понимали истинное значеніе этого ужаснаго титула и повторяли: «паликъ эни» (кормъ рыбакамъ). Такіе факты продолжались безпрерывно.

Бой былъ неравный, тяжелый, но онъ только закалялъ борцовъ, давалъ имъ необходимый навыкъ, опытъ, съ которымъ легче отражать врага.

Въ то время развратъ, грабежъ при Б. Портѣ достигли неимоверныхъ размѣровъ, что вызвало крупные раздоры среди придворной камарильи, часть которой отделилась и примкнула къ очахи-софти.

Партія софти или, какъ себя называли интеллигентные турки, младотурки, пополнялась постоянно недовольными элементами. Туда вошли какъ всѣ угнетенные работники, ремесленники, такъ и всѣ опасные чиновники (эфенди) и сановники. Всѣ члены молодой Турціи, хотя раздѣлились на отдѣльныя фракціи, но стремились къ государственному перевороту, къ свободѣ, равенству и братству.

II.

Султаны царствовали только въ своихъ дворцахъ (до 1840 г.), а настоящими правителями-тираннами Турціи были ихъ визири — *великіе визири*.

Абдуль-Меджидъ, а потомъ Абдуль-Азизъ думали ограничить права своихъ визирей — министровъ и взять въ свои руки непосредственное управленіе страной. Однако Али и Фуать-паша не допустили такого посягательства на свою власть, ловко изолировали себя отъ всякаго вмѣшательства султана въ ихъ дѣла. Эти правители пользовались такимъ авторитетомъ и громаднымъ влияніемъ въ странѣ, что Абдуль-Азизъ долженъ былъ слѣдовать ихъ указаніямъ и принимать всѣ ихъ предложенія.

Придворная камарилья не могла спокойно созерцать возрастающее богатство министровъ и расширеніе ихъ власти, хотя она и руководилась при этомъ самыми низкими, корыстными побужденіями, пуская въ ходъ всевозможныя интриги, наговоры, клевету и подрывая довѣріе султана ко многимъ приближеннымъ сановникамъ. Абдуль-Азизъ очень скоро подвергся дѣйствию интригъ одалисокъ, евнуховъ и другихъ придворныхъ.

При вступленіи на престолъ Абдуль-Азиза турецкая имперія имѣла долгъ около 40 милліоновъ турецкихъ фунтовъ кредитными билетами и до 25 милліоновъ разныхъ внутреннихъ займовъ. Государственный доходъ (1850 г.) не превышалъ 40 милл. фун. тур., и о покрытіи государственнаго долга нечего было и думать: не хватало средствъ для удовлетворенія первыхъ нуждъ страны. Необходимо было содержать 120,000 войска, нужны были деньги на жалованье и расходы двора султана, содержаніе министровъ, вали, пашей, администраторовъ, судей и тюремъ; невозможнымъ являлось послѣдовать совѣту друзей Оттоманской имперіи,

Франціи и Великобританіи—построить крѣпости на границахъ, увеличить морскія силы, соорудить броненосцы, провести телеграфныя сѣти, шоссейныя и желѣзныя дороги и произвести еще массу другихъ внутреннихъ реформъ.

Представители дружественныхъ націй совѣтовали заключить заемъ, и вскорѣ былъ объявленъ «ирадэ» (указъ султана) для заключенія заграничнаго займа. Въ 1862 году заключили заемъ на 100 милл. фун. тур. (860 милліон. руб.) и выпустили облигаціи (эсами-умуміе). Полученными деньгами погасили самыя спѣшныя долги и расходы двора, а для предполагаемыхъ раньше реформъ опять не стало средствъ. Взамѣнъ ста милліонѣвъ, въ казну поступило только 75 милліонѣвъ. Ежегодно должны были уплачивать изъ скудныхъ средствъ казны еще 5 милліонѣвъ процентовъ.

Заключили II, III и IV займы, но и эти деньги оказались недостаточными для покрытія всѣхъ государственныхъ, въ особенности султанскихъ, расходовъ.

Абдуль-Азизъ началъ строить дворецъ Чраганъ на берегу Босфора длиною болѣе версты и соединилъ его съ дворцомъ Илдізъ-Кіоска.

Военный министръ построилъ и починилъ крѣпости Карсъ, Эрзерумъ, Видинъ и друг. Морскою—заказалъ 20 броненосцевъ, и средства казны были истощены.

При составленіи государственнаго бюджета не приняли во вниманіе всѣхъ расходовъ, и пришлось проценты по займамъ платить новыми займами.

Государственнаго контроля не существовало, и кассы казначейства пустовали. Министръ финансовъ, кромѣ расходовъ по серайлю и жалованья служащимъ, принужденъ былъ отпускать, по «ирадэ» Абдуль-Азиза, разнымъ духовникамъ, дервишамъ, одалискамъ и паломникамъ огромныя суммы. Во время 2-го сѣзда мебусанъ-меджеліса—парламента, въ 1878 г., министръ финансовъ для оправданія своихъ дѣйствій представилъ «ирадэ» султана Абдуль-Азиза, которымъ повелѣвалось заплатить какому-то дервишу 50 тысячъ фунтовъ тур. (болѣе 430 тысячъ руб.). Изъ-за такихъ чрезвычайныхъ, незаконныхъ тратъ государственнаго имущества возникали большія недоразумѣнія, ссоры между придворными и министерствомъ.

Дворцовыя служащіе желали пользоваться заграничными заемными деньгами, какъ воспользовалось ими все министерство, а министерство сопротивлялось этому. Государственной кассой (бейтъ-уль-маль) и распределеніемъ суммъ на различныя потребности исключительно завѣдовали мшистры и часто отказывались исполнять приказы Абдуль-Азиза. Безденежье дошло до того, что не было отпущено даже суммы для окончательной отдѣлки внутреннихъ покоевъ чраганскаго дворца.

По шаріату «бейтъ-уль-маль» (доходы государства) не принадлежатъ халифу: онъ только хранитель казны и деньги долженъ тратить сообразно нуждамъ страны. Второй халифъ Омаръ бралъ себѣ суточное вознаграженіе въ размѣрѣ только 4 дрхемъ (три золотника) серебра. Софти начали: «по какому праву халифъ Абдуль-Азизъ беретъ ежедневно 4 тыс.

дремъ золотомъ, кромѣ дворцовыхъ крупныхъ расходовъ, уплачиваемыхъ изъ средствъ бейтъ-уль-маля (казны)?»

Придворные постоянно толковали Абдуль-Азизу, что онъ, какъ халифъ, замѣститель Магомета, тѣнь Аллаха, въ правѣ распорядиться бейтъ-уль-мадомъ по своему усмотрѣнiю, безконтрольно. Абдуль-Азизъ очень часто удалялъ мѣшающихъ ему министровъ, слѣдуя совѣтамъ придворной камарильи, и возбуждалъ неудовольствiе, даже негодованiе многихъ сановниковъ. Многіе министры, чувствуя непрочность своего положенiя, старались при службѣ нажить побольше богатства, а потомъ удалиться.

Итакъ, 16 лѣтъ государственная казна страдала отъ хищническихъ стремленiй то придворныхъ, то министровъ-правителей. Страна не видѣла улучшенiй. Не производилось никакихъ реформъ: не было до сихъ поръ ни крѣпостей, ни фортовъ, не было шоссе, желѣзныхъ дорогъ, не думали строить школы и высшiя учебныя заведенiя. Между тѣмъ государственный долгъ достигъ 350 милліоновъ турецкихъ фунтовъ, а народъ долженъ былъ уплачивать въ годъ 17 милл. тур. фун. Браи погибалъ, умиралъ!

При жизни Али и Фуатъ пашей министры, вельможи и даже самъ Абдуль-Азизъ должны были умѣрить свою жадность, повоздержаться въ своихъ ненасытныхъ хотѣнiяхъ, но послѣ смерти ихъ, какъ стадо голодающихъ волковъ, бросились они на казну. Даже самъ Абдуль-Азизъ воскликнулъ: «Съ сего числа я сталъ царствовать!»

Наступилъ непрерывный и безконтрольный грабежъ. Ежемѣсячно смѣнялись министры, вали и мушессаррифы. Никто не увѣренъ былъ съ своимъ положенiемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и число противниковъ султана росло: много военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, уволенныхъ по интригамъ дворцовой камарильи, принуждены были поддержать софти и спасти страну отъ окончательнаго разоренiя.

III.

Фавориты султана не только вмѣшивались въ дѣла администраціи, финансовъ и юстиціи, но стремились подчинить своему влiянiю и военное—морское, даже иностранныхъ дѣлъ министерства. Тайны государства общались иностраннымъ державамъ, продавались проекты министровъ.

Служба въ министерствѣ стала невыносимой, и многіе извѣстные дѣятели покидали свои посты, на которые назначались фавориты султана, служащіе дворца.

Въ свое время большимъ влiянiемъ при дворѣ пользовался албанецъ Гусейнъ-Ави паша, бывшій начальникъ охраннаго войска Серайля. Его Абдуль-Азизъ назначилъ военнымъ министромъ. Благодаря своимъ услугамъ, онъ сдѣлался садразамомъ—великимъ визиремъ и начальникомъ топхане (артиллеріи). Онъ совмѣщалъ въ себѣ три должности и получалъ три олада жалованья: какъ садраземъ—750 тур. фунт., какъ военный министръ—500 тур. фун. и какъ начальникъ топхане—350 фун. Этотъ

фаворитъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ Абдуль-Азиза и исполнялъ всѣ требованія своего повелителя; въ свою очередь султанъ одобрялъ всѣ доклады Гусейнъ-Авни.

Чрезмѣрная заносчивость, гордость, отношеніе къ неграмя-евнухамъ, полное пренебреженіе къ просьбамъ одалисокъ возбудили противъ Гусейнъ-Авни интриги придворныхъ. Укрѣпивъ свое положеніе, «садразамъ-сераскеръ», стремился обуздать придворную камарилью, которая безпрерывными требованіями о перемѣщеніи своихъ полонниковъ-клиентовъ на разныя должности причиняла ему много хлопотъ и ставила въ непріятное положеніе. Храбрый горецъ надѣялся на расположеніе султана, старался подчинить себѣ всю придворную камарилью, но бороться стало трудно.

Вскорѣ Гусейнъ-Авни лишился сана и по приказанію Абдуль-Азиза заставили поѣхать на минеральныя воды Бурса лѣчиться отъ слабоумія и въ то же время управлять вилайетомъ Худавендегаръ.

Всѣ удаленные сановники не могли унизиться до такой степени, чтобы подкупомъ евнуховъ или фаворитовъ халифа добиваться помилованія отъ султана. Опальные вельможи не слились въ дружную партію, какъ ихъ соперники-софти, но нѣкоторые изъ нихъ составили группу для борьбы и освобожденія страны отъ самодержавнаго хункяра, желающаго подражать римскимъ императорамъ, у которыхъ его предки отняли Константинополь и провинціи восточной Византійской имперіи; сановники принуждены были теперь протянуть руку тѣмъ софти, младо-туркамъ, которыхъ раньше ссылали въ тюрьмы и бросали въ море.

Еще съ 1870 годовъ многіе уволенные министры завели тайныя сношенія съ извѣстными улемами и главарями софти, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился выступить открыто во главѣ какой-либо партіи и дѣйствовать противъ камарильи Сераяля.

Режимъ восточныхъ падишаховъ былъ слишкомъ суровъ и ужасенъ: въ одинъ мигъ снимали головы всѣмъ смущающимъ народъ—ослушникамъ воли замѣстителя Магомета.

Безъ сомнѣнія отъ бывшихъ низкопоклонниковъ трудно было ожидать смѣлыхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, но всетаки своимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія страны они ободряли софти и младо-турокъ и тайно помогали имъ какъ совѣтами, такъ и матеріально.

Одинъ изъ такихъ устранившихся вельможъ—Михтатъ-паша, былъ образованнымъ человекомъ и отъ души желалъ потрудиться для развитія страны, упорядоченія правительства и свободы народа. Его управленіе Адрианопольскимъ вилайетомъ много содѣйствовало развитію края. По его свѣту завели новыя земледѣльческія орудія, примѣняли новый способъ обработки и орошенія полей. Въ его правленіе построены училища, фабрики разныхъ тканей, заводы и другіе общепользныя сооруженія.

Онъ скорѣ перемѣщенъ былъ въ Багдадъ, куда выписалъ америкаскія хлопковые сѣмена и распространилъ ихъ между населеніемъ для посадки еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Изучая ввѣре:

ный ему край и его богатства, онъ принимался устраивать каналы для искусственнаго орошенія земель. Его популярность достигла такихъ размѣровъ, что придворные начали внушать султану, что Михтатъ питаетъ тайные замыслы отдѣлиться отъ Турціи и устроить новое царство въ Месопотаміи и Вавилоніи, подобно Мамеду-Али-пашѣ въ Египтѣ.

Михтата немедленно вызвали въ Константинополь и, по совѣту представителей дружественныхъ державъ, назначили министромъ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ садразамомъ. Вскорѣ (какъ и Гусейнъ-Авни-паша, Махмудъ-Недимъ-паша, Рюшти-паша, Сафетъ-паша и другіе)... онъ былъ совершенно устраненъ отъ занимаемой должности изъ-за того, что категорически отказался слѣдовать указаніямъ камарильи, не удовлетворялъ ея требованій и не унижился передъ неграми-евнухами. Михтатъ искренне болѣлъ душой за свой край, чувствуя, какъ хищники приводятъ страну къ окончательному разоренію, и оставаться хладнокровнымъ не могъ. Онъ собралъ вокругъ себя улемовъ (ученыхъ теологовъ ислама) и интеллигентныхъ младо-турокъ, не подчиняющихся шаріату.

До вступленія Михтатъ-паши въ партію младо-турокъ, послѣдніе не могли соединиться съ софти—студентами теологическихъ курсовъ исламскаго ученія.

Софти требовали непремѣннаго возобновленія шаріата, выборнаго халифа, децентрализаціи управленія провинцій, выборныхъ совѣтовъ, выборныхъ народныхъ судей, неприкосновенности личности, жилища, уничтоженія лишнихъ податей и налоговъ, прекращенія крупнаго жалованія высшимъ сановникамъ и уравниенія жалованья всѣмъ государственнымъ служащимъ.

Партія младо-турокъ требовала конституціи по образцу западно-европейскихъ государствъ, ограниченія правъ всѣхъ служащихъ, отвѣтственнаго министерства, децентрализаціи провинцій, свободы собраній, слова, печати, совѣсти, вѣры, равенства всѣхъ гражданъ страны: мусульманъ и христіанъ, народнаго контроля какъ въ провинціи, такъ и въ другихъ городахъ. Софти настаивали на господствѣ шаріата, а младо-турки не соглашались на это, считая шаріатъ устарѣлымъ и признавали необходимымъ редактировать новые законы въ духѣ новаго времени.

Джевдетъ-паша и другіе члены шураи-довлэ (госуд. совѣта) доказывали многими научными трудами полное согласованіе дестура, т.-е. гражданскихъ законовъ Оттоманской имперіи, съ духомъ и текстомъ шаріата и корана. Софти убѣждены были, что новые основные законы ничѣмъ не будутъ противорѣчить шаріату и вполне довѣрялись своимъ союзникамъ младо-туркамъ, особенно когда среди послѣднихъ явились выдающіеся дѣятели.

IV.

Не могъ больше народъ терпѣть грабежа, насилія чиновниковъ и сборщиковъ, которые ежегодно откупали у правительства десятинный налогъ урожая и грабили крестьянина.

Въ 1875 г., въ сентябрѣ, округъ Босніи и Герцоговины отказался платить подать со сбора урожая. Произошли кровавыя столкновенія между мубаширами (сборщиками) и забтію (полицейскіе) съ крестьянами. Мятежники скрылись въ горы и лѣса, и турецкимъ войскамъ не удалось справиться съ возставшимъ народомъ, и въ отместку начали рѣзать стариковъ, женщинъ и дѣтей.

Число недовольныхъ увеличивалось, и революціонное броженіе быстро распространилось по Босніи, захватило Старо-Сербію, Софійскій вилайетъ и весь Балканъ. Фавориты Абдуль-Азиза совсѣмъ растерялись. Придворные требовали силой оружія, въ крови потушить возстаніе, а министерство не умѣло принять энергичныхъ мѣръ.

Революціонеры требовали автономіи Босніи и Болгаріи, освобожденія отъ ига исламскаго халифа, его пашей, отнявшихъ у младенца послѣдній кусокъ хлѣба. Кровавыя сцены продолжались. Возстаніе босняковъ и болгаръ невозможно было залить кровью женщинъ и грудныхъ дѣтей, которыхъ безсовѣстно убивали и сжигали.

Растерявшійся Абдуль-Азизъ, по совѣту генерала Игнатъева—русскаго посла, передалъ санъ садразама Махмуду-Недидж-пашѣ, извѣстному расположеніемъ къ славянамъ, совѣтуя уступками умиротворить страну. Но босняки и болгары продолжали борьбу, требуя освобожденія родины отъ ига Хункара-Халифа.

Софти и младо-турки не дремали и не складывали рукъ. Они ненавидѣли Махмуда-Недима, назвали его «Булгаромъ» и «Гявуромъ». Въ теченіе шести мѣсяцевъ ничѣмъ нельзя было успокоить взволновавшійся народъ.

Дѣла осложнились.

Звѣрскіе поступки турецкихъ администраторовъ и ихъ войскъ возбудили вниманіе Европы. Иностранные послы потребовали прекращенія кровопролитій.

Младо-турецкая партія, пользуясь благоприятнымъ моментомъ, въ началѣ весны 1876 года произвела демонстраціи въ разныхъ кварталахъ столицы. По всѣмъ улицамъ ходили софти въ темно-зеленыхъ длинныхъ пальто, желтыхъ туфляхъ, зеленыхъ и бѣлыхъ чалмахъ, завязанныхъ по старому обычаю.

Въ эти дни, разъ утромъ громадная толпа народа въ сопровожденіи десятка тысячъ софти и молла окружили серайлы Толма-Бахче и Чраганъ на берегу Босфора. Собралось болѣе 70 тысячъ молодежи и стариковъ различныхъ классовъ народа. Съ восьми часовъ утра до 3 часовъ дня толпа стояла, шумѣла и требовала къ себѣ Абдуль-Азиза.

Немедленно всѣ двери серайловъ были закрыты и дворцовыя лоды вышли въ море; такъ какъ набережная не была доступна для народа. Толпѣ долго не давали отвѣта, но, наконецъ, объявили, что, желаніе народа исполнится, и султанъ выйдетъ на балконъ Серайла-Илдивъ-Кіосъ. Народъ не слушалъ и продолжалъ кричать:

«Яша падиша, чогъ яша! (да здравствуетъ султанъ), не желаемъ Махмуда-Недима, руссофила!» Иногда слышались голоса:

«Яша-Михтатъ-паша (да здравствуетъ Михтатъ-паша).

Тогда главарей толпы, известныхъ духовныхъ лицъ, вызвали въ садъ Илдивъ-Кюска, куда за ними послѣдовали нѣсколько десятковъ тысячъ софть и ремесленниковъ. Халифъ Абдуль-Азизъ вышелъ на террасу и лично объяснился съ представителями населенія. Согласно требованію народа въ тотъ же день была взята печать султана у Махмудъ Недима и составлено новое министерство подъ предсѣдательствомъ великаго визиря Рюшти-паши, шейхъ-уль-ислама Мамедъ-Хайрулла эфенди. Министромъ юстиціи былъ назначенъ Михтатъ-паша, военнымъ—Гусейнъ-Авни-паша, морскимъ—Решидъ-паша и иностранныхъ дѣлъ—Сафетъ-паша.

Въ новое министерство вошли все противники султана Абдуль-Азиза, устраненные раньше самимъ халифомъ отъ должности. Дѣло въ томъ, что кромѣ великаго визиря—Рюшти-паши, почти всѣ эти вельможи не были потомками жителей Константинополя; они всѣ происходили изъ провинцій и знакомы были хорошо съ истиннымъ положеніемъ народа, входили въ его нужды.

Какъ только новый кабинетъ сталъ дѣйствовать, начались дневныя и вечернія засѣданія по поводу положенія дѣлъ на Балканахъ и въ Сербіи, которая угрожала войной. Собирались по вечерамъ во дворецъ Рюшти-паши, подъ его же предсѣдательствомъ. Объ усмирении Балкана и Сербіи мало думали, а говорили только объ ограниченіи власти халифа и особенно его дворцовой камарильи, о новомъ государственномъ строѣ.

Согласно предложенію шейхъ-уль-ислама и другихъ известныхъ *улемовъ* рѣшили огласить незаконныя дѣйствія Абдуль-Азиза: его приказы, идущіе въ разрѣзъ требованіямъ шаріата, его расточительность, уничтоженіе бейтъ-уль-мала (государственное имущество). Затѣмъ просили всѣхъ набовъ (настоятели мечетей) объявить народу постановленіе улемовъ и его отвѣты доставить шейхъ-уль-исламу.

Константинопольскіе известные улемы постановили: «Для блага правдивныхъ отнять тронъ у ростовщика-сумасшедшаго, лишеннаго дара Аллаха, и предоставить правленіе достойному наследнику».

Это «фетва» (рѣшеніе) съ подписью улемовъ была напечатана и распространена по всей странѣ. Софты, которые отправлялись по провинціямъ, должны были объяснить народу бѣдственное положеніе страны и сообщить о незаконныхъ поступкахъ, расточительности и умственномъ недугѣ Абдуль-Азиза; затѣмъ мнѣніе прихожанъ (съ подписью каждой мечети) доставить шейхъ-уль-исламу. Въ теченіе мѣсяца почти со всѣхъ угловъ страны получены были резолюціи и утверждена фетва (рѣшеніе) константинопольскихъ улемовъ.

Въ 1876 г. 20 мая, согласно постановленію Хейрулла-эфенди шейхъ-уль-ислама и по опредѣленію совѣта министровъ, въ полночь военный и морской министры осадили дворецъ съ суши и съ моря, вошли туда, арестовали султана Абдуль-Азиза и заключили его въ замокъ дворца.

Той же ночью поѣхали въ Гади-Бей, пригласили сына султана Мед-

жида Мураза V-го и возвели на тронъ халифовъ—хунгарь. Утромъ, въ 7 ч., послѣ официального объявленія о восшествіи на престолъ новаго султана, загремѣли пушки со всѣхъ крѣпостей и броненосцевъ и возвѣстили народу о государственномъ переворотѣ.

Въ этомъ государственномъ переворотѣ не было пролито ни капли народной крови, кромѣ крови самого султана Абдуль-Азиза.

V.

Партія младо-турокъ соединилась съ софтіями и заготовляла проектъ конституціи. Мурадъ V, утвердивъ рескриптомъ составъ министерства, предложилъ составить новые необходимые для страны законы, представить ихъ въ шурай-довлѣ (государственный совѣтъ) для разсмотрѣнія.

Проектъ младо-турокъ съ нѣкоторыми измѣненіями представленъ былъ шурай-довлѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ Михтатъ-паша. Мурадъ V не сдавался министерству и не согласился принять проекты конституцій. Въ это время полковникъ-черкесь Гасанъ, братъ фаворитки Абдуль-Азиза и его адъютантъ, рѣшилъ отомстить за смерть своего патрона—Абдуль-Азиза. Во время совѣта онъ явился во дворецъ Рюшти-паши, насильно вошелъ въ залъ засѣданія, напалъ на совѣщающихся министровъ и убилъ Гусейнъ-Авни и Решидъ-пашу.

Шурай-довлѣ не могъ согласиться съ проектами софти, построенными на чисто-демократическихъ началахъ, согласно основнымъ законамъ Омара (второго халифа послѣ пророка) и составилъ новые проекты въ духѣ взглядовъ дворца и министерства.

Мурадъ V пробылъ на тронѣ всего 90 дней. Онъ не могъ согласиться съ предложеніемъ Михтата и его послѣдователей, не могъ забыть послѣднихъ дней своего дяди—Абдуль-Азиза и его палачей. Послѣ роковой ночи и восшествія на тронъ онъ совершенно палъ духомъ и проявлялъ въ своемъ поведеніи много странностей. Султанъ никому не довѣрялъ: ни сановникамъ, ни родственникамъ женъ и матери. Ему постоянно мерещились разныя козни враговъ, пытки, которымъ его могутъ подвергнуть, подобно Абдуль-Азизу. Ночь переворота сильно подѣйствовала на душевное состояніе Мурада: онъ не могъ забыть ночного путешествія изъ дворца черезъ лѣса Айдаръ-паши, кладбище, Кази-Бей, въ Сарай-Бурку, въ сопровожденіи Гусейнъ-Авни и Решидъ-паши, палачей дяди, пушечныхъ выстрѣловъ и вообще всю эту необычайную обстановку, при которой ему пришлось принять тронъ.

Не ожидая ничего хорошаго отъ душевно-больнаго Мурада V, Михтагъ и младо-турки обратили вниманіе на его брата Гаида-эфенди, наследника престола, который имѣлъ съ извѣстными интеллигентными младо-турками большія связи.

Послѣ долгихъ переговоровъ и соглашеній на счетъ будущей оттомакой конституціи, 17 августа 1876 года Валиде-султанъ (мать султана) подписала рескриптъ на имя садрама и шейхъ-уль-ислама: «принимъ»

во внимание душевное состояние Мурада V, устранить его от престола, а назначить наследникомъ Гамида-эфенди». 18 августа вззошелъ на престолъ новый султанъ Абдуль-Гамидъ и обѣщалъ продолжать необходимыя реформы, начатыя его отцомъ—Меджидомъ.

Но долго тянулся пересмотръ конституцій Оттоманской имперіи. Война, начавшаяся еще при Мурадѣ V съ Сербіей, волненіе на Балканахъ еще продолжались. Звѣрскія дѣйствія турецкой администраціи возмутили европейцевъ и потому была устроена конференція, послѣ которой потребовали автономію для нѣкоторыхъ вилайетовъ Европейской Турціи.

Вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Турціи диктованіе разныхъ реформъ сильно раздражала софти и младо-турокъ. Вопреки предложеніямъ европейскихъ державъ, Михтатъ-паша принудилъ Абдуль-Гамида уступить требованіямъ народа и 12 декабря 1876 года торжественно опубликовалъ «ирадѣ» султана объ утвержденіи конституціи и представилъ текстъ основныхъ законовъ Оттоманской имперіи съ 119 статьями.

Конституція Михтата-паши, составленная въ согласіи съ шаріатомъ, была редактирована такъ, что ею могла воспользоваться любая партія. Люди, знающіе шаріатъ-исламъ, всегда могли при пользованіи имъ соблюдать свои выгоды.

Халифъ-падишахъ со своими придворными сохранялъ обширную власть надъ страной. Ему принадлежало объявленіе войны, заключеніе мира, утвержденіе конвенцій и трактатовъ, назначеніе великаго визира; установленная въ конституціи отвѣтственность министерства не исключала, однако, возможности изданія экстренныхъ постановленій, за которыя министры не отвѣчали.

По требованію софти государство оттомановъ попрежнему было объявлено страной хилафата (наслѣдствомъ магометанства), а султанъ—халифомъ (преемникомъ пророка) и тѣнью Аллаха.

По требованію младо-турокъ, въ конституцію было включено признаніе: свободы совѣсти, слова, печати и собраній. Все это было обѣщано еще въ 1839 г. хати-шерифомъ и 1858 г. хати-Гумаюномъ.

Но ни младо-турки ни христіане не были удовлетворены этой конституціей. Христіане, вопреки шаріату, получили одинаковыя съ мусульманами права, противъ чего протестовали фанатики.

Но, съ другой стороны, султанъ сохранилъ права халифа, т.-е. имама (патріарха) магометанъ, то-есть христіане остались всетаки райей—стадомъ правовѣрныхъ мусульманъ.

Такимъ образомъ, эта конституція, поправная Абдуль-Гамидомъ вскорѣ послѣ ея провозглашенія и теперь внезапно возстановленная,—полна разнообразныхъ внутреннихъ противорѣчій. И наличность этихъ противорѣчій приводитъ къ выводу, что для дѣйствительнаго упроченія въ Турціи конституціоннаго политическаго строя необходима глубокая переработка конституціи 1876 года.

Атрипетъ.

Иностранная политика.

Турція и Европа.

Произошедшія за послѣдній мѣсяць головокружительныя перемѣны въ европейской политикѣ долго еще будутъ приводиться въ качествѣ разительнаго примѣра непрочности и шаткости дипломатическихъ плановъ и предположеній. Немного недѣль прошло съ того момента, когда соглашеніе Россіи и Англіи по македонскому вопросу учитывалось, какъ крупнѣйшее событіе, послѣдствія котораго на долгое время предопредѣляютъ ходъ дѣлъ на Ближнемъ Востокѣ. Положеніе обсуждалось въ политическихъ кругахъ всесторонне. Центръ интереса сосредоточивался на взаимоотношеніяхъ тройственнаго союза и договорившихся державъ. Не забывали, конечно, и роли турецкаго правительства. И общественное мнѣніе и освѣдомленные политики присчитывали Турцію къ активу Германіи. Ходили упорные слухи о германо-турецкой и австро-турецкой военныхъ конвенціяхъ. Забывали только одинъ факторъ—турецкое общественное мнѣніе. Даже не забывали, а просто считали его не существующимъ. Знали, что въ Парижѣ и въ Швейцаріи какіе-то младо-турки издають какія-то газеты и вырабатываютъ какія-то программы; мелькомъ читали газетныя замѣтки объ арестахъ въ Малой Азіи. Но никто въ Европѣ не придавалъ серьезнаго значенія турецкимъ либераламъ. Даже послѣ персидской революціи.

И вдругъ оказалось, что въ Турціи существуетъ общественное мнѣніе, политическая самостоятельность, организованныя партіи, могущественныя и качественно и количественно, словомъ весь аппаратъ политической жизни любого изъ европейскихъ народовъ. Это было ошеломляющимъ открытіемъ для Европы, какимъ-то волшебнымъ превращеніемъ, мгновенно перемѣшавшимъ всѣ карты дипломатической игры.

Но для русскаго общества турецкая революція, помимо ея общаго политическаго значенія, къ которому мы вернемся, имѣетъ еще особенныя специфическія интересы. Слѣдя за тѣмъ, что происходитъ въ Турціи, мы видимъ, какъ умѣло можно пользоваться исторіей чужихъ ошибокъ. Мы не боимся впасть въ преувеличеніе, утверждая, что именно мы, именно на печальныя, но въ свое время неизбѣжныя, можетъ быть, заблужденія по

служили для руководителей турецкаго освободительнаго движенія путеводной нитью, придающей такую мудрую увѣренность и осторожность всѣмъ ихъ дѣйствіямъ. Младо-турки изумили Европу. Но мы можемъ сказать о нихъ больше, чѣмъ Западъ: это люди, которые умѣютъ учиться той наукѣ, въ которой ученики ео ipso счастливѣе учителей. Mutatis mutandis, младо-турки могутъ повторить полтавскій тостъ Петра Великаго въ честь шведскихъ генераловъ.

Безкровная турецкая революція имѣетъ мало подобныхъ себѣ въ исторіи; развѣ бразильскую. Начало событій казалось простымъ волненіемъ въ войскахъ, обычнымъ въ Турціи военнымъ мятежомъ на почвѣ дурныхъ матеріальныхъ условій. Однако, прошло немного дней, и, какъ мгновенная перемена декорацій въ театрѣ, все происходившее въ Турціи представало въ иномъ освѣщеніи, въ иныхъ, уже грандіозныхъ размѣрахъ. Вышнія событія протекли почти такъ же спокойно, какъ быстро. Съ конца іюня, когда вспыхнуло волненіе въ войскахъ третьяго армейскаго корпуса, расположеннаго въ Македоніи, прошло какихъ-нибудь три недѣли до 23 іюля—дня объявленія султаномъ возстановленія конституціи 1876 года. За эти три недѣли движеніе въ войскахъ разрослось настолько, что султанъ убѣдился въ невозможности найти сколько-нибудь значительную военную часть, на которую можно было бы положиться въ борьбѣ съ революціей. Последнее сомнѣніе въ серьезности положенія было уничтожено опереточнымъ плѣненіемъ маршала Османа-Февзи-паши, посланнаго въ Македонію въ качествѣ грознаго умирителя мятежниковъ. Крошечный отрядъ маіора Ніазибей, одного изъ главныхъ руководителей и инициаторовъ движенія, вступилъ среди бѣла дня въ Монастырь, арестовалъ диктатора среди его войскъ и увезъ его въ горы. Мало-азіатскіе полки отказывались идти противъ мятежныхъ македонскихъ гарнизоновъ. Наконецъ, какъ сообщали австрійскія газеты, офицеры босфорскихъ фортовъ, получившіе приказъ изготovitъ къ бою въ виду слуховъ о движеніи третьяго корпуса на столицу, отвѣтили, что у нихъ «враговъ нѣтъ».

Все это доказывало султану, что тридцать лѣтъ безпощадныхъ репрессій и небывалаго по размѣрамъ примѣненія всяческаго шпіонства не помѣшали тайной политической организаціи охватить своими развѣтвленіями почти всѣ турецкія войска. Вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что и мусульманское духовенство во главѣ съ шейхъ-уль-исламомъ стоитъ на сторонѣ крамольниковъ, основываясь даже на коранѣ, говорящемъ, что «при всѣхъ рѣшеніяхъ по общественнымъ дѣламъ долженъ быть выслушанъ народъ». Наконецъ, 22 іюля, когда въ Ильдизъ-Кіоскъ пришло извѣстіе, что мятежныя войска провозгласили въ Битоли конституцію при единодушномъ восторгѣ всего населенія безъ различія вѣры и національности, султанъ принялъ окончательно рѣшеніе уступить неизбежному ходу вещей. 23 іюля было объявлено о возстановленія дѣйствія конституціи 1876 года.

Абдуль-Гамиду пришлось вернуться къ тому, съ чего онъ началъ свое

долгое царствование, — къ конституціонализму. Но въ 1876 г. дарованіе конституціи было только блестящимъ дипломатическимъ маневромъ. Если «отецъ конституціи» Митхатъ-паша былъ искрененъ и видѣлъ въ преобразованіи государственнаго строя залогъ лучшаго будущаго Турціи, то султанъ тогда отнюдь не былъ приверженцемъ «конституціи для конституціи»; его прельстила другая теорія: «конституціи для Европы». Въ 1876 году конституція сыграла для него роль козырнаго туза: онъ его отходилъ и выигралъ. Въ это время въ Константинополѣ засѣдала конференція, выработывавшая проектъ реформъ въ Турціи. Абдуль-Гамидъ напелъ въ конституціи великолѣпное средство свести труды европейскихъ дипломатовъ къ нулю. Онъ даровалъ своимъ народамъ во много разъ больше того, о чемъ они думали, даровалъ даже то, чего не всѣ изъ нихъ хотѣли. Европѣ осталось только поздравить султана и остановить работы конференціи. Когда этотъ пріятный результатъ былъ достигнутъ, конституція перестала быть козыремъ въ игрѣ Абдуль-Гамида; онъ даже не разорвалъ ее, а просто отнесся къ ней, какъ къ *fait nul et non avenue*, по французской юридической терминологіи. Впрочемъ, султанъ не забылъ ликвидировать Митхатапашу. Уже въ февралѣ 1877 г. «отца конституціи» постигла опала, вѣроятно, для примѣра прочимъ. А черезъ нѣсколько недѣль султанъ вспомнилъ, что въ его столицѣ засѣдаютъ гдѣ-то покорные «эветъ, эфенди» (да, господинъ); онъ приказалъ имъ разѣхаться по домамъ, и съ первымъ турецкимъ парламентомъ, блѣднымъ и безгласнымъ, было покончено.

Теперь Абдуль-Гамидъ возстановилъ эту «дипломатическую» конституцію. Если, какъ мы увидимъ, ей снова пришлось сыграть ту же роль козырнаго туза относительно европейской политики, то на этотъ разъ игра была уже не въ рукахъ султана, не онъ отходилъ этого туза и не онъ выигралъ игру. Ему пришлось думать уже не о выигрышѣ, а о своемъ мѣстѣ за игрой. За тридцать два года положеніе измѣнилось: въ 1876 г. на слѣдующій день послѣ объявленія конституціи Абдуль-Гамидъ остался побѣдителемъ, въ 1908 году — остался султаномъ.

Надо отдать ему справедливость: и теперь, какъ въ 1876 году, онъ умѣетъ быть на высотѣ положенія. Трудно вѣрить въ искренность конституціонализма Абдуль-Гамида. Но это даже неважно. Султанъ съ каждымъ днемъ все яснѣе доказываетъ, что онъ такой человекъ, которому вовсе не нужно быть конституціоналистомъ, чтобы быть дѣйствительно конституціоннымъ монархомъ, разъ это необходимо. Его конституціонализмъ зависитъ отъ обстоятельствъ; онъ, повидимому, умѣетъ съ ними мириться. А обстоятельства находятся теперь въ рукахъ младо-турокъ. Отъ нихъ слѣдовательно, зависитъ и будущее Турціи, ближайшее, по крайней мѣрѣ. Окажутся ли они на высотѣ положенія? Повидимому, да. До сихъ поръ они сумѣли использовать всѣ представлявшіяся имъ возможности съ рѣшимостью и въ то же время съ осмотрительностью. Высказывавшіяся в европейской, особенно въ германской печати опасенія, что въ упоеніи побѣдой они ослабятъ свою организацію, разъединятся на почвѣ классовы

интересовъ и допустить революціонные эксцессы, которые въ свою очередь усилить реакцію,—не оправдываются. Мы увидимъ сейчасъ, перейдя къ обзору событій, послѣдовавшихъ за объявленіемъ конституціи, что во всѣхъ дѣйствіяхъ младо-турокъ проявляются строгая планомѣрность, единство цѣли и осторожная предусмотрительность, которой они, очевидно, обязаны умѣнью пользоваться уроками чужой исторіи.

Съ первыхъ же дней новаго режима выяснилась болѣе или менѣе опредѣленно тактика младо-турокъ. Они начали съ дѣятельнаго очищенія придворныхъ и высшихъ административныхъ сферъ отъ «столповъ» прежняго режима. Оба любимца султана: Селимъ-Мельхамъ и знаменитый Изеть-паша, принуждены были бѣжать. Бруннѣйшіе бюрократы, прославившіеся взяточничествомъ и казнокрадствомъ, были арестованы. Этой участи подверглись Рами-паша, Мендухъ-паша, Решидъ-паша, Тахимъ-паша, Рагибъ-паша и многіе другіе. Одинъ изъ этихъ вчерашнихъ властелиновъ, бывший военный министръ, принужденъ былъ даже вернуть въ казну все награбленное за долгіе годы доблестной службы. Тутъ уже выяснилось, что младо-турки, ни на минуту не ослабляясь уже достигнутымъ успѣхомъ, стремятся «занимать позиціи» въ самомъ вражескомъ станѣ. Еще ярче сказалась эта тенденція въ вопросѣ о дипломатическомъ представительствѣ Турціи. Почти всѣ послы при великихъ европейскихъ державахъ смѣняются болѣе или менѣе близкими младо-туркамъ лицами.

Абдуль-Гамидъ, возстановляя конституцію, предвидѣлъ возможность такой «изоляция». Статья 10 гатти-гамаюна 3 августа н. ст. предоставляетъ султану право назначать шейхъ-уль-ислама и военного и морского министровъ помимо великаго визиря. Иначе говоря, султанъ хотѣлъ оставить за собою возможность выбора тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя стоятъ во главѣ войска, флота и духовенства; мотивы такого шага болѣе чѣмъ понятны. Назначивъ на мѣсто Фериды-паши великимъ визиремъ Саида-пашу, султанъ примѣнилъ при формированіи министерства статью 10 гатти-гамаюна. Младо-турки были недовольны, однако, не только этимъ: ихъ не удовлетворяло назначеніе Саида-паши, конституціонность котораго болѣе чѣмъ сомнительна; далѣе имъ были очень не по душѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Хавимъ и министръ безъ портфеля Абдулламанъ. Возникъ конфликтъ, принявшій, однако, совершенно неожиданное теченіе. Съ протестомъ противъ нарушенія конституціи 1876 года, предоставляющей исключительно великому визирю право назначенія всѣхъ министровъ, выступилъ глава магометанскаго духовенства, шейхъ-уль-исламъ.

Всѣ, въ сущности, ждали столкновенія между султаномъ и младо-турками, такъ какъ никто не сомнѣвался, что комитетъ «Единеніе и прогрессъ» выступитъ съ открытымъ протестомъ и поддержитъ свои требованія всѣмъ вѣсомъ своей реальной силы. Несомнѣнно, это значило бы обострить отношенія съ султаномъ; однако, младо-турки хотѣли, повидимому, именно обратнаго. Съ этой точки зрѣнія неожиданное на первый взглядъ выступленіе съ протестомъ во имя конституціи со стороны шейхъ-уль-

ислама становится понятнымъ. Это было блестящимъ психологическимъ эффектомъ, настолько безошибочнымъ и умно рассчитаннымъ, что не знаешь кому больше удивляться, младо-туркамъ или шейхъ-уль-исламу. Вполнѣ возможно, конечно, что формальнаго соглашенія между главой мусульманскаго духовенства и младо-турецкимъ комитетомъ не было. Но несомнѣнно, что младо-турки заранѣе были освѣдомлены о намѣреніяхъ шейхъ-уль-исама и предоставили ему дѣйствовать, зная, какое впечатлѣніе это должно произвести на султана. Съ другой стороны, если конституціонный протестъ вліятельнѣйшаго лица, за которымъ стоятъ могущественные кадры духовенства, былъ важенъ и выгоденъ для младо-турокъ, какъ мирная, но внушительная демонстрація дѣйствительной силы приверженцевъ новаго режима, то не меньше выигралъ и шейхъ-уль-исламъ. Онъ заставилъ младо-турокъ принять его въ свою игру. Всѣмъ своего авторитета, придавшимъ такую внушительность его неожиданному конституціонализму, онъ быстро добился желательнаго для младо-турокъ результата, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ имъ почувствовать, что съ нимъ надо считаться. Турки всегда были превосходными дипломатами. Почти византийская способность къ политической интригѣ словно унаслѣдована ими отъ древнихъ обладателей Константинополя. До сихъ поръ они проявляли эти дарованія въ борьбѣ съ европейской политикой. Теперь они дѣлаютъ это дома.

Итакъ, султану, на первыхъ же шагахъ нарушившему конституцію, пришлось имѣть дѣло съ протестомъ не этихъ удивительныхъ дипломатовъ-революционеровъ, а шейхъ-уль-ислама, вчера еще бывшаго главнымъ столпомъ стараго режима. Абдуль-Гамидъ съ всегда отличавшей его проникающей быстро оцѣнилъ положеніе и рѣшилъ послѣдовать примѣру шейхъ-уль-ислама. Этотъ сумѣлъ ориентироваться и ловкими маневрами сохранить свой авторитетъ среди общаго крушенія представителей старой системы: то же еще не поздно и для султана. Съ этого момента мы видимъ, что султанъ демонстрируетъ свое дружелюбное отношеніе къ младо-туркамъ. Онъ словно рѣшительно становится на ихъ сторону; даритъ комитету «Единеніе и прогрессъ» дворець, возлагаетъ на себя младо-турецкій значокъ, не противится сверженію своихъ любимцевъ и пѣлаго легіона всемогущихъ до сихъ поръ шпионовъ и чиновныхъ взяточниковъ; жертвуетъ крупныя суммы въ пустую государственную казну принимаетъ даже, по сообщеніямъ австрійскихъ газетъ, почетное предсѣдательство въ младо-турецкомъ комитетѣ и т. п., и т. п.

Конечно, требованіе шейхъ-уль-ислама исполняется безъ долгихъ колебаній. Великимъ визиремъ назначается Кіамиль-паша, входившій въ составъ министерства Саида-паши въ качествѣ министра безъ портфеля. Въ составъ министерства вошли такія популярныя личности, какъ Реджиб паша (къ несчастію, скоропостижно умершій вскорѣ послѣ назначенія младо-турокъ Экремъ-бей, армянинъ Нарадунганъ, грекъ Маврокордато другіе. Новое министерство—поистинѣ министерство опальныхъ. Больши

ство новых министровъ хорошо знакомо съ ужасной турецкой политической ссылкой и тюрьмой. Первые шаги министерства показали, что оно слѣдуетъ принятой младо-турками тактикѣ: предупредить реакцію, замѣняя конституціоналистами всѣхъ должностныхъ лицъ, которые извлекали особыя выгоды изъ стараго режима. Такой образъ дѣйствій далъ министерству возможность достигнуть и другой цѣли: сокращенія государственныхъ расходовъ путемъ уничтоженія болѣе двухъ тысячъ административныхъ и придворныхъ синегуръ.

Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ насъ сомнѣваться въ томъ пессимистическомъ отношеніи, которое проявила къ новорожденной конституціонной эрѣ въ Турціи значительная часть европейской прессы. Младо-турки, повидимому, вовсе не ослаблены своей побѣдой и не переоцѣниваютъ своихъ силъ. Всѣ ихъ дѣйствія доказываютъ, что они считаются съ возможностью контръ-революціонныхъ попытокъ и дѣятельно работаютъ надъ ослабленіемъ реакціонныхъ элементовъ. Несомнѣнно, что, быстро замѣщая своими несомнѣнными приверженцами всѣ болѣе или менѣе вліятельные административные посты въ имперіи падишаха, они создаютъ серьезныя препятствія реакціонной работѣ. Съ другой стороны, они принимаютъ предупредительныя мѣры другого рода: таково, наприимѣръ, назначеніе известной пенсіи большинству отставныхъ чиновниковъ, что имѣетъ цѣлью разрѣдить недовольные переворотомъ элементы и нѣкоторую, при томъ довольно значительную часть ихъ поставить хотя бы въ косвенную зависимость отъ руководимаго младо-турками правительства. Болѣе радикальные элементы требовали одно время распущенія султанской гвардіи и замѣны ея третьимъ корпусомъ. Но Абдуль-Гамидъ такъ рѣшительно воспротивился осуществленію этой мѣры, которая фактически сдѣлала бы его плѣнникомъ младо-турокъ, что большинство комитета «Единеніе и прогрессъ» предпочло остановиться на полумѣрѣ: именно на приведеніи всей гвардіи къ присягѣ на корабѣ въ вѣрности конституціи. Эта уступчивость является характерной для тактики младо-турокъ. Они, очевидно, не жаждутъ толкать султана на отчаянныя попытки, но склонны скорѣе создать такое положеніе, которое заставило бы его постепенно примириться съ положеніемъ. Любопытна въ этомъ отношеніи фраза, сказанная однимъ изъ виднѣйшихъ представителей младо-турецкаго комитета, Неджибъ-беємъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ парижскаго *Temps*: «мы теперь не только убѣждены въ искренности султана, но думаемъ даже, что ему суждено быть микадо Турціи».

Абдуль-Гамидъ въ роли Мутцухито. Это, конечно, надо принимать *sine grano salis*. Но самая фраза характерна. Она ярко опредѣляетъ если не намѣренія султана, то намѣренія младо-турокъ. А съ этимъ Европѣ и намъ въ томъ числѣ пришлось уже считаться.

Когда совершился переворотъ, передъ ошеломленной Европой всталъ вопросъ: кто же такіе младо-турки? Причемъ вопросъ далеко не академическій, а, какъ немедленно показали событія, очень и очень насущный.

Послѣ недолгихъ недоразумѣній, выяснилось, что младо-турки—націоналисты, но не въ французскомъ, оціозномъ оттѣнкѣ, а въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Ихъ лозунгъ не «Турція для турокъ», какъ одно время хотѣли думать нѣкоторые, но «Турція для всѣхъ турецкихъ гражданъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія». Для Европы это имѣло особенный и несомнѣнный смыслъ неожиданнаго разрѣшенія македонскаго, а, можетъ быть, и всего восточнаго вопроса. Младо-турки сразу и ясно дали понять, что не допустить, насколько отъ нихъ зависитъ, дальнѣйшей германской гегемоніи; съ другой стороны—они заявили, что македонскій вопросъ они считаютъ внутреннимъ дѣломъ Турціи, которое должно быть улажено безъ вмѣшательства державъ. Послѣдовавшее за объявленіемъ конституціи добровольное прекращеніе болгарскими, сербскими и греческими четами боевой дѣятельности создавало положеніе, лишавшее давно выработанный англо-русскій проектъ всякой реальной основы. Младо-турки рѣшили занять выжидательное положеніе, предоставивъ заинтересованнымъ державамъ самимъ сдѣлать первый шагъ.

Мы съ удовлетвореніемъ отмѣчаемъ, что наше министерство первымъ признало право конституціонной Турціи на самостоятельное разрѣшеніе національнаго вопроса въ своей странѣ. Замѣчательная нота русскаго правительства, отказавшагося отъ своего проекта по македонскимъ дѣламъ, явилась, конечно, актомъ необходимости, но, тѣмъ не менѣе, она не могла не произвести благопріятнаго впечатлѣнія. Можно, пожалуй, упрекнуть ее за чрезмѣрную сдержанность, въ которой сквозить какъ бы неувѣренность въ прочности положенія. Но важно все же то, что Россія приняла на себя инициативу кореннаго измѣненія ближне-восточной политики.

Весьма благопріятное впечатлѣніе произвели въ Турціи заявленія, сдѣланныя сэромъ Эвардомъ Греемъ въ палатѣ общинъ во время обсужденія бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ. Сэръ Грей указалъ, что единственной причиной всѣхъ золъ въ Македоніи было дурное и слабое управленіе. «Теперь,—сказалъ онъ,—изъ полученныхъ нами извѣстій видно, что четы разошлись. Если этимъ заканчивается дѣятельность четь, образованіе проектированнаго летучаго отряда бесполезно. Мы надѣемся, что балканскія государства, Болгарія и Сербія, такъ же, какъ и Греція, сдѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, съ цѣлью упрочить настоящее положеніе. Что касается Англіи, она будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы Македонія имѣла хорошее управленіе. Англія съ удовольствіемъ узнала, что султанъ провозгласилъ конституцію». Безусловно можно утверждать, что, если при новомъ порядкѣ вещей пошла бы рѣчь объ иностранномъ вліяніи въ Турціи, то наибольшіе шансы имѣть въ настоящее время Англія. Имѣемъ ихъ и мы, если послѣдовательно будемъ держаться политики невмѣшательства и искренняго благожелательства дѣлу свободы и возрожденія. Во всякомъ случаѣ, передъ нашимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ стоитъ теперь крайне серьезная задача пересмотра всей ближне-восточной политики. «Большой человекъ» взялъ свой одръ и пошелъ. Моментъ для насъ благопріятенъ.

тень. Его надо использовать. Если приходится высказывать нѣкоторые сомнѣнія, то это плодъ горькаго опыта. Мы должны сдѣлать теперь въ Турціи то, что такъ легко намъ давалось и чего мы все же не сдѣлали въ Персіи. Мы могли укрѣпить тамъ свое мирное вліяніе за два послѣднихъ года такъ, какъ этого никогда не сдѣлать силой. Въмѣсто этого мы создали положеніе, грозящее намъ, если не теперь, то въ будущемъ, серьезными затрудненіями. Эта ошибка не должна быть повторена въ Турціи.

Берлинъ поздравляетъ теперь падишаха съ конституціей. Въ этомъ много трагизма. Стоитъ припомнить быстрый ростъ вліянія «единственнаго друга Абдуль-Гамида», вспомнить, на чемъ зиждилось это вліяніе, какой цѣной оно покупалось [въ года армянской рѣзни, чтобы не увидеть въ искусственно спокойномъ тонѣ офиціозныхъ германскихъ газетъ старанія faire bonne mine au mauvais jeu. *Vossische Zeitung* лукаво отмѣчаетъ, что въ день провозглашенія конституціи всѣ европейскіе станціонеры, находившіеся въ это время на константинопольскомъ рейдѣ, разукрасились флагами, кромѣ германскихъ. И, дѣйствительно, официальной Германіи радоваться нечему. Ни для кого не тайна, какой грандіозный планъ мелѣялъ Вильгельмъ II. «Великая Германія», протянувшаяся черезъ Балканскій полуостровъ въ Малую Азію, — это не такая мечта, отъ которой можно отказаться съ легкимъ сердцемъ. Національное возрожденіе Турціи подъ руководствомъ либеральныхъ элементовъ владеть конецъ всѣмъ подобнымъ планамъ. Извѣстно, какъ враждебно относятся младо-турки къ мирному завоеванію Малой Азіи германскими концессионерами и колонистами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякая дальнѣйшая дѣятельность Германіи въ этомъ направленіи встрѣтитъ теперь самое упорное сопротивленіе. Что бы ни говорили офиціозы о всегдашней поддержкѣ, которую якобы находили въ Германіи турецкіе элементы имперіи падишаха, это не переброситъ моста между младо-турками и Берлиномъ. Да это и неправда. Германія игнорировала интересы христіанскихъ народностей Турціи—это правда. Но отъ этого еще далеко до той странной роли покровительницы магометанъ, которой Германія старается теперь прикрыть свои обманутыя территориальныя и коммерческія вождедѣнія. Въ воззваніяхъ младо-турецкихъ комитетовъ рѣзко осуждается политика Вильгельма II, поддержка котораго слишкомъ дорого стоила Турціи.

Австрія съ нескрываемой тревогой смотритъ на турецкія событія, касающіяся ея непосредственно и ближе, чѣмъ кого бы то ни было. Въ настоящій моментъ оккупированныя Австріей турецкія области, Боснія и Герцеговина, населенныя въ значительной степени магометанскимъ элементомъ, несомнѣнно проявятъ сильнѣйшее тяготѣніе къ Турціи. Эти провинціи являются теперь единственной частью Европы, лишенной конституціоннаго режима. Въ Вѣнѣ и Будапештѣ уже поговариваютъ о дарованіи Босніи и Герцеговинѣ автономнаго самоуправленія. Но то, что годъ тому назадъ, можетъ быть, привязало бы эти области къ австро-венгерскому государству, теперь, пожалуй, явится запоздалымъ паллиативомъ. Въ печать уже проникли свѣдѣнія о крайне повышенномъ настроеніи, про-

явившемся въ оккупированныхъ земляхъ немедленно послѣ провозглашенія турецкой конституціи. Стало извѣстно о петиціи къ султану, которую готовятъ теперь боснійскіе магометане. Надо имѣть также въ виду, что тѣ статьи берлинскаго трактата, которыя предоставили Австріи оккупацию Босніи и Герцоговины, могутъ именно теперь истолкованы въ смыслѣ безцѣльности ея дальнѣйшаго существованія. Мы полагаемъ, что находящіеся у власти младо-турки рано или поздно предъявятъ такую точку зрѣнія на положеніе провинцій.

Переходя теперь къ балканскимъ государствамъ, мы должны отмѣтить, что Сербія, повидимому, вполне удовлетворена происшедшими событіями, которыя даютъ сербамъ-македонцамъ неожиданную возможность разсчитывать на болѣе благопріятное для нихъ разрѣшеніе національнаго вопроса. Въ сожалѣнію, нельзя того же сказать о Болгаріи, ея политика еще не выяснилась, но передъ нами лежитъ любопытный документъ, проливающий свѣтъ на отношеніе болгаръ къ новой постановкѣ національнаго вопроса въ Турціи. Это—заявленія члена такъ называемой внутренней организаціи г. Пинчева.

«Внутренняя организація, —заявляетъ г. Пинчевъ,—готова временно приостановить дѣятельность болгарскихъ комитетовъ и четь въ Македоніи, чтобы не мѣшать проведенію въ жизнь конституціи. Но комитеты не будутъ распущены, и мы въ цѣломъ сохранимъ всю нашу теперешнюю организацію; мы возобновимъ свою дѣятельность въ случаѣ, если конституція останется мертвой буквой. Но внутренняя организація ручается, что никогда не прибѣгнетъ къ иностранному вмѣшательству; она будетъ дѣйствовать только тѣми силами, которыми она располагаетъ въ странѣ.

Обвиненія въ томъ, что внутренняя организація хотѣла работать въ направленіи раздѣла Македоніи или присоединенія ея къ Болгаріи—ложны. То, къ чему она стремилась, сводится къ пріобрѣтенію для болгарскаго населенія Македоніи и Адрианопольскаго вилайета минимума реальныхъ правъ, который далъ бы ему возможность жить спокойно и безпрепятственно идти по пути прогресса.

Возстановленную нынѣ конституцію 1876 года внутренняя организація принимаетъ только съ оговорками; она будетъ стараться ввести въ нее расширеніе свободы собраній и союзовъ, а также принципъ областного самоуправленія. Это вызоветъ, можетъ быть, необходимость произвести разграниченіе новыхъ областей имперіи *съ цѣлью болѣе правильной группировки народностей*. Послѣ такого разграниченія эти новыя области должны получить право полного самоуправленія во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, включая сюда и мѣстный бюджетъ, посредствомъ областныхъ представительныхъ учреждений».

Мы отмѣтили курсивомъ два выраженія г. Пинчева, которыя даютъ настоящее время возможность судить о будущей тактикѣ македонскихъ болгаръ. Повидимому, они дѣйствительно склоняются къ примирительной политикѣ съ условіемъ введенія автономнаго областного самоуправленія

Но темной точкой на горизонтѣ несчастной Македоніи остается все тотъ же роковой вопросъ о сферѣ вліянія различныхъ населяющихъ ее народностей. Ясно, что «за болѣе правильной группировкой народностей», которая по схемѣ болгарской внутренней организаціи должна опредѣлять будущую организацію областей имперіи, въ данномъ же случаѣ Македоніи, скрываются тѣ элементы междоусобной распри, которыя раздирали до сего дня несчастную страну. При опредѣленіи этой «болѣе правильной группировки» несомнѣнно снова выступятъ непримиримыя притязанія греческихъ патріархистовъ и болгарскихъ экзархистовъ. Возникнетъ движеніе и среди сербовъ, которымъ не можетъ улыбаться положеніе между молотомъ и наковальной. Неосторожная и агрессивная политика болгаръ не можетъ, наконецъ, не встрѣтить рѣшительнаго противодѣйствія со стороны турецкаго элемента, который явится въ лицѣ младо-турокъ хранителемъ единства и нераздѣльности имперіи и блюстителемъ правъ меньшинства.

Другая болгарская организація, такъ называемый болгаро-македонскій комитетъ, держится настолько выжидательной политики, что она не можетъ не вызывать подозрительнаго отношенія въ Турціи. Одинъ изъ видныхъ членовъ его, занимающій высокое официальное положеніе въ княжествѣ, бесѣдовалъ съ корреспондентомъ *Temps* и высказалъ нѣсколько очень интересныхъ соображеній. Въ княжествѣ, по его словамъ, относятся очень сочувственно къ восстановленію мирнаго хода вещей въ Македоніи. Однимъ изъ немаловажныхъ мотивовъ такого отношенія къ турецкимъ событіямъ является открывшаяся теперь возможность возвращенія на родину полтора-два тысячъ македонцевъ, эмигрировавшихъ въ Болгарію и лежащихъ тяжелой обузой на небогатой странѣ. «Но,—сказалъ онъ,—младо-турки должны знать, что при первой же попыткѣ съ ихъ стороны повернуть новый порядокъ вещей только въ свою пользу, борьба возобновится съ прежней силой, и имъ невозможно будетъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Они не должны забывать, что первыми подняли знамя возстанія не они. Это сдѣлали македонскіе болгары». Чего же хочетъ болгаро-македонскій комитетъ отъ турецкаго правительства? «Всѣ народности, населяющія имперію, въ частности Македонію, должны участвовать въ высшемъ и областномъ управленіи пропорціонально ихъ количественному и качественному значенію (*importance et valeur*). Въ Македоніи болгары являются наиболѣе многочисленной народностью; они многочисленнѣе грековъ, купчаваловъ и сербовъ. Далѣе они представляютъ наиболѣе образованный и наиболѣе (*включая и младо-турокъ*) способный къ прогрессу элементъ. Впрочемъ, когда соберется парламентъ, на общей работѣ всякій покажетъ, что онъ стоитъ».

Такова въ общемъ болгарская точка зрѣнія на событія. Опредѣленно выясняется, что болгаро-македонскія организаціи ни въ княжествѣ, ни въ Македоніи до сихъ поръ не отказываются отъ стремленій рѣзко націоналистическаго характера. Тотъ же крупный болгарскій дѣятель, опровергая слухи объ агрессивныхъ намѣреніяхъ княжества, замѣтилъ, что

«болгары тѣмъ не менѣе, конечно, воспользуются обстоятельствами, если они сложатся такъ, что явится возможность соединить всѣхъ болгаръ въ одну націю». Такое настроеніе отнюдь не даетъ основанія къ оптимистическому прогнозу. Однако, по послѣднимъ извѣстіямъ, повидимому, получаетъ все болѣе и болѣе авторитетъ точка зрѣнія извѣстнаго четника Санданскаго, сторонника лозунга «Македонія для македонцевъ», что совпадаетъ съ намѣреніями младо-турокъ и со взглядами великихъ державъ.

Другой черной точкой на политическомъ горизонтѣ молодой конституціонной Турціи является положеніе на островѣ Критѣ, гдѣ антагонизмъ между эллинистически настроеннымъ греческимъ населеніемъ и турками настолько можно судить по полученнымъ скуднымъ извѣстіямъ, разгорѣлся съ новой силой на почвѣ предстоящихъ выборовъ въ турецкій парламентъ. Греки отказываются посылать депутатовъ въ Константинополь, говоря, что мѣсто ихъ представителей въ Афинахъ. Турецкая печать, по предложенію младо-турецкаго комитета, замалчиваетъ критскія дѣла. Однако, по частнымъ свѣдѣніямъ, мы предполагаемъ, что въ данномъ случаѣ новое турецкое правительство тѣмъ или инымъ способомъ используетъ международныя соглашенія, охраняющія status quo на Критѣ.

Тревожно также положеніе въ Малой Азіи, гдѣ можно ждать даже образованія организованнаго реставраціоннаго движенія со стороны курдовъ, пользовавшихся при прежнемъ режимѣ привилегированнымъ положеніемъ патентованныхъ и безответственныхъ патриотовъ, получившихъ свободу грабежа и разбоевъ за «особыя услуги» вродѣ рѣзни мятежныхъ армянъ. Возможны волненія и въ Аравіи. Въ печати появились свѣдѣнія о рѣзко оппозиціонной по отношенію къ новому режиму позиціи, которую занялъ меккскій шерифъ.

Въ заключеніе мы считаемъ небезынтереснымъ привести выдержку изъ обширныхъ объясненій, данныхъ Кіамиль-пашой незадолго до назначенія его великимъ визиремъ, по вопросу объ иностранной политикѣ Турціи. Конечно, ходъ событій можетъ не оправдать всѣхъ его взглядовъ; но въ настоящее время на его заявленія можно смотрѣть, какъ на правительственную программу.

«Мы желаемъ быть въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣми,—сказалъ Кіамиль-паша.—Болгарія, Сербія и Греція имѣли нѣкоторые виды, которые они оставляютъ, конечно, въ виду новаго положенія вещей. Если *Болгарія* будетъ упорствовать, она сможетъ дѣйствовать не иначе, какъ при поддержкѣ одной державы; я убѣжденъ, что поддержка эта была бы только моральной. Но я увѣренъ, что спокойствіе не будетъ нарушено; объ этомъ позаботятся европейскія державы. До сихъ поръ мы были покинуты, потому что дѣйствовали по отношенію къ нимъ некорректно. Такъ потеряли мы поддержку тѣхъ державъ, которыя должны были интересоваться нами. Мы надѣемся приобрѣсти поддержку *Франціи и Англіи Австріи такъ же, какъ имѣемъ поддержку Германіи, которая была намъ, впрочемъ, мало полезна до сихъ поръ*».

Въ словахъ Кіамиль-паши прежде всего звучитъ нескрываемое недовѣріе къ Болгаріи и къ Германіи. Выясняется новая линія турецкой вѣдшей политики, которая пойдетъ на Парижъ и на Лондонъ. Но наше вниманіе останавливается прежде всего на томъ риторическомъ приѣмѣ, который называется «умолчаніемъ». А Россія? Англо-франко-русское соглашеніе должно было бы давать прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ. Или въ Константинополѣ не вѣрятъ въ устойчивость нашей политики? Не о Тегеранѣ ли вспомнилъ Кіамиль-паша? Это вопросы тревожные для насъ. Мы должны доказать не словами только, а реальными политическими шагами, чего мы хотимъ на Ближнемъ Востокѣ. Этого требуютъ и интересы и достоинство великой страны.

Шумъ турецкихъ событій заглушилъ залпы салютовъ, которыми обмѣнивались русскія и французскія суда на ревальскомъ рейдѣ во время встрѣчи Государя съ президентомъ Фальеромъ. Свиданіе это, которое должно было явиться торжественнымъ подтвержденіемъ тройственного соглашенія, не потеряло, конечно, своего характера мирной демонстраціи, но въ дѣловой своей части, поскольку она касалась только что достигнутаго Россіей съ Англіей соглашенія по македонскому вопросу, потеряло значительную долю политической важности. Если бы положеніе вещей въ Турціи не измѣнилось, и въ Ревелѣ рѣчь шла бы о дѣйствіяхъ Германіи и Австріи въ Турціи—мы говоримъ о военной конвенціи—глаза всего міра были бы снова прикованы къ ревальскому рейду, какъ это было во время свиданія Государя съ англійскимъ королемъ. Также мало замѣтнымъ прошло свиданіе въ Ишикѣ, гдѣ Эдуардъ VII бесѣдовалъ съ престарѣлымъ Францемъ-Иосифомъ.

Но свиданіе въ Бронбергѣ не можетъ не остановить на себѣ самаго серьезнаго вниманія наблюдателя. Кѣмъ было вызвано это свиданіе? Дядей или племянникомъ? Побѣдителемъ или побѣжденнымъ? Вопросъ этотъ остается открытымъ. Гораздо важнѣе, что свиданіе это, повидимому, осталось безуспѣшнымъ. Теперь стало почти несомнѣннымъ, что рѣчь шла о сокращеніи вооруженій. И вотъ черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія становится извѣстнымъ, что Англія приступаетъ къ новой колоссальной программѣ военнаго судостроительства, которое надолго обезпечитъ ей морское первенство «надъ флотами любыхъ двухъ европейскихъ державъ». Крайне интересно, что, когда Вильгельмъ II, въ последнее пребываніе свое въ Англіи, мѣсяца черезъ два послѣ петербургской конвенціи, предлагалъ британскому министерству соглашеніе, какъ увѣряла тогда вся европейская пресса, однимъ изъ главныхъ мотивовъ уклоненія англичанъ отъ переговоровъ была только что опубликованная грандіозная германская морская программа. Не мѣшаетъ также припомнить ту крайне недвусмысленную роль Германіи на второй гаагской конференціи, которая воспрепятствовала хотя бы частичному проведенію въ жизнь англійской пасифистской программы, провозглашенной въ исторической рѣчи покойнаго либе-

рального премьера Кэмпбелля-Баннермана. Германская политика продолжает идти по тому пути, который привел ее къ изоляціи. Этотъ выводъ поневогѣ напрашивается каждый разъ, когда она даетъ чувствовать, какимъ несноснымъ бременемъ лежитъ на Европѣ питаемый и поддерживаемый, главнымъ образомъ, ею милитаризмъ. Все болѣе и болѣе приходится убѣждаться въ недалновидности и роковой неприспособности ея политическаго курса. *Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu.*

Но страна далеко не настроена такъ же, какъ правительство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ органовъ полуофіціознаго характера и консервативныхъ, отнесшихся къ свиданію въ общемъ отрицательно. Въ ихъ отзывахъ слишкомъ живо проглядываетъ неулгшееся раздраженіе. *Deutsche Rundschau*, напримѣръ, иронически сомнѣвается въ томъ, чтобы Эдуардъ VII могъ подарить своему царственному племяннику дружбу Англіи. *Deutsche Tageszeitung* рѣзко возстаетъ противъ соглашенія съ Англіей на основаніи сокращенія вооруженій. «Не надѣется ли германская печать купить такимъ путемъ симпатіи Англіи?»—спрашиваетъ газета.

Зато болѣе серьезные органы, какъ *Frankfurter Zeitung*, *Berliner Tageblatt* и другіе высказываются иначе. *Frankfurter Zeitung* помѣстила на шумѣвшую статью, въ которой говорить, что пора положить конецъ взаимному раздраженію. «Германіи часто ставили въ упрекъ,—говоритъ газета,—что она ведетъ себя, какъ выскочка. Много примѣровъ оправдываютъ, повидимому, такое сужденіе. Въ то время, какъ другія державы во главѣ съ Англіей безъ шума и спокойно шли своимъ путемъ, мы были убѣждены, что никогда не лишнее возможно больше лѣзть на видъ. Безумолку мы кричали въ уши всему міру, что мы сильны и могущественны, пока, наконецъ, за границей не привыкли видѣть докучнаго бахвальства въ томъ, чѣмъ мы хотѣли выразить сознаніе нашей силы и могущества. Конечно, все это не могло заставить полюбить насъ».

Мы продолжаемъ думать, что въ ближайшемъ будущемъ правительственная политика должна вызвать въ Германіи дальнѣйшій ростъ общественнаго мнѣнія, который рано или поздно значительно отразится на ней. Въ настоящій моментъ чѣмъ-то лихорадочнымъ вѣетъ отъ судорожныхъ стараній германской дипломатіи сохранить непримиримую позицію. Это становится очень трудно. Пьедесталъ слишкомъ малъ. Эдуардъ VII позаботился объ этомъ.

Законодательство и жизнь.

Тяжелое положеніе прогрессивной періодической печати и публицистики. Пониженіе потребности въ чтеніи и общей культуры. Возвращеніе къ давнопрошедшему міросозерданію. Кіевскій миссіонерскій съездъ. Связь образованности съ матеріальнымъ благосостояніемъ. Насажденіе хозяйственной культуры сверху и пренятствія ея самостоятельному развитію. Наша бѣдность и попытки борьбы съ нею.

Тяжелое чувство долженъ въ настоящее время испытывать публицистъ-обозрѣватель. О чемъ говорить? И главное, кому говорить и для чего говорить? Можно во всякое время писать о наукѣ, излагать результаты научнаго изученія, можно внѣ непосредственной связи съ текущей дѣйствительностью изображать картины природы и жизни и вѣчныя движенія человѣческой души; хотя послѣднее уже гораздо труднѣе, все же и поэтическая литература, подобно научной, имѣетъ свои постоянные интересы, болѣе или менѣе независимые отъ интересовъ данной минуты. Но для публициста, въ особенности публициста-обозрѣвателя, нужна болѣе близкая, болѣе непосредственная связь съ даннымъ временемъ, нужна солидарность съ читателемъ, не какъ съ читателемъ въ тѣсномъ смыслѣ, отъ времени до времени «почитывающимъ» то, что писатель «пописываетъ», но какъ съ общественнымъ дѣятелемъ или, по крайней мѣрѣ, единицей въ общей суммѣ общественной дѣятельности; нужно, чтобы онъ былъ готовъ сочувственно или полемически, но, во всякомъ случаѣ, искренно и съ интересомъ откликнуться на обращенный къ нему призывъ. Всякая публицистика есть, если не прямой призывъ къ дѣлу, то попытка разъясненія, подготовка къ чему-нибудь такому, что должно быть не только воспринято, но выполнено, совершено, и совершено именно тѣмъ читателемъ, къ которому обращается публицистика. И вотъ такого живого отклика, такой готовности принять дѣятельное участіе въ подготовкѣ и выполненіи того, къ чему направлены призывы публицистики, мы въ настоящее время почти не видимъ, не видимъ не только тогда, когда съ читателемъ бесѣдуетъ кто-либо изъ заурядныхъ публицистовъ и о предметахъ или слишкомъ сложныхъ, или незатрогивающихъ вопросовъ, непосредственно близкихъ всякому человѣку. Недавно Л. Н. Толстой, человѣкъ, къ слову котораго, во всякомъ случаѣ, такъ или иначе прислушивается вся Россія,

написать статью под названіемъ: «Не могу молчать». Статья эта въ полномъ своемъ видѣ была напечатана только въ иностранныхъ газетахъ, но выдержки изъ нея, дающія ясное понятіе о ея содержаніи, помѣщены были въ *Речи* и *Словъ* и затѣмъ перепечатаны въ нѣсколькихъ другихъ газетахъ. Толстой говоритъ о предметѣ всѣмъ извѣстномъ и который, казалось бы, долженъ былъ одинаково быть ужаснымъ для всѣхъ, о непрерывно продолжающихся у насъ смертныхъ казняхъ, о развращающемъ ихъ вліяніи на народъ, о томъ, что ни тюрьмами, ни ссылками, ни казнями нельзя измѣнить настроеніе народа и вернуть его къ прежнему состоянію. Какой же результатъ имѣло это письмо? Никакого общественнаго протеста не воспослѣдовало. Нѣсколько газетъ општрафовано за напечатаніе выдержекъ изъ письма Толстого. Тѣмъ дѣло и кончилось. И у насъ еще хватаетъ духа по поводу того же Толстого разсуждать о празднованіи его восьмидесятилѣтняго юбилея. Какое тутъ можетъ быть празднованіе, которое должно совершаться въ условіяхъ, въ виду которыхъ самъ юбиляръ выражаетъ искреннее желаніе попасть въ тюрьму или даже быть повѣшеннымъ, чтобы только избавиться отъ солидарности, хотя бы внѣшней, съ такими условіями?

Но это между прочимъ. А мы привели этотъ эпизодъ съ письмомъ Л. Н. Толстого, какъ особенно ясный примѣръ слабой моральной связи нашего читателя даже съ такой исключительной величиной между писателями какъ Толстой и въ такомъ исключительно ясномъ, важномъ и глубоко затрагивающимъ общечеловѣческое чувство вопросѣ, какъ вопросѣ о массовыхъ смертныхъ казняхъ. Припомнимъ и сравнимъ хотя бы эффектъ, произведенный во французской читающей публикѣ знаменитымъ «*j'accuse*», касавшимся тоже важнаго дѣла: возстановленія сознательно нарушенной властью справедливости, но все же ни по размѣрамъ, ни по силѣ возбуждаемаго имъ ужаса, не равнаго томудѣлу, о которомъ пишетъ Толстой. Чѣмъ же можетъ быть объяснено такое различное отношеніе? Прежде всего конечно тѣмъ, что никакія публицистическія сужденія объ общественныхъ дѣлахъ на темы о томъ, что надо дѣлать, чтобы выйти изъ существующаго положенія и направить общественную жизнь на путь законности, самостоятельности и прогресса, или просто не доходятъ до громаднаго большинства русскаго населенія, или не проникаютъ въ сознаніе той его части, до которой они сравнительно имѣютъ большую возможность доходить. Въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, для которыхъ чтеніе газетъ и журналовъ сравнительно болѣе доступно, дѣйствіе этого чтенія ничтожно по двумъ причинамъ: съ одной частью этого общества приходится говорить на совершенно разныхъ языкахъ и она недоступна ни для какого прогрессивнаго вліянія не только въ силу своихъ личныхъ и классовыхъ тенденцій, но, что въ данномъ случаѣ пожалуй еще важнѣе, въ силу совершенной неспособности критически отнестись къ своему традиціонному пониманію и настроенію, неспособностью тѣмъ болѣею, чѣмъ данное лицо болѣе забронировано отъ всякой критики и всякаго внѣшняго вліянія свои

положеніемъ и условіями своей личной жизни. Напротивъ, для другой части общества, для которой прогрессивная періодическая литература тоже сравнительно болѣе доступна, все, что можетъ сказать теперешняя публицистика, представляетъ собою ein überwundenes Standpunkt, давно обсуженный и тагъ или иначе рѣшенный каждымъ и который можетъ возбуждать живой интересъ въ этой части общества лишь въ случаѣ предполагаемой возможности практическаго примѣненія. Но на практическое выполненіе имѣющихся въ этой сферѣ рѣшеній въ настоящее время не имѣется никакихъ надеждъ, и прогрессивная часть интеллигентнаго общества менѣе всего чувствуетъ себя въ состояніи выполнить эти рѣшенія своими собственными силами. Отсюда угасаніе въ немъ интереса къ общественной работѣ и въ частности къ публицистикѣ и переходъ къ другимъ дѣламъ, отчасти личнаго характера, отчасти научнаго. Сообразно съ этимъ и отъ чтенія требуется или научность, или, что гораздо чаще, простая занимательность его содержанія. Что касается до тѣхъ глубокихъ и обширныхъ народныхъ слоевъ, на которые только и можно бы было пытаться воздѣйствовать съ надеждой на сколько-нибудь серьезные практическіе результаты, то они, какъ извѣстно, съ особенною тщательностью охраняются отъ такого воздѣйствія. Прежде всего вообще всякая періодическая, особенно газетная литература стѣснена до послѣдней возможности и не столько даже общими законами или правилами, сколько исключительными положеніями, при которыхъ по части «чрезвычайныхъ мѣръ охраны» протівъ печати происходитъ состязаніе между «децентрализованными» властями. Изъ этой децентрализаціи происходитъ то, что вся періодическая печать постоянно находится подъ дамокловымъ мечомъ административной репрессіи, не зная за что и какой карѣ можетъ подвергнуться то или иное изданіе

Черная туча, большая, большая
 Прямо надъ нами висить,
 Приснетъ изъ тучи стрѣла громовая,
 Въ чей она домъ споровить?

Речь приводитъ слѣдующій мартирологъ русскихъ поврежденныхъ изданій за первую половину нынѣшняго года (январь—іюнь), составленный на основаніи газетныхъ данныхъ, вѣроятно не совсѣмъ полныхъ. За это время въ равныхъ городахъ Россіи подверглось штрафу 78 поврежденныхъ изданій на общую сумму въ 39,950 р. Въ этомъ числѣ одна газета была оштрафована на 3,000 р., 2—по 1,500 р., 14—по 1,000 р., 23—по 500 р., 18—по 300 р., 3—по 150 р., 6—по 100 р. и 2 по 50 р. По городамъ число случаевъ наложенія штрафа распределяется такъ: Въ С.-Петербургѣ—14, въ Москвѣ—12, прочіе въ провинціальныхъ городахъ, больше всего въ Кіевѣ (10 случаевъ), Варшавѣ (7), затѣмъ въ Вяткѣ (4), въ Ригѣ, Саратовѣ и Тифлисѣ (по 3 раза). Многія изданія были оштрафованы по два раза.

Такое неустойчивое положеніе періодической литературы, ставящее ее и съ матеріальной стороны въ полную зависимость отъ совершенно не-

предвидимых произвольных распоряжений администрации, естественно дѣлаетъ для нее невозможнымъ широкое ея распространеніе, отчасти лишая ее средствъ, не рискующихъ идти на дѣло, въ которомъ невозможенъ никакой расчетъ, отчасти сокращая постоянную подписку. Наиболѣе страдаютъ отъ этого, конечно, провинціальныя читатели, тѣмъ болѣе, что провинціальная печать находится въ среднемъ выводѣ еще въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ столичная, какъ со стороны недостатка средствъ, такъ и со стороны ея зависимости отъ администрации. Въ результатъ населеніе, особенно деревенское, перестаетъ читать. Извѣстно, что во время войны и вскорѣ послѣ нея въ деревнѣ было очень повышенное требованіе на газеты; теперь по наблюденіямъ деревенскихъ жителей оно значительно ослабло. Года два-три тому назадъ было тоже очень большое требованіе на популярныя брошюры экономического и публицистическаго характера. Отчасти оно обусловлено было участіемъ въ распространеніи такого рода брошюръ тогдашняго земства. Теперешнее земство конечно, такимъ дѣломъ уже болѣе не занимается. Но кромѣ того и само населеніе до извѣстной степени потеряло вкусъ, какъ спеціально къ такого рода брошюрамъ, такъ и вообще къ чтенію по политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Произошло это отчасти потому, что многое уже прочитано и не представляетъ новости, отчасти же потому, что читатели изъ народа извѣрились въ непосредственно практическомъ значеніи такого чтенія. Разумѣется и административныя задержки такого рода произведеній сыграли въ этомъ дѣлѣ важную роль. Едва ли поможетъ дѣлу въ настоящее время состоявшееся недавно рѣшеніе правительствующаго сената объ отиѣнѣ циркуляра министра Сипягина, которымъ было ограничено изданіе книгъ земствомъ. Теперь и безъ помѣхи сверху земство само имѣетъ повидимому очень мало желанія заниматься книгоиздательствомъ. Вообще всюду замѣчаются симптомы не только пониженія потребности къ чтенію, но и культуры вообще. Правда, въ глубокихъ народныхъ слояхъ идетъ несомнѣнная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей и переработка традиціоннаго міросозерцанія. Но эта работа совершается незамѣтно. На виду же происходитъ все болѣе явное и откровенное возвращеніе къ міровоззрѣнію прямо средневѣковому. Представителемъ этого откровеннаго направленія въ послѣднее время явился происходившій въ Кіевѣ въ іюлѣ миссіонерскій съѣздъ. Хотя онъ и назывался миссіонерскимъ, и официальной задачей своей ставилъ разсмотрѣніе только миссіонерскихъ дѣлъ, но по составу своему и по тѣмъ вопросамъ, которыхъ онъ касался, онъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ церковнаго собора, созваннаго со спеціальнѣю цѣлью высказаться противъ свободы совѣсти и тѣхъ законовъ послѣдняго времени, которыми этой свободѣ были сдѣланы нѣкоторыя уступки. ¹ В этомъ отношеніи миссіонерскій съѣздъ напоминалъ другой съѣздъ, бывшій тоже недавно, — дворянскій. Какъ послѣдній, не считаясь ни съ исторіей ни съ общественнымъ мнѣніемъ, ни даже съ положительнымъ закономъ откровенно выражалъ желаніе и надежду возвратиться къ сословнымъ и

вылегать и вообще къ сословному строю, существовавшему во времена близкія къ крѣпостному праву, такъ кievскій миссіонерскій съѣздъ не только игнорировалъ умственное и нравственное движеніе послѣдняго времени, направленное къ свободѣ совѣсти, но даже отнесся явно враждебно и къ такимъ неполнымъ выраженіямъ вѣротерпимости, какъ законъ 17 апрѣля и послѣдующія, вытекающія изъ него правительственныя распоряженія.

Съ самаго начала съѣздъ занялъ боевое положеніе. Правда, присутствовавшій на съѣздѣ оберъ-прокуроръ синода высказалъ при открытіи съѣзда, что послѣ указа 17 апрѣля 1905 года, даровавшаго всѣмъ русскимъ подданнымъ свободу вѣроисповѣданія, православіе ограждается уже не внѣшнею силой, а силой внутренняго убѣжденія; но, не говоря уже о томъ, что такое общее положеніе и въ столь широкой формѣ далеко не подтверждается фактически, тотъ же ораторъ въ концѣ своей рѣчи перешелъ въ другой тонъ, обвинивъ инославіе въ томъ, что оно вмѣсто благодарности за «великодушный даръ Государя Императора», стало мѣстами угрожать православію и въ заключеніе счелъ нужнымъ высказать, что дарованныя свободы «даны не на ослабленіе и разореніе православія». Изъ дальнѣйшаго хода съѣзда вполне выяснилось, что участники его не только совершенно не представляли себѣ возможности равноправнаго отношенія православія къ другимъ религіямъ и исповѣданіямъ, но, напротивъ, все время стояли на той точкѣ зрѣнія, что единственнымъ полноправнымъ исповѣданіемъ можетъ быть только православіе, остальные же если терпимы, то лишь въ силу необходимости, но со всѣми ими православіе должно вести непримиримую борьбу. Эта борьба должна вестись не только противъ ученій и сектъ, возникшихъ въ средѣ самого православія, но и противъ такихъ исторически-утвердившихся и давно признаваемыхъ и русскими законами вѣроисповѣданій, какъ римско-католическое, протестантское и магометанское. Притомъ борьба эта, очевидно, понималась съѣздомъ вовсе не въ смыслѣ свободного спора, а въ смыслѣ прямой враждебности къ несогласно-мыслящимъ. Такъ, напримѣръ, относительно римско-католиковъ съѣздъ призналъ «отраднымъ явленіемъ» секту маріавитовъ, потому что она вноситъ расколъ въ среду католиковъ. Затѣмъ съѣздъ постановилъ: предотвращать (какимъ путемъ?) посѣщеніе православными костеловъ; ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о подтвержденіи преимуществъ православной церкви, какъ господствующей и имѣющей исключительно передъ другими вѣроученіями право свободного привлеченія послѣдователей, вслѣдствіе чего запретить въѣздъ въ Россію иностранныхъ миссіонеровъ. Православныхъ, переходящихъ въ другія исповѣданія,—хотя это и разрѣшено закономъ, постановлено торжественно предавать анаемѣ. На возраженіе, что въ обществѣ анаематствованіе признается актомъ мести, председательствующій, Антоній, архіепископъ волынской, отвѣчалъ: «Мы интеллигентной публикѣ угодить не можемъ», и съѣздъ остался при своемъ постановленіи. Наибольшее впечатлѣніе на публику произвело постановленіе съѣзда о недопустимости браковъ православныхъ съ иновѣрными

и инославными. Исключение допущено только для холмской, варшавской, рижской и финляндской епархій, и то съ разрѣшенія мѣстнаго архіерея и отобраніи отъ вступающаго въ бракъ съ иновѣрцемъ православнаго подписки о томъ, что онъ останется вѣренъ православію; совращеніе же православнаго члена семьи иновѣрцемъ должно служить достаточнымъ основаніемъ къ расторженію брака. Если бы это постановленіе, о введеніи котораго въ законодательство съѣздъ постановилъ ходатайствовать, осуществилось, то оно возвратило бы насъ не ко времени до 17 апрѣля 1905 г., а почти на два вѣка назадъ, такъ какъ смѣшанные браки разрѣшены были еще Петромъ Великимъ и съ тѣхъ поръ это разрѣшеніе сохранялось въ русскихъ законахъ. Требовалось только, чтобы дѣти, родившіяся отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, воспитывались въ православной вѣрѣ, но теперь, съ дозволеніемъ перехода изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе, отпало и это требованіе. И вотъ теперь миссіонерскій съѣздъ не усомнился потребовать возстановленія допетровскихъ порядковъ, не стѣняясь тѣмъ, что къ этимъ неполноправнымъ, по его взгляду, религіямъ принадлежитъ свыше 35 милліоновъ русскихъ гражданъ, не считая сектантовъ, отклонившихся отъ православія, относительно которыхъ съѣздъ сдѣлалъ такое же постановленіе. Стремленіе во что бы то ни стало привлечь къ православію доводило съѣздъ до совершенно неожиданныхъ съ его стороны рѣшеній; напримѣръ, немедленно удовлетворить земельную нужду православныхъ крестьянъ въ Западномъ краѣ; принудительно отчуждить православнымъ крестьянамъ майоратныя имѣнія, владѣльцы которыхъ не живутъ на своихъ земляхъ; издать законъ, согласно которому въ Западномъ и Юго-западномъ краѣ продажа помѣщичьей земли можетъ производиться только въ руки православныхъ. Такимъ образомъ, то, что консервативными и реакціонными партіями, а вмѣстѣ съ ними и правительствомъ, считается недопустимымъ и даже революціоннымъ, какъ принудительное отчужденіе, становится какъ требованіе самымъ реакціоннымъ собраніемъ, когда дѣлается противъ иновѣрцевъ въ пользу православныхъ. Дальше этого едва ли можетъ идти смѣшеніе матеріальныхъ интересовъ съ религіозными и заманываніе въ православіе черезъ матеріальныя выгоды. Еще болѣе въ понятіяхъ участниковъ съѣзда религія, конечно, смѣшивалась съ политикой. Съѣздъ рекомендовалъ миссіонерамъ обращаться за содѣйствіемъ къ патріотическимъ организаціямъ. И даже съ самаго открытія съѣзда между нимъ и открывшимся въ это же время съѣздомъ Дубровинской фракціи союза русскаго народа шли оживленные и дружественныя сношенія. Многіе епископы и миссіонеры присутствовали на дубровинскомъ съѣздѣ, даже читали тамъ доклады, а члены дубровинскаго собранія въ качествѣ свидущихъ лицъ отъ мірянъ участвовали въ миссіонерскомъ съѣздѣ. *Русское Знамя*, говоря о послѣднемъ, находило, что даже такіе члены его, какъ митрополитъ Антоній и Антоній волинскій недостаточно рѣшительно высказывались противъ вѣроисповѣдныхъ льготъ а о рѣши Извольскаго выразилось такъ: «чиновный оберъ-прокуроръ съ

нода, конечно, человекъ политичный и ради политики радуется свободѣ вѣроисповѣданія». Но органъ союзниковъ, конечно, ей не радуется, потому что, вѣря во внутреннюю силу православія, все же необходимо «защитать его силою внѣшней». Въ такомъ же родѣ былъ и докладъ кievскаго отдѣла русскаго народа, прочитанный г. Юзефовичемъ, въ которомъ предлагалось миссіонерскому съѣзду «войти съ ходатайствомъ непосредственно къ Государю о высочайшемъ распоряженіи пересмотрѣть государственный актъ 17 апрѣля, видоизмѣнивъ его сообразно съ потребностями и состояніемъ современнаго православія». Вообще, союзническими организаціями принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы митингами, рѣчами и печатными статьями настроить миссіонерскій съѣздъ въ своемъ духѣ и въ общемъ это удалось, и даже едва ли потребовало большого труда, такъ какъ большая часть лицъ, дававшихъ общій тонъ на миссіонерскомъ съѣздѣ, были уже сами по себѣ достаточно подготовлены. Были, правда, и нѣкоторые диссонансы, но они скоро смолкли, и съѣздъ проводилъ свои реакціонныя постановленія почти безъ возраженій, въ томъ числѣ и постановленіе о возвращеніи изъ Государственной Думы вѣроисповѣдныхъ законопроектъ для пересмотра на предстоящемъ церковномъ соборѣ или въ синодѣ: А такъ какъ на созывъ собора, какой бы онъ ни былъ, надежды въ настоящее время нѣтъ, то, конечно, имѣется въ виду пересмотръ думскихъ законопроектъ въ синодѣ. Вообще, съѣздъ проявилъ явную тенденцію считать высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ по религиознымъ дѣламъ синодъ. Это, впрочемъ, понятно и по самому составу съѣзда, въ которомъ участвовало три митрополита, тридцать три другихъ архіерея и оберъ-прокуроръ синода. Но съѣздъ въ то же время ясно выразилъ, что онъ не признаетъ законодательной компетенціи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. «Православная церковь, — высказался онъ, — должна стоять внѣ сферы вліянія со стороны Думы и Совѣта». Но онъ именно только противъ этихъ законодательныхъ учрежденій, но вовсе не желаетъ отдѣленія церкви отъ государства, напротивъ, онъ всячески призываетъ государство въ видѣ бюрократическихъ властей къ внѣшательству въ дѣла религіи въ видахъ охраненія внѣшней силою православія, огражденія его отъ натиска лжеученій и т. п.» Со своей стороны съѣздъ считаетъ необходимымъ для миссіонеровъ вести борьбу съ социализмомъ и въ частности съ нашими социаль-демократами.

Борьбу эту ораторы и докладчики съѣзда стараются связать тоже съ религіей. Въ изложеніи священника Восторгова социаль-демократическое ученіе—есть ученіе безбожное и идетъ противъ церкви. Онъ договаривается даже до того, что «работіе по природѣ своей атеисты». Это смѣлое заявленіе вызываетъ возраженіе даже нѣкоторыхъ членовъ съѣзда, напримѣръ, священника Боголюбова, который говоритъ, что нельзя допускать такихъ передержекъ и искаженій. Онъ противникъ социаль-демократовъ, но знаетъ, что ихъ ученіе привлекаетъ рабочихъ не тѣмъ, что они атеисты по природѣ, а тѣмъ, что они видятъ въ немъ положительные

стороны: требованіе восьмичасоваго рабочаго дня и т. п. На это возраженіе о. Восторговъ не нашель ничего лучше отвѣтить Боголюбову, какъ то, что онъ «записалъ его слова». Заинтересовался съѣздъ и вопросомъ о предполагаемомъ чествованіи восьмидесятилѣтія Л. Н. Толстого и постановилъ опять-таки ходатайствовать передъ синодомъ объ изданіи посланія, запрещающаго участвовать въ этомъ чествованіи. Но особенно съѣздъ остановился на водвореніи благочестія между военными. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, какъ различно относятся даже съ формальной стороны къ религіи и нравственности такіе два столпа, поддерживающіе нашъ старый государственный строй, какъ православная церковь и войско или, лучше сказать, церковная и военная іерархія. Церковные іерархи требуютъ изытія изъ солдатскихъ библиотекъ недостаточно благочестивыхъ книгъ, въ томъ числѣ брошюры бывшаго кievскаго генералъ-губернатора и командовавшаго войсками кievскаго военнаго округа извѣстнаго боевого генерала Драгомирова, соблюденія солдатами постовъ, уничтоженія неприличныхъ солдатскихъ пѣсень, а изъ видныхъ представителей военной іерархіи, хотя есть и такіе, какъ одинъ видный генералъ, подающій протоіерею кадило при богослуженіи, зато есть и такіе, какъ генералъ, обратившійся передъ боемъ къ солдатамъ съ обѣщаніемъ за храброе поведеніе во время сраженія прислать на каждый полкъ по пятидесяти публичныхъ женщинъ. Съѣздъ констатировалъ, что и офицеры въ религіозномъ отношеніи не стоятъ на надлежащей высотѣ. Вообще же постановилъ просить св. синодъ, чтобы начальники частей свои рѣчи къ солдатамъ согласовали со словомъ Божиимъ, воспретить накупнѣ праздничниковъ увеселительные вечера въ офицерскихъ собраніяхъ, подвергнуть пересмотру солдатскія библиотекы, изыавши изъ нихъ все возмущающее религіозное чувство. Такимъ образомъ реакція, играющая на религіозной струнѣ, въ своемъ стремленіи подчинить себѣ всѣ слои общества наталкивается на другую струю, въ общемъ имѣющую тоже реакціонный, но уже совершенно другой характеръ и дѣйствующую въ сферѣ по нынѣшнимъ временамъ еще болѣе сильной. Да и дѣло идетъ, очевидно, не столько о нравственности, которая не слишкомъ высока и въ духовенствѣ, примѣры чего указывались на самомъ съѣздѣ и во всякомъ случаѣ едва ли были выше двѣсти или триста лѣтъ тому назадъ, когда не было никакой свободы вѣроисповѣданія. Дѣло идетъ о томъ, чтобы въ духовно-религіозной сферѣ, какъ и въ сферѣ политической и экономической, возвратиться къ старому строю, столь привлекательному для всѣхъ привилегированныхъ людей и людскихъ группъ. Стремленіе къ старымъ порядкамъ выражается даже во внѣшнихъ формахъ, вродѣ, на примѣръ, формы миссіонерскихъ собесѣдованій съ инако мыслящими. Грубость въ спорахъ, ругательствы вмѣсто доказательствъ напоминаютъ самыя дикія времена религіознаго фанатизма. Вотъ, на примѣръ, какія рѣчи велись нѣкимъ Крючковымъ, считающимся однимъ изъ столповъ православнаго миссіонерства (приводимъ изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*): Послѣ длинныхъ дебатовъ страсти разгораются, тексты пересыпаются бранными словами, слушатели подда-

ются раззадоривающимъ впечатлѣніямъ, поддерживаютъ Брючкова сочувственными замѣчаніями и хохотомъ. Миссіонеръ ловить настроеніе. А вотъ, говорить онъ, святой отецъ такой-то сказалъ, что кто вѣруеть по вашему, будетъ какъ поганый. Теперь вы знаете кто вы. Вы поганые! Вотъ вы кто такіе! Новый взрывъ хохота. «Собесѣдники, возражавшіе миссіонеру стоятъ блѣдные, озлобленные. А миссіонеръ продолжаетъ: а другой святой отецъ сказалъ, что вы слуги сатаны, значить вы хуже чорта. И хохотъ, и озлобленіе дѣлаются еще больше. И за такія сцены Брючкову платятъ хорошее жалованье, и его «бесѣды» печатаются въ назиданіе молодымъ миссіонерамъ. Не удивительно, что послѣ такихъ бесѣдъ «въ духѣ христіанскаго милосердія» безпрепятственно натравливаемая толпа производитъ избіенія сектантовъ. Въ такомъ же приблизительно родѣ велась Брючковымъ и во время миссіонерскаго сѣзда бесѣда съ архимандритомъ Михаиломъ: «ты, Михаилъ, ни одного святого отца не привелъ. Такъ знай же, что святые отцы зовутъ безумными такихъ, какъ ты, которые изъ своей головы говорятъ. О, увы, человѣче! Слышишь, Михаилъ, въ озерѣ огненномъ быть тебѣ».

Въ какую глубь дикости и изуверства ведутъ насъ такія даваемые съ одобренія свѣтскихъ и духовныхъ властей представленія! Въ такомъ же родѣ представленія давалъ недавно въ Царицынѣ извѣстный монахъ Иліодоръ, самъ называвшій ихъ «церковнымъ театромъ». Это ужъ было не противосектантское миссіонерство, а прямо политическая проповѣдь въ духѣ союза русскаго народа, обставленная разными эффектами, флагами, хоругвями, пѣніемъ, рассчитаннымъ на возбужденіе толпы. Посреди всего этого ораторъ съ золотымъ крестомъ въ рукѣ и рѣзкими жестами восклицаетъ по адресу своихъ политическихъ противниковъ: «Брежутъ, какъ собаки! Понимаютъ, какъ свиньи въ апельсинахъ!» Извѣстно, что и Иліодоръ, подобно Брючкову, пользуется достаточно высокимъ покровительствомъ; если имъ иногда и бываютъ недовольны, то лишь за то, что онъ, увлекаясь, нерѣдко выходитъ, такъ сказать, изъ программы. Такимъ образомъ, и митинги, и манифестаціи, и пропаганда оказываются не только дозволенными, но и поощряемыми, но лишь въ томъ случаѣ, когда они угодны начальству. Угодны же они могутъ быть, конечно, не формой своей, а содержаніемъ, сходнымъ съ тенденціями союза русскаго народа и тому подобныхъ оргинизацій. Поучительный выводъ изъ этого довольно ясенъ и онъ получаетъ себѣ подтвержденіе черезъ обратную повѣрку. Съ какими трудностями, почти непреодолимыми, приходится имѣть дѣло при всякой попыткѣ популяризировать въ народѣ другія точки зрѣнія на религіозные и политическіе вопросы, хотя бы въ способѣ ихъ разработкѣ и изложенія не было ничего возбуждающаго. Мы не говоримъ уже объ отдѣльных чтеніяхъ, которыя то тамъ, то здѣсь запрещаются распоряженіями мѣстной администраціи, или объ изъятіи изъ продажи народныхъ книгъ. Такъ, недавно въ Полтавѣ полиція изъяла изъ книжныхъ магазиновъ и общественной бібліотеки всѣ безъ исключенія изданія «Донской Рѣчи» и нѣ-

которыхъ другихъ издательствъ, въ томъ числѣ даже вышедшія до 17 октября съ разрѣшенія предварительной цензуры. Но нерѣдко закрываются и цѣлыя организациі, поставившія своею цѣлью распространеніе образованія въ народѣ, и затѣмъ новое открытіе обществъ съ такою цѣлью не дозволяется. Любопытный примѣръ такого случая былъ недавно въ Варшавѣ. Тамъ, какъ извѣстно, раньше было закрыто просвѣтительное общество: «Польская школьная матица». Въ іюнѣ въ варшавское губернское объ обществахъ присутствіе нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ по своей общественной и просвѣтительной дѣятельности представили на утвержденіе уставъ новаго общества: «Польское народное просвѣщеніе» («Polska Oświata Narodowa»). Губернское присутствіе отвѣтило, что представленный уставъ не подлежитъ легализаціи, потому что онъ почти тождественъ съ уставомъ закрытой «Матицы». Спрашивается, какъ бы могли быть не сходными уставы обществъ, имѣющихъ одну цѣль, просвѣщеніе народа и, конечно, сообразныя съ этой цѣлью средства: устройство лекцій, школъ, библиотекъ и т. п.? Значить, помимо легальныхъ цѣлей и средствъ нужно еще условіе: новое общество не должно быть похожимъ на закрытое. Но въдѣ «Матица» была закрыта, надо думать, не за свой уставъ, который былъ утвержденъ и дѣйствовалъ, а за свою дѣятельность, въ которой было усмотрѣно нѣчто нежелательное. Сходства же въ дѣятельности новое общество проявить не могло, потому что оно еще не начало никакой дѣятельности. Вотъ тутъ и разбери, кто можетъ, это рѣшеніе.

Но если въ данномъ случаѣ мудрено сдѣлать какой-нибудь логическій выводъ, зато совершенно очевиденъ практической выводъ: въ той атмосферѣ подозрительности и канцелярщины, въ которой теперь приходится проводить какія-либо просвѣтительныя начинанія, рассчитывать на успѣхъ очень трудно, а изъ этого уже вполне и логически, и практически вытекаетъ другой выводъ, что если дѣло пойдетъ такъ и дальше, а на измѣненіе существующаго положенія вещей нѣтъ пока никакихъ указаній, то мы все болѣе и болѣе и, вѣроятно, даже довольно быстро будемъ погружаться въ бездну невѣжества съ его спутниками, съ одной стороны, суевѣріемъ, съ другой—неспособностью къ производительному труду, могущему поднять наше народное благосостояніе. Въ умственной и трудовой борьбѣ съ прогрессирующими народами, отъ которой мы не можемъ уклониться и загордиться, мы будемъ все дальше отступать назадъ, и эта отсталость все больше будетъ отражаться на нашемъ экономическомъ положеніи. Невѣжество народа и устраненіе отъ него всякой живой, цивилизующей и организующей мысли ведетъ двумя путями къ упадку его и къ невозможности вновь подняться. Во-первыхъ, вслѣдствіе непосредственнаго, абсолютнаго или относительнаго ухудшенія достоинства его труда и достигаемыхъ имъ результатовъ съ дальнѣйшими послѣдствіями: истощеніемъ земли, бѣдностью и нищетой, и физическимъ вырожденіемъ; во-вторыхъ вслѣдствіе невозможности сознательно организовать съ разумной постановкой ближайшихъ цѣлей и способовъ экономической борьбы, безъ чегъ

последняя необходимо примет дикій, неправильный и бесплодный, а возможно, и кровавый характеръ. Правильный ходъ народной жизни возможенъ лишь тогда, когда въ народѣ образуется общественное мнѣніе, настолько сознательное, твердое и сильное, что оно представляетъ собою вполне мирную, но тѣмъ болѣе реальную и потому импозантную силу. Такое обще-народное мнѣніе можетъ и закрѣпить прочно свое существованіе въ определенныхъ юридическихъ формахъ, создавъ соответствующія ему законодательныя учрежденія, а черезъ нихъ и тѣ реформы, которыя удовлетворяютъ всѣмъ дѣйствительнымъ потребностямъ народа. Но для этого прежде всего нужно развитіе народнаго сознанія, даваемое частью формальнымъ обученіемъ, частью, и еще больше, свободнымъ общеніемъ между собою какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всякаго рода просвѣтительныхъ, профессиональныхъ, религиозныхъ и всякихъ другихъ группъ и союзовъ. Никакихъ условий для такого свободного общенія у насъ нѣтъ и впереди не предвидится, и это-то и составляетъ трагизмъ нашего положенія. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы въ глубокихъ слояхъ народа не было данныхъ для развитія культурныхъ и прогрессивныхъ идей. Много и всякаго рода до сихъ поръ крѣпко державшихся предрассудковъ за последнее время въ значительной степени потеряли свою силу, но такъ какъ въ народныя сферы свободно предоставлено проникать только разныя Илюдорамъ и вообще членамъ «союза русскаго народа» и ихъ приснымъ и противъ всякой струи свѣжей мысли эти сферы оказываются крѣпко закупоренными, то естественно, что старыя предрассудки далеко не всегда замѣняются новыми здоровыми и разумными идеалами. Что касается до формальнаго народнаго образованія, то не останавливаясь на высшемъ и среднемъ, какъ не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ образованію народной массы,—хотя, конечно, и количество, и качество высшаго и средняго образованія очень важно для общей культуры страны,—нельзя не сказать, что и низшее образованіе, о которомъ въ последнее время такъ много говорилось и въ Думѣ, и въ газетной литературѣ, очень мало фактически подвинулось отъ этихъ заботъ. Не слышно, чтобы въ земствахъ дѣлалась какая-нибудь подготовка къ использованию небольшой Думской ассигновки. Не слышно, чтобы и министерство народнаго просвѣщенія послѣ этой ассигновки, которая была признана лишь началомъ введенія всеобщаго обученія, предпринимало что-нибудь для выполнения постановленія Думы. Только въ концѣ іюля министерство распорядилось о разсылкѣ въ земскія управы циркуляра, съ требованіемъ свѣдѣній: о числѣ вновь открывающихся народныхъ училищъ, о суммахъ, на нихъ ассигнованныхъ, объ ихъ распредѣленіи по мѣстностямъ, о количествѣ церковно-приходскихъ и земскихъ школъ, а также предположенія о числѣ школъ, нужномъ для осуществленія всеобщаго обученія. Судя по последнему вопросу, надо думать, что эти свѣдѣнія будутъ использованы въ видахъ не только приведенія въ исполненіе нынѣшняго постановленія Думы, но и для составленія будущаго законо-

проекта, имѣющаго быть представленнымъ въ Думу. Важно, конечно, то, насколько быстро пойдетъ это дѣло и въ смыслѣ законодательнаго его разрѣшенія и въ особенности въ смыслѣ исполненія. Большой надежды на нынѣшнее земство въ этомъ отношеніи возлагать трудно. До сихъ поръ оно занималось не столько расширеніемъ, сколько сокращеніемъ народнаго образованія, находящагося въ его вѣдѣніи, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда земство хотѣло бы дѣйствительно помогать развитію этого дѣла, оно, какъ въ Московскомъ уѣздѣ, принуждено заниматься пререканіями съ представителями министерства, вроде инспектора народныхъ училищъ г. Маркова, то требовавшаго устраненія учительницъ Петровой и Гофманъ, несмотря на согласіе губернатора объ исполненіи ими учительской обязанности, то ссылавшагося на требованіе губернатора объ ихъ устраненіи. Въ Саратовѣ инспекторъ строго запретилъ учителямъ принимать участіе въ обсужденіи городской думою вопросовъ, касающихся хозяйственныхъ нуждъ школъ. Само министерство за ваканціонное время сосредоточило свое вниманіе на разныхъ ограничительныхъ циркулярахъ, относящихся преимущественно къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ: объ отиѣнѣ приѣма въ университеты семинаристовъ, окончившихъ полный курсъ шести классовъ: на нихъ распространяются требованія о дополнительныхъ экзаменахъ, о приѣмѣ въ университетъ окончившихъ курсъ высшаго учебнаго заведенія исключительно на основаніи ихъ аттестатовъ о среднемъ образованіи, о недопущеніи условнаго приѣма въ университетъ, объ установленіи комплекта на всѣхъ факультетахъ и курсахъ, о приѣмѣ постороннихъ слушателей не иначе, какъ въ предѣлахъ комплекта, о полномъ недопущеніи женщинъ ни въ студентки, ни въ вольныя слушательницы. Затѣмъ запрещены всякія студенческія организаціи, т.-е. факультетскихъ старостъ, представителей и т. п. на томъ не совсѣмъ вразумительномъ основаніи, что правилами 11 іюня 1907 г. студентамъ «разрѣшается образовывать организаціи, кои предсѣдуютъ цѣли, не противныя существующимъ узаконеніямъ и правиламъ, а между тѣмъ (?) избраніе студентами факультетскихъ старостъ и представителей дѣйствующими узаконеніями и правилами не предусмотрено». Наконецъ, по слухамъ, возстановляется въ университетахъ должность инспектора, наблюдающаго за студентами, только вмѣсто одного инспектора, какъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ихъ будетъ два, и называться они будутъ проректорами, хотя съ нынѣшнимъ проректоромъ не будутъ имѣть ничего общаго и назначаться будутъ не изъ преподавательскаго персонала. Вообще по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ министерство проявилъ довольно значительную распорядительность, впрочемъ, по содержанію своему имѣющую мало общаго съ расширеніемъ и развитіемъ просвѣщенія. Бывшіе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ предположенія объ открытіи новыхъ университетовъ пока что заглохли. По отношенію къ качественной сторонѣ университетскаго преподавательскаго персонала въ послѣднее время стала проявлять заботливость мѣстная администрація, безъ сомнѣнія, со своей точки

зрѣнія и дѣйствуя своими средствами. Такъ, одесскій генераль-губернаторъ Толмачевъ уволилъ своей властью изъ Новороссійскаго университета четырехъ профессоровъ.

Выше мы указали, что въ развитіи народной культуры сверхъ формальнаго образованія, едва ли не еще болѣе важную роль играетъ свободное общеніе гражданъ страны между собою. Съ этой стороны, какъ извѣстно, у насъ тоже очень мало утѣшительнаго. И собранія всякаго рода обставлены такими условіями, что нерѣдко, несмотря на мирный и легальный ихъ характеръ, становятся невозможными. И общества, и союзы, на словахъ открывающіеся въ силу закона 4 марта явочнымъ порядкомъ, поставлены требованіемъ ихъ регистраціи въ условія, равныя праву администраціи не дозволить любого общества. Мотивъ этого недозволена почти всегда заключается въ подозрѣніи, что общество будетъ, прикрываясь легальнымъ флагомъ, дѣйствовать не нелегально въ собственномъ смыслѣ, но «несогласно съ видами правительства». Каждое засѣданіе присутствія объ обществахъ кончается отказомъ въ регистраціи огромнаго числа представленныхъ уставовъ. Недавно, наприм., отказано въ регистраціи общества имени Л. Н. Толстого. Трудность открытія не мѣшаетъ, однако, большой легкости закрытія всякаго общества. Особенно, по-видимому, не пользуются симпатіями администраціи профессиональныя рабочія общества, которыхъ въ разное время и по разнымъ причинамъ было закрыто до 1 января 1908 г. 82. Въ этому сроку число рабочихъ, организованныхъ въ профессиональныя союзы, достигало только 130 тысячъ, т.-е. почти на половину меньше противъ того, сколько ихъ было годомъ раньше. Вообще насаждая сверху искусственно хозяйственныя улучшенія вродѣ хуторовъ, правительство ставитъ всякія затрудненія самостоятельной народной дѣятельности, направленной къ улучшенію своего хозяйства не по предписанному свыше пути. Въ результатѣ получается не только слабое развитіе хозяйства, но и слабое развитіе народнаго сознанія и безпомощность народной массы передъ всякими бѣдствіями. Противъ неурожая остается одно средство—просить продовольственной помощи у начальства и продавать скотъ, подрывая такимъ образомъ дальнѣйшую возможность урожая. Противъ болѣзни до сихъ поръ большой вѣрою пользуются всякаго рода знахари, лечащіе традиціонными травами, а въ значительной мѣрѣ и просто заговорами и нашенгиваніями, лютопытный перечень которыхъ приведенъ былъ недавно въ газетѣ *Сверь*. Въ случаѣ эпидеміи, наприм., въ случаѣ распространенія холеры, въ настоящее время еще довольно медленно подвигающейся, преимущественно по Волгѣ, мы не только не можемъ принять противъ нея какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ, благодаря, главнымъ образомъ, народному невѣжеству, но по той же причинѣ не гарантированы даже и отъ повторенія кровавыхъ происшествій съ врачами, подобныхъ бывшимъ въ предыдущія эпидеміи.

В. Линдъ.

22 августа исполняется двадцатипятилѣтіе кончины Тургенева. Съ этимъ свѣтлымъ именованъ связано для русскаго общества такъ много и обвѣяно оно такими чарами поэтическихъ воспоминаній, что, какъ бы ни относилась къ автору «Записокъ охотника» критическая мысль нашей эпохи, она не сумѣетъ, да и не захочетъ, отнять у Тургенева всю ту мягкую силу, которой онъ привлекалъ къ себѣ молодыя души. Почти на смертномъ одрѣ онъ сказалъ, что среди тяжкихъ сомнѣній и раздумій о судьбѣ его родины единственной опорой и поддержкой служилъ ему великій, свободный, могучій и правдивый русскій языкъ: не можетъ быть, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу. Съ тѣхъ поръ какъ высказалъ Тургеневъ эту благородную и довѣрчивую хвалу красотѣ русскаго духа, утекло много воды, и не одной только воды,—но той же истиной звучать слова писателя, и въ минуты отчаянія и недовѣрія, когда застигается будущее родной страны и дѣлается стыдно за ея настоящее,—въ эти минуты вспоминаешь великое утѣшеніе: не можетъ быть, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу,—и на душѣ становится легче и свѣтлѣе. И среди тѣхъ, кто на этомъ языкѣ говорилъ прекрасно и музыкально, кто былъ достоинъ его и создалъ нетлѣнные памятники слова,—среди нихъ имя Тургенева сіяетъ одной изъ чистѣйшихъ и благодатныхъ звѣздъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, господинъ редакторъ! *Комитетъ*, избранный въ іюнѣ с. г. съѣздомъ *периодической печати въ С.-Петербургѣ*, приступаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени къ исполненію постановленія съѣзда о созданіи въ С.-Петербургѣ музея имени Льва Николаевича Толстого.

Комитетъ считаетъ въ высшей степени желательнымъ собрать въ музей, между прочимъ, всѣ юбилейные №№ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, а также всѣ книги и брошюры, которыя будутъ посвящены Л. Н. Толстому.

Въ виду этого мы обращаемся къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой выслать для музея въ двухъ экземплярахъ юбилейный номеръ ваше изданія.

Не имѣя возможности обратиться ко всѣмъ периодическимъ изданіямъ а также ко всѣмъ авторамъ и издателямъ книгъ о Л. Н. Толстомъ мы позволяемъ себѣ покорнѣйше просить васъ напечатать настоящее обращеніе. Всѣ органы печати просимъ перепечатать настоящее письмо

Пока Толстовскій музей не открытъ и не имѣетъ своего помѣщенія, всѣ письма и посылки для него слѣдуетъ *адресовать* въ редакцію журнала *Минувшие Годы* (Спб., Лигова, 44).

Комитетъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—М. М. Ковалевскій, вице-предсѣдатели—П. Н. Милоковъ и М. М. Федоровъ, секретари—В. В. Водовозовъ и М. А. Стаховичъ, члены—Н. О. Анненскій, К. В. Аркадакскій, Д. О. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, С. А. Венгеровъ, I. В. Гессенъ, Г. К. Градовскій, В. Г. Короленко, С. Н. Прокоповичъ, А. В. Пѣшеховъ, А. А. Столыпинъ.

Левъ Толстой.

Было бы странно и пошло ознаменовывать восьмидесятилѣтіе Льва Толстого панегириками или даже фактическими справками о томъ, что сдѣлалъ за свою богатую творчествомъ жизнь великій писатель. Панегирики не нужны ни писателямъ, ни еще менѣе самому «юбилару», а всякая фактическая справка дастъ меньше того, что, въ сущности, знаетъ о Толстомъ даже средній читатель, и кромѣ того потонетъ въ необозримой литературѣ, пишущейся о Толстомъ и его произведеніяхъ. Но, быть можетъ, не лишнее попытаться оцѣнить, въ чемъ значеніе и смыслъ дѣятельности Льва Толстого съ самой общей точки зрѣнія, какія проблемы культуры ставить и углубляетъ эта дѣятельность. Всякая такая попытка неизбѣжно обречена быть субъективной и отрывочной. Пишущій эти строки ясно сознаетъ такой характеръ предлагаемыхъ размышленій и проситъ у читателей напередъ снисхожденія.

I.

Исторія русской литературы знаетъ не одного, не двухъ, не трехъ великихъ писателей. Но въ ней есть только три громадныхъ явленія: Пушкинъ, Достоевскій и Толстой.

Пушкинъ первый великій русскій писатель. И тѣмъ только однимъ, что онъ жилъ, онъ произвелъ цѣлую культурную революцію. Въ то же время Пушкинъ,—самый широкій и могущественный изъ русскихъ писателей,— есть живой образъ творческой гармоніи. Есть что-то для русской культуры пророчески-ободряющее въ томъ, что именно этотъ спокойный великанъ стоитъ въ началѣ русской національной литературы. Онъ какъ бы раз навсегда показалъ, что русскій духъ не враждебенъ искусству и красотѣ.

Достоевскій громаденъ, какъ психологическая загадка и какъ моральная проблема. Въ его изъязвленной душѣ Богъ и Дьяволъ вели вѣчную борьбу. Громадность и единственность Достоевскаго и состоятъ именно въ томъ, что въ немъ загадочно равны были элементы божескій и дья

вольскій, сила Добра и сила Зла (и притомъ въ широчайшемъ ихъ толкованіи, включающемъ въ себя даже самое позитивное «пониманіе»). Борьба съ Богомъ и за Бога была внутри Достоевскаго, въ самыхъ глубочайшихъ глубинахъ его личности. Она была не только не позой, но даже не просто фактомъ его литературнаго и умственнаго развитія. Она была его натурой. Достоевскій былъ живымъ выраженіемъ той «непобѣдимой противоположности между Богомъ и человѣкомъ», о которой говоритъ Паскаль. Слабымъ подобіемъ Достоевскаго въ этомъ отношеніи въ западной литературѣ является Оскаръ Уальдъ. Нитцше же борется съ Богомъ литературно или, если угодно, идейно. *Натура* Нитцше—и это отличаетъ его отъ Достоевскаго—богоборчество совершенно чуждо.

Громадность Толстого, какъ явленія русской культуры, совершенно въ другомъ.

Толстой, какъ извѣстно, посвятилъ вопросу объ искусствѣ специальное сочиненіе. Оно, думается мнѣ, проливаетъ больше свѣта на личность Толстого, чѣмъ даже его автобиографическія произведенія.

До начала 80-хъ гг. можно было спрашивать: кто такой Толстой? Теперь передъ всякимъ изъ насъ вопросъ ставится иначе: *что* такое Толстой? Каковъ смыслъ этого громаднаго явленія русской культуры?

Прежде, до религіознаго переворота съ нимъ происшедшаго, Толстой былъ великимъ русскимъ писателемъ. Но послѣ Пушкина появленіе великаго русскаго писателя уже не обозначало никакого культурнаго поворота и не заключало въ себѣ никакой загадки.

Случилось, однако, нѣчто такое, чему нѣтъ примѣра въ исторіи мировой культуры. Мощный художникъ сталъ борцомъ противъ красоты.

Гёте сказалъ однажды:

«Кто владѣетъ наукой и искусствомъ, у того есть и религія. У кого нѣтъ ни науки, ни искусства, да будетъ тому дана религія».

Гёте не предвидѣлъ, что можно «имѣя» искусство, ради религіи отвернуться отъ него и возстать на красоту. Это, казалось бы, невозможное и даже невысказанное дѣло совершилъ Левъ Толстой. Въ этомъ его громадность и единственность, какъ мирового культурнаго явленія. Борцовъ противъ искусства и красоты было не мало до Толстого. Но не было примѣра, чтобы эту борьбу предпринялъ гениальный творецъ въ искусствѣ.

Въ враждебномъ разъединеніи добра и красоты обнаруживается тотъ основной фактъ, что Толстой, какъ мыслитель, совершенно лишенъ всякаго метафизическаго воображенія. Красота, какъ проявленіе Божества, для него не существуетъ; скорѣе она для него сила дьявольская.

Отсутствіе у Толстого всякаго метафизическаго воображенія обуславливаетъ собой и полное отсутствіе поэзіи въ его религіи. Его религія лишена лучей, красокъ, свѣта, лишена видѣнія лицъ и жизни.

Онъ не вѣритъ ни въ какіе религіозные мѣны и не находится въ плѣну ни у какихъ догматовъ. Метафизическая концепція его религіи, хотя и не

выработана, но очень широка. Въ этихъ отрицательныхъ опредѣленіяхъ религія Толстого сближается съ религіей Гёте. Но Толстой, для котораго идея личнаго Бога непонятна *), былъ бы такимъ же пантеистомъ, какъ Гёте, если бы онъ любилъ Бога-Природу, если бы въ немъ была сильна не только покорность нравственному приказу Бога, но и то страстное притяженіе къ «живому одѣянію Божества», которымъ Гёте былъ весь пронизанъ.

Было время, когда и Толстой постигалъ красоту и любилъ Бога-Природу. Развѣ не онъ написалъ «Базаръ», эту пантеистическую поэму, гимнъ Божественной Природѣ?

А Толстой нашихъ дней въ основу всей своей оцѣнки искусства положилъ разъясненіе Добра и Красоты.

«Добро, красота и истина ставятся на одну высоту, и всѣ эти три понятія признаются основными и метафизическими. Между тѣмъ въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Добро есть вѣчная высшая цѣль нашей жизни. Какъ бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, какъ стремленіе къ Добру, т.-е. къ Богу. Добро есть дѣйствительно понятіе основное, метафизически составляющее сущность нашего сознанія, понятіе, не опредѣляемое разумомъ.

«Добро есть то, что никѣмъ не можетъ быть опредѣлено, но что опредѣляетъ все остальное.

«Красота же, если мы не довольствуемся словами, а говоримъ о томъ, что понимаемъ,—красота есть не что иное, какъ то, что намъ нравится.

«Понятіе красоты не только не совпадаетъ съ добромъ, но скорѣе противоположно ему, такъ какъ добро большей частью совпадаетъ съ побѣдой надъ пристрастіями, красота же есть основаніе всѣхъ нашихъ пристрастій.

«Чѣмъ больше мы отдаемся красотѣ, тѣмъ больше удаляемся отъ добра».

Возражая тѣмъ, кто говоритъ о духовной красотѣ, Толстой замѣчаетъ: «подъ красотой духовной или нравственностью разумѣется не что иное, какъ добро. Духовная красота или добро большею частью не только не совпадаетъ съ тѣмъ, что обыкновенно разумѣется подъ красотой, но противоположна ему» **). («Что такое искусство», изданіе «Посредника». М., 1898 г., стр. 60).

Вѣковѣчная проблема соотношенія между Красотой и Добромъ никѣмъ,

*) Молитва обращается къ личному Богу не потому, что Богъ личенъ (я даже знаю навѣрное, что онъ не личенъ, потому что личность есть ограниченность, а Богъ безпредѣленъ), а потому, что я личное существо („Мысли о Богѣ“).

**) Тамъ же (стр. 57) сужденіе о грекахъ, „полудникомъ рабовладѣльческимъ народомъ, очень хорошо изображавшемъ красоту человѣческаго тѣла и строившемъ пріятныя на видъ зданія“: они „были такъ мало нравственно развиты, что добро и красота имъ казались совпадающими и на этомъ отсталомъ міровозрѣніи грековъ построена наука эстетика“.

быть можетъ, въ исторіи человѣчества не была поставлена съ такой трагической рѣзкостью, какъ Толстымъ. Отрекшись отъ своихъ художественныхъ произведеній, предавъ анаемѣ почти все искусство, Толстой съ новой силой задалъ человѣчеству эту загадку. Было, впрочемъ, время, когда онъ понималъ, что вообще во всякой широкой перспективѣ самая проблема Добра и Зла есть загадка для человѣческаго ума.

Въ 1857 году онъ писалъ такія строки, которыя теперь въ устахъ Толстого звучали бы дико:

«Несчастное, жалкое созданіе—человѣкъ со своей потребностью положительныхъ рѣшеній, брошенный въ этотъ вѣчно движущійся, безконечный океанъ добра и зла, фактовъ, соображеній и противорѣчій. Вѣками борются и трудятся люди, чтобы отодвинуть къ одной сторонѣ благо, къ другой—неблаго. Проходятъ вѣка и гдѣ бы что ни прикинулъ безпристрастный умъ на вѣсы добраго и злого, вѣсы не колеблются и на каждой сторонѣ столько же блага, сколько и неблаго... Если бы только онъ (человѣкъ) понялъ, что всякая мысль и ложна, и справедлива: ложна—односторонностью, по невозможности для человѣка обнять всю истину и справедлива—по выраженію одной стороны человѣческихъ стремленій. Сдѣлали себѣ подраздѣленія въ этомъ вѣчно-движущемся безконечномъ, безконечно-перемѣшанномъ хаосѣ добра и зла, провели воображаемыя черты по этому морю и ждуть, что море такъ и раздѣлится. Точно нѣтъ миллионъ другихъ подраздѣленій совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, въ другой плоскости. Правда, вырабатываются эти новыя подраздѣленія вѣками, но и вѣковъ прошли и пройдутъ миллионы. Цивилизація—благо, варварство—зло; свобода—благо, неволя—зло... У кого въ душѣ такъ непоколебимо... мѣрило добра и зла, чтобы онъ могъ мѣрить имъ бѣгущіе, запутанные факты? У кого такъ великъ умъ, чтобы хотя въ неподвижномъ прошедшемъ обнять всѣ факты и взвѣсить ихъ? И кто видѣлъ такое состояніе, въ которомъ бы не было добра и зла вмѣстѣ, и почему я знаю, что вижу больше одного, чѣмъ другого, не отъ того, что стою не на настоящемъ мѣстѣ? И кто въ состояніи такъ совершенно оторваться хоть на мигъ отъ жизни, чтобы независимо сверху взглянуть на нее? Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель—железный Духъ *)».

Есть что-то Гётевское въ этомъ признаніи относительности всѣхъ человѣческихъ оцѣнокъ и сужденій предъ лицомъ вѣчнаго и безконечнаго Бога-Природы. Но какъ это непохоже на моральное міросозерцаніе Толстого, какимъ мы знаемъ его теперь.

Теперь Толстой, т.-е. Толстой, какъ религиозный мыслитель, не цѣнить и не любить ни Природы, ни Культуры. Богъ въ Природѣ и Природа, какъ Богъ, совершенно чужды ему. Богъ-Природа, тотъ Богъ, кото-

*) „Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова“. „Лжпернъ“. Соч. гр. Льва Н. Толстого. Ч. II, изд. 8-е, стр. 133.

рымъ и въ которомъ жилъ Гёте, для него не существуетъ. Еще одно сопоставленіе съ Гёте. Толстой несомнѣнно одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ проповѣдниковъ христіанскаго нравственнаго ученія, но живая личность Христа для него неинтересна и даже не существуетъ. И тутъ какая разница по сравненіи съ Гёте, для котораго вся цѣдность христіанства состояла именно въ личности Христа.

Въ Культурѣ же Толстой не только безчувственъ, онъ ей прямо враждебенъ. Въ этомъ отношеніи цѣлая пропасть лежитъ между Толстымъ и великими англійскими моралистами XIX в. Карлейлемъ и Рескинсомъ. Борцы противъ «мѣщанскаго» духа и «мѣщанской» морали, оба, и Карлейль, и Рескинъ, страстно любили культуру и ясно видѣли въ ней творческую работу религіознаго начала.

Разногласіе между Толстымъ и великими англійскими моралистами есть не только разногласіе въ оцѣнкѣ культуры. Его захватъ гораздо шире.

Карлейль и Рескинъ любили въ культурѣ *Силу*. Отсюда ихъ проповѣдь—дисциплины и авторитета, защиты государственнаго могущества и войны. У Толстого, какъ религіознаго мыслителя, нѣтъ ни малѣйшаго вкуса къ *Силѣ*. Для него Сила, такъ же какъ и Красота,—начало злое, дьявольское.

Это глубочайшее моральное разногласіе, упирающееся въ разногласіе метафизическое. Болѣе того, тутъ прямо разныя, даже антагонистическія міроощущенія, различная религія.

Есть ли Сила, или точнѣе, превосходство въ силѣ, просто фактъ, или оно указываетъ на нѣчто основное, метафизическое (а потому имѣющее и огромный моральный смыслъ)? Совершенно ясно, какое значеніе имѣетъ этотъ вопросъ для моральной оцѣнки всей современной культуры и какъ изъ различнаго отношенія къ Силѣ вытекаетъ различная оцѣнка этой культуры.

Какъ Добро связано съ Силой? Отрицательно или положительно? Моральная проблема силы есть какъ бы та загадочная метафизическая бездна, въ которую—передъ пытливымъ философскимъ взоромъ—расширяются всѣ предѣльные проблемы современности: социализмъ, вѣчный миръ и проч.

Для Толстого Добро и Богъ абсолютно исчерпываются, поглощаются началомъ Любви, и началу Силы, какъ началу положительному, въ его религіи такъ же нѣтъ мѣста, какъ и началу Красоты.

Отдавъ Красоту во власть Дьявола и изгнавъ изъ религіи всякую поэзію, Толстой превратилъ ее въ скорбную пустыню суровой морали самоограниченія личности.

Вотъ почему такъ проста и такъ безотрадно скудна его истина. Она не обвѣяна никакимъ личнымъ отношеніемъ къ личному Богу. Христосъ тутъ не присутствуетъ, какъ живой образъ Бога. А въ то же время высшая метафизическая и, если угодно, эстетическая проблема нравственности: какъ примирить самоограниченіе личности съ ея самоутвержденіемъ?

тутъ вовсе не ставится. Между тѣмъ только въ непрерывномъ разрѣшеніи этой проблемы можетъ состоять истинное моральное творчество.

Мораль Толстого такъ скудна потому, что Толстой слишкомъ моралистъ, что вся загадка міра разрѣшается для него въ моральную проблему всецѣлаго подчиненія нравственному велѣнію Бога.

И именно потому, что онъ слишкомъ моралистъ и въ своей морали узкій догматикъ, онъ не можетъ такъ подняться надъ нравственнымъ міромъ, какъ поднялись болѣе богатая и глубокая религіозная натура. Въ его морали нѣтъ той улыбки снисхожденія и всепрощенія, которая озаряетъ лицо Христа. Нѣтъ у него и того глубокаго и примиряющаго прощанія въ неустранимыя противорѣчія и убожества человеческой природы, которое такъ характерно для родившейся изъ скепсиса религіи Паскаля.

II.

Почему Толстой не могъ стать великимъ религіознымъ реформаторомъ? Для того, чтобы быть таковымъ, нужна или великая личная святость, или огромное религіозное дѣйствіе.

Есть ли въ возстаніи Толстого противъ красоты и искусства личный подвигъ? *Объективно* это величайшій подвигъ, величайшая жертва, которую могъ принести такой человѣкъ. Съ этой жертвой можетъ быть сравниваемо развѣ только отреченіе отъ свѣтской науки такого ученаго, какъ Паскаль. Но *субъективно* въ религіозномъ переворотѣ, совершившемся съ Толстымъ, не было вовсе элемента личнаго подвига или жертвы. Этотъ переворотъ стоилъ ему, несомнѣнно, большихъ усилій мысли, но усилій воли не видно. Толстой *не оторвалъ своей души* отъ искусства и красоты, а просто у него не стало къ нимъ вкуса. Къ религіи онъ пришелъ, не возненавидѣвъ красоту и искусство, а изъ удручающаго сознанія пустоты жизни, которая была ями наполнена. Великій человѣкъ, онъ никогда не былъ великимъ грѣшникомъ и не могъ стать великимъ праведникомъ. А природнымъ праведникомъ онъ никогда не былъ; въ немъ не было никогда той святости, которая дается безъ борьбы и подвижничества, которую природный святой получаетъ изъ себя. Вообще моральная личность Толстого не стоитъ на уровнѣ его проповѣди, она меньше и слабѣе ея.

Недоступно было Толстому и то религіозное дѣйствіе, которое и безъ личной святости можетъ сдѣлать человѣка великимъ религіознымъ реформаторомъ. Для такого религіознаго дѣйствія Толстой былъ слишкомъ литераторомъ и баринномъ. Для такой роли нужно было другое воспитаніе и другая натура, болѣе дѣвственная и въ то же время болѣе гибкая, болѣе властная, и въ то же время болѣе пластическая.

Тѣмъ не менѣе въ исторіи и психологіи религіи Толстой занимаетъ

совершенно особое мѣсто. Именно, отсутствіе поэзіи въ его религіи, политическая трезвость его религіознаго духа есть нѣчто своеобразное и замѣчательное. Проникновеніе религіей, религіозныя «обращенія» весьма часто соединяются съ экстагическимъ, «патологическимъ» состояніемъ духа. Вольтеръ считалъ религіозность Паскаля сумасшествіемъ; въ наше время говорить объ его наследственной невралгичесности. И вообще часто замѣтна опирающаяся на извѣстные неоспоримые факты склонность—религіозное направленіе мысли и чувствъ разсматривать, какъ выраженіе психической неуравновѣшенности, какъ явленіе по существу ненормальное и болѣзненное въ человѣкѣ, ставшемъ на уровнѣ новѣйшей культуры. Съ этой точки зрѣнія примѣръ Толстого въ высшей степени поучителенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ отдался религіи, онъ живетъ только ею: къ его религіозности не подмѣшивается никакихъ мотивовъ, постороннихъ религіи. И въ то же время религіи онъ отдался въ состояніи полнаго физическаго и душевнаго здоровья. Его «обращеніе» къ Богу не можетъ быть объяснено никакими «физическими» причинами, никакой «физиологіей» или «патологіей». Это дѣло чистаго духа, фактъ моральный или «спиритуальный» въ самомъ подлинномъ и самомъ позитивномъ смыслѣ слова. Именно этотъ характеръ обращенія Толстого къ Богу придаетъ ему особое и глубокое философское значеніе.

III.

Не будучи великимъ религіознымъ реформаторомъ—возможенъ ли вообще таковой въ наше время?—Толстой есть огромная сила въ культурномъ и общественномъ развитіи современности. Говоря о значеніи Толстого для нашего времени, не слѣдуетъ забывать, что онъ весь, и какъ художникъ, и какъ мыслитель, всего же болѣе какъ индивидуальность, стоитъ какъ бы надъ временемъ. Борьба такого великаго художника съ искусствомъ и красотой есть фактъ самъ по себѣ громадный, независимо отъ какихъ-либо практическихъ послѣдствій его для общественной жизни, и имѣетъ, выражаясь философски, вѣвременно значеніе.

Но дѣятельность Толстого, связанная съ этимъ фактомъ, несомнѣнно имѣла и имѣетъ въ то же время огромныя практическія послѣдствія. Прежде всего—политическія. Я всегда думалъ и въ рѣзкой формѣ высказалъ это въ вступительномъ редакторскомъ словѣ къ первому номеру *Освобожденія*, что Толстой одинъ изъ самыхъ мощныхъ разрушителей нашего стараго порядка. Равнодушный къ политикѣ въ тѣсномъ смыслѣ, онъ проповѣдывалъ такія общія идеи и высказывалъ такія мысли по частнымъ вопросамъ, которыя имѣли огромное политическое значеніе, и этой его проповѣди была присуща вся та сила, которую давали геній и авторитетъ генія. Среди идейныхъ проповѣдниковъ свободы личности въ Россіи Толстой былъ самымъ мощнымъ и самымъ вліятельнымъ.

Общимъ мѣстомъ является теперь признаніе его вліянія, какъ моралиста. Въ всякаго сомнѣнія, множество людей, подъ его вліяніемъ, оглянулось на себя, подвергло себя внутреннему суду, обострило свою совѣсть и измѣнило такъ или иначе свое поведеніе. Въ половомъ вопросѣ вліяніе его было, по моимъ наблюденіямъ, особенно сильно. Но такова судьба всякой односторонней морали, всякой проповѣди, проникнутой деспотическимъ духомъ абсолютнаго величія, что ея вліяніе, какъ оно ни велико, но съ теченіемъ времени въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же лицамъ слабѣетъ. То же случилось съ толстовскою моралью. Черезъ нее прошли очень многіе, въ ней остались очень немногіе. Но слѣдъ, ею оставленный и оставляемый, мнѣ кажется, весьма глубокъ. Вліяніе толстовской морали на то поколѣніе, для котораго оно было новымъ словомъ и которое складывалось въ 80-хъ гг. и вступило въ жизнь въ 90-хъ гг., было неизгладимо и очень велико.

IV.

По своимъ *соціальнымъ* идеямъ Толстой по отношенію къ существующему обществу великій революціонеръ. Его отрицаніе всякой принудительной власти и въ то же время всякаго насилія дѣлаетъ его единственнымъ послѣдовательнымъ ан-архистомъ, вѣрнымъ началу абсолютно добровольнаго взаимоотношенія и объединенія людей. Ибо онъ единственный изъ ан-архистовъ отрицаніе насилія признаетъ не только принципомъ *существованія* идеальнаго человѣческаго общества, но и принципомъ его *осуществленія*. Въ этомъ различіи дѣлая практическая и прежде всего морально-религіозная пропасть между мирнымъ анархизмомъ Толстого и насильственнымъ другихъ анархистовъ. Пропасть эта такъ велика, что называть Толстого безъ оговорокъ и объясненій анархистомъ значило бы затемнить самое существо его моральнаго и общественнаго ученія.

Какъ проповѣдникъ равенства, равенства экономическаго и культурнаго, какъ отрицатель частной собственности, Толстой несомнѣнно принадлежитъ къ социалистамъ. Но и тутъ положеніе, занятое имъ, совсѣмъ особенное, проводящее рѣзкую грань между нимъ и большинствомъ социалистовъ. Это различіе вытекаетъ изъ *религіозности* Толстого.

Современный социализмъ часто называютъ религіей. Поскольку подъ религіей разумѣется лишь особое душевное состояніе, характеризующее увлеченіемъ извѣстной задачей, доходящимъ до поглощенія всей духовной личности человѣка, — многіе современные социалисты могутъ быть названы религіозными. Поскольку подъ религіей разумѣется совокупность стремленій и идеаловъ, имѣющихъ для даннаго человѣка или для данной группы людей значеніе высшихъ цѣнностей, къ которымъ примѣриваются всѣ прочія вещи и отношенія, — социализмъ для многихъ людей является религіей. Но слѣдуетъ сказать правду: въ этомъ смыслѣ объектомъ религіи могутъ

быть даже тотализаторъ и гончія собаки и всякій спортъ въ истинномъ спортсменѣ возбуждаетъ «религіозное» отношеніе.

Очевидно, что такое чисто формально-психологическое пониманіе религіи ничего не объясняетъ въ ея идейномъ существѣ. Религія не можетъ быть просто увлеченіемъ чѣмъ бы то ни было, безразлично чѣмъ. Религія неразрывна съ идеей Божества и содержаніемъ ея является отношеніе человѣка къ сверхприродному, міродержавному Существо. Но этого мало для современнаго человѣка. Разъ религія перестала быть поклоненіемъ Существо, внушающему страхъ, разъ Божество или та идея, которая замѣняетъ Божество, вызываетъ къ себѣ любовь, центромъ религіи становится свободное и дѣятельное служеніе Божеству, основанное на чувствѣ личной отвѣтственности, на убѣжденіи, что осуществленіе мною Блага и мое спасеніе, какъ бы оно ни мыслилось, требуетъ напряженія всѣхъ моихъ силъ и прежде всего зависить отъ меня. Нѣтъ чувства и идеи болѣе существенной для религіи, поднявшейся надъ ощущеніями глухой зависимости и темнаго страха, чѣмъ чувство и идея отвѣтственности человѣка за себя и за міръ. Каково же отношеніе социализма къ этой идее?

Социализмъ выросъ на почвѣ того механическаго морально-философскаго міровоззрѣнія, которое было подготовлено въ XVIII в., и своего наивысшаго расцвѣта достигло въ Бентамѣ. Если бы самъ Бентамъ не былъ всецѣло порожденіемъ всей предшествовавшей ему философіи, если бы не стоялъ онъ на плечахъ Юма, Гельвеція и Гольбаха, то можно было бы сказать, что Бентамъ, этотъ осмѣянный Марксомъ буржуазный мыслитель, есть истинный философскій отецъ социализма. И для того, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ надъ новѣйшимъ социализмомъ носится духъ Бентама, достаточно заглянуть въ самый замѣчательный англійскій социалистическій трактатъ начала XIX в. въ сочиненіе ученика Бентама Вильяма Томпсона «An inquiry into the principles of the distribution of wealth» (1824). Но Томпсонъ былъ не только ученикомъ Бентама, онъ былъ также ученикомъ Годвина, автора «Политической справедливости» и Овена. И Годвинъ и Овенъ оба выросли и созрѣли въ той же духовной атмосферѣ, что и Бентамъ. Овенъ, человѣкъ одной идеи, быть можетъ, ярче, чѣмъ какой-нибудь другой писатель и дѣятель социализма, раскрылъ его морально-философскую сущность. «Лишь съ величайшими сопротивленіями и послѣ продолжительной душевной борьбы, — говоритъ онъ въ своей «Автобіографіи» *) — я былъ вынужденъ отказаться отъ моихъ первоначальныхъ и глубоко во мнѣ укоренившихся христіанскихъ убѣжденій, но, отказавшись отъ вѣры въ христіанское ученіе, я вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вынужденъ отвергнуть и всѣ другія вѣроученія. Ибо я открылъ, что всѣ они покоятся на нелѣпой мысли (absurd imagination), что «всякій человѣкъ создаетъ самъ свои собственныя свойства, опредѣляетъ свои мысли, желанія

*) The life of Robert Owen, Vol. I, 1857, p. 38.

и дѣйствія и отвѣтственъ за нихъ передъ Богомъ и людьми» (ковычки Овена П. С.). Мои собственные размышленія привели меня въ совершенно инымъ выводамъ. Мой разумъ научилъ меня, что я не могу быть творцомъ ни одного изъ моихъ свойствъ, что они созданы природою, а что мой языкъ, религiя и нравы созданы обществомъ и что я всецѣло порожденiе природы и общества *).

Воззрѣнiе Толстого на общественную жизнь и на положенiе въ ней человѣка диаметрально противоположно этой кардинальной идеѣ социализма, которая есть не только его теоретическая основа, но—что еще важнѣе—его морально-философскiй лейтмотивъ. Въ старомъ, такъ называемомъ утопическомъ, или, вѣрнѣе, рационалистическомъ социализмѣ, который вѣрилъ въ силу разума и основаннаго на разумѣ воспитанiя и законодательства, отрицанiе личной отвѣтственности парализовалось огромной ролью, приписываемой разуму въ дѣлѣ перевоспитанiя человѣка и преобразованiя общества. Годвинъ и Овенъ, отрицая личную отвѣтственность человѣка, возлагали на человѣчeskiй разумъ неизмѣримо громадную задачу. Историческое мышленiе XIX в., практически-психологически коренившееся въ консервативной реакцiи противъ революцiоннаго рационализма предшествовавшей эпохи, выдвинуло противъ него воззрѣнiе на общество и формы, какъ на органичeskий продуктъ стихiйнаго, иррациональнаго творчества. Это направленiе философски превосходно мирилось съ отрицанiемъ личной отвѣтственности, личного подвига, личного творчества. Въ марксизмѣ механичeskий рационализмъ XVIII в. слился съ органичeskимъ историзмомъ XIX в., и въ этомъ слiянiи окончательно потонула идея личной отвѣтственности человѣка за себя и за мiръ. Социализмъ—въ лицѣ марксизма—отказался отъ морали и разума. Весь же современный социализмъ насквозь пропитанъ мировоззрѣнiемъ Маркса, которое есть амальгама механичeskаго рационализма XVIII в. и органичeskаго историзма XIX в. Оба элемента этой амальгамы по существу одинаково враждебны идеѣ личной отвѣтственности человѣка, лежащей въ основѣ моральнаго ученiя христанства и Льва Толстого въ частности.

Теперь спрашивается: нуждается ли социализмъ въ идеѣ личной отвѣтственности человѣка и каково вообще значенiе этой идеи для совершенствованiя человѣка и общества?

Въ чемъ философская сущность социализма? Одно несомнiнно—въ основѣ социализма лежитъ идея полной рационализаци всѣхъ процессовъ, совершающихся въ обществѣ. Въ этомъ огромная трудность социализма.

*) Слѣдуетъ отмѣтить, что естествознанiе оказало непосредственное влiянiе на ходъ мыслей Овена. Въ эпоху выработки своихъ идей онъ находился въ идейномъ общенiи съ знаменитымъ химикомъ Дальтономъ, и представленiе о химическiхъ соединенiяхъ, по его собственному признанiю, послужило моделью для его представленiя о человѣкѣ и человѣчeskомъ обществѣ.

По идеѣ социализма стихійное хозяйственно-общественное взаимодействие людей должно быть *столшь* замѣнено ихъ планомѣрнымъ, рациональнымъ сотрудничествомъ и соподчиненіемъ. Я нарочно подчеркиваю слово *столшь*, ибо социализмъ требуетъ не частичной рационализаціи, а такой, которая принципиально покрывала бы все поле общественной жизни. Въ этомъ заключается основная трудность социализма, ибо, очевидно, что ни индивидуальный, ни коллективный разумъ не способенъ охватить такое обширное поле и неспособенъ всѣ происходящія на немъ процессы подчинить одному плану. Это вытекаетъ изъ существа дѣла, и отсюда явствуетъ, что съ реалистической точки зрѣнія рѣчь можетъ идти только о частичномъ осуществленіи задачъ социализма, а не о всецѣломъ разрѣшеніи проблемы социализма.

Очевидно, что отмѣченная нами трудность лежитъ въ самомъ существѣ социализма. Смыслъ послѣдняго въ полной рационализаціи человѣческой жизни, а между тѣмъ тенденція къ рациональному не можетъ всецѣло овладѣть человѣческой природой. Но для поставленнаго нами вопроса указаніе на эту трудность не имѣетъ непосредственнаго значенія. Допустимъ, что она не существуетъ. Возникаетъ другой вопросъ: какое значеніе имѣетъ для социализма и его осуществленія идея личной отвѣтственности? Очевидно, что для рационализаціи общественной жизни первымъ условіемъ является рационализація и дисциплинированіе индивидуальной жизни. Въ настоящее время въ обществѣ, основанномъ на свободной конкуренціи, такое дисциплинированіе достигается естественнымъ подборомъ, въ силу котораго «несостоятельные» въ физическомъ и, что еще важнѣе, въ нравственномъ отношеніи экземпляры человѣчества низвергаются на дно социальной жизни. Это происходитъ совершенно независимо отъ того, чего хочетъ большинство данной социальной группы; примѣняя слово Маркса, сказанное по другому поводу, все совершается «за спиной» этого большинства. Демократическій социализмъ долженъ измѣнить этотъ общественный укладъ, рациональное устройство общественныхъ дѣлъ и, въ огромной мѣрѣ, и индивидуальной жизни перейдетъ при немъ къ большинству общества. Что произойдетъ при этомъ съ идеей и чувствомъ личной отвѣтственности за себя и за общество? Ослабѣетъ оно въ индивидѣ, или же останется на среднемъ существующемъ уровнѣ, или же, наконецъ, усилится? Это—вопросъ факта, вѣрнѣе, научнаго предвидѣнія сложныхъ социально-психическихъ соотношеній. Объ этомъ можно много спорить. Но вотъ что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Социализмъ немислимы при ослабленіи чувства и идеи личной отвѣтственности, и, такимъ образомъ, эта идея и ея вѣрность въ человѣкѣ есть необходимое (хотя, по всей вѣроятности, и недостаточное) условіе осуществленія социализма. Между тѣмъ мы уже знаемъ, что философски социализмъ исходитъ отъ отрицанія этой идеи. Въ ученіи о классовой борьбѣ она тоже совершенно исчезаетъ; абсолютно она чужда и философіи синдикализма (если воззрѣніе теорети-

ковъ синдикализма вообще заслуживаетъ названія философіи). Такимъ образомъ социализмъ подрывалъ и подрываетъ одну изъ тѣхъ идей, безъ укрѣпленія которыхъ невозможно его осуществленіе. Это одно изъ интересныхъ противорѣчій современнаго социализма, означающихъ его идейное банкротство и предвѣщающихъ его реальное крушеніе *).

Впрочемъ, затронутая нами проблема имѣетъ даже болѣе широкое и общее значеніе, чѣмъ вопросъ о судьбахъ социализма и объ отношеніи къ социализму Льва Толстого.

И это значеніе даетъ поводъ подчеркнуть философскій смыслъ и культурную цѣнность моральной проповѣди Льва Толстого. Эта проповѣдь энергично подчеркиваетъ значеніе личнаго усовершенствованія, она побуждаетъ человѣка видѣть въ себѣ, въ своихъ собственныхъ душевныхъ движеніяхъ, поступкахъ и свойствахъ самое для него и для другихъ важное и рѣшающее. Противопоставленіе и сопоставленіе «внутренней» и «внѣшней» реформы человѣка, не было бы, можетъ быть, вовсе нужно, если бы именно тѣ воззрѣнія, которыя до сихъ поръ пользуются наибольшимъ кредитомъ въ «публикѣ» и у насъ и на Западѣ, и въ томъ числѣ и социализмъ, не отправлялись постоянно, сознательно или бессознательно, отъ пониманія человѣческаго прогресса, какъ усовершенствованія «внѣшнихъ» формъ жизни. Если вообще допустимо раздѣленіе человѣческой жизни на эти двѣ области **), то, думается мнѣ, религіозная точка зрѣнія, на которой стоитъ въ этомъ вопросѣ Толстой и которая на первый планъ выдвигаетъ «внутреннюю» реформу человечества, и практически болѣе плодотворна и гораздо болѣе научна, чѣмъ противоположное антирелигіозное «позитивное» воззрѣніе. Развитіе этой мысли завело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что положительное изученіе хозяйства и его развитія, на мой взглядъ, доказываетъ самымъ яснымъ образомъ, что не миеологическія «производительныя силы», управляющія человѣкомъ, а человѣкъ и именно его религіозная природа имѣютъ рѣшающее значеніе для экономическаго «прогресса». Часто бываетъ, что умы не научные стоятъ на научно болѣе правильномъ пути, чѣмъ умы научные. Въ своемъ религіозномъ воззрѣніи на ходъ человѣческаго развитія Толстой—я глубоко въ томъ убѣжденъ—гораздо ближе къ научной истинѣ, чѣмъ то, что признается или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ признавалось за «науку».

Но даже если это и спорно, то во всякомъ случаѣ дѣлу практическаго оздоровленія общественнаго мнѣнія точка зрѣнія, лежащая въ основѣ проповѣди Толстого, не можетъ не принести огромной пользы. Всѣ пережитыя нами за послѣдніе годы великія политическія событія и перемѣны были какъ бы грандіознымъ психологическимъ экспериментомъ на эту

*) Въ другомъ мѣстѣ я вернусь къ этой темѣ.

***) Конечно, оно допустимо лишь въ самомъ условномъ смыслѣ.

тому. Многія иллюзіи оказались развѣянными, многія постройки рушились, потому что подъ ними не было того фундамента, на которомъ только и могутъ прочно держаться большія и малыя человѣческія дѣла: нравственнаго воспитанія человѣка. Пусть Толстой, какъ моралистъ, суживаетъ человѣческую природу, пусть онъ слишкомъ вѣритъ въ силу проповѣди и потому слишкомъ просто представляетъ себѣ процессъ воспитанія (или вѣрнѣе—самовоспитанія) человѣчества,—за нимъ та огромная заслуга, что онъ толкаетъ мысль человѣчества въ направленіи къ истинному свѣту. Послѣ всего мною сказаннаго эти слова, надѣюсь, не будутъ приняты за общее мѣсто, за обязательный реверансъ передъ общепризнаннымъ гениемъ или за выраженіе согласія съ какими-либо *частностями* воззрѣній Толстого. Дѣло тутъ не въ частностяхъ, а въ *религиозномъ* направленіи его мысли, въ идеѣ, что человѣкъ отвѣтственъ за себя и за міръ. Это—идея человѣка въ Богѣ и Бога въ человѣкѣ и ихъ неразрывной свободной связи.

Петръ Струве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Августъ.

1908 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика. — Исторія, исторія литературы. — Соціологія. — Публицистика. II. Списки книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го іюля по 1-е августа 1908 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Сборникъ т-ва „Знаніе“. Кн. XXIII. — *Ө. Соллоубъ*. Пламенный кругъ. Стихотворенія.

Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1908 г. Книга XXIII. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 369 стр. Центральное мѣсто въ сборникъ занимаетъ повѣсть М. Горькаго „Исповѣдь“, которая опять заставила говорить о своемъ авторѣ и спискала успѣхъ книгѣ, что за послѣднее время стало для Горькаго довольно необычнымъ. Какъ въ дни своей литературной юности, Горькому опять удалось затронуть какія-то чувствительныя, отзывчивыя струны въ душѣ общества, и онѣ опять громко и полно зазвучали ему въ отвѣтъ. Конечно, такой успѣхъ далеко еще не надежное свидѣтельство о художественной цѣнности литературнаго произведенія: успѣхъ можетъ быть вызванъ единственно самимъ содержаніемъ книги, жгучестью затронутыхъ темъ и вопросовъ; до известной степени такъ и обстоитъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, хотя несомнѣнно въ повѣсти есть и бесспорныя художественныя достоинства и кое-гдѣ виденъ блескъ настоящаго таланта.

Тема повѣсти — „тревога богоисканія“, которая достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительнаго пафоса, дышитъ пламенемъ и окрашена горечью настоящаго страданія. Передъ нами открываются десятки различныхъ путей къ Богу, разнообразныя виды и формы богопониманія, богослуженія и спасенія души, открываются для того, чтобы быть развѣнчанными и обнаженными во всей своей неприглядности: кто прячется за Бога, кто пользуется имъ для устройства своихъ дѣлъ или для успокоенія совѣсти, кто смѣшиваетъ его съ лѣзваремъ или блюстителемъ порядка. Кардинальной проблемой повѣсти можно считать вопросъ героя: „Не имѣете ли обиды на Бога за жизнь свою?“ — откуда и открывается выходъ въ демонизмъ и богоборчество...

Вообще все построено на міровыхъ вопросахъ, въ чемъ, можетъ быть, есть нѣкоторая доля вліянія Л. Андреева. Многое идетъ отъ его Саввы, но иногда вспоминается и старецъ Засима — Достоевскаго. Между героями распределено нѣсколько зародышей очень большихъ мыслей, но рядомъ съ этимъ многое далеко не ново, заносно, не разъ уже высказано лучше и сильнѣе, и если употребить выраженіе героя самой повѣсти, — „легко вѣсить“. Такова, напр., далеко не новая мысль, что добро въ человѣкѣ — все истинно человѣческое въ немъ, то, что отдаляетъ и

выдѣляетъ его изъ міра животныхъ; злое же—это его животная натура (почему и дьяволъ изображается съ рогами и хвостомъ); доказательства того, что Богъ не только судья, отрицаніе исторической церкви, попытка обратить дуализмъ добра и зла въ монизмъ одного начала и т. д.

Много интересныхъ мыслей и углубленныхъ наблюденій воплощено и въ тѣхъ фигурахъ, которыя встрѣчаются герою на его трудномъ пути богоисканія. Подвижники всѣхъ родовъ и типовъ, монахи, священники, странники, аскеты, бродяги, изувѣры, юродивые и балагуры такъ и мелькаютъ передъ нами. Выстъ съ ними развѣртывается и окружающая ихъ обстановка—чаще всего монастырская жизнь, которая рисуется въ достаточно мрачныхъ краскахъ, какъ прибижище всякаго рода лжи, несправедливостей, лѣности, злобы, пьянства и разврата.

Во второй части повѣствованія отрицательные тезисы, олицетворенные всѣми упомянутыми выше фигурами, уступаютъ мѣсто положительнымъ, и выдвигается истинный путь и собственное сredo автора. Носителемъ этого сredo является сначала веселый странникъ Іегудиль (отецъ Іона), затѣмъ учитель Михайла и кружокъ рабочихъ Исетскаго завода. „Богостроитель—это суть—народушко!—вѣщаетъ Іегудиль.—Неисчислимый міровой народъ! Великомученикъ велий, чѣмъ всѣ церковью прославленные—сей бо еси Богъ, творяй чудеса! Народушко безсмертный, его же духу вѣрую, его силу исповѣдаю; онъ есть начало жизни единое и несомнѣнное; онъ отецъ всѣхъ боговъ бывшихъ и будущихъ!“

Эта мысль о народѣ богостроителѣ приводитъ далѣе къ обожествленію народа въ противоположность каждой отдѣльной индивидуальности и всякому личному я (грѣхъ обособленія). Естественная дальнѣйшая ступень этого,—религиозное обоснованіе социализма, самовластное освобожденіе народа для великаго дѣла богостроительства и преображенія жизни.

Остается сказать нѣсколько словъ о чисто художественной сторонѣ повѣсти.

Прежде всего привлекаетъ вниманіе языкъ повѣсти—необычный, характерный, сильный, психологически-соотвѣтствующій лицу, отъ имени котораго ведется исповѣдь. Встрѣчается не мало очень вѣрныхъ по тону образовъ, выраженій и сравненій, сразу дающихъ повѣствованію нужный колоритъ. Недурны и нѣкоторыя изъ щедро разсыпанныхъ въ разсказѣ прибаутокъ и поговорокъ, (напр., прибаутки Савелія). Но довольно часты и досадные срывы, слишкомъ разсудочныя, отзывающія риторикой сравненія, книжныя и напыщенныя выраженія. Такъ, напр., врядъ ли не фальшиво сравненіе (на 8 стр.) попа съ барабаномъ, по которому „нужда и привычка (!) палками бьютъ“...

Многіе изъ фигуръ романа—яреи, красочны и выпуклы, (напр., братъ Муха). Художникъ виденъ и въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, какъ, напр., монастырской пекарни, вызывающей сравненія съ величественными картинами труда у Зола, (прачешная въ „Западнѣ“). Хорошо описаніе монастырскаго храма.

Къ недостаткамъ повѣсти прежде всего должна быть отнесена ея рсудочность, какая-то математическая прямолинейность и дидактичнос ея. Вся она смахиваетъ порою на статью, въ которой сначала выстраиваются отрицательные тезисы, затѣмъ приводятся ихъ опроверженія наконецъ высказывается собственное мнѣніе. Вся разница лишь въ томъ что и отрицательные и положительные тезисы одѣты здѣсь въ костюмъ людей и выводятся въ извѣстной обстановкѣ. Нѣкоторыя фигуры какъ будто для того лишь и созданы, чтобы сказать то-то и то-то. И г

рѣдео талантъ оказывается побѣжденнымъ этой разсудочностью, и пламень религиозныхъ исканій приходится раздувать риторикой...

Двѣ другія, помѣщенныя въ томъ же сборникѣ вещи имѣютъ по своему содержанію нѣчто общее съ повѣстью Горькаго. И въ нихъ точно также рисуется въ черныхъ краскахъ монастырская жизнь, затрагиваются міровые вопросы и кое-гдѣ, быть можетъ, ощущается вліяніе Л. Андреева. Но по своему достоинству онѣ значительно ниже повѣсти Горькаго.

„Сказки Земли“—Гусева-Оренбургскаго начинаются какой-то напыщенной и сумбурной космогоніей, совершенно ни на что ненужной, очень скучной и весьма притязательной. Вообще вся вещь чрезвычайно претенціозна и отзывается какимъ-то дурно понятымъ и искаженнымъ модернизмомъ. Слогъ то какой-то ходульно-напыщенный, то намѣренно бредовой (не въ подражаніе ли „Красному смѣху?“), то, наконецъ, разбирается на короткія фразы и красныя строчки, напоминающія не то симфоніи Андрея Бѣлаго, не то фелетоны Дорошевича. Въ другихъ же мѣстахъ слогъ склоняется къ тому, что именуется теперь „размѣрной прозой“ и что есть не только худшій видъ прозы, но и вообще отрицаніе ея основныхъ принциповъ. Образы и метафоры очень часто весьма неудачны. („Ввели костляваго старика; онъ былъ сухъ и пыленъ, какъ образъ засухи“. Въ степи „плясали вихри, какъ черные монахи“. „Мебель стояла нахохлившись отъ жары“). Кое-гдѣ встрѣчается нѣсколько интересныхъ мыслей и горячихъ обличеній, но большею частью все сбивается на какую-то симуляцію мірового отчаянія.

„Въ старой лаврѣ“—Золотарева, наоборотъ,—совершенно непретенціозная и даже слишкомъ безпритязательная вещь. Здѣсь нѣтъ никакого стиля и никакого стремленія къ стилю. Слогъ случайный, невыразительный, иногда неопытный и фелетонный. Образы вообще рѣдки, а потому и неудачные не очень часты („Вечеръ былъ тусклый и непривѣтливый съ лицомъ умирающаго ребенка“)...

Построены весь разсказъ очень примитивно съ неизбѣжнымъ, хотя и скрытымъ, участіемъ самого автора, какъ наблюдателя и повѣствователя, и съ безконечнымъ количествомъ длинныхъ, скучныхъ, мертворозсудочныхъ, а иногда и фальшивыхъ разговоровъ. Лавра все время лишь совсѣмъ внѣшнее мѣсто дѣйствія. Дѣйствующія лица очень часто лишь схематичныя, мертвыя и механическія фигуры, созданныя лишь для того, чтобы принять свою долю участія въ авторскомъ монологѣ...

Викторъ Гюфманъ.

Федоръ Сологубъ. Пламенный кругъ. Стихотворенія. Книга восьмая. Изд. журн. «Золотое Руно». 202 стр. Москва, 1908 г. Ц. 1 р. 25 к. Книга повтореній,—мы читали ее въ томъ, что написано Сологубомъ до нея. Но интересъ въ ней и значительность несомнѣнныя. Она—итоги длиннаго пути. Еще не послѣдніе „да“ или „нѣтъ“,—да и попадаютъ ли они въ литературу, послѣдніе „да“ или „нѣтъ“? Но есть нѣчто къ нимъ примыкающее, что названо Л. Шестовымъ „предпослѣдними словами“, особая зарубежная искренность, когда ужъ ни на что не нуженъ и чуждъ молодой парадъ словъ, ихъ блескъ и опьянѣніе.

Въ этомъ зарубежномъ состояніи человѣку уже не хочется любоваться собой и заставлять любоваться собой другихъ, что такъ свойственно поэтамъ въ молодости.

За рубежомъ,—принимая за рубежъ допитое вино молодости или то, что прежде времени отнимаетъ кубокъ ея отъ нашихъ устъ,—когда покажется земля, по виду такая нерушимая, возникаетъ другая забота:—

гдѣ искать опоры ввиду того, что земля изъ-подъ ногу уходитъ. И тутъ уже не до красоты человѣку. Сологубъ два раза въ „Пламенномъ кругѣ“ перевоплощается въ образъ собаки („Собака сѣдого короля“ и „Высока луна Господня“). Это, конечно, стоитъ въ противорѣчьи съ тѣми сыновними чувствами къ Отцу, которые мы видѣли въ прежнихъ стихахъ Сологуба („только Отецъ мой, да я, больше нѣтъ никого...“, „я маленький мальчикъ Твой, Господи...“ „Только воля Господня и есть“ и т. д.). Но тѣмъ и хороши зарубежныя слова, что изъ страха противорѣчій они не стануть замалчивать того, что есть.

А есть, какъ и раньше было у Сологуба, на ряду съ неискоренимой мечтой о „звѣздѣ Майръ“, планетѣ „Ойле“ и „Лигойскихъ поляхъ“ на ней, гдѣ свершилось все, о чемъ не смѣетъ и мечтать „грѣшная земля“, — тяжкое подозрѣнiе, что такой звѣзды и планеты совсѣмъ не существуетъ.

И когда она овладѣваетъ Сологубомъ, онъ пишетъ:

Томительно молчитъ могила,
Раскрытъ напрасно смрадный слепецъ,
И мертвый ликъ Эммануила
Опять ужасенъ и негѣлъ.

Но между склепомъ Эммануила и Лигойскими полями есть еще много ступеней тоски, полувѣры, полусомнѣнiя и усталого равнодушiя, на которыхъ живутъ многія человѣческiя души и по которымъ, острѣе и горѣче ихъ ощущая, шельъ Сологубъ.

Злое земное томленiе,
Злое земное жите,
Боже ли ты свидѣнiе—
Или ничье?

спрашиваетъ онъ на этихъ ступеняхъ и не осмѣливается отвѣчать. Въ послѣдней книгѣ мы видимъ тѣ же приближiща отъ ужаса пустоты и ничтожества, какiя онъ раньше намѣтилъ. Они озаглавлены: „Волхвованiя“, „Преображенiя“, „Единая воля“. Давно еще онъ нашель, — и это его собственная, интимная дверь, — временный выходъ изъ тюрмы реальнаго существованiя въ вольный мiръ чудеснаго, гдѣ можно „чары дѣять, тихо ворожить“. Тамъ его и теперь ждетъ вѣдьма, шишига, недотыкомка и всякая нежить съ навяхъ тропъ, среди которой ему легче дышать, чѣмъ въ царствѣ мелкаго бѣса повседневности.

Но такъ какъ этотъ его мiръ не менѣе призраченъ, чѣмъ дѣйствительность, прочно въ немъ установиться онъ не можетъ. Идетъ назадъ, — и есть минуты, когда, какъ во времена молодости, онъ надѣется еще на „преображенiе“ черезъ посредство „Блѣдной лилии“, олицетворяющей женственное начало мiра и чуда любви. Но это чудо не свершается. Это опять только ступень и новое томленiе за мигами „короткой радости“ экстазовъ.

Духъ уходитъ въ гордое уединенiе, гдѣ говоритъ (изъ серiи „Единая воля“):

...Во мнѣ лучи. Я весь.—Я только Богъ.

Но ненадолго это убѣжище, и не можетъ оно побѣдить образъ соба лающей на луну, олицетворившей для Сологуба чело вѣчество съ его с хами и молитвами. И у вчерашняго „бога“ вырывается вопль:

Мы плѣнные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ
.....
Что въ звѣринцѣ зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаемъ...

Въ результатѣ этихъ тяжелыхъ взмаховъ въ звѣздѣ Маиръ и тяжелыхъ паденій въ пропасть отчаянія—полосы равнодушія и великой усталости.

Моя усталость выше горъ,
Не для земли ея труды—

говорить поэтъ, и изъ этихъ состояній у него рождаются строки:

Я воскресеня не хочу,
И мнѣ совсѣмъ не надо рая,
Не опечалюсь умирая
И никуда я не влечу.

Но отдохнетъ душа и снова поднимаются ея крылья, потому что суждено ей, пока жива, какъ и всякой живой душѣ,—

„Мечтать
О пресвятой звѣздѣ
Какой не отыскать
Нигдѣ, увы! нигдѣ“.

И эти двѣ послѣднія строчки не могутъ стать послѣдними, потому что мысль, выраженная въ нихъ, быть можетъ лишь результатъ „порочной природы“ жизненныхъ свойствъ человѣка.

И вотъ со стороны, противоположной жизни, встаетъ еще одна надежда, не обманувшая, какъ другія:

...Подруга смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу,
И мнѣ опять мою свободу
Для созиданія отдай...

В. Малахѣева-Мировичъ.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ш. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Переводъ подъ ред. В. А. Поссе. Т. I. и II.— Исторія XIX в. (Западная Европа и внѣевропейскія страны). Подъ ред. проф. Лависса и Рамбо. Переводъ съ дополнительныхъ статьями проф. П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Т. VIII.—*А. Е. Грузинскій.* Литературные очерки.

Шарль Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Переводъ подъ ред. В. А. Поссе. Четвертое иллюстрированное, исправленное и дополненное изданіе т-ва „Знаніе“. Т. I, стр. 482, т. II, стр. 593. Ц. 4 р. за оба тома. Трудъ Сеньобоса хорошо извѣстенъ русскимъ читателямъ и по достоинству оцѣненъ ими, какъ показываютъ постоянно появляющіяся новыя изданія разныхъ переводовъ этого труда на русскій языкъ. Конспективный, но точный и выразительный очеркъ политическаго развитія европейскихъ государствъ, составленный Сеньобосомъ, дѣйствительно является прекраснымъ пособіемъ для первоначальной оріентировки въ новѣйшей исторіи Европы. Вышедшее недавно четвертое изданіе перевода книги Сеньобоса подъ редакціей В. А. Поссе отличается отъ предшествующихъ тѣмъ, что въ немъ впервые введены тѣ части труда Сеньобоса, которыя посвящены исторіи Россіи и Польши. Къ сожалѣнію, мы должны указать на то, что русскій переводъ какъ разъ этихъ именно частей редактированъ весьма неудовлетворительно. Неудивительно, что въ трудѣ французскаго историка эта часть изложена наиболѣе эксцентрично и не безъ фактическихъ промаховъ. Выровнять изложеніе въ смыслѣ болѣе его равномерности и сгладить проскользнувшія въ оригиналѣ неточности было прямымъ дѣломъ редак-

тора русского перевода. Между тѣмъ, переводчикъ не только не сгладил шероховатостей оригинала, но еще прибавилъ къ нимъ кое-что отъ себя, благодаря не совсѣмъ удачной передачѣ нѣкоторыхъ французскихъ фразъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ.

Преобразовательные опыты Сперанскаго при Александрѣ I (II, стр. 25—26) представлены въ такомъ видѣ, что у русскаго читателя, сколько-нибудь знакомаго съ литературой предмета, должно явиться чувство полнаго недоумѣнія: кромѣ трудовъ по подготовкѣ свода законовъ и преобразованію финансовъ Сперанскому приписаны попытки освободить крѣпостныхъ крестьянъ и ничего не сказано о его планѣ ограниченія самодержавія!

Изъ тайныхъ обществъ при Александрѣ I Сеньбосъ знаетъ только три—сѣверное, южное и соединенныхъ славянъ (II, стр. 28), и редакторъ русскаго перевода не считаетъ нужнымъ добавить къ этому списку хотя бы въ примѣчаніи ни союза спасенія, ни союза благоденствія; въ устройствѣ этихъ обществъ авторъ видитъ вліяніе лишь одного образца—итальянскаго карбонариама; ни словомъ не упомянуто даже вліяніе нѣмецкаго тулендбунда. На стр. 31 редакторъ русскаго перевода невозмутимо оставляетъ въ неприкосновенности сообщеніе автора, что въ царствованіе Николая I появились *первыя* оригинальные русскіе писатели. Тутъ же при изложеніи дѣла Петрашевскаго послѣдній ни разу не упомянутъ, хотя названъ Достоевскій. На стр. 34 читатель узнаетъ опять-таки къ своему удивленію, что дворянское землевладѣніе при крѣпостномъ правѣ было исключительно крупнымъ, а черезъ нѣсколько строкъ повторяется безъ всякой оговорки старая сказка о томъ, что русская община впервые была *открыта* Гакстаузеномъ (описаніе общины можно встрѣтить еще у декабристовъ). На стр. 35 выходитъ такъ, что уже въ 1858 г. правительство проектировало *обязательный* выкупъ крестьянами ихъ надѣльной земли. Въ перечисленіи реформъ Александра II совсѣмъ исчезла реформа городского самоуправленія и т. п. Словомъ, изложеніе исторіи Россіи оказывается просто униженнымъ крупными и мелкими ошибками и неточностями, не говоря уже о существенныхъ пробѣлахъ. Преподнести русскому читателю эту часть труда Сеньбоса безъ тщательнаго редактированія текста не было никакой надобности. Мы не сомнѣваемся, что разбираемому переводу предстоитъ еще много изданій и думаемъ, что издатели не исполнятъ своей обязанности передъ читающей публикой, если не озаботятся исправленіемъ соответствующихъ главъ подъ руководствомъ компетентныхъ лицъ.

Къ переводу приложена статья В. А. Поссе „Россія въ царствованіе императора Николая II“. Статья содержательная и въ общемъ довольно объективная, хотя въ изложеніи исторіи двухъ первыхъ Думъ подборъ матеріала отличается нѣкоторою, повидимому, не совсѣмъ случайною неравномѣрностью.

А. Кизеветтеръ.

Исторія XIX вѣка (Западная Европа и внѣевропейскія государства). Подъ редакціей профессоровъ Лависса и Рамбо. Переводъ съ французскаго съ дополнительными статьями профессоровъ П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Т. VI 1907 г. Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“. „Исторія XIX вѣка“ представляетъ коллективный трудъ, вышедшій изъ-пс пера выдающихся французскихъ профессоровъ и ученыхъ; специалисты написаны статьи по социальной и политической исторіи, исторіи нау, литературы и искусства, по исторіи религій. Составители хотѣли, по

димому, освѣтить всѣ стороны политической, соціальной и культурной жизни европейскаго и внѣевропейскаго общества. Русскіе издатели выдѣлили исторію Россіи въ XIX вѣкѣ, посвятивъ ей специальное изслѣдованіе, о которомъ читатели уже встрѣчали отчетъ на страницахъ нашего журнала. Переводъ съ французскаго также представляетъ коллективную работу нѣсколькихъ переводчиковъ; кромѣ того, въ русскомъ изданіи находимъ четыре самостоятельныхъ статьи: „Итоги соціального и политическаго развитія Западной Европы въ XVIII вѣкѣ“, А. К. Дживилегова; „Очерки исторіи развитія соціологическихъ учений“ проф. М. М. Ковалевскаго; „Основные черты исторіи развитія біологіи въ XIX в.“, проф. К. А. Тимирязева и, наконецъ, „Итоги XIX вѣка“, проф. П. Г. Виноградова,—какъ бы сводка всей исторіи XIX вѣка.

Такъ какъ лежащее передъ нами изслѣдованіе—коллективный трудъ различныхъ авторовъ, то и достоинство входящихъ въ него статей далеко не равноцѣнно. Несомнѣнно, наибольшее вниманіе отведено исторіи Франціи: ей посвящено 19 главъ, тогда какъ, напр., исторіи Англіи—всего 4 главы, исторіи Германіи—4, исторіи Италіи—5 статей. Съ какою научностью, полнотою, какъ талантливо изложены главы, посвященные именно Франціи, станетъ понятно, если мы назовемъ только имена авторовъ этихъ статей: проф. А. Оларъ, А. Вандаль, Ш. Сеньобосъ, А. Дебидуръ,—эти имена говорятъ сами за себя. Исторія Англіи очень интересно, живо и съ большимъ литературнымъ талантомъ изложена проф. Э. Сейу; вполне научны и также живо изложены статьи по исторіи Италіи проф. А. Пенго, такъ же, какъ и превосходная статья: „Объединеніе Италіи“ А. Дебидура. Не имѣя возможности подробно остановиться на всѣхъ статьяхъ, вошедшихъ въ изданіе, мы не можемъ однако обойти молчаніемъ того факта, что статьи по исторіи Швейцаріи (проф. Ф. де-Крю) написаны мѣстами въ приподнятомъ, полемическомъ тонѣ, безусловно противорѣчаемъ научной объективности.

Очень интересны главы, знакомящія насъ съ обще-европейской политикой, съ колониальнымъ вопросомъ, глава о территориальныхъ соглашенияхъ; всѣ эти статьи даютъ намъ возможность познакомиться съ политическимъ состояніемъ Европы въ настоящее время. Впрочемъ, не нужно забывать, что „Исторія“ Лависса и Рамбо посвящена именно XIX в., т.-е. доведена до 1900 года, а за послѣдніе годы произошло много перемѣнъ на политическомъ горизонтѣ. Только въ своей заключительной статьѣ проф. Виноградовъ упоминаетъ даже о такихъ недавнихъ событіяхъ, какъ отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи, т.-е. о событіяхъ, перешагнувшихъ уже за рубежъ XIX в. Въ этой статьѣ проф. Виноградовъ, подводя итоги XIX в., намѣчаетъ главные темы, къ которымъ можетъ быть сведена исторія столѣтія. Эти темы: „демократизація политическаго строя, развитіе личнаго начала во всѣхъ областяхъ жизни, исканіе соціальной справедливости и переворотъ въ міросозерцаніи подъ влияніемъ научнаго детерминизма“ (т. VIII, стр. 248).

Переходя къ разсмотрѣнію статей, посвященныхъ культурной исторіи вѣка, мы должны прежде всего обратить вниманіе на то, что только одна французская литература выдѣлена въ самостоятельное изслѣдованіе и представлена рядомъ блестящихъ статей Э. Фагэ. Литература остальныхъ странъ или совершенно не нашла себѣ мѣста на страницахъ разбираемаго труда, или представлена одной-двумя страницами, иногда даже нѣсколькими строками въ главахъ, посвященныхъ исторіи другихъ странъ.

Что касается исторіи искусства, то и здѣсь первенствующее мѣсто

отведено, конечно, Франціи. Такъ, напр., въ отдѣлѣ объ искусствѣ во Франціи находимъ главы: Живопись, Скульптура, Архитектура, Искусство декоративное и промышленное,—а все искусство въ Франціи свомкано въ одну небольшую главу. Но этого мало. Чѣмъ, какъ не патриотическимъ субъективизмомъ можно объяснить подобную оцѣнку германской живописи: „Германскіе живописцы больше отличаются плодovitостью, чѣмъ силой экспрессіи“ (т. VIII, гл. V, стр. 78). И это говорится о такихъ художникахъ, какъ Менцель, Либерманъ, Уде, Бёклингъ, Штуккъ!... Исторіи музыки отведены отдѣльныя главы, русскіе издатели позаботились о томъ, чтобы включить въ свое изданіе спеціальныя главы по исторіи русской музыки, написанныя Ю. Энгелемъ, но почему-то ни русской живописи, ни русской скульптурѣ не нашлось мѣста на страницахъ обширнаго труда. Если принять во вниманіе, что и исторія Россіи выдѣлена въ самостоятельное изслѣдованіе, то покажется крайне страннымъ, почему одна только „русская музыка“ сиротливо пестрѣетъ среди западно-европейскаго искусства.

Статьи по исторіи развитія науки, написанныя проф. П. Таннеро, нѣсколько спеціальны; особенно страницы, на которыхъ изложено развитіе математическихъ наукъ, совершенно недоступны для широкой публики; кромѣ того, среди важнѣйшихъ открытій отсутствуетъ такое, какъ открытіе радія. Развитіе биологическихъ наукъ изложено живѣе и популярнѣе.

Въ приложеніяхъ находимъ интересные матеріалы по исторіи социальнаго движенія: I) Робертъ Оуэнъ, II) Чартизмъ, III) 48 годъ во Франціи. Программа Луи Блана; IV) Программы социалистическихъ партій Западной Европы. Кромѣ того, очень цѣнно, что въ концѣ каждой тома приложена подробная библиографія каждой главы, дающая возможность желающему подробнѣе ознакомиться съ интересующимъ его вопросомъ; а въ концѣ VIII тома общій указатель статей и списовъ иллюстрацій, облегчающій пользованіе книгой.

Переводъ книги, сдѣланный разными переводчиками, какъ всякій коллективный трудъ, также отличается не равными достоинствами, но почти повсюду хорошъ. Внѣшность изданія, бумага, печать не оставляютъ желать ничего лучшаго. Изданіе иллюстрировано множествомъ интересныхъ снимковъ съ картинъ историческаго содержанія и портретовъ выдающихся дѣятелей вѣка. Нѣкоторые портреты, какъ напр., Шиллера, Гёте, Бисмарка, Маркса, Лассалья, выдающихся музыкантовъ—прямо превосходны. Жаль только, что иллюстраціи далеко не всегда подобраны къ тексту, что особенно относится къ портретамъ писателей и художниковъ.

О. Рудченко.

А. Е. Грузинскій. Литературные очерки. М., 1908 г. 302 стр. Ц. 1 руб. Эта книга, посвященная литературѣ, раньше всего привлекательна тѣмъ, что она пронизана духомъ литературы и говоритъ именно о ней. Это—большое преимущество въ наше время, когда всякія „исторіи литературы“ на самомъ дѣлѣ занимаются вовсе не ею, а ма ксизмомъ, экономикой, дарвинизмомъ, политикой—чѣмъ угодно, толь не своей дѣйствительной темой, и чувствуется, что ихъ авторы—за тр девять земель отъ поэзіи и словесности, совсѣмъ равнодушны къ ней просто не понимаютъ искусства. Не то вѣетъ со страницъ А. Е. Грузинскаго, исполненныхъ гуманизма и ровной, но глубокой привязанности къ художественному слову и къ музыкѣ (одна изъ наиболѣе содержательныхъ главъ книги характеризуетъ Глинку). Написанныя яркимъ

очень изящнымъ въ своей простотѣ языкомъ, онѣ, эти красивыя страницы, такъ сказать, имманентны своему предмету; и онѣ принадлежать тому, кто имѣлъ право ихъ написать,—любителю и знатоку.

Большинство очерковъ трактуется о русской словесности, но есть и этюды о Дантѣ, Шиллерѣ, Гейне, Иоаннѣ Амброзіусѣ (въ сопоставленіи съ русской народной поэтессой Ириной Ѳедосовой). Если статьи, разбирающія творчество Данта и Шиллера, отличаются нѣкоторой элементарностью, то глава о Гейне даетъ болѣе тонкую и свѣжую характеристику. Лучшей частью книги является прекрасный этюдъ о Толстомъ. Здѣсь яркими и сильными штрихами намѣчена писательская личность нашего духовнаго богатыря, вышукло очерчена эволюція его воззрѣній и выяснено его значеніе для нашей словесности и общественной жизни. Характерно, что интересъ къ послѣдней далеко не чуждъ нашему автору, и это лишній разъ показываетъ, что то вниманіе къ литературѣ *an und für sich*, которое мы выѣнили г. Грузинскому въ особую заслугу, вполне совмѣстимо съ настроеніями гражданскими. Анализъ поэзіи Жуковскаго, вдумчивый и всесторонній, не помѣшалъ критику признать, что воспитаніе будущаго Царя-Освободителя составляетъ центръ связи Жуковскаго съ русской жизнью. Искренней любовью къ писателю согрѣта изящная характеристика Тургенева; много цѣннаго фактическаго матеріала дано въ статьѣ „Къ исторіи Записокъ охотника“.

Къ числу достоинствъ книги принадлежит юмористическій духъ автора, сослужившій ему особенную службу тамъ, гдѣ приходилось набрасывать картинки быта, изображать, напримѣръ, матримоніальную роль фортепіано въ старой помѣщичьей семьѣ; когда Дуня, о которой разсказалъ намъ Пушкинъ, своими романсами („И запишетъ она — Богъ мой! — „Прийди въ чертогъ ко мнѣ златой“) достигала своей единственной цѣли, т. е. когда она выходила замужъ, то „фортепіано, благополучно сыгравъ свою партію въ этомъ домашнемъ концертѣ, захопывалось, обрасталю пылью и тихонько дремало и дряхлѣло у стѣнки помѣщичьей зальцы, пока у хозяйки не подрастали дочери“ (стр. 169).

Въ общемъ эта умная, простая, спокойная книга, если и не открываетъ новыхъ горизонтовъ и оригинальныхъ перспективъ на литературныя явленія, то во всякомъ случаѣ можетъ принести большую пользу и большое удовольствіе какъ учащимся, такъ и всѣмъ любителямъ слова.

Ю. Айхенвальдъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Н. Карѣвъ. Введеніе въ изученіе соціологіи.

Н. Карѣвъ. Введеніе въ изученіе соціологіи. Изд. 2-е. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 75 к. Стр. XXI + 451. „Введеніе“ представляетъ изъ себя резюме и систематизацію взглядовъ, высказывавшихся проф. Карѣвымъ ранѣе въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, „Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи“, „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ“ и рядѣ журнальныхъ статей, напечатанныхъ позднѣе въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“. Цѣлью автора при выпускѣ въ свѣтъ настоящей книги, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ ея первому изданію *), было „дать лицамъ, интересующимся соціологіей, общее руко-

*) Второе изданіе отдѣлено отъ перваго промежуткомъ въ 10 лѣтъ и не пред-

водство, которое помогло бы имъ ориентироваться въ социологической литературѣ, познакомило бы ихъ съ важнѣйшими вопросами, въ ней поставленными, позволило бы имъ критически отнестись къ рѣшеніямъ, какія получали эти вопросы у разныхъ писателей“ (XIV). Какъ видно изъ этихъ словъ, у проф. Карѣва не было намѣренія излагать свою собственную социологическую теорію; своей главной задачей онъ ставилъ очеркъ главнѣйшихъ социологическихъ направленій, особенно тѣхъ, „которые нашли представителей въ Россіи“ (XVIII).

Но авторъ не уклоняется отъ критической оцѣнки излагаемыхъ теорій съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ социологическихъ взглядовъ; особенно много критическихъ замѣчаній въ книгѣ проф. Карѣва тамъ, гдѣ ему приходится полемизировать съ противниками субъективнаго направления въ социологіи. Являясь горячимъ сторонникомъ этого направленія, авторъ высоко ставитъ заслуги русской социологической школы, подвергшей, по его мнѣнію, самостоятельному и глубокому толкованію проблемы субъективизма въ социологіи. Законный социологическій субъективизмъ въ глазахъ проф. Карѣва опредѣляется не отрицаніемъ возможности научно-объективнаго изученія человѣческаго общежитія, не привнесеніемъ утилитарнаго или эмоціональнаго элемента въ науку, а тѣмъ, что этимъ субъективизмомъ подчеркивается необходимость вниманія къ человѣческой личности при изученіи исторіи общества и требуется дополненіе теоретическаго отношенія къ человѣку, при которомъ личность и общество возбуждаютъ къ себѣ только научный интересъ, отношеніемъ этическимъ. Поэтому свой субъективизмъ проф. Карѣвъ противопоставляетъ не научному объективизму, требующему полного безпристрастія при изученіи явленій общественной жизни, а „игнорированію мыслей, чувствъ и настроеній человѣческой личности, мотивовъ ея дѣятельности, производимой имъ оцѣнки социальныхъ фактовъ“ и прочихъ явленій человѣческой психологіи; онъ протестуетъ противъ пониманія общественныхъ явленій, какъ „чисто внѣшнихъ формъ, яко бы лишенныхъ подобно матеріальнымъ вещамъ всякаго внутренняго содержанія“ (стр. 325). Признавая за общественными явленіями не одну матеріальную (экономическій матеріализмъ), но и психическую основу, проф. Карѣвъ считаетъ для социологовъ болѣе важнымъ изученіе психологическихъ, а не космическихъ (Спенсеръ) или биологическихъ (Дарвинъ) основаній человѣческаго общежитія. Поэтому онъ особенно настаиваетъ на важности для социологовъ изученія психологіи какъ индивидуальной, такъ и коллективной.

Подчеркивая повсюду значеніе индивидуальности при изученіи культурныхъ и социальныхъ формъ, авторъ считаетъ личность самостоятельной единицей и отстаиваетъ ея независимость отъ подчиненія социальной необходимости, рѣшительно расходясь въ этомъ случаѣ съ экономическимъ матеріализмомъ. Свобода индивидуальной воли, которую защищаетъ проф. Карѣвъ, конечно, понимается имъ не въ смыслъ возможности безпричинныхъ и произвольныхъ дѣйствій; онъ допускаетъ освобожденіе личной воли только отъ подчиненія социологическимъ законамъ, т. е. законамъ развитія общества, которые не могутъ подчинить себѣ всѣхъ поступковъ человѣка и оставляютъ извѣстный остатокъ области чувствъ и мыслей человѣка, свободный отъ всякаго воздѣйствія

ставляетъ почти никакихъ измѣненій сравнительно съ первымъ, кромѣ послѣдней главы, посвященной современному состоянію социологіи и значительно дополненной и обновленной.

на него со стороны общества, но тѣмъ не менѣе подчиняющійся дѣйствию психологической или біологической необходимости. Не все, по мнѣнію проф. Карѣва, въ жизни человѣка мотивируется тѣмъ, что онъ членъ общества,—многое объясняется просто тѣмъ, что онъ человѣкъ вообще, подчиняющійся дѣйствию обще-психологическихъ законовъ, или же тѣмъ, что онъ живое существо, подчиняющееся законамъ біологіи. Поэтому, въ глазахъ автора, „соціологическіе законы не устраняютъ дѣйствія законовъ психологическихъ и біологическихъ, и соціальная необходимость постоянно нарушается вторженіемъ въ нее результатовъ необходимости психологической и біологической“ (стр. 312).

Затѣмъ проф. Карѣвъ отстаиваетъ свободу личности отъ подчиненія классовому самосознанію и въ этомъ отношеніи также является рѣшительнымъ противникомъ экономическаго матеріализма; онъ не мирится съ мыслью, что историческій процессъ заключается исключительно въ одной борьбѣ классовъ, которые выступаютъ въ этой борьбѣ коллективно, причемъ источникъ мышленія заключается не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ той соціальной атмосферѣ, которой дышатъ члены каждой классовой группы; онъ высказываетъ сомнѣніе, „можетъ ли личность вообще быть только продуктомъ, можетъ ли группа или классъ вообще поглотить личность безъ остатка и... не замѣчается ли еще борьбы личности противъ чрезмѣрныхъ притязаній группы или класса“ (стр. 310—311). Это сомнѣніе онъ въ дальнѣйшихъ мѣстахъ книги рѣшаетъ въ пользу личности, по его мнѣнію, личность изъ пассивнаго элемента соціальной организаціи, изъ носителя безсознательно впитавшихся въ нее уже готовыхъ идей и настроеній все болѣе превращается въ активную силу, творящую тотъ общественный механизмъ, составной частью котораго она сама является.

Затѣмъ субъективизмъ проф. Карѣва заключается въ томъ, что онъ не безразличенъ къ вопросу о томъ, какимъ должно быть общество; при этомъ совершенство общества онъ видитъ не въ тѣхъ или иныхъ объективныхъ признакахъ (наприм., обобществленіе труда у марксистовъ или перехода отъ безсвязной однородности къ связанной разнородности у Спенсера), а „въ соответствіи общественныхъ формъ съ разумными и справедливыми требованіями личностей, составляющихъ общество“. Это приводитъ его къ требованію этическаго отношенія въ соціологіи къ личностямъ и общественнымъ формамъ, возникающимъ въ историческомъ процессѣ. Съ этой точки зрѣнія въ глазахъ проф. Карѣва нѣтъ противорѣчій между этическимъ субъективизмомъ и научнымъ объективизмомъ, такъ какъ оба эти направленія, смотря на одинъ и тотъ же соціологическій процессъ съ разныхъ точекъ зрѣнія (одно—съ теоретической, а другое—съ нравственно-практической) не мѣшаютъ одно другому и могутъ только другъ друга дополнять. Въ другомъ мѣстѣ авторъ идетъ еще дальше и утверждаетъ, что нравственно-практическое отношеніе къ личности теоретически неустранимо изъ соціологіи, потому что этический элементъ присущъ человѣческой природѣ, и какъ бы мы ни стремились свести соціологію на одно лишь объективное изученіе, этическое отношеніе къ изучаемому матеріалу вторгнется въ нее подъ тѣмъ или инымъ видомъ. Авторъ указываетъ на то, что наиболѣе ревнивые сторонники соціологическаго объективизма, такъ называемые экономическіе матеріалисты, примыкаютъ въ Германіи къ той самой партіи, которая имѣетъ вполне опредѣленный общественный идеалъ, съ точки зрѣнія котораго они оцѣниваютъ все предыдущее историческое развитіе человечества. И это въ глазахъ проф. Карѣва вполне естественно, такъ

какъ моральный и соціологическій индифферентизмъ не можетъ имѣть мѣста въ душѣ человѣка, интересующагося общественной жизнью, каковымъ необходимо является всякій соціологъ.

Еще одной изъ характерныхъ чертъ субъективизма проф. Карѣва (и другихъ русскихъ соціологовъ) является отрицательное отношеніе къ теоріи невмѣшательства людской воли въ естественное развитіе человѣческаго общества и убѣжденіе, что процессу общественныхъ измѣненій можно ставить извѣстныя цѣли и направлять усилія къ достиженію этихъ цѣлей. Практическая задача соціологіи и должна заключаться въ указаніи средствъ и способовъ прогрессивной общественной дѣятельности. Но указать средства практической дѣятельности невозможно, если не имѣть яснаго представленія о томъ, что должно являться конечнымъ результатомъ историческаго процесса, т.-е. если не опредѣлить конечныхъ цѣлей практической дѣятельности, направленной къ осуществленію этическаго идеала. Изъ этого требованія указать конечную цѣль историческаго развитія авторъ выводитъ необходимость для соціолога построить ту или иную теорію прогресса, такъ какъ всякая теорія прогресса заключается въ опѣнкѣ всего историческаго прошлаго человечества съ точки зрѣнія того или другого этическаго, экономическаго, юридическаго или политическаго идеала.

Въ бѣглой замѣткѣ не мѣсто входить въ разборъ этическаго субъективизма проф. Карѣва. Замѣтимъ только, что въ основѣ его разсужденій лежитъ одна презумпція, истинность которой является сомнительной для очень многихъ. Именно онъ предполагаетъ, что этическое отношеніе къ явленіямъ соціальной жизни можетъ и должно быть вполне чуждо духа пристрастія, вызываемаго тѣми или иными политическими, общественными или культурными симпатіями соціологовъ. Это было бы такъ, если бы сами этическіе принципы, съ точки зрѣнія которыхъ, по требованію проф. Карѣва, долженъ разсматриваться историческій процессъ, были вѣчны, обладали абсолютной цѣнностью и не измѣнялись бы подъ вліяніемъ политическихъ, культурныхъ и общественныхъ условий мѣста и времени; если же эти условія накладываютъ извѣстный отпечатокъ на этическіе принципы и сообщаютъ имъ характеръ, благоприятный интересамъ извѣстной общественной группы или согласный съ преобладающимъ міровоззрѣніемъ даннаго времени, то въ такомъ случаѣ совмѣстить требованія этическаго субъективизма и научнаго объективизма окажется невозможнымъ, ибо принципы этики, сложившіеся въ данную эпоху и въ данной общественной средѣ, наложить печать пристрастія къ общественнымъ идеаламъ времени и среды, въ которой они вырабатывались, на всякое соціологическое построеніе, написанное въ духѣ этическаго субъективизма, и отклонять его отъ требованій научнаго объективизма.

Другое дѣло, если существуютъ вѣчныя, неизмѣнныя этическіе принципы, независимые отъ временныхъ, мѣстныхъ и групповыхъ симпатій авторовъ. Тогда научный объективизмъ, дѣйствительно, можетъ бы *дополненъ*, а не *искаженъ* этическимъ субъективизмомъ. Но въ такомъ случаѣ проф. Карѣвъ долженъ былъ бы заявить себя сторонникомъ вѣчности этическихъ принциповъ и представить доказательства вѣрности этого взгляда, чего онъ не дѣлаетъ.

Книга проф. Карѣва можетъ быть полезна въ двухъ отношеніяхъ во-первыхъ, она даетъ читателямъ очень ясное представленіе о развитіи и современномъ состояніи соціологіи, какъ науки. Громадная эрудиція автора даетъ ему возможность представить полную и почти исчерпыва-

щую характеристику не только важнѣйшихъ, но и второстепенныхъ социологическихъ теорій. Во-вторыхъ, проф. Карѣевъ самостоятельно ставитъ очень много важныхъ социологическихъ вопросовъ и тѣмъ вызываетъ у читателей интересъ къ ихъ разрѣшенію. Умѣнье автора заинтересовать читателя въ социологическихъ проблемахъ составляетъ едва ли не самую главную заслугу его книги, и потому ее можно рекомендовать не только тѣмъ, кто интересуется социологіей, но и широкой публикѣ.

Къ книгѣ приложенъ систематическій указатель сочиненій, имѣющихъ то или иное отношеніе къ социологическимъ вопросамъ, обнимающій нѣсколько сотъ названій. Для удобства пользования авторъ расположилъ названія и въ систематическомъ порядкѣ (по извѣстнымъ рубрикамъ) и въ алфавитномъ.

В. Перцевъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Л. Усовъ. Преданіе и факты (къ еврейскому вопросу). — *В. Ө. Томошаницъ.* Сельско-хозяйственные кооперации.

М. Л. Усовъ. Преданіе и факты (къ еврейскому вопросу). Спб., 1908 г. Стр. 85. Ц. 20 к. Эпиграфомъ къ своей живо и интересно составленной книжкѣ г. Усовъ выбралъ слова Салтыкова-Щедрина: „Относительно еврейскаго вопроса ходятъ въ совершенныхъ потемкахъ, не имѣя о немъ никакихъ фактовъ, кромѣ преданія, давно уже утратившаго смыслъ, но доселѣ сохранившаго свою живость“. Больше двадцати лѣтъ тому назадъ была высказана эта мысль, а между тѣмъ и теперь она не утратила ни на іоту своего значенія. „Преданіе“ еще болѣе, чѣмъ когда-либо, виситъ Домокловымъ мечомъ надъ головами русскихъ евреевъ, а фактовъ, которые бы противоборствовали ему, такъ же мало, какъ и раньше. Если двадцать лѣтъ тому назадъ мы ходили „въ совершенныхъ потемкахъ“ относительно еврейскаго вопроса, то теперь эти потемки сгустились еще болѣе, потому что политическая борьба послѣднихъ лѣтъ выбросила на общественно-политическую арену множество лицъ, для которыхъ „жидотрепательство“ составляетъ единственное средство къ существованію, содержаніе всей ихъ дѣятельности. Въ старые годы нашъ російскій антисемитизмъ декретировался въ участіи, былъ однимъ изъ видовъ административнаго усмотрѣнія, то былъ антисемитизмъ полицейскій. За послѣднее время антисемитское движеніе приняло у насъ политическій характеръ, становится однимъ изъ элементовъ общественной жизни, факторомъ экономической борьбы. Всѣ наши правыя партіи не консервативны (до этого мы еще политически не доросли), а реакціонны, и весь смыслъ своей дѣятельности полагаютъ прежде всего въ травлѣ евреевъ. Антисемитская печать, которая раньше сводилась къ двумъ-тремъ изданіямъ, представлена теперь цѣлымъ рядомъ столичныхъ и провинціальныхъ органовъ. Брошюрная литература того же характера исчисляется сотнями названій, отпечатанныхъ въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Погромные агитаторы изъ числа добровольцевъ и наемныхъ людей не переводятся. Общественная атмосфера насыщается враждой и ненавистью. „Преданіе“, о которомъ говорилъ великій сатирикъ, тщательно культивируется, вкореняется, распространяется.

Поэтому нельзя не привѣтствовать книжки г. Усова. Она даетъ то, въ чемъ особенно нуждается русское общество въ области еврейскаго

вопроса: факты. Авторъ послѣдовательно перебираетъ всѣ обычно выдвигаемыя противъ евреевъ обвиненія и анализируетъ ихъ при свѣтѣ объективной дѣйствительности. Онъ дѣлитъ эти обвиненія на три категоріи: религіозно-этическая, экономическая и социальна-политическая.

Еврейская мораль ниже христіанской, этическое ученіе Библии стоитъ ниже ученія Евангелія, Талмудъ и Шулханъ-Арухъ учатъ евреевъ враждебному отношенію къ христіанамъ, евреи употребляютъ христіанскую кровь: такія и имъ подобныя заявленія дѣлаются сплошь и рядомъ на страницахъ юдофобскихъ изданій. Г. Усовъ останавливается на каждомъ изъ нихъ и внимательно разбираетъ его. Цитатами изъ Библии выясняетъ онъ возвышенный характеръ моральнаго ученія Стараго Завета, словами Владиміра Соловьева выясняетъ истинный смыслъ ученія Талмуда, приводитъ мнѣніе Германа Штрака, ревностнаго христіанина и знатока еврейской письменности, объ этическомъ элементѣ въ еврейской религіи. Но какъ ни интересны всѣ эти ссылки на авторитеты и первоисточники, они не такъ убѣдительны, какъ цифры, заимствуемыя имъ изъ матеріаловъ по уголовной статистикѣ. Вѣдь не моралью Библии или Талмуда живутъ современные евреи, и тѣмъ паче не ученіемъ Евангелія руководятся въ своихъ поступкахъ христіане: абсурдомъ было бы отождествлять мораль современнаго общества—христіанскаго или еврейскаго безразлично—съ заветами Библии или Евангелія. Несравненно лучший способъ оцѣнки моральнаго уровня какой-либо части населенія—уголовная статистика. И г. Усовъ цитируетъ интересное мѣсто изъ официальнаго изданія министерства юстиціи „Итоги русской уголовной статистики за 20 лѣтъ (1874—1894)“. Евреи отличаются весьма слабымъ развитіемъ всѣхъ преступленій, соединенныхъ съ насиліемъ: преступленія противъ жизни, нанесеніе побоевъ и другія преступленія противъ личности, истребленіе и насильственное похищеніе имущества даютъ среди осужденныхъ іудейскаго вѣроисповѣданія наименьшій процентъ. Зато бродяжество и нарушенія правилъ о паспортахъ (преимущественно послѣднія), преступленія противъ нравственности—въ менѣе тяжелыхъ формахъ и мошенничества представлены максимальными отношеніями среди іудеевъ“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи официальное изданіе констатируетъ, что почти треть всѣхъ еврейскихъ преступленій падаетъ на нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій. „Процентъ рецидивистовъ (элемента въ нравственномъ отношеніи самаго безнадѣжнаго) среди еврейскихъ преступниковъ,—пишетъ г. Усовъ,—составляетъ 19,5%, въ то время, какъ среди русскихъ онъ достигаетъ 23,4%, а татаръ—даже 35,6%. Въ Германіи, гдѣ матеріалы уголовной статистики разработаны тщательнѣе, чѣмъ у насъ, наивысшій показатель преступности даетъ католическое населеніе, средній—протестантское, низшій—іудейское. Въ преступленіяхъ противъ личности относительное участіе евреевъ выражается отношеніемъ 1 : 108 христіанамъ, въ преступленіяхъ имущественныхъ 1 : 118.

Интересныя данныя приведены г. Усовымъ относительно ростовщичества евреевъ. Обвиненія еврейскаго населенія въ эксплуатаціи христіан и особенно крестьянъ—обычная тема антисемитской прессы. Г. Усовъ приводитъ данныя официальныхъ источниковъ относительности размѣра характера задолженности крестьянскихъ обществъ различныхъ губерній И что же оказывается? Въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости крестьяне платятъ значительно меньшій процентъ еврею-ростовщику, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ своему односельчанину-кулаку или помѣщику. Такъ, въ Карачевскомъ уѣздѣ размѣръ процентовъ колеблется между 60 и 100 и даже болѣе; въ Малоархангельскомъ доходитъ до 120%

въ Калужской отъ 1 до 12%, въ мѣсяць, въ Саратовской займы заключаются крестьянскими обществами у сосѣднихъ помѣщиковъ подъ весення и лѣтня работы, при чемъ иногда послѣднія оцѣниваются на 20—25% ниже рыночныхъ цѣнъ; въ чертѣ же осѣдлости, въ Бессарабѣ, напримѣръ, средний размѣръ роста—12—24 годовыхъ. Официальное изслѣдованіе, изъ коего г. Усовъ заимствуетъ свои свѣдѣнія (Существующій порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ съ крестьянъ, изд. мин. фин. 1894—5 г.) констатируетъ, что во многихъ губерніяхъ крестьяне заключаютъ займы у евреевъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ у односельчанъ. Напримѣръ, въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ евреи взимаютъ 10—24% годовыхъ, христіане 3—4 въ мѣсяць.

Прямыхъ выводовъ изъ обвиненія евреевъ въ эксплуатаціи окружающаго ихъ населенія должно было бы быть несомнѣнно большій экономическій упадокъ крестьянскаго сословія черты осѣдлости по сравненію съ его положеніемъ во внутреннихъ губерніяхъ. Дѣйствительность же свидѣтельствуетъ о противоположномъ. Въ губерніяхъ черты казенныя недоимки составляли, согласно тѣмъ же официальнымъ даннымъ, въ Виленской губ. 3,9% окладной суммы сборовъ, въ Гродненской 4,3%, въ Ковенской 5%, въ Могилевской 4,8%, въ Витебской 1,8%, въ Минской 0%, въ Кіевской 4,5%, въ Подольской 9,5%, въ Волынской 4,6%, въ Черниговской 1%, въ Полтавской 0,7%, тогда какъ въ Курской 61%, въ Тульской 118%, въ Орловской 133%, въ Нижегородской 223%, въ Самарской 473% и т. д.

Въ книгѣ г. Усова читатель найдетъ много интересныхъ свѣдѣній о занятіяхъ евреевъ, ихъ участіи въ самыхъ тяжелыхъ, изнуряющихъ отрасляхъ труда, свѣдѣнія, въ достаточной мѣрѣ опровергающія нерѣдко раздающіяся обвиненія евреевъ въ отвращеніи къ производительному труду, къ тяжелой работѣ.

Тѣ, кто слѣдитъ за преніями въ Государственной Думѣ, читалъ навѣрное рѣчи Родичева и Пергамента по вопросу объ отбываніи евреями воинской повинности, этому кардинальному вопросу общественно-политической стороны еврейской проблемы. Авторитетные представители думской оппозиціи представили достаточныя доказательства того, насколько голословны и лживы заявленія гг. Замысловскихъ и Половцевыхъ объ уклоненіи евреевъ отъ несенія повинности крови. Г. Усовъ подробно останавливается на этомъ вопросѣ, и въ его книгѣ читатель найдетъ лишь развитіе тѣхъ мыслей, которыя были высказаны талантливыми ораторами парламентской фракціи кадетовъ.

Къ сожалѣнію, мало вниманія удѣляетъ г. Усовъ вопросу объ участіи еврейскаго населенія въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи. Какъ извѣстно, реформы 90-хъ годовъ изгнали евреевъ изъ сферы самоуправления на томъ основаніи, что они якобы оказали на него вредное вліяніе. Въ чемъ выразилось это вліяніе, составители проектовъ новаго земскаго и городского уложенія объяснить не потрудились, между тѣмъ если бы они дали себѣ трудъ справиться съ мнѣніями на этотъ счетъ лучшихъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, они услышали бы совершенно иные отзывы. Въ свое время повременная печать зарегистрировала эти мнѣнія, и для тезы г. Усова же было полезно собрать ихъ въ своей интересной книгѣ.

Съ большимъ интересомъ прочтетъ читатель страницы книги г. Усова, посвященныя вопросу о еврейской обособленности. Рядомъ соображеній историческаго и бытового характера авторъ выясняетъ, какой большой грѣхъ и въ этомъ отношеніи лежитъ на нашемъ уродливомъ

законодательствѣ о евреяхъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ попутно о тѣхъ полицейскихъ условіяхъ, въ которыхъ приходится жить у насъ огромной массѣ еврейскаго населенія, будутъ для многихъ читателей настоящимъ откровеніемъ: настолько они своеобразны, употребляя мягкое выраженіе, и неизвѣстны русскому человѣку.

Мы далеко не исчерпали всего содержанія книги г. Усова, но и то, что нами изложено, достаточно, полагаемъ, свидѣтельствуемъ, насколько оно интересно. Написана она легко и живо. Издана заботливо. Цѣна недорогая. Нельзя не пожелать ей самаго широкаго распространенія.

Стеллингъ.

В. Ө. Тотоміанць. Сельско-хозяйственная кооперація. Очерки съ приложеніемъ уставовъ. Изд. М. И. Семенова. Спб., 1908 г. 368 стр. Ц. 2 р. Г. Тотоміанць при всякомъ случаѣ подчеркиваетъ свое марксистское сredo. Тѣмъ интереснѣе то отношеніе къ кооперативному движенію вообще и къ сельско-хозяйственной коопераціи въ особенности, которое послѣдовательно проходитъ черезъ его „очерки“. Задачи марксистовъ по отношенію къ мелкому крестьянству г. Тотоміанць резюмируетъ фразой изъ Энгельса, которую онъ взялъ эпиграфомъ для своей книги: „наша задача по отношенію къ мелкимъ крестьянамъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы ихъ частное производство и частную собственность перевести въ товарищескую“. Исходная точка, какъ видитъ читатель, та же, что и у нашихъ ортодоксальныхъ социаль-демократовъ. Но слѣдствія, которыя г. Тотоміанць выводитъ изъ этого основного положенія, совершенно иныя. Наши ортодоксальные социаль-демократы, исходя изъ выраженной въ цитированныхъ словахъ Энгельса точки зрѣнія, готовы привѣтствовать все, что, по ихъ мнѣнію, способствуетъ поглощенію мелкой крестьянской земельной собственности крупною, вообще мелкаго производства крупнымъ, такъ какъ этимъ ускоряется предугазанный Марксомъ процессъ социальнаго развитія къ социализму черезъ капитализмъ. Г. Тотоміанць безконечно далекъ отъ такого способа мышленія. „Понятно,—говоритъ онъ по одному частному случаю,—марксистамъ пріятно въ трестахъ то, что они мелкое производство превращаютъ въ крупное,—но это не менѣе скоро и болѣе пряличнымъ путемъ дѣлаетъ кооперація, которую Э. Давидъ, Ф. Герцъ, В. Черновъ, А. Чупровъ, А. Анцыферовъ и другіе извѣстные ученые ошибочно считаютъ способомъ сохранить мелкую собственность. Правда,—продолжаетъ г. Тотоміанць,—кооперація не сразу поглощаетъ такую собственность. Она объединяетъ сперва только нѣкоторыя функціи сельскаго хозяйства, но ея конечною цѣлью несомнѣнно является соединеніе въ одно также и отдѣльныхъ клочковъ земли“ (210—211). Въ оцѣнкѣ историко-социальнаго значенія коопераціи г. Тотоміанць сходится, такимъ образомъ, съ нашими социаль-народниками: кооперація дорога ему потому, что, „идя съ такою быстротой, какъ, напримѣръ, въ Германіи, она скоро приведетъ къ настоящей социализаціи обштва. Совмѣстная продажа и покупка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ создастъ новую социальную форму, которая будетъ прелюдией къ социалистическому обществу“ (83). Цѣль книги г. Тотоміанца—показать, „что сдѣлано социалистами въ область сельско-хозяйственной коопераціи“ (3). Это не мѣшаетъ ему однако полнымъ безпристрастіемъ и сочувствіемъ относиться къ тому гораз большому, что сдѣлано въ этой области помимо социалистовъ и, въ зичительной мѣрѣ, вопреки социалистамъ. Описывая ермонскій кооперативный конгрессъ, онъ весьма сочувственно говоритъ о „коллективномъ

творчествѣ на благо всего народа“ и о заслугахъ въ дѣлѣ усовершенствованія кооперативной организаціи сельской и городской интеллигенціи“, и подчеркиваетъ то „странное совпаденіе обстоятельствъ, что инициаторами кооперативнаго кредита въ Италиі были Лупцати и Воллембургъ— „оба евреи, оба бывшіе министры финансовъ, оба либералы“ (111—112). Въ видѣ эпиграфа къ главѣ о земледѣльческихъ кружкахъ въ Польшѣ г. Тотоміанецъ приводитъ цитату изъ Крживицеаго: „несмотря на то, что консерваторы приняли дѣятельное участіе въ земледѣльскомъ кооперативномъ движеніи, оно само по себѣ—элементъ прогресса и важный факторъ, подмывающій индивидуалистическую рутину“ (152); „главѣ о социалистической кооперации въ бельгійской деревнѣ“ онъ предпосылаетъ эпиграфъ изъ Вандервельде: „сколько бы ни поручали кооперативныя предпріятія покровительству Мадонны полей или св. Исидора, они тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ революціонный зародышъ“,—революціонный, конечно, не въ смыслѣ „битья стекла“, а въ смыслѣ революціонизированія индивидуалистическихъ основъ общественной организаціи (139, 141). Неудивительно, что взгляды г. Тотоміанца оказались не ко двору нашимъ, русскимъ ортодоксамъ; неудивительно, что одинъ изъ вошедшихъ въ книгу очерковъ былъ отвергнутъ „влиятельнымъ членомъ редакціи“ одного изъ ежемѣсячныхъ органовъ нашей ортодоксіи, „повидимому заподозрившимъ въ статьѣ отклоненіе отъ марксизма“, а между тѣмъ „этотъ очеркъ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и появился въ ортодоксально-марксистскомъ органѣ Каутскаго *Neue Zeit*. (3—4). Куда же, въ самомъ дѣлѣ, Каутскому выстоять противъ *нашей*, россійской ортодоксіи!

Въ этомъ далекомъ отъ русско-марксистской ортодоксіи отношеніи автора къ кооперативному движенію—главный интересъ разсматриваемой книги. По своей, такъ сказать, фактурѣ она представляетъ мало выдающагося. Нѣсколько странно намъ кажется, прежде всего, основная идея г. Тотоміанца—собрать исключительно то, что сдѣлано *социалистами* въ области сельско-хозяйственной кооперации,—идея, которой авторъ, къ чести его, совершенно не выдерживаетъ: въ его книгѣ мы находимъ гораздо больше о кооперативномъ движеніи вообще, чѣмъ въ частности о социалистической кооперации. Затѣмъ и обработка матеріала оставляетъ желать многого: книга г. Тотоміанца—это собраніе отдѣльныхъ очерковъ или статей, большинство которыхъ представляютъ собой не что иное, какъ либо рефераты о книгахъ или статистическихъ изданіяхъ, либо корреспондентскія замѣтки съ кооперативныхъ съѣздовъ и конгрессовъ. Если бы въ предисловіи не было категорическаго заявленія автора, что за исключеніемъ одного изъ очерковъ, ранѣ напечатаннаго въ *Образованіи*, все остальное появляется въ печати въ первый разъ (3—4), можно было думать, что книга г. Тотоміанца—не что иное, какъ собраніе по разнымъ случаямъ писанныхъ журнальныхъ и даже скорѣе газетныхъ статей, до такой степени многіе изъ этихъ очерковъ производятъ впечатлѣніе необработанности и случайности, до такой степени они изобилуютъ не въ мѣру длинными цитатами и болѣе или менѣе бесполезными въ книгѣ, хотя умѣстными въ корреспонденціи, подробностями. Нельзя не отмѣтить недостаточной разборчивости г. Тотоміанца въ подборѣ матеріала для характеристики интересующихъ его явленій и теченій. Въ одномъ мѣстѣ г. Тотоміанецъ съ нѣсколькими наивнымъ восторгомъ рассказываетъ, какъ участники кремонскаго конгресса „подъ звуки социалистической музыки“ двинулись для осмотра кооперативныхъ учрежденій (180). Эти послѣднія, можетъ быть, и очень интересны,—но какая

же это „соціалистическая музыка“, и чѣмъ она отличается отъ не соціалистической музыки безчисленнаго множества существующихъ въ Германіи, Франціи и Италіи мелкихъ оркестровъ, играющихъ при всякихъ торжественныхъ случаяхъ? Въ другомъ онъ рассказываетъ объ одномъ алжирскомъ якобы „взаимно-трудовомъ товариществѣ“, которое обрабатываетъ землю... „посылая на нее дольщиковъ-туземцевъ со всѣми орудіями на два дня“, и такимъ образомъ, по снятіи жатвы, „получаетъ значительную сумму почти безъ всякихъ издержекъ“ (72). Или г. Тотоміанецъ очень плохо описалъ организацію этого товарищества, или оно такое же „взаимно-трудовое“... ну, хоть какъ та испольщина, которая безъ всякой „взаимности“ практикуется во многихъ изъ нашихъ помѣщичьихъ имѣній: хорошая взаимность, когда туземцы работаютъ, а товарищество... получаетъ деньги „почти безъ всякихъ издержекъ“.

Тѣмъ не менѣе, книжка г. Тотоміанца будетъ прочтена съ интересомъ всякимъ интересующимся кооперативнымъ движеніемъ: для малоосвѣдомленнаго она будетъ интересна немалымъ количествомъ разбросанныхъ по ея страницамъ яркихъ картинокъ кооперативнаго движенія и кооперативной организаціи,—интересующійся вопросомъ болѣе спеціально почерпнетъ изъ нея нѣкоторое количество полезнаго фактическаго матеріала.

А. Кауфманъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1908 г.

- Ашъ, Шоломъ.** Разказы и пьесы. Слб., 1908 г. Стр. 257. Ц. 1 р.
- Бекетовъ, К. К.** Рѣчи химика. Слб., 1908 г. Стр. 176. Ц. 60 к.
- Брянчаниновъ, Н.** Скитанія. Моск., 1908 г. Стр. 160. Ц. 2 р.
- Будинъ, Л.** Теоретическая система Карла Маркса въ свѣтъ новѣйшей критики. Пер. съ англ. подъ ред. В. И. Засуличъ. Слб., 1908 года. Стр. 283. Ц. 1 р. 50 к.
- Vademesum (Иди за мной!).** Сборникъ правилъ и условій поступленія въ уч. зав. В. П. М., 1908 года. Стр. 429. Ц. 1 р.
- Вахтеровы, В. и Э.** Миръ въ разказахъ для дѣтей. Первая послѣ буквара книга для класснаго чтенія въ нач. училищахъ. Для инородцевъ. М., 1908 г. Стр. 180. Ц. 30 к.
- Всеобщая бібліотека:** 1) *Сервантесъ, М.* Донъ Кихотъ Ломанчскій. 2) *Шекспиръ, Вильямъ.* Гамлетъ принцъ датскій. 3) *Люго, Викторъ.* Избранныя стихотворенія. 4) *Грибодовъ, А. С.* Горе отъ ума. 5) *Грановскій, Т. Н.* Четыре характеристики. 6) *Никольскій, В. А.* Морозовщина. 7) *Базенъ, Ренэ.* Умиращая земля. Цѣна каждаго выпуска 10 коп. Изд. акц. общ. типограф. дѣла въ С.-Петербургѣ.
- Грузенбергъ, Семень.** Пессимизмъ, какъ вѣра и міропониманіе. М., 1908 г. Стр. 65.
- Даманская, А.** Разказы. М., 1908 г. Стр. 208. Ц. 85 к.
- Дворъ, Д. А.** Наши Шекспиръ и Гёте. Слб., 1908 г. Стр. 137. Ц. 60 к.
- Деникинъ, А.** Русско-китайскій вопросъ. Варшава, 1908 года. Стр. 55. Ц. 75 к.
- Дюбрейль, Луи.** Коммуна 1871 года. Т. XII. Слб., 1908 года. Стр. 218. Ц. 75 к.
- Елистратовъ, А. И.** Проблемы общ. обезпеченія дѣтства. Казань, 1908 г. Ц. 15 к.
- Зигвартъ, Христофъ.** Логика. Т. I. Слб., 1908 г. Стр. 481. Ц. 2 р. 50 к.
- Кауфманъ, А. А.** Русская община въ процессъ ея зарожденія и роста. М., 1908 г. Стр. 455. Ц. 2 р. 50 к.
- Аграрный вопросъ въ Россіи. М., 1908 г. Стр. 166. Ц. 40 к.
- Коганъ, П.** Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. М., 1908 г. Стр. 256. Ц. 1 р.
- Копельманъ, А.** Чѣмъ должна быть коллективная психологія. Одесса, 1908 г. Стр. 51. Ц. 35 к.
- Лазаревскій, А.** Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783 гг.). Кіевъ, 1908 г. Стр. 108. Ц. 75 к.
- Невъжинъ, П.** Въ бою. М., 1908 г. Стр. 383. Ц. 1 р.
- Оппенгеймеръ, К.** Начала неорганической химіи. Слб., 1908 г. Стр. 154. Ц. 1 р.
- Отчетъ о дѣятельности союза обществъ помощниковъ врачей за 1907 г. Годъ 2-й.** М.
- Первая трудовая артель горнорабочихъ Урала.** Пермь, 1908 г.
- Петерсонъ, К.** Краткое руководство къ разведенію плодовыхъ деревьевъ въ южной половинѣ Россіи. Слб., 1908 г. Стр. 161. Ц. 65 к.
- Петровъ, А. Н.** Къ лѣтописному сказанію о славянск. грамотѣ. Слб., 1908 г.
- Пироговъ, П.** Арцыбашевъ, какъ художникъ и мыслитель. М., 1908 годъ. Стр. 30. Ц. 30 к.

- Португаловъ, А. В.** Что дѣлаетъ Владим. губ. земство для улучшенія мѣстн. сельск. хозяйства. Владиміръ, 1908 г.
- Ржигя, Э.** Синтаксисъ русскаго языка. Изд. 2-е. М., 1908 г. Стр. 82. Ц. 25 к.
- Робинсонъ, Л.** Историко-философскіе этюды. В. I. Спб., 1908 г. Стр. 53. Ц. 80 к.
- Рыжаковъ, Н. П.** Въ тылу. М., 1908 г. Изд. книгоиздательства „Основа“. Стр. 159. Ц. 50 к.
- Сборникъ „Знаніе“.** Т. XXIII. Спб., 1908 г. Стр. 369. Ц. 1 р.
- Сеньобостъ, Шарль.** Политическая исторія. Т. I. Стр. 482. 4-е изд. Т. II. Стр. 590. 4-е изд. Ц. за 2 тома 4 р. Спб. 1907 г.
- Скалозубовъ, Н.** Сельско-хозяйственный музей при народной школѣ. Спб., 1908 г. Стр. 144. Ц. 65 к.
- Смирновъ, Ив.** Заступники народные. И. С. Тургеневъ, Н. А. Некрасовъ. М., 1908 г. Стр. 273. Ц. 1 р. 25 к.
- Солдатовъ, В.** Объ удобреніи почвы. Спб., 1908 г. Стр. 74. Ц. 30 к.
- Тарновскій, В.** Индивидуализмъ и социализмъ. Стр. 90. Библ. самообр. В. IV. — Революція и нравственность. Стр. 95. Библ. самообр. В. VIII. Спб., 1908 г.
- Толстой, Л.** Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ евангелій. Т. I. Ц. 75 к. Т. II и III. Ц. 1 р. 50 к. М., 1908 г.
- Замѣч. мыслителя всѣхъ временъ и народовъ: Паскаль: Богъ. Ц. 10 к. Кантъ: Разумъ. Ц. 10 к. Чаннингъ В.: Божеств. природа души. Ц. 12 к. Ламењ: Единеніе. Ц. 10 к. Мадзини: Свобода. Ц. 10 к. М., 1908 г.
- Тулинъ, Григорій.** На разсвѣтѣ. Лирика рабочаго. Изд. безработ. 2-е. Спб., 1908 г. Стр. 70. Ц. 35 к.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: Сборникъ т-ва „Знаніе“. Кн. XXIII.—*Θ. Солмоубъ.*
Пламенный кругъ. Стихотворенія 167

Исторія, исторія литературы: *III. Семьобъ.* Политическая исторія современной Европы. Переводъ подъ ред. В. А. Поссе. Т. I и II.—Исторія XIX в. (Западная Европа и внѣевропейскія страны). Подъ ред. проф. Лависса и Рамбо. Переводъ съ дополнительными статьями проф. П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Т. VIII.—*А. Е. Грузинскій.*
Литературные очерки 171

Соціологія: *Н. Картевъ.* Введеніе въ изученіе соціологіи 175

Публицистика: *М. Л. Усовъ.* Преданіе и факты (къ еврейскому вопросу).—*В. Θ. Тотоміанцъ.* Сельско-хозяйственные коопераціи 179

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1908 г.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ВНИМАНЮ ШИКАРНЫХЪ ЖЕНЩИНЪ.
ВЫСШАЯ КОСМЕТИКА.

Идеальный, неподражаемый кремъ для лица

КРЕМЪ-ЭМАЛЬ.

(Трижды премированное изобрѣтеніе Гефтера.)

Лондонъ, 1906 г., высшая награда (Grand prix). Мадридъ, 1907 г., высшая награда (Grand prix). Брюссель, 1905 г., золотая медаль. Золотая медаль III очередной выставки (1907 г.) Полубояриновскаго сельско-хозяйственнаго общества.

„Кремъ-Эмаль“ (разрѣшен. московскимъ врачами. управлен.)—послѣднее слово научной косметики. Новѣйшее произведеніе прелестнаго запаха. Никогда не портится. Не содержитъ вредныхъ для кожи веществъ, придаетъ лицу необычайную свѣжесть, предупреждаетъ появленіе морщинъ, устраняетъ красноту кожи. „Кремъ-Эмаль“ придаетъ лицу аристократическій неподражаемо-матовый видъ и бархатистую вѣжность.

Красота женщины—ея могучая и властная сила, красота покоряетъ и гипнотизируетъ, но старость—могла красоты... Старость кожи лица, старость, наводящая на (такъ украшающихъ нашу планету) женщинъ паническій ужасъ, морозными обручами сжимающая ихъ головки и сердца, старость, придающая лицу видъ злобѣщей маски (и завитыя морщинка, за ней другая, третья, борозда ляжетъ поперекъ лба), ужасная неумолимая старость кожи лица перерождается „Кремъ Эмалью“.

ДАМЫ БАЛЬЗАКОВСКАГО ВОЗРАСТА!

Переживая сумерки жизни, тотъ сатанинскій возрастъ, когда бѣдное сердце ваше, обманутое живымъ призракомъ юности, тѣшитъ себя иллюзіей, что оно можетъ еще извѣдать радости любви, но слишкомъ поздно чувствуетъ, что... некому отвѣтить ему любовью,—прибѣгайте къ спасительному для васъ палліативу: „Кремъ-Эмали“.

„Кремъ - Эмаль“ облагораживаетъ лицо,

укрѣпляетъ ослабѣвшія, дряхлыя ткани, сглаживаетъ отвѣслыя щеки и двойной подбородокъ и радикально уничтожаетъ всѣ эстетическіе дефекты кожи лица.

При каждой банкѣ прилагаются: 1) Иллюстрированное приложеніе, заключающее въ себѣ способъ употребленія „Кремъ-Эмали“ и схему правильнаго массажа лица по новѣйшей англійской методѣ. 2) Собственноручно написанные отзывы о „Кремъ-Эмали“ княгини М. А. Трубецкой, артистки Императорскихъ театровъ Е. И. Грачевской, графа де-Шамборантъ. 3) Превосходные, исполненные фототипическимъ способомъ портреты 2-хъ элегантныхъ и шикарныхъ дамъ фешенебельнаго общества, дѣвъ лица которыхъ служатъ лучшей похвалой „Кремъ-Эмали“. 4) Портретъ изобрѣтателя „Кремъ-Эмали“. 5) Оригинальный рисунокъ павильона, въ которомъ экспонировался „Кремъ-Эмаль“.

Каждая банка (средн. и больш.)—великолѣпная художественная вещьца (objet de luxe).

Цѣна малой банки	2 р. 50 к.
„ 1 средн. банки	3 „ 50 „
„ 1 больш. „	5 „ — „
„ 3 „ „	10 „ — „

Пересылка и упаковка 1, 2 или 3-хъ банокъ—50 к.

Высылаются за наличныя (можно почтовыми марками, но въ заказномъ письмѣ) или наложеннымъ платежомъ.

СЪ ТРЕБОВАНИИМЪ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, Тверская, Леонтьевскій пер. (близъ Никитской), д. Сорокоумовской, кв. № 7 (подъездъ съ улицы), **Александрѣ Гефтеру**. Телефонъ 149—15.

Всѣмъ своимъ кліенткамъ практически демонстрирую совершенно безвозмездно 1 сеансъ массажа лица. Лица, желающія получить заказъ возможно скорѣе, благоволятъ сослаться на это объявленіе.

Состоящіе въ вѣдѣніи Минист. Народ. Просв.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ

(средне-учебное заведеніе для взрослыхъ обоого пола),

учрежд. преподават. 9-й гимназіи А. Н. ПОПОВЫМЪ.

Преподаваніе ведется по программамъ казенныхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Приемные экзамены съ 21-го августа. Приемъ прошеній на I и II курсъ ежедневно 6—8 час. веч. Подробныя свѣдѣнія о курсахъ выдаются въ канцеляріи и высылаются за 7 коп. марками. Канцелярія курсовъ временно помѣщается въ Старокоюшенномъ пер., д. № 49.

Плата 80 руб. въ годъ.

НАШИ ПРЕПАРАТЫ—не плодъ наскоро составленныхъ рецептовъ, а годами испытанныя и благотворно дѣйствующія средства, въ которыхъ нѣтъ животныхъ жировъ и вредныхъ для здоровья веществъ, за что вполне ручаемся.

Вотъ что пишетъ жена доктора медицины.

„Благодарю за „Кремъ Ростень“, которымъ пользуюсь двѣ недѣли. Несмотря на короткій срокъ, замѣчаю быстрое улуч. цвѣта лица и нѣжность кожи. Такіе результаты не достигнуты ни однимъ изъ употребляемыхъ мною кремовъ. Жена доктора *И-а*“. „Послѣ „Крема Ростень“ исчезли прыщи и желтыя пятна, не проходившіе отъ другихъ употребляемыхъ кремовъ русскихъ и заграничныхъ изготовленій, и т. д. *Н. Вит-з*“.

CRÈME ROSTIN Laboratoire chimique Rostin. Milan, Berlin, Moscou.

Одобренный врачами, поразительно дѣлбно дѣйствующій на кожу, придающій ей здоровый цвѣтъ, свѣжесть и красоту.

Уничтожаетъ веснушки, морщины, красноту, пятна, угри, прыщи, потъ и перхоть. Отъ ожоговъ, обвѣтриванія, обмороживанія и загара.

КРЕМЪ РОСТЕНЬ

химической лабораторіи Ростень, Москва, Петровскія Ворота, 125—23. Выс. нал. плат. Цѣна коробки 2 и 3 руб., пробная—1 руб. Продается вездѣ. Имѣется также: пудра „Викторія“, оздоравливающая кожу и такого же превосходнаго свойства, какъ и „Кремъ“—1 р. коробка. Зубной порошок—50 коп. коробка. Мазь отъ ревматизма—2 р. банка. „КРЕМЪ РОСТЕНЬ“ № 8 (коричневая мазь) отъ лишаявъ, прыщей, угрей, зуда и прочихъ видовъ ЭКЗЕМЫ. Цѣна коробки 2 руб.

„ЖЕЛУДОЧНЫЯ КАПЛИ“ отъ тошноты, при разстройствѣ желудка, обморочнаго состоянія, боли подъ лопаткой, возбуждаютъ аппетитъ и придаютъ энергію и бодрость. Весьма полезно взрослымъ принимать ежедневно по двѣ капли на рюмку водки, что дѣлаетъ ее ароматичной и дѣлбной. Необходимы въ каждой семьѣ. Предохраняютъ во время эпидеміи отъ желудочныхъ заболѣваній. Флаконтъ 75 коп.

При заказѣ просьба ссылаться на „Русскую Мысль“.

XL г. изд.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

XL г. изд.

НА ЖУРНАЛЫ

4 р. 50 к.
безъ пере-
смыки.

ЮНАЯ РОССИЯ

5 руб.
съ пере-
смыкой.

(„Дѣтское Чтеніе“).

ежемесячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Сороковой годъ изданія.

Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ учебныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по положенію 1872 года, училища и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

Въ 1908 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) дастъ:

12 ежемѣсячныхъ книжекъ,

а также бесплатныя приложенія: 1) Избранные рассказы для семьи и школы Л. Н. Толстого. 2) Избранные рассказы для школы и семьи Бретъ-Гарта. 3) Сказки Оскара Уальда. 4) Очеркъ исторіи Польши,—профес. А. Л. Погодина (со многими рисунками).

Вышла августовская книга журнала „Юная Россія“ за 1908 г.

Содержаніе: I. Л. Н. Толстой. Портретъ на отдѣльномъ листѣ. II. Левъ Николаевичъ Толстой. П. Брюнова. Съ рисунками. III. Путеводный малекъ. Стихотвореніе А. Доброхотова. IV. Война и миръ. Л. Н. Толстого. Съ рисунками: 1) Семья Болконскихъ. 2) Именины у Ростовыхъ. 3) Отступленіе русской арміи и ея расположеніе. 4) Батарея Тушина. 5) Госпиталь. 6) Письмо отъ сына Ростова. 7) Приѣздъ Ростова домой. 8) Наполеонъ наканунѣ Бородинской битвы. 9) Наполеонъ во время Бородинской битвы. 10) Кутузовъ во время Бородинской битвы. 11) Послѣдствія Бородинской битвы. 12) Выѣздъ Ростовыхъ изъ Москвы. 13) Почему отдали Москву. 14) Наполеонъ на Поклонной горѣ. 15) Французы въ Москвѣ. 16) Партизанская война. 17) Смерть Пети Ростова.

1 р. 75 к. ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. 2 р. съ перес. безъ перес. рѣсмыкой.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Сороковой годъ изданія.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ библиотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальенъ.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

Адресъ редакціи Москва, Большая Молчановка, д. № 24.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: за страницу 40 руб., за 1/2 страницы 20 руб.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы; 2) Учительская библиотека; 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковский пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 30 руб.; за $\frac{1}{2}$ страницы 25 и 15 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ известной книгѣ такое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, лоты эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Продолжается подписка на 1908 г.

(ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Русская Мысль.

ПОДЪ ОБЩИМЪ РЕДАКТОРСТВОМЪ

А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ф. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гресса, А. С. Изюева, А. А. Кауфмана, Б. А. Кистляковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Условія подписки (безъ гербового сбора):

Съ доставкою и пере-сылкою	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не поздне 10 числа cadaго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, идѣ имѣтъ почтовыхъ учреждений.

Жалобы на несправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 2.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Гостинный дворъ со стороны Невскаго, д. 19.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатики.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Трудъ“, Дерибасовская, 25.

Редакторъ А. А. КИЗЕВЕТТЕРЪ.

Издатели: А. А. Кизеветтеръ и П. Б. Струве.

